КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

Историческій журналъ.

ГОДЪ ДВАДЦАТЬ ПЯТЫЙ.

ТОМЪ XCIII.

1906 г.

МАЙ – ИЮНЬ.

КІЕВЪ.
Типографія И. А. Гирячъ, Трехсвятительская улица, собственный домъ № 14
1906.

Библиотека "Руниверс"

СОДЕРЖАНІЕ.

Отдѣлъ I.

I ОТНОШЕНІЕ ВЕЛИКОРУССКИХЪ СОЦІАЛИСТОВЪ 70-хъ ГОДОВЪ КЪ НАРОДНО-ФЕДЕРАЛЬНОМУ НАПРАВЛЕНІЮ . . . . . 1—42

II ВОСПОМИНАНІЯ И АВТОБІОГРАФІЯ ОДЕССКАГО ПРОТОІЕРЕЯ НИКОЛАЯ ИВАНОВИЧА СОКОЛОВА. (Продолженіе). . . . . 43—62

III ИЗЪ ВОСПОМИНАНІЙ О ХАРЬКОВСКОМЪ УНИВЕРСИТЕТѢ КОНЦА 40-хъ ГОДОВЪ. *П. И. Сокальскій.* 63—71

IV ИЗЪ ЖИЗНИ УЧЕБНЫХЪ ЗАВЕДЕНІЙ ЮГО-ЗАПАДНАГО КРАЯ ВЪ 1840-хъ ГОДАХЪ. *О. Терлецкій* 72—87

V ЖИТТЯ І ТВОРИ ВИКТОРА ЗАБІЛИ. *В. Мурашко* . 88—178

IV ТЕМНОТА *Ю. Будзко* . . . . . 178—183

VII НЕ В РУКУ . . . . . 184—190

VIII ОТЧЕТЪ О ПРИСУЖДЕНІИ ПРЕМІИ Н. И. КОСТОМАРОВА . . . . . 191—230

Отдѣлъ II.

I БИБЛІОГРАФІЯ: Д. И. а) Яворницкій. Наша доля—Божа воля. Повѣсть. *Д-ко;* б) Украинскіе весняки. Записавъ Ив. Демченко. *Вячеславъ Тимошенко.* . . . . . 1—5

II ДОКУМЕНТЫ, ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ. а) Къ исторіи матеріальнаго положенія малороссійскаго духовенства въ 18 вѣкѣ Сообщ. *Ив. П-ко;* б) Разведеніе табаку въ Малороссіи въ 1700 годахъ. Сообщ. *Ив. П-ко;* в) Къ исторіи Кіево-Софійскаго собора. Сообщ. *Ив. П-ко;* г) Къ народной демонологіи Сообщ. *Вячеславъ Каминскій;* г) Непонятная тревога. *О. Л.;* д) Стихотвореніе семьянаго украинца половины XVIII ст. *Г. К.;* е) Матеріалы долгіе по матеріалам, записанных в с. Отаках. Сообщ. *В. Яблоновскій* ж) Изъ прошлаго Полтавщины: 1) Жалоба еврейскаго раввина въ думу о несоблюденіи евреями обрядовъ; 2) Договоръ между мѣщанами о добровольномъ поступленіи въ рекруты за плату. Сообщ. *П. Фр. Павловскій* 6—21

ТЕКУЩІЯ ИЗВѢСТІЯ . . . . . 22—50

Библиотека "Руниверс"

КІЕВСКАЯ СТАРИНА.

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ДВАДЦАТЬ ПЯТЫЙ.

ТОМЪ XCIII.

1906 г.

МАЙ-ІЮНЬ.

Кіевъ.
Типо-литографія Т-ва Н. А. Гиричъ. Трехсвятительская у., № 14.
1906.

Библиотека "Руниверс"

Отношеніе великорусскихъ соціалистовъ 70-хъ годовъ къ народно-федеральному направленію.

Въ № 3—4 нашего журнала мы помѣстили нѣсколько главъ изъ труда М. П. Драгоманова „Историческая Польша и великорусская демократія“, озаглавивъ ихъ „М. Бакунинъ и русскіе прогрессисты 60-хъ годовъ въ вопросѣ о польско-украинскихъ отношеніяхъ“. Дальнѣйшимъ развитіемъ этого вопроса является освѣщеніе тѣхъ взглядовъ, которые обнаружились въ 70-е годы, когда къ вопросамъ политическимъ присоединились вопросы соціальные. М. П. Драгомановъ въ послѣдующихъ главахъ подробно характеризуетъ отношенія великорусскихъ соціалистовъ этого періода къ вопросу о федерализмѣ вообще и о роли Украины. Ввиду особаго интереса къ федерализму, обнаруживающемуся въ современныхъ общественныхъ теченіяхъ въ русской жизни, считаемъ умѣстнымъ привести эти главы изъ вышеназваннаго труда М. П. Драгоманова.

То, что случилось съ народно-федеральнымъ направленіемъ и вмѣстѣ съ тѣмъ съ раціональнымъ отношеніемъ къ Польшѣ въ великорусскомъ политическомъ движеніи 60-хъ годовъ, повторилось и въ соціальномъ движеніи 70-хъ годовъ. И здѣсь народно-федеральное направленіе, такъ ясно и энергически провозглашенное Бакунинымъ, очень скоро потускнѣло и уступило мѣсто государственно-централистическому. Мы не будемъ останавливаться на подробномъ изслѣдованіи причинъ такой эволюціи, между прочимъ и потому, что нѣкоторыя изъ этихъ причинъ уже указаны, или намѣчены нами выше. Главною причиною и

Библиотека "Руниверс"

тутъ была фатальная наслѣдственность и оппозиція тѣхъ привычекъ мысли и дѣйствія, въ которыхъ воспитала общество исторія государства въ періодъ централизаціи. Въ добавокъ же именно послѣ усмиренія польскаго возстанія система централизаціи въ Россіи еще болѣе усилилась и налегла тяжелымъ гнетомъ не только на административную жизнь областей, но и на ихъ жизнь нравственную, съ гораздо болѣе рафинированными пріемами, чѣмъ въ прежнее время: въ 1863 году были запрещены украинскія книги педагогическаго содержанія; въ 1864 году великорусскій языкъ былъ признанъ единымъ языкомъ школьнымъ въ Россіи собственно; съ 1866 г., даже вопреки мѣстному положенію 1864 г., началось вытѣсненіе польскаго и другихъ народныхъ языковъ изъ школы въ Царствѣ Польскомъ; рядомъ съ тѣмъ поднялась борьба съ остатками народныхъ языковъ въ школахъ Кавказа, и вообще во всѣхъ школахъ имперіи, кромѣ отчасти остзейскихъ губерній, воспреобладала, вмѣстѣ съ министерствомъ графа Толстого, всеобрусительная катковщина, которая стремилась пролѣзть даже въ автономную Финляндію. Всякое напоминаніе о чемъ-либо мѣстномъ, своеобразномъ и автономномъ стало строго преслѣдоваться не только въ школѣ, но и въ печати, и даже въ театрѣ и разговорахъ, о чемъ мы могли бы привести десятки анекдотовъ изъ собственныхъ наблюденій и опытовъ въ Кіевѣ и Петербургѣ. Молодыя поколѣнія должны были воспитываться въ убѣжденіи, что Россія не только „едина и недѣлима“,—какъ гласитъ надпись, сочиненная для памятника Богдану Хмельницкому,—но даже „единообразна“.[1]) Вотъ эти то именно поколѣнія и выступили на сцену въ соціалистической оппозиціи 70-хъ годовъ, и было бы противоестественно, если бы они не захватили съ собою изъ школы того духа, въ какомъ ихъ воспитывали. Отдѣлаться отъ этого духа, узнать, что Россія вовсе не единообразна, они могли только посредствомъ собственнаго изученія, часто по источникамъ, а на это, во-первыхъ, нужно было особенное время, а, во-вторыхъ, именно 70-е годы были эпохою, когда въ русской молодежи воцарилось, между прочимъ и при помощи прокламацій Бакунина, нерасположеніе къ науч-

[1]) Интересно, что слова „Богдану Хмельницкому единая, недѣлимая Россія“, явный переводъ съ якобинскаго „une et indivisible“, предложены были извѣстнымъ реакціонеромъ, тайнымъ совѣтникомъ М. Вл. Юзефовичемъ.

Библиотека "Руниверс"

нымъ занятіямъ, понятное, какъ реакція катковско-толстовской „учобѣ“, но тѣмъ не менѣе крайне вредное для всѣхъ жизненныхъ интересовъ страны и въ томъ числѣ для силы соціальной оппозиціи. Отъ этого отсутствія научнаго образованія молодежь поддавалась вліянію самыхъ простыхъ формулъ, наиболѣе носившихъ характеръ догматовъ, а также вліянію лицъ, провозглашавшихъ эти формулы. Въ довершеніе всего, выборъ этихъ лицъ, вожаковъ для кружковъ молодежи, сильно сократился, и калибръ ихъ понизился даже сравнительно съ 60-ми годами: лучшіе люди изъ оппозиціи этихъ 60-хъ годовъ, такіе какъ Чернышевскій, Добролюбовъ, были удалены со сцены. Людей же, которые, какъ Герценъ или Бакунинъ, при активномъ темпераментѣ, соединяли въ себѣ большое и разностороннее образованіе съ большимъ жизненнымъ опытомъ, съ наблюденіемъ Россіи, — и столицъ и провинцій (послѣднее хотя бы благодаря ссылкѣ), — и Западной Европы, и въ 60-е годы не появилось. Новымъ вожакамъ оппозиціи въ 70-е годы, такимъ образомъ, неизбѣжно пришлось, вмѣсто выработки самостоятельной программы, наиболѣе приложимой для различныхъ народовъ Россіи и въ то же время согласной съ самыми передовыми ученіями, выведенными изъ политическихъ уроковъ Запада, просто скопировать самыя простыя изъ формъ оппозиціонной жизни этого Запада, которыя наиболѣе намозолили глаза и уши. Такими формами были для политической оппозиціи французское якобинство, а для соціальной — нѣмецкая соціальная демократія, обѣ централистическія, и обѣ пробуемыя на странахъ въ 10—12 тыс. квадратныхъ миль, а нѣмецкая соціальная демократія даже въ странѣ съ почти одинаковымъ національнымъ составомъ (38 милліоновъ нѣмцевъ, $2^1/_2$ милл. поляковъ, 150000 литовцевъ, 60000 чеховъ и 150000 лужицкихъ сербовъ).

Изъ всѣхъ западноевропейскихъ соціалистическихъ партій на Россію всего болѣе оказала вліянія партія нѣмецкая, что объясняется какъ тѣмъ, что въ послѣдніе годы эта партія обладала такими сильными умами, какъ Марксъ, Энгельсъ, Лассаль, сочиненія которыхъ стали подкладкою идей русскихъ соціалистовъ, такъ и по ближайшему сосѣдству, особенно для петербуржцевъ и, наконецъ, по большому количеству евреевъ, которые приняли столь значительное участіе въ соціалистическомъ движеніи въ Германіи и Россіи, и которые, особенно евреи сѣверозападныхъ губерній, составили элементъ, естественно связывающій русскихъ соціалистовъ съ нѣмецкими.

Библиотека "Руниверс"

Кромѣ своей болѣе или менѣе централистической государственности, понятной еще въ такой странѣ, какъ Германія, но совсѣмъ неприложимой къ Россіи, нѣмецкіе соціалисты имѣютъ, а особенно имѣли нѣсколько времени тому назадъ, и свои спеціальные взгляды на польскій вопросъ, тоже довольно естественные съ ихъ точки зрѣнія, но тоже совсѣмъ не отвѣчающіе дѣйствительному положенію вещей, которое, казалось бы, должно было быть видно въ Россіи лучше, чѣмъ въ Германіи. Эти взгляды нѣмецкіе соціалисты пробовали провести и среди соціалистовъ всей Европы и Америки, соединенныхъ въ Международное Общество Рабочихъ. Какъ извѣстно, нѣмецкій кружокъ Маркса принималъ участіе въ польскомъ движеніи 1863 г., при чемъ Марксъ хлопоталъ объ образованіи особаго нѣмецкаго легіона при пособіи отъ изгнаннаго брауншвейгскаго герцога. [1]) Затѣмъ самую идею объ образованіи Международнаго Общества Рабочихъ кружокъ Маркса предложилъ на Лондонскомъ митингѣ 28 сентября 1864 г., который былъ созванъ для заявленія сочувствія тогдашнему польскому возстанію. Предварительный комитетъ, который долженъ былъ приготовить вопросы для рѣшенія на будущемъ первомъ конгресѣ Международнаго Общества, гдѣ кружокъ Маркса пользовался такимъ вліяніемъ, поставилъ на очередь въ ряду общихъ соціально-экономическихъ вопросовъ (о капиталѣ и трудѣ, о рабочемъ днѣ, о женской работѣ и т. д.) и такой совсѣмъ частный и національно-политическій вопросъ, какъ о „необходимости уничтожить вліяніе русскаго деспотизма въ Европѣ посредствомъ приложенія права народовъ располагать самими собою и посредствомъ возстановленія Польши на началахъ демократическихъ и соціальныхъ“. По этому вопросу возникло на конгрессѣ Интернаціонала 1866 г. въ Женевѣ весьма интересное разногласіе между делегаціями французскою и нѣмецкою. Въ словахъ первой явно видно вліяніе Прудона, который, какъ анархистъ, рѣшительно высказался противъ польскаго возстанія 1863 г., въ противность всему тому, что говорилось тогда всѣми представителями французской демократіи. Вотъ какъ передаетъ протоколъ засѣданій женевскаго конгресса Международнаго Общества вышеупомянутое разногласіе делегацій французской и нѣмецкой по польскому вопросу: „Делегація французская

---

[1]) См. объ этомъ въ „Историческомъ Вѣстникѣ“, 1881, № 1. 80, извлеченіе изъ записокъ Лапинскаго, начальника морской экспедиціи въ пользу польскаго возстанія, въ которой участвовалъ и Бакунинъ.

Библиотека "Руниверс"

высказываетъ мнѣніе, что по этому вопросу не должно быть никакого голосованія и что конгрессъ долженъ ограничиться заявленіемъ о томъ, что онъ противникъ всякаго рода деспотизма во всякой странѣ и что онъ не входитъ въ разборъ столь сложныхъ вопросовъ, какъ національные. Нужно желать и требовать свободы (l'emancipation) въ Россіи, какъ и въ Польшѣ, и отвергнуть старую политику, которая противополагаетъ народы одни другимъ. Мнѣніе большинства конгресса склонялось явственно къ предложенію французовъ. Тогда попросилъ слова г. Беккеръ. Онъ выразилъ сожалѣніе, что конгресъ не рѣшаетъ ничего по этому вопросу. Русская имперія служитъ постоянною угрозою противъ цивилизованныхъ обществъ Европы; Польша служила бы для нея преградою. Собраніе вотировало уничтоженіе постоянныхъ армій, но ихъ нельзя будетъ уничтожить въ Европѣ, пока Польша не будетъ возстановлена. Онъ прибавляетъ, что польскій вопросъ есть вопросъ европейскій, но который интересуетъ Германію спеціально, такъ что его можно назвать въ извѣстномъ отношеніи нѣмецкимъ вопросомъ. Онъ, Беккеръ, предлагаетъ поэтому, чтобы къ протоколу приложена была декларація въ такомъ смыслѣ, подписанная всѣми членами нѣмецкими и другими, которые раздѣляютъ это мнѣніе".

Въ такомъ духѣ, узко государственно-національномъ, не разъ высказывались о Польшѣ и Беккеръ, и Марксъ, и Либкнехтъ.[1]) Выше мы напоминали, что недавно Бебель высказался въ такомъ же родѣ о необходимости положенія нѣмецкой преграды славянской волнѣ и въ Австріи. Въ основѣ такихъ заявленій лежитъ ветхозавѣтное чувство самомнѣнія (Uebermuth) и нерасположеніе къ славянамъ, которыхъ представительницею и защитницею въ Германіи считаютъ Россію, чувство, которое проявляется у нѣмцевъ и относительно поляковъ, когда ихъ разсматриваютъ независимо отъ отношеній ихъ къ Россіи. [2]) Но у нѣмецкихъ ре-

---

[1]) Въ 1880 г. г. Беккеръ былъ приглашенъ предсѣдательствовать на митингѣ въ Женевѣ, созванномъ польскимъ кружкомъ, который объявилъ, что отнынѣ должно замѣнить крикъ: „да здравствуетъ Польша!" крикомъ: „да здравствуетъ Интернаціоналъ!" Означаетъ ли это, что г. Беккеръ измѣнилъ свои взгляды, мы не знаемъ, но гг. Марксъ, Энгельсъ и др. бывшіе члены главнаго совѣта Интернаціонала прислали для митинга письмо, въ которомъ настаиваютъ на сохраненіи стараго крика: „да здравствуетъ Польша!"

[2]) Интересно, какъ говоритъ объ этой ненависти нѣмцевъ къ славянамъ Герценъ: „Есть ограниченные умы и узкія народныя ненависти, которыхъ убѣдить я не берусь: они ненавидятъ не разсуждая. Возьмите, — чтобъ не гово-

Библиотека "Руниверс"

волюціонеровъ, выступившихъ на сцену около 1848 г., изложенное субъективное отношеніе къ Польшѣ и Россіи имѣетъ себѣ значительное оправданіе. Въ 1848 году германскимъ демократамъ пришлось бороться вооруженно съ прусскимъ войскомъ, силы котораго возстаніе поляковъ должно было во всякомъ случаѣ раздѣлить, слѣдовательно, демократы нѣмецкіе и поляки являлись во всякомъ случаѣ союзниками въ „борьбѣ съ общимъ врагомъ". Наконецъ, Германія соприкасается только съ дѣйствительно польскими провинціями, а тѣхъ провинцій исторической Польши, въ которыхъ поляки являются сами угнетателями, въ противность всякому „праву народовъ располагать сами собою", нѣмецкіе демократы наглядно не видятъ и, при извѣстномъ пренебреженіи къ народамъ негосударственнымъ и съ государственной точки зрѣнія „некультурнымъ", очень легко могутъ и не хотѣть видѣть.

Но, повторяемъ, то, что болѣе извинительно въ Германіи, менѣе извинительно въ Россіи; и, однако, нѣмецкая постановка польскаго вопроса въ Интернаціоналѣ нашла себѣ сочувствіе и въ извѣстной части великорусскихъ соціалдемократовъ, которые начали организоваться въ кружки около 1870 г. подъ вліяніемъ извѣстій о конгрессахъ Интернаціонала.

Впрочемъ, и вообще въ самихъ понятіяхъ объ Интернаціоналѣ въ Россіи произошло крупное недоразумѣніе. Слухи объ этой международной организаціи рабочихъ классовъ во имя общихъ имъ интересовъ достигли въ Россію въ ту эпоху, когда, какъ мы говорили, въ ней воспреобладало централистически-обрусительное направленіе, мы сказали бы, противонаціональное, если бы оно не направлялось только противъ національностей негосударственныхъ и въ пользу національности государственной,

---

рить о своихъ,—(Герценъ пишетъ къ поляку) статьи нѣмецкихъ демократовъ, кичащихся своимъ космополитизмомъ, и вглядитесь въ ихъ злую ненависть ко всему русскому, ко всему славянскому.... Еслибъ эта ненависть была сопряжена съ какимъ-нибудь желаніемъ, чтобы Россія, Польша были свободны, порвали бы свои цѣпи, я бы понялъ это. Совсѣмъ не то. Такъ какъ средневѣковые люди, ненавидя евреевъ, не хотѣли ихъ совершенствованія, такъ всякій успѣхъ нашъ въ гражданственности только удваиваетъ ненависть этихъ ограниченныхъ заклепанныхъ умовъ" („Колоколъ", 16-го января 1859 г.) Поучительно также прочесть въ Посм. соч. Герцена, въ статьѣ „Нѣмцы въ эмиграціи", о томъ, какъ у нѣмецкихъ демократовъ и Бакунинъ, и Герценъ,—особенно первый,—являлись даже агентами русскаго правительства потому только, что смотрѣли на славянскіе народы по своему, а не по указанію нѣмецкихъ партій.

Библиотека "Руниверс"

великорусской. Въ числѣ софизмовъ, какіе пускались въ ходъ обрусителями, былъ и такой, что будто-де всемірная культура выигрываетъ отъ стиранія національностей, хотя господа обрусители почему то не начинали исполненія этого „требованія всемірнаго прогресса“ со стиранія своей національности.

По существу своему, идея космополитизма и человѣчества вовсе не противна идеѣ національности, а представляетъ только дальнѣйшее ея развитіе: союзъ всего человѣчества есть только общій союзъ частныхъ союзовъ, которые всего легче могутъ заключаться въ средѣ уже по природѣ объединенныхъ между собою языкомъ, сходствомъ психическимъ и сосѣдствомъ индивидуумовъ, общинъ и племенъ извѣстныхъ національностей, и тѣмъ болѣе, что расположеніе этихъ національностей во времена безсознательной колонизаціи почти всегда совпадало съ границами естественныхъ бассейновъ, географическихъ и хозяйственныхъ. Самое понятіе объ идеалѣ человѣка составляется и продолжаетъ составляться у людей изъ отвлеченія лучшихъ сторонъ индивидуумовъ, корпорацій (какъ видовъ труда) и націй, и потому прогрессъ самого этого идеала вовсе не требуетъ стиранія всѣхъ разнообразностей человѣка, а напротивъ того,—ихъ постояннаго развитія. Космополитизмъ и гуманизмъ исключаютъ только національныя антипатіи, національную исключительность, призываютъ къ стиранію національныхъ недостатковъ.

Въ частности, всякій практическій „интернаціональный союзъ“, въ родѣ, напримѣръ, „Международнаго Союза Рабочихъ“, не только не исключаетъ союзовъ національныхъ, но предполагаетъ ихъ существованіе, какъ союзовъ, изъ которыхъ самъ онъ долженъ состоять. Вотъ почему 6 и 7 §§ Положенія Интернаціонала вмѣняли своимъ членамъ въ обязанность стараться о соединеніи первичныхъ мѣстныхъ союзовъ въ союзы вторичные, „національные“. Только въ редакцію этихъ параграфовъ вкралась неясность, вслѣдствіе смѣшенія, согласно старинной политической терминологіи, терминовъ nation, pays и état,—народъ, страна и государство,—смѣшеніе, которое всего болѣе простительно нѣмцамъ, которыхъ государство, какъ мы сказали, болѣе или менѣе единоплеменно[1]). Впрочемъ, уже самое допущеніе въ главный совѣтъ

[1]) Объ этомъ смѣшеніи вообще о значеніи національностей и государствъ, какъ основъ (операціонныхъ базисовъ) для организаціи соціалистическихъ партій, мы говорили нарочито въ статьяхъ нашихъ „Les nations de l'Europe Orientale et le socialisme internationale“ въ „Revue socialiste“ 1880, и въ листкѣ „Вільна Спілка—La fédération—Вольный союзъ“ 1881, № 1,—„Естественныя области и пропаганда соціализма на плебейскихъ языкахъ Восточной Европы“.

Библиотека "Руниверс"

Интернаціонала представителя Польши, которая теперь не составляетъ государства, показываетъ, что даже учредители Интернаціонала не исключали возможности предварительнаго группированія первичныхъ союзовъ въ союзы вторичные по національности въ болѣе точномъ смыслѣ, выражаемомъ словомъ race, langue, а со временемъ среди соціалистовъ западной Европы пошли въ ходъ выраженія въ родѣ: „интернаціоналисты или соціалисты такого то языка“ (напримѣръ, даже у нѣмцевъ: Der Sozial-Demokrat, Organ der Sozialisten der deutschen Zunge).

Въ Россіи же отъ неточности термина, „нація“, „національный“, и употребленія его на французско-якобинскій манеръ, въ смыслѣ государственномъ, и особенно отъ смѣшенія идеи космополитизма съ идеею обрусенія произошло самое чудовищное недоразумѣніе, которое привело къ тому, что весьма многіе русскіе соціалисты самымъ серьезнымъ образомъ поняли формулу Интернаціонала: „Пролетаріи всѣхъ странъ (націй), соединяйтесь!“ въ такомъ видѣ: „пролетаріи всѣхъ странъ, подчиненныхъ русскому государству, обрусѣвайтесь!“ Конечно, съ такою ясностью эту формулу почти никто изъ русскихъ соціалистовъ не произносилъ, особенно въ печати, и даже почти всѣ они обижались, когда имъ ставили на видъ, что ихъ система дѣйствія соотвѣтствуетъ именно такой формулѣ, но, тѣмъ не менѣе, если не въ теоріи, то на практикѣ многіе „русскіе“ соціалисты въ своей сферѣ были такими же нивеляторами-обрусителями, какими въ своей сферѣ были гг. Катковы и другіе враги и соціалистовъ, и всякихъ національныхъ автономистовъ.

Мы помнимъ первую нашу встрѣчу съ представителемъ великорусскаго соціалистическаго движенія въ 70-ые годы. Это былъ одинъ изъ делегатовъ петербургскаго соціально-революціоннаго кружка, прибывшій въ Кіевъ въ началѣ 1870 года. Между прочимъ, онъ принялъ участіе въ мѣстномъ кружкѣ молодежи, которая, какъ и петербургскіе „чайковцы“, имѣла въ виду политико-соціальное самообразованіе и пропаганду, только, сообразно украинскимъ нравамъ, не носила клички, заимствованной отъ лица, а не отъ принципа. Мы получили приглашеніе принять участіе въ занятіяхъ этого кружка. На первомъ сборѣ заявлено было, кто какой рефератъ возьметъ на себя. Мы замѣтили, что почти всѣ темы для рефератовъ были выбраны изъ сферы такъ наз. соціальнаго и женскаго вопросовъ, а потому, когда дошла очередь до насъ, то мы предложили съ своей стороны прочесть о соціальныхъ стремленіяхъ и о положеніи женщины въ средѣ

Библиотека "Руниверс"

украинскаго крестьянства, которое составляетъ украинскую націю. По своему обычаю, мы старались дать слушателямъ какъ можно больше фактовъ, съ указаніемъ на источники, такъ, чтобы слушатели могли самостоятельно провѣрить насъ, даже если бы не согласились съ нашими выводами. Во время чтенія нашего реферата петербургскій делегатъ обнаруживалъ явное нетерпѣніе, и когда начались пренія, то замѣтилъ приблизительно слѣдующее:

— Все это, можетъ быть, и вѣрно, но къ дѣлу не идетъ. Мы должны думать о борьбѣ съ общимъ врагомъ, а Вы, говоря намъ объ Украинѣ, какъ о чемъ то особомъ, вносите раздѣленіе въ наши силы!

Mutatis mutandis, это было повтореніе какъ разъ того, что мы слышали отъ нашего почтеннаго начальника, кн. Ал. Пр. Ширинскаго-Шихматова, по поводу нашихъ мнѣній о составленіи книги для чтенія въ народныхъ школахъ Кіевскаго округа (мы доказывали невозможность игнорированія мѣстнаго элемента въ такой книгѣ, а потому и невозможность составленія единой и нераздѣльной книги для чтенія для всей Россіи). Между прочимъ, князь Ширинскій даже произнесъ слова: „общій врагъ", только у него этотъ врагъ была Польша. При видѣ такого совпаденія замѣчаній православнаго обрусителя съ замѣчаніями „нигилиста", было, конечно, „отчего въ отчаяніе придти". Но, скрѣпя сердце и со всевозможнымъ почтеніемъ къ столичному делегату, мы отвѣтили въ такомъ родѣ:

— Вы желаете бороться съ извѣстными врагами, желаете проводить извѣстныя мнѣнія, такъ вотъ я, вполнѣ одобряя Ваши цѣли и раздѣляя Ваши мнѣнія, указываю Вамъ факты, которые должны освѣтить Вамъ ту почву, на которой Вы хотите дѣйствовать, и указываю Вамъ на тѣ зацѣпки, за которыя Вы можете ухватиться въ Вашей дѣятельности.

— Все это такъ, но Вы говорите все объ Украинѣ, и у Васъ Украина является, какъ что-то особенное, а мы должны дѣйствовать за одно въ борьбѣ съ общимъ врагомъ.

— Я говорилъ объ Украинѣ, потому что таковъ выбрался сюжетъ, и потому что я, да и Вы, думаемъ дѣйствовать именно на Украинѣ, но въ такомъ же родѣ можно было бы повести рѣчь, напр., и о Швеціи, или Италіи, Литвѣ, Арменіи и т. п., еслибы кто изъ насъ вздумалъ заняться именно этими странами. О томъ же, точно ли Украина представляетъ такія особенности,—отъ чего? отъ Великороссіи напр., какія я въ ней вижу,—это вопросъ

Библиотека "Руниверс"

отдѣльный, котораго я едва коснулся, и дѣйствительно любопытный; я готовъ о немъ спорить; теперь я представилъ Вамъ рядъ фактовъ, указывающихъ между прочимъ на эти особенности и допускаю возможность, что я многое подобралъ ошибочно и односторонне,—конечно, безъ умысла,—а потому очень буду радъ, если кто-либо, Вы, напр., дополните или даже опровергнете мои факты и дадите новые. Но только такъ и знайте, что если Вы не опровергнете моего положенія, что украинская жизнь представляетъ массу чертъ, отличныхъ отъ чертъ жизни, напр., великорусской, то должны будете признать необходимость спеціализаціи всякой культурной, политической и соціальной дѣятельности на Украйнѣ. Хотите,—приступимъ къ анализу этихъ украинскихъ особенностей, начиная, напр., съ языка.

— Нѣтъ, я этимъ вопросомъ не занимался,—и при этомъ я думаю, что вообще не слѣдуетъ поднимать такихъ вопросовъ въ виду необходимости единства силъ и проч. и проч.

Съ тѣхъ поръ прошло 11 лѣтъ, въ теченіе которыхъ намъ пришлось и устно, и печатно говорить объ Уркайнѣ съ добрыми 200 „русскихъ революціонеровъ, соціалистовъ“ и пр.,—извѣстныхъ и неизвѣстныхъ, ученыхъ и неученыхъ,—но всѣ наши бесѣды были только болѣе или менѣе повтореніемъ вышеизложенной бесѣды. Первый вопросъ, какой мы отъ нихъ слышали, когда мы имъ говорили о разнообразіи того, что они называли русскимъ народомъ, былъ (да простятъ намъ это уподобленіе) вопросъ щедринскаго градоначальника, увидѣвшаго рѣку тамъ, гдѣ, по его мнѣнію, ей быть не подобало: „зачѣмъ?“ А когда мы имъ объясняли, что затѣмъ, чтобъ наилучше бороться съ общимъ врагомъ, наилучше устроить именно общій союзъ,—они намъ отвѣчали по большей части фразами объ единствѣ рода человѣческаго, существующемъ или будущемъ, съ прибавкою натацій о необходимости космополитической солидарности и о вредѣ національной исключительности націй, которыя уже потому излишни, когда рѣчь идетъ объ украинской національности, что эта національность именно тогда, когда была болѣе самостоятельна, вовсе и не думала противуставлять себя „Европѣ“ или человѣчеству, и только тогда и отдѣлилась отъ „Запада“, когда попала подъ опеку обрусителей. Многіе же отвѣчали намъ просто раздражительными обвиненіями.

Въ послѣдніе годы мы дождались счастья увидѣть противъ себя такого же рода возражателей и съ польской стороны! Всего любопытнѣе, что наши возражатели, которые никакъ не хотятъ

Библиотека "Руниверс"

признавать негосударственныхъ и плебейскихъ національностей,— ни необходимости нарочито приспособленныхъ къ нимъ политико-соціальныхъ организацій, ни даже устраненія розни между образованными и мужицкими класами, напр., по языку,—самымъ серьезнымъ образомъ воображаютъ именно себя интернаціоналистами, и даже „народниками“[1]).

Странные интернаціоналисты эти не хотятъ замѣчать, что вмѣсто человѣчества, да еще соціалистическаго, они подсовываютъ намъ государство аристократическое, буржуазное и бюрократическое, и притомъ неизбѣжно національное же, и что ихъ псевдо-космополитическая проповѣдь противъ „націонализма“ вовсе не туда направлена, куда бы слѣдовало, т. е. не на тѣхъ, кто давитъ чужія національности, а на тѣхъ, кто отбивается отъ давленія, и что подставка вмѣсто международности обезнароднивания поддерживаетъ только монополію привилегированныхъ, оффиціальныхъ народностей и отнимаетъ у націй, которымъ не посчастливилось сохранить свою государственную независимость, т. е. у націй мужицкихъ, отнимаетъ именно ихъ интеллигенцію, т. е. естественныхъ организаторовъ массъ и для самой соціальной борьбы, и въ концѣ концовъ обращаетъ такихъ псевдокосмополитовъ изъ противниковъ „общаго врага“ въ его союзниковъ, безсознательныхъ, а иногда такъ и сознательныхъ.

Впрочемъ, одинъ изъ органовъ „русскихъ революціонеровъ“ имѣлъ смѣлость, послѣ общихъ фразъ о томъ, что для него всѣ національности равны, прямо сознаться въ своей солидарности съ представителями существующаго эксплуататорскаго строя по вопросу о негосударственныхъ національностяхъ. Мы говоримъ о „Набатѣ“[2]).

---

[1]) По части интернаціонализма положеніе дѣлъ дошло до полнаго комизма: напримѣръ, небольшая группа украинскихъ соціалистовъ пишетъ не только по украински, но и по великорусски, и по польски, тогда какъ еще не одинъ великорусскій, или польскій соціалистъ не издалъ ни строчки по украински, и въ то же время изъ ихъ среды раздаются голоса, которые усиливаются представить именно украинскихъ соціалистовъ узкими и нетерпимыми націоналистами даже передъ заграничной публикою. (См. статьи гг. П. Л., Б. Лимановскаго и Аксельрода въ „Jahrbuch für Sozialwissenschaft und Sozialpolitik“ и нашу замѣтку „Der kleinrussische Internationalismus“; тамъ же).

[2]) Мы предвидимъ замѣчаніе, которое мы слышали устно отъ тѣхъ изъ русскихъ соціалистовъ, которые, будучи на дѣлѣ обрусителями, въ то же время не любятъ, когда къ ихъ практикѣ подбираютъ настоящую теорію, замѣчаніе, что „Набатъ“ не можетъ считаться представителемъ русскихъ революціонеровъ и

Библиотека "Руниверс"

Въ статьѣ „Революція и принципъ національности“ этотъ органъ говоритъ между прочимъ: „Въ каждой странѣ, или лучше, въ каждомъ государствѣ, какъ бы ни былъ разнообразенъ его національный и племенной составъ, всегда есть и всегда долженъ быть классъ людей, у которыхъ національныя, племенныя особенности почти совершенно изгладились и которыхъ въ этомъ смыслѣ можно назвать общеруссами, общефранцузами, общенѣмцами, общеитальянцами, общеамериканцами и т. п. Классъ этотъ слагается, во-первыхъ, изъ такъ называемаго „служилаго сословія“: изъ бюрократіи, закрѣпощенной государствомъ, утратившей подъ его нивелирующимъ давленіемъ всѣ свои національныя особенности, до мозга костей пропитавшейся его идеалами, его воззрѣніями, его интересами; во-вторыхъ—изъ интеллигенціи. Наука, какъ извѣстно, оказываетъ на людей почти столь же нивелирующее вліяніе, какъ и государство на бюрократію.... Помимо государства съ его бюрократическою централизаціею и науки съ ея космополитизирующимъ вліяніемъ, устраненію національныхъ особенностей, нивелированію людей, подведенію ихъ подъ одинъ

соціалистовъ, изъ которыхъ нѣсколько, довольно извѣстныхъ лицъ, даже нарочито отреклись отъ него въ протестѣ, напечатанномъ въ „Общинѣ“. Дѣйствительно, собственно набатскій кружокъ вовсе не пользуется симпатіями среди русскихъ революціонеровъ и соціалистовъ, и съ практической стороны „Набатъ“ не имѣетъ никакого значенія въ „русскомъ революціонномъ движеніи“, въ противность тому, что объ этомъ говорятъ заграничные корреспонденты и русскіе прокуроры. Но тѣмъ не менѣе „Набатъ“ высказывалъ не разъ теоріи, очень распространенныя въ русскихъ революціонныхъ кругахъ, напр., теоріи террористовъ, и до извѣстной степени былъ правъ, когда, хоть въ видѣ агитаціи въ пользу якобинскаго конспираціонизма, всетаки проповѣдывалъ необходимость политической революціи въ Россіи въ то время, когда доктринеры, соціалдемократы и анархисты считали возможнымъ цѣликомъ перенести въ Россію политику разныхъ фракцій Интернаціонала, выросшаго тамъ, гдѣ уже люди добились извѣстной свободы. Надо также прибавить, что статья „Набата“, изъ которой мы дѣлаемъ выписку, написана противъ брошюры „Записки южнорусскаго соціалиста“, въ которой, между прочимъ, употреблено довольно неудачное выраженіе о необходимости „націонализированія соціализма“, хотя, при доброй волѣ, можно было легко понять, что тутъ дѣло идетъ не объ идеяхъ соціализма, которыя, какъ всякія идеи, всемірны, а о практическомъ примѣненіи ихъ, пріемахъ пропаганды и ея организаціи,—которые неизбѣжно должны быть локализированы и, слѣдовательно, и націонализированы. (См. объ этомъ въ IV томѣ „Громады“, „Впередъ и націонализированіе соціализма“, „Мы и „Набатъ“.) А самъ „Набатъ“ долженъ былъ признаться, что онъ согласенъ на „націонализированіе средствъ“ соціально-революціонной дѣятельности,—только идея объ этой націонализаціи затуманилась у него смѣшеніемъ понятія о націи съ понятіемъ о государствѣ.

Библиотека "Руниверс"

общенаціональный, общечеловѣческій типъ, въ значительной мѣрѣ содѣйствуетъ экономическій, торгово-промышленный прогрессъ. Фабричное производство, ставя рабочую массу въ совершенно однообразныя, общенаціональныя условія труда, развивая въ ней одинаковыя привычки, окружая ее одинаковой обстановкой, обобщая ея интересы и потребности, сглаживаетъ не только національныя, но даже и чисто индивидуальныя различія рабочихъ. Типъ фабричнаго, типъ пролетарія имѣетъ настолько же общенаціональный характеръ, какъ и типъ „интеллигентнаго человѣка".

„Такимъ образомъ мы видимъ, что всѣ главнѣйшіе факторы буржуазнаго прогресса, — государство, наука, торговля, промышленность, — имѣютъ одну и ту же общую тенденцію: всѣ они въ большей или меньшей степени стремятся сгладить національныя особенности, когда-то такъ рѣзко раздѣлявшія между собою людей; стремятся смѣшать послѣднихъ въ одну общую, однородную и одноформенную массу, подвести ихъ подъ одинъ общій знаменатель, вылить ихъ въ одинъ общенаціональный, общечеловѣческій типъ. Какъ бы мы ни ненавидѣли буржуазный прогрессъ, но эту тенденцію его мы должны признать—съ точки зрѣнія нашихъ идеаловъ и нашихъ интересовъ—въ высшей степени благотворною. Дѣйствительно, буржуазный прогрессъ, нивелируя людей, уничтожая ихъ племенныя и національныя перегородки, подготовляетъ почву для торжества нашихъ идеаловъ; самъ того не желая, онъ безсознательно пролагаетъ путь къ практическому осуществленію идей братства и равенства". („Набатъ", 1878 г., книга, 75—77).

Весьма похожее на то, что сказано особенно въ началѣ вышеприведенной выписки — и даже терминъ „общенаціональный", какъ противоположность племенному, народному, при чемъ терминъ „общенаціональный" понимается вовсе не въ предѣлахъ дѣйствительной націи (какъ, напр., общевеликорусскій сравнительно съ новгородскимъ, московскимъ и т. п.), а въ предѣлахъ государства съ оффиціальною національностью, которая должна покрыть всѣ самыя разнонаціональныя населенія, — мы читали десятки разъ въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ". Интересно, что почти то же недавно мы прочитали въ статьяхъ противъ украинскаго движенія, написанныхъ г. Л. Алексѣевымъ отъ имени русскихъ „народниковъ изъ Малороссіи" въ „Русскомъ Богатствѣ" 1881 г. Родоначальниками всей этой радикальной катковщины во всей Европѣ были французскіе якобинцы временъ Великой Рево-

Библиотека "Руниверс"

люціи съ ихъ борьбою противъ всякихъ проявленій провинціальной самостоятельности, отъ политическаго федерализма и до народныхъ языковъ (не только нарѣчій французскаго языка, но и провансальскаго и даже бретонскаго, итальянскаго, нѣмецкаго языковъ), которымъ они противуставляли языкъ французскій, какъ національный (о послѣднемъ см., напр., статью „La Convention et les idiomes locaux“ въ Mélange de linguistique et d'antropologie par Ab. Hovelacque etc. 1880, 226—238). Вотъ въ виду такихъ совпаденій, слова „Набата“ и получаютъ значеніе, надъ которымъ очень серьезно стоитъ подумать тѣмъ, кто не желаетъ Россіи катковщины ни монархической, ни якобинской.

Уже въ самомъ началѣ тирады „Набата“ бросается въ глаза признаніе за нѣчто нормальное государственнаго давленія на національныя различія и доктрины государственной національности, которая почти столько же надѣлала бѣдъ въ концѣ XVIII ст., какъ надѣлала бѣдъ въ XVI — XVIII в. доктрина государственности. Интересно при этомъ, что перечисляя общенаціональные типы, „Набатъ“ не назвалъ, напримѣръ, ни обще-австрійцевъ, ни обще-швейцарцевъ. Дѣло въ томъ, что вовсе не всякое государство стираетъ національныя особенности, а только государства военно-бюрократическія, централизованныя, исключая Сѣв. Амер. С. Штатовъ, которые имѣютъ дѣло не съ націями, а съ колонистами разныхъ націй, пріѣзжающими въ среду націи англосаксонской. При этомъ вышеупомянутыя государства стираютъ особенности вовсе не всѣхъ, а только покоренныхъ націй и при этомъ покровительствуютъ развитію національности господствующей, на которую и опираются подобныя государства. Во Франціи, напримѣръ, „общефранцузы“ состоятъ прежде всего изъ французовъ, потомъ изъ офранцуженныхъ провансальцевъ, бретонцевъ, басковъ, фламандцевъ, нѣмцевъ, итальянцевъ, и ихъ точнѣе всего слѣдовало бы называть просто французами, какъ всѣхъ обрусѣвшихъ или общеруссовъ—просто великоруссами. Вотъ почему въ такихъ государствахъ, въ которыхъ претендующая на господство національность сравнительно не очень сильна, и не можетъ образоваться прочный государственно-національный типъ. Такова, напр., Австрія, въ которой прежде хотѣли сдѣлать такимъ типомъ нѣмецкій, и въ которой теперь уже стараются лѣпить, говоря языкомъ „Набата“, вмѣсто обще-австрійцевъ — обще-нѣмцевъ, обще-венгровъ, обще-хорватовъ, обще-поляковъ (въ Галиціи). Мы сомнѣваемся, чтобы и эта лѣпка привела къ какому-нибудь не только полезному, но даже просто прочному результату, но во

Библиотека "Руниверс"

всякомъ случаѣ вотъ уже вамъ „страна, или лучше государство", въ которомъ „обще-національнаго" типа нѣтъ, такъ какъ обще-австрійцы есть развѣ между шпіонами, шулерами да кокотками. По другимъ причинамъ, нѣтъ обще-національнаго типа въ Швейцаріи, какъ въ государствѣ, въ которомъ нѣтъ господствующей національности, а есть граждане четырехъ національностей, во всемъ равноправныхъ, объединенные между собою сознаніемъ выгоды такого равноправнаго союза. Въ этомъ сознаніи и состоитъ, если уже хотите, обще-швейцарская національность, но такая общенаціональность не имѣетъ ничего общаго съ тою, о которой говоритъ „Набатъ". Она подходитъ къ обще-человѣчности, какую совершенно напрасно „Набатъ" ставитъ, какъ синонимъ своей „обще-національности". Такую обще-человѣчность порождаетъ, напр., вліяніе науки, которую „Набатъ" тоже совершенно напрасно поставилъ въ одинъ рядъ съ военно-бюрократическимъ государствомъ и съ распространяющею общее малокровіе и худосочіе капиталистическою фабрикою Наука, какъ и свобода, федерируетъ національности и культивируетъ ихъ, сглаживая ихъ слабости и развивая ихъ сильныя стороны, и возводитъ націи до человѣчества, а военно-бюрократическое государство, даже въ случаѣ успѣха, только замѣняетъ одни національности другими, часто далеко не лучшими, а въ случаѣ неуспѣха, только рождаетъ ненависти между національностями. Затѣмъ, даже при успѣхѣ вылѣпливанья государственныхъ національностей, черезъ подавленіе національностей негосударственныхъ, неизбѣжно должно совершаться культивированіе у первыхъ преимущественно тѣхъ чертъ, которыя нужны военно-бюрократическому государству, т. е. чертъ съ одной стороны угловатыхъ и хищническихъ, а съ другой приниженныхъ, т. е. во всякомъ случаѣ чертъ служебныхъ, а вовсе не человѣческихъ.

Справедливость сейчасъ сказаннаго доказывается наблюденіемъ надъ населеніемъ тѣхъ именно мѣстностей, гдѣ процессъ вылѣпливанья привилегированной національности имѣлъ наиболѣе приложенія; такова, напримѣръ, Пруссія, которая сложилась черезъ насильственную германизацію славянъ и литовцевъ: безспорно особенности пруссака отъ другихъ нѣмцевъ самыя несимпатичныя изъ всѣхъ нѣмецкихъ особенностей и противны, именно какъ антитеза общечеловѣческому идеалу. Едва ли также съ точки зрѣнія этого идеала можно отдать предпочтеніе и привѣтствуемому „Набатомъ" типу великорусскаго и овеликорушеннаго (по „Набату" общенаціональнаго) фабричнаго передъ типомъ, напр., украинскаго поселянина или козака, котораго нѣкоторыя

Библиотека "Руниверс"

черты такъ симпатично набросалъ, напр., Чернышевскій въ приведенной выше выдержкѣ. Тоже слѣдуетъ сказать и объ „общенаціональномъ“ типѣ русскаго солдата, въ которомъ собираются почти всѣ наименѣе симпатичныя черты великорусскаго племени и черезъ армію накладываются на индивидуумы всѣхъ націй, подчиненныхъ великорусскому государству [1]).

Что же касается до пользы для человѣчества отъ стиранія не только національностей, но даже индивидуальностей, то мы считаемъ излишнимъ и говорить объ этомъ. Тотъ, кто представляетъ себѣ соціалистическій идеалъ не въ видѣ аракчеевскихъ военныхъ поселеній, а именно въ видѣ братства развитыхъ всецѣло (или интегрально развитыхъ, какъ говорятъ западноевропейскіе соціалисты) индивидуумовъ, тотъ съ негодованіемъ отвергнетъ восхваленіе „Набатомъ“ вліянія теперешнихъ фабрикъ на стираніе особенностей индивидуальныхъ, и затѣмъ, немного только подумавши, долженъ такъ же отнестись и къ вліянію военно-бюрократическихъ государствъ на стираніе національностей, т. е. собственно національностей негосударственныхъ.

Впрочемъ самъ „Набатъ“ проговаривается такъ, что можно думать, что онъ самъ замѣчаетъ весь софизмъ, заключающійся въ увѣреніи, будто военно-бюрократическое государство имѣетъ космополитизирующее вліяніе и стираетъ всѣ національности, а не одни только побѣжденныя. Когда ему приходится говорить о разныхъ національностяхъ въ частности, то онъ забываетъ заявленіе, что для него нѣтъ „ни эллина, ни іудея“, а явно склоняется на сторону національностей господствующихъ, при чемъ поляковъ поставляетъ въ рядъ послѣднихъ, даже въ противорѣчіе съ ученіемъ о необходимости образованія, напр., „общеруссовъ въ Россіи“. Съ явнымъ умысломъ газета перечисляетъ народы въ

---

[1]) Нѣкоторыя данныя относительно того, какъ именно денаціонализація, напр., украинскихъ крестьянъ подъ вліяніемъ великорусскихъ фабричныхъ и армейскихъ условій жизни прямо ведетъ къ ихъ деморализаціи во всѣхъ смыслахъ этого слова, читатель найдетъ въ нашей книгѣ „Нові українскі пісні про громадські справи“; на представленныхъ тамъ примѣрахъ видно, что кромѣ того, что именно высшая культура украинскаго мѣщанина, козака и крестьянина стала съ XVIII в. уступать передъ низшей великорусской культурой единственно вслѣдствіе грубаго давленія государственной власти, а потомъ подъ вліяніемъ созданнаго ею обрусенія образованныхъ классовъ, удалившаго ихъ отъ простонародья. „Космополитизирующее вліяніе науки“ тутъ ни при чемъ! Прибавимъ еще замѣчаніе, впрочемъ, не настаивая на его точности, что, по нашимъ наблюденіямъ надъ овеликорушенными украинцами, когда національный характеръ разлагается подъ чужимъ

Библиотека "Руниверс"

такомъ порядкѣ: „якуты, чуваши, малоруссы"—съ одной стороны, и „великоруссы, поляки, нѣмцы, французы"—съ другой (стр. 68), а перечисляя народы, изъ которыхъ русское государство „должно" вылѣпливать „общенаціональный" типъ, „Набатъ" называетъ „великоруссовъ, малоруссовъ, бѣлоруссовъ, финновъ, латышей", но не называетъ поляковъ. Конечно, со стороны московской катковщины такое распредѣленіе и забвеніе нелогично, но оно будетъ вполнѣ логично, если стать въ одно и то же самое время на точки зрѣнія катковщины московской и польской, на какихъ очевидно стоитъ органъ „русскихъ революціонеровъ". Сдѣланная же выше выписка изъ „Набата" вполнѣ подходитъ къ идеямъ и польской катковщины: поляки имѣютъ остатки своего завоевательно-бюрократическаго государства въ Галиціи, имѣютъ свою аристократію и буржуазію, даже и въ земляхъ, подчиненныхъ другимъ государствамъ, особенно въ Россіи; какъ же не признать за ними права вылѣпливать изъ національностей латышской, литовской, бѣлорусской и украинской свой „общенаціональный" типъ, своихъ „общеполяковъ"?

Такимъ образомъ, мы съ „Набатомъ" ѣдучи впередъ по дорогѣ къ общечеловѣческому соціализму, пріѣхали назадъ къ доктринѣ исторической Польши! Само собою разумѣется, что „Набатъ" вполнѣ сочувственно относится къ польскимъ революціоннымъ стремленіямъ. Но спеціально по вопросу объ исторической Польшѣ онъ не высказался ясно, быть можетъ потому, что и не имѣлъ къ тому случая. Но одинъ разъ онъ высказалъ совсѣмъ не космополитически-соціалистическую нѣжность къ остатку исторической Польши въ Галиціи. Разбирая нашу брошюру „Внутреннее рабство и война за освобожденіе" и встрѣтивъ въ ней указаніе на то, какъ польская аристократія и буржуазія съ бюрократіей гнетутъ галицкихъ русиновъ, „Набатъ" замѣтилъ: „чрезвычайно странно и прискорбно встрѣчать какія бы то ни было косвенныя или прямыя отрицанія чему бы то ни было польскому на страницахъ славянскихъ революціонныхъ изданій", при чемъ изложилъ нашу мысль такъ, какъ будто бы мы говорили, что гнететъ русиновъ въ Галиціи „народъ польскій". (Набатъ, 1877, № 3—6).

несвободнымъ вліяніемъ, то получаемая такимъ образомъ помѣсь усваиваетъ преимущественно дурныя качества чужой національности и теряетъ именно хорошія качества своей.

Библиотека "Руниверс"

Такимъ образомъ, если только „Набатъ“ представляетъ хоть какія- нибудь фракціи великорусской демократіи, напр., что нибудь въ родѣ „якобинцевъ или бланкистовъ“ („Набатъ“ прежде и назывался обыкновенно „якобинскимъ“ органомъ), то отношеніе этихъ фракцій къ полякамъ, по крайней мѣрѣ въ Россіи, можетъ быть только одно изъ двухъ: или онѣ составятъ самую лѣвую сторону всеобрусительной катковщины (въ родѣ, напр., многихъ демократовъ - германизаторовъ въ Пруссіи и Австріи), или при первомъ случаѣ (а случай такой долженъ, по нашему мнѣнію, скоро представиться, такъ какъ польскій вопросъ не можетъ не подняться въ теперешнее время въ Россіи), присоединятся къ польскимъ историческимъ патріотамъ, сначала самаго лѣваго направленія, а потомъ, неизбѣжно, и къ коалиціи правыхъ и лѣвыхъ партій среди этихъ патріотовъ. Послѣднее наиболѣе вѣроятно, и въ такомъ случаѣ историческая роль этихъ фракцій вполнѣ ясна: полякамъ онѣ не помогутъ, а послужатъ только лишнимъ оправданіемъ для московской реакціонной катковщины.

Извѣстно, что „Набатъ“ представлялъ по многимъ вопросамъ противоположность другому органу великорусскихъ революціонеровъ 70-хъ годовъ, „Впереду“. Но по вопросу негосударственныхъ національностей и, конечно, по вопросу польскому, между обоими органами не оказалось почти никакого различія. Мы, впрочемъ, должны остановиться на „Впередѣ“ подольше, такъ какъ этотъ органъ имѣлъ случай высказаться по занимающимъ насъ вопросамъ гораздо болѣе систематично и съ большими подробностями.

„Впередъ“ зачинался, какъ извѣстно, въ Цюрихѣ въ 1872—1873 гг. среди борьбы тѣхъ кружковъ, которые къ нему примкнули съ такъ наз. бакунистами, или анархистами, и уже поэтому въ немъ должны были найти себѣ мѣсто мысли, которыя составляютъ родъ уступки со стороны велилорусскихъ соціалъ-демократовъ этимъ бакунистамъ, какъ, напримѣръ, признаніе принципа федеральнаго и нѣкоторыя всеславянскія стремленія. Но надъ всѣми этими уступками во „Впередѣ“ преобладаетъ основная государственная идея, на манеръ идеи нѣмецкихъ соціалдемократовъ, а потому и въ вопросѣ объ организаціи соціалистическаго движенія въ Россіи „Впередъ“ сталъ не столько на федерально - народную основу, сколько на государственно - національную.

Библиотека "Руниверс"

„Впередъ", конечно, призналъ необходимость мѣстныхъ и, слѣдовательно, національныхъ приспособленій въ работѣ для осуществленія интернаціональныхъ стремленій соціализма. Въ программѣ „Впереда" читаемъ: „приходится дѣйствовать въ данной мѣстности на общество, говорящее даннымъ языкомъ", поэтому и „національности представляютъ совершенно реальную и неизбѣжную почву для каждаго общественнаго процесса". Но когда пришлось опредѣлить, какова же именно та данная почва, на которой думаетъ дѣйствовать „Впередъ",—у послѣдняго не оказалось ясныхъ опредѣленій. Разъ онъ говоритъ о „Россіи", какъ о своемъ „отечествѣ", въ другой—о „русскомъ народѣ", какъ о своемъ народѣ, а потому, когда „Впередъ" говоритъ о „спеціальныхъ русскихъ цѣляхъ" и „русскихъ интересахъ", то совсѣмъ нельзя понять, что онъ подъ ними разумѣетъ: совокупность ли спеціальныхъ цѣлей и интересовъ всѣхъ данныхъ національностей Россіи, какъ государства, которое не совсѣмъ точно называютъ русскимъ государствомъ (къ сожалѣнію, прилагательное россійскій рѣдко теперь употребляется въ русской литературѣ), или же цѣли и интресы дѣйствительнаго „русскаго народа". Не менѣе темными остаются и представленія „Впереда" объ этомъ русскомъ народѣ. Какъ извѣстно, о русскомъ народѣ (и соотвѣтственно—о языкѣ) существуетъ въ Россіи три главныхъ мнѣнія. По первому —народъ этотъ однообразенъ во всемъ своемъ составѣ отъ Карпатъ до Амура, такъ что различія его, даже такія, какъ великобѣло-и мало-русскія до того ничтожны, что не имѣютъ никакого практическаго значенія, при чемъ племя великорусское считается за представителя остальныхъ. По второму—„русскій народъ" есть только отвлеченіе, въ дѣйствительности представляемое двумя „русскими народностями", велико-бѣлорусскою и украинскою, или великорусскою и украинско-бѣлорусскою, или же тремя народностями. Третье мнѣніе, какъ среднее между предыдущими, признаетъ двѣ или три крупныя разновидности русскаго народа и извѣстное практическое значеніе ихъ, но не признаетъ за различіями этихъ разновидностей такой силы, которая бы давала основаніе считать ихъ за вполнѣ самостоятельныя націи. Первое мнѣніе принимается правительствомъ и представляется въ печати, напримѣръ, г. Катковымъ, впрочемъ только г. Катковымъ-публицистомъ съ 60-хъ годовъ, потому что Катковъ-ученый 40—50-хъ гг. примыкалъ скорѣе даже ко второму, чѣмъ къ третьему мнѣнію. Это второе мнѣніе раздѣляютъ почти всѣ ученые филологи

Библиотека "Руниверс"

и этнографы въ Россіи и за границей [1]). Третье мнѣніе раздѣляли прежніе московскіе славянофилы и въ томъ числѣ г. И. Аксаковъ еще въ „Днѣ“ 1862—1864 годовъ (теперь онъ присталъ вполнѣ къ катковскому мнѣнію).

Каждому изъ этихъ теоретическихъ мнѣній соотвѣтствуетъ и практическая программа, литературная и политико-соціальная. Понятно поэтому, что и партія соціалистическая, которая признала необходимость опираться на данныя національности, съ ихъ данными языками, должна была начать съ выбора между вышеизложенными тремя понятіями о „русскомъ народѣ“, какъ только она выбрала за почву для своей дѣятельности этотъ народъ. Бакунинъ, напр., какъ мы видѣли, заговоривъ въ Лигѣ Мира и Свободы объ этомъ народѣ, прямо началъ съ того, что отвергъ мнѣніе о его единствѣ и, затѣмъ, сообразно этому отрицанію, построилъ необходимость самостоятельной организаціи трехъ его частей, а, приступивъ къ агитаціи среди нихъ, онъ пустилъ въ ходъ, хоть и не совсѣмъ удачно, и публикацію не только на великорусскомъ, но и на украинскомъ языкѣ. Очевидно, что, при катковскомъ взглядѣ на единство русскаго народа и при желаніи дѣйствовать для всѣхъ его частей, редакція „Впередъ“ порекомендовала бы своимъ единомышленникамъ ограничиться только публикаціями на великорусскомъ языкѣ, какъ на русскомъ по преимуществу; при Костомаровскомъ взглядѣ пришлось бы и самый „Впередъ“ издавать, по крайней мѣрѣ, на двухъ языкахъ, или раздѣлить на два изданія, особенно въ виду того, что „Впередъ“ получалъ не мало средствъ изъ Украйны; при староаксаковскомъ взглядѣ можно бы было сохранить великорусскій языкъ, какъ языкъ „общества“, для такъ называемыхъ „интеллигентныхъ“ читателей, а рядомъ издавать элементарныя книжки и листки для читателей изъ „народа“, или изъ „простонародья“, въ родѣ того, какъ это недавно предположила было дѣлать редакція „Русской Соціально-Революціонной Библіотеки“ [2]).

---

[1]) Такимъ образомъ, выходитъ очень курьезное обстоятельство: о разнообразіи русскаго народа учатъ въ книгахъ и съ каѳедръ, а однообразіе проповѣдываютъ только въ нѣкоторыхъ газетахъ; правительство же согласно съ газетными невѣждами и софистами и руководствуется ихъ голосами въ такихъ серьезныхъ дѣлахъ, какъ, напримѣръ, народное образованіе. Что если бъ подобнымъ же образомъ выбрало себѣ правительство совѣтниковъ, напр., по вопросамъ объ архитектурѣ. То то бы костей наломали! А мозги все стерпятъ!

[2]) Кстати будетъ сказать, что до сихъ поръ всѣ, кто писалъ популярныя вещи, напримѣръ, на украинскомъ языкѣ, писали на немъ и для „интеллигенціи“. Уже изъ этого видно, что раздѣленіе языковъ для интеллигенціи и для народа не только не демократично, но и не практично.

Библиотека "Руниверс"

Къ сожалѣнію, „Впередъ“, въ противоположность Бакунину, не поставилъ ясно вопроса о томъ, что же такое тотъ русскій народъ, русская національность, русскій языкъ, т. е. тѣ данныя, на которыхъ онъ предположилъ опереться, и не рѣшилъ этого вопроса вообще. Въ частностяхъ же, гдѣ „Впередъ“ говоритъ о народномъ бытѣ, или объ исторіи, видно, что для него слово „русскій“—синонимъ слова „великорусскій“. Только въ одномъ мѣстѣ „Впередъ“ коснулся вопроса объ отношеніи правительства къ Украинѣ: „не гнало ли правительство школъ на югѣ Россіи, подъ предлогомъ сепаратизма, въ букваряхъ?“ Но мѣсто это вдвойнѣ и не ясно, и не точно: во первыхъ, что это за югъ Россіи? Скрываетъ ли подъ собою это географическое выраженіе, родственное тѣмъ, которыя придумываетъ русское правительство, или подцензурная печать для названія областей, съ особымъ отъ великорускаго населеніемъ, какое-нибудь этнографическое понятіе, или нѣтъ? А, во-вторыхъ, если выписанное выраженіе относится къ Украйнѣ, а не, напримѣръ, къ Самарской губерніи, то на Украйнѣ главная бѣда не въ томъ, что русское правительство „закрыло школы подъ предлогомъ сепаратизма въ букваряхъ“ (закрывало оно школы и въ Петербургѣ „подъ предлогомъ“ того, что въ нихъ читали „Молодую Россію“), а въ томъ, что оно въ 1863 г. сначала синодскимъ и валуевскимъ распоряженіемъ по цензурѣ запретило печатаніе украинскихъ книгъ педагогическаго содержанія, а потомъ „Положеніемъ о школахъ 1864 года“ окончательно изгнало изъ школъ на Украйнѣ, какъ и въ Бѣлоруссіи, иной языкъ, кромѣ „русскаго“, великорусскаго. Вотъ, невеликоруссамъ и было интересно знать мнѣніе новаго органа „русскихъ соціалистовъ“ о такихъ счетахъ невеликорусскихъ народовъ съ великорусскимъ государствомъ. Если русскій народъ одинъ и на Днѣпрѣ, и на Нѣманѣ, какъ и на Волгѣ, тогда и предписанное Положеніемъ 1864 гола единообразіе (предписанное, какъ обыкновенно дѣлается въ законахъ, однимъ умолчаніемъ о другихъ языкахъ, кромѣ „русскаго“—великорусскаго), не составляетъ никакого преступленія противъ народовъ украинскаго и бѣлорускаго. „Впередъ“ ничѣмъ не выразилъ своего мнѣнія о такихъ мѣрахъ правительства къ поддержанію, или, лучше, къ установленію единообразія „русскаго народа“ въ широкомъ смыслѣ этого слова. Къ „единству“ же Россіи „Впередъ“ относится симпатично, говоря, что „избраніе перваго Романова было выраженіемъ общенароднаго желанія поддержать единство Россіи“ и что „народъ русскій желалъ единства, выдержалъ тяжелую борьбу за

Библиотека "Руниверс"

это единство", которое, какъ извѣстно, выразилось сначала въ московской, а потомъ петербургской централизаціи, подъ династіями рюриковской, и романовско-гольштинской.

Полагаемъ, выписанныхъ мѣстъ достаточно, чтобы показать, что „Впередъ" принимаетъ слово „русскій" народъ за синонимъ „великорусскаго", а въ частности можетъ быть причисленъ скорѣе къ тѣмъ изъ употребляющихъ въ такомъ смыслѣ это слово, которыя не признаютъ за достойныя вниманія особенности невеликорусскихъ народовъ, нежели къ тѣмъ, которые, сохраняя имя русскихъ только для великоруссовъ, въ то же время признаютъ бѣлоруссовъ и украинцевъ за самостоятельныя племена, со всѣми практическими послѣдствіями такого признанія. Что „Впередъ" понимаетъ слово „русскій" и „Россія, наше отечество" въ великорусско-централистическомъ смыслѣ, это видно всего лучше въ томъ мѣстѣ его программы, въ которомъ говорится объ отношеніяхъ Россіи и Польши. Это мѣсто тѣсно связано съ тѣмъ, что великорусскій органъ говоритъ о славянскихъ дѣлахъ вообще, поэтому выпишемъ изъ „Впереда" довольно большую тираду, тѣмъ болѣе, что, какъ читатели могли уже замѣтить на примѣрѣ Бакунина, характеръ отношеній великорусскаго публициста къ вопросу польско-россійскому обусловливаетъ и его отношенія къ славянамъ вообще.

„Живыми партіями въ средѣ славянъ,—говоритъ „Впередъ",—мы признаемъ лишь тѣ, которыя напишутъ на своемъ знамени, рядомъ съ девизомъ независимой національности, девизъ соціальной борьбы противъ монополіи частныхъ собственниковъ и капиталистовъ, научной борьбы противъ религіознаго элемента. Для насъ безсмысленна и достойна сожалѣнія борьба національности, которая сковываетъ своими идеалами независимости мертвые и вредные идеалы православія или католицизма, безнравственныя преданія феодализма, боярства или шляхетства. Соціальныя партіи Сербіи, Кроаціи, Чехіи, Польши, Галичины суть наши братья по дѣлу и по крови; ихъ передовымъ кружкамъ мы съ радостью откроемъ страницы нашего журнала; мы будемъ рукоплескать ихъ побѣдамъ; мы надѣемся, что имъ, и только имъ, удастся возстановить независимость ихъ родины... Мы вполнѣ увѣрены, что всѣ наши единомышленники въ Россіи... хотѣли бы вмѣстѣ съ нами..., чтобы наше „Впередъ" сдѣлалось программою славянской федераціи, органомъ всѣхъ славянъ, дошедшихъ до сознанія, что будущее для славянства, какъ и для всего человѣчества, заключается въ девизѣ: наука и община, истина и трудъ, война идоламъ и монополіи!"

Библиотека "Руниверс"

„Это разрѣшаетъ и самый трудный, повидимому, для русскаго вопросъ, вопросъ польскій. Кто поставилъ интересы хлоповъ выше интересовъ шляхты, кто бьется за идеалъ европейской федераціи свободныхъ общинъ, тотъ нашъ братъ и союзникъ. Въ будущей федераціонной Европѣ границы между федеративными единицами будутъ имѣть крайне малое значеніе. Если бы нашимъ единомышленникамъ пришлось говорить во всероссійскомъ земствѣ о вопросѣ между Россіею и Польшею, они предложили бы, конечно, чтобы каждая община рѣшила самостоятельно, независимо отъ всей предыдущей исторіи, къ какой національности, къ какому государственному или соціальному центру она потянетъ. При дальнѣйшемъ же самодержавіи общинъ, различіе національностей становится лишь блѣднымъ преданіемъ исторіи, безъ практическаго смысла. Защитники преобладанія шляхты и союзники католицизма—враги наши, потому что они, прежде всего, враги народа польскаго“.

Такимъ образомъ, для редакціи „Впереда“, во-первыхъ, „Россія“, за исключеніемъ провинцій несомнѣнно польскихъ, есть „національность“, а во вторыхъ, для провинцій, такъ сказать сомнительныхъ, она не предполагаетъ иного исхода, какъ только выборъ одной изъ двухъ національностей, одного изъ двухъ государственныхъ и даже какихъ-то соціальныхъ (экономическихъ??) „центровъ“, или Польши, или Россіи, т. е., конечно, Великороссіи. А такъ какъ Великороссія въ частности нигдѣ и не соприкасается въ собственно польскими землями, а потому нигдѣ и не найдется такая община, о которой бы пришлось узнавать, хочетъ ли она примыкать къ Польшѣ, или къ Великороссіи, то слѣдовательно рѣшать таковую дилемму единомышленники „Впереда“ будутъ предлагать только общинамъ украинскимъ, бѣлорусскимъ и литовскимъ, о самомъ существованіи которыхъ нѣтъ во всей программѣ „Впереда“ ни одного слова. Этимъ общинамъ не полагается третьяго рѣшенія, напримѣръ, въ смыслѣ полной самостоятельности отъ обоихъ предположенныхъ редакціей „центровъ“. Такимъ образомъ мы наталкиваемся здѣсь опять на двѣ катковщины: великорусскую и польскую! [1])

Послѣ всего сказаннаго выше, мы считаемъ излишнимъ возражать противъ этихъ двухъ катковщинъ, и потому мы бы и

---

[1]) Считаемъ не лишнимъ сказать, что всѣ вышеизложенныя замѣчанія были нами высказаны редакціи „Впередъ“, когда намъ была сообщена ея программа въ литографированномъ еще изданіи.

Библиотека "Руниверс"

совсѣмъ не говорили больше о выписанной изъ „Впереда“ тирадѣ, если бы въ той части ея, которая говоритъ о славянскихъ соціальныхъ партіяхъ не было одного пункта, котораго нельзя пропустить безъ вниманія. Пунктъ этотъ заключается въ словахъ: „соціальныя партіи Сербіи, Кроаціи, Чехіи, Польши, Галичины суть наши братья по дѣлу и по крови“. Знакомые съ дѣломъ читатели усмотрятъ, конечно, смѣшеніе понятія о государствѣ съ понятіемъ о національности и во всемъ этомъ перечисленіи. Но особенно страннымъ является сопоставленіе соціальныхъ партій Польши и Галичины. О какой Польшѣ тутъ идетъ рѣчь? Если, какъ слѣдуетъ думать по сейчасъ сказанному, о Польшѣ исторической (такъ какъ границы Польши народной, этнографической, извѣстны и теперь безъ опроса общинъ), то и Галичина вся есть часть исторической Польши, а слѣдовательно никакой соціальной партіи галицкой, отдѣльной отъ польской, быть не можетъ. Если же тутъ говорится о Польшѣ народной, то въ нее входитъ и западная Галиція, слѣдовательно, въ области галицкой соціальной партіи останется только восточная Галиція, которую дѣйствительно можно назвать Галичиной. Но эта Галичина заселена народомъ русинами, которые ничѣмъ не отличаются отъ народа Подольской и Волынской губерній, который „Впередъ“ предположилъ еще спрашивать, хочетъ ли онъ потянуть, или нѣтъ къ польскому центру? Галицкіе русины, какъ и россійскіе подоляне, составляютъ часть племени, или націи украинской. Но если можетъ быть соціальная партія „галицкая“ въ Австріи, то почему же не быть украинской партіи въ Россіи? Почему въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ „Впередъ“ говоритъ о россійской имперіи, онъ ни однимъ словомъ не упомянулъ даже о возможности существованія политическихъ и соціальныхъ организацій другихъ, кромѣ русской и польской, Россіи и Польши? Вѣдь „русины“ въ Галиціи стоятъ совершенно въ такихъ же отношеніяхъ къ полякамъ (Польшѣ), въ какихъ „малороссы“ стоятъ въ имперіи Романовыхъ къ великоруссамъ (Россіи). Или быть можетъ, романовскіе „русины“ включены въ число тѣхъ „другихъ племенъ“, о которыхъ говоритъ программа „Впереда“ нѣсколько далѣе, обѣщая имъ, въ случаѣ успѣха „единомышленниковъ“ своихъ, разныя политическія свободы (мысли, слова, ассоціацій), съ довольно впрочемъ темною и, послѣ заявленій въ космополитическомъ духѣ, нѣсколько неожиданною оговоркою: „мы оставляемъ въ сторонѣ, какъ чуждые общечеловѣческимъ (?) цѣлямъ и русскимъ

Библиотека "Руниверс"

интересамъ (?!) всѣ частные и мѣстные вопросы (?), лежащіе внѣ этой области?“ [1])

Можетъ быть, россійскіе украинцы, равно какъ и бѣлоруссы, и включены въ число этихъ „другихъ племенъ“, но можетъ быть, и не включены; можетъ быть, по мнѣнію „Впереда“, интересы ихъ вполнѣ помѣщаются въ его „русскихъ интересахъ“. Судя по всему выписанному изъ „Впереда“ выше, можно думать, что послѣднее предположеніе всего вѣроятнѣе. Понятно поэтому, что „Впередъ“ не только не могъ стать „органомъ всѣхъ“ славянскихъ соціалистовъ, какъ онъ на то надѣялся, но даже не могъ дать своимъ единомышленникамъ въ Россіи вѣрнаго взгляда на организацію и способы пропаганды соціалистическихъ ученій среди разныхъ племенъ ея населенія. Боязнь же его рѣшительно выступить противъ всякихъ поползновеній и софизмовъ польскаго историческаго патріотизма заявленіемъ, подобно Бакунинскому, что истинная Польша есть только страна, въ которой чернорабочія массы—поляки, т. е. Польша этнографическая, поставила его на такую наклонную плоскость, по которой онъ чѣмъ далѣе, все больше долженъ былъ скользить въ сторону уступокъ польскому историческому патріотизму. И если этими уступками „Впередъ“ не надѣлалъ большихъ бѣдъ ни полякамъ, ни соціалистическому движенію въ Россіи, то только потому, что время, когда онъ выходилъ, было довольно глухое относительно польскихъ дѣлъ, и потому единомышленники „Впереда“ могли обнаруживать свою уступчивость передъ польскимъ историческимъ патріотизмомъ только платоническими манифестаціями. Такова, напр., была въ особенности рѣчь г. П. Лаврова на одномъ изъ банкетовъ, данныхъ въ Лондонѣ въ 1875 г. и описанныхъ во „Впередѣ“ 1875, №№ 23 и 24.

Первый изъ упомянутыхъ банкетовъ былъ данъ въ память возстанія 1863 г. Здѣсь К. Марксъ произнесъ рѣчь, въ которой, по обыкновенію, настаивалъ на необходимости „возстановить Поль-

---

[1]) Какъ отличенъ отъ блѣдныхъ и уклончивыхъ формулъ „Впереда“ ясный языкъ Бакунина, который еще въ 1862 г. писалъ отъ имени „русской революціонной партіи“: „Хотимъ, чтобъ Польшѣ, Литвѣ, Украинѣ, финамъ и латышамъ прибалтійскимъ, а также и кавказскому краю была возвращена полная свобода и право распорядиться собою и устроиться по своему произволу, безъ всякаго съ нашей стороны вмѣшательства, прямого или косвеннаго“.

„Хотимъ братскаго и, если возможно, федеральнаго союза съ Польшею, Литвою, Украйною, прибалтійскими жителями и народами Закавказскаго края. (Народное Дѣло. Романовъ, Пугачевъ или Пестель, 41—42).

Библиотека "Руниверс"

шу", чтобъ разорвать связь между Россіей, Пруссіей и Австріей"; какую Польшу,—историческую, или этнографическую,—нѣмецкій ораторъ не сказалъ, но, конечно, ту, за которую было возстаніе 1863 г. Никто изъ ораторовъ, ни поляковъ (напр., г. Врублевскій), ни великоруссовъ, которые всѣ говорили о польскомъ народѣ и его будущей соціальной свободѣ, не поднялъ вопроса о другихъ народахъ въ предѣлахъ этой Польши. Довольно близко подошелъ было къ этому вопросу одинъ изъ ораторовъ, г. Судзиловскій, названный въ „Впередѣ" „русскимъ" изъ Могилевской губерніи, т. е. изъ Бѣлоруссіи. Онъ сказалъ было, что, не смотря на симпатіи къ польскому движенію 1863 г., онъ не могъ не замѣтить, что на его родинѣ народъ (какой? бѣлорусскій? русскій? польскій?) далеко не былъ на сторонѣ революціи; напротивъ, крестьяне нерѣдко шли открыто противъ возставшихъ, видя въ нихъ бунтующихъ пановъ. По его мнѣнію. „польская революція (1863) была революціей шляхты, а не народа, и въ этомъ причина ея неудачи". Но и г. Судзиловскій, судя по крайней мѣрѣ по отчету „Впереда", не поставилъ вопроса: что же такое его „родина"?—Польша или нѣтъ?—и можетъ ли быть въ ней какая бы то ни было польская революція иною, кромѣ революціи шляхты? Онъ сказалъ только, что польскіе революціонеры не должны забывать, что если польскому дворянству и буржуазіи надоѣло московское иго, то не меньше надоѣло польскому народу (гдѣ? въ Бѣлоруссіи?) иго шляхетское (г. Судзиловскій могъ бы сказать въ соотвѣтствіе словамъ „иго московское"—„бѣлорусскому народу надоѣло иго польское") и что „путь соціальной революціи есть единственный путь для польскаго народа" (а для бѣлорусскаго?) Однако и такое замѣчаніе вызвало, по словамъ отчета во „Впередѣ", „возраженіе г. Врублевскаго, ссылавшагося на цифры", и г. Судзиловскій „на это отвѣчалъ, что его воззрѣнія сложились лишь на основаніи видѣннаго и слышаннаго въ той мѣстности, гдѣ онъ жилъ" (т. е. въ Могилевской губерніи). Этимъ разговоръ и кончился! Редакція „Впереда" съ своей стороны заявила въ общихъ словахъ привѣтъ „той группѣ польской эмиграціи, которая рѣшительно отказалась отъ старой, чисто-политической агитаціи для народно-соціалистическихъ началъ, распространенныхъ на всѣ племена, на всѣ языки, такимъ образомъ, чтобъ свободная будущность польскаго народа была обезпечена международнымъ соціальнымъ переворотомъ". Но замѣчаніе это теряетъ двѣ трети своей цѣны именно по своей абстрактности, такъ какъ, конечно, для польскаго народа всего ин-

Библиотека "Руниверс"

тереснѣе соціальный переворотъ среди народовъ ему сосѣднихъ, въ томъ числѣ среди народовъ литовскаго, бѣлорусскаго и украинскаго. А о нихъ то ни однимъ словомъ не было упомянуто ни на банкетѣ, ни въ газетѣ, его описавшей.

Если заявленія польскихъ и великорусскихъ ораторовъ на первомъ банкетѣ страдали преимущественно боязливою неясностью, то рѣчь великорусскаго оратора на второмъ банкетѣ, въ память возстанія 1831 г., носила на себѣ характеръ явнаго отклоненія въ сторону стараго польскаго патріотизма даже отъ заявленій, сдѣланныхъ на первомъ банкетѣ. Прежде всего совсѣмъ даже непонятно, зачѣмъ понадобилось соціалистамъ, и при томъ не полякамъ, праздновать годовщину возстанія 1830 г., которое не имѣло въ себѣ даже той демократической доли, которая все-таки была въ возстаніи 1863 г. На второмъ банкетѣ полякъ, рабочій Якубовскій, прямо сказалъ, что революція 1831 г. была „панская", и слова его остались безъ возраженій. Тѣмъ не менѣе соціалисты поляки, а также нѣмцы и великоруссы приняли участіе въ празднованіи памяти объ этой революціи. Рядъ рѣчей открыли чтеніемъ заурядnаго заявленія К. Маркса и Энгельса о „необходимости независимости Польши", какъ одного „изъ основныхъ камней освобожденія европейскаго пролетаріата (!)". Двѣ рѣчи г. Врублевскаго, французская и польская, отличались рѣшительностью своихъ заявленій въ пользу соціализма, но неполнотою и неясностью ихъ частныхъ приложеній къ тѣмъ странамъ, о которыхъ ему пришлось говорить. Ораторъ заявилъ, что только „соціально-демократическая партія можетъ внести гармонію въ міръ славянскихъ народовъ въ Австріи", но не сказалъ ничего въ частности относительно народовъ польскаго и украинскаго въ самой интересной для поляковъ странѣ въ этой Австріи, въ Галиціи. О Россіи г. Врублевскій сказалъ, что въ ней „единственная партія, имѣющая для поляковъ значеніе, это партія соціально-демократическая", что „польскій и русскій народъ должны возстать вмѣстѣ, какъ наши отцы говорили: за нашу и вашу вольность". Но о существованіи другихъ народовъ въ Россіи польскій ораторъ не упомянулъ, а между тѣмъ польскій и русскій народъ могутъ „подать другъ другу руки" только при посредствѣ народовъ украинскаго, бѣлорусскаго, латышскаго и литовскаго, изъ которыхъ два послѣдніе не только не польскіе, не русскіе, но даже и не славянскіе. Всѣ такія умолчанія главнаго оратора банкета отняли у послѣдняго всякое реальное значеніе, какое онъ могъ бы имѣть, какъ одинъ изъ сигналовъ

Библиотека "Руниверс"

будущей дѣятельности новой польской партіи, которая должна бы начать съ радикальнаго разрыва со всѣми старыми историчекими партіями.

Великорусскій ораторъ, г. Лавровъ, началъ свою рѣчь съ восклицанія: „Товарищи-соціалисты"! и затѣмъ спрашиваетъ: „нѣтъ ли противорѣчія въ томъ, что мы сошлись помянуть добрымъ словомъ борцовъ 1830 г. за польскую національность? Не должны ли мы, во имя международнаго рабочаго соціализма, знамя котораго есть наше знамя, отречься отъ прошедшаго, разорвать связь съ традиціей политической, національной борьбы?" и отвѣчаетъ: „Нѣтъ! Потому что международный соціализмъ не есть отреченіе отъ исторіи; онъ есть, напротивъ, продуктъ всей предыдущей исторіи", и затѣмъ перечисляетъ историческіе примѣры борьбы съ деспотизмомъ и во имя свободы совѣсти, свободы политической, національной, пока люди поняли, что всѣ виды свободы достигаются при успѣхѣ международной соціально-демократической борьбы. Г. Лавровъ вспоминаетъ и римскихъ рабовъ, и англійскихъ лоллардовъ, французскую жакерію, крестьянскую войну въ Германіи, богумиловъ въ Болгаріи, таборитовъ въ Чехіи, Джіордано Бруно, социніанъ и т. п. историческихъ дѣятелей, какъ своихъ „историч. предшественниковъ", и приходитъ къ заключенію, что „мы, соціалисты, можемъ съ полнымъ правомъ почтить въ ряду ихъ и борцовъ за независимость польскаго народа".

Конечно, это право могло бы быть доказано и съ меньшимъ количествомъ историческихъ примѣровъ. Но если уже понадобилось перечислять „историческихъ предшественниковъ" славянскихъ соціалистовъ, то не странно ли, что рядомъ хоть съ богумилами ораторъ не поставилъ, напримѣръ, борьбы бѣлорусскихъ и украинскихъ братствъ, въ союзѣ съ протестантами, противъ католической уніи въ старой Польшѣ и Литвѣ, или рядомъ съ таборитами не упомянутъ, напримѣръ, „Товарищества (коммуны) запорожскаго", которое, кстати сказать, и самый строй таборами заимствовало отъ чешскихъ таборитовъ, которымъ ходили помогать наши волынцы и подоляне въ XV вѣкѣ. Конечно, такія напоминанія все равно, что тѣнь Банко на банкетахъ польскихъ историческихъ патріотовъ, но собранію людей, отрѣшившихся отъ старыхъ предразсудковъ, этихъ напоминаній нечего было бояться. Забыть же совсѣмъ о козакахъ, не только объ украинскихъ, но и о великорусскихъ, г. Лаврову было нѣсколько странно, хоть бы въ виду того, что въ I томѣ „Впереда" была помѣщена статья,

Библиотека "Руниверс"

въ которой проводится параллель между возстаніемъ С.-А. Соединенныхъ Штатовъ за независимость и Пугачевщиною, и послѣдней отдается предпочтеніе, какъ болѣе близкому историческому предшественнику русскаго соціализма. Кому же и чему оказалъ любезность г. Лавровъ своимъ умолчаніемъ? Ничему, какъ только польскому консервативно-историческому патріотизму! [1])

Всѣ такія любезности и уступки, сопровождаемыя ни къ чему не обязывающими фразами о солидарности,—дѣло весьма обычное на международныхъ праздникахъ и особенно въ эмигрантскихъ кружкахъ, гдѣ онѣ очень часто произносятся въ силу правила: „кукушка хвалитъ пѣтуха затѣмъ, что хвалитъ онъ кукушку". Но въ данномъ случаѣ участвовали слишкомъ серьезные люди и при томъ представители двухъ начинающихся движеній, а потому всего полезнѣе для обоихъ было бы, безъ всякаго лавированія, поставить крупныя точки на всѣ *i* сложнаго польскаго вопроса. Повторяемъ, большой бѣды всѣ эти лавированья никому не причинили, но все-таки они задержали среди склонныхъ къ

---

[1]) Простою любезностью къ самолюбію польскихъ націоналъ-либераловъ слѣдуетъ объяснить и слѣдующія слова г. Лаврова: „Сциніане XVI—XVII вв., которые изъ цѣлаго міра въ одной Польшѣ находили убѣжище, и тамъ въ Раковѣ, въ сарматскихъ „Аѳинахъ", и послѣ въ своихъ скитаніяхъ, проповѣдывали то ученіе, которое должно было сдѣлаться религіей Вольтера, Пристлея, Ченнинга". Если ки Польша дала прочное убѣжище сциніанамъ, то имъ нечего бы было и скитаться, какъ говоритъ г. Лавровъ, послѣ. Все дѣло въ томъ, что Польша была временнымъ убѣжищемъ сциніанъ, какъ была имъ и Швейцарія (особенно Базель), пока ортодоксы разныхъ вѣроисповѣданій не разбирали, чѣмъ пахнетъ ихъ ученіе, и гораздо меньше, чѣмъ, напримѣръ, Трансильванія. Вскорѣ, однако, польское правительство послѣдовательнымъ рядомъ актовъ, принятыхъ именно въ то время, когда уже повсюду на Западѣ смягчался духъ религіознаго преслѣдованія (въ 1632, 1650, 1658, 1660 гг.) уничтожило въ Польшѣ эту секту, между тѣмъ какъ въ Трансильваніи она получила признаніе въ ряду четырехъ другихъ религіозныхъ партій въ 1571 г. и сохранилась до сихъ поръ. Въ Трансильванію бѣжали сциніане и изъ Польши, а также въ Пруссію и Голландію, гдѣ полякъ-сциніанинъ Любеницкій продолжалъ изданіе раковской Biblioteca fratrum polonorum. Нелишнимъ считаемъ замѣтить, что между сциніанами въ старой Польшѣ и Литвѣ были и бѣлоруссы, какъ, напр., Будный, защитникъ сохраненія бѣлорусскаго языка среди ополячившейся шляхты, и украинцы, какъ напримѣръ, Синюты, Немиричи и проч. Изъ послѣднихъ происходилъ и извѣстный козацкій полковникъ, авторъ гадячскаго договора 1628 г., по которому въ Украйнѣ и въ Бѣлоруссіи должны были быть учреждены университеты съ свободою преподаванія, дана свобода открытія гимназій, типографій и свобода печати. Этотъ Немиричъ самъ долженъ былъ бѣжать отъ польскихъ законовъ въ Голландію.

Библиотека "Руниверс"

соціализму поляковъ развитіе идей, вполнѣ радикально разрывавшихъ съ старыми польскими стремленіями, и порождали въ польскомъ, если не въ великорусскомъ, обществѣ всетаки довольно вредныя недоразумѣнія. Такимъ недоразумѣніемъ было, напримѣръ, то, что галицко-польскія, шляхетско-буржуазныя газеты долго говорили о „Впередѣ“ съ большою симпатіею, и самъ „Впередъ“ перепечаталъ отзывы о русскихъ соціалистахъ одной изъ нихъ, „Dziennika Polskiego“ (кстати сказать, одной изъ самыхъ нетерпимыхъ къ русинамъ). Эта газета заявила, что сама не признаетъ соціалистическаго идеала, но полагаетъ, что будущая революція въ Россіи (w Moskwie) будетъ соціальная, и говоритъ съ большой симпатіей о русскихъ (moskiewskich) революціонерахъ. Если, по словамъ „Dz. Polsk.“ (1877, № 278), московскіе революціонеры нуждаются въ полякахъ, какъ поляки въ московскихъ революціонерахъ“, то, при заявленномъ выше несогласіи въ идеалахъ, очевидно, желаемый газетою союзъ долженъ бы былъ страдать всѣми слабыми сторонами союза 1863 г., и „будущая соціальная революція“ въ Россіи могла бы быть интересна партіи „Dziennika“ только какъ „смута“.

Подобныя, крайне вредныя для „московскихъ революціонеровъ“ заявленія симпатій со стороны шовинистскихъ галицко-польскихъ газетъ прервались только тогда, когда въ Галицію проникло дѣйствительно „непримиримое“ для тамошнихъ господствующихъ классовъ (польскихъ) украинское соціалистическое движеніе, которое тамошнія польскія газеты, по своему обыкновенію, объявили было новымъ видомъ „московской интриги“. Съ тѣхъ поръ,—со времени львовскихъ процессовъ 1877—1878 гг., — польскіе шляхетско-буржуазные органы стали со злобою говорить и объ издателяхъ „Впередъ“, помѣщая ихъ, вмѣстѣ съ украинскими дѣятелями, въ разные фантастическіе комитеты, будто бы посылающіе изъ Женевы и Лондона своихъ агентовъ въ Галицію для посѣванія смуты сначала между русинами, а потомъ и между поляками [1]). Но и тогда „Dziennik Polski“, поражая издателей женев-

[1]) См. особенно „Gazeta Narodowa“ 1877, № 137 (о пропагандѣ „наистрашнѣйшаго терроризма“ и „разбойничьемъ соціализмѣ московскомъ“), а также въ Dz. Polskim 1877, № 133. Галицко-польскія газеты пробовали сначала отдѣлить „московскихъ разбойниковъ-нигилистовъ“ отъ нѣмецкихъ соціалистовъ, но когда пронесся слухъ, что и эти послѣдніе предпринимаютъ соціалистическую пропаганду на польскомъ языкѣ въ Познани, то обрушились и на нихъ, несмотря на всѣ ихъ симпатіи къ „возстановленію Польши“. Тревога, однако, оказалась совершенно напрасною: „германская соціальная демократія“ такъ и не собралась на изданіе польской

Библиотека "Руниверс"

скихъ украинскихъ брошюръ, противопоставлялъ имъ „истинныхъ московскихъ революціонеровъ“ (iscie rewolucyjne organy moskiewskie), которые-де выступаютъ противъ женевскихъ украинцевъ за ихъ „непріязненное отношеніе къ полякамъ“, т. е. собственно къ польской шляхтѣ и къ польскимъ государственнымъ порядкамъ въ Галиціи. (Подъ этими „органами“, по всей вѣроятности, разумѣется „Набатъ“).

Теперь, когда дѣятельность „московскихъ нигилистовъ“ принимаетъ болѣе политическое, чѣмъ соціально-экономическое направленіе, отзывы о нихъ польскихъ газетъ становятся опять болѣе симпатичны, и когда, какъ слѣдуетъ непремѣнно ожидать, въ польскихъ областяхъ Россіи поднимется опять національно-политическое движеніе, то ученіе о томъ, что „московскіе революціонеры нуждаются въ польскихъ патріотахъ, какъ польскіе патріоты въ нихъ“, конечно, опять должно пойти въ ходъ. Поскольку тутъ дѣло идетъ о дѣйствительно польскомъ народѣ и вполнѣ законныхъ требованіяхъ поляковъ, въ предѣлахъ этнографической Польши, ученіе это вполнѣ основательно. Но поскольку тутъ идетъ дѣло объ историческомъ и даже шовинистическомъ патріотизмѣ польскомъ, отъ догматовъ котораго не думаютъ отступать ни на іоту галицкія польскія газеты, ученіе это заключаетъ въ себѣ зародышъ ошибокъ, подобныхъ тѣмъ, какія были сдѣланы въ 1863 г. Вотъ тутъ то и нужно „московскимъ революціонистамъ“ избѣгать такихъ неясностей, умолчаній и любезностей, какія мы видѣли въ отношеніи къ Польшѣ во „Впередѣ“, а равно остерегаться такихъ заявленій, какія были сдѣланы подъ однимъ изъ почтеннѣйшихъ именъ въ русской революціонной средѣ на женевскомъ митингѣ 30-го ноября 1880 г. въ память польскаго возстанія 1830 г. въ словахъ: „я не знаю, какъ глубоко вкоренены въ Польшѣ національныя чувства, и насколько могутъ они препятствовать развитію соціалистическаго движенія. Наши товарищи поляки, которые дѣйствовали въ Польшѣ, надѣются, что чувства эти попрепятствовать этому движенію не могутъ, и мнѣ кажется, что мы можемъ имъ вѣрить. А если они и ошибаются, такъ что-жъ изъ этого? Ежели національное возстаніе еще разъ вспыхнетъ въ Польшѣ, тогда слишкомъ поздно будетъ про-

---

соціалистической ни газеты, ни даже брошюры для поляковъ, входящихъ въ составъ германскаго государства. Для этого надо было самихъ поляковъ, да еще изъ Россіи. Фактъ—поучительный для сторонниковъ государственныхъ основъ для организаціи соціалистическихъ партій.

Библиотека "Руниверс"

тиводѣйствовать ему посредствомъ какой бы то ни было соціалистической пропаганды. Тогда и они (польскіе соціалисты), можетъ быть, примутъ участіе въ этомъ возстаніи, и мы, можетъ быть, примемъ въ немъ участіе. Тогда это будетъ уже дѣло не убѣжденій, а чувства, темперамента!" (Biblioteka „Równosci", t. I, 71, Mowa ob. Wiary Zasulicz).

Мы считаемъ излишнимъ повторять здѣсь слова Чернышевскаго о недостаточности однихъ чувствъ, а тѣмъ болѣе темперамента для вѣрнаго направленія политической дѣятельности. Но совершенно умѣстно будетъ замѣтить по поводу этихъ словъ, что единственное средство предохранить отъ напрасной гибели и будущее польское національное движеніе, и тѣхъ соціалистовъ, польскихъ и русскихъ, которые „можетъ быть, пристанутъ къ нему",—это: всегда строго ставить себѣ и другимъ вопросъ о томъ, гдѣ польское національное движеніе имѣетъ себѣ мѣсто, а гдѣ—нѣтъ? т. е. вопросъ о границахъ настоящей Польши, а также никогда не ставить польскаго вопроса только между Польшей и Россіей, поляками и великоруссами (русскими, rossyjanami), а между поляками и литвинами, латышами, бѣлоруссами и украинцами, т. е. и въ томъ, и въ другомъ случаѣ поступать не такъ, какъ поступалъ „Впередъ" и ораторы женевскаго митинга 1880 г.

Единственное средство дать здоровое направленіе польскому національному чувству въ вопросахъ организаціи политической и соціалистической революціи—это организація политическихъ и соціалистическихъ партій для націй плебейскихъ въ бывшей Польшѣ, а именно—партій литовской, латышской, бѣлорусской и украинской, на совершенно равной ногѣ съ партіями польскими и великорусскими. И наибольшая услуга, какую могли бы оказать „русскіе" революціонеры и соціалисты своимъ польскимъ друзьямъ,—если уже не говорить о народахъ, — это способствовать организаціи вышеупомянутыхъ партій. Правда, что для этого имъ самимъ надо радикально отрѣшиться отъ своихъ національно-государственныхъ предразсудковъ и согласиться на раздѣлъ того, что имъ кажется единою Россіею и едино-русскимъ.

Но такое отрѣшеніе и такое согласіе развиваются и среди „русской интеллигенціи" такъ-же туго, какъ и среди польской. Это подтверждается, кромѣ всего сказаннаго выше, судьбою среди другихъ группъ русскихъ соціалистовъ 70-хъ годовъ той группы, которая всего болѣе хотѣла остаться вѣрною направленію, данному Бакунинымъ. Мы разумѣемъ ту группу, которая издавала въ 1874 г. въ Женевѣ газету „Работникъ",—первый опытъ вели-

Библиотека "Руниверс"

корусской соціалистической газеты для рабочихъ. Между прочимъ редакціей „Работника“ издана была книга „Сытые и Голодные“, по нашему мнѣнію, вмѣстѣ съ брошюркою „Хитрая Механика“, лучшая до сихъ поръ популярная соціалистическая книга на великорусскомъ языкѣ. Въ книгѣ этой, представляющей опытъ изложенія исторіи пролетаріата, довольно послѣдовательно проведена анархическая, федеративная точка зрѣнія и относительно исторіи Россіи: областному элементу указано надлежащее мѣсто; борьба украинцевъ съ Польшею и московская централизація освѣщены вѣрно; даже польское возстаніе 1863 г. и участіе въ немъ великорусскихъ демократовъ объяснено тоже довольно вѣрно, во всякомъ случаѣ съ должной критикою (стр. 409—412). Послѣднее тѣмъ болѣе интересно, что въ редакціи „Работника“ принималъ участіе г. Н. Жуковскій, великоруссъ, который въ свое время былъ судимъ за раздачу прокламацій въ арміи, благопріятныхъ польскому возстанію. „Работникъ“, конечно, не смогъ взять на себя иниціативы изданій для народа на другихъ языкахъ, кромѣ великорусскаго, и остался собственно не общерусскою, а только великорусскою газетою, но въ его типографіи была напечатана и прокламація на украинскомъ языкѣ „Золота Грамота“ (правда, не вполнѣ удачная), составленная лицами, которыя хотя и пристали къ великорусскимъ соціалистамъ, но которыя не совсѣмъ забыли, что украинскій народъ представляетъ свои особенности по крайней мѣрѣ хоть по языку. Но на этомъ и окончились попытки дифференцированія русскихъ анархистовъ въ Женевѣ. Они не только не дошли до всероссійской федералистической организаціи, но не поставили и общаго вопроса о ней, хоть такъ, какъ пробовалъ было ставить его Бакунинъ. А вмѣстѣ съ тѣмъ скоро оказалось, что и въ томъ своемъ видѣ, въ какомъ сложилась группа „Работника“, она не встрѣтила поддержки въ Россіи, въ которой изъ всѣхъ соціалистическихъ фракцій, фракція „Работника“ оказалась самою слабою численностью, и потому должна была скоро прекратить свои публикаціи.

Въ 1878 г. нѣкоторые члены изъ редакціи „Работника“, вмѣстѣ съ другими лицами, попробовали было основать въ Женевѣ газету „Община“. Эта послѣдняя въ своей программѣ помѣстила нѣсколько строкъ, которыя показывали намѣреніе вывести „русскую соціально-революціонную партію“ изъ обрусительнаго унитаризма „Набата“ и „Впереда“. Въ статьѣ г. Жуков-

Библиотека "Руниверс"

скаго „Реформы и революція" сдѣлана была еще болѣе рѣшительная попытка указанія необходимости народно-областной дифференціаціи дѣла соціалистической пропаганды въ Россіи и оцѣнка значенія заявившаго уже тогда себя украинскаго соціалистическаго движенія, между прочимъ какъ такого, которое выходитъ за предѣлы Россійскаго государства, а потому тѣмъ болѣе не можетъ быть уложено въ рамки россійской соціалдемократіи. Г. Жуковскій писалъ:

„Мысль о благодѣтеляхъ, о диктаторахъ, о комитетахъ, предписывающихъ движеніе сверху внизъ, отходитъ въ область прошлаго вмѣстѣ съ старымъ понятіемъ о самой революціи.

„Движеніе должно совершаться уже самими дѣйствующими, должно идти снизу вверхъ, отъ частнаго къ общему, отъ секціи къ федераціи, области секцій; отъ областной къ національной, отъ національной къ міровой.

„Въ политикѣ, въ государствѣ. фикція государственная стираетъ личность, уничтожетъ ее. La raison d'état, какъ финикійскій молохъ, пожираетъ своихъ собственныхъ дѣтей, отнимая у нихъ личность. Въ положительной организаціи, въ общественной организаціи труда, каждый работникъ, каждый членъ общества становится, напротивъ, сознательной личностью; не онъ существуетъ для организаціи, а организація для него.

„Такова (?) революціонная мысль, съ которой въ позднѣйшее время молодежь наша пошла въ народъ.

„Въ молодежи украинской автономныя и демократическія идеи проявились съ новой силой въ концѣ шестидесятыхъ годовъ; малороссійскіе революціонеры на этотъ разъ болѣе рѣшительно примыкаютъ къ обще-европейскому федеративному соціализму.

„Украинская молодежь выбита изъ узкой колеи пропаганды въ одной только русской Украйнѣ; она выступаетъ въ открытое, внѣ-государственное, интернаціональное поле. Ошибся Александръ Николаевичъ: онъ думалъ разомъ положить конецъ революціонной пропагандѣ, а она не только выросла въ Украйнѣ русской, но вошла въ предѣлы его сосѣда-союзника, австро-венгерскаго императора. Такъ-то сложилась украинская соціалистическая партія. Въ силу самихъ обстоятельствъ она должна быть федератив-

Библиотека "Руниверс"

ная: съ одной стороны, она федерируется съ федералистами-революціонерами Россіи, съ другой—съ западно- и югославянскими-революціонерами, польскими и всякими другими соціалистами-революціонерами, принимающими федерализмъ за основу организаціи.

„Безъ грузинъ, армянъ и безчисленнаго множества инородцевъ, которыхъ считать всероссійскими позволительно только становому приставу, въ предѣлахъ имперіи живетъ 36 000 000 великоруссовъ, 14 239 000 малоруссовъ, 4749 212 поляковъ да 4 000 000 бѣлоруссовъ. У каждаго изъ этихъ народовъ свое бытовое устройство, свой земледѣльческій строй; каждому изъ нихъ нужно, слѣдовательно, не только предоставить право внутренняго самоустройства, но и всѣмъ имъ предоставить право федераціи, какъ она можетъ сложиться по ихъ собственной иниціативѣ. Оффиціальная Россія, раздвинувшая завоеваніе Ермака до Восточнаго океана, подчинила и всю сѣверную Азію власти всероссійскаго станового, а между тѣмъ въ недалекомъ будущемъ интересы восточной Сибири потянутъ больше къ Соединеннымъ Штатамъ, чѣмъ къ Петербургу или Одессѣ.

„Москвичъ, полякъ, украинецъ, сибирякъ—другъ другу не указчики, а товарищи. Теперь они всѣ живутъ подъ гегемоніей великоруссовъ и называются русскимъ народомъ, потому именно, что надъ ними русскій становой; исчезнетъ становой, и всѣ эти народы будутъ, предоставлены самимъ себѣ, а въ какихъ предѣлахъ и какъ они сфедерируются другъ съ другомъ, это можетъ показать только практика.“ (Община, № 5. [1])

Но и федерализмъ, и антигосударственность „Общины“ не встрѣтили сочувствія въ „русскихъ“ соціалистическихъ кругахъ. Сама „Община“ должна была помѣстить безъ всякихъ оговорокъ со стороны редакціи статью г. Як. Стефановича объ украинскомъ сборникѣ „Громада“. Въ статьѣ этой всѣ указанія „Громады“ на

---

[1]) Мы должны упомянуть еще о статьѣ г. Аксельрода „Переходный моментъ нашей партіи“ въ 8—9 № „Общины“, гдѣ срезюмированы почти всѣ критическія замѣчанія „Громады“ о недостаткахъ „русскаго“ соціалистическаго движенія 70-хъ годовъ, въ томъ числѣ и „шаблонности“ пріемовъ и „безплотности“ формулы, которую р. соц. „имѣли претензію перенести въ сознаніе племенъ и народовъ Россійской Имперіи“.

Библиотека "Руниверс"

недостатокъ должной дифференціаціи въ дѣйствіяхъ и даже въ литературной дѣятельности великорусскихъ соціалистовъ, взявшихся работать на всемъ пространствѣ Россіи, населенной разными народами, и о несправедливости такого образа поведенія относительно невеликорусскихъ народовъ, признаны были неосновательными, и продиктованными недоброжелательствомъ и узкимъ націонализмомъ; положеніе дѣлъ въ русской соціально-революціонной партіи, такимъ образомъ, признано было вполнѣ нормальнымъ, не требующимъ реформъ. Вскорѣ за тѣмъ одинъ изъ видныхъ великорусскихъ соціалистовъ, г. П. Л. (Jahrbuch für Sozialwissenschaft und Sozialpolitik, 1879, I, 275), укорилъ „Общину“ и за тѣ уступки, какія она позволила себѣ сдѣлать въ своей программѣ народно-федеральному направленію; онъ увидѣлъ въ этихъ уступкахъ „открытіе [страницъ „Общины“ южнорусскимъ націоналистамъ“ (??).[1]) Когда писанъ былъ этотъ укоръ, „Община“ уже перестала существовать, и никакой другой „русскій“ органъ не говорилъ уже о необходимости дифференціаціи въ дѣятельности „русскихъ“ соціалистовъ.

Такимъ образомъ, попытки народно-федералистической реакціи противъ идеи государственно-націоналистической централизаціи въ великорусской соціалистической литературѣ проявились очень слабо и скоро заглохли, а тѣмъ самымъ оказалась невозможность для такъ называемой русской соціально-революціонной партіи сдѣлаться изъ частной великорусской партіи дѣйствитель-

---

[1]) Jahrbuch für Sozialwissenshaft und Soizalpolitik, 1879, I, 275: „Община“ считаетъ особенно необходимымъ, чтобъ внутри русскаго государства дѣйствующія группы устроились какъ союзъ отдѣльныхъ „національныхъ“ группъ, вмѣсто того чтобъ, какъ прежде всѣ соціалисты (русскіе, конечно) образовывали массу, несмотря на національныя различія великоруссовъ, малоруссовъ и поляковъ. Такимъ образомъ этимъ (заявленіемъ) редакція открыла свой листокъ и (auch) южнорусскимъ націоналистамъ“. Г. П. Л. не захотѣлъ обратить вниманія на то, что ненормальность прежняго положенія дѣла состояла не въ томъ, что въ русскіе соціалисты поступали люди безъ различія національностей, а въ томъ, что всѣ они приспособлялись къ работѣ для одной только государственной національности. Союзная областно-національная организація не только не исключаетъ своего интернаціонализма (не только по цѣли, но и по составу партіи), а напротивъ, справедливѣе осуществляетъ „требованія“ интернаціональнаго соціализма. Тѣ, которыхъ г. П. Л. угодно было назвать „южнорусскими націоналистами“, были именно противниками національной монополіи. (Подробнѣе см. объ этомъ въ нашей замѣткѣ Der kleinrussische Internationalismus, въ томъ же Jahrbuch, т. II.)

Библиотека "Руниверс"

но всероссійскою, и вполнѣ интернаціональною партіею, посредствомъ дифференцированія сверху внизъ. Правда, послѣ сдѣланныхъ со стороны украинскихъ соціалистовъ замѣчаній, не только „Впередъ", но и „Набатъ" признали въ теоріи необходимость локализаціи и даже „націонализированія средствъ" пропаганды соціализма въ Россіи. „Впередъ" въ т. V (новой редакціи) долженъ былъ даже признаться, что, напримѣръ, „Громада" вполнѣ вѣрно указала недостатки въ дѣятельности „русскихъ" соціалистовъ: „шаблонность пріемовъ, слабое вниманіе къ мѣстнымъ особенностямъ" и т. п., но только объяснялъ эти недостатки не такъ, какъ, „Громада", т. е. не тѣми причинами, какія мы указывали и въ настоящихъ статьяхъ,—а лишь малочисленностью русскихъ соціалистовъ,—и обѣщалъ, что „всѣ эти недостатки современемъ исчезнутъ. Ряды соціалистовъ возрастутъ, и каждый изъ нихъ найдетъ себѣ мѣсто среди населенія, съ которымъ ему наилучше сблизиться. Никто не пойдетъ тогда проповѣдывать соціализмъ полякамъ на еврейскомъ языкѣ, малороссамъ на чухонскомъ (!). Практикой постепенно вырабатываются пріемы для мѣстной пропаганды, нѣсколько отличные отъ пріемовъ пропаганды въ другой мѣстности" (Впередъ, V, 161—162). Но всѣ такія признанія не вели за собою никакихъ практическихъ послѣдствій. Напримѣръ, весь періодъ пропаганды соціализма въ Россіи посредствомъ брошюрокъ прошелъ безъ того, чтобъ русскими соціалистами издана была хоть одна строчка, приспособленная, по языку и по содержанію, къ какой бы то ни было мѣстности, кромѣ великороссійской. Исключеніе составляетъ развѣ упомянутая выше женевская „Золота Грамота". Между тѣмъ, нѣкоторыя лица, попавшія въ русскіе соціалистическіе круги изъ тѣхъ, въ которыхъ еще держались традиціи украинскаго движенія 60-хъ годовъ, чувствовали необходимость пропаганды и соціализма на народныхъ языкахъ и старались проводить эту идею и среди русскихъ соціалистовъ, но совершенно безуспѣшно. Еще въ 1874 г. мы видѣли въ Петербургѣ рукопись украинскаго перевода „Хитрой Механики", которую послѣ исправленія ея со стороны языка однимъ „украинофиломъ", который относился скептически къ задуманному тогда „хожденію въ народъ", но счелъ себя обязаннымъ оказать помощь дѣлу, во всякомъ случаѣ искренно предпринятому,—была отправлена въ Лондонъ для изданія, котораго такъ и не дождалась ни отъ старой, ни отъ новой редакціи „Впереда", типографія котораго, поддерживаемая между прочимъ и на сред-

Библиотека "Руниверс"

ства, шедшія съ Украины, напечатала столько великорусскихъ книжекъ. [1]) Еще въ началѣ 1874 г. однимъ изъ самыхъ почтенныхъ людей процесса 193 русскихъ соціалистовъ, человѣкомъ, въ которомъ первые демократическія идеи (какъ и у многихъ южанъ) были поселены украинскимъ движеніемъ 60-хъ годовъ, была составлена брошюрка на украинскомъ языкѣ: „Правдиве слово хлібороба до своїх земльаків“ и передана одному южному „русскому“ кружку для напечатанія, но она была напечатана только въ 1876 г. „украинскими“ соціалистами. Эти послѣдніе увидѣли необходимость совершенно отдѣльной отъ „русскихъ“ организаціи, какъ единственнаго условія для того, чтобъ издавалось и дѣлалось хоть что-нибудь, приспособленное къ пропагандѣ соціализма среди украинскаго населенія, и чтобъ такимъ образомъ Украина не была только оброчною статьею и для великорусскаго соціалистическаго движенія, какъ была она и есть оброчною статьею для великорусскаго народа. [2])

---

[1]) По показанію автора передовой статьи въ № 1 „Общины“, лица довольно компетентнаго, въ Россіи было распространено нѣсколько десятковъ тысячъ этихъ книжекъ.

[2]) Рецензентъ „Громады“ въ „Общинѣ“ объясняетъ отсутствіе печатанія всероссійскими соціалистами книгъ на иномъ языкѣ, кромѣ великорусскаго, тѣмъ, что, напримѣръ, „южнорусскіе соціалисты всегда придавали несравненно большее значеніе устной пропагандѣ, чѣмъ книжной“. Это опять одно изъ такихъ же изобрѣтеній россійской „самобытности“, какъ и раздѣленіе языковъ, на манеръ „Русск. Соц. Рев. Библіотеки“: одинъ—для „интеллигенціи“, другой для „народа“. На гниломъ Западѣ понимаютъ, что безъ книжной пропаганды нѣтъ и устной, какъ безъ книгъ для „интеллигенціи“ нѣтъ книгъ и для „народа“. Но посмотримъ, какъ стояло дѣло употребленія народнаго языка и въ устной пропагандѣ у „южнорусскихъ соціалистовъ“. Въ „Воспоминаніяхъ пропагандистки“ читаемъ: „языкъ малорусскій мнѣ былъ плохо извѣстенъ“; изъ „Чигиринскаго дѣла“ 1876 г. описаннаго въ „Черномъ Передѣлѣ“ № 1—2, узнаемъ, что дѣйствующіе тамъ русскіе соціалисты, украинскіе уроженцы, проповѣдывали организацію „тайной дружины“ не зная, что по-украински „дружина“ значитъ—любовница-невѣста! По части приспособленія къ мѣстнымъ нравственнымъ особенностямъ это чигиринское дѣло тоже характерно: въ немъ пущенъ былъ въ ходъ пріемъ самозванщины, котораго, какъ видно изъ № 3 „Черн. Пер.“, нѣкоторыя лица не оставили и до сихъ поръ. Между тѣмъ, этотъ пріемъ совершенно противенъ всѣмъ преданіямъ украинскимъ, среди которыхъ можно найти зацѣпки не только для болѣе чистыхъ, но и болѣе республиканскихъ пріемовъ. Но на бѣду ознакомленіе съ украинскимъ языкомъ и преданіями, научнымъ способомъ, а не налетомъ, считались многими (въ томъ числѣ и упомянутымъ рецензентомъ „Общины“) дѣломъ, „буржуазнымъ“, а не революціоннымъ.

Библиотека "Руниверс"

Такимъ образомъ жизнь научила, что дѣйствительно всероссійскую, интернаціонально-федеральную партію и для пропаганды соціализма въ Россіи надо образовывать не сверху внизъ, а снизу вверхъ, приготовляя для нея сначала частные, областные и національные элементы, которые уже потомъ должны будутъ сфедерироваться. Хотя такой способъ и неизбѣжно сопряженъ съ болью борьбы и временнаго раздробленія, которыхъ, конечно, лучше бъ было избѣжать,—но, кажется, такой ходъ дѣла самый естественный и обѣщаетъ наиболѣе прочные результаты, ибо, какъ это ни грустно, но нужно сознаться, что вообще родъ человѣческій хромаетъ по части синтеза, и что и то еще надо счесть за счастіе, если въ немъ есть достаточно людей, способныхъ хоть къ анализу.

Прежде всего сорганизовались совершенно отдѣльно отъ „русскихъ“ соціалисты украинскіе, начавши съ 1875 г. печатать свои изданія въ Вѣнѣ, потомъ въ Женевѣ, и Львовѣ. Съ 1878 г. появляются соціалистическія брошюры новыхъ польскихъ соціалистовъ и затѣмъ программа „польскихъ соціалистовъ“. Около того же времени принимаются за свою организацію и бессарабскіе выходцы въ Румыніи. Наконецъ, въ 1880 г. въ Женевѣ печатается воззваніе отъ группы „соціалистовъ-евреевъ“, предполагающее печатаніе книгъ для пропаганды среди еврейскаго рабочаго населенія на Востокѣ Европы на живыхъ его языкахъ (въ 1877 г. была сдѣлана покойнымъ Либерманомъ попытка соціалистическаго изданія на древнееврейскомъ языкѣ). Характеристично, что всѣ эти зачатки новыхъ организацій не только имѣютъ себѣ цѣлью не великорусское населеніе, но, вслѣдствіе расположенія тѣхъ населеній, которыя они избрали себѣ за поле дѣйствія, выходятъ и за предѣлы русскаго государства. Это обстоятельство дѣлаетъ еще болѣе труднымъ признаніе необходимости этихъ организацій со стороны тѣхъ, кто привыкъ видѣть всякаго „русскаго подданнаго“ погруженнымъ въ заботы и работы, исключительно помѣщающіяся въ рамкахъ государства, въ которомъ дѣйствительно помѣщаются всѣ почти великоруссы, за исключеніемъ небольшого числа раскольниковъ. Вотъ почему названныя невеликорусскія организаціи должны были вызвать тѣмъ большую реакцію въ „русскихъ“ соціалистическихъ кругахъ. Даже и теперь снисходительность литературныхъ представителей послѣднихъ, напримѣръ, къ украинскимъ соціалистамъ не идетъ даль-

Библиотека "Руниверс"

ше признанія ихъ „фракціей русскаго соціализма“ (см. воззваніе (первое) объ изданіи „Русс. Соц.-Револ. Библіотеки“ или „Нѣсколько словъ объ организаціи партіи“ г. П. Лаврова въ „Черномъ Передѣлѣ“ № 3), — на какое званіе украинскіе соціалисты вдвойнѣ не могутъ согласиться, такъ какъ украинское населеніе не фракція русской (великорусской) націи, а отдѣльная нація, и такъ какъ ихъ работа въ Австро-Венгріи выводитъ ихъ за границы „русскаго“ государства. Не очень же давно самая мысль о сколько-нибудь самостоятельной организаціи украинцевъ, и даже, какъ это ни странно, мысль о печатаніи книгъ на украинскомъ языкѣ считалась у большинства „русскихъ“ соціалистовъ за противный соціализму „націонализмъ“. Также была встрѣчена (хотя и не въ литературѣ) и мысль объ организаціи бессарабскихъ румынъ. Кто бы этому не повѣрилъ, тому любопытно было бы послушать пренія на женевскомъ собраніи, созванномъ „группою соціалистовъ-евреевъ“ и нѣсколькими украинцами въ 1880 году для обсужденія мысли объ изданіи соціалистическихъ брошюръ на разговорныхъ языкахъ евреевъ Восточной Европы. Казалось бы, какое возраженіе могла вызвать мысль объ изданіи той же „Хитрой Механики“ еще на одномъ человѣческомъ языкѣ, или, пожалуй, даже „жаргонѣ“? А между тѣмъ надо приписать только чрезвычайнымъ усиліямъ и такту лица, предсѣдательствовавшаго на вышеупомянутомъ собраніи, что оно не окончилось крупнымъ скандаломъ. Съ такимъ озлобленіемъ отнеслись къ нему ораторы изъ русской и польской соціалистической партіи, и особенно лица еврейскаго же происхожденія![1])

Только мысль о вполнѣ самостоятельной организаціи „польскихъ соціалистовъ“ не встрѣчала до сихъ поръ никакой оппозиціи со стороны соціалистовъ русскихъ. Но зато среди „польскихъ соціалистовъ“ сейчасъ же обнаружились элементы, которые раздѣлили съ русскими трудъ отрицательнаго отношенія къ мысли о необходимости существованія соціалистовъ украинскихъ

---

[1]) Мы считаемъ себя вправѣ говорить объ этомъ собраніи, такъ какъ это былъ вполнѣ публичный митингъ, созванный печатными приглашеніями, и такъ какъ извѣстія о немъ проникли и въ газеты. Съ своей стороны мы ничего не имѣемъ противъ того, если бы кто-нибудь хоть стенографически вѣрно напечаталъ то, что говорили на этомъ митингѣ мы и наши товарищи, равно какъ и ихъ возражатели.

Библиотека "Руниверс"

и даже отрицаніе существованія украинскаго народнаго элемента рядомъ съ польскимъ тамъ, гдѣ онъ несомнѣнно существуетъ, какъ, напр., въ Галиціи.[1]) Такое отношеніе сосѣдей обусловило со всѣхъ сторонъ „военное положеніе“ украинскихъ соціалистовъ. Крайне непріятно это положеніе и тяжела налагаемая имъ борьба, но разъ она дана реальными условіями жизни, отъ этой борьбы нельзя отказаться. Притомъ же самая эта борьба заставляетъ украинцевъ, уже ради разсчета не остаться одному въ полѣ воиномъ, поднимать на Востокѣ Европы народно-федеральную идею вообще, поднять то знамя, которое держали въ своихъ рукахъ и великоруссы, въ родѣ Бакунина, но которое выпустили изъ рукъ ихъ близорукіе наслѣдники. Идея эта — полное равноправіе негосударственныхъ націй съ государственными, организація для каждой изъ нихъ спеціальнаго корпуса дѣятелей политическаго и соціальнаго освобожденія, на первыхъ порахъ пропаганда освободительныхъ идей на всѣхъ языкахъ, не только панскихъ, а и плебейскихъ, какъ самое дѣйствительное средство провести эти идеи въ массы населенія всѣхъ племенъ Востока Европы.[2])

Въ борьбѣ за эту идею украинцамъ придется имѣть противъ себя всѣ государственно-національные, централистическіе элементы: нѣмецкіе (Германіи, Австріи и Остзейскаго края), великорусскіе, польскіе и венгерскіе, начиная отъ консервативно-аристократическихъ и до соціально-демократическихъ, но раньше или позже украинскіе соціалисты-федералисты не только будутъ имѣть за собою украинскій народъ, который и теперь все же представляетъ массу до 20 000 000 человѣкъ, но увидятъ рядомъ съ собою федерально-соціалистическія партіи: эстонскую, латышскія, литовскую, бѣлорусскую, словацкую, словинскую, румынскую, кавказскія, кружки еврейскіе (которые необходимы до слитія рабочаго элемента еврейскихъ колоній съ окружающими ихъ

---

[1]) Кто знаетъ сословно-экономическія отношенія правобережной Украйны и кто знаетъ, что дѣло пропаганды соціализма на Востокѣ Европы до сихъ ведется почти исключительно людьми и взносами панскихъ классовъ, живущихъ, конечно, хлопскимъ трудомъ, тотъ пойметъ, что Украйна должна была стать оброчною статьею и для польской соціалистической пропаганды. Въ такомъ же положеніи находится и Бѣлоруссія, и Литва, и земля латышей.

[2]) Подробное развитіе этихъ мыслей см. въ „Громадѣ“, „Листкѣ Громады“, и въ „Вольномъ Союзѣ“.

Библиотека "Руниверс"

массами населеній), а также здоровые отъ государственно-національной заразы элементы партій великорусскихъ, польскихъ, нѣмецкихъ и венгерскихъ.[1]) Нѣкоторые признаки такого свѣтлаго будущаго видны уже и теперь.

---

[1]) Мы не говоримъ тутъ о сербскихъ и болгарскихъ партіяхъ, такъ какъ болгары совершенно, а сербы въ значительной и наиболѣе самостоятельной части своей земли стоятъ внѣ тѣхъ политическихъ комбинацій, въ которыя входятъ украинцы, а именно внѣ Россіи и Австро-Венгріи. Но мы не сомнѣваемся въ сочувствіи и сербовъ, и болгаръ къ федеративнымъ стремленіямъ. У болгаръ еще нѣтъ опредѣленныхъ партій, соціалистическія идеи едва начинаютъ къ нимъ проникать. Но кн. Черкасскій и ген. Эренротъ уже сломали у нихъ и прежнюю вѣру въ московское славянофильство, и оправдали всѣ тѣ предсказанія, которыя украинцы, на основаніи собственнаго опыта съ XVII ст., дѣлали своимъ болгарскимъ друзьямъ еще въ 1876 г. Что касается до сербовъ, то всѣ независимые люди изъ нихъ давно уже высказались въ федеративномъ духѣ и въ частности весьма самостоятельно относились къ украинскому движенію. (Примѣры см. въ нашей брошюрѣ „По вопросу о малорусской литературѣ". Вѣна 1876). Сербское соціалистическое движеніе развилось въ родствѣ съ бакунинскимъ анархизмомъ и до сихъ поръ сохраняетъ федеративный характеръ. Когда украинскія партіи встрѣтятся съ сербскими въ Австро-Венгріи, то не можетъ быть сомнѣнія въ ихъ полномъ между собою согласіи.

Библиотека "Руниверс"

Воспоминанія и Автобіографія Одесскаго Протоіерея Николая Ивановича Соколова.[1)]

Поступленіе мое въ училище.

Поѣздка въ Сѣвскъ.—Классы Сѣвской семинаріи и ея зданія.—Мѣстность Сѣвской семинаріи нездоровая.—Квартирная жизнь.—Учебный бытъ и что преподавалось въ каждомъ классѣ.—Собраніе учениками весною травъ и кореньевъ.—Торжественный актъ съ диспутами.—Поѣздка домой на первыя вакаціи.—Поѣздка на Пасху съ приключеніями.—Хожденіе на утреню въ архіерейскую церковь зимою.—Дежурство въ больницѣ.—Жизнь на новой квартирѣ и болѣзнь. Риторы—соквартиранты: *Атлантовъ* и *Воскресенскій*.—Философъ *Иванъ Алексѣевъ. Борисовъ* и его *затѣи*.—Ловля рыбы архіерейскимъ неводомъ.—Поѣздка на каникулы 1817 г.

Курсъ въ училищѣ начинался съ 1-го сентября. Не знаю, почему отецъ мой пропустилъ срокъ опредѣленія моего въ училище и повезъ меня въ Сѣвскъ послѣ Рождества Хр., въ началѣ 1816 года. Должно быть колебался, примутъ ли заику въ училище, и не отдать ли меня въ сапожники, какъ многіе совѣтовали и какъ сдѣлалъ Акимъ Петровичъ съ полу-нѣмымъ сыномъ своимъ *Михаиломъ*.

Не помню зимней поѣздки въ Сѣвскъ, отстоящій отъ с. Спасскаго на 175 верстъ; но помню, какъ, отъѣхавъ отъ Орла нѣсколько верстъ, мы съѣзжались съ другими священниками и дьячками, везшими дѣтей въ Сѣвскъ. Отецъ находилъ между священниками товарищей по воспитанію и на станціяхъ пріятно проводилъ время.

Училище въ Сѣвскѣ соединено было съ Семинаріею, или правильнѣе—тогда не было училища, а одна Семинарія съ низшими классами, управляемая однимъ ректоромъ и префектомъ,

[1)] См. „Кіевскую Старину"—мартъ-апрѣль 1906 г.

Библиотека "Руниверс"

т. е. инспекторомъ. Классы были слѣдующіе: 1) Низшая элементорія; 2) Высшая элементорія; 3) Грамматика; 4) Синтаксисъ; 5) Поэзія; 6) Младшая риторика; 7) Старшая риторика; 8) Философія и 9) Богословія. Ученики первыхъ старшихъ классовъ именовались *студентами—богословами* и *философами*; ученики среднихъ классовъ назывались *риторами*, *піитами* и *синтаксистами;* а ученики низшихъ классовъ назывались *учениками перваго, втораго* и *третьяго класса,*—или: *низшей элементоріи, высшей элементоріи* и *грамматики.*—Семинарія эта была на всю епархію или губернію и заключала въ себѣ до 700 душъ. Она помѣщалась въ одномъ двоэтажномъ каменномъ корпусѣ 40 саженъ длины, и 9 или 10 ширины и 5 вышины. Въ нижнемъ, какъ и въ верхнемъ, этажѣ было по 2 коридора. Изъ каждаго коридора 4 двери вели въ огромныя залы. Залы были одного размѣра и всѣхъ ихъ было 16. Три части заняты были классами и библіотекою, а 4-я помѣщеніемъ *бурсы.*—По правую сторону корпуса былъ небольшой домъ подъ деревянной крышей, занимавшійся инспекторомъ; противъ него тянулись три смежные флигеля для больницы и учителей, а ниже ихъ, отступя на 10 саженъ, стояло зданіе, заключавшее въ себѣ хлѣбню, кухню и столовую для бурсы. Эта столовая отстояла отъ корпуса на 100 саж.—По другую сторону площади противъ корпуса, въ 20 саженяхъ отъ него, стоялъ домикъ Правленія и при немъ страшный колокольчикъ. Далѣе противъ корпуса, въ 40 саженяхъ отъ Правленія, стояло двух-этажное деревянное зданіе, заключавшее въ себѣ одинъ большой залъ съ окнами въ два ряда по длинѣ его и съ обѣихъ сторонъ. Въ немъ—двѣ стѣны глухихъ (безъ оконъ). При одной стояла *катедра*, надъ другою возвышались *хоры.* Это—*авдиторія.* За авдиторіею, въ 30 саженяхъ отъ нея, стоялъ домикъ—квартира ректора, одноэтажный съ галлереею, раздѣлявшійся на двѣ половины. Этотъ домикъ стоялъ уже противъ *монастыря*, или по крайней мѣрѣ противъ службъ его[1]).—Противъ другого конца монастыря или ограды его стоялъ домъ въ родѣ постоялаго двора. Въ этомъ домѣ была *харчевня.*—Семинарія—на площади. Позади ея—дубовая роща, а съ лѣвой стороны—березовая. Обѣ насаждены, да и Семинарія устроена пресв. *Аполлосомъ Байбаковымъ*, или предшественникомъ его.[2])

---

[1]) Это былъ *Спасскій монастырь*, подъ г. Сѣвскомъ, считавшійся тогда *архіерейскимъ домомъ* Епископовъ Сѣвскихъ и Орловскихъ—Л. М.

[2]) Вслѣдъ за этимъ слѣдуетъ рисунокъ плана Семинарскихъ зданій, сдѣланный наскоро перомъ—Л. М.

Библиотека "Руниверс"

Своекоштные ученики квартировали на *слободкѣ*, которая тянулась по берегу рѣки *Сѣвы* и заворачивалась *глаголемъ* къ березовой рощѣ, тянувшейся позади домовъ слободки за огородами и кирпичными сараями. *Слободку* составляли дома штатныхъ архіерейскихъ служителей. Отъ Семинаріи до слободки надобно было итти добрыхъ 1/4 версты и на Слободкѣ до *глаголика* еще болѣе чѣмъ пол-версты. Тѣмъ, которые квартировали на глаголикѣ, приходилось каждый день выходить 1 1/2 версты. Тѣ, которые не помѣщались на слободкѣ, квартировали въ городѣ, въ одной части его, называвшейся *Заморицею*.[1])

Мѣстность, на которой расположенъ архіерейскій монастырь съ Семинаріею, слободкою и позади ихъ двумя небольшими рощами—дубовою и березовою—это *островъ* въ полторы квадратныхъ версты среди болотъ, соединяющійся съ городомъ и полями посредствомъ *гатей*. По направленію къ городу болото простирается на двѣ версты; противъ Слободки за рѣкою оно простирается такъ далеко, что и конца не видно; позади рощъ болото небольшое. Позади инспекторскаго дома, до части города, называемой *Заморицею*, оно не болѣе *полверсты*. За рѣкою болото покрыто лозникомъ и другими кустарными деревьями; но топи трясины не позволяютъ пользоваться ими; другія болота покрыты мохомъ и проходимы, хотя и съ трудомъ. Мѣстность возвышается надъ болотами не болѣе, какъ на 3 сажени, тогда какъ городъ и окрестныя поля—на 15 саженей и болѣе. Съ этой мѣстности городъ кажется стоящимъ на горѣ, и окрестныя поля кажутся горами.— Мѣстность—самая нездоровая, хотя по растительности и удобствамъ купанья довольно пріятная. Весною—за рѣчкою соловьи; лягушки поднимали такой трескъ, что не давали спать. Но въ іюнѣ и іюлѣ появлялись лихорадки и горячки, которыхъ рѣдкій изъ новыхъ учениковъ избѣгалъ. Смертность была большая, но на нее некому было обращать вниманіе[2]). Забирали больныхъ въ больницу; но изъ нея немногіе возвращались на квартиры[3]). Объ

---

[1]) Далѣе слѣдуетъ *планъ слободки*.—Л. М.

[2]) Обратилъ на это вниманіе въ 1804 г. Ректоръ Сѣвской Семинаріи. Архим. *Филаретъ Амфитеатровъ* и горячо настаивалъ на перемѣщеніи Семинаріи въ г. Орелъ... Но своею настойчивостію вызвалъ гнѣвъ тогдашняго архіерея *Досиѳея* и былъ переведенъ въ Уфу...—Л. М.

[3]) Объ анти-санитарномъ положеніи Сѣвской Семинаріи упоминается въ біографіи знаменитаго профессора Кіевской академіи Я. К. Амфитеатрова: „Больно вспомнить о прежней Сѣвской Семинаріи! Въ ней воспитывалось болѣе тысячи дѣтей. Она была на разстояніи отъ города около 900 саженей, окруженная со всѣхъ

Библиотека "Руниверс"

устройствѣ, средствахъ и порядкахъ тогдашней семинарской больницы разскажу въ своемъ мѣстѣ. А теперь попробую изобразить эту мѣстность съ птичьяго полета—по отношенію къ окружающимъ ее болотамъ, городу и полямъ[1]).

Отецъ явился со мною къ инспектору, добрѣйшему архимандриту; поднесъ ему серебряный рубль. Инспекторъ записалъ меня въ *низшую элементорію* и послалъ насъ къ учителю. Не знаю, что отецъ далъ учителю—и учитель записалъ меня въ свой списокъ. Но ни тотъ, ни другой не только не экзаменовалъ меня, но даже и не говорилъ со мною. Отецъ никакъ не ожидалъ такого легкаго пріема и былъ въ веселомъ расположеніи духа.

Отецъ поставилъ меня на квартиру, на которой жили мои двоюродные братья, дѣти діакона *Стефана Троицкаго*, лѣчившаго когда-то мой глазъ. Одинъ изъ нихъ, *Иванъ*, уже полтора года былъ въ Семинаріи, а *Петръ* предупредилъ меня однимъ годомъ и былъ въ высшей элементоріи. Хозяйка была *Сѣденчиха*, а мужъ ея *Хома Андреевичъ*, сухощавый старикъ, отличался тѣмъ, что, возвращаясь изъ города по гати пьяненькій, всегда оралъ одну и туже пѣсню: „Пріятель, пріятель, другъ сердешный, позабылъ свое прежнее пріятельство!“ Голосъ его слышанъ былъ въ домѣ архіерея. Но его никто не останавливалъ; должно быть онъ уже былъ сверхштатный. Видно, тогда выслужившіе свой срокъ штатные служители не возвращались на родину; отъ того и слободка была такъ велика, болѣе 60 домовъ. А сколько штатныхъ служителей жило въ самомъ монастырѣ, сколько на хуторѣ, въ *Юшиной*![2])

сторонъ болотами, въ то время непроходимыми, свирѣпствовавшими лихорадками и сильными горячками. Сколько дѣтей здѣсь померло“.. См. брошюру *В. И. Аскоченскаго*: „Я. К. Амфитеатровъ“. Кіевъ 1851 г. стр. 2.—Л. М.

[1]) Слѣдуетъ дальше рисунокъ *съ птичьяго полета* всей мѣстности, среди которой находилась Сѣвская Семинарія. — Всѣ эти рисунки показываютъ, какъ хорошо и живо помнилъ о. Н. И. Соколовъ мѣстность, гдѣ началось его первоначальное школьное образованіе, и какъ подробно хотѣлъ запечатлѣть всѣ подробности и характерныя черты этой мѣстности.—Сѣвская Семинарія интересна для насъ, между прочимъ, и потому, что здѣсь воспитывался и потомъ былъ учителемъ, а затѣмъ и начальникомъ (сначала *Префектомъ*, а потомъ *Ректоромъ*) приснопамятный кіевскій митрополитъ *Филаретъ Амфитеатровъ* (1795 — 1804 гг.).—Л. М.

[2]) *Юшина* — это загородный архіерейскій домъ — въ 15 верстахъ отъ Сѣвска. О немъ будетъ говориться ниже—Л. М.

Библиотека "Руниверс"

За 15 лѣтъ назадъ отецъ мой и самъ квартировалъ у *Сѣденчихи* и тѣмъ охотнѣе оставилъ меня у ней на квартирѣ. Не знаю, за какую цѣну договорился съ нею.—Не помню, какъ отецъ простился со мною, но помню, что онъ купилъ сундучекъ; войлокъ и подушка привезены были изъ дому; книжку *Лексикончикъ*[1]), бумаги 2 дести сѣрой и одну десть синей. Денегъ мнѣ оставилъ мѣдными рубль; куплена была для меня чернильница, орѣшки съ купоросомъ[2]), линейка и карандашъ изъ свинца, ножичекъ перочинный и перьевъ до сотни. Рубашекъ привезено было три, столько же портокъ. Кромѣ того у меня была овчинная шуба, крытая синимъ сукномъ, шапка, пестрадевый халатъ и картузъ для лѣта, жилетка; галстуха не было; сапогъ пара съ чулками; но я скоро почувствовалъ нужду въ лаптяхъ.

Въ избу приходили только обѣдать и ужинать, а остальное время до и послѣ классовъ проводили въ *горницѣ* съ двумя окнами. Горница эта—въ $2^1/_2$ сажени длины и 2 ширины. Въ комнатѣ этой стоялъ столъ со скамьями вокругъ него. Кровать была одна, только для старшаго ритора, а прочіе спали на землѣ, одинъ—на столѣ. Садиться за столъ, для исправленія уроковъ, тогда говорилось: *садиться за порядокъ*. Ложились спать въ 10 часовъ, вставали въ 6 часовъ. Вставши, каждый скатывалъ свой войлокъ съ подушкою и клалъ въ уголъ комнаты; одѣялъ не было; укрывались шубами, а лѣтомъ—халатами.

Въ одной комнатѣ насъ жило 8 душъ. Мы не различали спертаго воздуха отъ чистаго, хотя рѣдкій изъ насъ не имѣлъ чесотки на рукахъ. Но кто тогда заботился о чистотѣ воздуха? Гдѣ я ни жилъ, вездѣ не было въ окнахъ форточекъ. Самыя чистыя и здоровыя помѣщенія—это были только *курныя избы*, потому что въ нихъ каждый день смѣнялся воздухъ. Не знаю, почему мы мало болѣли; видно—потому, что каждый день ходили въ классъ, и до обѣда, и послѣ обѣда, отмѣривая полверсты, и часто выбѣгали на дворъ играть.

---

1) *Лексикончикъ*—это былъ латинскій букварь, въ концѣ коего былъ маленькій словарь латинскихъ словъ. Подъ такимъ названіемъ „Лексикончикъ“ эта книжечка была извѣстна и позже—въ мое время, когда, въ началѣ 50-хъ годовъ прошлаго вѣка, я, подъ руководствомъ отца, сталъ знакомиться съ первыми элементами латыни.—Л. М.

2) Какъ матеріалъ для приготовленія *чернилъ*, что въ то время, какъ и въ наше, дѣлалъ каждый ученикъ.—Л. М.

Библиотека "Руниверс"

Въ квартирѣ я болѣе страдалъ отъ двоюродныхъ братьевъ. Они тотчасъ сообщили другимъ мою уличную кличку *дериглазъ*, которую измѣнили другія на *окуль* и *вокуль*. Я былъ слабосиленъ и принужденъ былъ сносить обиды.

Классъ *низшей элементоріи*, какъ и всѣ классы Семинаріи, былъ въ большой продолговатой залѣ. Парты были длиною въ 2 сажени съ половиною и шириной въ аршинъ съ четвертью. Проножки были толщиною въ четверть; верхняя доска—въ 2 вершка толщины. Скамьи—массивныя. Въ классѣ была грубка; но она никогда не отоплялась. Въ печкѣ хранились березовыя лозы. Въ классѣ были *авдиторы* и *авдиторъ авдиторумъ*; былъ *цензоръ*, смотрѣвшій за поведеніемъ и порядкомъ, были два *дневальные*, подметавшіе классы. Чернила отогрѣвали дыханіемъ; учитель въ сильные морозы позволялъ сидѣть въ шапкахъ. У каждаго авдитора велась нотата. Въ первой графѣ этого листа писались имена и фамиліи учениковъ. Далѣе шли графы съ означеніемъ въ каждой изъ нихъ числа мѣсяца. Въ каждое число противъ каждаго ученика писались отмѣтки: *cs* (*scit*), *nt* (*non totum*), *ev.* (*erravit*), *nsc.* (*nescit*), *abs* (*abest*—нѣтъ въ классѣ), *aegr.* (*aegrotus*—боленъ), *nud.* (*nudus*—безъ обуви). За *nsc.*—сѣкли, за *nt.*—ставили на колѣни; за *err.*—только бранили осломъ, лѣнивцемъ, дуракомъ.

Въ низшей элементоріи учили *Лексикончикъ* по 10 словъ на урокъ и писали съ латинскихъ и русскихъ прописей. Писали и цифры до ста и до тысячи, но ариѳметика ни въ этомъ, ни въ другихъ классахъ не прѣподавалась (?). Студенты и учители умѣли слагать и вычитать только на счетахъ.—Перешедшіе въ *высшую элементорію* покупали *Каменскаго* латинскую грамматику и *Гебнерову* исторію на латинскомъ языкѣ. Первое полугодіе учили склоненія и спряженія; во второе полугодіе повторяли пройденное и переводили первыя главы Св. Исторіи Гебнера съ латинскаго на русскій языкъ съ этимологическимъ разборомъ.

Въ *грамматическомъ* классѣ учили неправильные глаголы и продолжали Гебнерову исторію и, кажется, оканчивали ее.—Въ *синтаксическомъ* классѣ учили синтаксисъ по Каменскаго грамматикѣ, и учитель задавалъ переводы съ латинскаго на русскій и обратно.—Въ классѣ *поэзіи* учили просодію, опять по Каменскому, и піитику преосв. *Аполлоса Байбакова*.—Въ *младшей риторикѣ* проходили риторику и упражнялись съ составленіи хрій—простой и ѳеоніанской, изучали тропы и фигуры, на русскомъ и латинскомъ языкѣ.—Въ *старшей риторикѣ* учи-

Библиотека "Руниверс"

ли рѣчи Цицерона и упражнялись въ составленіи рѣчей и разсужденій, на русскомъ и латинскомъ языкѣ.—Въ *философіи* проходили логику, психологію и метафизику по *Бавмейстеру* и писали разсужденія на латинскомъ языкѣ, и какъ въ этомъ классѣ преподавалось и объяснялось все на латинскомъ языкѣ, то немногіе могли писать философскія разсужденія по русски. Но такія разсужденія не цѣнились.—Въ *богословіи* преподавалось богословіе, кажется по *Фальковскому*, на латинскомъ языкѣ, и Свящ. Писаніе. Занимались латинскими толковниками.—Самоучкой знакомились съ нѣмецкимъ, французскимъ и греческимъ (?) языками, всегда по библіямъ на этихъ языкахъ. Упражнялись въ проповѣдяхъ.—Говорили мнѣ послѣ, что переводъ книги *Богъ въ натурѣ* сдѣланъ въ Сѣвской Семинаріи, когда я былъ въ нижней элементаріи. [1])

Съ переходомъ въ классъ философіи ученики получали право зимой носить нагольныя шубы на распашку, носить шинели и лѣтомъ сертуки, а богословамъ сверхъ того разрѣшалось носить косы.

Кромѣ *старшаго* въ квартирѣ, надъ 3-мя и 4-мя квартирантами былъ *квартирный инспекторъ*—изъ студентовъ богослововъ, а надъ этими инспекторами—*сеніоръ*; инспектору ученики взносили каждый по 10 копѣекъ, по 3 пера и по 3 листа бумаги.

Съ наступленіемъ весны ученики первыхъ 4-хъ классовъ, начиная съ элементорій, отпускались въ лѣса и на поля подъ руководствомъ старшихъ, преимущественно риторовъ, собирать лѣкарственныя травы и рыть коренья. Почему при самомъ поступленіи въ Семинарію родители снабжали ученика *копкомъ* (палкою съ желѣзною лопаточкою). Мы собирали *веронику*, *львиныя копытца* и корни, называемые *раковыми шейками*. Эти травы и коренья сносили въ больницу къ подлекарю, которымъ былъ тогда иподьякопъ. Изъ этихъ травъ выжимался сокъ, а коренья рѣзались, сушились и толклись въ порошокъ.

Съ наступленіемъ іюня насъ посылали за цвѣтами, которые потомъ приносили въ авдиторію, гдѣ старшіе дѣлали изъ нихъ корзины, гирлянды и паникадила. Для этого большею частію

---

[1]) Переводчикомъ книги „Богъ въ натурѣ“ былъ учитель Сѣвской Семинаріи *Андрей Кондр. Сильвестровъ*. Но это было раньше—(въ 1800—1802 гг.), когда Ректоромъ Сѣвской Сем. былъ архим. *Израиль Звягинцевъ*, а префектомъ—*Филаретъ Амфитеатровъ*. См. въ „Домашней Бесѣдѣ“ 1863 г. (вып. 4.) *автобіографію* извѣстнаго духовнаго композитора протоіерея *П. И. Турчанинова*.—

Библиотека "Руниверс"

употреблялись желтые пуповки и синіе васильки, какъ не теряющіе своего цвѣта и въ сухомъ состояніи. Низать ихъ на нитку все-таки возлагали на учениковъ младшихъ классовъ по наряду.

Не помню, чтобы въ низшихъ классахъ были экзамены. Учитель высшей элементоріи пришелъ въ классъ. Посмотрѣлъ тетради, потомъ сталъ выкликать по списку и ставить насъ къ двери, потомъ повелъ насъ во 2-й классъ. Не помню, остался ли кто въ первомъ классѣ. Сказалъ, чтобъ покупали грамматику Каменскаго и Гибнера исторію, и распустилъ насъ на работы въ авдиторіи. До 15-го іюля никто не смѣлъ ѣхать домой.

Мнѣ довелось видѣть торжественный актъ въ авдиторіи, и я обязанъ былъ этимъ тому, что за нѣсколько дней выбранъ регентомъ въ семинарскіе пѣвчіе, хотя послѣ признанъ мой голосъ негожимъ. Съ пѣвчими я протѣснился на хоры. Тамъ уже были семинарскіе музыканты съ скрипками, флейтами, кларнетами и віолончелями, большею частію риторы и философы. Въ авдиторіи по каждую сторону стояли скамьи, на которыхъ помѣщались ученики старшихъ классовъ, начиная съ піитики; посрединѣ стояли стулья и кресла. На нихъ сидѣли священники изъ города и чиновники. Всѣ были въ ожиданіи архіерея *Досифея* и, какъ говорили тогда, генерала *Попова* изъ деревни. Черезъ часъ прибылъ архіерей съ господиномъ въ сертукѣ, но со звѣздою; говорили тогда, что это генералъ и онъ то присылаетъ хлѣбъ и масло на весь годъ для Семинаріи. Только что вошли они, хоръ пѣвчихъ и музыкантовъ встрѣтили ихъ шумною пьесою. Кажется, пѣли и играли: *Громъ побѣды раздавайся, Александръ—Елисаветъ, раздавайся громъ побѣды.* Ректоръ архимандритъ взошелъ на каѳедру и что-то читалъ. Потомъ богословъ *Иванъ Григорьевичъ Переверзевъ* читалъ стихи своего сочиненія. Это былъ отличный импровизаторъ, но къ несчастью запивалъ. Затѣмъ богословъ *Говоровъ* читалъ о чемъ-то разсужденіе. Поднялся богословъ другой и началъ говорить съ нимъ. Въ этотъ разговоръ вмѣшался третій, уже учитель. Пѣвчіе говорили между собою: *начинается диспутъ.* Поднимается старый протоіерей, начинаетъ говорить на латинскомъ языкѣ. За нимъ поднимаются другіе священники. Наконецъ что-то говорилъ архіерей—и споръ прекратился. Началась игра музыкантовъ. За ними пѣлъ хоръ пѣвчихъ. Я очень былъ глупъ, чтобы понимать, что дѣлалось. Но изъ разговоровъ старшихъ, цѣлый день судившихъ и разсуждавшихъ, уяснился для меня актъ и

Библиотека "Руниверс"

то, что было на немъ.—Говорили, что риторы приносили въ авдиторію издѣлія своей работы: сундуки, шкатулки, жилеты, сапоги, лапти, переплеты, и смѣялись надъ тѣмъ, что одинъ риторъ принесъ лѣстницу своего издѣлія. Я не знаю,—въ авдиторіи всего этого не было видно.

Послѣ торжества въ авдиторіи брали билеты на отпускъ, съѣзжались изъ деревень извозщики и занимали площадь противъ семинарскаго корпуса. На слободкѣ—неизобразимое веселіе, всѣ въ восторгѣ, и особенно ученики младшихъ классовъ. Извощики на 200 верстъ брали 4 рубля съ человѣка; на полтораста до Орла и проч.—3 рубля, а мнѣ до Спасскаго приходилось платить 3 рубля 50 коп. Каждый извощикъ завозилъ пассажировъ въ домъ свой и безплатно угощалъ блинами или горячими пирогами. На этотъ разъ я такъ объѣлся пироговъ, что цѣлую дорогу былъ въ жару и, пріѣхавъ домой, вылежалъ въ горячкѣ недѣлю или болѣе.

Предъ этою поѣздкою я испыталъ другую. Къ празднику Пасхи отпускали домой только ближайшихъ; но меня двоюродные братцы подбили обмануть начальство, показавъ себя жителемъ ближайшаго города. Инспекторъ архимандритъ, при всей своей добротѣ, былъ неумолимъ первые дни Страстной недѣли. На Великій четвертокъ—на умовеніе ногъ—онъ былъ апостоломъ Петромъ, и цѣлый день былъ въ восторгѣ. Разнесся слухъ, что онъ подписываетъ билеты безъ разбора. Настрочили риторы мнѣ билетъ; я опрометью побѣжалъ съ нимъ къ архимандриту. У него стояло много учениковъ съ билетами. Я вошелъ со страхомъ и слезами. Взглянувъ на меня, архимандритъ спросилъ: „и тебѣ хочется домой?“ Въ отвѣтъ я зарыдалъ и не могъ вымолвить ни одного слова. Архимандритъ взялъ изъ рукъ моихъ билетъ и не читая подписалъ его. Съ какимъ восторгомъ я летѣлъ на квартиру! А тутъ братецъ Иванъ обработалъ и подводу. Ѣхали на Орелъ *Остромысленскіе*—два брата, ученики изъ синтаксиса, и унтеръ-офицеръ. Въ тотъ же день и я съ ними выѣхалъ. Проѣхали г. Дмитревку благополучно, пріѣхали въ Кромы. Выѣхавъ изъ Кромъ, молодой унтеръ-офицеръ требовалъ, чтобы, согласно договору, сперва ѣхали въ Орелъ, а послѣ уже чтобы развезъ другихъ пассажировъ по дорогѣ на Мало-Архангельскъ. Но извощикъ, избѣгая круга, не соглашался. Началась ссора. Солдатъ выхватилъ меня изъ повозки, бросилъ сколько-то денегъ извозщику и повелъ меня пѣшкомъ. Это было въ великую субботу. Дорога грязная. Я изнемогъ,—солдатъ взялъ мой узелъ на свои плечи и велъ меня къ

Библиотека "Руниверс"

Орлу проселочными дорогами. Къ вечеру достигли деревни. Вошедши въ избу, я повалился на полъ и, положивъ свой узелъ подъ голову, тотчасъ заснулъ. Ночью меня пробудило пѣніе: гляжу—множество мужиковъ и бабъ въ сѣняхъ и противоположной избѣ горницѣ поютъ: *Христосъ Воскресе,*—но не по нашему.—Что это?—„Спи!"—закричалъ на меня солдатъ; я повалился, но замѣтилъ, что подо мною не голый полъ, а солома.—До свѣту разбудилъ меня солдатъ. Я вышелъ на улицу, стоитъ тройка. „Садись!"—сказалъ солдатъ,—къ обѣдни будемъ въ Орлѣ."—И дѣйствительно, солнце было не слишкомъ высоко—и мы уже въѣзжали въ городъ. Проѣхавъ шлагбаумъ, солдатъ остановился подлѣ кабака; пошелъ туда и чрезъ минуту выноситъ мнѣ кусочекъ пасхи и порядочный стаканчикъ водки—съ словами: „на, разговѣйся!" Я съѣлъ пасхи и выпилъ водку.—„Ну—куда тебя везти?"—Я сказалъ фамилію портного, жившаго за Орличнымъ мостомъ, знакомаго моему отцу. У него отецъ мой ночевалъ, когда везъ меня въ Сѣвскъ. Солдатъ отыскалъ этого портного, но я такъ опьянѣлъ, что вошелъ къ портному шатаясь и едва могъ объяснить свое положеніе. Я просилъ портного заплатить солдату; но заплатилъ ли онъ, не знаю; только помню—между ними былъ споръ и ссора. Поѣвши чего-то, я совершенно оправился. Ночь спалъ крѣпко. Рано утромъ я пошелъ домой пѣшій. Портной снабдилъ меня большимъ кускомъ хлѣба.

Когда я шелъ большой дорогою,—до Оптухи встрѣчались юди, и мнѣ не страшно было. Но когда отъ Оптухи пошелъ проселочною дорогою, я шелъ на угадъ; я часто отдыхалъ. На полпути вдали я замѣтилъ, что бѣжитъ большая собака. Она была выше полыни, остававшейся съ осени на межахъ. Собака бѣжала по межѣ позади за полынью. Находясь отъ нея за 50 саженъ, я присѣлъ. Когда она стала перебѣгать дорогу, она показалась мнѣ длинною и рослою. Я еще не видѣлъ волка, но мнѣ пришло на мысль, не волкъ ли это—и я прилегъ къ землѣ. Минутъ чрезъ 10 я поднялъ голову,—ничего не видно; поднялся на ноги, осмотрѣлся на всѣ стороны,—ничего вокругъ не было. Тогда я пошелъ, прибавивъ шагу: страхъ придавалъ силъ. Скоро завидѣлась церковь—и я залился слезами радости. Тутъ же я увидѣлъ коровъ, которыя бродили по полю. Я уже видѣлъ себя внѣ опасности. Но тогда-же почувствовалъ сильную слабость въ ногахъ. Я легъ на землю и едва не заснулъ. Встрепенувшись, я пошелъ скорымъ шагомъ по направленію къ церкви. Близь церкви—на погостѣ—никого не было. Но когда я пошелъ переулкомъ,

Библиотека "Руниверс"

ведущимъ къ дому, меня увидѣли сестры; онѣ бросились бѣжать отъ меня, какъ отъ привидѣнія, и побѣжали домой. Чрезъ нѣсколько минутъ я увидѣлъ съ сестрами отца и мать—и не могъ сойти съ мѣста. Мать и сестры плакали, а отецъ закричалъ: „а гдѣ билетъ?“ Я вынулъ билетъ и отдалъ ему. Это было уже передъ вечеромъ. Сейчасъ меня кормить; но я отъ усталости и радости не могъ ничего ѣсть; и при своей заиковости едва могъ разсказать, какъ ѣхать подбили братья, какъ учили меня обмануть инспектора и какъ я безъ обмана получилъ билетъ, какъ и съ кѣмъ ѣхалъ, какъ шелъ пѣшій съ унтеръ-офицеромъ, какъ ночевалъ у раскольниковъ подъ Св. Пасху, кто заплатилъ за меня въ Орлѣ и какъ пришлось мнѣ видѣть волка.—Не помню, брали-ль меня въ приходъ. Какъ хожденіе съ образами оканчивалось обыкновенно въ Ѳомино воскресенье,—то въ понедѣльникъ отецъ началъ собираться везти меня въ Сѣвскъ.

Не помню ни одного обстоятельства изъ этой трех-дневной дороги. Но пріѣхавъ въ Сѣвскъ, отецъ явилъ меня инспектору и учителю. По совѣту *Василія Лукича Переверзева*, студента философіи, онъ не оставилъ меня у Сиденчихи—съ братьями, а помѣстилъ въ квартирѣ квартирнаго инспектора *Ивана Григорьевича Данкова*, студента богословія. Домъ этой квартиры стоялъ черезъ дорогу отъ дома Сиденчихи, въ концѣ архіерейскаго огорода, надъ самой рѣчкою Сѣвою. Этотъ домъ построенъ былъ однимъ изъ протоіереевъ для квартированія его дѣтей, которые въ мое время были уже философами. Домъ раздѣлялся на двѣ половины. Въ первой, большой кухнѣ съ полатями, помѣщались ученики младшихъ классовъ, числомъ 5 душъ. Въ другой половинѣ помѣщались инспекторъ, два философа, протоіерейскихъ сына,—забылъ фамилію ихъ,—и два ритора: *Воскресенскій* и *Атлантовъ*. Инспекторъ и философы имѣли кровати. А гдѣ спали риторы, не помню. Мы же—младшіе спали въ избѣ на полатяхъ. Жили, какъ говорили тогда, *обществомъ*, только не слагались провизіею, а только деньгами. Кажется, протоіерей изъ деревни снабжалъ *общество* всею провизіею по дешевой цѣнѣ. Я помню на дворѣ амбаръ, наполненный мукой, крупой и всякой всячиной. Имъ завѣдывалъ комиссаръ *Воскресенскій* вмѣстѣ съ кухаркою, женщиною не совсѣмъ старой, поставленной отъ протоіерея. Деньги хранились у инспектора. Комиссаръ съ однимъ изъ младшихъ ежедневно ходилъ за говядиной въ городъ.

Василій Лукичъ Переверзевъ чрезъ Остромысленскихъ развѣдалъ, кто это былъ солдатъ, съ которымъ я странствовалъ. Это

Библиотека "Руниверс"

былъ *Лукинъ*, помѣщикъ однодворецъ, не изъ даточныхъ. Баталіонъ, въ которомъ онъ служилъ, квартировалъ въ городѣ. Отецъ мой рѣшился съ нимъ видѣться и поѣхалъ со мною въ городъ. Какъ обрадовался отецъ, когда нашелъ Лукина! Оказалось, что отецъ зналъ его мальчикомъ и знакомъ былъ съ его родителями, имѣвшими своихъ крестьянъ и большое хозяйство. Сейчасъ его въ трактиръ. Заказана солянка, подовые пирожки, потребована водка. Тутъ открылось, что Лукинъ бралъ отпускъ на короткое время св. Пасхи, и за упрямствомъ извощика, не хотѣвшаго ѣхать на Орелъ, ему и мнѣ приходилось проводить Пасху въ Мало-Архангельскѣ. Оказалось, что онъ за меня заплатилъ — какъ первому, такъ и послѣднему извощику. Портной ничего не возвратилъ Лукину. Отецъ съ благодарностію заплатилъ ему издержанное на меня, хотя онъ и отказывался.

Прежде чѣмъ говорить о раздольной жизни въ квартирѣ инспектора, стоитъ вспомнить нѣкоторыя обстоятельства зимней моей жизни въ квартирѣ Сиденчихи. Отъ Рождества до Пасхи была зима снѣжная и холодная. Сапоги трескались на морозѣ. Я замѣнилъ ихъ лаптями, но у меня не было онучъ, и я надѣвалъ по два чулка на ногу. Голова хорошо была защищена *треухомъ*; но у меня небыло рукавицъ, а только вязанки. Рѣдкій день, чтобы я не отмораживалъ себѣ носа, или щекъ, и незнобилъ рукъ до ломоты. Вообще я былъ нѣженъ, слабъ силами и вялъ на перенесеніе страданій. Глубоко и мрачными чертами врѣзались у меня въ память *хожденіе къ утрени* въ архіерейскую церковь и *дневальство* въ больницѣ.

Ночью подъ воскресенье—не знаю въ какомъ часу—бывало раздается громкій голосъ посланаго отъ квартирнаго инспектора съ сильнымъ стукомъ въ двери—и съ этимъ стукомъ онъ кричалъ: „выходите къ утрени!“ Вышедши изъ квартиръ на дорогу и ставши по два въ рядъ, должны были стоять четверть часа на одномъ мѣстѣ, пока не подойдутъ такъ называвшіяся инспекторства *съ Глаголика*. Это стояніе въ снѣгу и на морозѣ было пыткою. Когда рядки всѣхъ инспекторствъ соединятся, тогда раздается команда: „пошелъ! не выходить изъ ряда!“ Но рядкомъ шли только низшіе и средніе классы, а студенты шли внѣ порядка, по сторонамъ. Бывало слышишь тамъ и сямъ крикъ „оборы, оборы! сукинъ сынъ!“ Это значило: у кого-либо развязались веревки, которыми прикрѣпляются лапти и онучи къ ногамъ,—и онъ, несчастный, за каждымъ шагомъ клюетъ носомъ въ снѣгъ, и когда растянется по дорогѣ, чрезъ него всѣ перескакиваютъ,

Библиотека "Руниверс"

пока риторы сильными ногами не спихнутъ его съ дороги на сторону. Здѣсь несчастный весь въ снѣгу сидитъ на снѣгу, исправляя обувь своими закоченѣлыми руками. Обыкновенно несчастный рюмитъ, или реветъ; но это не трогаетъ никого: рядокъ продолжаетъ идти безостановочно. Даже студенты молча обходятъ копающагося въ снѣгу. Слободка оканчивается за 1/4 версты до архіерейской церкви, и квартирующимъ на Глаголикѣ приходилось мѣсить снѣгъ почти цѣлую версту. Въ церкви не молились, а только стояли, и инспекторы смотрѣли, чтобы ряды учениковъ были правильны, и въ случаѣ кто задремлетъ и упадетъ, тотчасъ поднимали за волосы, или рвали вихорь, когда кто самъ успѣвалъ подняться.

Въ первую зиму мнѣ пришлось быть дневальнымъ въ больницѣ. Не помню, сколько было больныхъ, но ими наполнялись двѣ большія комнаты. У каждаго была особая кровать, но кровати стояли близко одна отъ другой. Вмѣсто войлоковъ или матрацовъ служили постели изъ мягкаго камыша, который называли *нюнькою*. Такой камышъ росъ въ водѣ по мелкимъ мѣстамъ рѣки Сѣвы. Стебель былъ толщиною въ два пальца; внутренность его наполняла масса ноздреватаго вещества. Пуки этого мягкаго и упругаго камыша, толщиною въ большой кулакъ и длиною въ аршинъ съ 1/4, связывались тонкими шнурками, и изъ нихъ выходилъ матрацъ. На этомъ матрацѣ съ подушкою въ головѣ лежали больные. Не помню, что служило имъ одѣяломъ. Въ больницѣ было жарко. Больнымъ въ пищу давали кулѣшъ, а въ лѣкарство — микстуры, приготовленныя изъ травъ, собранныхъ учениками весною. Дневальные находились въ 3-ей комнатѣ больницы—противъ дверей подлекаря, иподіакона. Риторы давали больнымъ лѣкарства, а на насъ безпрестанно кричали „дневальный, ряжку!...“ — и мы поочередно опрометью бѣжали за этими ряжками. Насъ было трое, а риторовъ двое. Особенно тяжело было намъ ночью: мы дремали, пробуждаясь драньемъ за волосы.

На квартирѣ въ домѣ подъ рѣчкою я прожилъ лѣто до каникулъ и весь слѣдующій годъ. Изъ лѣта 1816 года осталось въ памяти у меня только удобство жизни и хорошій столъ. Съ половины мая, мы, младшіе соквартиранты, каждый день купались по три раза: утромъ — до класса, послѣ обѣда и передъ ужиномъ. На ракитѣ (вербѣ) я сдѣлалъ себѣ постель,—тамъ училъ уроки, и любилъ тамъ проводить время, ничего не дѣлая. Но въ іюнѣ испыталъ я дѣйствіе окружающихъ болоть — перенесъ двухнедѣльную горячку. Въ болѣзни посѣтилъ меня Вас. Лук. Пере-

Библиотека "Руниверс"

верзевъ. По его ли просьбѣ, или по добротѣ инспектора, я избѣжалъ больницы. Когда инспекторъ былъ дома и ученики не уходили въ классъ, я лежалъ въ избѣ на лавкѣ, а когда никого не было дома, кромѣ кухарки, — я выползалъ на дворъ и лежалъ подъ сараемъ или на травѣ подъ плетнемъ и просилъ кухарку не говорить о томъ даже ученикамъ. Я ничего не ѣлъ, а только пилъ воду. По ночамъ и вечерамъ былъ я въ безпамятствѣ. Выздоровленіе мое было, можно сказать, мгновенное. Однажды я проснулся съ восходомъ солнца, — мнѣ стало весело, голова не болѣла, пить не хотѣлось. Я увидалъ на столѣ полскибки хлѣба, оставшагося отъ ужина, и мнѣ захотѣлось ѣсть. Съѣвши эти полскибки, я попробовалъ ходить: ничего! шатаясь и держась за стѣны, я вышелъ на дворъ. Солнце уже высоко поднялось. Какъ мнѣ стало пріятно и весело! Когда меня возвратили въ избу, я просилъ хлѣба. Мнѣ дали немного; съѣвши хлѣбъ, я заснулъ. Когда возвратились ученики изъ класса, я уже ходилъ по избѣ. Послѣ этой болѣзни у меня раскрылась чрезвычайная память. Все, что выучили изъ *Лексикончика* въ недѣлю, я выучилъ въ два дня, къ изумленію товарищей. Послѣ этой болѣзни я сталъ и говорить лучше. Сборъ цвѣтовъ для авдиторіи совершенно поправилъ мое здоровье. Остальное время до 15 іюля выше описано мною.

Въ высшей элементоріи я учился хорошо. Послѣ каникулъ мнѣ куплены были двѣ книги Гибнеровой свящ. Исторіи на латинскомъ языкѣ и Каменскаго грамматика. Послѣдняя была слишкомъ подержана. Она обыкновенно продавалась піитами и риторами и платилась дорого. У нѣкоторыхъ учениковъ была обмоченная въ конопляное масло и высушенная, и считалась самою прочною. Какъ прошла осень и зима, не помню; но лѣто 1817 года мнѣ памятно по многимъ событіямъ, выходившимъ изъ ряду.

Съ весны каждое воскресенье предъ обѣднею стали водить насъ въ залъ богословскій. Тамъ читались разсужденія и проповѣди съ декламаціею. Всѣ, понимавшіе чтеніе и произношеніе, все хвалили перваго студента *Ивана Алексѣевича Борисова* [1]). Какъ онъ чаще другихъ появлялся на каѳедрѣ, то и я сталъ присматриваться къ его декламаціи и у меня запало въ памяти одно слово: *„путеводною звѣздою“*, которое онъ сопровождалъ дви-

---

[1]) *Иванъ Алексѣевичъ Борисовъ* (впослѣдствіи знаменитый архіепископъ *Иннокентій*) былъ въ это время въ философскомъ классѣ—имѣлъ тогда 17 лѣтъ отъ роду.—Л. М.

Библиотека "Руниверс"

женіемъ руки и глазъ въ сторону. Потомъ, разсказывали риторы, будто архіерей Досифей поручилъ ректору и инспектору секретно высѣчь Борисова и двухъ другихъ семинаристовъ за какія-то большія шалости [1]), давъ каждому по 25 ударовъ. Риторы съ похвалою прибавляли, будто Борисовъ, вложивъ кулакъ въ ротъ, перенесъ удары ни разу не крикнувъ. Когда это было, до появленія ли его на публичной каѳедрѣ, или послѣ,—не могу сказать. Борисовъ и зимой ходилъ къ Данкову съ другими семинаристами; но живя въ избѣ, мы—малые не знали, что дѣлалось въ горницѣ. Но риторы *Воскресенскій* и *Атлантовъ*—за обѣдомъ всегда вели рѣчь о своихъ подвигахъ, совершенныхъ по затѣямъ Борисова. Борисовъ такъ обращался къ Атлантову: „Атлантовъ! явись ко мнѣ весь въ яхонтахъ брильянтовъ!“ При этомъ словѣ Атлантовъ, выступая, говорилъ въ отвѣтъ: „что прикажете, ваше султанское величество?“—А къ Воскресенскому Борисовъ обращался со словами: „гдѣ нашъ уланъ Варшавскій?“ — „здѣсь ваше превосходительство!, — выступалъ Воскресенскій. Не знаю, почему Борисовъ такъ обращался къ Атлантову; но Воскресенскаго называлъ *уланомъ* — потому, что онъ однажды поддался на приманку *вербунки*. Въ тѣ времена изъ Варшавскихъ полковъ вел. князя Константина Павловича ходили солдаты по два и по три, въ парадныхъ мундирахъ, съ музыкою и водкою. Пили и плясали, приглашая молодыхъ людей въ товарищи — въ военную службу, расхваливая эту службу до небесъ. Бывши въ городѣ, Воскресенскій встрѣтился съ этою *вербункой*, обольстился гуляньемъ и свободою солдатъ и изъявилъ желаніе вербоваться. Солдаты приняли его, поднесли водки и потребовали отъ него подписки. Воскресенскій не задумался дать. Но когда привели его въ полицію — для засвидѣтельствованія его добровольнаго желанія и подписки, и когда въ сѣняхъ полиціи будочникъ растолковалъ ему въ чемъ дѣло, и какова будетъ жизнь его въ солдатахъ, — Воскресенскій шмыгнулъ въ другія двери и бѣжалъ изъ города. За нимъ была погоня, но онъ бросился въ болото, и скрывшись въ камышахъ, только ночью возвратился домой.

Вотъ одна затѣя, удачно выполненная любимцами Борисова. Весной въ Сѣвскѣ была ярмарка. Съ ярмарки возвращались мужички черезъ слободку. Атлантовъ и Воскресенскій въ большой свертокъ бумаги положили жидкость экскремента и, обернувъ свертокъ въ нѣсколько слоевъ бумаги, запечатали. Свертокъ по-

[1]) Было написано сначала: „*пакости въ пѣвческой*“, но потомъ затерто. Л. М.

Библиотека "Руниверс"

ложили на дорогѣ—противъ оконъ горницы, изъ которой наблюдали студенты. Не нужно было долго ожидать сцены. Вдали показалась телѣга, въ ней возвращался съ ярмарки мужичекъ съ женою. Завидѣвъ издали свертокъ съ печатью, мужикъ соскочилъ, передавъ возжи женѣ, съ телѣги, схватилъ свертокъ, спряталъ за пазуху. Тутъ явились—сперва Атлантовъ, потомъ Воскресенскій—съ крикомъ: „чуръ — пополамъ находку!“ Мужикъ съ клятвою увѣрялъ, что ничего не видалъ и не поднималъ. Риторы, желая обличить лгуна, указывали на пазуху и при этомъ такъ мяли ее, что изъ пазухи начала течь вонючая влага. Тогда, отходя, отъ мужика, риторы кричали: „жадный; не хотѣлъ подѣлиться‘ Возьми себѣ—подавись!“ Мужикъ не могъ дальше ѣхать: обыкновенно слѣзалъ съ повозки, распоясывался и, при помощи жинки, обчищался, ругая проказниковъ всѣми бранными словами, какія приходили на языкъ. А за окнами раздавался гомерическій смѣхъ студентовъ! Герои проказъ торжествовали, ожидая одобреній, особенно отъ Борисова.

Въ началѣ петровскаго поста деньги нашего квартирнаго „общества“, хранившіяся въ сундучкѣ инспектора Данкова, были украдены—днемъ, когда всѣ были въ классѣ, а кухарка отлучилась по воду къ рѣчкѣ. Сундучекъ найденъ на архіерейскомъ огородѣ разломаннымъ. Подозрѣніе падало на штатныхъ архіерейскаго дома, постоянно работавшихъ въ огородѣ. Архіерей приказалъ молчать и не давать знать полиціи. А чтобы общество наше не сидѣло на одномъ хлѣбѣ и кашѣ, предоставилъ ему ловить рыбу сѣтью и позволилъ взять экономическій малый неводъ. Каждый могъ ловить рыбу удочками, вентерями или *кубарями*, но не сѣтью. На послѣдній способъ нужно было разрѣшеніе архіерея. Прежде чѣмъ полученъ отъ экономa архіерейскаго дома неводъ, пришелъ къ Ивану Григорьевичу Данкову Борисовъ и принесъ съ собою старое дрянное ружье. Онъ жертвовалъ это ружье на обокраденное „общество“.—„Атлантовъ!,—закричалъ онъ, явись ко мнѣ весь въ яхонтахъ бриліантовъ!“—Атлантовъ вытянулся передъ его султанскимъ величествомъ и спросилъ: „что прикажете, повелитель?“ Вотъ ружье, я жертвую его вашему разоренному „обществу“. Поди—продай его харчевнику; онъ любитель ружьевъ. Дастъ три, два рубля, — бери; да ухвати тамъ штофикъ водочки и рыбки, чтобы было что выпить съ горяи чѣмъ закусить“. „Слушаюсь“! — сказалъ Атлантовъ и, пригласивъ съ собою Воскресенскаго, зашагалъ съ ружьемъ въ харчевню.—„Не купитъ,—замѣтилъ дорогою Воскресенскій,—вишь оно дрянь

Библиотека "Руниверс"

какая!" „А какъ же мы безъ водки и рыбы воротимся"? — „Ну, водки то можно раздобыться иначе", сказалъ Воскресенскій.— „Какъ иначе"? — „Да такъ, ты иди въ харчевню одинъ, а я стану за угломъ харчевни. Ты только заговаривай харчевниковъ, замани ихъ въ другую комнату, а я подкрадусь къ выставкѣ у открытаго окна и что ухвачу — поминай какъ звали!" — У Атлантова блеснула мысль и образовался въ головѣ лучшій планъ. —„Нѣтъ, не подходи къ окну, сказалъ онъ,—пока не услышишь выстрѣла. Хоть они и не купятъ, но я какъ нибудь уговорю испытать ружье; у нихъ всегда есть порохъ и пули. Когда они побѣгутъ изъ дома, чтобы видѣть, досталъ ли выстрѣлъ ограды, — ты тотчасъ явись предъ окномъ, бери, что подамъ, и бѣжи въ уголъ, только бѣжи болотомъ позади дома и дубовой рощи, а не выходи на дорогу".

Планъ удался какъ нельзя лучше. Харчевники отказывались покупать ружье, потому что у нихъ было два своихъ. Но Атлантовъ распинался за достоинство ружья. „Вотъ,—говорилъ онъ,— ограда монастыря. Стоитъ на окно положить ружье, — выстрѣлъ пойдетъ прямо на средину ограды, не выше—не ниже". Харчевники соглашались на пробу, только предлагали стрѣлять вышедши изъ дома. „Нѣтъ,—кричалъ Атлантовъ,—тамъ не на что опереться, пуля пойдетъ вверхъ—выше ограды, или внизъ, зароется въ землю. Дай пороху и пулю!"—Харчевники согласились. Зарядили ружье, положили его на окно. Бацъ! „Какъ разъ ударилось въ ограду!",—вскричалъ Атлантовъ (а до ограды было сажень до 100, такое разстояніе, какое брало рѣдкое ружье того времени). Харчевники бросились изъ дому — къ оградѣ; но пока они проходили комнату и сѣни и отворяли двѣ двери, Атлантовъ бросился къ другому окну, на которомъ стояла выставка водки и харчей. Штофъ и жаренная рыба въ одно мгновеніе очутились въ рукахъ Воскресенскаго, успѣвшаго за тѣмъ скрыться за уголъ. Вышелъ затѣмъ и Атлантовъ. Пуля найдена на 4-ой сажени отъ дома. Когда харчевники со смѣхомъ возвратились въ комнату и съ ними Атлантовъ — и когда, замѣтивъ, что нѣтъ штофа и рыбы, первые подняли крикъ и стали приставать къ Атлантову, гдѣ водка и рыба,—„что вы, брацы?,—съ жаромъ защищался воръ,— ошалѣли? Развѣ я могъ выпить штофъ и съѣсть рыбу?! Я же тотчасъ съ вами вышелъ. Нате, я штаны сниму, — у меня нѣтъ. Ищите лучше домашняго вора!" И, принявъ видъ оскорбленнаго, Атлантовъ важно пошелъ изъ харчевни...

Библиотека "Руниверс"

Воскресенскій, хотя колесилъ, но какъ не шелъ, а бѣжалъ, то возвратился прежде Атлантова и поставилъ на столъ водку и рыбу.—„Гдѣ жѣ Атлантовъ?“—„Тамъ остался!“—„За сколько продалъ ружье?“—„Не знаю; онъ подалъ мнѣ водку и рыбу—и я пошелъ домой.“—Входитъ съ ружьемъ Атлантовъ и говоритъ: „не купили, подлецы!“—А водка и рыба?--спросили всѣ.—„Это—не мое дѣло“,—угрюмо отвѣчалъ Атлантовъ...—„Дѣло обоихъ!,—подхватилъ Воскресенскій,—ты мнѣ далъ, я принесъ.“—„Вѣдь вы сами просили ухватить штофикъ водочки и рыбки,—продолжалъ бурчать Атлантовъ, обращаясь къ Борисову,—ну, и ухватили; чтожъ теперь дѣлать?“—Всѣ ахнули. Данковъ сталъ сильно ругать риторовъ—усачей. Но Борисовъ успокоилъ его, обѣщая сладить съ трактирщикомъ, заплативъ ему за все.—Но харчевники, какъ послѣ разсказывали, сняли всякое подозрѣніе на Атлантова и искали домашняго вора между работниками, которые тогда что-то дѣлали на дворѣ—и Борисову пришлось согласиться съ ними, при свиданіи. Замѣчу: Атлантовъ у товарищей назывался *Косыкинымъ*, потому что былъ немного косоватъ,—а Воскресенскій—*Базыкинымъ*, потому что любилъ басить, хотя вовсе не имѣлъ баса.—

Полученъ архіерейскій неводъ. Разнесся объ этомъ слухъ по всей Слободкѣ—и толпы студентовъ и риторовъ явились на помощь. Насталъ вечеръ. Ловцы съ неводомъ отправились на рѣку и началась ловля рыбы. Мы, младшіе ученики, должны были носить по берегу рубашки ловцовъ. Шумъ, гамъ только пугалъ рубу, и первую ночь поймали немного рыбы и то-малого калибра. На другую ночь у многихъ охота отпала. За то остальные, въ числѣ небольшомъ, поняли въ чемъ дѣло и сохраняли тишину. Поймано было мѣшка два рыбы и довольно крупной. Послѣдующіе дни уже пренебрегали малою рыбою: плотицею, налимами, линями,—а брали только судаковъ, короповъ и сомовъ.—Сперва дѣлились рыбой съ другими квартирами, получая въ замѣнъ по стаканчику постнаго масла. Купить его было не на что. Далѣе отправляли рыбу въ городъ, но такъ, чтобы архіерейскіе не видали этого, для чего увольняли *Косыкина* и *Базыкина* отъ трудовъ ловли, а наряжали ихъ до свѣту—относить рыбу въ городъ,—и они въ мѣшкахъ на хлуду (?) съ другими товарищами носили въ городъ и возвращались не только съ провизіею и деньгами, но и съ водкою.—Послѣ Петра и Павла за цѣну рыбы они покупали говядину, птицу, масло коровье.—Борисовъ былъ несмѣннымъ участникомъ въ ловѣ рыбы, пока съ нимъ не слу-

Библиотека "Руниверс"

чилось несчастіе. Въ одномъ мѣстѣ рѣки захватили сѣтью сома—величественнаго—въ сажень. Когда тянули къ берегу, онъ вмѣстѣ съ сѣтьми прыгалъ высоко и угрожалъ изорвать сѣть. Борисовъ бросился и легъ на него. Сомъ такъ хватилъ его по спинѣ, что онъ не могъ встать и его съ трудомъ привели домой. Долго онъ, бѣдный, ходилъ согнувшись.

Приближались каникулы, тогда называшіяся *ваканціями*. Авдиторія не украшалась. Насъ не посылали за цвѣтами. Но жизнь учениковъ тянулась по прежнему. Было лѣто жаркое. Я помню, что нѣкоторые изъ моихъ соквартирантовъ, спавшихъ обыкновенно на дворѣ, сбрасывали съ себя рубашки и стремглавъ бѣжали въ рѣку окунуться. Я помню, какъ тяжелы были всеношныя и обѣдни архіерейскія. Когда безконечнымъ рядкомъ приближались къ монастырю, я старался выдвинуться изъ строя, когда видѣлъ, что комисаръ отбиралъ учениковъ въ помощь служителямъ, работавшимъ въ кухнѣ бурсаковъ; и когда я удостоивался его выбора,—то цѣлую обѣдню рѣзалъ говядину и раскладалъ по мѣстамъ скибки порѣзаннаго хлѣба. Говядина рѣзалась на самые мелкіе кусочки, и должно быть, давалась бурсакамъ только по праздникамъ. Служители при бурсѣ были не наемные, а ученики изъ исключенныхъ, которые имѣли право во всякое время проситься на мѣста; но большею частію имъ предлагались въ невѣсты сироты-дѣвицы, приходившія и пріѣзжавшія къ архіерею. Служители обыкновенно были грязные, какъ трубочисты; но когда кто изъ нихъ женился на сиротахъ,—то вдругъ преображался, и съ своею женою, къ зависти многихъ семинаристовъ,—въ демиткудоновомъ сертукѣ, въ шляпѣ, сапогахъ и съ тросточкою прохаживался по Семинарской площади.

Иногда архіерей отправлялся въ городъ—служить литургію. Тогда рядокъ учениковъ, тянувшійся на 200 саженъ, завидя шестерку вороныхъ лошадей въ великолѣпной каретѣ, стоящую подлѣ св. воротъ, надъ которыми высилась 4-хъ ярусная колокольня, становился полукружіемъ. Колоколъ въ 600 пудовъ гудѣлъ долгое время, и когда начинали трезвонъ и архіерей садился въ карету, благословляя издали 600 или 700 душъ семинаристовъ, стоявшихъ полукружіемъ,—глаза наши были устремлены не на архіерея, а на ноги лошадей, которыя, какъ казалось намъ тогда, танцовали подъ звонъ колоколовъ. Архіерей Досифей любилъ лошадей и — душиться. Когда входитъ въ церковь, его окружаетъ цѣлое облако духовъ и наполняетъ ароматомъ церковь.

Библиотека "Руниверс"

Наконецъ за 10 дней до срока раздался приказъ объ отпускѣ на вакаціи—съ повелѣніемъ писать билеты, по новой формѣ: въ нихъ означать, какой ученикъ, въ какое училище долженъ явиться послѣ вакацій. Мнѣ назначено было Орловское училище [1]). Экзамена не было. Немногіе изъ ближайшихъ мѣстъ ученики могли выѣхать до 15-го числа іюля, потому что не было извощиковъ, которые, по обыкновенію, собирались на семинарскую площадь только къ *Кирикамъ—Улитамъ* [2]) (тогда почему-то не праздновали св. *Владиміра*). Въ моей квартирѣ некому было жалѣть, что половина учениковъ уже не возвратится въ Сѣвскъ. Но въ другихъ квартирахъ, какъ говорили,—хозяева провожали учениковъ съ плачемъ и рыданіями...

(Продолженіе слѣдуетъ).

---

[1]) Въ 1817 г. въ Кіевскомъ духовно-учебномъ округѣ, къ коему относилась Сѣвская д. Семинарія,—произведено было *преобразованіе* по новому уставу, утвержденному въ 1814 г. По этому уставу, въ виду многочисленности учениковъ въ Сѣвскѣ,—они были распредѣлены по уѣзднымъ училищамъ.—Л. М.

[2]) Т. е. къ 15-му іюля, когда празднуется память св. мучениковъ *Кирики* и *Іулиты*.—Л. М.

Библиотека "Руниверс"

Изъ воспоминаній о Харьковскомъ университетѣ конца 40-ыхъ годовъ.

Два года назадъ исполнилось столѣтіе основанія Харьковскаго университета. Наши провинціальные университеты сыграли въ исторіипросвѣщенія на Руси роль громадной важности, несмотря на относительно молодой свой возрастъ и рядъ тяжелыхъ условій, среди которыхъ имъ приходилось осуществлять свое призваніе. Мрачныя эпохи русской исторіи тяжело отражались на академической жизни и ложились гнетомъ на развитіе научной мысли. Именно на университеты всегда обрушивались первые удары наступавшихъ реакцій, работа затихала, университеты замирали... Но нѣтъ такихъ силъ, которыя способны были бы убить живой гуманистическій духъ научнаго знанія, и тлѣвшійся въ стѣнахъ научнаго храма огонекъ не угасалъ—являлись отдѣльныя выдающіяся личности, выносившія на своихъ плечахъ достоинство просвѣтительныхъ ученыхъ учрежденій. Благодаря этому наши университеты не переставали въ дни самыхъ темныхъ эпохъ являться отрадными оазисами, исключительными центрами интеллигентныхъ кружковъ, среди мертвящей, однообразной пустыни невѣжественной провинціи недавняго прошлаго. Если воспоминанія о нѣкоторыхъ темныхъ сторонахъ этого прошлаго могутъ казаться печальной тѣнью на праздникѣ просвѣщенія, то соображенія объ извѣстной поучительности этихъ картинъ для современниковъ могутъ служить оправданіемъ ихъ появленія.

Настоящія замѣтки, отысканныя въ бумагахъ покойнаго П. П. Сокальскаго, представляютъ бѣгло набросанные отрывки, которыя

Библиотека "Руниверс"

должны были служить матеріаломъ для задуманныхъ, но, къ сожалѣнію, невыполненныхъ, воспоминаній о жизни харьковскаго университета. П. П. Сокальскій вступилъ въ харьковскій университетъ въ 1848 году и окончилъ его въ 1852 г., получивъ степень кандидата за работу „объ основаніяхъ, входящихъ въ составъ среднихъ жировъ.“ Въ 1855 г. по защитѣ диссертаціи „О термохимическихъ изслѣдованіяхъ и значеніи ихъ для теоретической“ химіи былъ удостоенъ факультетомъ степенью магистра химіи. Впослѣдствіи П. П. Сокальскій оставилъ научныя занятія химіей, увлеченный изслѣдованіями въ области музыкальной этнографіи и началъ музыкальной психологіи.

Несмотря на эпизодичность, эти замѣтки даютъ достаточно опредѣленное представленіе объ общемъ характерѣ части университетской коллегіи той эпохи. Нельзя не испытывать извѣстной доли грустнаго впечатлѣнія, вызываемаго этой страничкой жизни профессорскаго быта. Полицейско-бюрократическій режимъ университетскаго управленія не могъ дать иныхъ плодовъ. Въ „гисторіи“ проф. Мицкевича, и „магистра свенскаго, галльскаго, латинскаго, греческаго и другихъ языковъ“, приводимой авторомъ замѣтокъ, рисуется любопытная картинка нравовъ того времени.

Незаконченностью и краткостью матеріала объясняется нѣкоторая односторонность въ описаніи, куда не вошли портреты представителей иного направленія и духа ученыхъ дѣятелей, какъ напр., Каченовскаго, Лавровскаго и др.

Л. С.

Посѣщеніе университета императоромъ Николаемъ I. [1])

Въ 1850 году императоръ Николай I возвращался съ юга Россіи въ Петербургъ и по дорогѣ долженъ былъ прибыть въ Харьковъ. Университетъ сталъ готовиться къ посѣщенію его государемъ. Тогда инспекторами назначались военные, и въ Харьковскомъ университетѣ инспекторомъ состоялъ полковникъ Строевъ, въ общемъ недалекій и добродушный человѣкъ. Студенты,

---

[1]) Объ этомъ посѣщеніи повѣствуетъ въ своихъ недавно появившихся воспоминаніяхъ и П. Вейнбергъ („Русское Богатство“, февраль 1905 года). Въ общемъ разсказы весьма схожи, что придаетъ всему эпизоду характеръ исторической достовѣрности.

Библиотека "Руниверс"

какъ и весь чиновный людъ николаевскаго времени (студенты числились въ XIV классѣ) должны были брить бороду и усы. Къ числу приготовленій относились и репетиціи встрѣчи, которыя устраивалъ полковникъ-инспекторъ въ актовомъ залѣ, разставляя насъ въ военномъ порядкѣ, въ „шеренги“ и старательно уча, какъ отвѣчать на привѣтствія согласно и стройно.

Наступилъ день пріѣзда. Всѣ отдѣленія, факультеты, лабораторіи, музеи, библіотека готовились къ осмотру. Мы собрались въ актовомъ залѣ и выстроились передъ кафедрой, съ которой произносились рѣчи въ торжественныхъ собраніяхъ. Около полудня забѣгали, засуетились, потомъ все смолкло, всѣ подтянулись. Въ дверяхъ показалась высокая, мощная и красивая фигура Николая, и за нимъ — свита и попечитель. Тишина настала подавляющая. Николай быстрой, твердой поступью прошелъ на середину залы и остановился передъ студентами. Лицо у него было хмурое, суровое, недовольное. Встрѣча не удалась — гробовое молчаніе царило въ залѣ. Говорили потомъ, что это обстоятельство произвело непріятное впечатлѣніе на государя. Сверкающимъ, пронизывающимъ взглядомъ Николай обводилъ ряды студентовъ, останавливая на мгновеніе свой острый взоръ на каждомъ въ отдѣльности. И вдругъ раздался его сильный звучный голосъ, потрясшій тишину:

Это что такое?...

Къ нему подбѣжалъ Строевъ и сталъ, перегибаясь, смотрѣть по направленію взгляда Николая. Онъ вытягивался, всматривался, теряясь въ догадкахъ, прищуриваясь. Взглядъ государя становился грознѣе.

— Что это такое?

Строевъ снова склонялся...

— Это кафедра, ваше императорское величество...

Нѣтъ, не то!.. Вотъ это.., это... И государь два раза гнѣвно провелъ рукой у себя подъ подбородкомъ. — Подъ арестъ! распущенность!.. Образины!

Николай обратился къ попечителю, распекъ и разнесъ его, и, не прощаясь, твердой поступью быстро вышелъ изъ актовой залы и покинулъ университетъ. Оказалось, что у студента, стоявшаго передъ Николаемъ, подбородокъ не былъ достаточно гладко выбритъ, и Николай усмотрѣлъ подозрительную синеву. Этимъ ограничилось посѣщеніе университета. Строевъ былъ смѣщенъ. Студентъ исключенъ.

Библиотека "Руниверс"

Профессора Якимовъ, Лукьяновичъ, Протопоповъ, Рейпольскій и Платоновъ.

Якимовъ читалъ краснорѣчіе и исторію русской литературы. Открывая свой курсъ и дѣлая краткое вступительное обозрѣніе того, что намѣренъ былъ читать, Якимовъ заявилъ: — „прежде, господа, я читалъ и о Шишковѣ, но теперь для краткости времени пропустимъ его. Бывало и о Пушкинѣ читалъ, но для краткости времени пропустимъ".

Якимовъ былъ очень занятъ всегда различными хозяйственными вопросами и не интересовался своимъ предметомъ. Когда М. И. Сухомлиновъ защищалъ свою диссертацію „о драматической литературѣ", то Якимовъ, назначенный оппонентомъ, за три дня до диспута бѣгалъ впопыхахъ по всему городу и искалъ сочиненій Пушкина, чтобы прочесть его „Русалку" и „Бориса Годунова". А на диспутѣ упрекалъ Сухомлинова, что онъ не вникъ въ „Русалку", такъ какъ не отмѣтилъ сдѣланнаго Пушкинымъ упущенія драматическаго момента, а именно отсутствія у Пушкина описанія, что дѣлалъ князь съ русалкой, увлеченный ею на дно рѣки? Озабоченный хозяйствомъ, Якимовъ на своихъ лекціяхъ постоянно прерывалъ изложеніе вопросами: — „господа, гдѣ вы берете такую ваксу, что такъ блестятъ ваши сапоги?" Читая однажды о Карамзинѣ, онъ спрашиваетъ вдругъ — „г. Туфовъ! А гдѣ вашъ папенька сохраняетъ картофель во время половодья?"

Лукьяновичъ, читавшій Римскую исторію, излагалъ ее съ кафедры по тетрадкѣ, одной и той-же изъ года въ годъ. Читалъ онъ лѣниво, да и тетрадка поизносилась, такъ что то и дѣло случалось слышать: „Римъ былъ окруженъ *смытою*, то бишь, стѣною"...

Научныя занятія его, между прочимъ, заключались въ изслѣдованіяхъ серебряныхъ ложекъ: онъ взвѣшивалъ ложки своего времени и находилъ, что римскія серебряныя ложки, судя по изслѣдованнымъ имъ источникамъ, значительно легче. Подъ видомъ матеріала для этихъ ученыхъ изысканій студенты въ критическіе моменты подносили ему серебряныя ложки „для цѣлей науки", и Лукьяновичъ составлялъ цѣлые столовые приборы...

На лекціяхъ онъ любилъ повторять:

— Вотъ говорили, что ученые уже всѣ знаютъ про Римъ. Анъ нѣтъ. Недавно открыли, что много еще есть такого, чего мы и не знали...

Библиотека "Руниверс"

И съ нѣкоторымъ торжествомъ, въ тайное оправданіе свое, заключалъ:

— Какъ не трудись, а науки не исчерпаешь...

У Протопопова, читавшаго философію, замѣчательно было опредѣленіе логики, которое тянулось сплошной фразой на двухъ страницахъ. Это опредѣленіе не поддавалось никакому пониманію, и его долбили, какъ таблицу умноженія. Когда онъ желалъ конкретно представить слушателямъ безконечность духа, онъ брался руками за свой воротничекъ и вытягивалъ его и шею въ безконечность. Однажды онъ пришелъ въ аудиторію за нѣсколько минутъ до звонка, сталъ усиленно откашливаться, прочищать горло, сморкаться, — вдругъ зазвенѣлъ колокольчикъ.

— Ну хмъ, хмъ, на слѣдующій разъ будетъ продолженіе...“

Большой оригиналъ былъ И. Н. Рейпольскій, читавшій терапію и патологію. Онъ выдѣлялся въ профессорской средѣ независимостью и самобытностью. Во всякую погоду онъ ходилъ въ галошахъ и съ зонтикомъ. Читалъ онъ лекціи своеобразно, совершенно углубляясь въ теченіе своихъ мыслей, не замѣчая слушателей, ни того, что дѣлалось въ аудиторіи. Однажды Рейпольскій пришелъ въ пустую аудиторію, гдѣ не было ни одного слушателя; не замѣчая ничего вначалѣ, онъ взошелъ на кафедру и сталъ читать. Спустя нѣсколько времени, студенты, работавшіе случайно въ сосѣднемъ помѣщеніи, слышали, какъ Рейпольскій остановился, чувствуя въ одиночествѣ что-то неладное, и потомъ обращался къ пустующимъ скамьямъ:

— Господа! Что же это васъ здѣсь никого нѣтъ?!..

При чтеніи онъ обыкновенно избиралъ какой-нибудь предметъ, куда упорно и неизмѣнно направлялъ свой взглядъ. Въ теченіе одного полугодія такимъ притягательнымъ дѣйствіемъ обладало мѣсто съ ниточками отъ оторванной пуговицы на мундирѣ одного студента, сидѣвшаго въ первомъ ряду. Какъ-то этому студенту пришла въ голову мысль пришить пуговицу; Рейпольскій, прійдя въ аудиторію, направилъ свой взоръ на обычное мѣсто и, найдя тамъ пуговицу вмѣсто ниточекъ, пришелъ въ такое смущеніе, что пробормоталъ нѣсколько фразъ и ушелъ, не дочитавъ лекціи.

Шествуя въ галошахъ, для которыхъ онъ придумалъ названіе „мокроступовъ“, и подъ зонтикомъ по улицамъ Харькова, онъ никого не стѣснялся, и когда ощущалъ извѣстную естествен-

Библиотека "Руниверс"

ную надобность, останавливался для того гдѣ попало въ самыхъ открытыхъ мѣстахъ. Если въ это время кто либо проходилъ мимо, онъ громко, съ разстановкой повторялъ каждому неизмѣнно: — „тотъ, кто удерживается отъ испусканія, получитъ каменную болѣзнь“..

Князь Долгоруковъ получилъ однажды запросъ о томъ: полезно ли распространять просвѣщеніе и заводить училища между государственными крестьянами? Князь устроилъ обѣдъ, созвалъ профессоровъ, и послѣ обѣда говоритъ: — „а, кстати, пожалуйте сюда, есть дѣло.“ Собрались въ отдѣльную комнату: князь, Артемовскій, Пауловичъ, Платоновъ и другіе. Князь спрашиваетъ: — ну, какъ вы думаете — полезно или нѣтъ? Всѣ задумались. Тогда Платоновъ, поправивъ двѣ горѣвшія свѣчи на столѣ, заговорилъ:— „Оно конечно-съ; просвѣщеніе, — точно-съ; но я вотъ, чтобы ваше сіятельство не затруднять-съ, этакъ примѣромъ выражу мнѣніе-съ: а что вотъ теперь здѣсь двѣ свѣчи; я думаю, свѣтло-съ?“ — „Ну да, свѣтло, такъ чтоже?“ — возражаетъ князь.—„И точно-съ, двѣ свѣчи разгоняютъ мракъ-съ; свѣтло, какъ днемъ. А вотъ-съ, если... Платоновъ приподнялся и погасилъ одну и другую свѣчу.— „Мракъ, ни зги не видно... продолжалъ въ темнотѣ къ общему изумленію Платоновъ: — гдѣ, что — ничего разобрать нельзя-съ, ваше сіятельство. Такъ и во тьмѣ невѣжества“...

„Гиштторія“ профессора Мицкевича.

Мицкевичъ читалъ римское право. Онъ былъ братъ извѣстнаго польскаго поэта, котораго онъ, смотря по обстоятельствамъ, то признавалъ своимъ братомъ, то отрицалъ всякія родственныя съ нимъ связи.

Максимовъ пришелъ къ нему, передъ экзаменомъ на магистра, совѣтоваться. Мицкевичъ разговорился и на своемъ плохомъ русскомъ языкѣ разсказалъ слѣдующее:

— „То бо вы на магистра хотите? Да, теперь уже съ жизнью пора ознакомиться. Вступаете теперь въ свѣтъ. То бо жили до сихъ поръ памятью, теперь практическую жизнь надо учить. И я учился ей. И я кончилъ курсъ въ университетѣ, и то бо знаю, какъ это приходится учиться жизни. Помните одно, то бо я вамъ покажу. Смотрите, вотъ два пальца (указательный и третій): одинъ короче, другой—длиннѣе. Природа бо не ошибается, знаетъ на что это одинъ короче, а другой длиннѣе. То бо такъ нужно

Библиотека "Руниверс"

вотъ смотрите: этотъ короткій есть расходъ, а длинный—приходъ. Вотъ когда будете такъ жить, что расходъ (проводя по указательному пальцу) короче прихода, то бо будете въ довольствѣ. А если расходъ будетъ длиннѣе (указывая на третій), то не будетъ вамъ довольства. То бо нельзя въ этомъ ошибиться. Натура уже знаетъ, зачѣмъ это. То бо помните это, и будетъ вамъ хорошо Если же расходъ перейдетъ отсюда сюда (указывая на длинный палецъ), то будетъ скверно... То бо вы кончили курсъ теперь въ юридическомъ факультетѣ, но не знаете, что такое люди есть. Я тоже ничего не понималъ въ практической жизни, когда кончилъ курсъ въ Виленскомъ университетѣ и выдержалъ экзаменъ на магистра. То бо поѣхалъ въ Петербургъ искать счастья. Пріѣхалъ, живу то бо помаленьку. Мѣста всѣ заняты. Всюду перебывалъ, то бо ничего не нашелъ. Вотъ слышу я, что есть комиссія составленія свода законовъ—начальникъ графъ Блудовъ. Я надѣлъ фракъ, изъ послѣднихъ денегъ купилъ перчатки, вытеръ шляпу, и иду. Прихожу. То бо швейцаръ стоитъ. Фракъ лучше моего, и сукно тоньше, и часы есть золотые, и цѣпка, и перчатки бѣлыя.—„А то бо принимаютъ?“—„Кого вамъ?“—„То бо графа Блудова.“—„Занятъ. Не приказано принимать.“—„А то бо я на минуту.“—„Да вы откуда?“—„То бо я—магистръ юридическихъ и политическихъ наукъ, обученъ латинскому, венгерскому, чешскому, свейскому, нѣмецкому и другимъ языкамъ.“—Швейцаръ замолчалъ. Я думаю, какъ бы такъ расположеніе пріобрѣсти. Въ карманѣ оставалось еще три двузлотыхъ; я то бо вынулъ ихъ но дать боюся: какъ не приметъ, да швырнетъ? А бо приметъ да ничего не сдѣлаетъ?—А можетъ и не приметъ; не знаю, какъ это сдѣлать. Вотъ это я думаю такъ про себя, и смотрю: швейцаръ вынимаетъ табакерку и открываетъ ее.—„Позвольте, говорю, щепоточкой табачку вашего попользоваться?“ Швейцаръ и говоритъ: „то бо пользуйтесь.“ Я потихоньку и положилъ три двузлотыхъ въ табакерку. Швейцаръ посмотрѣлъ и положилъ ихъ въ карманъ.—„Такъ то бо можно будетъ мнѣ видѣть графа?“—„Можно. Я вотъ проведу васъ въ залъ.“ И такъ таки пошелъ впереди и провелъ въ залъ. Я сталъ у дверей, такъ чтобы осмотрѣть какъ и что. То бо было народу тамъ всякого! Уходятъ и приходятъ. Позвали наконецъ, и меня. Я бо знаю—полъ гладкій, танцовать не учился, такъ чтобъ шуму не было да и чтобы не упасть, на цыпочкахъ прошелъ залу, то бо и вхожу въ кабинетъ.—„А кто вы такой?“—спрашиваетъ графъ.—„А то бо магистръ законовѣдѣнія, обученъ латинскому, свейскому, галль-

Библиотека "Руниверс"

скому, греческому и еврейскому языкамъ."—„А фамилія?"—„Мицкевичъ."—„Такъ вы, значитъ, братъ того, что дѣйствовалъ въ Польшѣ?.." А я тутъ уже вижу, что лицо серьезное, говоритъ уже не такъ, и смотритъ прямо въ глаза,—такъ хоть тотъ Мицкевичъ мнѣ и братъ, но я сказалъ:—„то бо я его и знать не знаю, какой онъ мнѣ и братъ? должно быть однофамилецъ..."—„Ну, хорошо, говоритъ, вы писать умѣете?..—„Какъ же, то бо я магистръ законовѣдѣнія и древнихъ языковъ..."—Да что древнихъ, намъ нужно знаніе русскаго языка,—вѣдь законы-то не вы будете сочинять, а писать будете, что прикажутъ. Такъ вы знаете русскій, языкъ? Умѣете писать по русски?—А я бо плохо зналъ языкъ русскій, только отвѣчалъ, что знаю и писать могу.—„Ну такъ напишите мнѣ статью какую нибудь для испытанія почерка, слога вашего и знанія."—„То бо хорошо."—„Такъ вотъ вамъ, говоритъ, бумага, перо и чернила; садитесь, напишите *о Карамзинѣ*."—А я бо плохо зналъ, только слышалъ, что есть Карамзинъ, да то бо гисторію написалъ, вотъ и все, что я тогда зналъ. Сѣлъ, пишу себѣ, какъ знаю, и то бо написалъ. Только, подъ конецъ такъ, мнѣ и пришло въ голову: а какъ то пишется порусскому: „гисторія". или „исторія". То бо я думалъ долго, но не знаю точно, какъ это по русскому пишутъ, и то бо взялъ и написалъ „исторію", да предъ „и" поставилъ маленькое „г". Вотъ, то бо, какъ спроситъ, а зачѣмъ вы написали гисторія?—такъ я скажу, что я написалъ исторія, а г—то бо закорючка уже, больше ничего, такъ бо привыкъ писать;а то бо какъ спроситъ, зачѣмъ вы написали исторія, а не гисторія, то бо я скажу:—„ваше сіятельство, тамъ бо есть маленькое г, то бо и означаетъ гисторію." Пришелъ графъ, взялъ и прочелъ то бо все, что я написалъ.—„Ну, говоритъ, хорошо; умѣете писать; то бо зачѣмъ же вы поставили гисторія?"—„А то говорю, почеркъ мой такой есть, что завсегда закорючку предъ большою И ставлю, что должно бо читать не гисторія, а исторія." Такъ оно все и случилось, какъ я размувилъ собѣ.—„Ну говоритъ графъ, такъ какъ же вы, когда начнете заниматься у насъ въ комиссіи?"—„А когда то-бо угодно будетъ вашему сіятелству."—„Ну, хоть и завтра начинайте." Такъ уже и отпустить хотѣлъ, когда я спросилъ:—„а какіе то бо *кондиціи* ваши будутъ?—„Какъ якія кондиціи? Да у насъ за счастье считаютъ служить въ подобной комиссіи, безъ жалованья года два—три служатъ, то бо и вы сначала привыкнете къ дѣламъ, а тамъ посмотримъ..."—„Ну, какъ хотите." То бо кивнулъ и ушелъ,—и я то бо ушелъ. Вижу: скверно. Надо служить, надо

Библиотека "Руниверс"

жить. Пошелъ я къ министру народнаго просвѣщенія; тогда былъ графъ Уваровъ. Прихожу. Принимаетъ. Спрашиваетъ:—„кто такой есть?“—То бо магистръ законовѣдѣнія, языковъ свейскаго, галльскаго и другихъ,—„Фамилія?—То бо Мицкевичъ.—А! Мицкевичъ? это не вашъ ли братъ, знаменитый польскій поэтъ?‘,— То бо вижу физіономія така радостна, я правда сказалъ: братъ. То бо онъ обнялъ меня, спросилъ не хочу ли я адьюнктомъ во Владимірскій университетъ?—„То бо хочу...“ И такъ молодой человѣкъ, то бо видите: дали мнѣ прогонные деньжонки, то бо и казенные деньги на подъемъ, то бо и жалованье назначили, и я узялъ и такъ таки то бо и поѣхалъ въ Кіевъ. А тамъ уже поживъ столько-то годочковъ, перещелъ сюда. То бо вотъ вамъ и гишторія моя.—Учитесь такъ то и вы практической жизни: помните эти два пальца, расходъ да приходъ, да не забывайте—табакерку и закорючку. То бо и вамъ хорошо будетъ.“ [1])

П. П. Сокальскій.

---

[1]) Мицкевичъ читалъ римское право. Несмотря на осуществленіе въ дѣятельности своей принциповъ „Закрючки“ и „табакерки“ даже и онъ вызвалъ слѣдующее знаменитое отношеніе попечителя Кокошкина въ Харьковскій университетъ: „слѣдить за тѣмъ, чтобы въ умахъ студентовъ не оставалось *впечатлѣнія* отъ лекцій профессора Мицкевича“. Такое было время.

Библиотека "Руниверс"

Изъ жизни учебныхъ заведеній Юго-западнаго края въ 1840-хъ годахъ.[1)]

Но если опасно было для тогдашнихъ педагоговъ не угодить польскимъ дворянамъ, то еще опаснѣе было навлечь на себя подозрѣніе въ недостаточно горячемъ сочувствіи видамъ и предначертаніямъ правительства или въ недостаточно ревностномъ исполненіи такихъ предначертаній.

Выше было упомянуто, что въ то время надъ всей русской школой тяготѣло мрачное подозрѣніе, готовое видѣть въ ней на каждомъ шагу проявленіе вольнодумныхъ мыслей. Въ Югозападномъ (и Сѣверозападномъ) краѣ эта общая подозрительность еще усиливалась пугливымъ опасеніемъ, какъ бы школа не сдѣлалась орудіемъ пропаганды идей польской эмиграціи. Несмотря на учиненный въ 1839 г. грандіозный разгромъ революціонныхъ элементовъ, сопровождавшійся закрытіемъ университета и многочисленными ссылками въ Сибирь на каторгу и поселеніе, кіевскій генералъ-губернаторъ получалъ отовсюду донесенія, что съ весною 1840 года польскіе эмиссары и тайные агитаторы расплодились по краю, какъ гусеница послѣ весеннихъ дождей. Они разъѣзжали по имѣніямъ богатыхъ помѣщиковъ и собирали деньги на революцію. Изъ Литвы пробрался въ Югозападный край основатель тайнаго общества „Ludzkości“ Залѣскій съ цѣлью

---

1) См. „Кіев. Стар.“ мартъ-апрѣль с. г.

Библиотека "Руниверс"

вербовать послѣдователей между помѣщиками, студентами, офицерами, и волновать крестьянъ. Тогда же открыты сношенія мѣстныхъ помѣщиковъ съ обществомъ Славянской республики, организованнымъ въ Галиціи. Въ подольской губ. напали на слѣдъ тайнаго „Общества мщенія“ (Towarzystwa zemsty), а изъ другихъ мѣстъ полиція доносила, что между польскими патріотами составилось тайное общество „Безголовыхъ братьевъ“ и другое общество—„Балагуловъ“. [1]) Конечно, во всѣхъ этихъ донесеніяхъ было много преувеличеннаго, плохо понятаго и еще хуже разслѣдованнаго тогдашнею невѣжественною полиціею, но несомнѣнно, что среди польскаго дворянства существовало въ то время сильно выраженное и широко распространенное оппозиціонное настроеніе. Со всѣхъ концовъ Югозападнаго края сотнями поступали секретныя донесенія о томъ, что тотъ или другой помѣщикъ „говорилъ нелѣпыя слова“ или „разсѣеваетъ нелѣпые слухи“, что такая-то помѣщица „читаетъ въ нѣкоторыхъ знакомыхъ ей домахъ пасквильные стихи“, что при обыскахъ у такихъ-то лицъ оказались книги „возмутительнаго содержанія“ или же „альбомы съ возмутительными стихами и платки съ революціонными“ изображеніями и т. под. Въ 1841 году штатный смотритель Луцкихъ училищъ при рапортѣ представилъ Бибикову списокъ „распространяющейся между учениками молитвы съ сомнительною надписью“ и при этомъ пояснилъ, что эта молитва „весьма распространена между всѣми поляками“. Правительство, передъ тѣмъ только что реформировавшее школы въ западныхъ губерніяхъ именно въ видахъ перевоспитанія молодыхъ поколѣній въ духѣ государственныхъ началъ, больше всего опасалось, какъ бы эти школы не сдѣлались снова орудіемъ мятежной пропаганды польской эмиграціи, и принимало противъ этого строгія мѣры. Начальствующимъ въ учебныхъ заведеніяхъ вмѣнялось въ обязанность имѣть самое неукоснительное наблюденіе за малѣйшимъ проявленіемъ среди учащихся духа вольномыслія и немедленно пресѣкать заразу въ самомъ ея зародышѣ. Напуганные подобными инструкціями педагоги усерднѣйшимъ образомъ шпіонили за своими питомцами, постоянно рылись въ ихъ тетрадяхъ и если находили въ нихъ невиннѣйшія стихотворенія или что-нибудь подобное, создавали изъ пустяковъ криминалъ и строчили экстренныя донесенія разомъ попечителю и генералъ-губернатору. Такъ, весною 1840 г.

---

[1]) В. Шульгинъ, Югозападный край, стр. 41—42.

Библиотека "Руниверс"

знакомый уже намъ директоръ Ровенской гимназіи Фавицкій возбудилъ дѣло о найденныхъ у ученика 5-го класса Антона Маціевскаго стихахъ, по поводу чего потребовалась нарочитая командировка инспектора казенныхъ училищъ Юзефовича для производства дознанія. По разслѣдованіи дѣло это оказалось сущимъ пустякомъ: Юзефовичъ рапортовалъ, что „стихи не заключаютъ въ собѣ ничего предосудительнаго, но что онъ, Маціевскій, крайне лѣнивъ, неопрятенъ, уродливъ, имѣетъ до 20-ти лѣтъ и не подаетъ никакой надежды на дальнѣйшіе успѣхи. Впрочемъ, какъ за нимъ не оказалось никакихъ предосудительныхъ поступковъ, то его велѣно въ гимназіи оставить". Въ рапортѣ умалчивается о томъ, что Маціевскій при этомъ былъ изрядно высѣченъ, но это подразумѣвалось само собою.

Не столь великодушно поступили винницкіе педагоги по поводу аналогичнаго случая. Въ ноябрѣ того же 1840 года директоръ Виницкой гимназіи Яковлевъ доносилъ генералъ-губернатору: „Ученикъ 6-го класса Северинъ Токаржевскій написалъ въ черновой тетради для классическихъ упражненій (чтобы удобнѣе скрыть свой поступокъ отъ надзора) сочиненіе, въ которомъ, изображая негодованіе свое за строгое смотрѣніе за поведеніемъ учениковъ по квартирамъ и разумѣя подъ сокращеніемъ „И. Д. И." исправляющаго должность инспектора Попова, а подъ литерою П. учителя Перелогова, отзывается объ нихъ насмѣшливо и въ оскорбительныхъ выраженіяхъ. Тетрадь оная, представленная надзирателемъ, была разсматриваема въ педагогическомъ совѣтѣ, и по заключенію онаго ученикъ Такаржевскій, какъ обнаруживающій въ поступкѣ своемъ худое направленіе нравственности, исключенъ изъ гимназіи; о чемъ вашему высокопр-ству, на основаніи предписанія г. попечителя кіев. учебнаго округа, имѣю честь почтеннѣйше донести". Бибиковъ молчаливымъ согласіемъ видимо одобрилъ постановленіе совѣта.

Если такъ строго каралось и вызывало такую тревогу невиннѣйшее вольномысліе, лишенное какой бы то ни было политической окраски и въ худшемъ случаѣ направленное къ порицанію отдѣльныхъ педагоговъ, то легко представить, что дѣлалось тогда, когда въ поступкахъ, сужденіяхъ или даже въ пустыхъ разговорахъ учениковъ ревнивое око педагогическихъ аргусовъ усматривало хотя бы тѣнь политическаго вольномыслія. Характерный въ этомъ отношеніи эпизодъ произошелъ въ томъ же 1840 году въ Немировской гимназіи, гдѣ директоромъ былъ тогда Ив. Г. Кулжинскій, типичный педагогъ-чиновникъ того

Библиотека "Руниверс"

времени. Однажды въ его присутствіи между учителями шелъ частный разговоръ о томъ, о семъ, и одинъ изъ педагоговъ имѣлъ неосторожность разсказать въ видѣ забавнаго анекдота, будто какой-то ученикъ когда-то сболтнулъ что-то о государѣ. Услышавъ это, Кулжинскій всталъ съ мѣста, принялъ начальническій видъ и изъ ласковаго собесѣдника моментально преобразился въ грознаго инквизитора. Онъ тутъ же, на мѣстѣ, подвергъ строгому слѣдственному допросу какъ болтуна учителя, такъ и свидѣтеля, слышавшаго анекдотъ, велѣлъ позвать сюда же другихъ прикосновенныхъ лицъ, собственноручно написалъ для всѣхъ вопросные пункты и потребовалъ, чтобы каждый тотчасъ же далъ на нихъ письменные отвѣты. Слѣдствіе тотчасъ же въ корнѣ подорвало подлинность анекдота, и самъ болтунъ-учитель формально отрекся отъ своихъ словъ и просилъ прекратить дѣло; но директоръ былъ неумолимъ и съ какимъ-то страстнымъ рвеніемъ громоздилъ обвинительный актъ съ такимъ искусствомъ, которому позавидовали бы заправскіе прокуроры. Окончивъ всѣ формальности, директоръ немедленно настрочилъ слѣдующее секретное донесеніе генералъ-губернатору Бибикову:

„Долгомъ почитаю донести вашему высоко-превосх-ству, что 19 числа сего октября старшій учитель ввѣренной мнѣ гимназіи Иванъ Кулешъ-Чепѣга, бывши въ моей канцеляріи, въ присутствіи старшаго учителя Самойленкова, объявилъ мнѣ, что онъ, Чепѣга, съ годъ тому назадъ слышалъ отъ исправляющаго должность младшаго учителя сей же гимназіи Оппермана, что квартировавшій тогда у него, Оппермана, а нынѣ квартирующій у учителя Самойленкова ученикъ IV класса Эмерикъ Сыревичъ между младшими учениками Оппермановой квартиры разсѣевалъ худыя слова о священной особѣ государя императора, при чемъ учитель Чепѣга и произнесъ эти слова, говоренныя ученикомъ Сыревичемъ такъ: „русской государь не такъ образованъ, какъ иностранные государи, и только занимается военными дѣлами“. Удержавъ въ канцеляріи учителей Чепѣгу и Самойленкова, я тотчасъ послалъ за учителемъ Оппермановъ и тотчасъ сдѣлалъ всѣмъ тремъ учителямъ письменные допросы по сему предмету. Учителю Чепѣгѣ предложилъ я слѣдующіе вопросы: 1) какія именно слова и выраженія говорилъ ученикъ Сыревичъ между учениками, какъ онъ, Чепѣга, слышалъ о томъ отъ Оппермана? 2) Между какими учениками онъ говорилъ тѣ слова? 3) Когда онъ, Чепѣга, слышалъ отъ Оппермача о подобныхъ словахъ ученика Сыревича? и 4) почему онъ, Чепѣга, тотчасъ не донесъ на-

Библиотека "Руниверс"

чальству о такихъ дошедшихъ до него свѣдѣніяхъ?—Учитель Чепѣга въ присутствіи моемъ собственноручно написалъ слѣдующіе отвѣты: на 1-й вопросъ: онъ, Чепѣга, слышалъ отъ учителя Оппермана, что ученикъ Сыревичъ нехорошо выражался объ особѣ государя императора, говоря предъ учениками, что его величество не такъ образованъ, какъ иностранные монархи, и преимущественно занимается военною частію. На 2-й вопросъ: онъ, Чепѣга, не знаетъ, между какими учениками Сыревичъ говорилъ тѣ слова; онъ, Чепѣга, объ этомъ ничего не слышалъ. На 3-й вопросъ: онъ, Чепѣга, слышалъ отъ Оппермана о вышеупомянутыхъ словахъ Сыревича, кажется, въ началѣ весны прошедшаго года; и на 4-й вопросъ: не донесъ Чепѣга немедленно о такомъ свѣдѣніи потому, что, основываясь на однихъ словахъ, не зналъ совершенно и обстоятельно этого дѣла.

„Старшему учителю Самойленкову, какъ бывшему свидѣтелемъ при объявленіи Чепѣги о словахъ ученика Сыревича, предложилъ я прочитать 1-й пунктъ показанія Чепѣги и написать свое показаніе: такъ ли было въ его, Самойленкова, присутствіи объявлено имъ, Чепѣгою? Каковыя слова Чепѣги и потвердилъ Самойленковъ своимъ собственноручнымъ показаніемъ.

„Вслѣдъ за тѣмъ предложилъ я и. д. учителя Опперману прочитать собственноручное показаніе учителя Чепѣги о слышанныхъ имъ отъ него, Оппермана, словахъ ученика Сыревича, и написать тутъ же отвѣты на слѣдующіе вопросы: 1) Точно ли онъ Опперманъ, говорилъ объ этомъ Чепѣгѣ, и въ такихъ ли словахъ Сыревичъ выражалъ свое мнѣніе? 2) Между какими учениками Сыревичъ говорилъ свое мнѣніе? 3) Когда это было и когда онъ, Опперманъ, сообщилъ о томъ Чепѣгѣ? и 4) Почему онъ, Опперманъ, о такомъ мнѣніи Сыревича тотчасъ не донесъ начальству гимназіи?—На сіи вопросы Опперманъ отвѣчалъ собственноручно на французскомъ языкѣ слѣдующее: на 1-й вопросъ: когда одинъ разъ былъ у него Чепѣга, то онъ, Опперманъ, говорилъ съ нимъ о своихъ ученикахъ, что между ними нѣтъ ни одного негодяя и что иногда заставляетъ его кричать одинъ только Сыревичъ, который безпокоитъ меньшихъ учениковъ, но никакого безчестнаго выраженія (aucune expression infame) Сыревичъ никогда не произносилъ. На 2-й вопросъ: когда онъ, Опперманъ, говорилъ о Сыревичѣ, то говорилъ и о всѣхъ вообще своихъ ученикахъ, а найпаче о маленькихъ, играмъ которыхъ Сыревичъ любилъ мѣшать. На 3-й вопросъ: когда это было—онъ, Опперманъ, не помнитъ, но кажется, болѣе году: и на 4-й вопросъ;

Библиотека "Руниверс"

онъ, Оппермапъ, не почиталъ нужнымъ доносить начальству о такихъ незначительныхъ дѣлахъ.

„Послѣ сего я того же 19 октября предписалъ секретно испр. должность инспектора гимназіи Ордѣ, надзирателю Штейну и содержателю 2-го отдѣленія общей ученической квартиры 2-го разряда Самойленкову принять ученика Сыревича въ строжайшее наблюденіе и обратить самое бдительное смотрѣніе на всѣ его связи, на всѣ его разговоры, на всѣ занятія и на всю его переписку, окруживъ его со всѣхъ сторонъ самымъ строгимъ надзоромъ; а самъ я отправился на квартиру ученика Сыревича и подъ благовиднымъ предлогомъ строжайше обревизовалъ всѣ его вещи, книги и бумаги. Въ книгахъ, вещахъ и бумагахъ Сыревича не нашлось ничего подозрительнаго. По истеченіи двоихъ сутокъ, сего 21 числа октября явился ко мнѣ въ канцелярію старшій учитель Чепѣга и подалъ мнѣ рапортъ о томъ, что онъ „не можетъ совершенно поручиться въ вѣрности и точности своихъ словъ, заключающихся въ его отвѣтѣ на первый изъ предложенныхъ ему пунктовъ, и по давности этого обстоятельства съ точностью не помнитъ словъ, сказанныхъ ему Оппермапомъ, а очень можетъ быть, что воображеніе преувеличило ихъ значеніе, и онъ, Чепѣга, выразилъ ихъ съ большею силою“.

„Донося о семъ съ нынѣшнею же почтою и г. попечителю кіев. учебнаго округа и прилагая при томъ подлинный допросъ вышеупомянутыхъ учителей и подлинный рапортъ учителя Чепѣги, я между учениками гимназіи, для избѣжанія всякаго соблазна, не дѣлалъ никакихъ по сему дѣлу распросовъ. А какъ, несмотря на отреченіе учителя Чепѣги отъ перваго показанія его, на ученика Эмерика Сыревича все-таки падаетъ сильное подозрѣніе въ неблагонадежномъ образѣ мыслей, то для спасенія прочихъ учениковъ отъ заразы такими мыслями я нынѣ же прошу г. попечителя уч. округа позволитъ исключить ученика Сыревича вовсе изъ гимназіи.“

Къ сожалѣнію, намъ неизвѣстенъ финалъ этого курьезнаго дѣла, и мы не знаемъ, согласился ли попечитель кн. Давыдовъ на ходатайство директора объ исключеніи малолѣтняго государственнаго преступника, притомъ же совсѣмъ не уличеннаго въ приписываемомъ ему преступленіи. Кажется, и Бибиковъ оставилъ безъ вниманія директорское доношеніе. Но и помимо того данный эпизодъ представляетъ, по нашему мнѣнію, цѣнный историческій фактъ, какъ живая иллюстрація болѣзненной запуганности тогдашнихъ педагоговъ, отъ страха буквально терявшихъ

Библиотека "Руниверс"

здравый смыслъ при одномъ намекѣ на проявленіе въ школѣ чего-то въ родѣ политическаго вольномыслія. Такъ бывало на Руси только во времена Бироновщины, въ страшную эпоху „слова и дѣла", когда каждый трепеталъ, какъ бы не попасть въ застѣнокъ за недонесеніе. Только подобнымъ рабьимъ страхомъ можно объяснить совершенно безумное поведеніе директора, который, вмѣсто того, чтобы провѣрить сообщенный ему въ частномъ разговорѣ слухъ, предательски ловитъ подчиненнаго на словѣ, тотчасъ составляетъ протоколъ и съ усердіемъ заправскаго провокатора изъ пустяка торопится создать ужасный криминалъ, точно боясь, какъ бы кто не предупредилъ его доносомъ по начальству. Ужъ подлинно тогдашніе педагоги отъ чистаго сердца могли повторить восклицаніе своего современника, Луки Лукича Хлопова: „Не приведи Богъ служить по ученой части!" Служить по полицейской части въ то время куда было легче!

Пусть не думаетъ читатель, что въ поведеніи Кулжинскаго въ данномъ эпизодѣ сказались лишь дурныя черты его личнаго характера—бездушный формализмъ, угодничанье передъ начальствомъ, желаніе выслужиться и т. под. и что въ этомъ отношеніи онъ является какимъ то исключеніемъ въ средѣ тогдашней школьной администраціи; напротивъ, судя по другимъ даннымъ, его можно считать типичнымъ директоромъ той эпохи. Съ другой стороны, не слѣдуетъ отсюда заключать, что тогдашніе дѣятели на поприщѣ образованія въ Югозападномъ краѣ были всѣ дурные люди и плохіе педагоги, въ родѣ современныхъ чиновниковъ-обрусителей, стремящихся на окраины изъ-за приманки служебныхъ льготъ и выгодъ. Вспомнимъ, съ какою тщательностью ихъ выбирали изъ лучшихъ преподавателей, вытребованныхъ со всего южнорусскаго края; слѣдовательно, это былъ цвѣтъ тогдашняго педагогическаго сословія. И судя по личности одного изъ такихъ избранниковъ, И. М. Сбитнева, достаточно раскрывшаго свой душевный міръ въ своихъ запискахъ, мы въ правѣ предположить, что въ большинствѣ это были люди хорошо образованные, идеально смотрѣвшіе на свою миссію—насадить русское просвѣщеніе въ Югозападномъ краѣ и проникнутые безкорыстнымъ стремленіемъ вѣрою и правдою послужить отечеству, „содѣйствуя видамъ правительства". Таковъ былъ ихъ политическій катехизисъ; и они дѣйствительно съ полнымъ усердіемъ служили этимъ „видамъ" не только за страхъ, но и за совѣсть. Въ числѣ такихъ избранниковъ былъ и И. Г. Кулжинскій. Гдѣ онъ раньше служилъ — не знаемъ, но видно, что въ 1832 году, когда произ-

Библиотека "Руниверс"

водился выборъ, Кулжинскій уже успѣлъ выдѣлиться педагогическими заслугами или же, можетъ быть, какими-либо личными достоинствами, такъ какъ харьковскій попечитель Филатьевъ прямо назначилъ его директоромъ Луцкой гимназіи. Въ то время Луцкъ былъ совсѣмъ не тѣмъ городомъ, какимъ онъ представляется въ настоящее время: въ немъ находилась тогда бискупская каѳедра, 13 богатыхъ кляшторовъ, 2 уніатскихъ церкви и ни одной православной. Это былъ едвали не главный очагъ полонизма и католицизма для всего Югозападнаго края, и совершенно естественно, что здѣсь новая русская школа, открытая взамѣнъ польской, должна была встрѣтить особенно сильное предубѣжденіе со стороны польскаго или ополяченнаго населенія. „При всей нашей добросовѣстности въ исполненіи обязанностей, — пишетъ И. М. Сбитневъ, бывшій въ то время инспекторомъ каменецъ - подольской гимназіи,—мы однако подмѣтили, что за нами былъ надзоръ отъ уволенныхъ въ заштатъ учителей бывшихъ школъ, и надзоръ пристрастный. Они получали отъ дѣтей свѣдѣнія о нашихъ дѣйствіяхъ, и эти свѣдѣнія, конечно невѣрныя, искаженныя, передавали въ публику въ самомъ искаженномъ, превратномъ видѣ“ Еще до прибытія нашего въ Каменецъ кто-то оповѣстилъ туземцевъ, что мы варвары, тираны, и эта новость была причиною того, что во вновь открытую гимназію вошла ватага воспитанниковъ [1]) только изъ самаго низшаго сословія, родители же изъ другихъ сословій присматривались къ намъ, забирали справки о нашихъ дѣйствіяхъ, дабы потомъ рѣшиться на что нибудь“ [2]). Если такъ было въ Каменцѣ, то въ Луцкѣ положеніе русскихъ педагоговъ было еще затруднительнѣе. Годъ спустя послѣ назначенія Кулжинскаго въ Луцкъ его навѣстилъ здѣсь И. М. Сбитневъ и вотъ что отмѣтилъ въ своихъ запискахъ: „Посѣтилъ я директора гимназіи И. Г. Кулжинскаго, который ловко и дѣльно боролся съ лицами, преданными съ патріотическимъ фанатизмомъ прежнимъ школамъ, и неусыпными трудами старался ослаблять въ нихъ предубѣжденія къ училищамъ, устроеннымъ на новыхъ началахъ. Правда, эта борьба была для него нелегка, особливо въ Луцкѣ, въ центрѣ высшей власти латинскаго духовенства, гдѣ такъ много молодыхъ ученыхъ канониковъ, получившихъ образованіе въ Виленскомъ университетѣ, „первѣйшемъ въ цѣломъ свѣтѣ университетѣ“,

---

[1]) Всего только 70 учениковъ.

[2]) „Кіев. Старина“ 1887 г., мартъ, 443—444.

Библиотека "Руниверс"

по выраженію поляковъ. Въ интимныхъ нашихъ бесѣдахъ мы сознались однако, что только время и терпѣніе, эти вѣрные союзники во всѣхъ человѣческихъ предпріятіяхъ, помогутъ намъ въ головахъ нѣкоторыхъ сословій привить начала русской жизни" [1]). Но скоро, однако, терпѣніе это у одного изъ собесѣдниковъ оборвалось, и въ концѣ того же 1833 года Луцкая гимназія (не безъ участія, конечно, ея директора), по распоряженію начальства была перемѣщена въ м. Клевань, подальше отъ сферы вліянія высшаго католическаго духовенства. Недолго спустя и самъ Кулжинскій исхлопоталъ себѣ переводъ на директорскую должность въ Немировъ, гдѣ совсѣмъ не было ученыхъ каноникозъ и гораздо слабѣе сказывалось польское вліяніе.

Вынесши на своихъ плечахъ первую и самую трудную борьбу за право существованія въ Югозападномъ краѣ школы на русскихъ началахъ, Кулжинскій сильно ожесточился противъ всего польскаго и сдѣлался страстнымъ и убѣжденнымъ сторонникомъ правительственной программы полнаго слитія съ коренной Россіей возвращенныхъ отъ Польши губерній и истребленія въ нихъ отдѣльной польской народности путемъ ассимиляціи съ русскою. Эту программу онъ неуклонно проводилъ въ порученномъ ему педагогическомъ дѣлѣ, ея же онъ придерживался и въ общественной дѣятельности, какъ русскій чиновникъ, поставленный на стражѣ русскаго начала на Подольской окраинѣ. Вотъ характерный образчикъ его дѣятельности въ послѣднемъ родѣ.

Лѣтомъ 1839 года въ Немировѣ появилась заѣзжая польская труппа и открыла представленія. Кулжинскій съ негодованіемъ переносилъ ея присутствіе въ мѣстечкѣ, не пускалъ въ театръ гимназистовъ и былъ увѣренъ, что труппа скоро потерпитъ матеріальный крахъ и уберется изъ Немирова. Такъ оно и случилось на дѣлѣ, но на помощь разорившейся труппѣ пришла мѣстная экономія графа Потоцкаго, и актеры рѣшились надолго остаться въ гостепріимномъ мѣстечкѣ. Не стерпѣлъ этого директоръ немировской гимназіи и въ концѣ декабря послалъ помощнику попечителя кіев. учебнаго округа Карлгофу слѣдующее конфиденціальное письмо:

„Ваше превосходительство, милостивый государь! Возвращенныя отъ Польши губерніи до тѣхъ поръ не сольются нравственно въ одно цѣлое съ Россіею, пока не истребится въ нихъ отдѣль-

---

[1]) „Кіевск. Старина" 1887 г., мартъ, 660.

Библиотека "Руниверс"

ная польская народность. Самый дѣятельный, чуть ли не первый проводникъ народности есть театръ. По Волыни и Подоліи разъѣзжаютъ многія труппы странствующихъ актеровъ и своими представленіями вездѣ распространяютъ духъ польской національности. Одна изъ такихъ труппъ, подъ дирекціей какого-то Грунвальда, остановилась въ м. Немировѣ въ прошломъ августѣ мѣсяцѣ и, устроивши сцену подъ навѣсомъ жидовской корчмы, начала было свои представленія. Успѣхъ не соотвѣтствовалъ ожиданію; антрепренеръ задолжалъ жидамъ до двухсотъ цѣлковыхъ, и представленія прекратились къ концу сентября. Но немировская экономія графа Потоцкаго тотчасъ явилась на помощь, выплатила ихъ долгъ евреямъ, устроила для нихъ новый театръ въ особомъ экономическомъ домѣ, вошла съ ними въ часть, дала свою прислугу и музыку,—и вотъ съ 26-го сего декабря опять начались представленія. Кунтуши, усы, конфедератки, задорливая шляхта, польскіе фарсы—все это на сценѣ пошло и до крайности глупо; но здѣшняя *публика* въ восхищеніи! „Наше, дескать, родовитое!“ Ученики гимназіи теперь, слава Богу, разъѣхались домой на праздники, а послѣ праздниковъ я рѣшительно не позволю имъ бывать въ театрѣ; впрочемъ, чувствую, что, при личной объ этомъ просьбѣ самихъ родителей, это будетъ для меня чрезвычайно трудно.

„Донося объ этомъ вашему пр-ству, покорнѣйше прошу, для облегченія меня, или снестись съ кѣмъ слѣдуетъ, чтобъ въ м. Немировѣ театръ немедленно былъ закрытъ, потому что здѣсь нѣтъ никакой полиціи, кромѣ сотскаго и десятника, или же дать мнѣ строгое предписаніе, чтобъ я ни подъ какимъ предлогомъ не позволялъ ученикамъ быть въ театрѣ. Этимъ предписаніемъ я буду защищаться отъ нападенія маменекъ и папенекъ. 29 декабря, 1839 г.“

Получивъ это письмо, окружное начальство немедленно препроводило его Бибикову „на усмотрѣніе“, и тотчасъ возникла административная переписка по дѣлу „о вредномъ вліяніи, производимомъ на умы жителей странствующими актерами“.

Подольскому губернатору послано было 16 января требованіе немедленно распорядиться о воспрещеніи актерамъ въ Немировѣ давать представленія и вмѣстѣ съ тѣмъ увѣдомить генералъ-губернатора, „по чьему позволенію они оныя начали“. 27 января управляющій подольской губ. вице-губернаторъ В. Нечай увѣдомилъ, что имъ уже послано предписаніе брацлавскому земскому исправнику воспретить представленія въ Немировскомъ театрѣ и

Библиотека "Руниверс"

велѣно донести, кто позволилъ тамъ играть, а пока что вице-губернаторъ прислалъ 4 афиши пьесъ, игранныхъ въ Немировѣ. Затѣмъ послѣдовалъ новый запросъ подольскому губернатору: донести, откуда прибыли актеры, игравшіе въ театрѣ въ м. Немировѣ, и кто позволилъ эти представленія. 7 февраля губернаторъ Петровъ отвѣчалъ: „имѣю честь при семъ представить вашему высокопр—ству еще три афишки піесъ, игранныхъ польскими актерами на Немеровскомъ (сіс) театрѣ, присовокупляя, что вмѣстѣ съ симъ я подтверждаю брацлавскому земскому исправнику о закрытіи театра и доставленіи мнѣ о актерахъ свѣдѣній". Спустя двѣ недѣли тотъ же губернаторъ доносилъ: „Я получилъ донесеніе отъ брацлавскаго земскаго исправника, что находящейся въ м. Немеровѣ труппѣ актеровъ воспрещено давать представленія и что помянутые актеры начали представленіе по дозволенію уполномоченнаго по управленію имѣніемъ помѣщика графа Болеслава Потоцкаго, земская же полиція, не воспрещая имъ того, наблюдала только, чтобы они не играли пьесъ запрещенныхъ". Такимъ образомъ больше мѣсяца понадобилось на то, чтобы распоряженіе грознаго Бибикова о воспрещеніи театральныхъ представленій въ Немировѣ было наконецъ приведено въ исполненіе. Но мы увидимъ дальше, что актеры и послѣ этого не уѣхали изъ Немирова и, кажется, продолжали давать тамъ представленія. Это показываетъ, насколько исполнительна и надежна была тогдашняя губернская и уѣздная администрація, во главѣ которой стояли такія личности, какъ только что упомянутый подольскій губернаторъ генералъ-майоръ Петровъ, въ томъ же 1840 г. отрѣшенный отъ должности „за дѣланныя имъ злоупотребленія чрезъ еврея Бродскаго".

Такъ какъ мы имѣемъ крайне ограниченныя свѣдѣнія о сценическихъ представленіяхъ, какія давались странствующими польскими актерами въ Югозападномъ краѣ въ первой половинѣ XIX ст., то считаемъ не лишнимъ привести здѣсь полностью, въ качествѣ историческаго матерьяла, афиши пьесъ, игранныхъ въ Немировѣ въ концѣ 1839 и въ началѣ 1840 гг. [1]).

---

[1]) Всѣ онѣ рукописныя. Писались онѣ, вѣроятно, на польскомъ языкѣ, но экземпляры, представленныя начальству, писаны порусски.

Библиотека "Руниверс"

Афиша № 1.

„Съ дозволенія начальства. Сего 1839 года, декабря 31 дня, то есть въ воскресеніе, компанія актеровъ, подъ дирекціей Доната Грунвальда, будетъ имѣть честь представить комедію-оперу въ 3-хъ дѣйствіяхъ подъ названіемъ:

БРИТКИНЪ
или
разбойники въ горахъ Понарскихъ.

ЛИЦА:

Дукацѣвичъ, помѣщикъ		г. Гасъ.
Емилія его дочь		д-ца Яблонска.
Адольфъ, ея любовникъ		г-жа Чеховичъ
Касперекъ, слуга безъ мѣста		г. Грунвальдъ.
Катя молочница		г-жа Грунвальдъ.
Брыкайло, временный начальникъ шайки разбойниковъ		г. Пекарскій.
Кивайко	разбойники.	г. Чеховичъ.
Марушко цыганъ		г. Терпиловскій.
Цыбулько		г. Жавроцкій.
Каркало		г. NN

Дѣйствіе въ горахъ Понарскихъ, подъ Вильномъ.“

Афиша. № 2.

„Съ дозволенія начальства, сего 1840 г. 6 генваря, въ субботу, компанія... (и проч.) честь представить комедію въ 5-ти дѣйствіяхъ, сочиненія Коцебуе, подъ названіемъ:

МАРКИЗЪ де-ТУЛИПАНО
или
Какой отецъ, такой и сынъ.

ЛИЦА:

Маркизъ, бывшій рыболовъ	г. Чеховичъ.
Фенъ Жоржъ, его сынъ	г. Грунвальдъ.

Библиотека "Руниверс"

Баронеса де Олимпія . . . . . г-жа Чеховичъ.
Юркаръ, ея конюхъ . . . . . г. Пекарскій.
Вельпина, любовница Жоржа . . . . г-жа Грунвальдъ.
Іосифъ, ея братъ . . . . . г. Гассъ.
Глинка, его жена . . . . . д-ца Яблонска.
Нотаріусъ . . . . . г. Терпиловскій.

Афиша № 3.

„Съ дозволенія начальства, сего 1840 г. генваря 7 дня, т. е. въ воскресеніе, компанія... (и пр.) представитъ комедію въ 2-хъ дѣйствіяхъ, сочиненія Котцебуего, подъ названіемъ:

ЧОРТЪ СПРЯТАНЫЙ

ЛИЦА:

Коморникъ Добруцкій . . . . . г. Чеховичъ.
Людвика, его жена . . . . . г-жа Чеховичъ.
Валѣры (sic), ихъ другъ . . . . . г. Пекарскій.
Анѣля, его любовница . . . . . д-ца Яблонска.
Тымофѣй, слуга Добруцкаго . . . . г. Грунвальдъ.

„Окончитъ спектакль коммедія въ 1-мъ дѣйствіи, сочиненія Алонзего Жулковскаго, подъ названіемъ:

КАКОЙ ГОСПОДИНЪ, ТАКОЙ и СЛУГА.

ЛИЦА:

Г. Касперекъ, подъ именемъ Маетницкаго г. Пекарскій.
Касперекъ, слуга безъ мѣста . . . . г. Грунвальдъ.
Малгората, жена Касперка господина . г-жа Чеховичъ.
Фанетка, ея служанка . . . . . г-жа Грунвальдъ.
Доброгостъ, богатый банкиръ . . . . г. Чеховичъ.

Дѣйствіе въ домѣ Маетницкаго".

Съ половины января дирекція и составъ немировской труппы, судя по афишамъ, измѣнились, соотвѣтственно чему измѣнился и репертуаръ, при чемъ въ него вошелъ и украинскій элементъ.

Библиотека "Руниверс"

Афиша № 4.

„Съ дозволенія начальства. Сего 1840 г., генв. 20 дня, въ воскресеніе, драматическіе актеры, подъ дырекціею Іосифа Лютомскаго, будутъ имѣть честь дать представленіе оперы волшебной на малороссійскомъ и польскомъ діалектѣ, въ 3-хъ дѣйствіяхъ, съ хорами, метермофозами (sic) и русскою пляскою, подъ названіемъ:

НОВАЯ УКРАИНКА
или
Волшебство въ замкѣ Тыморъ.

ЛИЦА:

Графъ Любомиръ, владѣтель именіи (sic) г. Сокульскій.
Завиша, управитель замка . . . . . г. Фелиньскій.
Гелѣна (sic), жена его . . . . . г-жа Лютомска.
Людьмила, любовница графа въ видахъ:
Параски.
Татарки,
Краковяка,
Волшебницы,
Царицы ночи,
Богини Кипрійской,
Княжны Смоленской,
Русской дѣвушки . . . . . д-ца Лютомска.
Ротыславъ, дворецкой . . . . . г Новодворскій.
Гуляка, козакъ Любомира . . . . . г. Чеховичъ.
Яковъ, марграбя замка . . . . . г. Ольпинскій
Параска, служанка Гелѣны . . . . . г-жа Сокульска.
Тѣнь дѣда Любомира
Селяне.

Дѣйствіе на Украинѣ.

Цѣна мѣстамъ: Ложа первая 3 руб., другія 2 р. сер.
Фотель 5 злотыхъ. Кресло 3 злот. 10 грош.
Партеръ 2 злотыхъ.

Начало въ 7 часовъ вечера“.

Библиотека "Руниверс"

Афиша № 5.

„Съ дозволенія начальства. Сего 1840 г., генв. 23 дня, во вторникъ, драмат. актерами представлена будетъ комедія въ 2-хъ дѣйствіяхъ, изъ французскаго переведена г. маіоромъ Листовскимъ, подъ названіемъ:

РОХУСЪ де-ЛѢГЕНДА
или
Четыре миль дороги.

ЛИЦА:

Здавняльская, старосцина. . . . . г-жа Лютомска.
Софія, ея племянница . . . . . д-ца Лютомска.
Викторъ, ротмистръ, братъ Софіи . . г. Лютомскій.
Валѣрый, отст. поручикъ . . . . . г. Сокульскій.
Рохусъ де-Лѣгенда, нареченный Софіи г. Чеховичъ.
Іоганъ, трактирщикъ . . . . . г. Фелинскій.
Стефанъ, Иванъ } лакеи Здавняльской . . . г. Ольпинскій. г. Новодворскій.

Окончитъ спектакль комедія-опера, изъ французскаго, подъ названіемъ:

СПОРЬ ДО СЛЕЗЪ, ОБЪ ЗАКЛАДЪ НЕ БЕЙСЬ.

Афиша № 6.

„Съ дозволенія... генв. 25, въ четвертокъ... трагикомедія въ 4-хъ дѣйствіяхъ, сочиненія г. Мольера, подъ названіемъ:

ДОНЪ-ЖУАНЪ
или
Вечеръ на кладбищѣ.

Актеры тѣ же, что и въ предыдущей афишѣ, съ прибавленіемъ г-жи Ожовской.

Библиотека "Руниверс"

Мы привели здѣсь только шесть афишъ, какія въ подлинникахъ оказались въ дѣлѣ, бывшемъ у насъ подъ руками. Но число представленій, данныхъ на Немировской сценѣ, было далеко больше. Несмотря на послѣдовавшее запрещеніе продолжать спектакли, труппа І. Лютомскаго не уѣзжала изъ Немирова и не теряла надежды добиться отмѣны запрещенія. 17 іюля того же 1840 года подольскій губернаторъ Петровъ писалъ Бибикову: „По предписанію вашего высокопр-ства отъ 16 января о закрытіи театра въ м. Немеровѣ, въ то же время сдѣлано надлежащее распоряженіе, и представленія на тамошнемъ театрѣ не даются, какъ я уже имѣлъ честь донести вашему высокопр-ству 21 февраля. Вскорѣ послѣ закрытія театра графъ Болеславъ Потоцкій просилъ меня дозволить актерамъ, изъ уваженія къ ихъ бѣдности, давать по прежнему представленія; потомъ актеры прислали ко мнѣ формальную просьбу и наконецъ, явившись лично въ Каменецъ, убѣдительно просили дозволить имъ давать представленія въ Немеровѣ, такъ какъ они воспрещеніемъ симъ поставлены въ затруднительное положеніе, ибо, вовлекши себя въ неизбѣжные долги, не только что не имѣютъ возможности уплатить занятое, но даже нуждаются въ дневномъ пропитаніи, а между тѣмъ не смѣютъ отлучиться изъ Немерова, не удовлетворивъ своихъ заимодавцевъ.

„Просьбы актеровъ оставилъ я безъ отвѣта, на письмо же графа Потоцкаго отвѣчалъ, что я не могу удовлетворить его просьбы, какъ какъ удаленіе причинъ, по коимъ воспрещено давать представленія въ Немеровѣ, отъ меня не зависитъ. Нынѣ графъ Болеславъ Потоцкій пишетъ ко мнѣ, что онъ испрашивалъ у у вашего высокопр-ства разрѣшенія на дозволеніе театральныхъ представленій въ м. Немеровѣ, и ваше высокопр-ство изволили изъявить на то согласіе, но предварительно пожелали имѣть о томъ отъ мемя представленіе. Донося объ этомъ вашему высокопр-ству, честь имѣю испрашивать разрѣшенія: какой я долженъ дать отвѣтъ графу Болеславу Потоцкому на означенное выше письмо его?“

На этомъ письмѣ имѣется помѣта рукою Бибикова: „Гдѣ было разрѣшеніе?“

Бумагой этой и оканчивается дѣло о Немировскомъ театрѣ, и потому исходъ его намъ неизвѣстенъ.

О. Левицкій.

Библиотека "Руниверс"

Життя і твори Віктора Забіли.

I.

Співець власного горя. (Віктор Миколаєвич Забіла).

Анормальне, надзвичайно важке становище української літератури в Росії було причиною того, що на протязі навіть останніх пятидесяти років її існування ми зустрічаємося з цілим рядом дивних, незрозумілих за-для чоловіка, мало знайомого з історією цієї літератури, фактів. До такого рода чудних з'явищ, напр., належить істнування в рядах письменників українських таких людей, що сливе нічого не друкували за свого життя, хоча й були відомі землякам, і всю свою літературну спадщину полишили в паперах. Досить тут нагадати Руданського, Ніщинського, Мову, Навроцького та инших.

Що ж було причиною, що оці й инші, їм подібні письменники не публікували своїх творів?..

Перш за все цьому багато спричинилося те, що на Вкраїні Російській не було періодичних органів, де б можна було їх друкувати, — не було й видавців, які взялися б їх випустити в світ. Коли до цього додати сувору, вередливу, безжалісну цензуру, брак свідомої своєї національности інтеллігенції, повсякчасні переслідування та кари на всіх українців і особливо на письменників, — то, здається, зрозумілим стане, чому де-які навіть з кращих українських письменників не друкували нічого за життя.

Багато говорити про те, скільки шкоди принесло таке становище українській літературі, не приходиться: це зрозуміло само собою. Письменник, хоча б і самий талановитий, без критики, без

Библиотека "Руниверс"

підтримування з боку публіки, мов рослина без води, засихає, марніє, втрачає свою силу й охоту до роботи. Разом з цим література позбавляється талановитого робітника. Твори таких письменників, з'явившись на світ Божий через 20 — 30 літ після свого написання, вже не можуть мати такого значіння для публіки і того впливу на дальший розвиток літератури, який би вони могли мати в свій час.

До таких ось письменників належить і Віктор Забіла, з життям і творами якого ми хочемо познайомити наших читачів.

Історія нашої літератури поки що мало розроблена. Не вважаючи на те, що література наша, порівнюючи її становище з становищем инших европейських літератур, має дуже обмежене коло робітників, ми якось дивно недбало відносимося до ціх діячів. Живе-живе який-небудь письменник, працює-працює, скільки є снаги й спромоги, — помре, — ми згадаємо про нього в кількох убогеньких некрологах і думаємо, що вже покінчили з ним всі рахунки, виконали перед ним всі свої обов'язки. Коли письменник мав такий дужий, такий голосний талан, що міг сперечатися з силою часу, який всіх і все пожирає, то він живе й буде жити. Буде жити, але сам через себе, а не дякуючи нам, вдячним його землякам — читачам. Коли ж який письменник не має такого виразного, сильного талану, то певблаганний час швидко поглине його, — його швидко забудуть. Ми не поможемо йому, — ми будемо спокійненько дивитись, як потопає в Леті забуття талановитий, щирий, сімпатичний письменник. І скільки їх, оціх нещасливих працьовників літературних погинуло вже в дужих хвилях байдужого до всіх і всього часу!.. Чи не через це саме й література наша вважається такою бідною, такою невиразною?.. Чи багато справді з наших письменників відомо широкій публіці? І тепер ще часто навіть од так званих українців gente можна почути такі речі: „Українська література... Та хіба ж вона е?.. Був колись Шевченко, писав по-вкраїнськи Стороженко та Марко-Вовчок... А де ж та ціла окрема література вкраїнська?..“ Такі розмови свідчать про те, що й свої земляки,— не кажемо вже про росиян взагалі,—зовсім не знають навіть кращих наших письменників, як, напр., Франко, Грінченко, Леся Українка, Стефаник, Коцюбинський то-що. Що ж вже й говорити про таких маленьких поетів, як забутий зовсім в наші часи Віктор Забіла?..

Про Забілу навряд чи хто тепер хоч що-небудь знає, виключаючи людей, що спеціально студіювали історію вкраїнської літератури. Та й ті навіть, що цікавились історією

Библиотека "Руниверс"

вкраїнської літератури, не мали змоги добути ширших відомостей про життя й літературну діяльність Забіли. Досі про нього видруковано кілька окремих заміток, роскиданих по ріжних виданнях, — досі нема більш-менш повного його житепису. В „Очерках исторіи украинской літературы XIX столѣтія“ Н. И. Петрова росказано про життя Забіли тільки те, про що згадано в „запискахъ М. Н. Глинки“. [1]) В найбільш повній історії вкраїнської літератури О. Огоновського про Забілу поміщено тільки коло двох десятків рядків. З творів Забіли до самого останнього часу було надруковано не більш якого-небудь десятка віршів. [2])

Дякуючи шановній редакції „Кіевской Старины“, нам пощастило достати кілька зшитків творів В. Забіли. З'єднуючи зміст всіх оціх зшитків [3]), ми знайшли коло тридцяти нових, ще невідомих публіці його творів. Зацікавившись творами й життям безталанного Забіли, ми в оцій статті хочемо звести до-купи все, що відомо про життя поета, [4]) по змозі іллюстровавши біографію матеріалами, які подають нові знайдені нами твори Забіли.

---

[1]) Петров — 149 — 154 стр.; „Записки М. Н. Глинки“ — в „Русск. Стар.“ 1870 р., т. II, 278 стр.

[2]) Надруковано: а) В „Ластівці“: „Голуб“ (208 стр.), — „Пісня“ (221), — „Повіяли вітри буйні“ (243); б) В „Черн. губ. Вѣдом.“ — 1857 р. № 16: „До батька, „Не щебечи, соловейку“...; в) Петров „Ист укр. лит.“: „Остап. і чорт.“ — г) Комаров — Кіев Ст. 1888 г. № 4 „Зовсім світ 8перевернувся“...; Зоря 1891 р.: „Будякъ“ (416 стр.) і „Семенова кобила“ (437 — 438); д) В. Лукич — „Зоря“ 1893 р. — „Посланіе до Шевченка“ (102 — 103), — Зоря 1894 р. — „Човник“ (393).

[3]) Ось які зшитки були у нас під руками: № 1, — „Малороссійскія стихотворенія. Сочиненія Виктора Николаевича Забѣлы,“ — 16 віршів, — самий старий рукопис; — № 2, — „Стихотворенія Виктора Забѣлы — 1854“, — самий повний рукопис, 33 вірші; — № 3, — „Спивы крузъ слезы. Надруковавъ (?) Вихторъ Забила“. — новый рукопис, переписаний якимсь д. „Ксенофонтом Михайловичем Леонтовичем, Борзенскаго училища. 1897 года“ — 27 віршів; — № 4, — Старий рукопис з 4 віршами Забіли і кількома віршами Маркевича; — № 5, — Старий рукопис Ол. Тищинського з посланіем „до Шевченка“ Забіли (за два останні рукописи складаємо глибоку подяку вельмишановному Б. Грінченку, який ласкаво дав нам їх за-для нашої роботи); — № 6, — три вірші переписані з рукописів музею В. Тарновського в Чернігові (за що дякую вельми шановному д. Миколі Вороному).

[4]) Ось коротенький показчик більш відомих статей про життя й діяльність В. Забіли: 1) И. К. — „Отрывокъ изъ поѣздки въ Москву и С.-ПБургъ“ — Черн. губ. Вѣд. 1857 р. № 16, стр. 133 — 135; 2) Куліш — „Взглядъ на малороссійскую словесность“ — Рус. Вѣстн. 1857 р. № 12; 3) Правда — 1869 р. № 48, — некролог; 4) „Записки М. Н. Глинки“ — Рус. Стар. 1870 р. т. II, стр. 278 — 279; 5) М. Н. Бѣлозерскій — „Т. Г. Шевченко по воспоминаніямъ разныхъ лицъ“ —

Библиотека "Руниверс"

Оця поетична, так сказать, біографія Забіли буде разом з цим і характеристикою його поезії взагалі, особливо що до її змісту, бо мало не вся поезія цього оригінального поета присвячена подіям його власного життя. Вся майже поезія Забіли — цілком субективна, що до змісту—автобіографична. Трудно в історії літератури зустрінути другого такого письменника, щоб сливе всю свою літературну працю направляв на ілюстрування власного життя.

Про те, які причини виробили з талановитого Забіли поета з таким вузько обмеженим змістом творів, ми скажемо трохи далі. А тепер роспочнемо його „поетичну" біографію. За-для цієї біографії ми скористуємося всіми відомостями про життя Забіли, які були досі опубліковані, і постараємося вірність їх ствердити цітатами з його творів.

Віктор Миколаєвич Забіла [1]) родився на хуторі Кукоріковщині [2]) під Борзною в Чернигівщині. Коли саме родився Забіла, нам не відомо. П. Куліш каже, що Забіла вчився разом з М. Гоголем в Ніжинському ліцеї і навіть сидів з ним на одній лаві [3]). Це наводить нас на думку, що він був приблизно й одного віку з Гоголем. Відомо, що Гоголь родився 1809 року. Мабуть і Забіла родився теж з початку XIX в. Батько Забіли не був багатим, але ж його не можна було назвати бідним [4]). В дитинстві Забіла

Кіев. Стар. 1882 р. № 10; 6) П. Куліш — „Хуторна поезія"— Львов. 1882 р. стр.— 19 — 24; 7) М. К. Чалый — Жизнь и произведенія Т. Шевченка." — Кіевъ 1882. р. стр. 59 і 197; 8) Н. И. Петровъ — „Очерки исторіи укр. литературы XIX ст." — Кіевъ. 1884 г. стр. 149 — 154; 9) М. Комаров — „Къ біографіи В. Н. Забѣлы", — Кіев. Стар. 1886 р. № 10, стр. 171 — 176; і 1888 р. № 4. 10) О. Огоновсь кий — „Исторія литературы. русскои." — Львів 1891 р. ч. II, — II видділ, — стр. 702 — 703; 11) М. Комаров — „Ненадруковані байки В. М. Забіли." — Зоря 1891 р., стр. 416 та 437 — 438; 12) В. Лукич — „В Забіла і його жартобливе посланіе" „до Шевченка", — Зоря 1893 р., стр. 102—103; 13) Наталка Полтавка — „Роман В. Забіли." — Зоря 1894 р. стр. 405; 14) О. Кониський — „Т Шевченко-Грушівський," т. І. і II, — Львів. 1898 р., стр. 209 Про В. Забілу говориться і в ст. П. М-са — „Эпизоды изъ жизни Шевченка" — Вѣстн. Ю.-З. и з. Россіи — 1863 р. № 4, а також і в романах Куліша — „Майор" (Рус. Вѣстн. 1859), „Украинскія незабудки" (Основа — 1861 р. № 10). В. Забіла під іменем Капитона Павловича Иволгина). Наша статья була вже зовсім готова, коли нам довелося прочитати цікаву розвідку про Забілу д-ра І. Франка (Літ.-Наук. Вістн.—р. 1906, №№ 3 та 4).

[1]) Франко помиляється, коли називає Забілу „Олександровичем" (Л-Наук. Вістн. — 1906 р. № 3, 397 стр.)

[2]) Назву хутора Забіли подала нам в.-шановна О. М. Кулішева (Ганна—Барвінок), яка ласкаво надіслала нам свої споминки про Забілу, що був її родичем. Надалі ми прямо будемо покликатись на ці споминки, зазначуючи — „Спом. Барв".

[3]) П. Куліш—„Хуторна поезія",—стр. 22.

[4]) Хоч Куліш і називає його „багатим паном",—ibid.—19 стр.

Библиотека "Руниверс"

втеряв батька, і ця втрата була дуже важкою за-для нього. Можна думати, що, хоч і мав він рідну неньку, але дитячі годи його пройшли досить нещасливо. В віршові „На той світ до батька“ Забіла каже:

„Годок мені був од роду, як тебе ховали.
„Як несли тебе ховати, тоді був дитина,
„І не думав, що я в світі- -бідна сиротина...
„Не вмів тоді, нещасливий, і слова сказати
„І не знав, що батька несуть в землю заривати“...

В кількох своїх віршах Забіла гірко нападає на тяжку долю бідного сироти.

„Нещастніще всього в світі бідна сиротина,
„Плаче инколи, сердешна, як мала дитина,“ —

каже він в одному віршові.

„Йому (сиротині) той край, де родився, буде як чужина,
„Всюди за ним слідом ходить лихая година.
„І в-ніч нудиться він, бідний, і як сонце зійде;
„Радощей не мавши зроду, і в могилу піде...“—

говорить він в тому ж самому віршові.

Згадуючи про смерть і похорони батька та своє суворе, сирітське життя, Забіла звертається до покійного батька з гірким докором.

„На що, тату, ти покинув мене сиротою?
„Чому мене не взяв малим в могилу з собою?
„І я б вічним сном у землі спав, а не журився б,
„Не знав би я в світі горя, світом не нудився б...“

Вчився Забіла в Ніжинській „гимназіи высшихъ наукъ кн. Безбородко“ між 1820—1828 р.р., разом з Гоголем. Покійний О. Кониський каже, що „в реєстрі студентів ліцея [1]) за увесь час його

[1]) Ліцей повстав на місто колишньої гимназії.

Библиотека "Руниверс"

істнування“ він „не знайшов наймення Віктора Забіли... Мабуть,—думає він,—коли Віктор Забіла і був у ліцеї, дак не скінчив його“ [1])... Тай не один Забіла втік з гімназії, не кінчивши в ній курса. Мало не половина учнів, звичайно, втікала з неї, бо вона нічого не давала своїм вихованцям, а тільки привчала їх до лінощів, до вільного й веселого життя [2]). Очевидно, гімназія не лишила ніяких більш-менш виразних споминок у Забіли, бо в його віршах ми не знаходимо й самої маленької згадки про годи вчення.

Покинувши гімназію, Забіла вступив до військової служби,—служив в гусарах. На службі він одержав чин майора. Серед товаришів — вояків життя Забіли летіло весело в повсякчасних гулянках та випивках. Службу в гусарах поет згадує, як самий щасливий час свого життя. Звертаючись до старого товариша, любого коня, Забіла каже:

„Як здумаєш, під Москвою як колись стояли.
„Гарно, весело жилося,—відкілься все бралось.
„Серце нудьги не бачило, з горем не стрічалось.
„До циган було поїдеш, пісень заспівають,
„Загаркають, затанцюють, душу потішають.
„Инколи і так траплялось: все позаставляєш,
„Копійки нема в кишені... Байдуже,—гуляєш!..
„Тебе було осідлають, я на тебе сяду,
„Шабля з-боку брязкотіла, ментик літав з-заду...“

В другому віршові, рівняючи своє сучасне сумне становище з колишнім, Забіла згадує:

„Годів два назад, не більше і я був моторний:
„Шабля з-боку, кінь гусарський, що як в'юн провор-
„Рижий мастю, очі чорні, як сонце сіяє; [ний, —
„Із-під копит искри скачуть, як вихор літає.
„І я було в чистім полі на нім красувався.
„Був щасливий і веселий і з горем не знався...
„Не було і в думці в мене, щоб так горювати.“

---

[1]) Конiський—„Т. Шевченко-Грушівський“..., т. І., стр. 209.

[2]) Див. біографію Гоголя Шенрока, яку приложено до видання творів М. Гоголя А. Маркса,—т. І, стр. 19.

Библиотека "Руниверс"

Пробувши шість-сім років на службі, десь коло 1833 року Забіла приїзжає на свій рідний хутор в Чернигівщину. Блескучий, гарний, молодий офіцер почав знайомитись з своїми сусідами. Недалеко коло його хутора був хутор Мотронівка, що належав далеким родичам Забіли панам Білозерським. В Мотронівці Забіла познайомився з дочкою Білозерського Любов'ю Михайлівною, рідною сестрою Олександри Михайлівни Кулішевої (Ганни Барвінок). Зустріч і знайомство з цією панною були прямо фатальні по своїм наслідкам за-для Забіли. Палкий, бравий гусарин без тямку закохався в оцю сільську красуню [1]). Старі Білозерські співчували коханню молодят. Минуло коло року. Одбулися формальні заручини, — був навіть призначений день за-для шлюбу. Це була, як кажуть свідки, дуже гарна й щаслива пара. Молодому було літ з 25. Він був парубок стрункий, середнього росту, мав смаглаве, рябувате од віспи обличчя, великі карі очі, трохи кучерявий, густий, чорний чуб [2]). Вдачи він був добродушної, сердечної, щирої й дуже веселої, — це був незрівнаний гуморист. „Між многими здібностями своїми до великих і малих річей, — каже Куліш, — дивував мене він більш усього своїм комизмом, своїм юмором, вмінням кожну людину поставити на сцену, про яку оповідував, так, мов її бачиш своїми очима і чуеш власними ушима: чи то був москаль, чи то лях, чи то піп, купець, мужик, жид, циган, чи то дівча, чи стара баба, чи мала дитина. Оповідання ж його були не просто балакання: це були такі зрозумовані всякими обставинами сцени, які рідко доводиться вбачати на театрі. Тут він виявлював розум проникливий, чувство глибоке, всеодоліваючий комизм і могущу сатиру" [3]).

---

[1]) Це було не пізніщ початку 1833 р., бо в кінці цього року помер старий Білозерський, який відиграв таку значну ролю в нещасливому коханню Забіли.— Див. Біограф. Ганни Барвінок—Б. Грінченка, додану до її „Оповідань", стр. VI. (У Київі,—1902 р.). Нашу думку стверджують „Спом. Барв.". Вона каже, що її було коло п'яти років тоді, як трапилося лихо з Забілою. Як відомо, Ганна Барвінок родилася з початку (23 квітня) 1828 р. Виходить, що катастрофа з Забілою була коло 1833 р. І. Франко (Л.-Наук.-Вістн.—1906 р. № 3 стр. 402—403) помиляється, коли думає, що катастрофа Забіли трапилася коло 1836—1838 р.р.

[2]) Нат. Полтавка. — „Роман В. Забіли." — Зоря 1894 р., стр. 405; порівн.— „Спом. Барв"; Лукич (Зоря 1893 р., 102 стр.) каже, що в Забіли були„ добр сиві очі".

[3]) Куліш — „Хуторна поезія", — стр 22; цю ж рису вдачи Забіли одмічає й М. Глинка в своїх „Записках", — Русск. Стар. 1870 р., ч. 2., стр. 278 — 279; про9 юмор Забіла багато росказується і в „Споминках Ганни Барвінок"; див. також ст! М. Комарова — „Къ біографіи В. Н. Забѣлы" — Кіев. Ст. 1886 р. № 10, 171 —17.- стр., Зоря 1893 р., 102 стр.

Библиотека "Руниверс"

Молода була мало подібна до нього. Це була сімнадцятилітня висока, огрядна, білява дівчина з величною поставою, подовгастим, милим личком, пишними рожевими устами „сердечком", ясними голубими очима [1]), довгими золотими косами, що аж за пояс заходили [2]). Вона тільки що скінчила тоді Полтавський інститут, де виховувалась. І по своїй вдачі вона була мало подібна до Забіли,—вона була м'якої, рівної, спокійної вдачі [3]). Неначе за-для того, щоб підтримати поговірку, що „контрасти зходяться", Забіла та панна Білозерська надзвичайно закохались одно в одного. Перші щасливі дні молодого, палкого кохання були самим кращим часом в житті Забіли. Щасливий настрій почасті одбився і в його віршах. Ось, напр., як він згадує про свою милу:

„Послухайте мою пісню,—я Вам заспіваю
„Про гарную дівчиноньку, якую я знаю.
„Русявая, круглолиця, очиці чорненькі,
„Моторная, як на диво, ротичок маленький...
„Як квіточка хорошая, як тополька статна
„І як лебідь білесенька, зовсім уся знатна.
„Губонькі—як те намисто, що добрим зоветься,—
„Сонечко неначе зійде, як вона сміється...
„А як пісні заспіває,—соловья не треба,—
„Слухаеш, не знаеш де це: неначе хто з неба" [4])...

А ось як залюблений Забіла говорить про силу свого кохання до милої:

„Вона—щастя моє в світі,—всі мені не милі.
„Її більше себе люблю, люблю до могили.
„І в могилі, коли можна, то буду кохати;
„Так там уже кінець всьому—треба вічно спати...

---

[1]) Зоря 1894 р., стр. 405.

[2]) „Спом. Барв."

[3]) Зоря 1894 р., стр. 405

[4]) Цей портрет милої Забіли трохи одріжняється од того, що навели ми вище,—тут говориться—„круглолиця, очиці чорненькі", — а раніш казано, що Л. Білозерська мала „подовгасте личко" і „голубі очі"!.. Хто помиляється,—напевно сказати трудно. Відомо тільки, що ці вірші Забіла сам прикладав до своєї милої й не раз промовляв їх, згадуючи про милу („Спом. Барв."). А навряд чи він міг помилятися?..

Библиотека "Руниверс"

„Не бачивши її, бачу,—її річ я чую,—
„Де б я не був, що б не робив, за нею горюю.
„Серце, душа, розум, гадки за нею скучають"...

В другому віршові, згадуючи про свої зустрічі з милою, Забіла каже:

„Не раз плакала зо мною, не раз і сміялась,
„Казала, що тільки в світі мною і втішалась.
„Як побачу було слізки, в грудях важко стане,
„Прошу було: „не плач, серце!" —поки перестане.
„За-те ж було, як веселу да я її стріну,
„Щасливіщий всіх на світі був я в ту годину"...

Але ж не довго раював наш бідолашний поет. Не встиг він упитися своїм коротеньким щастям, як його спіткало велике горе. Ні, це було не горе,—це була справжня страшна катастрофа, що перевернула все його життя, що зламала всі його сили, що зрубила з нього, колись веселого, енергічного чоловіка, талановитого письменника, [1]) не бідного дідича,—якогось нещасного п'яничку, писаку, мало не старця.

В той саме час, як Забіла раював, що-дня бачучись з своєю милою, до Білозерських почав учащати новий сусіда їх, сорокалітній поміщик удовець Ілля Боголюбцев, [2]) що купив собі невеличке село коло Мотронівки, але, як казали, мав великі, окрім цього, гроші. І йому скоро запала в око красуня Л. Білозерська. Він теж закохався. Не вважаючи на те, що Л. Білозерська вже була заручена за Забілу, він, егоїст, як і всі закохані, теж посватався до неї. Як дуже хитрий чоловік, з своїм сватанням він звернувся не до самої дівчини, а до батька. Сталося щось дивне за-для всіх. Старий Білозерський зламав слово, що дав Забілі, й порішив оддати дочку за Боголюбцева. Так він прямо й сказав дочці та жінці. Коли ті почали сперечатись, він

---

[1]) Правда, з великою певністю можна думати, що Забіла тільки й почав писати вірші після катастрофи. Наша думка така: Після катастрофи Забіла почав страшно піячити,—а це погубило його з-початку такий симпатичний талан.

[2]) Це призвіще ми знайшли в старих рукописах Тіщинського, — призвіща супротивника Забіли не подають в своїх споминках ні Ганна Барвінок, ні Нат.-Полтавка.

Библиотека "Руниверс"

твердо, рішуче сказав їм, що своєї постанови не одмінить: як сказав, так і повинно бути, так і буде. Даремні були всі сльози, благання, сварки та лайки. Старий Білозерський твердо стояв на своїому. Він навіть звелів не пускати нещасного Забілу й на двір до себе. А Забіла ніяк не міг зріднитися з думкою, що він навіки втрачає милу,—а Забіла цілі дні й ночі, не злазючи з коня, все їздив кругом маєтности Білозерських, сподіваючись хоч одним оком побачити милу, перебалакати з нею, одвоювати таки своє щастя.

„По-уз двір, де мила живе,
„Я проїхав двічи,
„Да не бачив голубоньки
„Я ні разу в-вічі",—

пише в одному віршові Забіла.

Раз Забіла прочув, що стара Білозерська—Мотрона Васильовна—з дочкою їдуть в Ніжин купувати придане. Він перестрів їх на дорозі заплаканих і став просити дозволу пересісти до них в екипаж. Мотрона Васильовна не згодилась, кажучи, що вони й без цього багато терплять усякого горя, а як Михайло Васильович (старий Білозерський) дознається про це, то їм ще гірше буде. Попрохавши Забілу відступити од них геть, вона загадала поганяти коней. Тоді з великої роспуки Забіла, не тямлючись, кинувся під коні й його трохи не переїхали. Після цього нещасного закоханого взяли в екипаж і благали не робити більше таких дурниць, запевняючи, що будуть тверді й не покоряться наказові Михайла Васильовича. Потішений, з надією в серці Забіла поїхав до-дому...

Час тягнувся довго. Минуло ще кілька місяців. На дворі стояла мокра осінь. У дочки й матері сльози не висихали на очах. Один раз в-вечері вся сім'я Білозерських спокійно сиділа в хаті: троє маленьких гралися на канапці, [1]) а Любов Михайлівна з Мотроною Васильовною щось шили чи читали коло столу. Коли це раптомъ одчиняються двері,—входить батько з Боголюбцевим.

---

1) Це були—мати Наталки Полтавки, її брат Василь і менча сестра Олександра (Ганна Барвінок),—див. „Зоря"—1894 рок., 405 стр.—Ганна Барвінок, хоч була тоді ще й дуже маленька, але запам'ятала обличчя Боголюбцева. „Він,—каже Г. Барвінок,—був ще молодий, чорнявий, кучерявий, але, як на мене, дуже не сімпатичний, прямо противний; в очах було щось роспустне, похабне.."—„Спом. Барв."

Библиотека "Руниверс"

Боголюбцев зупиняється коло порога, а батько скорою ходою підходить до дочки, накидає на неї теплу хустку й велить їй іти за собою. Мати, дочка й діти в плач, а батько хапає Любку (наречену Забіли) за руку й веде за собою... Любка вернулася назад вже... повінчаною, гірко плачучи. [1])

Чим же можна пояснити таке негарне поводіння старого Білозерського що до Забіли?..

Перш за все мабуть тут мало велике значіння те, що Забіла був, як і всі вояки, добрий гуляка, що він, ще в гусарах служивши, навчився добре випивати тай і в карти любив пограти,—що через це саме він не вмів збивати копійку до копійки,—а вдруге—й те, що взагалі він був не багатий, особливо в порівнанню з Боголюбцевим. Ганна Барвінок каже, що старий Білозерський „не бачив в Забілі нічого положительного.“ [2]) П. Куліш прямо каже, що Білозерський не схотів оддати свою дочку „за п'яного картовника.“ [3]) З цього видно, що старий Білозерський боявся за долю своєї дочки,—боявся, щоб її не довелося бідувати за гулякою Забілою, і через те зламав своє слово. В віршах Забіли ми зустрічаємо дуже багато натяків, що це саме було причиною його нещастя.

„Без худоби теперь в світі
„Не зробиш нічого...
„Хто тепер без грошей стане
„Вірно вік любити“, -- каже він.
„Підстирила мене стира
„Полюбить дівчину,
„Не на радість, не на втіху,
„На лиху годину,—
„Бо бідному без талану
„Любить не годиться:
„Йому дулю під ніс дадуть,
„Як схоче женитьсяся.
„Нехай буде пречесніщий,
„Нехай прехороший,—

---

[1]) Дивись—Зоря 1894 рок.—405 стр. („Роман Віктора Забіли“—Наталки-Полтавки).

[2]) Див. „Спом. Барв.“

[3]) Куліш—„Хуторна поез.“—19 стр.,—Куліш через - край вже рішуче і, як побачимо далі, не зовсім справедливо висловлюється.

Библиотека "Руниверс"

„Скажуть: *„П'яниця, бездільник,*
„В його нема грошей!..“
„Гроші! Гроші і худоба!
„Без вас хоч пропасти“,—

читаємо ми в другому віршові. — А ось і сценка, яку, певно, списав Забіла з того, що самому довелося пережити. Ось він прочув, що мила його має виходити за иншого; загнавши добрих коней, прилетів він до неї; ось, побалакавши з милою та нічого певного не дізнавшись од неї, він розмовляє з батьками та тіткою милої:

„ . . . Стали балагурить,
„Хто у винниці де курить,
„Скільки хто доходу взяв...
„—А в вас виннички немає,—
„Батько знов його питає.
„—Нема,—треба ще зробить“...
„А тітка дак все сокоче:
„—Хто за його піти схоче,
„В його худоби нема,
„А в того ж багацько грошей.
„Подивиться, дак хороший...
„Іди лучше за того!...“

Во всій оцій нещасливій події в дуже не сімпатичному світлі малюється постать старого Білозерського. Перш за все це був страшний деспот в сім'ї. Хоч і бере його під свою оборону п—ні Наталка Полтавка, заявляючи, що він ще з-молоду „поклонявся Вольтерові“, [1]) і ніколи не належав до відомого роду домашніх „самодурців“, [2])—але факти, про які вона росповідає в своїй статті „Роман В. Забіли“, свідчять як раз противне. Потім—він мабуть дуже любив і поважав гроші, бо так вчепився за багатого зятя, хоча його й не кохала Любов Михайлівна. Забіла під час сватання зовсім ще не був ні тяжким п'яницею. ні картяром. [3])—Головна його біда була в тому, що він був не такий багатий. як Боголюбцев. [4])

---

[1]) Зоря 1894 р., стр. 405. — О. Огоновський — „Ист. Литер.“—ч. III, відділ 1, — стр. 281.

[2]) Зоря 1894 р., стр. 405.

[3]) Див Кіев. Ст. 1886 р., № 9, стр. 173.

[4]) Говорючи про цей сумний факт, Ганна Барвінок завважає: „Бог його знає що моєму татові, такому розумному, сталось розлучить таку пару й силомиць оддати сестру за иншого.. “ („Спом. Барв.“).

Библиотека "Руниверс"

Почувши про те, що Любов Михайлівна вийшла заміж за Боголюбцева, Забіла зразу страшенно обурився на неї.“

„Любив, кохав я дівчину, — пише нещас-
„І вона клялася, [ний поет:—
„Що кохає мене дуже,
„Дале й продалася,—
„За худобу проміняла...“

Звертаючись до милої, Забіла дорікає її:

„Ти ніколи не кохала
„Мене так, як ти казала!..“

Але це було тільки хвильове роздразнення. Швидко Забіла зрозумів, що його наречена—зовсім не винна, що вона власне—така ж страдниця, як і він. Вже він не обвинувачує її за зраду, вже він добре зрозумів, хто його розлучив з милою:

„Да не вітри, люде злії
„Мені це зробили:
„Сами мене звели з нею,
„Сами й розлучили...“

Проходить ще кілька часу. Гнів, обурення по-малу-по-малу стихають, зменьшаються, зникають. Їх місце займає великий сум та біль на душі. Забіла сумує й горює, Забіла плаче й не перестає нарікати на свою щербату долю. В цей саме час прокидається у нього бажання писати вірші. Мало не в кожному своєму віршові Забіла говорить про своє горе, про свою тугу. Так, напр., в одному з віршів, рівняючи себе до листочка, що, зав'янувши, вже ніколи не зазеленіє вдруге, Забіла каже:

„Так і моє серце бідне
„Молодим змарніє.
„І в мене неначе в грудях
„Да щось одірвалось:
„Не лехче мені на серці,
„А ще гірше сталось.
„Очі мавши, я не бачу
„Радісного в світі,—

Библиотека "Руниверс"

„Все обридло, все огидло,
„Не хочу більш жити!
„Ніч темна мені—як день,
„А місяць—як сонце,
„Плачу, плачу—один бідний,
„Сівши під віконцем!..“

Без милої ніщо не радує поета, без милої весь світ йому мало цікавий, без милої весь світ за-для нього — мов тюрма.

Багато людей люблять знаходити ліки од туги на дні чарки. В чарці ж почав шукати собі ліків і Забіла, що вже й раніш, ще бувши в гусарах, навчився добре випивати. Стерявши милу, з туги та роспуки Забіла почав пити та гуляти, задавав бенькети, на які скликав мало не всіх сусідів, придбав циганчат (років по десяти) дуже моторних і гарно повбіраних...[1]) „Бувало, — як каже Ганна Барвінок, — під час бенкету введе їх в залю, — сам стане посеред їх з чотирнадцяти-струнною бандурою, на якій він дуже гарно грав, утне козачка або що инше, циганчата навкруг його танцюють, співають і виробляють всякі штуки. Иноді й сам Забіла підтягує їм, особливо як співають -- „Не щебечи, соловейку“..., а найбільше мімікою та гримасами піддає їм охоти співати.“ [2])

Пив багато й гуляв Забіла, але його ще зовсім не можна було назвати п'яницею. Всі, хто мало знав, яке горе лежало на душі поета, вважали його за дуже веселого, компанейського чоловіка. Гарні, пройняті гарячим чуттям вірші його поширились під цей час серед його знайомих і здобули йому славу вкраїнського поета. Відомий російський композітор М. Глінка, який був в Чернигівщині р. 1838, зустрічався з Забілою в с. Качанівці, маєтку Г. С. Тарновського. Він прямо називає Забілу „малороссійским“ поетом. Не згадуючи ні одним словом про п'янство Забіли, він говорить тільки про надзвичайний хист його „изображать в лицах.“ Перший скрипач Тарновського Калинич один раз, дивлючись на Забілу, так захопився, що аж скрикнув: „Это, сударь мой, волшебство, совершенный антик!“ Вірші Забіли подобались і Глинці, який до двох з них („Гуде вітер вельми в полі“..., та

---

[1]) Ганна Барвінок каже, що в його були цигани кріпаками. („Спом. Барв.“).

[2]) „Спом. Барв.“, — Порів. — „Роман В. Забіли“, — Зоря 1894 р. 405 стр.

Библиотека "Руниверс"

„Не щебечи, соловейку"...) прибрав ноти. Взагалі в споминках Глинки про Забілу можна помітити, що він подобався всім, хто знав його, особливо своїм надзвичайним гумором. Художник Штернберг, що теж разом з Глинкою був у Качанівці, навіть намалював гарного портрета Забіли. [1]) Року 1841 Забіла друкує три свої вірші в „Ластівці" Гребінки і стає відомим всім українцям, що стежили за розвитком рідної літератури.

Десь коло цього часу Забіла познайомився з Шевченком. Коли саме почалося це знайомство й як саме зав'язалося воно, трудно напевно сказати. Шевченко, вільний чоловік і відомий вкраїнський поет, вперше був на Вкраїні тільки 1845 р. До того часу навряд чи міг Забіла персонально познайомитись з ним. Але дуже можливо, що Шевченко і ще значно раніще знав про Забілу. В-осени р. 1839 Шевченко жив у Петербурзі разом з художником Штернбергом, який тільки що тоді вернувся з України, [2]) де в маетку Г. Тарновського с. Качанівці дуже часто зустрічався й балакав з Забілою. Як відомо, Штернберг навіть намалював портрета з Забіли. [3]) Шевченко дуже цікавився тим, що робиться на Вкраїні, й роспитував про все Штернберга. Не може бути щоб він в ціх розмовах нічого не згадав про вірші та пісні Забіли, — не може бути, щоб і Шевченко не звернув уваги на те, що десь в Борзні чи коло неї живе рідний, вкраїнський поет. Наслідком цього заочного знайомства було те, що р. 1842 Забіла одержав од Шевченка з власноручним написом тільки що видруковану поему „Гайдамаки." [4]) Ідучи на Вкраїну 14 квітня р. 1845 р. в суботу перед Великоднем Шевченко, був на хуторі (в Чернигівщині) у свого приятеля Віктора Олександровича [5]). Хто такий був цей Віктор Олександрович, не відомо. Можливо, що це був і Забіла, хоча батька його й звали не Олександром, а Миколою[6]). 9 січня р. 1847 Шевченко вже прямо їде в Борзенський повіт до Забіли, як до свого звайомого. Потім частенько Забіла з Шевченком бачились у Г. Тарновського в Качанівці, де вони „обидва

---

[1]) Див. — Рус. Стар. 1870 р., № 9, стр. 279.

[2]) Кониський — „Т. Шевченко Грушівський", т 1, — 82 — 83 стр.

[3]) Рус. Стар. 1870 р. № 9, стр. 279. — Цей портрет зараз в „Им. Публ. Библіот."

[4]) Основа 1862 р. № 5, — Петров „Очерки"... стр. 309.

[5]) Кониський — ibid, стр. 209 — 210.

[6]) Де-хто з біографів Забіли теж звуть його не Миколаєвичем, а Олександровичем.

Библиотека "Руниверс"

поети, обидва щирі українці, обидва глибокі патріоти, — як каже Кониський, — швидко сприятелились.“ [1]) Після цього Шевченко кожен раз, як тільки доводилось йому переїздити через Борзну або бути де недалеко, не минав Забіли. Коли якось раз з невідомої причини Тарас не заїхав до Забіли, ображений поет послав йому ганьбу й дорікання, — написав гумористичне „посланіе“. Це „посланіе“ свідчить, що між поетами були досить близькі дружні відносини (оскільки глибокі, — трудно сказати!), — що вони писали один до одного листи („Чого ти лаешься, Тарасу?“ — починає своє „посланіе“ до Шевченка Забіла). Шевченко навіть змалював портрета Забіли. [2]) Кажуть, що на прощання з Забілою Шевченко подарував йому свого картуза і якийсь рослинний порошок зеленоватого кольору за-для настойки. Все це, а також листи Шевченка, які він надсилав йому з заслання, Забіла беріг, як святощі аж до своєї смерти. [3]) Коли помер Шевченко, то Забіла провожав його тіло аж до могили. [4])

З початку сорокових років минулого сторіччя познайомився Забіла й з другим великим українським письменником П. Кулішем. Коло травня 1843 р. Куліш вперше завітав до Білозерських на хутір Мотронівку і з цього часу цілих три роки, аж поки не одружився з Ганною Барвінок (Олександрою Білозерською), дуже часто їздив до них. В цей саме час спізнався з ним і Забіла, який теж не минав хутора Білозерських. Куліш зразу поважав талант літературний Забіли, почував до нього сімпатію, а разом з тим і дуже жалкував, що суворе життя так згубило цей досить виразний талант. „Хоч, може хто й здивується,—пише П. Куліш,— та я скажу, що це в нас був би другий Гоголь, ще, може, до того Гоголь український, коли б у нього була така дорога, як у Гоголя, і такі приятелі“ [5]). Ганна Барвінок в своїх спомінках каже, що „відносини між Забілою та Кулішем були завжде приятельскі, хоча вони рідко бачились“ [6]). Але є де-які факти, які свідчять, що ці відносини під кінець життя Забіли (з початку 60-тих років) дуже попсувалися. Р. 1857 Куліш на сторінках „Русскаго Вѣстника“ обізвав вірші Забіли [7]) циганськими, — казав, що вони написані мовою, „якою балакають на Вкраїні

[1]) Кониський — ibid., стр. 210.

[2]) Київ. Стар. 1882 р. № 10, стр. 70, — Зоря 1893 р., стр. 103.

[3]) Зоря 1893 р. стр. 103.

[4]) М. Чалий—„Жизнь и произведенія Т. Шевченка“,—196 стр.,—О. Кониський—Т. Шевченко—Грушевський. т. II, 392 стр.,—Київ. Стар. 1882 р. № 10.

[5]) Куліш—„Хуторна поезія“,- стр. 22.

[6]) „Споминки Ган. Барв.“

[7]) Вірші, що були надруковані в „Ластівці“.

Библиотека "Руниверс"

цигани“ [1]). Цей гострий присуд так роздратував самолюбивого Забілу, що він написав до Куліша довге віршоване „посланіе“, в якому дуже зло глузував з Куліша. Це „посланіе, хоч і мало цікаве з поетичного боку, було дуже поширене серед борзенців. На жаль, воно зовсім не збереглося. До нас дійшло тільки три вірші з нього:

„Крути, верти свій розум
„Ізо всеї праці,
„Не викрутиш більше того,
„Що у мене в с....“ [2])

Не меньш самолюбивий Куліш оддячив за себе. В двох своїх повістях: „Майор [3]) та „Украинскія незабудки“ [4])—він змалював в дуже не сімпатичному виді Забілу, з'образивши його під призвіщем Иволгина.

Оскільки правдиво змалював Куліш Забілу в своїх повістях, про це ми ще будемо говорити, а тепер вернімося трохи назад, знов до його біографії.

Втерявши милу, Забіла почав запивати. Зразу він соромився пити на людях. Кажуть, що, їздючи по своїх сусідах, він возив з собою хлопця з дорожним буфетом і пив дорогою [5]). В цей час він був ще гарним з себе, показним, розумним і дуже дотепним чоловіком. Кохаючись в рідній мові, він жорстоко глузував з тих панів і особливо панночок, що соромились балакати рідною мовою, а говорили по-французськи [6]). Коли б діло не йшло далі бенкетів та гулянок з приятелями, то навряд чи це мало б дуже сумні наслідки. Але Забіла почав все більше запивати, — почав пити й при гостях, і сам-на-сам. Ганна Барвінок росказує, що в нього була так звана „дітська“,—хатина, в якій стояли бочонки з наливками, горілкою то що. І всі ці бочонки, скільки їх ни доливав Забіла, все чогось швидко висихали [7]). Коли до цього

---

[1]) Рус. Вѣстн. 1857 р., № 12, стр. 231.

[2]) Кіев. Стар.—1886 р. № 9, стр. 174—175.

[3]) Рус. Вѣстн. 1859 р.,—„Повѣсти П. А. Куліша“—т. IV,—СПБ. 1860 р.

[4]) Основа 1861 р. № 9.

[5]) Кіев. Ст. 1886 р. № 9, 113 стр.

[6]) Ibid. 173 стр.

[7]) „Спом. Барв.“; про цю „дітську“ та про наливки так само згадує Куліш, характеризуючи въ своїх повістях Иволгина (Див.—„Украинск. незабудки“—Основа 1861 р. № 9, стр. 13,—„Повѣсти П. А. Куліш“, т. IV (Майоръ),—стр. 17.

Библиотека "Руниверс"

додати, що Забіла багато програвав в карти [1]), що він був вельми милосердний до вбогих і без всякої міри щедрий до своїх приятелів, [2])—то зрозуміло, що його, порівнюючи, невеликого маєтку не могло зберегтись надовго, — то зрозуміло, що швидко він став мало не старцем. Піяцтво без просипу, товариппування з п'яницями сталося причиною того, що й морально Забіла спускався все нижче та нижче, що він втрачав все те, чим так щедро наділала його мати-природа. „Багацько святого добра було в цій нещасливій людині,—каже Куліш,—і все те з'їла ледача панська жизнь, та жизнь, котру нам не дали справити на луччий шлях“ [3]). Не можна сказати, щоб Забіла цілком пассивно відносився до свого морального зубожіння, щоб він не розумів його, не поривався до чогось иншого, кращого, вищого,—щоб він був задоволений з свого життя. Хоча прямих свідоцтв і немає, але з деяких його віршів видно, що йому було часом дуже важко. Так, напр., в віршові „До коня“ він каже:

„А тут думка, а тут серце
„Як почнуть змагаться:
„На що літа погубив так,—
„Ім вже не вертаться“.....

В жартовливому „посланіи“ „до Шевченка“ Забіла дорікає Кобзареві, що той не заїхав до нього. З де-яких фраз цього „посланія“ видно, що Забілі дуже хотілося побачити живого чоловіка, почути живу розмову, забути хоч на де-який час своїх приятелів—„не дурнів випити“[4]),—забути горілку, карти... В цьому ж таки „посланіи“ нещасний Забіла марить про те, як би то гарно було поїхати до Петербургу:

„Я б ще побув у Петембурсі
„І побував би в вашій бурсі,
„Що Академією зовуть.
„Побачив би тебе Тараса,
„Того, що написав Торквата Тасса,
„Того, що славний медальер.

---

[1]) Куліш,—„Хуторна поезія“,—стр. 19—20.
[2]) Ibid. 22 стр.
[3]) ibid.—стр. 22.
[4]) ibid.—стр. 22.

Библиотека "Руниверс"

„Там Григорович є добряга,
„Да ще найшовся б чоловяга,—
„*І серце б трошки пожило.*
„Там Глинка той, що добре грає,
„Що пісень всяких він співає,
„Як би весною всі птахи!..
„Дак—що ж робить?... *Не маю долі*:
„*Живу у світі, як в неволі,—*
„*Як пташка в клітці, так і я*"...

Ось до чого поривалася душа Забіли,—ось в якому товаристві хотілося бути горопасі-поетові, та... „не мав він долі".

Звичайно, як би Забіла був більш енергічний чоловік, як би в нього було більше сили волі, як би він був більш видатною натурою,—то він лехко пережив би свою житьову катастрофу, — то він також лехко порвав би з старим життям і роспочав нове. Та, на жаль, Забіла був дуже млявої, пассивної вдачи, був мало здатний хоч на який-небудь протест. Коли до цього додати, що у Забіли зовсім не було яких небудь певних вищих ідеалів, які б могли підтримати його після катастрофи з мріями про власне щастя, які б дали йому більш широку мету за-для життя, які б одкинули кудись назад думки про зрадливу милу та знівечене кохання, — то ми зрозуміємо, чому така, здається, звичайна, світова річ зробила на Забілу таке страшне по своїх наслідках враження. Зрозумілим нам стане також і те, чому він плив туди, куди зла доля швидко-швидко несла його житьовий човник, — плив, майже не борсаючись, хоча й бачив, що ось-ось човник його попаде на каміння та й розіб'ється [1]).

Морально Забіла падав все нижче та нижче. Але і в цей час в душі його було ще багато доброго. В душі його жила свята любов до меншого брата селянина. Він охоче балакав з селянами, кумував у них, гуляв на весіллях і допомогав, чим і як міг. Було в його душі ще одно велике, святе почування, якого він не міг забути, з яким він і вмер. То було — кохання, любов до милої, з якою його так жорстоко розлучили. Правда, не раз в своїх віршах Забіла звертається з гірким докором до „невірної",— але й ці докори — такі болючі — ясно свідчять, що безталанному поетові ніяк не вдається вирвати кохання з свого серця.

---

[1]) Див.—вірш. „Човник".

Библиотека "Руниверс"

„Мучусь, мучусь і скучаю
„Серцем за тобою...
„На що ж було мені тебе
„Да так полюбити?
„На те хіба, щоб віку
„Собі вкоротити;
„Бо я кріпко, дуже люблю,
„Не можна вже більше,
„І чим дальше, а чим дальше,
„То все мені гірше“,—плаче Забіла.

В другому віршові, згадуючи вже про свою старість, він питається:

„За що ж цілий вік невірну,
„За що я кохаю?“...

Є де-які данні, які свідчять про те, що й „невірна“, Любов Михайлівна не забувала про свого колишнього молодого, що й вона—коли не кохала його, то співчувала йому. Ганна Барвінок оповідає, як один раз на балу в Мотронівці Забіла покликав до мазурки свою колишню молоду, тоді вже пані Боголюбцеву, — як гарно, з яким захопленням вони танцювали, як це дражнило Боголюбцева,—як ревнивий муж потім дико помщався над своєю жінкою... Ганна Барвінок рішуче висловлюється, що „сімпатія між ними до кінця життя зосталася“ [1]).

Звичайно, гаряче, палке, молоде кохання помалу - помалу зникало, — але воно зоставило після себе важкі наслідки, яких ніщо, навіть і всевладний час, не могло знищити. То було гостре незадоволення життям, повсякчасна туга, бажання хоч як-небудь розважитись, — відціля й повсякчасне піяцтво, й картярство. Звичайно, од такого життя маєтки Забіли все танули, мов той віск. Настав нарешті час, що їх продали за довги. Тоді (з початку 60 р.р.) Забіла, щоб мати заробіток, почав держати в Борзні почтову станцію й сам заправляв нею. Нове своє діло він вів дуже недбало й неакуратно. Мандрівникам дуже часто доводилось довго чекати коней. Коли б так поводився хто инший, то його довго не потерпіли б, а Забілі все прощали: такий він був привітний та

---

1) „Спом. Барв.“.

Библиотека "Руниверс"

гостинний чоловік. Як і перше, Забіла любив бути на людях, — часто зустрічав проїзжих, знайомився з ними, балакав. Не раз траплялось, що проїзжі, які тільки що сварились, лаялись, що їм не дають коней, потім по кілька день жили, гостюючи, у Забіли випивали з ним, грали в карти, слухали його сумних та жартовливих пісень, сміялись з його вигадок [1]). Але люде, яким доводилось бачити Забілу під цей час, кажуть, що взагалі він робив дуже сумне враження. Це вже не був здоровий, гарний, веселий юморист, це був передчасно постарілий чоловік, мало не дід, давно не стрижений і не голений. Жартував він і тепер, але жарти ці були не веселі, але од жартів ціх оддавало сумом. Особливо жалко й боляче було слухати, коли нещасний поет пробував іронизувати над своїм знівеченим життям, над своєю п'яною, наллятою горілкою „пикою" [2]). А пити Забіла вже не переставав, навіть пив ще більше, ніж перше. Тепер він вже мало не весь час проводив в своїй „дітській", серед ріжних бочок та пляшок, — тепер в „дітській" у нього появилася „жінка"—тридцяти відерна бочка з горілкою, [3])--тепер він инколи навіть писав свої вірші наливкою, замісць чорнила [4]). Зрозуміло, що при таких обставинах. Забіла не міг довго вдержатись на місці. Останні роки перед смертю він жив у Борзні, в своєї сестри, що була замужем за Білозерським. В цей час Забіла вже був мало не напів-мертвий: більш мовчав, а як і росказував що, то зовсім не цікаво, без колишнього ґумору та живости [5]). Швидко й помер безталанний поет. Д. Микола Вербицький так розповідає про смерть Забіли: „Не задовго до смерти Забіла написав листа до свого небожа Івана Білозерського, де між иншими новинками росповідав, що о. Кондратій (піп) „удостоївся блаженної кончини", а власне — вертаючися до-дому п'яний, заорав пикою в калюжу й залився. „Дай Боже,—закінчував він,—і кожному християнину такого ж кінця".

---

[1]) Кіев. Стар. 1886 р. № 9, стр. 172.—Куліш в повісті „Майор",—характеризуючи Иволгина, говорить і про те, що він пропив свій маєток, і про те, що почав держати почтову станцію, і що був дуже неакуратним доглядачем станції, і про те, що закликав до себе проїзжих. Тільки Куліш малює Иволгина якимсь дуже улестливим перед великими панами чоловіком,—чого не можна, здається, сказати про Забілу.

[2]) Кіев. Стар. 1886 р., № 9, стр. 175.

[3]) Ibid. стр. 172.

[4]) В. Чернигівському музеї В. Тарновського є кілька рукописів Забіли. Коло одного з них є примітка, зроблена рукою самого автора: „написано вишнівкою".

[5]) Див. Споминки Тищинського.

Библиотека "Руниверс"

А за якийсь час прийшла звістка, що Забіла помер. Сталось це, кажуть, так: взявши до себе в кабінет барило наливки, він все це барило випив, ліг на підлогу, поклав голову на барило (порожне)... і—вмер“ [1])... Чи справді було так, як оповідає д. Вербицький, трудно сказати, але в його оповіданні нема нічого неможливого.

Так страшно низько впав морально нещасний Забіла, але і в цьому страшному становищі він зберіг в душі одно тепле почування, то—було почування любови до колишньої молодої. Її, як згадує Ганна Барвінок, Забіла не забував до самої смерти [2]).

Помер Забіла 1869 р. Поховано його в Борзні. На похорон посходилось багато його колишніх кріпаків. Всі вони плакали за ним, мов за рідним: такий він був до них добрий та ласкавий... [3]).

II.

Кілька слів про твори В. Забіли.

Проживши на світі мало не 70 років, Забіла написав за все своє життя всього коло 40 віршів. Звичайно, це дивно мало. Але не треба забувати, кажучи про Забілу, тих умов, серед яких він жив і під впливом яких мусів розвиватись його літературний талан.

То були глухі, сумні часи. Мало не все панство, мало не вся інтелігенція на Вкраїні зовсім втеряла живий зв'язок з рідним народом. Між народом та інтелігенцією була страшна, глибока, непроходна безодня. Інтелігенція, здавалось, на-віки втеряла свою національність. Серед панів тогочасних можна було чути всякі мови—і польську, й московську, й французську—ніколи тільки не лунала в їх покоях рідна, вкраїнська мова. „Тоді,—каже Куліш,—між українським панством рідко ще хто вмів розмовляти рідною мовою, і сам Шевченко говорив у гостях у панів мало не все по-російськи. Хіба знаходив дуже почутну собі людину між земляками, що відчалили вже від рідного берега і вплили глибоко в московщину“ [4]).

---

[1]) Росповідаю про це з листа, якого ласкаво надіслав до мене в.-шановний д. М. Вороний.

[2]) „Спом. Барв.“

[3]) „Спом. Тищинського“.

[4]) Куліш—Хуторна поезія, 24—25 стр.

Библиотека "Руниверс"

Одже ж дивно, як то Забіла, живучи серед тодішнього зденаціоналізованого так глибоко панства, не тільки не забув і не забував рідної мови, але навіть писав нею свої вірші. Біографія Забіли зовсім не подає таких данних, які б могли пояснити цей трудно зрозумілий факт.

Може, хто впливав на нього в такому напрямку?

Трудно дати на це питання яку-небудь рішучу одповідь. Той факт, що Забіла вчився в Ніжині в ті часи, коли там був і Гребінка з Афанасєвим [1]), а також і те, що перші свої вірші Забіла друкує в альманасі „Ластівка", який склав і видав Гребінка р. 1841, неначе свідчить про те, що на нього впливав Гребінка, що Гребінка підтримував його сімпатії до рідного слова. На жаль, біографія Забіли не дає ні одного найменшого факта, який би свідчив, що між Забілою та Гребінкою були якісь більш тісні, більш щирі та приятельські відносини. Є певні данні, що Забіла був знайомий з Шевченком та Кулішем, — але це знайомство почалось аж в 40-роках,—тоді, коли вже Забіла надрукував свої вірші в „Ластівці".

Як бачимо трудно напевно сказати, під чиїм впливом Забіла почав писати вкраїнські вірші.

Можливо навіть, що й ніхто не робив на нього особливого впливу, що він цілком самостійно, з власної ініціативи почав писати вірші рідною мовою. Куліш в своїх згадках про Забілу неначе поділяє оцю саме думку. Кажучи, що рідна поезія на Вкраїні вперше прокинулась в Чернигівщині в творах Забіли, як в Харьківщині—за приводом Гулака-Артемовського, а в Полтавщині—Котляревського, він називає Забілу „самостійним органом нового почуття нації" [2]). Коли ми звернемо увагу на те, що Забіла, як то певно відомо з його біографії, дуже кохався в рідних піснях, і придивимося до самих його віршів, що своїм складом і формою так нагадують українські народні пісні, то ми знайдемо разом з цим те безсумнівне джерело, яке надихало Забілі любов до рідного слова, яке, не рахуючи навіть впливу окремих людей, і само могло потягти Забілу до праці рідною мовою. Факт впливу

---

[1]) Огоновський. — „Истор. литер.", ч. II, 1 відділ, — стр. 229. Кажуть, що Гребінка нахилив до українства Афанасєва („Зоря"—1887 р. ч. 4, стр. 70) і взагалі мав вдачу, „якою люде впливають на товаришів, сами того не бажаючи". Писати по-вкраїнськи він почав ще в гимназії, в Ніжині (Огоновський—ibid.—230 стр.)

[2]] Хуторн. поез.—19 стр.

Библиотека "Руниверс"

на Забілу народньої поезії, особливо пісень, не може підлягати жадному сумніву.

Звичайно, можливо, що до нас дійшло далеко не все, що написав Забіла, хоча однаковість, що до змісту, всіх збірників (рукописів) його віршів неначе свідчить про те, що він більш нічого й не писав [1]). Нам здається, що Забіла і справді не писав більш нічого, оприче того, що далі друкуємо ми. Нам, на жаль, тільки не пощастило знайти „Посланія до Куліша", — але про цей твір кажуть, що він дуже не високої літературної вартости.

Чим же можна пояснити, що Забіла протягом такого довгого часу так мало написав?

Ми вже вище говорили, що Забіла не мав яких-небудь певних і міцних громадянських переконань. Це був собі простий чоловік, звичайний панок тогочасний, — тільки людина з щирим серцем і талановитою, дуже палкою, вразливою вдачею. Це була натура дуже сімпатична, але не глибока. Не маючи жадних сталих горожанських переконань, про що свідчать його твори, Забіла не міг свідомо глянути й на свою літературну діяльність. Забіла писав не через те, що кохався в рідному слові,—не через те, що розумів надзвичайну вагу й потребу рідної літератури, — він писав, бо слово само просилося, — писав, бо душа боліла, — писав, бо не міг вдержати слова, — писав, як соловей співає... Писав Забіла рідною мовою, бо любив її хоч і несвідомою любов'ю, бо вкраїнська пісня так зріднилася з його душею, що йому було б вже важко підібрати иншу форму за-для своїх думок і почувань.

Не маючи широких, загально-людських ідеалів або байдуже відносючись до них, Забіла через це саме не мав постійного джерела за-для своїх творів. Виспівав він своє горе, і далі не стало про що писати. Можна припустити, що Забіла починав писати й на инші теми. Серед відомих нам його творів є і дідактичні, і навіть історичні. Та всі ці твори погано виходили у нього. Через це саме, проспівавши свою пісню, вилившн в піснях власне горе, Забіла мусів замовкнути [2]). Маючи все це на увазі, не треба забувати й тих важких обставин, серед яких жив Забіла і серед яких розвивався його літературний талан. Вільне, широке

---

[1]) Нам довелось бачити аж три збірники під назвою—„Співи круз сльози" і всі однакового змісту.

[2]) Можна думати, що Забіла покинув писати ще й через те, що бачив, наскільки слабі його твори в порівнанню з творами Шевченка та Куліша, які саме почали в цей час писати.—І. Франко—„Поезії В. Забіли".—Л.-Н. Вістн. 1906 р. № 3, 397 стр.

Библиотека "Руниверс"

гусарське життя, зрозуміло, не могло дати нічого за-для його таланy, не могло зміцнити його. Нещасливе кохання одвернуло його на час од колишнього веселого життя, наповнило його серце тугою й журбою, дало зміст його пісням, вклало в його мало підготовлені до літературної роботи руки перо. Та,—на жаль,—не довго писало це перо. Безпросипне піяцтво швидко вирвало з його рук перо, замінивши його чаркою.

І зміст творів, і біографичні данні говорять нам цілком ясно, що найкращим часом в письменницькій діяльності Забіли був час од половини тридцятих до другої половини сорокових років,— той саме час, коли Забіла, тільки що втерявши свою молоду, дуже вбивався за нею і виливав свое горе в піснях, поки що не дуже то заливаючи його горілкою. За цей час Забіла написав більшу й кращу частину своїх творів. Бувши на Вкраїні р. 1839, Глинка говорить, про нього, як про відомого „малороссійскаго поета“ [1]). А що краща пора літературної діяльности Забіли закінчилася в другій половині сорокових років, про це, поминаючи біографічні данні, виразно свідчить Куліш. Говорючи про гостювання у Забіли р. 1847 разом з Шевченком, він, звертаючись до „хуторного поета“ (Забіли), каже: „Ти, чадо попсованого привилеями панства, *втеряло єси на-віки возмогу кращого життя духовного*“ [2]). Правда, і після цього Забіла писав де-що. Серед його віршів є один, що був написаний р. 1855, як показує виставлена коло нього дата. Але цей вірш, [3]) в якому Забіла тільки згадує про свое піяцтво, не суперечить, а навпаки підтримує нашу думку, доводить, що і справді після другої половини 40 років Забіла, який пив мало не безпросипу, не міг нічого писати. Ще коло одного вірша Забіли, який зберегається в Чернигівському музеї Тарновського, ми знаходимо дату: „1857 р. 29 іюня“ [4]). Ця дата неначе б то говорить проти нашої думки. Але ця дата, не вважаючи на те, що її зробив сам Забіла власноручно, не певна. В одному з рукописів, який складено р. 1854 [5]), ми знаходимо вже цю поезію. Очевидно, р. 1847 Забіла тільки переписав її „вишнівкою“ за-для якогось з своїх приятелів.

---

[1]) Рус. Стар.—1870 р., т. 2, стр. 278—279.
[2]) Хутор. поез,—23 стр.
[3]) Дивись № 36.
[4]) Дивись №—32.
[5]) Рукопис № 2,—на ньому стоїть ця дата—„1854 р.“

Библиотека "Руниверс"

Нашу думку, що Забіла не міг писати після 1847 р., підпирає ще й той факт, що після арешту Шевченка та Куліша (1847 р.) стало небезпечно писати по-вкраїнськи. Трудно думати, щоб Забіла, який ніколи цілком свідомо не відносився до рідного письменства, виказав стільки горожанської мужности, щоб, не вважаючи на небезпеку, писати все ж таки рідною мовою.

Зміст поезій Забіли дуже обмежений, не широкий. З біографії Забіли ми вже знаємо, що в своїх творах він головним чином іллюструє власне життя. Як відомо, кохання відиграло в житті Забіли дуже велику роль.

Цим то й виясняється, чому то мало не всі твори Забіли присвячені коханню. То він говорить про власне кохання, то висловлює гаряче співчуття всім закоханим [1]). Поезій, присвячених коханню, найбільше в поетичній спадщині Забіли, і ці поезії — кращі зо всього, що написав він. В них чується так багато щирого, безпосереднього чуття, виливається така правдива та глибока туга, що мимоволі навіть вони вражають серце, викликають в душі якийсь особливий, відповідний до їх змісту настрій.

По-за цими поезіями, присвяченими коханню, у Забіли дуже мало творів.

Є одна цілком невдатна і що до змісту, і що до форми спроба історичного вірша. „Палій“ Забіли [2]) ясно свідчить про те, що він і не знав, і не розумів зовсім рідної історії. Дарма шукати у нього правдивої характеристики головного героя, — дарма сподіватись, що він змалює широку картину давнього, минулого життя.

Серед творів Забіли зустрічається також ще й кілька „байок“. Але „байки“ ці дуже мало нагадують те, що всім відомо під назвою „байка“. „Байки“ Забіли—це через край ростягнуті, мало цікаві, не багаті ні змістом, ні формою, убогі мораллю віршовані оповідання [3]), часто цілком взяті з життя, з сучасних подій [4]). Між цими „байками“ вигідно одріжняється тільки „байка“ — „Остап і чорт“ [5]). Ця „байка“ краща од инших своєю формою, а крім того — в ній дуже гарно, цілком вірно з етнографичного боку змальовано характерні риси вкраїнського чорта, — чорта не дуже то розумного, якого лехко обдурити, і зовсім не злого.

---

[1]) Дивись вірші № 19, 21, 23...

[2]) Дивись — № 25.

[3]) Дивись № 13, 12, 16, 34.

[4]) Напр., № 13.—Див. Кіев. Стар.—1888 р., № 4.

[5]) № 16.

Библиотека "Руниверс"

Нарешті, в спадщині Забіли ми знаходимо і кілька віршів з горожанськими мотивами. Це—саме нещасливе з всього, що написав він. Тут поезії вже нема ані краплі,—нема тут, на жаль, і оригінальної, свіжої, нової, самостійної думки. Ідеали й думки Забіли, які висловлюються в ціх віршах, самі звичайні, самі шаблонові. В одному віршові [1]) він, взявши за основу дійсний факт [2]), нападає на суди, які так сприяють багатим і так багато лиха приносять бідним,—в другому [3])—говорить про виховання дітей,—в третьому [4])—малює гірку долю сиротини, — в четвертому [5])— дає поради дитині і т. инш. Ось, напр., як він говорить про виховання дітей:

„Треба дітей учить змалку, щоб вони трудились,
„Щоб були вони слухняні та щоб не крутились.
„Коли що сами не знають, щоб батьків питали,
„За червоним щоб не дуже вони все ганялись“ [6])...

Чи може бути щось більш шаблонового од ціх порад?... А ось—як він радить жити й що робити дитині:

„Учись, не заучуйсь,—
„Люби Бога більше всього,
„Тай нас старих слухайсь.
„Людей люби, як тих братів...
„Коли будеш шанувати
„В серці своїм Бога,
„Так не бійся ні невзгоди,
„Ні злого ворога“ [7])...

А ось як син одповідає батькові на його поради:

„Що ти казав мені, тату,
„Я усе те знаю:

---

[1]) Див. № 13.
[2]) Кіев. Стар.—1888 р., № 4.
[3]) Див. № 12.
[4]) Див. № 11.
[5]) Див. № 28, 30.
[6]) Див. № 12.
[7]) Див. № 30.

Библиотека "Руниверс"

„Богу молюсь, Бога боюсь,
„Царя почитаю:
„Він, як рідний усім батько,
„Сиріт воспитає“ [1])...

Чи далеко ж пішли ці думки од так званої „прописної“, дешевої моралі?..

Не багаті змістом, твори Забіли далеко не виблискують і формою. Здебільщого форма їх—то форма „звичайних жіночих та й козачих“ пісень.[2]) В творах Забіли не шукайте штучного, гнучкого, артистичного вірша,—вірш його примітивний, надзвичайно простий і одноманітний.

Мова віршів Забіли, як за для того часу, досить чиста й гарна. Трудно зрозуміти, чому Куліш назвав цю мову „циганською“ [3])...

Вже раніш ми говорили, що в творах Забіли дуже помітно вплив народньої пісні. Народня пісня, що була джерелом задля всіх перших українських поетів, була головним джерелом і за-для Забіли. Маючи це на увазі, не можна ніяк згодитись з де-якими критиками, [4]) що помічають на творах Забіли вплив Шевченка та Метлінського. Можна цілком рішуче висловитись, що Забіла в своїх творах не наслідував нікому з тогочасних українських поетів.

Звичайно, за-для нашого часу, коли поезія пішла так далеко вперед і що до змісту, і особливо що до форми, твори Забіли не можуть мати великого значіння. Але навіть і тепер де-які з його віршів, найбільш ті, в яких він жалується на свою нещасливу долю та плаче за зніваченим життям, можна прочитати залюбки: в них так багато чуття та щирости. Не дурно ж де-які з цих віршів Забіли, що так нагадують і своїм змістом, і формою народні пісні, пішли широко в народ,—і тепер ще їх співають селяне на Вкраїні. Але головна вага творів Забіли зовсім не в цьому,—твори його тепер мають виключно історичне значіння. Коли б ці твори з'явились в свій час, вони б мали в кілька разів більше значіння. Тоді вкраїнська література була ще така вбога, тоді на її ниві було ще так мало справжніх робітників, тоді

---

[1]) Див. № 28.

[2]) Куліш—„Хуторн. поез.“—19 стр.

[3]) Русск. Вѣстн.—1857 р, № 12., стр. 231.

[4]) А. Котляревський (Чуприна). Див.—Москов. Вѣд. 1856 р., № 41.

Библиотека "Руниверс"

вкраїнська література стояла ще в такому становищі, що твори Забіли були б за-для неї цінним придбанням. На жаль, суворі, сумні обставини не дали Забілі розвити свій талан, а нещаслива доля сховала надовго його твори і держала десь в заховку, аж поки вони зовсім не постаріли та не втратили сучасного значіння.

Кінчаючи оцю коротеньку замітку про твори Забіли, сміливо кажемо, що Забіла мав чималий поетичний талан од природи і при кращих обставинах виховання та життя з нього міг би виробитись досить виразний і талановитий поет. Ось що каже про нього Куліш: „Беручи цю людину в цілості, мушу сказати, що був це чоловяга з великим природним даром... Хоч, може, хто й здивується, та я скажу, що це в нас був би другий Гоголь, ще, може, до того Гоголь український, коли б у нього була така дорога, як у Гоголя, і такі приятелі“.[1])

І сам Забіла добре розумів, що він далеко не все дав, що міг дати. В одному з своїх віршів, рівняючи себе до весняної води, він каже:

„О як би тая водиця та де зупинилась,—
„Не одному б в жарке літо вона пригодилась.“ [2])

В посланії „До Шевченка,“ говорючи про своє сумне життя, Забіла між иншим завважає:

„Живу у світі, як в неволі,
„Як пташка в клітці, так і я.
„Співають пташки і в неволі,
„Та все не так як би на волі“..

---

[1]) Хуторн. поез.,—стр. 19, 22.
[2]) Див. № 35.
[3]) Див. № 18.

Библиотека "Руниверс"

III.

Вірші Віктора Забіли. [1])

№ 1. Грицько і Маруся [2]).

Жала дівка жито в полі, сама й зажинала,
Не бачилась довго з милим, бачити бажала:
Не дуже то пильнувала, усе оглядалась,
Бо милого козаченька вона сподівалась.
Уже й вечір, його нема. Дівка плакать стала,
Що й не вийшов він до неї, що й мало нажала.
До-дому пішла з поля, [3]) цілий день неївши,
Всю ніченьку просиділа, голову схиливши
На правую на рученьку. Бідная тужила:
„Нащо таки я так дуже, нащо полюбила?
„Чому він, мій милесенький, в поле не виходив?
„Чи вже він такий безбожний, щоб [4]) мене ізводив?“
Стало на світ підніматься, реве вже скотина, —
В поле пастись захотіла, — все плаче дівчина.

---

[1] Друкуючи зараз всі вірші Забіли, які нам пощастило достати, вважаємо потрібним додати кілька слів:

Більшу частину віршів ми беремо в тій редакції, в якій знаходимо їх в самому старому рукописові — № 1. Чого в цьсму рукописові не хватає, — те додаємо з рукописів № 2 і 3, — рукописів (особливо № 3) більш нових Можна думати, що рукопис № 2 був складений, щоб подати до цензури: він самий повний серед рукописів, самий справний, в ньому чимало гострих і неестетичних виразів та слів позамінювано иншими, на думку редактора, кращими (Дивись, напр., вірші №№ 15 та 16). До кожного віршу ми подаємо варіанти, які зустрічаємо в ріжних рукописах. По-заяк де-що з творів Забіли ще раніш було надруковано, то ми, передруковуючи наново оці його твори, наводимо варіанти і з друкованих його творів. Мало не всі вірші Забіли, які ми зараз друкуємо, видрукував на сторінках Літ.-Науков. Вістника (1906 р., № 3 та 4) І. Франко. Той рукопис, яким користувався Франко, дуже подібний до нашого рукопису № 3 (однакова назва і роспорядок віршів).

[2]) В рукописові № 2 цей вірш поміщено під № 29; в рукописові № 3 — під № 26. В обох ціх рукописах, а також у Франка, кожен вірш поділено на два. В рукописові № 1 — нема назви коло цієї поезії.

[3]) Франко — „і в домі.“

[4]) Франко — „що.“

Библиотека "Руниверс"

Встала після з-під оконця, в коворот погнала
І бичечків, і теличок, та все сумувала.
Одігавши за коворот, в господу верталась
І з рідною матюнкою його пострічалась.
Заплакала [1]) старенькая — в поле ягнят гнала. —
„Помагай Біг, пан-матюнко! — дівка їй сказала.
— „Помагай Біг, дівчинонько!“ — А деле [2]) руками
Ударилась дуже в груди, залилась сльозами.
„Не досталось, Марусенько, звать тебе дочкою,
„Розлучили Грицька мого навіки з тобою.
„Вчора його, голубчика, як обідать сіли,
„Виборний із головою од нас ухопили.
„Ніженьки йому скували, бідний вельми плакав.
„Сказав: „От тобі й женився! Лучше б був не сватав.
„Ведуть мене у некрути. Прощай, батько й мати!
„Не достанеться вже, може, більш вас цілувати“...
„Затулився хустиною, хлипав, заливався...
„Де то моя Марусенька? З нею й не прощався!“...
„Прохався він вельми-дуже: „Пустіть до дівчини,
„До моеї голубоньки, хоть на пів години“...
„І я з своїм старим дідом дуже їх прохали,
„Щоб не вели [3]) його вчора... І слухать не стали. —
„Та ну, годі! почав хлипать, — от як росходився“, —
„Голова сказав сердитий: „нащо полюбився!“...
„Годі липень, прощавайте, — виборний озвався:
„От і лихо, що з дівкою він не попрощався“.
„Росчинив він настіж двері, повели із хати
„Грицька, рідную дитину, вороги прокляті!“...
— „Нещасна [4]) я у світі! — Маруся сказала:
„Тепер жить [5]) мені не мило“, — гірко плакать стала.
„Буду мучиться, крушиться, буду убиваться:
„Не удалось сиротині милим утішаться!
„Нема Грицька, нема й щастя мені уже в світі!
„Увесь світ мені не милий, не хочу більш [6]) жити:

---

[1]) Франко — „заплакана.“

[2]) Мабуть — замісць — „далі“. „Деле“ — стоїть во всіх трьох рукописах Франко — „сама.“

[3]) Франко — „взяли.“

[4]) ibid. — „нещасная.“

[5]) № 2: жить тепер; Франко — „жить мені тепер.“

[6]) Франко — „вже.“

Библиотека "Руниверс"

„Не довелось карих очей його цілувати,
„Не довелось Грицька мого вічно своїм звати!“
— Дуже мучилась Маруся, бо вірно любила,
Приняла сердешну скоро сирая могила...
Чи вже квітка, як одірвать, [1]) довго цвісти буде?
Або серце, як розлучить, то воно й забуде?
Хоч у воду постав квітку, все вона зав'яне,
Бо вона вже одірвана, і пахнуть не стане!
Усе одно, як одірвати од милого милу.
Піде вже той нещасливий до время в могилу.
Котрі люблятся по правді, повік не забудуть;
Поки душа буде в тілі, все нудиться будуть!...

№ 2. Човник [2]).

Чи довго я, нещасливий, [3]) буду так крушиться? [4])
Пора б уже перестати скучать да нудиться!...
Пливе човник без весельця, к берегу звертає.
Ніхто човником не править: вітром прибиває.
І до берегу причалився да й остановився.
Не найшлось і там нікого, кому б він згодився.
Не було йому спокійно з берега лежати:
Знай, все стукався об його, як стане плескати.
Потім хвиля ісхопилась [5]), сердешний одбився [6])
Од [7]) берегу ізнов плавать, [8]) поки аж розбився...
І я в світі, як той човник, де пристать, не знаю.
Де б схотилось, там не можна, бо щастя не маю.
Одбиває й мене хвиля изо всей мочі.
Піду, піду, помандрую, куди глядять очі.
Човнику ж тому байдуже, чи хвиля, чи тихо:

---

[1]) Франко — „Чи як квітку одірвати“..

[2]) В рукописові № 1 — нема назви ко цієї поезії. В рукописах № 2 і 3, а також в „Зорі“ (1894 р.) і у Франка кожен вірш поділено на два. В рукописові № 2—цей вірш поміщено під № 1, — а в рукописові — № 3—під № 4.

[3]) № 3 — нещасний.

[4]) Франко — „крутиться.“

[5]) Зоря — ізхватилась.

[6]) ibid. — ізбився.

[7]) ibid. — від.

[8]) № 3 і Франко — плавав.

Библиотека "Руниверс"

Він дерево, він не знає, що то в світі лихо.
А я бачу все і чую да серцем нужуся.
Ой, як піду, куди очі, то вже й не вернуся.
Не будуть мене ховати, [1]) де лежить мій батько,
Де лежить мій брат [2]) з сестрами, де лежить і дядько.
Не буде йти за труною старенькая [3]) мати,
Не знатиме, коли син вмер, не буде й плакати.
Може, [4]) прийдеться де в лісі або серед поля
Заснуть вічно нещасному, коли така доля!
По мені не будуть звонить [5]) і ховать з попами,
Роздовбають носом птахи да звірі зубами,
Ростягають кості [6]) мої без шкури, без тіла.
Ніхто в світі не знатиме, де моя могила,
Ніхто й жменьки землі зверху на мене не кине,
Бо Біг тільки буде знати, де смерть ізостріне. [7])
А [8]) волосся буйний вітер [9]) рознесе по полю...
Чи вже душа й [10]) на тім світі піде у неволю?...

№ 3. Вітер. [11])

Гуде вітер вельми в полі, реве, ліс ламає;
Плаче козак молоденький, долю проклинає.
Гуде вітер вельми в полі, реве, ліс ламає;
Козак нудиться, сердешний, що робить — не знає.
Гуде вітер вельми в полі, реве, ліс ламає;
Козак стогне, бідолаха, сам собі гадає:
„Ревеш, вітру, да не плачеш, бо тобі не тяжко,
Ти не знаеш в світі горя, дак тобі й не важко.

---

[1]) Зоря — не буть мені заховану.
[2]) Франко — „де брати мої...
[3]) ibid. — старесенька.
[4]) ibid. „мо'..“
[5]) № 2, 3, Франко і Зоря — звонить не будуть.
[6]) ibid — кістки.
[7]) Зоря — ізустріла.
[8]) № 2, 3, Франко і Зоря — і.
[9]) Зоря — вітер буйний.
[10]) № 2 — і; — № 3 і Франко — й душа.
[11]) В рукописові № 1 — нема назви коло цієї поезіи. В рукописах № 2, 3 і Франка кожен вірш поділено на два. В рукописові № 2 цей вірш поміщено під № 2, а в рукописові № 3 — під № 3.

Библиотека "Руниверс"

Тобі все одно: чи в полі, чи де ліс ламаєш,
Чи по морю хвилю гониш, чи криші здираєш
Солом'яні і залізні, [1]) якую де стрінеш;
Снігом людей замітаєш, в полі як застигнеш...
Одірви ж од серця тугу! [2]) Рознеси по полю,
Щоб не плакався я, бідний, на нещасну долю.
А коли цього не зробиш, мене кинь [3]) у море,
Нехай зо мною [4]) потоне, нехай [5]) моє горе!"...

№ 4. Безщасний. [6])

От і празника дождались. Веселяться люде.
А мені мабуть ніколи радощей не буде!
Дивлюсь на все, як без очей, бо щастя не маю,
Я і в будень, я і в празник нужусь та скучаю.
Минулося моє щастя: не бачусь я з нею,
Не бачусь з дівчиною, милою моею.
Лучче б серце розлучили моє із душею,
Коли мені вже не можна звать її своєю.
Вона — щастя моє в світі ... Всі мені не милі...
Її більше себе люблю, люблю до могили.
І в могилі, коли можна, там [7]) буду кохати...
Да там уже [8]) кінець всьому [9]) — треба вічно спати!
Жить мені остило вельми, [10]) кинуть її тяжко:
Для неї я тільки живу, хоча і жить [11]) важко.
Не бачивши, її бачу. Річь я її [12]) чую.

---

[1]) Франко — „й залізнії..."
[2]) № 2 — муку.
[3]) № 2, 3 і Франко — кинь мене.
[4]) Франко — „ізо мною хай"...
[5]) № 3 — люте; Франко — моє люте...
[6]) В рукописові № 1 — нема назви коло цієї поезії. В рукописах № 2 і 3 кожен вірш поділено на два. В рукописові № 2 цей вірш поміщено під № 30, а в рукописові № 3 — під № 21.
[7]) № 2, 3 і Франко — то.
[8]) № 3 — „уже" — нема.
[9]) Франко — горю.
[10]) № 2, 3 і Франко — дуже.
[11]) № 3 — хоть і жити важко.
[12]) № 2, 3 і Франко — її річ я чую.

Библиотека "Руниверс"

Де б я не був, що б я [1]) не робив, за нею горюю.
Серце, душа, розум, гадки — за нею скучають.
Плачуть мої карі очі: бачити бажають.
Не думкою, справді бачить, речі слухать справді. [2])
Так, як би мені хотілось, як люблю по правді.
Злая доля однімає у мене дівчину, —
Мене й мучить, мене й гонить живого в могилу.

№ 5. На той світ до батька. [3])

Нащо, тату, ти покинувъ мене сиротою,
Чому мене не взяв малим в могилу з собою?...
І я б вічним сном у землі спав, а [4]) не журився б, [5])
Не знав би я в світі горя, світом не нудився б. [6])
Як несли тебе ховати, тоді був дитина
І не думав, що я в світі бідна сиротина.
Не вмів тоді, нещасний, [7]) і слова сказати
І не знав, що батька несуть в землю заривати.
Може, іще й забавлявся, як попи [8]) співали:
Годок мені був од роду, [9]) як тебе ховали.

№ 6. Думка до себе. [10])

Сидів раз я над Десною [11]) да й дивився в воду,
Чому радощей ніколи я не бачив зроду?
Думав, гадав, за що б долі так мене карати?

---

[1]) № 2, 3 і Франко — „Я“ — нема.

[2]) Франко — справді бачуть, річі чують справді.

[3]) В рукописові № 1 нема назви коло цієї поезіи. В рукописах № 2, 3, 4 і 5 — а також в „Черниг. губ. Вѣдом.“ (1857 р. № 16) кожен вірш поділено на два. В рукописові № 2 цей вірш поміщено під № 31, — а в рукописові № 3 — під № 23, — в рукописові № 4 — під № 4, — а в рукописові № 5 — під № 2.

[4]) № 4 і 5 — і.

[5]) Франко — нема — „б“

[6]) ibid — нема — „б“

[7]) № 2, 3, 4, 5 і Франко — нещасливий,

[8]) Черниг. губ. Вѣд. — дяки.

[9]) № 4 і 5 — бо я годиком зостався.

[10]) В рукописові № 1 нема назви коло цієї поезії. В рукописах № 2, 3, і 4 кожен вірш поділено на два. В рукописові № 2 цей вірш поміщено під № 5, рукопиеові № 3 — під № 6, а в рукописові № 4 — під № 2.

[11]) № 2, 3 і Франко — над річкою.

Библиотека "Руниверс"

Чи я хотів кого вбити, або щоб одняти
Худобу в кого чужую, або щоб [1]) украсти?
Мабуть прийдеться нещасним мені вже й пропасти..
Хвиля була превелика, вітер так і гонить,
Аж пором [2]) став серед річки і [3]) з місця [4]) не сходить
Були й жінкі на поромі, були й чоловіки.
Кричять: „Тягніть разом, люде! Пропадем навіки!"...
Аж на пором [5]) хвиля плеще. Вітер реве, свище!
Пливуть вони дуже тихо і к берегу близче.
Дивлюсь: човничок [6]) маленький [7]) із хвилі маняє,
Зовсім стане його видно, а після й немає.
Тягли пором по канату й шостами спірали
Да й то сливе вже й к півдню к берегу пристали.
Мордувались [8]) із ранку і всі поморились [9]);
Як вилізли вже на берег, аж [10]) перехристились,
І сила ж була велика, да все було важко.
Як же тому, що в човнику, як же тому тяжко?
Неборашний, против хвилі сам він гонить човен,
І ізверху вода плеще, і ізнизу повен.
Став він ближче й до берега [11]) уже підпливати
Да не вспіє [12]) сам він гребти й воду виливати [13]).
Завертівся кругом човен да й перевернувся;
Бовть у воду, бідолашний, і не схаменувся.
Винирав [14]) разів із трічи. „Ой, ратуйте, пробу!.."
Кричав він, сердешний, дуже, кричав ік народу.
„От тако,[15]) — тільки сказали, [16]) — от тобі й нажився,

---

1) Франко — що.
2) № 2 і 4 — порім.
3) № 4 — „і" — нема.
4) № 4 —міста.
5) Франко — об порома.
6) № 2, 3 і 4 — човник.
7) № 3 і 4 — малюсенький, Франко — малесенький.
8) № 2, 3, 4 і Франко — мордувалися.
9) 2, 3 і Франко — дуже потомились.
10) № 2 і 3 — всі.
11) № 2 і 3—і к берегу; № 4—до берегу.
12) № 3—вміє.
13) № 4 відливати.
14) № 3—виринав.
15) № 2, 3 і 4— оттак.
16) № 4—тільки і сказали.

Библиотека "Руниверс"

Не далеко й до берега да ба—утопився!..“
Я був кинувсь рятувати, так [1]) плавать не вмію
Да й подумав, що й я в світі так десь [2]) околію
І мені так люде скажуть: „От тобі й нажився!
Хотів іще й [3]) оженитьсяся, от тобі й женився...“

№ 7. До милої. [4])

Поуз [5]) двір, де мила живе, [6]) я проїхав двічі,
Да не бачив голубоньки я ні разу в вічі [7])
Затьохкало серце в мене, як з двором зрівнявся.
Дуже бачиться хотілось, і кінь запинявся. [8])
Да нерано було уже, [9]) як я мимо їхав.
Оглядався назад довго, неначе хто кликав.
Дак я сам собі [10]) подумав: „Чи й ти так скучаєш?..
Коли вірно мене любиш, то й бачить бажаєш.
Ой, як вірно мене любиш, будем жить з тобою
Цілий вік, мое серденько, як риба з водою“...

№ 8 Думка. [11])

Ой [12]) коли б хто знав, як тяжко так на світі жити,
Як мені тепер прийшлося... Біг зна, й [13]) що робити...

---

[1]) Франко — да.
[2]) № 4—десь так.
[3]) № 4—„й—нема“.
[4]) В рукописові № 1 нема назви коло цієї поезії. В рукописах № 2 і 3 кожен вірш поділено на два. В рукописові № 2 цей вірш поміщено під № 26, а в рукописові № 3 — під № 17.
[5]) № 3 — пуз.
[6]) Франко — живе мила.
[7]) № 3 — голубоньки ні разу у вічі.
[8]) № 2 і 3 — зупинявся.
[9]) Франко — вже було.
[10]) ibid. — дак сам собі я... — Франко — да сам собі і;
[11]) В рукописах № 1 і 2 нема назви коло цієї поезії. В рукописах № 2 і 3 кожен вірш поділено на два. В рукописові № 2 цей вірш поміщено під № 27, а в рукописові № 3 — під № 18.
[12]) № 2 і 3 — ох.
[13]) ibid. — „й“ — нема.

Библиотека "Руниверс"

Полюбив я дівчиноньку, і мене дівчина
Дуже любить [1]) побожилась; да лиха година,
Що я такий безталанний на світ уродився: [2])
І сам бідний і з бідною вірно полюбився.
Що ж тепер мені зосталось? [3]) Плакать та нудиться,
Або вештаться по світу да вік не жениться.
Не розлюблю я ніколи: гріх на душі буде,
Сам я себе покараю, — не Біг і не люде.
Бо не люде мене звели, щоб я став кохати.
Серце з серцем счепилося, трудно розірвати.
Так я про себе гадаю, що вік не забуду:
Поки серце бьеться в грудях, поки жив я буду,
Не покину тебе, серце, дівчиноньке мила, —
Розлучить мене з тобою тільки що могила.

№ 9, Споминки. [4])

Два вже літа скоро прийде, [5]) як я закохався;
Як би знав я своє горе, лучче б був [6]) не знався
І [7]) з тобою, дівчинонько, тоб не знав і муки,
Не знав би, [8]) як то любить, не знав би і скуки.
Як не бачу тебе тиждень, то за год считаю,
А побачу — і то тяжко: що казать, не знаю.
Сказать тобі, що я люблю. Ти скажеш: „Я знаю!“ [9])
Назвать тебе голубкою, я долі не маю,
Бо як би звав голубкою, то вже б і своєю...
Не буть тобі, дівчинонько, ніколи моею.
Тяжко мені це сказати, не моя в цім воля...
За що ж мене так карає, за що злая доля?..
Тяжко мені жить на світі, тяжко як без роду!

---

[1]) ibid. — люблю.

[2]) № 3 — другої половини цього віршу нема.

[3]) № 2 і 3 — осталось.

[4]) В рукописові № 1 нема назви коло цієї поезії. В рукописах № 2 і 3 кожен вірш поділено на два. В рукописах № 2 і 3 цей вірш поміщено під № 12.

[5]) Франко — пройдуть.

[6]) Франко — і

[7]) № 2 і 3 — я.

[8]) Франко — я

[9]) ibid. — цього вірша нема.

Библиотека "Руниверс"

Хіба ж себе отруїти, [1]) або з камнем в воду? —
Годів два назад, не більше, і я був моторний:
Шабля з боку, кінь гусарський, що як вьюн проворний.
Рижий мастю, очі чорні, як сонце сіяє,
Із-під копит ісĕкри скачуть, як вихор літає.
Як Палій, і я на полі [2]) на нім красувався.
Був щасливий і веселий, і з горем не знався.
Було зарже підо мною, сам весь затрясеться,
Пів-години не постоїть: хропе, скаче, рветься...
Оттак серце моє бідне [3]) в мене бьеться,
Оттак воно, нещасливе, у ніч, і в день рветься...
Кінь же скаче, що веселий да горя не знає, —
А серденько — що нудиться да щастя не має.
Сяду було я на його, щоб погарцювати, —
Не було і в думці в мене, щоб так горювати.
Теперь і сам я не знаю, що буде зо мною,
Мучусь, мучусь і скучаю серцем за тобою.
Люта доля, чому мені ні в чім не способить, [4])
За що мене, бідолаху, із ума ізводить?..
На що ж було мені тебе да так полюбити?.. [5])
На те хіба, щоби віку [6]) собі вкоротити!..
Бо я кріпко, дуже люблю. — не можна вже більше, —
І чим дальше, і чим дальше, [7]) то все мені гірше.

№ 10. Соловей. [8])

Не щебечи, соловейку, під вікном близенько,
Не щебечи, малюсенький, на зорі ранепько.
Як затьохкаеш, як свиснеш, [9]) неначе заграєш,

---

[1]) Франко — іструїти

[2]) № 2 і 3 — і я було в чистім полі.

[3]) — в грудях.

[4]) № 2, 3 і Франко — Чому й мені люта доля ні в чім не пособить.

[5]) Франко — себе да так закохати.

[6]) № 2 — щоб віку, — № 3 — щоб так віку собі скоротати.

[7]) Франко — довше.

[8]) В рукописові № 1 нема назви коло цієї поезії. В рукописові № 2 і в „Черниговск. Губ. Вѣд." (1857 р. № 16) кожен вірш поділено на два. В рукописові № 3 цієї поезії нема. У Франка є тільки друга половина. В рукописові № 2 цей вірш поміщено під № 3.

[9]) Черн. Губ. Вѣд.—засвищеш.

Библиотека "Руниверс"

Так і бьється в грудях серце, душу роздираєш.
Як засвищеш голосніше, а деле [1]) тихенько,
Аж у душі похолоне, аж замре серденько.
Зовсім [2]) трошки перестанеш,—лунь пійде [3]) усюди,
Ти в темну ніч веселишся і як сонце зійде.
Твоя пісня дуже гарна, ти гарно й співаєш,—
Ти щасливий: спарувався і гніздечко маєш...—
А я бідний, безталанний, без хати, без пари. [4])
Не досталось мені в світі весело співати.
Сонце зійде,—я нужуся, і заходить—плачу:
Котру [5]) люблю дівчиноньку, тієї не бачу.
Довго [6]) й чутки вже не маю про милу дівчину,
Цілий вік свій усе плачусь [7]) на лиху годину.
Не щебечи ж, [8]) соловейку, як сонце пригріє.
Не щебечи, малюсенький, як і вечоріє!
Ти лети, співай тім людям, котрі веселяться.
Вони піснею твоєю будуть забавляться.
А мені такая пісня душу роздирає,
Гірше бьється мое сердце, аж дух замірає.
Пугач мені так годиться: стогне—не співає...
Нехай стогне коло [9]) мене та смерть возвіщає!..

№ 11. Сирота. [10])

Без худоби сиротині тяжко в світі жити,
Хоч який він буде чесний, все буде тужити;
Чесна душа йому втіха [11]) тільки всього й буде,—

---

[1]) №—2 далі.
[2]) Ibid.—після.
[3]) — Черн. губ. Вѣд.—луна всюду піде; № 2—лунь повсюду піде.
[4]) № 2—без пари, без хати.
[5]) № 2—яку.
[6]) Франко — давно.
[7]) Ibid—плачу.
[8]) № 2—„ж"—нема.
[9]) Ibid.—біля.
[10]) В рукописові № 1 нема назви коло цієї поезії. В рукописові № 2 її поміщено під № 22, а в рукописові № 3—під № 20.—В рукописах № 2 і 3 кожен вірш поділено на два.
[11]) № 3—втіхи.

Библиотека "Руниверс"

Мало її [1]) хвалять вже на світі люде.
Тепер дивляться в кишеню, не на чоловіка,
Не дивляться, яка душа і чи ціла пика.
Нещастливій [2]) же всього у світі бідна сиротина:
Плаче инколи, сердешна, як мала дитина.
Що задумає, згадає,—не буде по його:
Без худоби тепер в світі не зробиш нічого.
Ох, як важко жить такому, кому світ не милий,
Кому очі зав'язані на вік його цілий
Не хусткою, а долею! Гірко вже такому,—
Сам добра такий не знає,—не зробить й другому.
Йому той край, де родився, буде—як чужина,
Всюди за ним слідом ходить лихая година.
І в-ніч нудиться він бідний, і як сонце зійде;
Радощей не мавши зроду, і в могилу піде.
Не попробує у світі він у-парі жити:
Хто тепер без грошей стане вірно вік любити?
Не назовуть його татом його рідні діти,
Ні на кого і під старість голови схилити.
І він дітками не буде своїми [3]) забавляться,
Неначе один у світі, ні к кому озваться.
По-неволі віку собі такий укоротить,
Бо нудьга в його од серця [4]) на час не одходить.
Ніхто йому не поможе, а всі люде бачуть!
Як умре, і на могилі в його не заплачуть.
І деревце, як підперти, [5]) то довше постоїть,
Прямійше воно ростиме, і вітер не зломить.
А як його обгородить, ще буде ціліще,
Бо й скотина не обломить, то й ростиме вище.

——

---

[1]) № 2—тепер її; № 3—її тепер.
[2]) № 2 і 3—нещастніще.
[3]) № 2—своїм.
[4]) Франко — од його серця.
[5]) № 2 і 3—підперте.

Библиотека "Руниверс"

№ 12. Будяк. [1])

Поралися люде в полі, хліб святий збірали,
І діток своїх маленьких всіх позабірали.
Инші колоски збірали, к матеркам носили.
„Любий Сидор! Любий Семен!“—за те їх хвалили.
„І я, мамо, осьде скільки, дивись, назбірала!“
„І ти любая Хотинко“,—мати їй сказала.
„З'їжте ж сальця трошки з хлібом, [2]) да не роскидайте!
„Як поїсте, ізнов, дітки, колоски збірайте!“[3])—
Другі ж діти, знай, бігали, цілий день крутились,
Уже й матерки кричали, [4]) і батьки сварились.
Та [5]) не слухали, що кажуть, щоб не пустували:
Регочуться да бігають, через сніп скакали.
Загляділи:—квітка якась в житі червоніє,
І побігли усі разом, хто перше поспіє
Собі вирвать тую квітку. А того й не знали,
Що то—будяк преколючий, аж опережали [6])
Один другого, як можна,—де-які й побились.
Трошки згодом уже вони добре розгляділіс.
Підбіг один зовсім близько, зачепивсь ногою,—
Прямо так і покотився в будяк головою.
Поколов собі всю пику, позбивав коліна,
І ще й мати, як підбігла:—„А вража дитина!“—
На його вона сказала, за чуб стрепенула,
Нераз в пику поколону кулаком сунула. [7])
І тим дітям добре чуби всім понаминали, [8])
Котрі бігли [9]) з ним умісті [10]) да жито топтали.

---

[1]) В рукописові № 1 нема назви коло цієї поезії.—В рукописах № 2 і 3 кожен вірш поділено на два,—а в „Зорі“ (1891 р.,—416 стр.) вірші ідуть так, як і в рукописові № 1.—В рукописові № 2 цей вірш поміщено під № 21, а в рукописові № 3—під № 19.

[2]) № 2 і 3—з хлібцем.

[3]) № 3—цього вірша нема.

[4]) № 2, 3 і „Зоря“— вже й матерки на іх кричали.

[5]) № 2 і 3—і.

[6]) Франко—але спережали.

[7]) „Зоря“—цього вірша нема.

[8]) № 2 і 3 - понаминала.

[9]) „Зоря“ – бігали.

[10]) № 3—за ним вмісті.

Библиотека "Руниверс"

„Бачте, як би не крутились,—батьки їм сказали,—
„А так, як отії діти, [1]) колоски збірали,
„І ви б тепер хліб із салом вмісті з ними їли.
„Ніхто б вас і не лаяв, й чуби б не боліли.
„А тепер дак чорта зїжте, скигліть, [2]) скільки хочте,
„Та не лізьте й нам у вічі, і нас не морочте.
„Геть із поля по домівкам, діявольські [3]) діти,
Через вас і ми не вспіем діла ізробити.“ [4])
Треба дітей учить [5]) змалку, щоб вони трудились,
Щоб були вони слухняні та щоб не крутились.
Коли що сами не знають, щоб батьків питались,
За червоним щоб не дуже вони все ганялись.
Не все гарне, що червоне,—треба роздивиться,
Що воно такеє в світі й до чого годиться.
Инша прегарна квітка, може, ще й пахуча,
Та не треба зразу хапать, бо, може [6]), колюча,
Так і людей треба в світі добре [7]) розбірати:
Не все треба од них слухать, не все їм казати.
Инший буде дуже гарно тобі балагурить,
За тебе неначе й тягне, [8]) тебе ж і обдурить.
Грошей тобі у позику він буде давати,
По шагу з рубля у тиждень процент буде брати.
Такії у вовка очей [9]) позичать не стануть:
Вони сорому ізроду не мали й не мають.
Дак їх треба стерегтися [10]) більше всього в світі,
Бо страшнійше сто раз вони, чим [11]) будяк у житі.
Будяк отак [12]) тільки уколе, хто на нього ступить,—
А такого, як зачепиш, так зовсім облупить.

---

[1]) „Зоря“—Та так, як ті діти.
[2]) № 2, 3 і „Зоря“—дак голодуйте, плачте.
[3]) ibid—неслухняні.
[4]) „Зоря“—поробити.
[5]) Ibid—вчити.
[6]) № 2 і 3—може й...
[7]) № 2 і 3—дуже.
[8]) № 3—з тебе неначе й тягне.
[9]) № 3—такії очей у вовка.
[10]) № 2 і 3—стерегаться.
[11]) Ibid.—як.
[12]) № 2 і 3—Бо будяк тільки уколе.

Библиотека "Руниверс"

№ 13 Багатий і бідний. [1])

Зовсім світ перевернувся, не так усе [2]) стало:
Кривда всюди [3]) на покуті, а Правди чорт-мало [4])
Край порогу [5]) нема місця, мерзне [6]) за дверима;
Бідна Правда не багата, а Кривда з грошима. [7])
Отті вражі кручкотворці усе лихо роблять, —
Як попадуть в свої лапи, дак за ніс поводять.
Чия кишеня повніша, той і буде правий,
Сами як викрутяться живо, як біси лукаві.
Нехай добрий не дожде вже [8]) по судам тягаться,
Бо не візьме він нічого, даром буде праця.
У шпаковню ще засадять, худобу однімуть,
Обезчестять сердешного і свитку ізнімуть.
Як обдеруть уже зовсім, пустять на поруки, —
Де вже тільки можна зірвать, дак погріють руки.
От я знаю, один случай коло мене стався,
Що багатий і к бідному [9]) в ниву уорався.
Бідний казав багатому, що він [10]) обиждає,
Що послідній [11]) шматок хліба в нього однімає.
І ще [12]) вилаяв, як знав уже [13]), да все шкоду робить.
Прийшла оранка, і бідний із плужком виходить.[14])
Може, спрягся, бідолашний, щоб не пустувало:
Мало мав він[15]) батьківщини і скотини мало.

---

[1]) В рукописові № 1 і в „Кіев. Стар." (1888 р. № 4, стр. 15 — 16) нема назви коло цієї поезії. В рукописові № 2 кожен вірш поділено на два, — в рукописові № 3 і у Франка цього вірша зовсім нема. В рукописові № 2 цей вірш поміщено під № 17.

[2]) „Кіев. Стар." — усе не так.
[3]) ibid. — всюди кривда.
[4]) № 2 — вже мало.
[5]) „Кіев. Стар." — крій порога.
[6]) ibid — мерзни.
[7]) ibid — з 4 по 10 вірш нема.
[8]) № 2 — не дождеться.
[9]) „Кіев. Стар." — та бідному.
[10]) ibid. — той.
[11]) ibid. — останній.
[12]) ibid — щей.
[13]) ibid. — „уже" нема.
[14]) ibid. — далі двох віршів нема.
[15]) № 2 — він мав.

Библиотека "Руниверс"

Тут і почали [1]) змагаться, [2]) трохи не побились. —
Один на другого в суди жаліться хвалились. [3])
Бідний каже: [4]) „як би не гріх, в суді б не тягався,
Рощавив [5]) би, як ту жабу... Швидко [6]) б розщитався:
Истиком би по голові тріснув разів двічі,
Полетіла б душа в пекло, вилізли б і вічі.“
— „Процентуюсь!“ [7]) зараз крикнув багатий людям. —
„Кажіть же ви все, що чули, та по правді судьям!“
Зараз додому поїхав, [8]) наняв писаришку,
Надригали прошеніе уже не без лишку!
Написали, що той [9]) його убить нахвалявся,
Що по полю з сокирою за ним він[10]) ганявся,
Свідителей поззивали, [11]) у бідного ж мало:
Хто за голого [12]) потягне?.. От діло й пропало...
Багатий же давав [13]) гроші, всякі лакоминки,
І хліб святий мішечками, й годовані свинки.
Бідний думав бублічками одмогтись, сердешний, —
Та[14]) хто більше дае грошей, той і буде чесний.
Присудили за безчестя із бідного [15]) штрапу,
Продали у небораки послідню шкапу,
У намастир [16]) за похвалки каятися вперли,
У [17]) тюрмі ще поморивши, до станку обдерли.
Такім би, [18]) замість мундирів, петлі б дать на шиї,

---

[1]) № 2 — начали.
[2]) „Кіев. Стар. — змагатися.
[3]) ibid. — На послідок же в суді позивать хвалились; № 2—в суд один на другого жаловаться хвалились.
[4]) „Кіев. Стар.“ — сказав багатому...
[5]) № 2 — роздавив.
[6]) „Кіев. Стар.“ — скоро.
[7]) ibid — Протестую.
[8]) ibid — побіг він до-дому.
[9]) ibid. — бідний.
[10]) ibid. — та що за ним з сокирою по полю...
[11]) ibid. — поззивали свідителів...
[12]) № 2 — його.
[13]) „Кіев. Стар.“ — а багатий сипав.
[14]) № 2 — там.
[15]) „Кіев. Стар.“ — присудили із бідного за безчестя...
[16]) ibid. — манастир.
[17]) ibid — та в...
[18]) ibid. — оттаким би нашим суддям.

Библиотека "Руниверс"

Да голодом перемучить, [1]) потопить в помиї,
Щоб і води не поганить чистої, чігучей, [2])
По два разом [3]) в помийницю, — вони дуже гнучі.

№ 14 Весілля. [4])

Хату нову ік весіллю робить пильнували;
Доробивши, гарнесенько майстрів розщитали;
По два рублі із копою вони поділились;
Вийшли [5]) собі, а дівчата мазать заходились.
З середини і з надвору крейдою білили,
Ще й [6]) пучками по всій печі квіток накрасили.
Гарно, світло було в хаті, — весело й [7]) дивитись:
Як би в мене така була, як буду женитьсяl..
Лавки були кругом хати широкі, соснові, —
Столи, прилавок, полиці — усі були нові.
Як зовсім уже прибрали, все повимивали,
Вільця [8]) зараз поробили, молоду вбірали.
Як убрали, по улицям пішли всі співати,
По всім дворам заходили к весіллю прохати.
Потім додому вернулись, гостей дожидались,
Дождавшися, з музиками за стіл посажались.
Молода, як квітка, гарна, здоровая, біла
Із молодим на покуті під житом сиділа.
А баби точили бали, горілочку пивши.
Свахи пісеньок співали, між ними сидівши.
Іли всячину — м'ясиво... Музики скрипіли,
Котрі їсти не хотіли, гопака садили.
Дівчаточка дрібнесенько тупали ніжками,

---

[1]) ibid — поморивши.
[2]) ibid. — бігучої.
[3]) ibid. — рази.
[4]) В рукописові № 1 коло цієї поезії нема назви. В рукописах № 2 і 3 кожен вірш поділено на два. В рукописові № 2 цей вірш поміщено під № 10, а в рукописові № 3 — під № 11.
[5]) № 2 і 3 — пішли.
[6]) № 2—і
[7]) № 3 — „й" — нема.
[8]) Франко—вінця.

Библиотека "Руниверс"

Головками киваючи перед парубками.
А парубки, в боки взявшись, ходором ходили,
Приспівують, притупують да дівок вертіли.
Од обіду як устали, наївшись, напившись,
Загукали, пішли скакать, мов би побісившись.
Підперезав дружко себе навхрест рушниками,
В кучмі скакав [1]) серед хати, як чорт із рогами. [2])
Кричить: „Давайте [3]) горілки, пінної, не сивухи!
Не хочу я пить такої! Нехай пьють псяюхи...
Отим свахам, отим бабам сивуха годиться,
А нам доброї давайте, щоб добре й напиться“...
От, як випили вже гарно, до шталту сказати,
Инший пузом, инший рачки поліэли із хати.
Парубки ще все держались на ногах з дівками,
А музики, підтягнувши, [4]) вже не так то й [5]) грали.
„Матері чорт! [6]) Не під ноги! [7])—кричить на музики
Парубіка більший за всіх [8]) „От же побью пики.
„Грайте лучче! Що це таке? На сміх піднімають?..
„Тропака не можна вибить... Чорт віть, як [9]) іграють
„Оце сукиного сина [10]) з цими музиками!..
Годі скакать!.. Ще давайте жартувать з дівками...
Каблучки в них однімали, де-які мінялись,
А де-які другим грищем собі забавлялись...[11])
Вечеріть уже як стало, знов музики грали,
Да вже дівки з парубками більш не танцювали,
Бо молодих у комору повели вже спати.
Не по нутру це дівчатам, пішли всі із хати
По домівкам, а иншії під тин з парубками,
Щоб, бач, знать, яке весілля, чи буде з квітками?..

---

[1]) № 2 і 3 — скакав в кучмі.
[2]) ibid. — да махав руками.
[3]) ibid — давайте кричать.
[4]) Франко—подухнувши.
[5]) № 2 і 3 — „й“ — нема.
[6]) № 2 і 3 — нема цього виразу.
[7]) ibid — не під ноги вже да грали.
[8]) № 3 — парубіка більший за всіх кричить на музики; Франко—... на музики: „А які то ви музики!“
[9]) № 2 і 3 — аби як.
[10]) ibid — Оце! Дивись, що ти зробиш...
[11]) Франко—цього вірша нема

Библиотека "Руниверс"

Трохи згодом, як закричать дружки із свахами:
„Гу, гу, гу“... Давай в'язать руки всім стьонжками!..
Оттут як почали співать, усяк вимовляти,
Один про те, другий про це, да на двір із хати...
Пішли всюди по улицям, ляскають руками,
Свистять кричать, гагакають, дригають ногами.
А яке було весілля, про те ми ни знали,
Без хамута батько ходив, калину співали.

№ 15. В хугу. [1])

Вечоріє, смеркається, де дальше темніє,
Зривається хуртовина,—вітер вельми віє.
Віяв просто мені в пику уже через міру.
„Поганяй!“—я обізвався к [2]) свойму машталіру.
Був я трошечки п'яненький: мав на душі горе.
Тоді справді було мені по коліна море.
Вітер свище, реве, несе, вихрі піднімає,
Впірається прямо в груди, очі засипає.
„Погоняй скорій, Охриме, в полі ми загинем!
„Та гляди, чи так ми їдем!... Дорогу як кинем,
„Пропадем, як руді миші, десь посеред поля...
„Лучче б сидіть в теплій хаті... Понесла ж неволя!“
Хто любив коли по правді, як неможна більше,
То иншому [3]) траплялося хуртовини [4]) гірше.
Підстирил а й мене стира [5]) полюбить дівчину,
Не на радість, не на втіху, на лиху годину,
Бо бідному, без талану любить не годиться:
Йому дулю під ніс дадуть, як схоче жениться.
Нехай буде пречестнійший, нехай прехороший,

---

[1]) Ні в одному рукописові нема назви коли цієї поезії. Назву беремо у Франка. В рукописові № 2 цей вірш поміщено під № 23,—в рукописові № 3—під № 20 б., в рукописові № 4—його поміщено під № 3. В рукописах №№ 2 і 4 кожен вірш поділено на два.

[2]) № 2—„к“—нема.

[3]) № 4—инкому.

[4]) ibid.—траплялася хуртовина.

[5]) ibid.—підстарила мене доля; Франко—пидстерегай мене стара.

Библиотека "Руниверс"

Скажуть: „П'яниця, бездільник, [1]) в його нема грошей!“
Гроші, гроші і худоба!—без вас хоч пропасти,
Коли б чорта [2]) у болоті з рогом [3]) де попасти.
Зпершу б, може, ізлякався б, [4])—я б перехрестився,
Обома б після руками за ріг учепився.
Кричав би: „Давай худоби, дияволе [5]) проклятий!“
„А то здохнеш підо мною, бісе волохатий! [6])
„Хвіст одірву, ноги тобі всі переломаю,
„Усі ребра дубиною твої пощитаю,
„Назад очима поставлю, поодрізую уші,
„Будешь стогнать коло пекла, а не бить баклуші.
„Зуби всі повибиваю, вправлю в ніс каблучку,
„Побью морду тобі усю, [7])—загну у карлючку,
„Пригрундзюю до берези, як тую собаку,
„Поламаю всього тебе, зотру на табаку! [8])
„Не даром вас вовкулаків поскидало [9]) з неба;
„Там мабуть то [10]) дармоїдів не дуже то треба!
„Чуєш, гаспид, чуєш, гаде, [11]) подавай худобу!
„Трісне душа, трісне й тіло, хоч кричи ти [12]) пробу“!
Може б, тріснув, [13]) і чортяка [14]) дав би [15]) мені грошей,
Тоді і я, де вже [16]) треба, вельми б був хороший.
Дак цього не буде зроду: чортів [17]) нема в світі,
А більше вже нігде достать, нема й на приміті.
Безталанний я, безщасний! Нащо полюбився?

---

[1]) Франко—безумник.
[2]) № 2—ког.
[3]) ibid.—за рого
[4]) ibid.—„б“—нема.
[5]) ibid.—діавол.
[6]) ibid.—бо пропадеш підо мною Ирод волохатий.
[7]) Франко—всю.
[8]) № 4—цього вірша нема.
[9]) № 2; 4—поскидано.
[10]) № 4—„то“—нема.
[11]) № 2—чуєш, я кажу по правді...
[12]) № 4—ти й...
[13]) № 4—труснув.
[14]) № 4—трухнув, і рогатий
[15]) ibid.—дав...
[16]) № 4—все.
[17]) № 2—таких.

Библиотека "Руниверс"

Тоді [1]) мабуть відьма здохла, як я народився. [2])
Гірко в світі жить без грошей, солодко з грошима:
З ними буде прерозумний з довгими ушима.
Як захоче він жениться, оддадуть за нього:
Довгі уші не завадять,—з грошима нічого.
„Буде ляпать"!—скажуть. Добре: йому усе гарно...
Проживе такий у світі, проживе не марно. [3])
Де б прийшлось сказать розумно, і там їми [4]) ляпне,
А [5]) другий за його скаже, да в кишеню цапне.
І такії наживуться в світі, як [6]) ісхочуть,
Вони сами себе хвалять да людей й морочуть,
А ти все [7]) собі балакай, голим усе будеш,
І вмреш голий [8]) без худоби, ще й чесним не будеш.
Думав, гадав дорогою, трохи не скрутився,
Та на силу білим світом дома опинився.
Коні бідні вже пристали, по снігу тягавши,
І змерз [9]) зовсім, Охрим охрип, [10]) на шкапів кричавши,

№ 16. Остап і чорт. [11])

Жив собі десь чоловік,[12]) він Остапом звався.
Раз поїхав в гай по дрова, з чортом пострічався:
Прилягав, [13]) бач, гайок його к болоту близенько; [14])

---

[1]) № 4—і тоді.
[2]) Франко—цього вірша нема.
[3]) Франко—солодко, хоч марно.
[4]) ibid.—ушима; Франко—дурість.
[5]) № 2—і.
[6]) № 4—як цього
[7]) № 2— вже.
[8]) № 2—голим.
[9]) ibid.—замерз·
[10]) Франко—спотився.
[11]) В рукописові № 1 коло цієї поезії нема назви. В рукописах № 2 і 3 кожен вірш поділено на два. В рукописові № 2 цей вірш поміщено під № 11, а в рукописові № 3—під № 12.
[12]) № 2 і 3—чоловічок.
[13]) Ibid.—притягав.
[14]) Петров.—до болота близько.

Библиотека "Руниверс"

Росла всячина на [1]) йому високо й низенько.
Завелось в тому болоті чортяків до врага,
Були й голі, й волохаті,—цілая ватага;
Чорні були і перісті, шуті і з рогами,
На собачих були лапах, [2]) були і з ногами.
Остапу тому й казали, щоб він постерігся,
Щоб не їздив сам у гай той, щоб з чортом [3]) не стрівся.
Дак що! Може, він ухопить? Сирий—не покурить!
Уленетне й чорт [4]) од мене, може, й роги [5]) згубить!
Дивувалися миряне, що він так хвабрує,
Що про бісів він так сміло під вечір толкує.
Бо вони, як тільки темно, [6]) всюди шванигають, [7])
Перевернуться [8]) в що-небудь, да і [9]) підслухають;
Жабами инколи скачуть, жуками-літають,
Де [10]) що робиться на [11]) світі, усе біси [12]) знають.
І Остап—нехай Біг простить—мабуть з ними знався:
Ходив в-ночі сам усюди, чортів [13]) не боявся.
Раз рубав [14]) він в гаю дуба... Зирк, поруч чортяка!
Трохи не впустив сокири, злякавсь, неборока.
—„Здоров був,[15]) пане Остапе!“—біс [16]) сказав до нього.
Іще більше ізлякався, не сказав нічого.
Потім трохи[17]) прочумався: [18]) дуже був моторний [19]).

---

[1]) № 2—у,—№ 3—в.
[2]) № 2—лапках.
[3]) № 2 і 3—щоб з ним; Петров—з чортом щоб не стрівся.
[4]) № 2 і 3—й той.
[5]) Петров—і роги.
[6]) Петров—як темно стане.
[7]) Ibid.—да так і шмигають.
[8]) Ibid.—перевернувшись.
[9]) № 2 і 3—да все й.
[10]) № 2—да.
[11]) № 2 і 3—у.
[12]) Ibid.—Вони
[13]) Ibid.—він їх.
[14]) Ibid.—став рубать.
[15]) № 2—будь.
[16]) № 2—той; № 3—чорт.
[17]) № 2 і 3—трошки.
[18]) № 2—очумався.
[19]) Петров—проворний.

Библиотека "Руниверс"

—„Я чув про тебе, Остапе, ти вельми проворний“,[1])—
Чорт [2]) сказав ізнов до його.. А Остап чухмаривсь,.. [3])
Мовчав довго з переляку, а після оправивсь [4]).
—„Як к якому, бачте, ділу,“—Остап став казати:—
„Орать, сіять, лісу плести, строїть [5]) вмію хати.“
—„Ну, а зайця ти доженеш?“ [6])—спитався чортяка.—
„Не дожену, пане чорте, бо я не собака.“
—„От же я так і піймаю!“—„Дак де ж його взяти?“
—„Зараз буде, коли хочеш, мимо [7]) нас стрибати.“
Де взявся справді заяць! Остап: „Катя!“—крикнув;
Зараз і поймав діявол, заяць і не пикнув.
Як поймав [8]) він в свої кіхті, [9]) тільки стрепенувся.
—„Диковина!“—Остап сказав, а чорт [10]) усміхнувся. [11])
„Ну, а свистать [12]) ти уміеш“,—чорт [13]) ізнов питае,—
„Так, що і лист із дерева зовсім позлітае?“ [14])
—„Я як свисну, дак ще не так,“ [15])—Остап почав мовить,—
„Ніхто в світі, в закладу піду, на ногах не встоїть.“
—„Давай в заклад, що я встою!“—Остап наготовив
Гарную собі дубинку, знов тоді [16]) промовив:
—„Свистіть же ви попереду, тоді станем биться
„Ми у заклад, що впадете,—готов побожиться!“
—„Гаразд, [17]) затуляй лиш [18]) уші!..“ Свись!!! Ліс
затрусився, [19])—

---

[1]) Петров—моторний.
[2]) № 2—той.
[3]) Петров—Остап тільки чухавсь; Франко—нахмаривсь.
[4]] Петров—після оправився.
[5]] Ibid.—Ставить.
[6]] Ibid.—піймаєш.
[7]) Ibid.—Біля.
[8]] № 2, 3 і Франко—попав.
[9]] Петров—лапи.
[10]] № 2—він.
[11]] Петров—улибнувся.
[12]] Ibid.—Свиснуть.
[13]] № 2—той.
[14]] Петр.—Я так свисну, що з дерева листя позлітає.
[15]] Ibid. А я не так ще умію.
[16]] Ibid—собі.
[17]] Ibid.—Зараз.
[18]] Ibid.—Же.
[19]] Ibid.—І ліс затрусився; № 2 і 3—аж затрусився.

Библиотека "Руниверс"

Аж [1]) Остап насилу встояв, з дуба лист звалився.
—„Тепер же ви, пане чорте, зав'яжіть очиці",
„Бо, як свисну, то [2]) неначе хто вріже по пиці".
—„А який же буде закладъ?"—чортяка [3]) питає.
—„Повну шапку срібних грошей."—Остап одвічає.
—„А ти лиш, [4]) як не впаду, що пообіцаєш?"
—Усе тільки, [5]) що є в мене, все позабіраєш!"
—„Добре!"—Да й зав'язав очі, він перехрестився, [6])
Як урізав дубцем в висок, чорт і покотився!
Витягся на цілий сажінь, а після зобгався.
—„А що? добре свиснув, чорте?"— Остап попитався. [7]
Застогнав, аж сумно стало, як бугай в болоті,
Остап квачем йому у горло, щоб не сохло [8]) в роті.
Облизувався чортяка, насилу аж дихав,
Крутнув після головою, а деле [9]) зачмихав.
—„На здоров'я, пане чорте! Годі вам качаться:
„Я піду уже[10]) до-дому,—пора розщитаться..."
Землю поорав, як плугом, чортяка рогами,
Повиривав з корнем зілля, як дригав ногами.
Крутився, вертівсь, підскакував, скрипів аж зубами,
Мабуть, дуже він був ніжний: все плямкав губами,
Як сова при світлі,[11]) лупав чортяка[12]) очима,
Хвостом вертів, росправлявся да кивав ушима.
Почухався, став на ноги, неначе був п'яний;
Позіхав і потягався, неначе заспаний.
Трошки згодом заговорив: „Ну, Остап, ти свиснув!
„Справді неначе по уху [13]) мене хто тріснув."

---

[1]] № 2—3—Увес ліс.
[2]) Ibid.—дак.
[3]) Петров, № 3—чорт його; № 2—той його.
[4]) Франко — мені.
[5]) Петров—усе.
[6]) № 2 і 3—Остап примостився.
[7]) Петров—ціх двох віршів нема.
[8]) № 2—засохло,
[9]) № 2—дале; Петров—далі.
[10]) № 2 і 3—пійду вже; Франко — поїду.
[11]) № 2 і 3—світлу.
[12]) Петров—в хаті все лупав.
[13]) Петров—хто в ухо.

Библиотека "Руниверс"

—„Іще добре, що очиці свої [1]) зав'язали,
„Не тільки річ би однялася, [2]) може б, сліпі б [3]) стали."
Оддав чорт Остапу гроші да в болото тягу,
Скорійше води напився, прогнав трохи снагу...
Дак і вір оцім Остапам! Чвалаями й ходять,
Зовсім вони не учені, а бісів проводять. [4])
Остап [5]) після росказав, [6]) який був чортяка:
Кострубатий, [7]) із рогами, чорний як собака.
Зуби, як ікли свинячі, всі [8]) стреміли, [9])
Такі, як у вола, уші,—тільки вниз висіли;
Хвіст загнутий у каблучку, козиної роги,
Морда гидка, препогана і кінської ноги;
Шия в його дуже довга, як верблюд горбатий,
Страшно на його і [10]) дивиться, увесь волохатий.
Двоє очей в його лобі: [11]) одно превелике,
Як жар було червонее, а маленьке дике.
Він так ходить, як би ведмідь, як циган спиняє[12]).
Приступить неможна близько, бісом і воняє.
Руки в його дуже довгі, когтів по чотирі,
І моргуля превелика саме серед гири.
Язик теж в його предовгий, через губу висить;
Знай, тупає, не постоїть, мов би глину місить.

№ 17. Кохання [13])

Світить місяць, да не гріє;
Мороз пече, вітер віє.

---

[1]) ibid. – собі.

[2]) ibid.—одняло.

[3]) № 2 і 3 сліпим.

[4]) Кінець поезії приводимо по рукописові № 2, бо в № 1-ому нема. Два ціх вірші стоять у Петрова і Франка аж в кінці.

[5]) № 3—тут стоїть окрема назва вірша: „Описаніе чорта, видѣннаго Остапомъ."

[6]) № 3—росказував.

[7]) Петров--волохатий.

[8]) № 3- зверху.

[9]) Далі у Петрова нема аж 6 віршів.

[10]) № 2—й.

[11]) № 3—в лобі.

[12]) Далі у Петрова нема 4 віршів

[13]) В рукописові № 1 цього вірша нема.—В рукописові № 2 цей вірш помі-щено під № 4,—а в рукописові № 3—під № 5.

Библиотека "Руниверс"

Дме хтось тройкою такий
До дівчини, що кохаю,— [1])
Хтось такий, того не знаю, [2])
Що милая не його.
Коні добрі орчакові
Крешуть огонь об підкови,
Морди тягнуть по землі.
На аршин повитягались, [3])
У калучки позгиналась,
Біжать, летять, як стріла.
Коренний дзвоночком дзвонить,
Машталір його погонить.
Сані тільки аж гудуть [4]);
Коні хочуть вже [5]) оддихать,
Комусь ще [6]) далеко їхать.
„Погоняй скорійше, ну!
„Не надержуй орчакових,
„Пропадуть, дак купим нових:
„Скучив дуже без її!..“
Серце б'ється, замірає,
А того воно не знає,
Що милая не його.
Серце в грудях задріжало,
Як вже хутор видко [7]) стало,
Де милая його жила...
Живо під рундуком стали.
Коні добрії домчали,—
Мокрі були, мов з води.
Скочив з саней, обтрусився,
Кругом себе оглядівся
Да й подумав про себе:
Як ввійти, як поклониться,
Як на милу подивиться,

---

1) № 3—кохає
2) № 3—не знає.
3) № 3—повитягали.
4) № 3—гудять.
5) № 3—„вже“—нема.
6) № 3— же.
7) № 3—видно.

Библиотека "Руниверс"

Що до милої сказати?
Спитається: „Чи правду кажуть,
Що з другим її руки зв'яжуть,
А мені, бач, дак—прощай"...
Ввійшов в хату. Батько й мати
Стріли його, шанувати [1])
Почали, як було уперш [2]).
Про те, про це розмовляли,
Усим добрим частували,
А милої не було.
Зразу двері одчинились, —
Ноги так і затрусились
У того, хто її ждав.
Павою по хаті ходить,
Голоском так і виводить,
Мов кропив'янка [3]) в кущі.
Батько й мати вийшли з хати,
Він став з нею розмовляти
Да й питається, чи так,
Що все люде [4]) йому кажуть,
Що з другим її руки зв'яжуть,
А йому, бач, дак [5]) гарбуз.
Червона, як квітка, стала.
Спершу трошки промовчала,
А після сказала так:
„Хто тобі оцее каже,
„І хто мені руки зв'яже
„З другим із ким, не з тобой?.." [6])
Прийшли тітки, [7]) батько й мати:
Годі, милий —„розмовляти!"—
Милая сказала так.
—„Пісня гарна, да не тая,—
Він сказав,—це вже другая,

---

[1]) № 3—шануваться.
[2]) № 3—сперш.
[3]) № 3—кропив'янка мов.
[4]) № 3—Люде всі
[5]) № 3—так бач.
[6]) Франко — як не з тобою.
[7]) № 3—прийшла тітка.

Библиотека "Руниверс"

„Що колись співала ти...“
І знов стали балагурить,
Хто у винниці де курить,
Скільки хто доходу взяв...
„А в вас виннички немає,“—
Батько знов його питає.
—„Нема, треба ще зробить!..“
А тітка дак все сокоче:
„Хто за його піти схоче,—
„В його худоби нема,
„А в цього ж [1]) багацько грошей,
„Подивиться, дак хороший,—
„Іди лучче за того“...
От він, трошки посидівши,
Подумавши, розсудивши,—
„Пора,—каже,—до двора!..
Прощавайте!..“ „Прощавайте!
„На здоровья поживайте!..“
Коней даром потомив.

№ 18. До коня [2]).

Що, мій коню, що, мій добрий,
Годі гарцювати,
По байракам, через рови
Годі вже стрибати,
Як було колись стрибаєш,
Як було гарцюєш,
Хропеш, іржеш, під собою
І землі не чуєш.
Шовковая твоя грива
З вітром розмовляла,
Удила в зубах скрипіли,
Збруя вся тріщала.
Не заржеш уже тепер [3]) так,

---

[1]) Франко—того.

[2]) В рукописові № 1 цього вірша нема. В рукописові № 2 цей вірш поміщено під № 6, а в рукописові № 3 — під № 7.

[3]) № 3 — „тепер“ — нема.

Библиотека "Руниверс"

Не пирхнеш піздрями,
Не вириеш у коліно
Ямки під ногами. [1])
Тепер ледве ноги тягнеш,
Голову схиливши,
Не весело і дивишся,
Три дні мов не ївши.
Де ж та сила, що носила
Тебе в чистім полі,
Як яструба моторного,
Що живе на волі?...
„Літа літа все забрали, —
Кінь сказав, мовчавши, —
„Колись носивсь під тобою,
„Голову піднявши.
„Залізо в зубах скрипіло,
„Поводи ірвались, —
„Тепер сіна не вкушу вже:
„Зуби поз'їдались.
„Шерсть, як стерня, піднялася,
„Не така вже стала
„Мнякесенька, гладесенька,
Як колись бувала"...
— Правду, конику, ты кажеш, —
Літа все забрали.
Як здумаеш, під Москвою
Як колись стояли,
Гарно — весело жилося,
Відкилься [2]) все бралось!
Серце нудьги не бачило,
З горем не стрічалось.
До циган було поїдеш,
Пісень заспівають,
Загаркають, затанцюють,
Душу потішають
Инколи і так траплялось:
Все позаставляеш,

---

[1]) № 3 — ти.
[2]) № 3 — відкіля.

Библиотека "Руниверс"

Копійки нема в кишені,
Байдуже, — гуляєш.
Тебе було осідлають,
Я на тебе сяду
Шабля з боку брязкотіла,
Ментик літав ззаду.
Минулося — не вернеться
Уже серцю [1]) радість. —
Пройшли літа молодії, —
Вже приходить старість.
Тобі, коню, усе не так, —
Ти горя не знаєш:
Овса трошки да водиці,
Дак ти й не скучаєш.
А тут думки, а тут серце
Як почнуть змагаться,
На що літа погубив так:
Ім вже не вертаться,
Як тій воді, що весною
З під снігу іллється, [2])
Хлюпощеться по ямочкам, [3])
Непаче сміється;
Несе, що їй попадеться, —
Де схоче, покине, —
Да не довго попогра̀є,
І сама погине.
О, як бы тая водиця,
Да де зупинилась!
Не одному б в жарке літо
Вона б пригодилась.
Як би й ти не такий щирий
І я не завзятий, —
Не прийшла б ще наша пора
Да так размовляти.
Люта доля щастя моє
Кинула у воду

---

[1]) № 3 — серце.
[2]) Франко — Із під снігу ллється.
[3]) № 3 — ямочках.

Библиотека "Руниверс"

В глибокую да й сказала:
„Шукай собі броду!“..

№ 19. Сорока [1]).

Сорока в дворі скрекече,
Гостей возвіщає...
Ждала дівка козаченька,
Которого [2]) кохає.
Ждала, ждала, виглядала,—
Миленький не їде.
Мабуть, тоді він вже буде,
Як місяць ізійде.
Зійшов місяць вже й високо,
Зіроньки блищали,—
Виглядали карі очі,
Да й плакати стали.
Гірше горя, гірше нудьги
Того дожидаться,
Хто на цілий вік поклявся,
Щоб із ним кохаться.
Місяць ясний закотився,
І зірок немає.
Не спить дівка, плаче, бідна,
За милим скучає.
Встала мати: — „Вставай, доню!,
Зовсім вже світає“...
А та, бідна, ще й не спала:
Слізки утирає.
— „Мамо, мамо! Я не спала“...
„Що ж, доню, робити?“ [3])
— „Всю ніченьку проплакала,
„За милим тужила“.
„Доню, доню, слухай мене,
„В тугу не вдавайся.

---

[1]) В рукописові № 1 цього вірша нема. В рукописові № 2 цей вірш поміщено під № 7, а в рукописові № 3—під № 8.

[2]) № 3—котрого.

[3]) Франко—робила.

Библиотека "Руниверс"

„Коли він тобі невірний,
„То й не сподівайся [1]).
„Без сороки, що скрекече,
„Вірно як кохає,
„Прибіжить до тебе, доню,
„Бо й він теж скучає".
„Голубонько моя мати,
„Серця не прив'яжеш.
„Так і бьється, так і рветься;—
„Що робить не знаєш!..."

———

№ 20 До невірної [2]).

Було б шануваться,
З другими не знаться,—
Жили б, жили б ми з тобою,
Як би [3]) серце з [4]) душою.
А то тобі, як новенький,
Зараз тобі і миленький.
Мене зараз покидаєш,
Мене зовсім забуваєш,
А божилась і клялася,
Що зовсім ти оддалася
Мені з тілом [5]) і з душею
І що будеш вік моєю.
Ти ніколи не кохала
Мене так, як ти казала.
Що ж робить? Не маю долі,
Деревинка як у полі.
Вітер віє, йому важко,—
Сонце пече, йому тяжко.
Холодку йому немає,
І ніхто не підпірає.

---

[1]) № 2—сподівався.

[2]) В рукописові № 1 цього вірша нема. В рукописові № 2 цей вірш поміщено під № 8,—а в рукописові № 3—під № 10.

[3]) № 3—„би"—нема.

[4]) Франко—із.

[5]) № 3—з серцем.

Библиотека "Руниверс"

Не росте воно [1]) й високо,
Не росте воно [2]) й широко:
Всякий його, знай, чипляє:
Воно скоро й погибає:— [3])
Проживаю вже піввіка,
Да не найду долі,—
Живу в світі, безталанний,
Гірш, чим у неволі.
Добрі люде мене знають,—
Бога почитаю,—
За що ж цілий вік невірну,
За що я кохаю.
Тяжко серцю, як здумаєш,
Як вона клялася,
Що і серцем і душею
Мені оддалася.
Ой коли б да те вернулось,
Що з воза упало,—
Коли б тее вернулося,
Що серцю казала.
Вона мені, невірная,
Слізьми обливалась,—
Тепер мене покинула,
З другими спізналась.
Може б, іще хоч під старість
Пожив хоч годину,
Коли б доля оглянулась,
Як на сиротину,—
Де ж її тепер [4]) шукати,
Коли з воза спала [5]),
Коли мене з-роду, з віку
Вона не кохала?—
Може, хто найшов ту долю,
Що з воза упала,

---

[1]) № 3—вона.

[2]) № 3—й вона.

[3]) В рукописові № 3 і у Франка є зайва строфа: „Лихо мені в світі да й тільки“...

[4]) Франко—тепер її.

[5]) № 3—впала.

Библиотека "Руниверс"

А моя нещасна доля
Навіки пропала.

№ *21*. * * * [1]).

Пускай надъ твоей душой раздается [2]) громъ
твоихъ дѣйствій противъ меня!...
Пускай громъ праведный [3]) души укоритъ тебя за твои
дѣйствія и пускай люде [4]) тебя осудятъ!
Пускай тоска отъ моей души перейдетъ на твою
душу; но у тебя нѣтъ души и не будетъ!...

№ 22. Осінній вітер. [5])

Не так уже сонце світить,
Не так воно й гріє.
І вітерок не тепленький,
Холодний вже віє,—
Не весняний, що од серця
Тугу як би зносить,
А осінній, що у лісі
Мов би хто голосить.
Із дерева лист зриває,
Дуброва пустіє.
Світить сонце, тее ж сонце,—
Та—ба--вже не гріє.
Пора прийшла,—зіма близько,
Осінь наступила.
Пора прийшла і дівчині, [6])
Дівчина змарніла:

---

[1]) В рукописах № 2 і 3 зараз же після вірша „До невірної“ стоїть оця московська приписка.

[2]) № 3—раздастся.

[3]) № 3—праведной.

[4]) № 3—люди.

[5]) В рукописові № 1 цього вірша нема. В рукописах № 2 і 3 цей вірш поміщено під № 9.

[6]) № 3—дівчина.

Библиотека "Руниверс"

Повні груди лебедині
Не такі вже стали,
Біле лице учорніло, [1])
Очиці злиняли.
Цвіт, як небо, були вони,
Як зірки блищали.
Тепер вони потемніли [2])
Тепер плакать стали
За очима, за бровами,
За личенком білим,
За літами молодими
Да за серцем щирим,
Що кохало, [3]) що кохалось
В радощах, не в горі,
Що красіло, [4]) красувалось,
Як сонечко в морі.
Зіма люта перестане,
Вітерок повіє
Теплесенький, гарнесенький,—
Все зазеленіє.
Тее ж сонце знов засвітить,
Тее ж ізнов гріє;—
Тая ж дівка, тая ж сама
Більш не молодіє;
Із радощей серце в грудях
Більше не забьється,—
Подивиться дівка в воду,
Гіркими зальється.
„Не вертаться весні твоїй,—
Я сказав дівчині,—
Як у лузі серед зіми
Не цвісти калині!“

---

[1]) Франко—почорніло.
[2]) Франко—почорніли.
[3]) № 3—кохаю.
[4]) № 3—красиво.

Библиотека "Руниверс"

№ 23. Пугач. [1])

Близько мене стогне пугач
Саме серед ночі,
Віщує він нещасному
Скоро закрить очі.
— Стогни, пугач, стогни, [2]) сірий,
Да над головою:
Мабуть, її прийшла пора
Присипать землею.
Сумно стане, як застогнеш,
Душа аж трепеще,—
Подумає, на тім світі
Чи не буде лехче.
На цім світі серце моє
Радощей не мало,—
Воно зроду веселої
Пісні не співало.—
Не стогни над тими людьми,
Котрі веселяться.
Нехай вони соловейком
Будуть забавляться.
А стогни ти над такими,
Що долі не мають,
Цілий вік котрі, сердешні,
Плачуть да скучають.
Ти ж у мене на могилі,
Любий соловейко,
Щебечи, як сонце зайде, [3])
Щебечи й—раненько.
Дітки й жінка на могилі
В мене не заплаче,
А невірная [4]) із радощей,
Може, ще й заскаче.

---

[1]) В рукописові № 1 цього вірша нема. В рукописові № 2 цей вірш поміщено під № 12, а в рукописові № 3—під № 16.

[2]) Франко—стогне пугач, стогне сірий.

[3]) Франко—зійде.

[4]) № 3—невірна.

Библиотека "Руниверс"

Нехай сердце в невірної
На шматья ірветься,
Нехай правда перед нею
В вічі засміється
Да і скаже: „Ти ж клялася,
„По правді кохаєш,
„Тепер дивишся у вічі,
„Мене й не пізнаєш,
„Бо я—правда, а ти — кривда,
„Дак так зоставайся.
„Кохай, цілуй, кого хочеш,
„Зо мною не знайся!..“
—А ти, любий соловейко,
Співай над труною:
Візьму [1]) своє горе
В могилу з собою.
Пугача мені не треба,—
Нехай вже не стогне,—
Нехай в моєї невірної,
Нехай серце сохне.

№ 24. Голуб. [2])

Ой застогнав голуб [3])
У темній дуброві, [4])
На голлї сухенькій, —
Ой заплакав тяжко
Гіркими сльозами
Козак молоденький.
Ой застогнав голуб [5])
У темній дуброві [6])
Неначе в неволі,—

---

[1]) Франко—Ой візьму я...

[2]) Цього вірша в рукописові № 1 нема. В рукописові № 2 його поміщено під № 14, а в рукописові № 3—під № 2.

[3]) № 3—голубок.

[4]) № 3, „Ластівка“—дубраві.

[5]) № 1—голубок.

[6]) № 3—дубраві.

Библиотека "Руниверс"

Ой заплакав [1]) тяжко
Козак молоденький
По нещасній долі.
Ой застогнав голуб, [2])
Аж лунь застогнала
У темній дуброві, –
Ой заплакав тяжко
Козак молоденький
Да ще й кучерявий. [3])
„Ой чого ж ти, голуб. [4])
„Да так тяжко стогнеш?“
Козак попитався.
— „Того, козаченьку,
„Того, курчавенький, [5])
„Що я спарувався,—
„Да не пожив літа
„З сизою своєю:
„Ястреби убили;
„І діток ми мали [6])
„Двойко малюсеньких,
„Згодувать не вспіли.
„Погинули й дітки [7])
„За сизою скоро. [8])
„Я стогнать остався,—
„І воля не мила:
„Нема уже [9]) більше,
„Ким я утішався,— [10])
„Милої [11]) немає.
„Лунь зо мною стогне.

---

[1]) № 3—застогнав.

[2]) № 3—голубок.

[3]) В „Ластівці“ зовсім нема цієї строфи, — там замісць неї стоїть ряд точок.

[4]) № 3—голубок.

[5]) № 3—кучерявий.

[6]) „Ластівка“—придбали.

[7]) № 3—діти.

[8]) „Ластівка“—за милою швидко.

[9]) „Ластівка“—того.

[10]) ibid.—потішався.

[11]) ibid.—сірої.

Библиотека "Руниверс"

„Це моя утіха
„У лютому горі,
„В нещасній годині:
„Стогне, хоч без лиха."
„—Чого ж ти у лісі,
„Голубчику сизий?
„Ти б летив у поле.
„Ти тут один сидиш,
„Там би найшов стадо,—
„Може б, прогнав [1]) горе."
„Що стадо поможе
„Мені бідоласі?
„Там усе чужії.
„Одняли у мене
„Вірную [2]) і рідних
„Вороги лихії.
„Коли суха вітка,
„Котра підо мною,
„Знов зазеленіє,—
„Тоді сиза буде
„З рідними до мене,
„І серце зрадіє".
Да й [3]) застогнав дуже
І сплеснув крилами,
Аж лист [4]) стрепенувся,—
Полетів по пущі.
Більш на тую вітку
Він не [5]) вернувся.
Тоді козак сказав:
„Треба забувати,
„Котру я кохаю,
„Бо й [6]) мені так буде,
„Що жінку із дітьми
„Вмісті поховаю,

---

[1]) Франко—пройшов.
[2]) „Ластівка"—голубку.
[3]) „Ластівка"—та й.
[4]) ibid.—ліс.
[5]) № 3, „Ластівка"—він і не.
[6]) „Ластівка"—і.

Библиотека "Руниверс"

„Бо я без худоби.
„Може, дітки будуть,—
„Хто ж їх нагодує?“ [1])
Козак той у світі,
Як голуб в діброві, [2])
Стогне да сумує!..

№ 25. Палій [3]).

Іде військо запоріжське,
Під небом [4]) куріє.
Куди ведеш, атамане,
Козаків, Паліє?
—„Де старшина звелить мені
Ворогів рубати,
Там і будем, бо за віру
Не страшно вмірати.
Я присягнув, я поклявся
Царю з козаками
До послідней каплі крови
Биться з ворогами.
Покидаєм жінок своїх,
Діток, батьків рідних.
Ми вже себе не жалуєм,—
Нам їх жалько бідних“.
Козак був моторний Палій,— [5])
Що вже і казати,—
Вірний, чесний, бравий хлопець,—
Трудно й змалювати.
Громив турків і татарву,
Рубавсь з поляками [6]),
Соколом літав усюди

---

[1]) Франко—погодує.

[2]) № 3—дубраві.

[3]) Цього вірша в рукописові № 1 нема. В рукописові № 2 його поміщено під № 15, а в рукописові № 3—під № 14.

[4]) № 3—під небо.

[5]) Франко—Палій моторний.

[6]) Франко—парубками.

Библиотека "Руниверс"

Над їх головами.
Гарцював він на конику,—
Коник під ним змієм
Красувався, підскакув,
Що був під Паліем.
Був він батьком козаченькам,
Сином землі рідній.
Погубив його на-віки
Мазепа завидний.
Підставляв він свої груди,
Смерти не боявся,
Через добрість, через вірність
В ланцюги попався.
Зовсім його ізкували,
Повели [1]) в чужину...
Чи вже лехко кидать було
Рідну Україну?...
Чорні брови, чорні уси [2])
Зовсім посивіли,
Тоді його сердешного
Із [3]) неволі пустили.
А все-таки з підмогою
На коня зібрався
І в-послідне на козаків
Атаман озвався:
„Ходім, братці, против Шведа,
„Ходім за Полтаву,
„Шаблюкою із старіст'ю
„Махну ще на славу.
„Що та слава після смерти?—
„Менше [4]) каплі в море. [5])
„Як би в світі пожить можна,
„Щоб не гризло горе!"...
Де те військо запоріжське,
Де те, що курілo?

---

[1]) № 3—повезли.
[2]) № 3—очі.
[3]) № 3—з.
[4]) Франко—лехче.
[5]) № 3—в морі.

Библиотека "Руниверс"

Де Палій наш чорноусий?...
Усе вже потліло,
Нема вже того нічого,
Прахом розлетілось,—
І кістки [1]) там не влежали,
Де чиїм хотілось.
Курява тая з-під неба
Горою спускалась,—
Після [2]) на землю припала
Да землею й осталась.
Може, й то куріла слава
По-над козаками
Яких-небудь панів князів?
Тепер під ногами...
Бо всі, що [3]) живуть у світі,
Що вони такее?
Земля, курява і слава,
Ніщо не [4]) другее.
Бо над всіми заспівають:
„Земля,—в землю й піде".
І повстаєм тоді колись,
Як Христос знов прийде.

№ 26. Отак усе в світі. [5])

Повіяли вітри буйні
Да над синім морем,
Забилося серце моє
Перед лютим горем.
Повіяли вітри буйні
З холодного краю,
Розлучили з дівчиною,

---

[1]) № 3—кісточки.
[2]) № 3—після й.
[3]) Франко—хто.
[4]) ibid.—і ніщо.
[5]) В рукописові № 1 нема цієї поезії. Назву беремо з рукопису № 3, в якому цей вірш поміщено під № 27. В рукописові № 2 цей вірш поміщено під № 16.

Библиотека "Руниверс"

Котру я [1]) кохаю.
Да не вітри, люде злії
Мені це зробили:
Сами мене звели з нею,
Сами й розлучили.
Перестали вітри буйні,
Всюди стало тихо,—
А у мене нещасного [2])
Все на серці лихо.
Як листочок одірваний
Зелений весною,—
Як травиця покошена
На зарі косою,
Поки роса не обсохне,
Поти й зеленіє,—
Не ростиме [3]) вона більше,
Як сонце пригріє.
Нескошеная [4]) травиця
Сонечка бажала,
А тепер на тее зійде,
Щоб скорій зав'яла.
І [5]) листочок зеленешький [6])
Зсохне й пожовтіє,—
Так і мое серце бідне
Молодим змарніє.
І в мене неначе в грудях
Да щось [7]) одірвалось,—
Не лехче мені на серці,
А ще гірше сталось. [8])
Очі мавши, я не бачу
Радісного в світі.
Все обридло, все огидло,—

1] Франко—котрую...
2] „Ластівка"—бідолахи.
3] Франко—ж.
4]) № 3—нескошена.
5]) № 3—а.
6]) „Ластівка"—одірваний.
7]) № 3—що.
8]) В „Ластівці" далі все, крім останньої строфи (чотирі вірша), пропущено.

Библиотека "Руниверс"

Не хочу більш жити.
Ніч темная мені як день,
А місяць як сонце.
Плачу, плачу один, бідний,
Сівши під оконце.
Чого?—спітаються у мене.—
Я і [1]) сам не знаю:
Чого серце тяжко бьється,
Чого я бажаю?..
Любив, кохав я дівчину,
І вона клялася,
Що кохає мене [2]) дуже,
Далі й продалася,—
За худобу проміняла!
Серцю було тяжко:
Я кохав її по правді,—
Забуть було важко.
Не раз плакала зо мною,
Не раз і сміялась,
Казала, що тільки в світі
Мною і втішалась.
Як побачу було слізки,
В грудях важко стане,
Прошу було: „Не плачь, серце!“—
Поки перестане.
За те ж було, як веселу
Да [3]) я її стріну,—
Щасливійший всіх на світі
Був я в ту годину.
Тепер бачиться ніколи
Не хочу я з нею,—
Не люблю я людей в світі
З такою душею,
Що божаться не по правді
Да душу ламають.
Такі уже ніколи
Добрі не бувають.

---

[1]) № 3—і я.
[2]) № 3—вона.
[3]) № 3—де.

Библиотека "Руниверс"

Дак не цее серце моє
Дуже так турбує,—
Не од цього душа моя
Бідная сумує.
А такий вже уродився
Мабуть я на світі
Безталанний і безщасний,
Щоб вік свій тужити...
Ой повійте, вітри буйні! [1])
Застогни, дубрава!
Нехай піде на злих людей
Всюди худа слава!..

№ 27. Туга серця. [2]).

Літа мої молодії,
Вам вже не вертаться!
Душі моїй прийшла пора
Слізьми обливаться.
Серцю мому, як хотілось,
Так не удалося:
Схаменулась, [3]) стрепенулась, [4])
Кров'ю запеклася. [5])
Одно мені теперь в світі
Тільки вже зосталось,
Щоб скоріше серце моє
З світом попрощалось.
Кохав дуже я дівчину,
Як росу травиця,
Як голубку голуб сизий
І як волю птиця.
Гарно пташечка співає,
Як живе на волі,—

---

[1]) Франко—Ой повій же, вітре буйний..

[2]) В рукописові № 1 цього вірша нема. В рукописові № 2 його поміщено під № 18,—а в рукописові № 3—під № 16.

[3]) № 3—схаменулось.

[4]) Ibid.—стрепенулось.

[5]) ibid.—запеклося.

Библиотека "Руниверс"

Гірко живе той у світі,
Хто не має долі.
Доля, доля! [1]) скажи мені,
Де тебе шукати?
Оглянься хоч раз на мене,
Як на сина мати,
Пригорни мене до себе,
Пожалуй на старість,
Щоб пізнала душа моя,
Що то в світі радість...

№ *28. До батька.* [2])

Тату, тату ріднесенький!
Хіба ж ти не знаєш,
Що я все те роблю тобі,
Що ти мені скажеш?
Молюсь Богу щирим серцем,
Як спатки лягаю,
На колінках [3]), тату рідний,
І як уставаю.
Я не журюсь, татусеньку,--
Це [4]) так прихилився,
Щоб на тебе, ти мій рідний,
Щоб я надивився.
Чого мені ще скучати?
Я ще погуляю...
От, як ти мене покинеш,
Тоді заскучаю.
Може, ти мене сховаєш, [5])—
Бог про тее знає,
Хто—чи батька, хто—чи сина

---

[1]) Франко—доле, доле.

[2]) В рукописові № 1 цієї поезії нема. В рукописові № 2 її поміщено під № 19, а в рукописові № 3—під № 24. У Франка з початку цього вірша стоїть 16 рядків з другого вірша („До сина"—№ 30)

[3]) № 3—навколішках.

[4]) Франко—а.

[5]) Ibid.—покинеш.

Библиотека "Руниверс"

Скорій поховає.
Чого ж ти, мій тату рідний,
Чого зажурився?
Чого ти теперь на мене,
Чого ізхилився?..
Що ти казав мені, тату,
Я усе те знаю:
Богу молюсь, Бога боюсь,
Царя почитаю:
Він—як рідний усім батько,
Сирот воспитає,
За те його увесь народ,
За те прославляє.
З недобрими людьми в світі
Знаться не буду.
Бога буду бояться,
Тебе любить буду...

№ 29. *** [1])

Вот тебѣ, мой друг сердечный,
Ангел сердца моего,—
Разбери сей стих чудесный,—
Я дарю тебѣ его.

№ 30. До сина. [2])

Лялько моя рідненька,
Чого зажурилась.
Головкою кудрявою
На руки схилилась?
Рано, серце, рано, пташко,
Тобі горювати.
Треба тільки в твої літа,

---

[1]) В рукописові № 3 після вірша „До батька“ стоїть оця московська приписка. Мабуть, вірш „до батька“ був комусь присв'ячений, і це—текст посвяти.

[2]) Цієї поезії нема ні в рукописові № 1, ні в рукописові № 3.—В рукописові № 2 ії поміщено під № 20.

Библиотека "Руниверс"

Грати та співати.
Хіба серце твое чує
Батькову невзгоду?
Не журися, моя лялько,
Та молися Богу!
Не дасть Він нам загинути,
Нас Він не загубить:
Хто віруе в Нього щиро,
Того Сам Він любить.
Коли, Бог дасть, мій синашу,
Поживем на світі,
То багацько ти пізнаеш
Тоді в наші літа:
Будеш всьому учитися,—
Учись, не заучуйсь,—
Люби Бога більше всего
Та й нас старих слухайсь.
Людей люби, як тих братів,
Дурням не потакуй.—
Коли тобі зло сподіють,
Ім добром віддякуй.
Коли горе зострінеться,
Люде покепкують,
Буде тяжко, буде важко,
Всі тебе зопсують,—
Не плач тоді, не журися:
То все не пóмога.
Терпи горе, мій синочку,
Та надійсь на Бога.
Не видавай Лукавому
Серцем совладіти,—
Нехай буде те серденько
Вірою зогріто.
В горі тяжкім із сльозами [1])
Помолися Богу:
В Нім единім найдеш силу, [2])

---

[1]) Ці шіснадцять віршів, що йдуть далі, у Франка долучені до вірша „До батька“ (№ 28), яко початок того вірша.

[2]) Франко—В Нім Однім найдеш ти силу.

Библиотека "Руниверс"

Вірную помогу; [1])
Він, Отец наш милосердний,
Діток не забуде.
Помолися, і на серці
Веселійше буде.
Коли будеш шанувати
В серці своїм Бога,
Так не бійся ні невроди, [2])
Ні злого ворога!
Отак дія, мій синочку,
Не раз ти згадаєш
Свого батька старенького
І спасибі скажеш.

№ 31. Пісня. [3])

Послухайте мою пісню,—
Я вам заспіваю
Про гарную дівчиноньку,
Якую я знаю:
Русявая, круглолиця,
Очиці чорненькі,
Моторная, як на диво,
Ротичок маленький;
Як квіточка хорошая,
Як тополька статна
І як лебідь білесенька,
Зовсім уся знатна;
Губоньки—як би намисто,
Що добрим зоветься;
Сонечко неначе зійде,
Вона як сміється.
А як пісні заспіває,
Солов'я не треба:

---

[1]) Франко—підмогу.

[2]) Ibid.—а ні з году.

[3]) Цієї поезії нема ні в рукописові № 1, ні в рукописові № 3. В рукописові № 2 її поміщено під № 24.

Библиотека "Руниверс"

Слухаєш, не знаєш, де це,
Неначе хто з неба.
Бачуть усі, бачу і я,
Та, ба, не вертаться
Літам моїм молоденькім,
Щоб поженихаться...
Ой, не хочу співать більше,
Боліть серце буде!
Воно й так свого нещастя
По-вік не забуде...

№ 32. Пісня. [1])

Не плач, дівчино,
По своїй ти [2]) долі,
Що не вийшла заміж,
Зате ж ти на волі [3]),
Як пташечка [4]) тая,
Що всюди літає,
В зеленім садочку,
Сидить да співає, [5])
Собі щебече, [6])
Якую знає,
Якую серденько
Співати бажае.
А вже в неволі
Не заспіваєш
Такую пісеньку,
Як сам бажаєш.
І ти ж на волі
Дак веселиться

---

[1]) В рукописові № 1 нема цієї поезії. В рукописові № 2 її поміщено під № 25,—в рукописові № 3—теж,—У Франка по два вірша з'єднано в один,—ця поезія у нього в двох варіантах. (А. і Б.).

[2]) Франко А.—„ти“ нема.

[3]) Франко Б. —бо ти в неволі.

[4]) Ibid.—пташка.

[5]) Франко Б.—далі нема аж 21 рядка.

[6]) В рукописові Забіли, який зберегається у Чернигівському музеї Тарновського (№ 991), далі нема восьми рядків.

Библиотека "Руниверс"

Треба, дівчино, [1])
А не журиться. [2])
Слухала дівка
Да й плакать стала,
Деле, [3]) сердешна,
Так ісказала:
„Пташка співає,
„Що пару має,—
„Діточок, милого
„Своїх втішає;
„А я співаю, [4])
„Все серцю [5]) важко: [6])
„Без пари [7]) на світі
„Жить дуже тяжко. [8])
„Хто що порадить, [9])
„Хто пожаліє,
„Як душі тяжко
„І серце болїє?
„А ти, козаче,
„Горя не знаєш,
„Од того й пісеньку
„Свою [10]) співаєш.“
„— Ой, дівчинонько,[11])
„Дівчино мила!
„Хто ж це [12]) співає?
„Віхтор Забілла, [13])

---

[1]) „Черниг. муз“—до-віку.

[2]) Кінця цього вірша нема в рукописові № 3. Замісць цього кінця, там—частина вірша „До сина“,—починаючи словами: „В горі тяжкім со сльозами“...—і до кінця; нема кінця цього вірша і у Франка (варіант А.).

[3]) „Черниг. муз.“.—далі.

[4]) Франко Б.—вона співає.

[5]) Ibid.—На серці.

[6]) „Черниг. муз“—тяжко.

[7]) Франко Б.—долі.

[8]) Ibid.—важко.

[9]) ibid.—далі нема шість рядків.

[10]) Ibid.—Сюю.

[11]) ibid.—дівчино.

[12]) ibid.—Ой хто.

[13]) „Черниг. муз.“—Забіло.

Библиотека "Руниверс"

„В котрого [1]) серце
„Билось і бьеться,—
„Над його слізками [2])
„Доля сміється,—
„Бо він з душею, [3])
„Без доли тілько,—
„Без неї на світі
„Жить дуже гірко.“ [4])

№ 33. Розлука. [5])

Нехай не жде, нехай не жде,—
Годі сподіваться,
Щоб, як голуб з голубкою,
Так поцілуваться.
Не така була розмова,
Не так розмовляла,
Як колись мені клалася,
Як колись мені казала,
Що кохає мене дуже,
Душі не жалівши,
Що не треба їй нічого,
Мене полюбивши.
Тепер не те, тепер друге
Мені вже співає.
Вже не скаже: „Ти мій милий“,
Мене ж [6]) проклинає.
Що ж це таке? Чого сталось?
Худоба да гроші
Усе роблять на цім світі,

---

[1]) Черниг. муз.—бо в його.

[2]) Франко Б.—сльозами.

[3]) Ibid—далі нема до кінця.

[4]) Черниг. муз.—Коло вірша примітка: „29 іюня 1857. Виктор Забило. Хутор Забиловщина. Пысано вышнивкою“.

[5]) В рукописові № 1 цієї поезії нема. Назву поезії беремо з рукопису № 3, де вона поміщена під № 22. В рукописові № 2 цю поезію поміщено під № 28.

[6]) Франко—„ж“ нема.

Библиотека "Руниверс"

За [1]) ними всі хороші.
Прокляла мене на-віки
Моя злая доля;
Не мила мені на світі
Козацькая воля.
І та, [2]) що колись бувала,
Де пісень співали
Усяких, якую хто знав,
Про все й розмовляли,
Під курінем кашу ївши,
Під чуб да в жупанах,
А все знали, що діється
Аж по-за Балканах...
Прийми мене, сира земля [3]),
Жить не хочу більше!
Літа мої пройшли марно
І, де дальше, гірше.
От як горе досаждає,
Як серце крушиться:
На білому на сім·світі
Не знаєшь, де діться.
Кинешся, де гріє сонце,
Хмарою закриє.—
Кинешся, де гарно-тихо,
Буйний вітер віє.
А без сонця да на вітрі,
Одежи не мавши,
В три погибелі зігнешься,
Долю проклинавши.

№ 34. Семенова кобила. [4])

У Спасівку, у жарке літо,
Пустив Семен попасти

---

[1]) Франко —з.
[2]) Ibid.--ота.
[3]) Ibid.—земле.
[4]) Цієї поезії нема ні в рукописові № 1, ні в рукописові № 3. Друковано в „Зорі“ (1891 р., 437—438 стр.).

Библиотека "Руниверс"

Свою кобилу завгороди.
Кобила була сивої масти,
Худая, ребра, як на марах,
Що можна всі перещитать.
Попаслась небагацько ранком,
Потім, як почали кусать
І оводня, і мухи дуже,
Вона і пастись перестала,
Кивала головою все;
Далі по полю пострибала:
Не вмоготу прийшлось сердешній.
Аж путo [1]) на собі порвала,
Побігла навпростець вона.
А в полі пасіка стояла.
Кобила в пасіку завернула, [2])
В куточок стала головою.
То шкурою істрепене вона,
То тупала [3]) ногою.
По перемінках тупотіла,
Сама ік лісі [4]) притулилась:
Ховалась в холодок вона.
Назад, сердешна, не дивилась:
Од мух, бач, тілько обганялась.
Того, нещасна, і не знала,
Що в пасіці вона була,
Що й близько улійка стояла.
Не довго оддихала, бідна.
Хвостом разів із п'ять махнула
Як раз коло очка [5]) в ул'ї.
Бджола за ногу і вджагнула. [6])
Кобила вся аж затрусилась,
Зігнулася, брикнула задом,
Роздратувала бджіл зовсім.

---

[1]) „Зоря"—пута.
[2]) Ibid.—звернула.
[3]) ibid—тупає.
[4]) Ibid—до ліси.
[5]) Ibid.—вічка.
[6]) Ibid.—вджигнула.

Библиотека "Руниверс"

Отут, як почали вже [1]) разом
Наяровать, [2]) котра куди попала.
Не встояла тоді кобила.
По пасіці побігла, скільки сил,
І ул'їв з десять повалила.
Не бачила воріт вона,—
Гасала все кружка, брикавши,
Аж пасішник проснувсь [3]) Хома,
Після обід у будці спавши.
Побіг, побачив: [4]) що за лихо
У пасіці таке случилось? [5])
Чи бджоли краде хто в його,
Чи друге що зробилось?
Прибіг—і бачить, що кобила,
Як би скаженая, гасає.
То головою кив вона,
То задом підкидає.
Узяв ломаку він скорій:
„Оце, диявольська кобила,
„Щоб ти пропала була [6]) перш,
„Поки ти лиха не робила". [7])
Почав шмагать по ребрах,
Докіль потрапила в ворота.
Аж чуб упрів і у Хоми,—
Була й йому тоді робота.
Із сивої кобила стала
Зовсім не знать якая:
Позапухали ребра всі,
Од браги мов була товстая.
Семен ходив із оброт'ю, [8])
Кобили по полю шукавши.—
Побачив,—з пасіки якась біжить,

---

[1]) „Зоря"—всі.
[2]) Ibid.—кусать.
[3]) Ibid.—прочнувсь.
[4]) Ibid.—побачить.
[5]) Ibid.—лучилось.
[6]) Ibid.—„була"—нема.
[7]) Ibid.—наробила.
[8]) ibid.—давно з оброт'ю.

Библиотека "Руниверс"

Коняка, голову задравши,—
Одбігши недалечко, стала.
Семен ізпершу не пізнав,
Ладонею [1]) од сонця затулився,
Предуже довго розглядав:
„Ба ця [2]), й похожа на мою,—
Хіба в грязі де укачалась,—
Чи, може, це і не моя?“
А та кругом все оглядалась,
Покусаная і побита,
Насилу аж стояла.
За що й про що було їй,
Сердешная, [3]) зовсім не знала.
Семен розглядів, що його,—
Сплеснув тоді руками.
Оброть надів: „Ну, сива, ну!“
Насилу човгає нагами
Кобила бідна після бані,—
Не йде, а тягнеться за ним.
Вона і тілом, і душею
Була не винная зовсім:
Шукала холодку собі,
Од мух да [4]) оводні ховалась,
Да [5]) в гірше лихо ще вона
Зовсім після попалась.
Семен свитиною укрив,
Щоб муха їй не докучала;
А то не бачила і оводів, [6])
Насилу ноги піднімала.
Не добрела, сердешна, і додому,
Пропала, бідна, серед поля;
Мабуть, написано [7]) їй на роду
Така нещасна доля.

---

[1]) Зоря—долонею.
[2]) Ibid.—здається.
[3]) Ibid.—того вона.
[4]) ibid.—та.
[5]) Ibid.—та й.
[6]) Ibid.—вона ж, серешна, ледве йшла
[7]) Ibid.—написана.

Библиотека "Руниверс"

Семен і досі б на кобилі їздив,
Як би іспершу був укрив,
Поки ще муха не кусала,
Як скоро пастися пустив.

Нерідко в світі таке лихо
І між людьми ведеться:
Од искри думає втікти,
Да [1]) в полум'я і попадеться.
Тоді уже брикай,
Як в пасіці кобила,
Що й [2]) до-дому не дойшла, [3])—
Душею в полі положила.
Нехай опісля [4]) воду ллють, —
Як би і спершу пособили,—
Бо вже поможуть так тоді,
Як свитою Семен кобилі.

№ 35. До Шевченка. [5])

Чого [6]) ти лаєшся, Тарасу?
Що не найшов в Борзні припасу,
Якого ти тоді [7]) бажав?!..
Сам ти такий, як мене лаєш.
„За що?"—ти, може, попитаєш?
За те, що в хутір не забіг.
Якогось жида віз з собою
Мерзенного і з бородою
І через те мене минув...
Який же ти земляк, який же [8]) ти писака?

---

[1]) „Зоря"—та.
[2]) Ibid.—і.
[3]) Ibid.—дійшла.
[4]) Ibid.—нехай же після...
[5]) Цього вірша нема в рукописах №№ 1 і 3; друковано в „Зорі" (1893 р., 103 стр.)
[6]) „Зоря"—за що.
[7]) Ibid.—„тоді"—нема.
[8]) Франко—„же"—нема.

Библиотека "Руниверс"

Неначе гнав тебе собака!
Боявся день подарувать,
Щоб побувать у мене в хаті,
Щоб пісень вмісті заспівати,
Якії серце нам гризуть.
Ми б на бандурці забриньчали,
А циганчата б танцювали
(Хоч би вже з лихом пополам).
Я рад би був тобі, як брату.
Як би забіг [1]) до мене в хату,
Неначе б сваху шанував!
В мене худоби дуже мало,
Да ще б найшли—горілку, сало,—
І з'їли б трошки й запили.
Да росказав би де-що гарне
Про земляків, не іностранне,
Бо я до язиків не вдавсь...
Дак ні!... Зазнався, бач, з панами,
З писаками, з багатирами,
А земляка дак і забув!
Бодай [2]) тобі за цюю штуку,
Послали відьми тую [3]) муку...
Послухай,—зараз іскажу:
Борщу, ковбас, варенників, [4]) литивки, [5])
Сеньхи,[6]) чехоні і скубрійки
З пів-года щоб не коштував;
Щоб цілий день не пив горілки,
Не довелось щоб і наливки
Ковтнуть хоч раз один на сміх; [7])
Да щоб приснилось: [8]) бужанина,
В'юни, лоскірка і свинина
З сметаною да і з хрінком;

1] № 4 і 5— коли б зайшов.
2) Зоря—богдай.
3] № 4 і 5—цюю,—Зоря—оттую.
4) № 4, 5 і Франко—варенників, ковбас.
5) Франко—ситівки.
6) № 4—сеньги.—Франко—сеноги.—№ 5 сельги.
7) № 4 і 5—хоч раз один ковтнуть на сміх.
8) Ibid.—приснилась.

Библиотека "Руниверс"

Отії щи щоб ти їв [1]) руські,
Отії соуси французькі,
Що тільки в животі бурчять... [2])
Лютую я на тебе дуже,—
Тобі дак, може, і байдуже,
Мене ж за серце, зачепив. [3])
І ще скажу словце, Тарасу!
Біда жить в світі без запасу,
Грошима люде що зовуть.
Я б ще побув у Петенбурсі
І побував би [4]) в вашій бурсі,
Що Академіей зовуть.
Побачив би тебе, Тараса,
Того, [5]) що написав Торквата Таса,
Того, що славний медал'ер.
Там Григорович є добряга...
Да ще найшовся [6]) б чоловяга,
І серце б трошки [7]) пожило...
Там Глинка той, що добре грає, [8])
Що пісень всяких він співає,
Як би весною всі птахи!..
Дак що ж робить?.. Не маю долі:
Живу у світі, як в неволі,—
Як пташка в клітці, так і я!..
Співають пташки і в неволі,
Да все не так, як би на волі,—
Що аж звірі танцюють їм [9]),..
Прощай! Не хочу більш писати,
Паперу більш [10]) щоб не псувати,
Нехай судовики псують [11])!..

---

[1]) Франко—їв ти...
[2]) Цих трьох віршів нема в рукописах № 4 і 5.
[3]) Далі нема в „Зорі“ і у Франка.
[4]) № 4, 5—„би“—нема.
[5]) ibid.—„того“—нема,
[6]) ibid.—іще б знайшовся.
[7]) ibid—трохи.
[8]) Далі трьох віршів нема в рукописах № 4 і 5.
[9]) № 4 і 5—А як завиють їм звірря.
[10]) № 5—вже.
[11]) ibid—пирують.

Библиотека "Руниверс"

№ 36. При подаркѣ матери колокольчика [1]).

Задзвони мені, дзвоночок!
Да й скажи, де мій синочок?
Може, він того не знає,
Як мати за ним скучає...
Задзвони мені, дзвоночок!...
Неслухняний мій синочок:
Мене стару покидає
Та й частенько запиває....
Задзвони йому, дзвоночку:
„Не пий, не пий, мій синочку!
Хіба ти цього не знаєшь,
Що вік ти свій вкорочаєш?“
Задзвони йому, дзвоночку,
„Матір пожалій, синочку!
Живи так, як добрі люде,—
Мені в світі гарно буде!“

№ 37. *** [2])

Худоби маєте геть-геть, чимало!
Здоров'я в Бога ви просіть!!!
Найдіть собі ви жінку вірну, гарну!!
Да з нею в світі весело живіть, живіть!
Сто літ, сто літ!!!

---

[1]) Під цим віршом підписано: Викторъ Забила (во второй половинѣ Іюля (до 27-го) 1855).“ Цього вірша нема ні в одному рукописові, крім—№ 2, в якому він прикладений на окремому листочку паперу.

[2]) Цього вірша нема ні в одному рукописові. Ми його беремо з власноручного рукопису Забіли, який зберегається в Чернигівському музеї В. Тарновського (№ 992).

Библиотека "Руниверс"

*№ 38 *** [1])*

Горілка, люлька, оселедці,
Гурки солоні і блинці,
Дівчата гарні, молодиці,
В арениках і голубці,—
І рибка платана, чахоня,
Грушевий квас, вишнівка,
Вскоромний день — ковбаси, сало
І перегонна калганівка.

В. Мировець.

---

[1]) Цього вірша нема ні в одному рукописові. Ми беремо його з власноручного рукопису Забіли, який зберегається в Чернигівському музеї В. Тарновського (№ 993).

Библиотека "Руниверс"

Темнота.

Користуючись молодістью, весною й самокатами, ми з приятелем рішили відмахать ті без мала не триста верст, які розтяглись між нашим селом і Київом.

Гарна штука—молодість! Ій і сонце—сонце, і весна—весна, і любов — любов. І голодна й холодна, вона все-ж співа й сміється і на крилах божевільних мрій буйно заноситься вгору — вище хмар, вище орлів, вище місяця, до сонця. І, повна живої сили, а ще більше—надій на сили, з жагою любить, творить, вона несется, несется, несется...

Гарна пора—молодість! Погано тільки, шо вона минає...

Але ще гірше було б, коли б вона не минала.

Такі почуття володіли нами, коли ми, раненько вмившись холодною водою, сіли на залізних коней і, по козацьки гикнувши, під співи солов'їв понеслися вслід першому проміню сонця.

— Хабарда! *) —не знать кому гукнув товариш, коли ми вилетіли за село і пурнули у зелений хліб, який, поблискуючи червоно-зелено-блакітними вогоньками роси, стіною здимався з обох боків шляху.

— Хабарда!—ще раз гукнув він і ще дужче наліг на стремена залізного коня.

— В шаблі!—в той гукнув я йому, і ми як божевільні полетіли поміж двома стінами зеленого хліба, вбираючи в себе цілюще повітря і залишаючи дві мережані смуги колії

А вгорі, в блакітнім повітрі, простреленім золотими пасмами сонця, співали-оповідали про счастя весни жайворінки і стрімко,

*) Татарське—дорогу.

Библиотека "Руниверс"

як павуки по павутинках, піднімались вище й вище, до біло-снігових і кучерявих, як біла вовна, хмар. І знесилені до дурману піснею і почуттям весни, то там, то тут грудкàми падали в пишно зелене море, а на їх місце здіймалися инчі, починали тихеньку пісню, підіймались вище, прибавляли голосу і зливались у густі і рябенькі хвилі весняної музики.

І бажалось летіть і летіть без кінця, шоб свистіли спиці самокатів, шоб все навкруги зливалось в гладенькі і прямі смуги, як і наше мчання вперед, шоб пісня жайворінків зливалась з шелестом зеленого моря, що тікало назад.

І життя, яке було за нами з своїм горем-нудотою, здавалось чудним як сон, і не вірилось, шо воно було. Свіжі й цупкі думки, як блискавки стріляли в далечінь світу і все вперед і вперед, без оглядки назад. Всі люде здавались такими незвичайно гарними—розумними, добрими, шо коли хто попадався нам назустріч, ми обводили його закоханими очима, потім зглядались, усміхались і розуміли, шо кожен бажав сказать.

Сонце стало припікать і ми поїхали тихше.

— Ось підожди,—одповідаючи на свої думки, мовив мій приятель,—скінчится війна, і, безпечні, ми візьмемось тоді біля народньої освіти... Наука—сила і гордість народів, і...

— А сила,—одповів я, не бажаючи перебаранчать.

— Тоді й подивимось, на віщо здатний наш нарід. Тоді не будуть ставить нам в зразок японців.

— А не будуть,—піддержав я.

— Та хиба, думаеш, нам багато треба? Та тільки дадуть можливість взятись як слід за працю освіти, то, далебі, через які пять—десять років ми японцям, чорт би казив його батька, носа втрем так, шо....

— А втрем,—піддражнив я, далекий в цю міть від набридлих запитів сучасного життя.

— У нас і тепер нарід... Побалакай з ним,—палко почав він,—та він тобі навіть перед французом не спаскудить! то тільки ми від лінъків, від небажання підійти до нього близче звикли товкти: „темнота“, „темнота“...

— А звикли,—жартуючи додав я, не бажаючи жувать жоване.

Він скипів.

— Шо ти, як який дурень, товчеш: „А не будуть“, „а втремъ“, „а привикли“! шò ти не розумієш моїх речей?

Библиотека "Руниверс"

— Ні, розумію,—одповів я—але ж дарма ти гарячишся, бо наш нарід не знать відколи чуе такі гарні розмови, а діла—ба!..

— Так по твойому значить не треба балакать?

— Чом же?—язик є, чому не балакать, коли це геть лекше, ніж робить... Балакать вміємо...

Він спалахнув.

З усією тяжкістю шкилювання він упав на мене і на нашу інтелігенцію. Він сміявся над нашими діячами просвіти з їх дуже великими замірами і геть мизерною працею і доводив, шо нарід освічуется більш сам, ніж то роблять „освітителі", і врешті дійшов до того, шо народ наш—не така вже й темнота як, то думають.

Я мовчав. Він плюнув і наліг на коня.

Ми минули Лубні і під'їзжали до величенького містечка Яблонева. Дві церкви і густенько залізних дахів давали йому вираз невеличкого повітового городка, а великий шлях, яким валками ціле літо йшли кіяне, робив його занадто веселим і живим.

— А знаеш шо? — сказав я,—отут підобідаєм, підождем, поки спаде спека, тай махнемо холодочком далі.

— Єдине розумне слово, яке я почув від тебе з виїзду. Справді мені їсти—аж шкура болить.

— Як бачиш, мало користі, а через це й не вигодно бути фильософом,— усміхнувся я, і ми підвернули до „чайної".

Була неділя і передня кімната чайної, схожа на кімнати колишніх шинків, була повна людей, з котрих де-які бачили вже „скляного бога" — і гучно гомоніли. З усіх кутків було чуть: „Гапонці", „Порт-Артур", „Куропаткин", „Того"...

Хазяйка чайної привитала нас дуже приязно і провела через завішені рядном двері в другу кімнату—„чисту".

— А шо-ж у вас є перекусить? поспитав я її.

— Та все є, паниченьку, все є.

— Шо ж усе?

— Та все, чого схочете.

— Ну то дайте нам борщу та жареного, а потім чайку.

— Е, паниченьку, борщу нема и жареного нема... Самувар можна, а борщу нема...

Ми засміялись.

— Так шо ж у вас є?

— Та все є, тілько...

Товариш аж покотився зо сміху.

Библиотека "Руниверс"

— Так що ж є?

— Та є сало, ковбаси, „фіялка“, чай...

— А молоко є?

— Ні нема, молока нема, але як що вам треба, то можна дістать.

Товариш аж лягав.

— Ну, нічого робить, давайте нам все.

Ми звеліли зжарить ковбаси, наставить самувар і подать молока, а поки що—полягали на широкі ослони й закурили.

Одмахать верстов 80 під літнім сонцем за які пять годин—не дурниця, і ми одпочивали з такою щирістю, з якою відпочивають хиба після коси.

За дверима, або краще—за рядном, лемент не вщухав: „Гапонці“, „Манжурія“, „Порт-Артур“, „Куропаткин“, як мнячі, літали по хаті. Густіше ж усього чулось одно слово, котре промовлялось шепотом і, як гадюка по сухому листі, шелестіло з кутка в куток, але розслухать його було трудно. Ми лежали, курили і слухали гомін без бажання слухать. Рядно скілько разів відхилялось, і яка небудь цікава голова прудко просовувалась з-за нього, наспіху обкидала нас очима і також прудко ховалась за рядно. Зразу ж за рядном піднімалось шепотання, і знову якесь слово з шипінням гадюки літало по хаті. Ми сміялись. Нам було чудно й дивно, що в такому великому і живому містечкові могли так дуже зацікавитись такими звичайними подорожніми, як ми.

Хозяйка внесла самувар, і не встигли ми налить по стаканові чаю, як відхилилось рядно—і на порозі з'явився чоловік. В ту ж мить за рядном стало тихо, як в пустці. По його одежі, а надто по його грубо задоволеному лиці і хворсові в фігурі видко було, що він—міщанин з якого-будь повітового глухого городка і що пишається тим, що він не який небудь „мужик“. З хвилину з відкритою цікавістю розглядав він нас своїми трохи посоловілими від горілки очима, потім сів збоку нас на лаві, важно зліг на подушки і знову, мовчки, почав дуже вже вільно розглядати нас.

Жара, втома, голод і п'яне лице дражнили мене. Я скипів і глянув на товариша; той глянув на мене, і ми повтикали носи в стіл і мовчки пили чай, ждучи, що буде далі.

— А відкèль ви і хто такі будете?—дуже вже по-панибратськи спитав наш гість.

Рядно ворушилось, і видко було, що коло нього стовпились люде. Але була тиша.

Библиотека "Руниверс"

— Вам чого треба?—з серцем поспитав я.

— Та я питаю, хто ви такі і відкель? відповів він.

— А я питаю, чого вам треба?—підіймаючи голос сказав я,

Він роскрив свої посоловілі очі, дивуючись, шо його не розуміють.

— Та я хочу знать, чи є у вас пашпорти?—не так уже сміливо подав він.

Мене обгорнула злість. Я шпарко вихватився з-за столу,

— Геть!—крикнув я і показав на двери.

Він підхватився, боязко ще раз зіркнув на мене і швидко проскочив за рядно. Там зразу з десяток голосів зашепотіли на всі лади.

Стрівожений, я сів пить чай. Мій настрій зовсім пропав, і я став гарюкать на товариша, шоб скоріше їхать і відпочить де-небудь за селом.

Ми нашвидку кінчали вже свій недовгий обід, як рядно відхилилось знову, і ми вздріли нового гостя. Його висока, огрядна фигура якось несміливо застряла на порозі, а сухе, з довгою русявою бородою, лице було стрівожено, і голова слегка якось крутилась і хилялась на боки, як у чоловіка, який вилутався в клопітне і рискованe діло.

— Здрастуйте!—гучно, мов для бадьорости, сказав він, але голос його дріжав.

— Здрастуйте. Ми підняли голови і встромили в нього очі.

Він потоптавсь коло порога і несмілко сів проти нас на ослоні. Силкуючись показать, шо він спокійний, він тихо поспитав.

— Скажіть, господа, куди ви їдете.

Я переміг себе і мовчав.

— А вам нащо?—суворо спитав товариш.

— Та я, бачите, хотів спитать,... куди ви їдете?...

— В Київ—не дав йому скінчить товариш.

Він угукнув собі в ніс, подумав і спитав.

— А відкіля ж ви? Мені, бачте, пашпорт...

— Шо за лиха година,—не втерпів я,—чи вас багато буде ходить питать пашпортів? Та яке ви маєте право серед дня у подорожніх людей требувать пашпорти?

— Та я... та я... залепетав він, встаючи з ослону,—я... старшина... Тілько шо я знака не взяв, а я старшина... Та чую шо кажуть...

Библиотека "Руниверс"

— Та яке нам діло, шо ви старшина? Яке ви маєте право трівожить подорожнього своїми пашпортами?! Біжи до пристава, — повернувся я до товариша,—шо це за глум такий!

Перелякана хазяйка вскочила до нас і з ляку не знала шо робить.

— Ні, ні, це старшина,—казала вона і топталась коло порога,—ій Богу ж то старшина!.. Це наш старшина...

Піддержаний хазяйкою, він підбадьорився.

- Та, бачите, я б нічого, так кажуть, шо ви.... шо ви... гапо̀нці. . гапонські шпіони.....

Ми оторопіли.

За рядном шепотання росло все більше, рядно ворушилось і вдавлювалось у нашу кімнату; коло нього стояла з витріщеними очима перелякана хазяйка.

Я почував, шо мій ріт скривився в усмишку... але старшина буде божитись, шо я бажав плакать... І він, здається, скаже правду...

Товариш мовчки вийняв пашпорт і мовчки подав старшині.

Ми мовчки вийшли з хати і мовчки сіли на своїх коней.

Сонце сміялось на весь широкий степ, сміялось похвильоване злегенька море хліба, реготались жайворінки...

До самого вечора ми мовчали.

Ромодан, 905 р. Березня 25. **Ю. Будякъ.**

Библиотека "Руниверс"

НЕ В РУКУ.

I.

Як умер мій чоловік, увірвалося мені щасливе та спокійне життя: за всім сама доглянь, про все сама клопочись. Тринадцять літ прожили ми вкупі і хазяйство чимале придбали, та не стало голови до нього. Мусила я й поле з'половини віддавати і худоби трохи спродатись. Наймита хоч і держала, а все ж чужі руки не те... не своє. Ох, горе зостатись удовою. Живеш, як той горох, що при дорозі: хто не захоче, не скубне. Тільки й радости лишилось мені, тільки й втіхи—синок сьомиліток. І вранці встаючи і ввечері лягаючи молилась я, щобъ помігъ Господь до розуму його довести. А він же, голубчик мій маленький, було і на ступінь не відпустить мене від себе: куди б я не йшла, усюди за мною. Біжи, Андрійко, на вулицю до дітей, було кажу йому, а він тільки головкою крутить та щільно-щільно тулится до мене, загортаючись в спідницю. Часом і перешкодить він мені в роботі, а як погляну, як воно горнется до мене, то й неспіла одігнати—і діло покинеш та приголубиш його.

Та ще й вдався він таким добрим та милосердним, що й розсказати не можна. Чи кошеняті лапку хто притопче, чи цуценятко, лазючи скрізь, обдере де шкурку на собі,—мій Андрійко швидче за ганчірочку та й завязує, усе допитуючись мене: чи дуже болить у кішечки або в цуценяти. А отце бува старець або старчиха до двору надходить, то він мерщій біжить до мене і ще здалека кричить: мамо, дайте старцеві... он-де він іде до нас. І сам своїми рученятами несе милостиню: не боявся старців, як бува то з іншими дітьми.

Библиотека "Руниверс"

Боже, яка я рада була за свою любу дитину, як втішалася я нею! Хочъ и молодою втратила я чоловіка, а все здавалось мені, що на цілому світі немає матері счасливийшої від мене.

II.

В містечку нашому жило багацько панів, що служили на винокурні та в сахарні пана Штенгеля.

Почала я молоко, сир, масло носити панам, і хоч тупаю було день і нічь, та за те мала собі з того добру вигоду. До одних панів два роки носила молоко. Гарні були люде, не горді—нехай їм за те скрізь добре буде. Швидко вони виїхали кудись з нашого містечка. Як принесу було молоко їм, то вже набалакаюсь з панею: і про городину, і про те, хто як живе, і про немічі, на які слабують люде, и про всяку всячину. А якось розбалакались про дітей. Питае мене пані, скільки діток у мене. Тройко, кажу, було: двое хлопчиків і дівчина, та під діхтерит двойко померло, а Андрійко, дякувати Милосердному, зостався. Дав би Бог, щоб виріс,—хазяїном добрим буде. Покинув йому батько десять десятин поля—повних два наділи, вже зовсім викупленых. І дім новий вибудував покійник, та не довелося сердешному жити в ньому; темна домовина стадась йому вічною хатою. Розсказую я, а сльози вже на очах у мене. Помітила це пані, та й почала мене вмовляти:

— Не гнівіть, Домахо, Бога. Чого вам плакати? Умірати усім не минется, та дай Боже, щоб в той лихий час кожен мав чим забезпечити свою сімью так, як ваш чоловік. Гріх вам нарікати, а от про сина дбайте, щоб до путя його довести. Горе тепер темному, вчить треба дітей.

Отце, кажу я, як діждемо осени, буде моему Андрійкові одинадцять років; треба одвести вже його до школи, нехай дві або й три зіми походить, привчится трохи грамоти. Як почула це пані, так и напосілась на мене.

— Як, каже, вам не сором: одна у вас дитина, та й тій не бажаете ви щастя. Господи! які темні наші люде!.. (та аж руками сплеснула). Поставили їм школу; клопочутся, турбуются про їхніх дітей, вони самі не дають їм світу, самі держуть своїх дітей в темряві. Невже ви, каже, хочете, щоб ваша дитина цілий вік свій нарікала на вас?

Мені аж ніяково зробилось з того, що я так рострівожила пані. Мовчу вже я.—Хто ж дитину вашу до пуття призведе,

Библиотека "Руниверс"

як не школа?—доводить мені вона. Не ви ж, коли ви й самі темні.

Пані правду каже, думаю я собі: не на лихо ж нам будують скрізь школи. Другого дня теж вмовляла мене пані послухатись її поради, а через півроку, як од'їзжали вони з нашого містечка, прощаючись зо мною, нагадала мені знов:—глядіть-бо, не відбірайте хлопця свого з школи, поки не скінчить, то хоч не буде темною людиною.

III.

Як наступила осінь, справила я своєму Анрійкові чобітки й свитку, купила нову шапку, та й одвела його до школи. А в нашому містечку школа мурована, велика та висока—аж на два поверхи: у верхньому учитель та дві вчительки живуть, а у нижчому дітей вчать. Господи, яка-ж сила их тамечки! і наші, і єврейські є... Записали мого Андрійка у школяри. Ходить він тиждень, другий і третій. На четвертому тиждні в понеділок приходить мій Андрійко до дому й плаче. Питаюсь чого—мовчить. Питаюсь вдруге—мовчить. Кажи, причепилась я до нього, бо піду та спитаю в учительки. Адрійко ще дужче в плач. Що це з ним? думаю. Не чепляюсь вже до нього, насипала йому обідати. Так де тобі! і не глянув, і не доторкнувся. Сидить на лаві насупившись. Дивно мені, сижу і я та мовчу. Коли це Андрійко скинув чоботи та й каже:

— А почім я знав, що на діл треба казати пол?

— Як пол? — питаю. Хиба на діл хто каже пол?

— У школі кажуть,— одмовляє він мені,

— Брешеш, кажу.

— То спитайте у Борозенкового Семена, коли не ймете віри мені.

Та й знов почав плакати.

А хиба тебе бито? питаю.

Ні, каже.

Ну, то чого-ж ти плачеш, дурнику? Годі-ж, годі, мій голубчику. Вдруге будеш вже знати—вмовляю я його. Бач, тебе ж не бито за те, що не знав.

Так мені соромно,—каже. Я вже більш не піду до школи.

Не кажу вже я йому нічого, а мерщій взулася, схопила хустку з жертки та через городи пішла до Борозенків роспита-

Библиотека "Руниверс"

тись у їхнього Семена, що трапилося у школі з моїм Андрійком. Прихожу, розпитуюсь, а він і розсказує.

То, каже, на перемінці Андрій ваш ходив коло вчительчиного столу та й те... і загрязнив діл, бо у нього чоботи в грязюці були.—Та мабуть-же у школі поміст, а не діл?—перебиваю я Семена. Дошками помощено? питаю.—Дошками каже, та й далі розсказує. Як почався урок, то вчителька, побачивши коло столу грязюку, й питає нас; а котрий це з вас погрязнив пол? Хтось і сказав, що Андрій Яременко, а Андрійко схопився на ноги, почервонів-почервонів та й стоїть, озираючи усіх нас. Учителька знов його вже пытає: ти Яременко погрязнив пол? А він стоїть мовчки. Оттут... ось де... ти погрязнив? питає вона, вказуючи пальцем на грязюку коло столу. Діл?—перепитує Андрійко і знов поглядає на увесь клас. Не діл, а пол треба говорить,—одмовила йому учителька. Гляди-ж не забудь—пол, а не діл; не забувай, каже вона, і того, що чоботи, коли грязько, треба витирати у сінях віником, а тоді вже входити у клас.

А не била вчителька Андрійка? допитуюсь я.

Ні, каже. Тільки сказала, щоб він сів та пам'ятав добре те, що йому казано. А Адрійко як сів, то аж до кінца урока ні на кого ні разу не глянув, та червоний-червоний!... А коли пустили нас до дому, то він поперед усіх побіг і ні до кого й словом не озвався.

Вислухала я це та швидче до дому. Прихожу, а Андрійко мій сидить на лаві, як я його покинула, і обід на столі захолонув. Це ти й досі не обідав? питаю. А він мені: Я не піду більш до школи, бо мені соромно. Взялась я його вмовляти: і пояс новий ік Різдву обіцяла купити, і до дядька у Звенигородку по залізниці на Риздвяних святах повезти. Так і слухати не хоче: не піду, каже, більш в школу, соромно.

Чого-ж тобі соромно? Який там сором,—власкавлюю я його.

Соромно, каже. Почім я знав, що то вчителька на діл казала пол?

А не соромно тобі буде, кажу я йому, як виростеш ти неграмотним, не вмітимеш ні прочитати, ні написати, ні посчитати. Не тільки вчителька, а й усяк тоді посміється над тобою, Нічого не сказав на це капосний хлопець, тільки насупився і до самісінької вечері навіть і їсти не попросив. А тоді вже, як почала я слатися спати, підійшов до мене, заплакав та й каже:

Я, мамо, ходитиму у школу, аби тільки не сміялися з мене.

Библиотека "Руниверс"

IV.

Минула зіма, й весна вже збігла. На другому тиждні після великодних свят роздано школярам білетики і велено аж у вересні місяці приходити у школу. Приніс і мій Андрійко білетика, а там написано, що переведено його у вторе одділення. Непримітно і літечко збігло. Знов осінь. Пішли знов діти до школи, пішов і мій Андрійко. Зіму і весну, це вже по другій, ходив, а після великодня знов приніс білетика, де написано було, що його переведено вже в трете одділення. Треба, думаю собі, якось подякувати тій вчительці, у якої вчився Андрійко мій. Зібрала я свіженького маслиця хунтів з п'ять, розпыталася у Андрійка, у якій саме кватирі живе його вчителька, та й пішла до неі. Прихожу, кажу, що я мати Андрія Яременка, дякую, прохаю взяти гостинець, а вчителька подивилась на мене, усміхнулась чогось та й каже: За те, що ми вчимо дітей, нам платять, і ми нічого не повинні брати з людей. Однесіть, тітко, продайте його, та тими грішьми заткнете якусь дірку у хазяйстві. Та вже, кажу я, коли принесла, то мусите взять.

Ні, одказує вона, не візьму я, тітко, бо не слід мені.

Ой, матінко! аж скрикнула я. Як таки не слід? Хиба ж ви не наклопоталися з моїм Андрійком?

Коло всіх я, одказує вона, однаково клопочусь, а з вашим Андрійком найменче клопоту, бо хлопець він тямучий: задачу хоч би й яку, то поперед усіх рішить, і читає вже не погано.

Слава тобі, Господи, думаю я: не даремно морочить хлопя собі голову.

А от, додає учителька, як треба розсказати—значить те, що прочитає, то він і не може по книжному. Як дома говорить, так і прочитане росказує. Це, каже вона, для всіх дітей важко, а вашому найбільш.

Ну, то отто-ж вам за труди буде масличко, кажу я. Так і не взяла; таки мусила я нести його до дому, а йдучи все думала: як воно так—і тямучий Андрійко, і важче йому, ніж іншим. Аж закортіло вернутись, щоб спитатись про це у учительки, та вже ніяково було. Господи, думаю, і для чого так довго вчать бідних дітей, коли ті науки такі важкі.

Библиотека "Руниверс"

V.

Літньої пори у хазяйстві за скрутою мало з ніг не звалишся. Дякувать Богові, Андрійко підріс та давав вже поміч: він з наймитом коло худоби та сінокосу, а я у городі та у полі. Радію я, дивлячись на свого Андрійка: охочий він, Господи, який охочий до хазяйства. До ярем поробив мережані занози, лушні до воза теж помережив. Батіг у нього з червоною китицею. Волики за літо аж погладшали; мало не що-ночі він з наймитом їх попасує, і сам не б'е, і догляне, щоб наймит не бив. Хозяїн—що й казати. Наступила осінь. Аж над вечір вже Андрійко вертається з школи; пообідає на швидку і, аби тільки товар був дома, за батіг, та й пожене на леваду до ночи. Якось, здається, за тиждень перед Покровою—отже хоч убийте, не згадаю, у який саме день—задовго ще до півдня приходить мій Андрійко з школи. Здивувалась я, та й питаю: чого це так рано?

Утік, каже.

Як утік? питаю.

Так, каже, утік, та й годі. Учителька сказала мені сьогодні, що я, мабуть, ніколи не вмітиму книжним язиком розсказувати прочитане.

Як-же посмів ти втікати? кричу вже я на нього.

А так. Діждався перемінки, за книжки, та й до дому. Коли, каже, ніколи не вмітиму, то не треба и вчитись.

Що ж це ти накоїв? що? допитуюсь я, та й ледві не плачу.

Нічого, одказує. Не ходитиму більш до школи, та й годі.

А як я тебе сама одведу!—кажу я йому з серцем, думаючи налякати дурного хлопця.

А він мені на це:

То ви більш і не побачите мене, утічу з школи й од васъ.

Як почула я таке, то аж страх мене взяв, а серденько болізно стиснулось. Оттакої... ще справді, думаю, дурне хлопя заподіє собі яке лихо. А він же у мене один соколик, один хазаїн. З ким же я тоді зостанусь? як житиму без дорогої дитини? Нехай, міркую, мучатся по школах ті, хто мусить у наймы йти, а мій Андрійко хазяїнуватиме. Адже-ж батько його хазяїнував,

Библиотека "Руниверс"

та ще й не аби як. Дубенки та Лопухи теж хазяїни на всю губу, а отже позабірали своїх синів з школи; кажуть, що далеко ніби-то ходити, а мойому хиба дуже ближче? Оттак заспокоївши себе, замовкла я, хоч до самісінького вечора сльози давили мене. Не в руку, значить, йому вчення, то нехай приглядається до хазяйства. Другого дня вранці Андрійко, сховавши книжечки у свою маленьку скриньку, поїхав з наймитом до млина по борошно.

П. Ротарь.

Библиотека "Руниверс"

ОТЧЕТЪ

о

ПРИСУЖДЕНІИ ПРЕМІИ Н. И. КОСТОМАРОВА,

ЗА ЛУЧШІЙ МАЛОРУССКІЙ СЛОВАРЬ.[1])

На соисканіе преміи къ сроку 1 января 1905 года было представлено три работы.

Для разсмотрѣнія этихъ трудовъ была образована въ засѣданіи Общаго Собранія Академіи 8 января Коммиссія, подъ предсѣдательствомъ Непремѣннаго Секретаря, изъ академиковъ А. А. Шахматова и А. И. Соболевскаго и, согласно § 15 положенія о преміи, малоросса А. І. Лященко.

По тщательномъ разсмотрѣніи представленныхъ работъ, Коммиссія признала заслуживающимъ второй преміи, т. е. процентовъ съ 4000 рублей за время съ 1891 года по 1900 годъ, словарь, поступившій на конкурсъ отъ редакціи журнала „Кіевская Старина“ и состоящій изъ двухъ трудовъ, озаглавленныхъ:

„Словарь украинскаго языка, собранный редакціей журнала „Кіевская Старина“. Редактировалъ съ добавленіемъ собственныхъ матеріаловъ Б. Д. Гринченко“ и

„Матеріалы для словаря письменной и книжной южно-русской рѣчи XV — XVIII вв. Е. Тимченко“.

Объ этихъ работахъ представилъ академикъ А. А. Шахматовъ слѣдующій отзывъ.

Подъ этими заглавіями поступили въ Академію Наукъ на соисканіе преміи Н. И. Костомарова за лучшій малорусскій словарь два обширныхъ рукописныхъ труда, изъ которыхъ второй, словарь историческій, служитъ дополненіемъ къ первому—словарю живого языка.

---

[1]) Перепечат. изъ отдѣл. оттиска, издан. Импер. Акад. Наукъ; Спб., 1906 г.

Библиотека "Руниверс"

Первый трудъ заключается въ 23 переплетенныхъ тетрадяхъ и содержитъ до 20000 страницъ, писанныхъ четкимъ почеркомъ. На первыхъ 137 страницахъ I-й тетради помѣщены предисловіе, списки источниковъ и сокращеній. Послѣднія страницы (573—676) XXIII-й тетради заняты крестными именами. Всѣ остальныя страницы этого труда отведены самому словарю.

Второй трудъ представляетъ изъ себя два обширныхъ фоліанта; весь текстъ написанъ на пишущей машинѣ. Въ началѣ перваго тома имѣется небольшое предисловіе и списокъ сокращеній.

Какъ указано, оба труда должны составить двѣ части одного цѣлаго, хотя прямой, органической связи между ними нѣтъ: оба они настолько различны по задачамъ своимъ и по исполненію, что ихъ невозможно было бы слить въ одинъ полный словарь малорусскаго языка.

Перехожу къ разсмотрѣнію сначала Словаря украинскаго языка. Въ обстоятельномъ предисловіи, предпосланномъ Словарю, послѣ интереснаго обзора трудовъ по малорусской лексикологіи, изложена исторія появленія и обработки настоящаго труда. Работа надъ малорусскимъ словаремъ началась еще въ 1864 году и состояла сначала въ выборкѣ на карточки словъ съ примѣрами къ нимъ изъ этнографическихъ сборниковъ и сочиненій украинскихъ авторовъ (выборка происходила сначала подъ руководствомъ П. И. Житецкаго). Къ добытымъ такимъ образомъ матеріаламъ присоединялись слова, записанныя прямо изъ устъ народа и полученныя отъ сельскихъ учителей, священниковъ, землевладѣльцевъ и проч. „Особенно много и при томъ цѣннаго матеріала—читаемъ мы—было доставлено: извѣстнымъ этнографомъ Г. А. Залюбовскимъ, богатыя записи котораго выдѣляются своей обстоятельностью, М. Ѳ. Лободовскимъ и А. К. Павловымъ“. Въ концѣ семидесятыхъ годовъ кружокъ лицъ, интересовавшихся выпускомъ въ свѣтъ украинскаго словаря, рѣшилъ перебрать этотъ матеріалъ для того, чтобы составить словарь въ болѣе скромномъ видѣ. Черновую редакцію „украинскаго Рейфа“, какъ называли тогда свой словарь работавшія надъ нимъ лица, вели Ир. Ал. Житецкій, А. И. Лоначевскій-Петруняка, В. П. Науменко и А. А. Русовъ. Словарь былъ законченъ въ концѣ восьмидесятыхъ годовъ. В. П. Науменко принялъ на себя трудъ редактированія словаря въ чистомъ видѣ. При этомъ „опытъ нѣ-

Библиотека "Руниверс"

сколькихъ лѣтъ работы показалъ, что въ прежней системѣ редактированія оставить его нельзя, а необходимо придать словарю болѣе научную обоснованность, обставивши каждое слово примѣрами изъ авторитетнаго источника, для чего опять потребовалось обратиться къ словарнымъ карточкамъ. Первые опыты обработки нѣсколькихъ буквъ были представлены редакціи „Кіевской Старины", которой словарь теперь уже принадлежалъ на правѣ полной собственности, и которая систему обработки одобрила". Дальнѣйшую сводку матеріаловъ для первоначальной редакціи рѣшено было поручить Е. К. Тимченку, который и закончилъ эту работу, приведя весь словарь въ алфавитный порядокъ (въ тетрадяхъ). „Редакція журнала „Кіевская Старина" предполагала издать этотъ словарь въ видѣ приложенія къ журналу, о чемъ и было объявлено печатно, и въ 1897 г. при журналѣ разосланы были первые листы словаря на А—Б, кончая словомъ *борозка*, подъ редакціей В. П. Науменка. Но такъ какъ вскорѣ выяснилось, что словарь можетъ быть представленъ въ Академію Наукъ на соисканіе преміи Н. И. Костомарова, то печатаніе его пріостановилось". Въ началѣ 1902 года весь матеріалъ для окончательной обработки переданъ былъ редакціей „Кіевской Старины" Б. Д. Гринченку, при чемъ еще заранѣе было предрѣшено, чтобы матеріалъ стараго книжнаго языка былъ выдѣленъ въ особый алфавитъ и помѣщенъ въ видѣ приложенія къ словарю живого языка. „Въ виду краткости оставшагося до представленія въ Академію Наукъ времени эту часть труда пришлось выдѣлить для особаго лица и впослѣдствіи для этого приглашенъ былъ Е. К. Тимченко".

Въ распоряженіе Б. Д. Гринченка поступилъ довольно обширный матеріалъ, давшій до 49000 словъ, частью записанныхъ отъ народа, частью выписанныхъ изъ различныхъ книгъ, изданныхъ съ 1798 года (года появленія „Энеиды" Котляревскаго) по 1870 годъ, а также изъ нѣкоторыхъ позднѣйшихъ изданій. Не ограничиваясь этимъ матеріаломъ, который пришлось переработать въ отношеніи и къ правописанію, и къ простановкѣ ссылокъ, и къ выбору примѣровъ, Б. Д. Гринченко рѣшилъ дополнить его. Дополненія добыты двоякимъ путемъ. Во-первыхъ, разными лицами, между прочимъ и самимъ Гринченкомъ, были записаны отъ народа въ разныхъ уѣздахъ Южной Россіи слова на 10481 карточкѣ; кромѣ того извлечено не мало словъ изъ рукописей И. С. Левицкаго, Г. Я. Стрижевскаго и др., заключавшихъ въ себѣ лексическіе матеріалы. Во-вторыхъ, предпринята была

Библиотека "Руниверс"

выборка словъ изъ книгъ. При этомъ оказывается, что въ пользованіи печатными источниками Б. Д. Гринченко былъ связанъ опредѣленною программой, предложенною ему редакціей „Кіевской Старины".

„Редакціей „Кіевской Старины" поставлено было непремѣннымъ условіемъ, чтобы пользованіе печатными изданіями ограничено было выборкой матеріала лишь изъ слѣдующихъ книгъ: а) изъ всѣхъ собраній украинскихъ этнографическихъ матеріаловъ, когда бы то ни было изданныхъ, а также изъ тѣхъ земскихъ и другихъ изданій, въ которыхъ встрѣчаются матеріалы по народной терминологіи; б) изъ всего напечатаннаго на украинскомъ языкѣ съ Котляревскаго и по 1870 г. включительно; в) изъ работъ украинскихъ писателей XIX в., начавшихъ свою дѣятельность не позже 1870 года, хотя бы работы эти появились и позже означеннаго времени; г) изъ украинскихъ словарей; д) изъ сборниковъ словъ, записанныхъ отъ народа и опубликованныхъ въ печати.

„Не выходя изъ рамокъ этихъ ограниченій,—пишетъ Б. Д. Гринченко,—нами и госпожею М. Н. Гринченко произведена была выборка словъ съ примѣрами на карточки изъ книгъ какъ изданныхъ по 1870 годъ включительно, такъ и позднѣйшихъ и поименованныхъ въ помѣщаемомъ ниже спискѣ всѣхъ источниковъ для словаря". Эта выборка, съ присоединеніемъ къ ней карточекъ, выписанныхъ по отмѣткамъ, сдѣланнымъ Б. Д. Гринченкомъ, дала 54700 карточекъ.

Безъ выписки на карточки редакторъ пользовался словариками Верхратскаго (угорскимъ, лемковскимъ, „Знадобами", „Початками"), Манжуры (въ „Сказкахъ"), Рудченка (при „Чумацкихъ пѣсняхъ"), ботаническими Аннекова, Роговича и Волкова (въ I томѣ „Записокъ Юго-зап. Отдѣла Географическаго общества"), а также и болѣе обширными словарями языка. Этими словарями „мы старались пользоваться съ осторожностью,—говоритъ Б. Д. Гринченко,—несмотря на всю соблазнительность мысли легко пополнить свою работу множествомъ словъ путемъ простого переноса ихъ изъ одного словаря въ другой".

Остальная часть предисловія Б. Д. Гринченка излагаетъ рядъ замѣчаній относительно состава словаря, распредѣленія въ немъ матеріала и метода изложенія. Всѣ эти замѣчанія свидѣтельствуютъ о томъ, что въ лицѣ Б. Д. Гринченка малорусская лексикологія имѣетъ опытнаго и отлично подготовленнаго работ-

Библиотека "Руниверс"

ника. Впрочемъ, о томъ же еще съ большей доказательной силой говоритъ каждая страница самого словаря.

Тѣмъ тяжелѣе рецензенту отмѣтить рядъ существенныхъ недостатковъ въ Словарѣ украинскаго языка, недостатковъ, которые не трудно было бы устранить тѣми выдающимися учеными, которые работали надъ нимъ, интересовались его судьбою, содѣйствовали его появленію.

Главнымъ недостаткомъ Словаря, не дающимъ ему права на признаніе его словаремъ малорусскаго языка, оказывается исключеніе изъ его состава народнаго языка значительной части малорусскаго племени. Словарь украинскаго языка подъ названіемъ „украинскій языкъ“ разумѣетъ, очевидно, не весь языкъ малорусскій, а только ту часть его, которая употребляется въ Южной Россіи, Галиціи и Буковинѣ. Малорусскіе же говоры южныхъ уѣздовъ Минской и Гродненской губерніи, говоры Сѣдлецкой и Люблинской губерніи оставлены почему-то въ сторонѣ. Эти говоры въ значительной части принадлежатъ къ сѣверно-малорусскому нарѣчію, между тѣмъ какъ украинскіе и галицкіе говоры относятся къ южно-малорусскому нарѣчію. Отсюда заключаемъ, что Словарь, собранный редакціей „Кіевской Старины“, исключилъ изъ своего состава сѣверно-малорусское нарѣчіе. Возникаетъ вопросъ, сдѣлано ли это умышленно, или сѣверно-малорусскіе говоры не представлены въ Словарѣ по какимъ-нибудь случайнымъ причинамъ. Предисловіе Б. Д. Гринченка не даетъ отвѣта на этотъ вопросъ. Но просмотръ источниковъ, которыми пользовался Словарь, убѣждаетъ въ томъ, что отсутствіе въ немъ сѣверно-малорусскаго матеріала не случайное. Такъ среди источниковъ нѣтъ этнографическаго сборника „Пинчуки“ Д. Г. Булгаковскаго (Спб. 1890); нѣтъ „Сборника памятниковъ народнаго творчества въ сѣверо-западномъ краѣ“ (Вильна 1866), большая часть котораго занята малорусскими пѣснями, записанными въ Гродненской губерніи; нѣтъ въ указателѣ упоминанія о трудѣ Бобровскаго о Гродненской губерніи (въ Матеріалахъ для географіи и статистики Россіи, Спб., 1863), гдѣ приведено нѣсколько малорусскихъ пѣсенъ; нѣтъ въ указателѣ и труда Zieńkiewicza, Piosenki gminne ludu pińskiego; нѣтъ также ссылокъ на „Замѣтки о малорусскомъ нарѣчіи“ А. Потебни (Воронежъ, 1871), гдѣ приведено изъ различныхъ изданій нѣсколько образцовъ сѣверныхъ малорусскихъ говоровъ; нѣтъ въ Словарѣ ссылокъ на „Очеркъ звуковой исторіи малорусскаго нарѣчія“ П. Житецкаго (Кіевъ 1876), въ приложеніяхъ къ которому помѣщены

Библиотека "Руниверс"

пѣсни „Сѣдлецкихъ разнорѣчій“ уѣздовъ Бѣльскаго, Константиновскаго и Радинскаго; не упоминается трудъ Н. Янчука „Малорусская свадьба въ Корницкомъ приходѣ Константиновскаго уѣзда Сѣдлецкой губерніи“; сборникъ П. В. Бессарабы „Матеріалы для этнографіи Сѣдлецкой губерніи“ (Спб. 1903) также не использованъ въ Словарѣ.—Конечно, опущеніе всѣхъ этихъ источниковъ не можетъ быть случайнымъ. Но мы имѣемъ основаніе утверждать, что Б. Д. Гринченко, или предшествующіе редакторы Словаря умышленно оставляли въ сторонѣ сѣверномалорусскій матеріалъ даже тѣхъ этнографическихъ сборниковъ, которые были использованы ими для извлеченія изъ нихъ матеріала южно-малорусскаго. Такъ въ VII томѣ (вып. 2-й) „Трудовъ этногр.-статист. эксп. въ западно-русскій край“ приведены списки малорусскихъ словъ изъ разныхъ губерній, явившіеся въ результатѣ разсылки „Программы для указанія особенностей мѣстныхъ народныхъ говоровъ въ Южной Россіи“. Списокъ словъ, записанныхъ въ Липецкой слободѣ Харьковской губерніи (№ 38), вошелъ цѣликомъ въ Словарь; между тѣмъ словъ, сообщенныхъ изъ села Полоски Бѣльскаго уѣзда Гродненской губерніи (№ 20) и изъ села Озяты Кобринскаго уѣзда той же губерніи (№ 17), не находимъ въ Словарѣ [1]). Отмѣтимъ, наконецъ, что въ спискѣ сокращеній не находимъ ни одного названія уѣздовъ Гродненской, Сѣдлецкой и Минской губерній.

Исключеніе изъ Словаря сѣверно-малорусскаго матеріала тѣмъ непонятнѣе, что въ него вошли угрорусскія слова. Угрорусскіе говоры также не принадлежатъ къ южно-малорусскому (украинскому) нарѣчію, а многія особенности роднятъ ихъ тѣснѣйшимъ образомъ съ сѣверно-малорусскими. Правда, угрорусскимъ говорамъ Словарь удѣлилъ лишь незначительное вниманіе: для нихъ использованъ, напримѣръ, „Словарець“, приложенный ко II ч. изслѣдованія Верхратскаго „Знадоби для пізнання угорско-руских говорів“ (отд. отт., Львовъ 1901) [2]), но тексты, пред-

---

[1]) Напр. *кухорь* — сундукъ, *пащекъ* — ротъ, *густъ* — вкусъ; *ничогый* — нехорошій, *вертёга* — макітра, *ремжуть* — шепчутъ, *курувать* — лѣчить. Странно, что *страмина*—передвижная лѣстница сопровождается въ Словарѣ ссылкой на Чуб. VII, 551, т. е. на тотъ списокъ словъ Кобринскаго уѣзда, который остался вообще не использованнымъ.

[2]) Словарець Верхратскаго использованъ не больше какъ на одну третью часть. Такъ на буквы са—сн не взяты въ Словарь: салак, свербогуз, свіба, свора, сворець, сьвятоянка, сыровастый, сичак, сьімячко, сьірак, скады, скальняк, скапчати, скарупа, скарупліна, скернякатися, сквершок, склубитися, сколомут, слыхы [виски], славік, славчик, слук, слезь, сновальніцы и нѣк. др.

Библиотека "Руниверс"

шествующіе словарику, оставлены въ сторонѣ. Оставлены также въ сторонѣ Словарець къ I ч. этого изслѣдованія (Зап. Н. тов. ім. Ш., т. XXX) и Словарчикъ, приложенный къ изслѣдованію Верхратскаго „Проговор долівский“ (Зап., т. XXXV и XXXVI). Угрорусскія народныя пѣсни, собранныя Де-Волланномъ (Спб 1885), и приложенный къ нимъ словарикъ не упомянуты въ спискѣ источниковъ и не встрѣчаются въ ссылкахъ. Угрорусскій словарёкъ, составленный Семеновичемъ (Сборникъ статей по славяновѣдѣнію, сост. и изд. учениками В. И. Ламанскаго, Спб. 1883, стр. 221—238), остался составителямъ Словаря неизвѣстнымъ. „Етнографічні матеріали з Угорської Руси“, собранные В. Гнатюкомъ (тт. III, IV, IX и сл. Етнографічного Збірника), остались не использованными, и т. д. Но тѣмъ не менѣе слова, употребляющіяся въ Угорщинѣ, и при томъ даже такія, которыя неизвѣстны въ другихъ частяхъ малорусской территоріи, вошли въ Словарь широкою струей.

Впрочемъ, далеко не весь сѣверно-малорусскій лексическій матеріалъ подвергся исключенію. Мы находимъ въ Словарѣ ссылки на тексты, записанные въ тѣхъ частяхъ Черниговской и Волынской губерній, также Радомысльскаго уѣзда, которыя принадлежатъ къ области сѣверномалорусскаго нарѣчія, а также на тексты, записанные въ губерніяхъ Гродненской и Сѣдлецкой. Такъ при словѣ *зикати* приведенъ примѣръ: дядько не схотів (чит. схтів)— ще став зикати на його, со сылкой Чуб. II, 8; текстъ, напечатанный въ „Трудахъ и т. д.“ II, 7—11, записанъ въ Дрогичинѣ Кобринскаго уѣзда Гродненской губерніи. При словѣ чвертка примѣръ со ссылкой на Чуб. II, 50; текстъ записанъ въ Брестъ-Литовскомъ уѣздѣ. При словѣ варта примѣръ со ссылкой на Чуб. II, 77; текстъ записанъ въ Бѣльскомъ уѣздѣ Сѣдлецкой губерніи. При словѣ кулибка примѣръ заимствованъ изъ текста, записаннаго въ Радомысльскомъ уѣздѣ (Чуб. II, 446), но Словарь почему то сглаживаетъ сѣверно-малорусскія особенности: вмѣсто „скажитъ, синки, своимъ жуынкамъ“ — „скажить, синки, своїм жінкам“. Подъ сл. судосити примѣръ изъ пѣсни, записанной въ Пинскомъ уѣздѣ (Чуб. III, 367).

Чѣмъ же объяснить исключеніе изъ Словаря сѣверно-малорусскихъ этнографическихъ сборниковъ? Мы остаемся при убѣжденіи, что исключеніе сдѣлано умышленно. Но для какой цѣли, по какимъ соображеніямъ это сдѣлано, неясно. Исключить изъ малорусскаго словаря сѣверно-малорусскіе говоры такъ же неправильно, какъ неправильно было бы исключить изъ словаря

Библиотека "Руниверс"

великорусскаго языка сѣверно-великорусскіе или южно-великорусскіе говоры. Мы не думаемъ, чтобы, составители Словаря украинскаго языка задались цѣлью дать словарь малорусскаго литературнаго языка, не думаемъ этого уже по тому видному мѣсту, которое занимаютъ въ этомъ трудѣ слова, извлеченныя изъ устъ народныхъ. Но недоумѣваемъ, почему не все народное малорусское нашло мѣсто въ этомъ почтенномъ и великомъ предпріятіи. Недоумѣваемъ также, почему попавшія въ Словарь выписки изъ текстовъ, записанныхъ въ области сѣверно-малорусской, исправлены согласно южно-малорусской фонетикѣ, тѣмъ болѣе, что это рѣшительно противорѣчитъ выставленному въ предисловіи къ Словарю положенію (с. 80—81): „что же касается *примѣровъ* изъ народной рѣчи, то они давались всегда въ той формѣ, въ какой были записаны". Примѣры противополагаются словамъ, которыя послѣдовательно приводятся въ той фонетической формѣ, въ которой они извѣстны въ „собственно-украинскомъ" нарѣчіи. Такой пріемъ нельзя не признать правильнымъ, и включеніе словъ сѣверномалорусскихъ нисколько не должно было бы его измѣнить.

Быть можетъ, составители Словаря боялись вторженія въ Словарь бѣлоруссизмовъ при широкомъ пользованіи сѣверномалорусскимъ лексическимъ матеріаломъ. Но въ указанныхъ выше мѣстностяхъ встрѣчаются чисто малорусскіе говоры, свободные отъ бѣлорусскаго вліянія. Это во-первыхъ. Во-вторыхъ, Словарь долженъ прежде всего считаться съ дѣйствительными фактами и не можетъ вычеркивать изъ малорусской семьи тѣ или другіе говоры за то, что они подверглись вліянію сосѣднихъ говоровъ, будь то бѣлорусскихъ или великорусскихъ. До сихъ поръ изслѣдователи малорусскаго языка и фольклора не пренебрегали малоруссами, пограничными съ бѣлоруссами. Самъ Б. Д. Гринченко въ своемъ библіографическомъ трудѣ „Литература Украинскаго фольклора" (Черниговъ 1901) тщательно отмѣчаетъ всѣ работы, касающіяся сѣверно-малорусскихъ областей: ср. подъ № 499 „Вержбицкій Ф. Народныя пословицы и поговорки Пружанскаго у.", подъ № 1251 „Свадебныя пѣсни Кобринскаго у.", подъ № 951 „Янчукъ, Малорусская свадьба въ Корницкомъ приходѣ, константиновскаго уѣзда, сѣдлецкой губерніи", подъ № 868 П. Батюшковъ, „Памятники русской старины въ западныхъ губерніяхъ. Выпускъ седьмой. Холмская Русь", и т. д. Наконецъ, отмѣтимъ еще разъ, что раздробить малорусскую семью, выдѣливъ изъ нея сѣверныхъ малороссовъ, совершенно невозможно безъ ущерба

Библиотека "Руниверс"

для самихъ украинцевъ. Сѣверные малороссы сидятъ даже въ Кіевской губерніи. Между сѣверными малороссами и собственно украинскими говорами лежитъ широкая полоса переходныхъ говоровъ, тянущаяся по всей южной границѣ сѣверно-малорусской территоріи и обнимающая рядъ уѣздовъ Волынской, Черниговской и Полтавской губерній. Представляется иной разъ спорнымъ, куда отнести тотъ или другой изъ этихъ переходныхъ говоровъ, къ сѣверно-малорусской или южно-малорусской семьѣ.

Такимъ образомъ мы отмѣтили въ Словарѣ, собранномъ редакціей „Кіевской Старины", съ одной стороны, опущеніе сѣверно-малорусскаго лексическаго матеріала, лишь случайно проникшаго изъ подвергшихся сплошной выборкѣ этнографическихъ сборниковъ, съ другой стороны, весьма недостаточныя данныя изъ области угрорусскихъ говоровъ. Словарь украинскаго языка очевидно, сосредоточилъ все свое вниманіе на области галицко-украинскихъ говоровъ. Обращаемся къ вопросу, насколько полно представлены литературный языкъ Украйны и народные говоры Украйны и Галиціи въ кіевскомъ Словарѣ.

Какъ мы видѣли, источниками для Словаря послужили: во-первыхъ, языкъ народный, насколько онъ отразился въ печатныхъ и рукописныхъ записяхъ; во-вторыхъ, языкъ литературный, извлеченный изъ сочиненій писателей старшаго поколѣнія; въ-третьихъ, предшествовавшіе словари, откуда заимствовались и книжныя и народныя слова.

Живой языкъ малорусскаго народа представленъ въ Словарѣ въ значительной полнотѣ. Этому способствовали между прочимъ сообщенія, сдѣланныя въ разное время многочисленными наблюдателями, записывавшими слова непосредственно изъ устъ народа. Такія сообщенія были сдѣланы еще въ шестидесятыхъ и семидесятыхъ годахъ изъ Харьковской, Черниговской, Кіевской, Екатеринославской, Подольской, Волынской, Полтавской, Херсонской губерній и изъ областей Терской и Войска Донского. Въ послѣднее же время Словарь обогатился сообщеніями изъ Черниговской, Полтавской, Кіевской, Екатеринославской, Таврической, Херсонской, Харьковской, Бессарабской губерній. Въ этихъ двухъ перечняхъ губерній останавливаетъ на себѣ вниманіе отсутствіе сообщеній изъ Галиціи: только отъ В. Дорошенка получены слова изъ Гуцульщины. Правда, тѣ или другія причины могли помѣшать редакціи „Кіевской Старины" организовать наблюденія надъ живымъ говоромъ во всей области, занятой украинскимъ племенемъ, но такъ или иначе, при добрыхъ отношеніяхъ

Библиотека "Руниверс"

существующихъ между Кіевомъ и Львовомъ, можно было бы найти корреспондентовъ и въ Галиціи и въ Буковинѣ. Словарь искусственно суживаетъ свою задачу территоріей, входящей въ составъ Россійской имперіи: но и здѣсь не было, повидимому, приложено достаточно стараній для пріобрѣтенія болѣе или менѣе значительнаго числа корреспондентовъ: Курская и Воронежская губерніи остались совсѣмъ не представленными въ поступившихъ въ редакцію Словаря сообщеніяхъ; повидимому, очень немного сообщеній изъ Подольской губерніи. Впрочемъ, и другія губерніи представлены неполно, что видно изъ приведенныхъ въ предисловіи къ Словарю и въ спискѣ сокращеній названій уѣздовъ.

Слова народнаго языка извлечены еще изъ рукописныхъ и печатныхъ сборниковъ словъ, записанныхъ отъ народа. Изъ рукописныхъ сборниковъ указаны матеріалы, собранные Г. Н. Стрижевскимъ и И. С. Левицкимъ. Нельзя не упрекнуть редакцію Словаря за то, что она не воспользовалась рукописными матеріалами по малорусскому языку и народной словесности, принадлежащими Академіи Наукъ. Объ этихъ матеріалахъ редакторъ Словаря могъ знать по тщательному описанію ихъ, сдѣланному Вс. И. Срезневскимъ въ „Свѣдѣніяхъ о рукописяхъ, поступившихъ въ Рук. отд. Библіотеки Академіи Наукъ въ 1900 и 1901 годахъ“ (Изв. Имп. А. Н., т. XVI, № 2, февраль 1902 г.). Кромѣ того, насколько мнѣ извѣстно, о существованіи этихъ матеріаловъ былъ въ свое время освѣдомленъ В. П. Науменко, редакторъ „Кіевской Старины“. Позволю себѣ указать на цѣнность тѣхъ дополненій, которыя могли бы быть извлечены составителями Словаря изъ рукописей Академіи, относящихся къ сороковымъ и пятидесятымъ годамъ прошлаго столѣтія. Такъ въ маленькомъ словарикѣ, составленномъ въ Переяславѣ Сп. Пололгуевымъ, находимъ слѣдующія слова, не вошедшія въ Словарь украинскаго языка: *блукать*—переходить съ одного мѣста на другое, являться и опять исчезать (прим.: мнѣ хмарамы молодыкъ блукавъ), въ Словарѣ только блукатися; *гатывныця*—пушка (прим.: якъ ударыть Максимъ Гетьманъ съ тый гатывницы—посыпались Гайдамаки, якъ лыстя зъ кислыцы, изъ пѣсни). Въ перечнѣ словъ Як. Михайловскаго (Полт. и Харьк. губ.): *досебъ*—до сихъ поръ бы; *могота*—сила, въ моготу въ силу, *охопытця*—очнуться; *поваждаты*—баловать, потворствовать; *сажокъ*—мѣсто въ избѣ, отгороженное для гусей и куръ; *схопынутця*—очнуться; *цвиринкаты*—щебетать (говоря о воробьяхъ). Въ записяхъ Ст. Краснобаштова изъ Богучарскаго уѣзда

Библиотека "Руниверс"

Ворон. губерніи: *байгушъ*—бѣднякъ и лѣнтяй, бобыль, банкрутъ, *байгушить*—проводить время въ праздности, *байгуши*—время, проводимое въ праздности (выгнать изъ кого байгуши); *бербега*—неповоротливый, массивный; *бутуръ*—безпорядокъ, лежащія въ безпорядкѣ вещи; *варунокъ*—изъянъ, поврежденіе (въ Словарѣ: боль живота, вѣтры); *выбехаться*—вырости, быть большого роста; *колюка* (колюка твои матери)—бранное слово; *кортать*—бранить, пожурить; *мистный*—крѣпкій, прочный (о тканяхъ); *остербиться*—собраться съ силою, укрѣпиться; *очмилить*—сильно ушибиться, отуманѣть; *очмылыть*—сильно ударить; *перехамарчить*—растратить, перевесть какъ нибудь; *слюдьба*—слой, *стребельковатый*—высокій на ногахъ, стромкій; *суторма*—смятеніе; *фуга* (г выговаривается какъ g)—метель. Въ записяхъ М. Шушко изъ Павлоградскаго уѣзда: *вакула*—дуракъ, неуклюжій, неповоротливый; *латрыга* (чит. лотрыга)—мотъ, мошенникъ. Въ записяхъ Грахова изъ Екатеринославской губерніи: *брунька*—балалайка (въ Словарѣ два другихъ значенія этого слова); *трухти*—ѣхать рысцой. Въ спискѣ словъ Зеньковскаго уѣзда, составленномъ Н. Булгаковымъ: *пиндриться*—гордиться; *дабсле* (?)—подушное, подать. Среди словъ, записанныхъ Олеховскимъ въ Кобеляцкомъ уѣздѣ: *ильтыця*—сыворотка, остающаяся отъ сыра, приготовляемаго изъ свѣжаго овечьяго молока (въ Словарѣ ільтиця въ трехъ другихъ значеніяхъ); *нечля*—неприлично (що нечля, той не годыця), ср., впрочемъ, въ Словарѣ подъ чля. Въ сообщеніи изъ Конотопскаго уѣзда, сдѣланномъ Гр. Морозовскимъ: *брынзя*—обмочившій или обмочившая подолъ платья; *бодуражиться*—сердиться, гнѣваться; *врещать* — извергать ртомъ пищу при тошнотѣ; *щавчить* и *щавить*—раздавливать. Въ отрывкѣ малорусскаго словаря (на буквы А—Б), составленомъ въ 1856 году: *аженды*—вотъ тамъ (со ссылкой на Полт. губ., *арванъ* и *айранъ*—кислое козье молоко (въ Словарѣ только ар'ян); *арчакъ*—сѣдло (а питники зъ-пидъ арчака якъ випадуть), въ Словарѣ арчик; *арха*—грохотъ, сѣялка, на которой очищаютъ хлѣбныя зерна; *багачъ* въ значеніи багаття, огонь, пламя, жаръ; *башмакъ*, и производныя; башмачокъ, башмачище; *бевтвасъ*—болванъ, дурень; *безбашъ*—безтолочь (яка бе́збашъ); *безпузый*, уменьш. *безпузенькій*, *безчервый*, уменьш. *безчервенькій* (прим. за пролисомъ безчерва сучка бреше)—безбрюхій (въ Слов. безчеревий); *бербехнути* — упасть, шлепнуться; *берберя*—неуклюжій, некрасивый, *бельтюкъ* и *бельтюки*—зенки, буркалы, и др. Въ словарикѣ Гринченкова Новоградволынскаго уѣзда: *гнытъ*—сапожниче-

Библиотека "Руниверс"

скій ножъ; *дуфать*—уповать; *кочкоданъ*—чертенокъ; *лицы*—возжи; *мантій*—плутоватый, проситель, *спрыщить*—сготовить, сварить на кухнѣ; *шальвировать*—плутовать, Особенно обширенъ словарь, составленный въ 1849 г. Евстафьевымъ (Полт. губ.). Изъ словъ на букву К въ Словарѣ укр. языка недостаютъ противъ Евстафьева: *кабачковый*—изъ тыквенныхъ сѣмянъ сдѣланный (кабачкòва олія); *кабачокъ*—ум. отъ кабакъ; *каблучечка*—ум. отъ каблучка; *каламарецъ*=каламарчыкъ; *канапъ*=канапа; *канапына*—унич. отъ канапъ; *канзюбка*—ум. отъ канзюба; *капши*—вши, гниды и пр., заводящіяся отъ нечистоты (въ Слов. кàпші безъ значенія); *капшучына*—унич. отъ капщукъ; *карапузча*—малорослое, но толстобрюхое дитя; *карапщукъ*—имя, даваемое очень малорослому, молодому человѣку; *касюменъ*—„ругательное, очень злому и вредному человѣку даемое“; *кібкать*—произносить часто слово кібъ, подражая птицѣ кòбцу; *клаптычокъ*—лоскутикъ чего; *клішонижко*—кто имѣетъ кривыя ноги; *кнышівникъ*—кто любитъ ѣсть кныши; *кнурына*—мясо или сало кнура (некладенаго кабана); *кнурячына* — то же, что кнурына; *кожурыньячка*—ум. отъ кожурынья; *комызяка*—увел. отъ комызà; *комызенний*—капризный; *коповычокъ*—ум. отъ коповик; *коповый* — полтинный, полтину стоющій; *копышакъ*—монета 15 копѣекъ серебромъ; *корчакуватый*—неровный, кривой, суковатый (о деревѣ), *косячокъ*—родъ полки для посуды и др. домашнихъ вещей; *кошлатенькій*—ум. отъ кошлатый; *кошуристый*—заросшій кушуромъ (=Слов. кушур и кушырь); *крадюковатый*—вороватый; *краплына*—капелька (=Слов. крапелина); *крейдянникъ*—горшокъ, въ которомъ растворяется мѣлъ для побѣлки хаты; *крывондя, крывондяка*—имя, даемое хромому; *кудовчыться*—толочься на чемъ-нибудь; *кукульванытъ*—травить рыбу кукульваномъ; *кучугуристый*—покрытый многими мелкими холмами; *кидькома*—посредствомъ киданія; и нѣк. др.

Весьма важный матеріалъ представляетъ Отрывокъ Малорусскаго словаря Афанасьева-Чужбинскаго: это автографъ, обнимающій на 70 лл. слова на буквы К—Н (Комàрь—Нять). Онъ служитъ продолженіемъ къ напечатанной части словаря Афанасьева (буквы А—З) и долженъ былъ бы представить особенный интересъ для Словаря, собраннаго редакціей „Кіевской Старины“, отнесшагося къ труду Афанасьева съ особеннымъ довѣріемъ. „Съ охотой брали мы слова у Афанасьева-Чужбинскаго“—пишетъ Б. Д. Гринченко (с. 75 придисловія). „За исключеніемъ небольшого количества старыхъ словъ, всѣ слова взяты (Афанасьевымъ-Чужбинскимъ) изъ живого народнаго языка и

Библиотека "Руниверс"

объясненія ихъ на русскомъ языкѣ въ общемъ вѣрны" (тамъ же, с. 25). Отмѣтимъ слова на букву Л, которыя имѣются у Афанасьева и не найдены нами въ кіевскомъ Словарѣ: *лавошникъ, лавошный, лавра*; *лагуницѣ* и *лагуницъ*—увелич. и уменьш. отъ лагунъ; *лазій*—брань или насмѣшливое названіе тому, кто лазитъ; *ландать*—бить баклуши; *ластовеня*—дѣтеныш ласточки: *лёдивня*—ледникъ (Слов. льодовня); *лёдуватый*; ледовитый; *лежебикъ, лежебока*; *лежнюга, лежнюка*; *лемеснути*—ударить съ звукомъ; *леп*: 1) склеившіеся вмѣстѣ волоса; 2) загаженное какой-нибудь густой нечистотой бѣлье, 3) болѣзнь скота (сыпь особаго рода), 4) выпачканный хвостъ у животнаго (Надъ вертепомъ Свиня зъ лепомъ Тютюнъ продавала, пародія). Въ Словарѣ *леп* съ однимъ значеніемъ: нечистота на тѣлѣ, потная грязь): *либа, либки*—тростинка, на которой кругомъ посрединѣ сдѣланы продольные разрѣзы, а потомъ расперты небольшими распорочками; когда вишни или сливы растутъ такъ высоко, что ихъ нельзя достать рукою, то берутъ „либку", накладываютъ какимъ-нибудь отверстіемъ на плодъ, тянутъ къ себѣ и срываютъ; *либити*—срывать вишни и сливы описаннымъ способомъ (въ Словарѣ съ знакомъ ? брать, собирать); *ливерь* (Черниг. губ. лінверъ)—ливеръ; *линючій* (въ Слов. линющий), *липти*—липнуть; *лопотыти*—стучать чѣмъ-нибудь, *лудити*—бить (въ Слов. лудити съ другимъ значеніемъ); *лукавнуватый*—склонный къ лукавству; и др. (особенно много производныхъ).

Наконецъ, въ Академіи Наукъ имѣется рукописный словарь Я. Ѳ. Головацкаго, поступившій въ библіотеку въ 1859 году. Этотъ словарь содержитъ дополненія къ словарю Афанасьева-Чужбинскаго на буквы В (Вговорити)—З (Зятцѣйко). Дополненія на первыя двѣ буквы, доставленныя Головацкимъ въ 1857 году, въ библіотекѣ Академіи не найдены. Отмѣчу слова на букву Ж, приведенныя въ дополненіяхъ Головацкаго и не найденныя мною въ кіевскомъ Словарѣ: *жабя, жабятко*—дѣтеныш жабы, *жавра* и *жарва*—то же, что джавра, собака; *жага*—изжога (въ Слов. *жага*: жажда, горячее желаніе), *жагавка*—родъ крапивы; *жагати*—то же, что жигати; *жагрити*—то же, что жарити; *жадно*—жадно, недостаточно (у насъ сéго рóку жаднó хлѣба); *жадьти*—сильно желать, терпѣть недостатокъ; *жалба, жальба*—жалоба; *жалостность*—жалость; *жарливый*—ревностный (въ Слов. жарливий: жгучій, жалящій); *жарлокъ*—прожора; *жарлочный*—прожорливый: *жартків*—быстрый, прыткій; *жартобливый*—то же, что жартовливий; *жахлый*—сущій, коренной; *жвавець*—хватъ,

Библиотека "Руниверс"

удалецъ; *жвяктати* и *жвяхтати*—то же, что жвакàти (жевать); *жебрачина*—нищенство, нищіе люди; *жебро*—ребро; *жебрущій*—нищенствующій, *жегавка*—родъ крапивы; *жегло*—жало; *жегнати* креститься, благословить (въ Слов. прощаться съ кѣмъ); *жели*—ежели, если; *желѣдь*—пеня, напасть; *жемоидь*—алчный, ненасытимый; *женитоньки ся*—ум. отъ женитися (не буду ся женитоньки, пѣсня); *женчій*—жнецу принадлежащій; *женьщина* (со ссылкой на три повѣта)—женщина; *жереловий, жерельный*—ключевой; *жеремя*—гнѣздо бобровое или гнѣздо выдры; *жерь*, род. жри—ржа; *живанъ*—воръ, мошенникъ; *живный* четверъ—страстной четвергъ; *животатый*—толстобрюхій; *животовый*—брюшной; *жигавица*—родъ крапивы; *жигкій*—горящій: *жидло*—сожитіе, супружеская жизнь; *жидовеня*—жиденокъ; *жиластый*—жилистый; *жилатка*—родъ грибовъ, cantharellus cibarius; *жилкій*—жилистый, тугой, упругій; *жилувати*—выкраивать, выбрасывать жилы; *жилавый*—сильный, дюжій; *жироватый*—разукрашенный проволокой изъ желтой мѣди въ видѣ полукруговъ, крестиковъ и пр.; *жировиско, жировище*—кормовище, мѣсто, гдѣ дикіе звѣри или птицы находятъ изобильный кормъ: *жичкованый*—вышитый волнянымп крашенными снурками; *жлуди*—краткіе волосы, пристриженные на скраніяхъ у дѣвушекъ; *жмякати*—жать, мять, стирать бѣлье; *жняга*—малодушный, боязливый человѣкъ; *жовнырка*—солдатская служба, солдатская жизнь; *жовтвиля*—желтая краска, коей красятъ яйца къ свѣтлому воскресенію; *жовтко*—желтокъ въ яйцѣ; *жовтобрунька*—подорожникъ и желтобрюшка; *жовтовласъ*—„русявый“, бѣлокурый; *жовторогій*—имѣющій желтые рога; *жовть*—то же, что жовчь; *жолва*—черепаха, желвь; *жолудный*—жолудовый; *жолудокъ*—желудокъ; *жонатий*—женатый; *жрьдло*—ключъ, родникъ; *жубр*—дикій быкъ (ср. въ Слов. жубровий—зубровый); *жужелистый, жужеловатый*—„окалистый“; *жуковина*—большой перстень, носимый деревенскими дѣвушками на шеѣ въ монистѣ; *журавій*—журавлиный; *журилиця*—то же, что жужелица, желѣзина, желѣзныя окалины; *журя*—то же, что жура, горе, тоска; *жучокъ*—въ значеніи букета, „припинаемаго на сватьбѣ дружбѣ и другимъ гостямъ“, и мн. др. Замѣтимъ, что значительная часть словъ, записанныхъ Головацкимъ, снабжена ссылками на уѣзды или округи, какъ-то на: Самборскій, Золочевскій, Стрыйскій, Перемышльскій, Жолковскій, Тарновскій, Коломыйскій, Сяночскій, а также на говоры гуцульскій и угрорусскіе. Правда, кіевскій Словарь игнорируетъ административныя дѣленія Галиціи и ограничивается ссыл-

Библиотека "Руниверс"

кой Галиц„ но Галиція все таки не исключена изъ малорусскаго Словаря, составленнаго редакціей „Кіевской Старины“, и мы въ правѣ желать найти въ немъ большую часть приведенныхъ выше словъ. Отсутствіе ихъ въ Словарѣ не служитъ ли указаніемъ на то, что Галиція съ ея народными говорами и съ ея литературой недостаточно изучены составителями Словаря, остановившими свое вниманіе на родной Украйнѣ въ ущербъ другимъ частямъ малорусской территоріи? Мы видѣли выше пренебреженіе Словари къ сѣверномалорусскимъ говорамъ; указывали на скудныя данныя по угрорусскимъ; намъ приходится здѣсь, придется еще и ниже засвидѣтельствовать, что и Галиція не признана полноправной представительницей малорусской рѣчи.

Незнакомство съ рукописными матеріалами Академіи Наукъ, на которыхъ мы такъ долго остановились, не можетъ быть, конечно, поставлено въ прямую вину редактору кіевскаго Словаря. И конечно, значеніе этихъ матеріаловъ представляется не столь важнымъ, если мы примемъ во вниманіе, что редактору Словаря пришлось сдѣлать выборку словъ изъ *всѣхъ* собраній украинскихъ этнографическихъ матеріаловъ, когда бы то ни было изданныхъ. Таково по крайней мѣрѣ было требованіе, обращенное къ редактору со стороны редакціи „Кіевской Старины“. Правда, не вполнѣ ясно, надо ли разумѣть слово *всѣхъ* въ буквальномъ смыслѣ или *всѣхъ* равнозначаще слову „всякихъ“, при чемъ имѣлось въ виду не исключать изъ числа этнографическихъ матеріаловъ такіе, которые изданы были напр. въ послѣднее время, подобно тому какъ, напротивъ, изъ числа писателей исключены писатели младшаго поколѣнія. Во всякомъ случаѣ имя Б. Д. Гринченка какъ будто должно бы служить порукой, что именно съ этой стороны въ Словарѣ будетъ извѣстная полнота. И дѣйствительно, указанные въ спискѣ источниковъ этнографическіе труды исчерпаны довольно основательно. Мы можемъ указать на нѣкоторые пропуски, напр. на слова, случайно не выписанныя изъ пословицъ и поговорокъ Номиса [1]), изъ „Малорусскихъ напр. преданій и разсказовъ“, собранныхъ Драгомановымъ [2]), изъ ма-

1) Напр. *ряжок:* дитина як ряжок (здоровеньке) № 8575, *пицятко*: розмова, як пня з пицятком № 12955; *дрида*: наклали діда дриду № 13083; *тпрутяти* я тобі казав не тпрутяй въ казан, а ти не послухав та й повен набухав № 13540; *тугук*: отже тугук та й годі № 13500.

2) Напр. *зааркапити*: коня зааркане 213; *затаганувати*: ну, давай, кажутъ, тут затагануєм 213; *довгомима*: стали в довгомиму уберать, як зняли сорочку, вона і ожила 305; *удерити*: вдерил три раза в ню 321; *байвол:* хіба байволи пасти 323; *цимпліна*: и дає му цимпліну до битя до правои руки 310; и др.

Библиотека "Руниверс"

теріаловъ и изслѣдованій Чубинскаго [1]), изъ сказокъ, записанныхъ Манжурою [2]), и др. Не рѣшаемся, однако, упрекать почтенныхъ составителей Словаря за такіе неизбѣжные недосмотры. Вниманіе наше останавливается на другомъ обстоятельствѣ: оказывается, далеко не *есь* собранія украинскихъ этнографическихъ матеріаловъ использованы для словаря. Это видно изъ просмотра списка источниковъ Словаря. Сравнивая этотъ списокъ хотя бы съ составленнымъ Б Д. Гринченкомъ указателемъ книгамъ и періодическимъ изданіямъ, въ которыхъ напечатаны малорусскія народныя пѣсни (Этногр. матеріалы, т. III, с. 697 и сл.), а также съ данными, проведенными въ „Литературѣ укр. фольклора“ того же автора, видимъ, что Словарь воспользовался едва ли третьею частью всего доступнаго этнографическаго матеріала. Такъ мы ожидали бы встрѣтить въ перечнѣ источниковъ: Афанасьева, Народныя русскія сказки (есть и малорусскія); Безсонова, Калики перехожіе; Бецкаго, Молодикъ на 1843 г.; Бигдая, Матеріалы къ изученію Кубанскаго казачьяго войска; Минха, Народные обычаи, суевѣрія, предразсудки и обряды крестьянъ Сарат. губ.; Рубца, Сборникъ народныхъ укр. пѣсенъ; Омельченка, Малор. пѣсни, собранныя въ окрестностяхъ г. Павловска по Острогожск. и Павловск. уу.; Ластивку, письмо для молодежи (Львивъ 1877); Коцпинскаго, Писни, думкы и шумкы руського народа на Подолп, Украйни и въ Малороссійи (1885); Эварницкаго, По слѣдамъ запорожцевъ (на стр. 88—159 сказки) [3]; Ястребова, Матеріалы по этнографіи Новороссійскаго края (1894); Гулакъ-Артемовскаго, Народни украйинськи писни зъ голосомъ (1868); Едличко, Собраніе малор. народныхъ пѣсенъ (1861), Шейковскаго, Бытъ подолянъ (1860), Терещенка, Бытъ русскаго народа (1848), Срезневскаго, Малороссійскія пословицы и Запорожская старина (1833), II книгу Старосев. бандуриста Закревскаго, гдѣ помѣщены мало-

---

[1]) Напр. *розругаппячко*: що зъ законною женою розруганнячко було V, 622; *ляжитися*: ляжилася сама спать V, 623; *горина* ой у полі горина V, 223; *гекнути*: щей гекнув II, 121; *зашелепатися*: зашелепався въ клуню II, 125; *несчастниця* V, 745; *кленьчастий*: а у головки, заміть подушечки, кленьчасту важницю V, 1038 (этотъ примѣръ есть подъ сл. важниця: кленчасту).

[2]) Напр. *непошкодити*: а якъ найшовсь утебе сынъ, вона и его непошкодила 49; *жигадло* 93; *дерлига* якъ бувъ зъ кгерлыкгою и зъ кудлою биля пояса на цепу 105; *старабанити*: узяли тай старабанылы йи на пичъ 119, и др.

[3]) Словарь пользовался словами изъ рукописнаго собранія Д. И. Эварницкаго.

Библиотека "Руниверс"

россійскія пословицы, поговорки и загадки и галицкія приповѣдки (I книгой Словарь воспользовался), и т. д.— Къ удивленію нашему, редакціей Словаря далеко не использованы этнографическіе матеріалы, изданные Товариществомъ імени Шевченка: имѣются указанія на пользованіе только четырьмя томами Етнограф. збірника (V, X, XII, XIII); между тѣмъ и въ остальныхъ томахъ этого изданія находятся цѣнные матеріалы, относящіеся къ Галиціи, Угорщинѣ и даже къ Украйнѣ (напр. въ I т.: Чорноморські народні казки й анекдоти, М. Дикарева). Не использованными остались также I и III томы Етнольогічных матеріялів, изданныхъ тѣмъ же обществомъ, а въ немъ мы находимъ рядъ любопытныхъ сообщеній Вовка, Могильченка, Гнатюка, Зубрицкаго, Литвиновой-Бартошъ и др. Не упомянуты въ числѣ источниковъ періодическія изданія Зоря, Житє і Слово, а они такъ богаты фольклористическимъ матеріаломъ. Этнографическіе матеріалы, изданные польскими, нѣмецкими и чешскими учеными, почти совсѣмъ отсутствуютъ въ Словарѣ: кромѣ Кольберга (Pokucie), Żegoty Pauli, мы въ спискѣ источниковъ не нашли такихъ матеріаловъ. Итакъ труды Вагилевича (Huculowé, obywatelé wychodního pohoří Karpatského, 1838—1839), Новосельскаго (Stepy, morze i góry, 1854, и Lud ukraiński, 1857), Марцинковскаго (Lud ukraińcki, 1857,) Баронч-Садока (Bajki, fraszki, przyzłowia i pieśni na Rusi, 1886), Вацлава зъ Олеска (Pieśni polskie i ruskie ludu galicyjskiego, 1833), Коперницкаго (O góralach ruskich w Galicyi, 1889), Кайндля (Die Huzulen, 1894, и др.) оставлены въ сторонѣ. Не использованы важнѣйшіе матеріалы въ повременныхъ изданіяхъ: Zbiór wiadomości do antropologii krajowej, а также Materyały antropologiczno-archeologiczne і etnograficzne Краковской Академіи Наукъ. Трудно сомнѣваться въ томъ, что просмотръ всѣхъ этихъ изданій значительно увеличилъ бы Словарь и исполнилъ бы его пробѣлы. Нѣкоторыя случайныя справки въ нихъ доказали мнѣ неполноту кіевскаго Словаря. Беру на выдержку собраніе украинскихъ народныхъ разсказовъ Ан. Шимченка (въ I т. Етн. зб., с. 1—28): я нашелъ здѣсь слѣдующія слова, недостающія въ Словарѣ: *комашнище*—муравейникъ (6), *росхилистый*—развалистый (7), *телехнутисе*—шлёпнуться (7), от козак той і *мосується*—якби тебе зтягти відтіля, та й *примосував* (9) (ср. въ Слов. мусувати: раздумывать, измышлять), *присутяжувати* (18) ср. въ Слов. присутяжити), зачав дуба в *обхват* різати (19), бере коло *вал* (21), *роз'єрепенились* на куцого вовка (26), *стрімляй* у петлю ногу (25), а москаль бачив, що жінка *бога* (кендюх) спекла

Библиотека "Руниверс"

(23), *поденщики* (17), *їхну* балачку (17, въ Слов. їхній), *поварь*—поваръ (17). Перехожу къ книжкѣ Ks. Sadok Barącza, въ концѣ которой, на стр. 256—271 (2-го изд.), напечатаны малорусскіе тексты польскими буквами; выписываю изъ нея: *мурхати* (murchaj, ne murchaj, niczoho z toho ne bude,) *небіжчка* (nebiszczka besidowała do samoi smerty, въ Слов. небіжка въ значеніи какъ бѣдняжка такъ и покойница), *пережегнатися*—перекреститься, *босоли* (teper myni ne do soły,, koły hrajut' na bosoły), *горбий* (?) (szanuj horby mosty, budesz maty cili kosty), *наскробати* (naskrobajte syra), *машировати* (choć łycha hodyna żownir maszyruje), *пещащій* (wziaw ja sobi z dworu diwku, ależ ne takaia, i peszczaszcza i ladaszcza, do toho łychaja), *клиновий* (dohnała ja lita swoji na kłynowym mosti), *підбочек* (zainku za pidboczki obyjmysia), и т. д.

Итакъ, первая часть программы редакціи „Кіевской Старины", намѣтившей использованіе *всѣхъ* этнографическихъ работъ, далеко не выполнена Словаремъ. Переходимъ къ двумъ другимъ частямъ ея. Редактору Словаря предложено было ограничиться выборкой: а) изъ всего напечатаннаго на украинскомъ языкѣ съ Котляревскаго и по 1870 г. включительно; б) изъ работъ украинскихъ писателей XIX в., начавшихъ свою дѣятельность не позже 1870 г., хотя бы работы эти появились и позже означеннаго времени. Останавливаемся опять въ недоумѣніи передъ словомъ *всѣхъ*: понимать ли его въ буквальномъ смыслѣ или признать его равнозначущимъ слову „всякихъ"? Б. Д. Гринченко придавалъ предъявленному ему требованію ограничительный характеръ, какъ видно изъ списка его источниковъ и изъ самаго Словаря, гдѣ исчерпано далеко не всё написанное по-украински съ Котляревскаго и по 1870 годъ. Совершенно невыяснено въ предисловіи къ Словарю, отчего редакція „Кіевской Старины" остановилась на 1870-мъ годѣ, какъ на какой то грани, за которую можно перейти въ отношеніи лишь къ писателямъ, начавшимъ свою дѣтельность до этого года. Вѣроятно, имѣлись въ виду вообще семидесятые годы, когда случился переломъ въ нормальномъ развитіи малорусской письменности, центръ которой, благодаря извѣстнымъ правительственнымъ мѣропріятіямъ, перенесся изъ Кіева въ зарубежный Львовъ. Со своей стороны, нахожу, что Словарь много проигралъ отъ исключенія изъ него послѣдующей украинской литературы, такъ какъ врядъ ли до 1870-го года самый письменный языкъ украинскій могъ окрѣпнуть въ достаточной степени и отвѣтить новымъ жизненымъ запросамъ малорусскаго общества. Не хотѣлось бы думать, что составители

Библиотека "Руниверс"

кіевскаго Словаря относятся къ языку львовскихъ изданій съ недовѣріемъ или пренебреженіемъ, обвиняя его въ искусственности, въ рабской зависимости отъ польскаго и т. д. Впрочемъ, даже такое отношеніе ихъ не исключало бы для нихъ Словаря обязанности зарегистрировать и новѣйшія явленія въ области письменнаго языка, хотя бы отразившія польское или нѣмецкое вліяніе, подобно тому какъ великорусское вліяніе на украинскій языкъ кіевскихъ, полтавскихъ и харьковскихъ писателей, работавшихъ до 1870 г., не исключаетъ пользованіе ихъ писаніями въ скромныхъ цѣляхъ словарной регистраціи [1]). Не безъ основанія можно смотрѣть на трудъ кіевскихъ ученыхъ, работавшихъ надъ Словаремъ, какъ на высокій патріотическій подвигъ: но первое требованіе, которое должно было бы быть предъявлено ко всѣмъ работающимъ надъ общимъ малорусскимъ дѣломъ, это взаимное уваженіе въ вопросѣ о языкѣ обоихъ центровъ малорусской образованности—Кіева и Львова.

Изъ числа печатныхъ произведеній, подлежавшихъ въ силу требованія редакціи „Кіевской Старины“ изслѣдованію, Б. Д. Гринченкомъ, его предшественниками и сотрудниками прочтено для словарной цѣли довольно много. Мы находимъ здѣсь сочиненія Гребенки, Кулиша, Квитки-Основьяненка, Костомарова (и Іереміи Галки), Котляревскаго, Кухаренка, Г. Левицкаго (Ив. Нечуя), М. Вовчка, І. Мирнаго, Макаровскаго, Мордовцева, Руданскаго, Симонова (Номиса), А. Стороженка, Федьковича, Шевченка, Щоголева. Впрочемъ, далеко не всѣ эти писатели изучены съ достаточною внимательностью. Относительно Котляревскаго видимъ, что Виргиліева Энеида прочтена по харьковскому изданію 1842 года, а остальныя произведенія по изданію 1890 года, предпринятому магазиномъ Б. Корейво, подъ редакціей И. С. Левицкаго. Думаю, что для словарныхъ цѣлей было бы весьма полезно поработать надъ первымъ изданіемъ Энеиды, приготовленнымъ М. Парпурой (СПб. 1798), а также надъ третьимъ изданіемъ, принадлежавшимъ самому автору (Спб. 1809 г.); не мало цѣннаго матеріала Словарь могъ бы извлечь и изъ древнѣйшаго списка Энеиды Котляревскаго (1798 г.), съ тщательностью и любовью воспроизведеннаго въ 1900 г. П. И Житецкимъ въ изданіи

---

[1]) Ср. напр. въ числѣ источниковъ Словаря разсказъ „Вовкулака“ свщ. Александрова, писавшаго „языкомъ своего села съ примѣсью русскихъ выраженій“.

Библиотека "Руниверс"

„Кіевской Старины“ [1]). Ссылки на сочиненія Квитки сдѣланы по разнымъ изданіямъ, между тѣмъ на изданіе подъ ред. А. А. Потебни „сдѣлано лишь нѣкоторое количество ссылокъ“ [2]). Это можно поставить Словарю въ упрекъ, хотя бы потому, что изданіе Потебни снабжено ударѐніями. Отмѣчу нѣсколько пропусковъ словъ, встрѣчающихся въ первыхъ двухъ томахъ Квитки, вообще использованнаго очень недостаточно: *племинныкъ* — племянникъ I, 73; изъ *пидлибья* I, 105 (въ Слов. только подлобя); що вона як тая свичечка *догорюе* I, 97 (въ Слов. только догоряти); доню! *запрычастымо* тебе I, 97; *залыскочемо* у смерть I, 135; щось *тылипаетця* на шыи у коня I, 182; якъ у пана *судденка* I, 243; яки дамъ гроши на *закупку* II, 26; сонечко стало спускатысь на *захидъ* II, 19; а обидаты подалы вже намъ на въ *заходъ* сонця II, 25, та масла грудка на *прыкуску* II, 157; трошкы *пыкатенькый* II, 63; и у спыну *шпыга* II, 155; *обыскують* и по хати, и по двору II, 167; зовсимъ *збездилнычався* II, 176; *самчыкы* сзыгають *самочокъ* II, 182; *протоплювалы* себе зимою II, 203; *послухъянствомъ* II, 204 (въ Слов. только послухнянство); и якъ бигаючы *розкраснилася* II, 205; якъ поводытця у не *спесывыхъ* панивъ II, 206;

---

[1]) Напр. въ древн. спискѣ: горщокъ той дуже *булкотавъ* (у Парпуры и Котляревскаго: клекотавъ) III, 139; Троянцѣ тожъ всѣ *дременулы* III, 110 (въ изданіяхъ: вси здрыгнулы, въ Слов. есть слово дременути); въ изд. Парпуры: надъ мертвыми не *наглумявся* III, 105 (въ др. изд. не наглумявся); др. сп.: на мене бѣлшъ не *повапляйся* III, 105 (въ др. изд. не женыхайся); др. сп. та съ хлопцями якъ *хурцовалы* III, 91 (въ др. изд. гарціовали); др. сп.: *бундучили* якіесь бочки III, 90 въ др. сп. пиндючылы); въ изд. Парпуры: булы *шляхтяне* и мѣщане (въ др. изд: была тутъ шляхта) III, 82; др. сп.: и тѣ булы тамъ *лагоминцы* III, 79 (въ др. изл.: лыгомынци, въ Слов. есть сл. лагоминець); въ изд. Парпуры; у бурьянѣ бровко *мургурый* III, 68 (въ др. изд.: муругый, моругій); тамъ же: и щобъ не здѣлалась *попудка* III, 65 (въ др. изд. этотъ стихъ опущенъ); др. сп.: *не баскалився* бъ та ишовъ III, 54 (у Парп.: не скалився бы, въ др. изд.: не баскалычився бы); др. сп, въ пѣвъ локтя бѣлы *кощеи* III, 52 у (Парп.: бѣгали кощіи, въ друг. изд. опущено); др. сп. и Парп.: *трощить* було задумавъ *чудъ* III, 53 (въ др. изд. опущено, въ Слов. есть слова трощити и чуд.), и т. д. Кажется, не всѣ вообще слова изъ Энеиды попали въ Словарь. Мы не нашли: *підслух* (р. підслуху), въ Слов. только во мн. підслухи, *приданокъ* (прыданках).

[2]) Разсказы „Божи диты“ и „Щыра любовъ“ изд. Потебни II, 199—304), кажется, совсѣмъ не использованы Словаремъ; оба разсказа являются по-малорусски впервые въ этомъ изданіи. Б. Д. Гринченко отмѣчаетъ только два тома, изданныхъ подъ редакціей Потебни, а ихъ шесть; въ томахъ IV—VI имѣются не только великорусскіе, но и малорусскіе тексты (ср. въ IV т. малороссійскую быль, въ V т. комедіи Шельменко и Шельменко-денщикъ, въ VI т. оперу Сватання на Гончаривци, драму Щыра любовь, водевиль Бой жинка).

Библиотека "Руниверс"

Захарій трошкы було *зрябивъ* II, 207; *прыдворни* дивчата II, 211; частисинько зъ панамы *пройизжалась* II, 213; *роспоряжавъ* II, 227 (въ Слов. только распоряджати); ты мене жывого у яму *кладовыщъ* II, 225, *дошвандявъ* до брата II, 221 (въ Слов. только дошвендяти; вона у неи и *закупщыця* и *економша* II, 219; в *бамагы* пысавъ II, 231; такъ нашымъ же жинкамъ, та й намъ *домосидамъ* II, 231; а зъ ными пойихалы уси чыновни:... дви свашкы и дивчынка *свитылкою* зъ мечемъ у рукахъ II, 234; ну вже *огнепалы!* II, 235; *прыглядилася* изъ усихъ II, 239 (въ Слов. есть приглядіти); якый *штепный*, бойкый! II, 239; черезъ *проворство* II, 240; *парнюга* II, 244; старыкивъ *почытоваты* II, 246 (въ Слов. почитувати: читать); то той и *прысмырныша* II, 247; *зостріча* та провожа людей II, 248; якъ птычка у *аери* II, 248; *витерець* II, 248 (въ Слов, только вітрець); гурбою *прычвандяють* II, 249; *незабарёмъ* II, 252 (въ Слов. только незабаромъ); бо пичъ була зъ зеленыхъ *водолажськихъ* кахливъ II, 254; то на *спаяхъ* червоною глыною позамазовано II, 254; якъ на *картынци* II, 255; а вже зъ десятокъ *халахуривъ* вже и швандяють по вулыци II, 255; та щобъ не *утрачувалысь* для мене ничымъ II, 257; що вона такъ *обрябила* пры васъ II, 259; *моргонувъ* ему II, 259 (въ Слов. только моргнути); насылу *розчумалася* II, 261 (въ Слов. только розчумати); сегодня *увезденычки* буде въ насъ II, 265; чы невыкушалы-бъ, може, *полыньковои* II, 266; *попрекамъ* та смиху зъ васъ кинця не буде II, 275; хочъ якъ хочете мене *переряжуйте* II, 275; а друга личыть *писчынкы* на доливци II, 277; мене панъ-отець бере зъ *наньмытивъ* II, 292; исполняючы *дочеччыну* волю II, 292; зачынылась и чуты було, якъ *защепнулась* II, 295, и т. д.

Отмѣчу, что драмат. произведенія Квитки почти совсѣмъ не использованы: ср. и лыси, и *пидслиповати* Сват. II, 4, *старцевому* сухареви буду рада I, 3; литомъ на *мойци*, слава тоби Господы, скилькы зароблю I, 3, та такы трошкы *вередлывенька* I, 2; *коцарюваты* I. 2 (въ Слов. со ссылкой на Желеховскаго); приньмимось лышень *кулыкаты* (водевиль); проклятый *халахуре* III, 3; побачывшы твое *роздумья* III, 2; с дивчать по усёму свиту, заплющывшысь десятокъ *нагорбаю* III, 2, и т. д.

Хотя въ указателѣ значится Збірникъ творівъ Іереміі Галки (Костомарова), но въ Словарѣ почти нѣтъ выписокъ изъ сочиненій І. Галки. Такъ я совсѣмъ не нашелъ ссылокъ на „Саву Чалого“, „Переяславска піч“ цитуется по альманаху „Сніп“, „Загадка“ по „Основѣ“ 1862 года; но оба эти произведенія прочтены совершенно недостаточно. Приведу нѣсколько словъ изъ сочи-

Библиотека "Руниверс"

неній І. Галки, не найденныхъ мною въ Словарѣ: того й гляди, Що проклятий католикъ за *гирю* зачепить, Савв. Чалый 5 (въ Слов. гиря: низко остриженный и гиря); заразъ *поплівсь* у Січь, 6; а тутъ и *виступу* нема, 7 (Слов. выступ со ссылкой только на Желеховскаго); и холоду й голоду, и бурі и *слети*, 7 (въ Слов. слота и сльота); а до *бережжя* мовъ до зірки, 7; такъ деякі (чайки) не здержали... *пурнули*, 8; поки отся (показуе на шаблю) не *защербилася*, 18; та ззаду іхъ *дошмигавъ*, 18; хай мене *зневіряють*, абы честь моя не була *зуривошна*, 26 (Слов.: „зуривочний: непрочный, шаткій. Слово сомнительное, встрѣченное лишь въ пѣснѣ о Саввѣ Чаломъ, видимо подправленной кѣмъ-то и напечатанной въ „Запорожской Старинѣ“ Срезневскаго“); ще не *розвикся* съ козацькимъ духомъ, 61; а щобъ той сідий зъ своіми *хлипами* васъ не турбувавъ, 82; *роздобаривать*, 90; ви насъ лаете шизматиками, ми васъ *недохристями*, 90; ажъ тамъ щось *замеріяло*, 99 (въ Словарѣ только замріти); и поспішали *супинити* васъ, 112; иди собі *хармаркати* у церкву, Переясл. нічь, 25; умеръ за всіхъ у мукахъ, у *тортурахъ* 29; ви, байстрюки, жіноцькіі *підхвістки*, 33; тільки зъ тимъ *варункомъ*, щобъ ніодна душа зъ васъ не посміла надъ ворогомъ измилуватись, 41 (въ Слов. варунок только въ значеніи „боль живота, вѣтры“); містъ розломала *половідь*, 42; прощай *рачителю* слободи й віри, 84; невістки пили та *коновку* у воді покинули, Загадка, 5; отъ пішовъ вінъ добувати *хавтурки*, 4 (въ Слов. только хавтура со ссылкой на Шейковскаго); послухайте ви, *слопи!* 17, нехай імъ Михайло півсотні *дубинякъ* у спину заліпить, 17, сидить на якихсь *gренджалахъ*, 21 (въ Слов. gринджоли); ви чого тутъ стоіте, *шолопаі*, 23; и т. д.

Кулишъ прочтенъ также невнимательно. Нѣкоторыя слова изъ Кулиша попали въ Словарь только черезъ посредство Желеховскаго. Ср. напр. подъ словомъ *підспівач*: „плохой поэтъ, подражатель. К. (Желех.)“. Это слово употреблено Кулишемъ въ Хата (1860), с. 3.

Изъ этихъ примѣровъ видно, что писатели, переименованные въ спискѣ источниковъ, использованы Словаремъ далеко не въ полной мѣрѣ. Нельзя не отмѣтить, что самый списокъ не полонъ и что въ немъ, а слѣдовательно и въ Словарѣ нѣтъ многихъ произведеній малор. словесности, появившихся до 1870 года. Укажу для примѣра „Театръ“ Ващенка-Захарченка (К. 1857), проповѣди и другія сочиненія свщ. Гречулевича, вирши Гулака-Артемовскаго (1791—1865), романъ „На Украіні“ Дорошенка,

Библиотека "Руниверс"

труды Драгоманова, драму „Доля“ Стеценка (Х. 1863), „Чары“ Кирила Тополи (М. 1837), повѣсть „Ганка“ В. Чеховскаго (К. 1852), „Украинську квитку“ А. Шишацкаго-Иллича (Черн. 1856). Просматривая нѣкоторыя изъ этихъ произведеній, я нашелъ не мало словъ, отсутствующихъ въ Словарѣ.

Произведеній малорусскихъ писателей, начавшихъ свою дѣятельность послѣ 1870 года, въ Словарѣ оказывается очень мало; въ указателѣ источниковъ находимъ: Баштовий „Украинство на літературныхъ позвахъ зъ Московщиною“ (Львъ. 1891); І. Мирний „Повія“, романъ П. Мирного, Хиба ревуть воли, јак јасла повни? (Ж. 1880), Данило Млака (Ізидор Воробкевич) „Над Прутом“ (Львъ. 1901), Анатоль Свидницькый „Люборацьки“ (Кіевъ, 1901). Мы были бы въ правѣ ждать ссылокъ на Старицкаго, О. Пчілку, Кропивницкаго, Крымскаго, Огоновскаго (Словарь ссылается только на его Studien), Франка и мн. др.

Переходимъ къ вопросу о томъ, какъ пользовался кіевскій Словарь предшествующими словарными трудами. Редакція „Кіевской Старины“ въ числѣ требованій къ редактору Словаря выставила требованіе сдѣлать выборку изъ украинскихъ Словарей. Выписываю то мѣсто предисловія, гдѣ Б. Д. Гринченко объясняетъ, какъ имъ исполнена эта задача:

„Раньше составленными словарями мы старались пользоваться съ осторожностью, не смотря на всю соблазнительность мысли легко пополнить свою работу множествомъ словъ путемъ простого переноса ихъ изъ одного словаря въ другой. Изъ словарей Желеховскаго и Шейковскаго, по причинамъ, которыя понятны послѣ сдѣланныхъ нами выше замѣчаній объ этихъ словаряхъ [1]), мы брали только тѣ слова, въ существованіи и правильномъ объясненіи которыхъ были болѣе или менѣе увѣрены, а въ то же время не находили ихъ въ карточкахъ; съ охотой

[1]) Стр. 40 предисловія: „огромное большинство словъ (въ Словарѣ Шейковскаго) осталось безъ указанія источника, а множество словъ производныхъ выведено, очевидно, самимъ составителемъ“. Это замѣчаніе относится къ позднѣйшимъ двумъ выпускамъ Словаря. Первый выпускъ вызвалъ упреки за неудобное правописаніе, включеніе фамилій и названій мѣстностей, неравномѣрныя по объему объясненія.—На стр. 42—43 относительно Словаря Желеховскаго читаемъ: „Критика источниковъ отсутствуетъ, благодаря чему въ Словарь попали всякія слова, встрѣчающіяся въ укр. книгахъ, со включеніемъ какъ тѣхъ польскихъ или русскихъ словъ, которыя употреблялись авторами по незнанію укр языка, такъ и различныхъ неудачныхъ неологизмомъ, составленныхъ единичнымъ авторомъ и въ литературѣ не употребляющихся“.

Библиотека "Руниверс"

брали мы слова у Афанасьева-Чужбинскаго и безъ всякихъ колебаній изъ словаря Левченка; у Закревскаго взято лишь нѣсколько словъ; словаремъ г-на Уманца мы воспользовались лишь для нѣсколькихъ примѣровъ или ссылокъ къ словамъ, уже бывшимъ въ словарѣ старой редакціи; словари Партицкаго, Пискунова, Поповича, Тимченка, Чопея оставлены нами въ сторонѣ; не пользовались мы также опытами словарей научныхъ и техническихъ терминовъ (гг. Верхратскаго, Левицкаго и др.)—по причинамъ, изложеннымъ выше въ своемъ мѣстѣ, не желая вводить въ свой словарь неологизмы, которые, въ большинствѣ случаевъ, быть можетъ, не пойдутъ далѣе словаря, для котораго выдуманы".

Не могу согласиться съ этими положеніями Б. Д. Гринченка. Пополнить свою работу множествомъ словъ путемъ переноса изъ предшествовавшихъ словарей не только соблазнительно, но и необходимо для составителя полнаго словаря того или другого языка. Думаю, что Б. Д. Гринченко стремился дать въ трудѣ своемъ полный словарь, ибо, разумѣется, достоинство словаря въ его полнотѣ—абсолютной или относительной—а это стоитъ въ зависимости отъ объема и состава источниковъ словаря. Широкая программа начертанная Словарю редакціей „Кіевской Старины", показываетъ, что Б. Д. Гринченку предстояла задача дать полный украинскій словарь, а для полноты его необходимо было, конечно, обратиться къ существующимъ словарнымъ трудамъ, что было предусмотрѣно и самой редакціей „Кіевской Старины". Думаю, что выборка изъ этихъ трудовъ должна была быть сдѣлана систематически: изъ намѣченныхъ словарей-источниковъ должны были бы быть выкинуты только тѣ слова, ошибочность которыхъ очевидна; сомнительныя же слова должны были быть вносимы съ оговоркой. Только такой пріемъ работы опредѣлилъ бы правильныя отношенія новаго Словаря къ предшествующимъ опытамъ и исключилъ бы необходимость прибѣгать въ поискахъ за малорусскими словами и за дѣйствительнымъ ихъ значеніемъ къ цѣлому ряду частью совершенно недоступныхъ пособій. Разумѣется, не можетъ быть и рѣчи о механическомъ переносѣ словъ изъ одного словаря въ другой, но мы въ правѣ ожидать отъ такого широкаго по замыслу труда, какъ кіевскій Словарь, критическаго и вмѣстѣ съ тѣмъ систематическаго пользованія всѣми предшествующими словарями. Правда, Б. Д. Гринченко пользовался значительнымъ числомъ этихъ словарей, если не систематически, то критически, но какъ увидимъ, его критиче-

Библиотека "Руниверс"

ское отношеніе къ предшествующимъ словарямъ нельзя назвать научнымъ: неясны критеріи, которыми руководствовался редакторъ, принимая или отвергая то или иное слово, ибо, конечно, ссылки на „чутье“ языка, ссылки при отверженіи слова на собственное ,хотя бы и весьма основательное, знакомство съ языкомъ совершенно неумѣстны въ серьезномъ словарномъ трудѣ.

Остановлюсь на словарѣ Закревскаго въ Старосвѣтскомъ Бандуристѣ: изъ него взято лишь нѣсколько словъ; напротивъ изъ Словаря Левченка слова черпались безъ всякихъ колебаній. Между тѣмъ, вотъ что пишетъ о словарѣ Закревскаго самъ Левченко въ предисловіи къ своему труду: „Изъ числа печатныхъ источниковъ, которыми я пользовался, самый важный матерьялъ доставилъ мнѣ словарь Закревскаго“. Итакъ, путемъ словаря Левченка въ кіевскій Словарь могло перейти и, конечно, перешло не мало словъ изъ Закревскаго. Словарь Закревскаго возбудилъ сомнѣнія Б. Д. Гринченка между прочимъ потому, что составитель Старосвѣтскаго Бандуристы, живя долго внѣ родины, успѣлъ нѣсколько забыть родной языкъ, почему многое въ Словарѣ объяснено неправильно; кромѣ того Закревскимъ „были внесены въ Словарь неуклюжія слова, составленныя авторомъ „Ужинка“, и пр.“ (Предисловіе, с. 26—27). Но эти недостатки словаря Закревскаго обязывали бы только Б. Д. Гринченка критически отнестись къ каждому слову, приводимому Закревскимъ, не отвергая всего труда и не ограничиваясь случайной изъ него выборкой. Остановимся на буквѣ *ч*: весьма многія слова Закревскаго имѣются и въ кіевскомъ Словарѣ, но послѣдній не имѣетъ нѣкоторыхъ ссылокъ и примѣровъ, данныхъ Закревскимъ. Словарь опускаетъ: чаусы (придворный гонецъ), чванецъ (сосудъ, со ссылкой на 3 Царств.), челомбитствіе (со ссылкой на Величка), чистотне, чительникъ, члонокъ (съ ссылкой на Мазепу), чолный, чуйка, и опускаетъ ихъ по понятнымъ причинамъ: часть этихъ словъ принадлежитъ старинному языку, часть является явными полонизмами, совсѣмъ не извѣстными въ украинской рѣчи. Но рядомъ опущены и совершенно народныя слова. Сюда относятся чигиринскія слова со ссылкою „Куцый“ (т. е. Н. Гатцукъ въ его „Ужинкѣ“): чухирчити (подкрадываться, обманывать, льстить), четъ (частица, доля); далѣе слова: чмыръ (хмель въ головѣ) и чвира (остатокъ хмеля въ головѣ, также метель, вьюга и остатокъ отъ перегонки спирта) со ссылкой на грамматику Павловскаго; чека (чека), челюсти (челюсти, пасть), черешъ (то же, что чересъ, поясъ) червьяки (въ знач. родъ постнаго кушанья)

Библиотека "Руниверс"

чвертковати (въ Слов. только чвертувати), чинити (галицк., въ значеніи просѣвать рожь сквозь сито), чередьный (очередный), чиринка (родъ утки, въ Слов. только чиранка), чочоватися (играть въ четъ-нечетъ), чортятко (чортенокъ), чильчибель (цѣлибуха) и нѣк. др. Изъ этихъ примѣровъ видно, какъ напрасно Б. Д. Гринченко отказался отъ систематическаго пользованія словаремъ Закревскаго.

Изъ словаря Желеховскаго редакторъ кіевскаго Словаря бралъ только тѣ слова, въ существованіи и правильномъ объясненіи которыхъ онъ былъ болѣе или менѣе увѣренъ. Посмотримъ, какъ на дѣлѣ оправдался этотъ критическій пріемъ. Остановимся на буквѣ *л*. Перечислимъ нѣкоторыя изъ словъ, опущенныхъ Б. Д. Гринченкомъ: лавничий (прил. отъ лавник, въ Слов. лавник), лаврина (лавръ, со ссылкой на Могильницкаго), лавір (со ссылкой на сотрудника Федьковича), лавустіти (болтать), ладига (коврюга, со ссылкой на Франка), ладин (любимецъ, любовникъ, со ссылкой на М. Шашкевича), ладня (мастерская со ссылкой на Верхратскаго), ладовниця (панихида, со ссылкой на пѣсни Головацкаго, I, 208), ладоня (со ссылкой на Чуб. III, 189, куда это слово попало изъ рук. сб. Кулиша), лажене (лаженіе, ползаніе), лаза (лѣнтяй, бродяга), лазбити (подрѣзывать улей, со ссылкой на Наумовича), лазиво, лазило (лычная лѣстница пчеловодовъ), лазничка (прислуживающая въ лазнѣ, въ банѣ), лазя и лазюка (змѣя, со ссылкой на Згарскаго), лайдака (то же, что лайдак), лайдачина, лайдацкий, лайдацтво, лайкуватися (браниться), ламкотати (жалобно кричать), ланда, ландига (лѣнивецъ, бродяга), ландати (бродяжничать), ландиш (ландышъ), ланита (со ссылкой на Шевченка), лантір (старый сапогъ), ланча (мясо, со ссылкой на 2-е изд. Пискунова); лапастий (падающій большими комьями, со ссылкой на Старицкаго), лапко, (оборвышъ, со ссылкой на Кулиша), лапотник (лапотникъ, со сылкой на Кулиша), лапура (увелич. плутъ, мошенникъ со ссылкой на І. Галку), лапчивий и лапшивий (жадный), лапша (лапша, со ссылкой на Рудченка; тонкія доски, употребл. для крыльевъ мельницы, со ссылкой на Левченка, s. v. доска); ласичка (уменьш. отъ ласиця), ласкавити (со ссылкой на сотрудника К. Устіяновича), ласкавитися (со ссылкой на сотрудника Ю. Целевича), ласкавіцина (со ссылкой на грамм. Шашкевича), ласкане (ласканіе), ласкати (ласкать, со со сылкой на І. Галку), ласоха (жадная женщина, со ссылкй на Миклошича), латнити (то же, что латати, прибивать къ стропиламъ рѣшетины), лагнатий (пестрый, пѣгій), латняк (чинящій

Библиотека "Руниверс"

горшки), лахати (собирать колосья), лахалата (оборвышъ), лахний (жадый, со ссылкой на Верхратскаго), лаша (Viverra), лебедаха (несчастное, жалкое существо; въ Словарѣ, по очевидному недосмотру, значеніе этого слова не объяснено; вмѣсто объясненія читаемъ: „набігається лебедаха, утомиться Кв. II, 326"), лебедий (лебединый, со ссылкой на Танячкевича), лебезувати (со ссылкой на Конисскаго и Потебню), ледистий (льдистый, со ссылкой на грамматику Шашкевича), ледник, ледниця (со ссылкой на Левченка) ледівня (ледникъ), лежміть и лежмом (лежмя), лезво со ссылкой на Левченка, въ Словарѣ лезо) и т. д. и т. д. Критическая выборка, сдѣланная Б. Д. Гринченкомъ изъ Словаря Желеховскаго, доказываетъ его недовѣріе не только къ Желеховскому и его сотрудникамъ, но и къ словарю Левченка и къ Кулишу и къ І. Галкѣ и къ грамматикѣ Шашкевича. Не слишкомъ ли много взялъ на себя редакторъ кіевскаго Словаря, отвергая слова, засвидѣтельствованныя несомнѣнно авторитетными наблюдателями и писателями? Непонятно въ особенности отверженіе словъ извѣстныхъ изъ Левченка, признаннаго самимъ Б. Д. Гринченкомъ за надежный источникъ. Не менѣе странно опущеніе словъ, при которыхъ Желеховскій ссылается на Іеремію Галку: пропускъ, указанный выше, не единичный: ср. жахомъ (смѣло, устрашающе, въ Слов. есть жах: ужасъ, страхъ), містяне (акцизъ, городской таможенный сборъ), моч (мочь, въ Словарѣ только міч), мусор, мусур, каталажний, и т. д. Только недосмотромъ объясняю я себѣ пропускъ словъ, при которыхъ Словарь Желеховскаго ссылается на Франка: судя по указателю источниковъ, на эти слова обращено редакціей Кіевскаго Словаря особенное вниманіе; они снабжены ссылкой Фр. (Желех.) Ср. подобные же пропуски и подъ другими буквами; такъ опущены: мере (точно, отчетливо), ваговитий (тяжелый), мухва (мухи), лисітися (лысѣть) и т. д.

Важно отмѣтить, что многія слова, не взятыя въ Кіевскій Словарь изъ Желеховскаго какъ сомнительныя, подтверждаются рукоп. словарикомъ Я. Головацкаго, о которомъ мы говорили выше: ср. жартоблівий, жахлий, желі (ежели), жемоїдь, животатий, животовий, жилатка, жипавий и т. д. Думаю, что словарь Желеховскаго оцѣненъ Б. Д. Гринченкомъ не по достоинству. Вспомнимъ оцѣнку, данную этому Словарю Шейковскимъ: одно изъ существенныхъ достоинствъ этого словаря заключается въ томъ, что онъ основанъ на источникахъ... Г. Желеховскій пользовался источниками тщательно и добросовѣстно". (Р. Ф. В. 1885 г.)

Библиотека "Руниверс"

Словарь Шейковскаго далъ возможность Кіевскому Словарю обогатиться цѣлымъ рядомъ ссылокъ. Такъ не безъ вѣроятности можно утверждать, что ссылки на пѣсни Головацкаго (безъ приведенія соотвѣтствующаго текста) взяты изъ Шейковскаго, напр. при словахъ табір, талалайка, таліг, талья, тамтадиль, и др. Также ссылки на Чубинскаго, напр. при ткаха. Тѣмъ не менѣе Шейковскій просмотрѣнъ невнимательно: такъ въ Словарѣ опущено слово телушка, приведенное Шейковскимъ съ двумя ссылками на Номиса (это слово есть и у Квитки); опущено слово теліпчыты со ссылкой на Подолію; опущено тетрадь, тещенько (со ссылкой на пѣсни Головацкаго), тлустый (со ссылкой на Номиса), плачуваты (со ссылкой на пѣсни Головацкаго), трам (со ссылкой на Номиса) трапыты въ знач. удручать, угнетать (съ друмя ссылками на Головацкаго), трапліпя (скорбь, печаль, со ссылкой на Головацкаго), труслывый(у Котл. труслывийши), трубыты (вовкы трублят: воютъ), тріскачка (болтунья), тріскотня (со ссылкой на Левченка), тортуры (пытка, мученіе, есть и у І. Галки), торгаш (со ссылкой на Чубинскаго), тучевый (со ссылкой на Верхратскаго). Во всякомъ случаѣ, я убѣдился, что Кіевскій Словарь довольно широко пользовался трудомъ Шейковскаго, и это можно поставить ему только въ заслугу.

Напротивъ, полное пренебреженіе словаремъ Пискунова должно быть поставлено въ упрекъ Кіевскому Словарю. У Пискунова много словъ, которыми съ успѣхомъ могъ бы быть дополненъ этотъ Словарь. Не думаю, чтобы слѣдовало подвергать сомнѣнію существованіе, напримѣръ, слѣдующихъ словъ: тендитникъ (нѣженка), терпіжка (терпѣніе, ожиданіе), схилий (склонный), схиляти (склонять), списиця (копейка, со ссылкой: Австр. Укр.), коцуба (деревянная кочерга), каяття (раскаяніе, со ссылкой на поговорку), кармазинниця (знатная женщина и торговка кармазиномъ; Словарь принялъ кармазинникъ со ссылкой на Желеховскаго, взявшаго это слово едва ли не у Пискунова), кайды, кайдята (тоже, что кайдани, со ссылкой на народную пѣсню) и т. д. и т. д.

Итакъ, главнымъ недостаткомъ Словаря украинскаго языка надо признать его неполноту, зависѣвшую частью отъ невнимательнаго пользованія источниками, частью же отъ умышленнаго отверженія нѣкоторыхъ матеріаловъ и пособій. Гораздо меньше упрековъ вызываетъ обработка добытаго Словаремъ матеріала. Напротивъ, она заслуживаетъ признательнаго вниманія. Важно отмѣтить, во-первыхъ, строго выдержанное правописаніе; Словарь слѣдуетъ правописанію изданій Наукового Товарищства, отступая

Библиотека "Руниверс"

отъ него, впрочемъ, въ томъ, что изображаетъ острое і, какъ послѣ твердой, такъ и послѣ мягкой согласной, одной буквой і, между тѣмъ какъ въ галицкихъ изданіяхъ і послѣ мягкой согласной изображается черезъ ї (дїд, а здѣсь дід); ї имѣетъ въ Кіевскомъ Словарѣ значеніе только ји. Кромѣ того мягкость согласныхъ передъ губными, за которыми слѣдуетъ *і* (изъ ѣ) и *я* остается не обозначенною черезъ ь (світ, звіда, св'ят, не сьвіт, зьвізда, сьвят). Эти оба отступленія можно вполнѣ одобрить. Менѣе цѣлесообразно, какъ мнѣ кажется, писать апострофъ послѣ губныхъ передъ іотированною гласною (п'ять, в'яз, вм. пять, вяз, какъ пишутъ галичане): украинецъ прочтетъ какъ слѣдуетъ и написанія пять, вяз. Не видѣлъ бы я затрудненій писать для послѣдовательности и пю, пе бю̀ть, зедночити, підлобя, сохраняя апострофъ только для изображенія звука, гј: пір'я Мягкость согласной передъ *о* Словарь, вслѣдъ за галицкими изданіями, изображаетъ буквой ь: льон, льокай, тьохкати: не вижу основаній, почему бы не писать лён, лёкай, тёхкати; вѣдь пишется же тяти, тюпати, а не тьяти, тьупати. Приставки из, воз, роз передъ глухими к, т, х, п пишу́тся въ словарѣ съ с, а передъ глухими ч, ш, щ съ з. Впрочемъ, я не придаю никакого значенія этимъ моимъ попутнымъ замѣчаніямъ по вопросамъ правописанія.

Во-вторыхъ, въ заслугу Словарю надо поставить обозначеніе при каждомъ словѣ его ударенія. Если слово извѣстно редактору съ двумя удареніями, это имъ обозначено. Приходится, однако, пожалѣть, что Словарь не обратилъ должнаго вниманія на многочисленные малорусскіе тексты, снабженные удареніями. Внимательное къ нимъ отношеніе обогатило-бы Словарь цѣнными для науки данными. Отмѣтимъ нѣсколько неточностей и пропусковъ въ отношеніи къ ударенію: слова зарубка, зарівна, зарівно, зарід, зарібок, заріб, варстат, закуска и др. приведены безъ ударенія (мы ждали бы, напримѣръ, за́куска и заку́ска; то и другое ударе́ніе извѣстно изъ Энеиды)); при задві́рок слѣдовало бы указать и за́двірокъ (въ Энеидѣ: на за́двирку), при заму́жній—за́мужній (въ Энеидѣ: за́мужню, у Квитки II, 17; за́мужни). при запи́нка—за́пинка (Кв. I, 78: за́пынкы) при знаро́шне—зна́рошне (Кв. I, 42 и 52), при нау́ка—на́ука (напр. Граматка, изд. Кулишомъ, 19, 23); при воро́та—ворота́ (есть въ Энеидѣ), при парло́— па́рло (ср. па́рла Кв. I, 215), при жлу́кто—жлукто́ (Желех), при пі́на—піна́ (Желех.), при ну́жда—нужда́ (Кв. I, 30, 148), при ма́сниця—масни́ця (Желех.), при дітво́ра— дітвора́ (Кв. I. 135, 230), при оси́на—осина́ (Кв. I, 189); при рука́в не выдѣлена

Библиотека "Руниверс"

форма рукава (им. мн. и не указано ея удареніе (рука́ва, Осн. I, 12), при човен не указано човéн (въ Энеидѣ), при вýзол, ýзол — узóл (въ Энеидѣ), при приговірка—прúговорка (прúговоркамы Кв. II, 101), при личмáн, á—лúчман, а (лúчмана у I. Галки въ Саввѣ Чаломъ, с. 20), при пáплюга—паплю́га (какъ у I. Галки въ Пер. ніч, с. 30 и 53), при навдúранці—навдирáнці (какъ у I. Галки въ Заг., с. 4) при димáновий—дúмановий (у I. Галки въ въ Заг., с. 28: дúманова), при чèрга—чергá (какъ у Закревскаго), при чубрúкатися—чубрикáтися (какъ у Закревскаго), при тýга (печаль)—галицк. тугá (такъ же у Левченка подъ сл. грусть), при пýгач—галицк. пугáч. при пéкарь—галицк. пекáрь, при тороплéнний—торóпленний (Левченко подъ сл. оторопѣвшій), при торговúця—торгóвиця (какъ у Шейк.) при тонкúй—тóнкий (Шейк.), при тупóтнява—тупотнáва (Шейк.), при тýзати—тузáти (Шейк.), при терміття—терміття (Шейк.), при льодовня́—льодóвня (какъ у Левченка). Важные матріалы по малорусскому удареню Б. Д. Гринченко могъ бы найти въ трудахъ Верхратскаго: между прочимъ, укажемъ на статью его въ III т. Archiv f. slav. Ph. (Ein weiterer Beitrag im Kleinrussischen), гдѣ много данныхъ и объ украинскомъ удареніи [1]).

Весьма досадно, что многія слова, извѣстныя въ двухъ фонетическихъ обликахъ, приводятся только въ одномъ: при паламáрка мы ожидали бы паламáрька (Квитка, Св. на Гонч. I, 3), при простíр—простóр (Кв. II, 26), при лохмíття—лохмóття (Кв. II, 137), при гіркий—горкий (ср. Кв. I, 107, 100) и т. д.

Къ числу недостатковъ Словаря надо отнести нѣкоторую неточность въ выпискахъ изъ авторовъ и этнографическихъ матеріаловъ. Не будемъ возражать противъ систематической замѣны въ этихъ выпискахъ ы черезъ и, и (остраго і) черезъ і, ё черезъ йо и ьо. Но находимъ неправильнымъ передачу, напр., слова шуткованнє въ примѣрѣ изъ Чуб. III, 99 въ формѣ шуткування; платтє въ примѣрѣ изъ Чуб. III, 38 (подъ сл. байка) передано черезъ плаття (тамъ же: та зеленая байка вм. да зеленая байка) и мн. др. Неточность находимъ, напр., подъ словомъ

---

[1]) Отмѣчу кстати, что Б. Д. Гринченко напрасно упрекаетъ словарные труды Верхратскаго за отсутствіе въ нихъ удареній (Предисл., с. 19). Рядъ изслѣдованныхъ Верхратскимъ говоровъ имѣютъ „сталий наголос“, и обозначать въ нихъ удареніе каждаго слова было поэтому излишнимъ. Напротивъ, въ работѣ по „говору долівському“ (Зап. наук. товар, XXXV—XXXVI) удареня обозначены, такъ же какъ въ I ч. Знадоби для пізнаня угорско-руських говорів.

Библиотека "Руниверс"

чергува́тися; „пришли до того льоху“, со ссылкой Чуб. II, 634, между тѣмъ въ подлинникѣ: „пришли коло того лёху“. При передачѣ пѣсенъ и стиховъ не всегда наблюдается достаточная точность. Подъ сл. ягничка читаемъ:

Родилися бички телички
Чорні ягнички Чуб. III, 451.

а надо

Щобъ родилися бички телички и т. д.

Подъ словомъ хлиськати читаемъ:

Хвиля по Дніпру в негоду похожае
Клекоче, рветься, сивим пилом хлиська. Сніп. 45,

между тѣмъ въ сочиненіяхъ І. Галки:

якъ филя

Що по Дніпру въ него́ду похожа́е и т. д.

Подъ словомъ натьо́патися примѣръ: злізь на мене та й натьо́пайси Ном № 161 (ст. 295), а въ подлинникѣ: „злізь та й напёпайся (натёпайся?). Полт. Вор.“ Коньектура, предложенная Номисомъ, принята въ текстъ, зачѣмъ то дополненный словами „на мене“.

Нѣкоторыя глухія ссылки, хотя бы на Чубинскаго и Головацкаго, слѣдовало бы расширить приведеніемъ при нихъ соотвѣтствующаго текста. Иногда это помогло бы точнѣе опредѣлить значеніе слова. Такъ подъ шкатильгати указано значеніе „прихрамывать“ и сдѣлана ссылка на Чуб. II, 283, гдѣ читаемъ: „коли трохи згодомъ, ажъ и та жабе шкатильгае“ Значитъ ли здѣсь „шкатильгае“ прихрамываетъ?

Въ Словарѣ находится нѣсколько сомнительныхъ словъ: напримѣръ, богадъ въ значеніи посагъ, со ссылкой на Чуб. IV, 143, едва ли не опечатка вмѣсто посадъ. Сомнѣнія въ существованіи слова богадъ было высказано еще Шейковскимъ, въ его разборѣ словаря Желеховскаго (Р. Ф. В. 1885 г.).

Библиотека "Руниверс"

Нѣкоторыя слова, признанныя разными значеніями одного слова, слѣдовало бы разсматривать какъ отдѣльныя слова. Такъ подъ байка подъ 1-мъ значеніемъ указано; басня, подъ 2-мъ, бездѣлица, шутка, пустяки, а подъ 3-мъ: бая, т. е. родъ сукна. Очевидно „байка“ родъ сукна должно быть совершенно отдѣлено отъ байка въ двухъ первыхъ значеніяхъ. Подъ лев находимъ значеніе левъ и монета: лев въ значеніи монеты ничего общаго со словомъ лев (левъ) не имѣетъ.

Нельзя не пожалѣть, что значительная часть словъ оставлена безъ ссылокъ на источники. А между тѣмъ среди такихъ словъ мы встрѣтили не мало извѣстныхъ даже изъ сочиненій Котляревскаго.

Къ недостаткамъ Словаря относимъ и то, что онъ опускаетъ топографическія данныя его источниковъ: такъ въ Матеріалахъ Чубинскаго при каждой сказкѣ и пѣснѣ указано, гдѣ она записана, а Словарь ограничивается ссылкой на томъ и страницу этого труда. То же по отношенію къ Номису, нерѣдко указывающему на губернію и уѣздъ, гдѣ записана пословица.

Всѣ указанные недостатки, кромѣ, впрочемъ, неполноты, отнюдь не существенны и не могутъ помѣшать признанію высокихъ научныхъ достоинствъ Словаря. Достоинства эти несомнѣнны: главныя изъ нихъ надежность и обиліе сообщаемаго матеріала, точная передача значеній словъ и различныхъ ихъ оттѣнковъ.

Историчний словник, составленный Е. Тимченкомъ, съ внѣшней стороны описанъ выше. По признанію самого составителя, этотъ словарь „представляетъ опытъ далеко не полной группировки чаще всего встрѣчающихся терминовъ и выраженій, выбранныхъ изъ памятниковъ письменнаго южнорусскаго языка XV — XVIII в.“ Чтобы представить эту рѣчь возможно всесторонпѣе, составителемъ Словаря использованы „памятники различнаго содержанія: историческіе, юридическіе, полемическіе, духовные и бытовые“. Общерусскія слова, имѣющія одинаковое значеніе какъ въ великорусскомъ, такъ и въ малорусскомъ, не вошли въ Словарь; опущены въ немъ также и „выразительные“ полонизмы (напр. дзвенкъ, піенкный, окрентъ и т. под.). „Занесены же въ словарь слова общерусскія, главнымъ образомъ, если они имѣли какое-нибудь спеціальное значеніе, а также слова, хотя и заимствованныя изъ польскаго и другихъ языковъ, но

Библиотека "Руниверс"

получившія южнорусскую фонетическую окраску или бывшія въ всеобщемъ употребленіи у южнорусскихъ писателей; затѣмъ слова, употреблявшіяся какъ исключительно въ письменной рѣчи, такъ и, хотя и бывшія достояніемъ народной рѣчи, но уже, при новыхъ условіяхъ быта, вышедшія изъ употребленія; а также, хотя и существующія въ настоящее время, но встрѣчающіяся весьма рѣдко и, повидимому, близкія къ изчезновенію; кромѣ того такія, которыя живы въ народной рѣчи и теперь, но имѣвшія спеціальное значеніе, или же представляющія историческій интересъ". Программа выборки словъ изъ памятниковъ древняго языка, очевидно, весьма неопредѣленна: съ одной стороны, не подлежатъ внесенію въ Словарь слова общія малорусскому языку съ великорусскимъ, съ другой стороны, такія слова подлежатъ внесенію въ него при извѣстныхъ, далеко не точно опредѣленныхъ условіяхъ: вносятся, главнымъ образомъ, слова, имѣвшія какое нибудь спеціальное значеніе, слѣдовательно также и тѣ, которыя имѣютъ такое же спеціальное значеніе въ великорусскомъ языкѣ. Но что значитъ спеціальное значеніе? Вносятся далѣе слова, бывшія общими малорусскому языку съ великорусскимъ (какъ письменныя, такъ и народныя), но вышедшія теперь изъ употребленія или встрѣчающіяся весьма рѣдко и, повидимому, близкія къ исчезновенію? Отсюда слѣдуетъ между прочимъ, что Словарь вноситъ изъ памятниковъ бывшіе общими малорусской и великорусской письменности славянизмы, ибо „слова, употреблявшіяся исключительно въ письменной рѣчи," были именно заимствованіями изъ славянскаго языка. Но неужели эти славянизмы цѣннѣе въ историческомъ словарѣ малор. языка, чѣмъ свои малорусскія слова, общія съ великорусскимъ? [1]) Неясно также, какъ примѣнить другіе признаки, указанные г. Тимченкомъ въ качествѣ предохраняющихъ слово отъ исключенія его изъ Словаря: въ него вносятся слова, хотя и общія съ великорусскимъ, но имѣющія историческій интересъ или имѣвшія спеціальное значеніе или встрѣчающіяся въ настоящее время весьма рѣдко и повидимому близкія къ исчезновенію. Очевидно, что для выполненія этихъ требованій, необходимы предварительныя довольно сложныя изслѣдованія. Мы думаемъ, что Словарь выигралъ бы, если бы зарегистриро-

[1]) Ничего не возражая противъ внесенія славянизмомъ въ Словарь, отмѣчу, напр., что мы находимъ въ немъ слова: безгрѣховный, безнадежный, благовѣстникъ, благословенный, благочестіе, благочестивый, благословитися, влагалище и т. п.

Библиотека "Руниверс"

валъ вообще всѣ слова старинныхъ памятниковъ, не останавливаясь на разныхъ весьма шаткихъ критеріяхъ.

Тѣмъ не менѣе и въ томъ видѣ, какъ работа исполнена, она представляетъ выдающійся интересъ. Историчний словник содержитъ нѣсколько тысячъ словъ, до сихъ поръ не зарегистрованныхъ ни въ одномъ словарѣ; слова эти объяснены большею частью вѣрно и точно; они снабжены примѣрами, переданными весьма точно и сопровождаемыми ссылками на томы и страницы. Памятниковъ привлечено къ изслѣдованію значительное количество. Для актоваго языка использованы Акты, относящіяся къ исторіи Южной и Западной Россіи (изд. Арх. Коммиссіи), Памятники, изданные Кіевскою комиссіею для разбора древнихъ актовъ, Акты Нѣжинскаго магистрата (Черниговъ 1887), Акты копныхъ судовъ (по изд. Иванишева), Акты Полтавскаго суда (по изд. Левицкаго), Протоколы Борзенской ратушной книги и Полтавскаго полкового суда (по изд. Лазаревскаго), Акты Переяславскаго полка XVII—XVIII в. (по изд. Савицкихъ) и др. Изъ историческихъ сочиненій прочтены: Львовская лѣтопись (изд. Погодинымъ), Лѣтопись Самовидца, Лѣтопись Грабянки, Лѣтопись Самойла Величка, Хмѣльницкая лѣтопись; дневникъ Як. Марковича, діаріушъ А. Филипповича, діаріушъ Ханенка, и др. Изъ полемическихъ сочиненій въ перечнѣ источниковъ названы: Апокризисъ Филалета, Палинодія Копыстенскаго, нѣкоторые труды Галятовскаго, Перло многоцѣнное Кир. Транквиліона Ставровецкаго, проповѣди Ант. Радивиловскаго и др. Изъ духовныхъ: Пересопницкое евангеліе (изд. Житецкимъ), Волынское евангеліе XVI в. (изд. Трипольскимъ). Изъ бытовыхъ: малорусскіе домашніе лѣчебники XVIII в. (изданные Потебней въ „Кіевской Старинѣ“ 1890 г.). Составитель пользовался не только печатными (и старопечатными) источниками, но также и рукописями: сюда относятся „Кройника“, принадлежащая университету св. Владиміра, хронографъ, принадлежащій редакціи „Кіевской Старины“.

При всемъ обиліи источниковъ Словаря, нельзя не отмѣтить существенныхъ пробѣловъ. Возникаетъ, напр., вопросъ, почему составитель Словаря совершенно не использовалъ памятниковъ Зарубежной Руси. А среди нихъ онъ нашелъ бы важные матеріалы для историческаго словаря, начиная даже съ XVI вѣка, если бы привлекъ къ изслѣдованію, напримѣръ, грамоты, изданныя въ 1865—1866 годахъ Головацкимъ, далѣе: Akty grodzkie i ziemskie z czasów Rzeczypospolitej polskiej (Lwów 1870 — 1880). Матеріали до культурної історії Галицької Руси XVIII і XIX

Библиотека "Руниверс"

вѣку (выходившіе подъ ред. Ів. Франка), Памятки українсько-руської мови і літератури, Жерела до історії України Руси, Розвідки й материяли до історії України-Руси Грушевскаго (гдѣ между прочимъ напечатанъ Сьпіванник з початку XVIII в.), Карпато-руське письменство XVII—XVIII вв. Ів. Франка и др. Но и русскія изданія привлечены далеко не всѣ. Не упомянуты, напр., Краткая Кіевская лѣтопись, изданная кн. Оболенскимъ въ его „Супрасльская рукопись", Пѣснь пѣсней XVI в. (Основа 1861, т. XII), источники малороссійской исторіи, собраные Бантышъ-Каменскимъ (Чт. О. И. и Др. Р. 1858 и 1859 г.), книга Еноха по Полтавскому списку 1679 года (Чт. О. И. и Др. Р. 1880, кн. 3), Мечъ духовный Лазаря Барановича, Письма Л. Барановича (Черниговъ, 1856), Синопсисъ Иннок. Гизіеля, Огородокъ Маріи Богородицы и Вѣнецъ, изд. Ант. Радзивиловскимъ, Сборникъ лѣтописей, изданный Кіевскою комиссіей для разбора древнихъ актовъ (1888), Южнорусскія лѣтописи, изд. Бѣлозерскимъ (1856) и т. д. Особенно поражаетъ недостаточность источниковъ по XVIII вѣку, а также отсутствіе источниковъ старше XVI в. Историческій словарь малорусскаго языка не можетъ оставить безъ вниманія и Галицко-Волынской лѣтописи, извѣстной по Ипатьевскому и Хлѣбниковскому спискамъ. (Г. Тимченко при словахъ переступити, туга ссылается на эту лѣтопись). Пользуясь этой лѣтописью, а также другими южнорусскими памятниками той древнѣйшей эпохи, когда русская письменность не освободилась еще отъ церковно-славянскаго вліянія и еще не успѣла подпасть подъ другое вліяніе — польское или южнославянское, составитель историческаго словаря малорос. языка могъ бы выбирать изъ памятниковъ всѣ тѣ слова, которыя, по тѣмъ или инымъ соображеніямъ, должны быть приписаны мѣстнымъ народнымъ говорамъ.

Привлеченные къ Словарю источники прочтены довольно внимательно. Это относится, впрочемъ, далеко не ко всѣмъ перечисленнымъ въ указателѣ памятникамъ. Хорошо использована, напримѣръ, Палинодія Захарія Копыстенскаго [1]). Напротивъ, дневникъ Хапенка представленъ въ Словарѣ далеко не полно. Укажу

1) Конечно, съ неизбѣжными пропусками: ср. *напротивко* (а Берно напротивко таковой новинѣ написалъ такъ, 769), *напежованіе* (на который часъ припагаетъ папежованіе Силвестра Второго, 768), *схисма* (которыи схисму поднесли, 767), *спробановати* 767, *розгребати* (што публичною ухвалою есть погребено, свербячимъ языкомъ розгребати важатся, 744), и др.

Библиотека "Руниверс"

на рядъ пропущенныхъ словъ, замѣченныхъ мною при поверхностномъ чтеніи одной части этого дневника: который долженъ былъ, 11 *осмачокъ* овса, 129; даны до роблення Максиму шапочнику два *муфи* зъ медведя, 129; и тамъ за *скопщину* взято у Киселка конь и кобилка, 129; на нитки и *кузьки* 4 к., 130: Карпу кухару далъ 1 р. и *чвертку* жита, 120 (въ Слов. есть чвертковый); на *чаплики* и мило, 120; приходили къ *помирковаиню* и не заключа розехались, 120; дано за *вичинку* вовка и лисици 13 к., 117; послѣ прибылъ еще *завременно* до Левенки и тутъ ночовалъ, 116: за *виправу* лисицѣ, 109 (въ Слов. выправа въ другомъ значеніи); прибылъ на *сумерку* вь Кролевецъ, 132; а передъ свѣтомъ тамъ же *опостигъ* мене полковникъ, 132; *поселъ* (посолъ), 137; и прибыли въ Перегонъ на *смерку*, 141; позабавилъ... до *смерку*, 118; *футоръ* (хуторъ, ср. въ Слов. футорникъ), 161 и др.; коло *вечерень*, 140 и др.; присланъ указъ въ коммиссію нашу на подаванное доношеніе ваше, чтобъ не *разездиться* на каникулярныя дни, 161; *отробить*, 155 (въ Слов. есть отробленне); *кучерявый*, 155 (въ Слов. есть кучеравый); конемъ *строкатымъ*, 152; *заездилъ* къ доктору Боку и взялъ 1 *прошковъ*, 153; и попривозилъ *де-якое* бѣлое плате, 153; весь день *промедлилъ* я въ домѣ, не выходя никуда, 153; *паникадильщику*, 148; о присилки *птушокъ* (т. е. птицъ), 147; купленны три футра, завойковое и *шлямовое*, лисіи да попеличье, 95 (въ слов. есть шлямы: лисій мѣхъ); куплены сани зъ *козиркомъ*, 95; за поланкирка *нанарсенту* 6 р.; и къ нему о *визыченю* той книги писалъ карту, 90; нанялъ работниковъ до *направки* коморы, 112; ездили для осмотру *гребли*, 107; ездилъ для *осмотреня*... млина, 99; обѣдали у мене *панея* матка да три поруччика, 108; *панеи* да мнѣ, 105; у *панеи* матки, 63; данъ 1 р. на *галіонокъ* панеи, 191; за *тюмъ* китаю, 96; за *тертушку* мушкатовой галки, 98; за полотна *сѣтчанаго* 30 аршинъ, 95; и т. д., и т. д.

Равнымъ образомъ невнимательно прочтенъ малорусскій лѣчебникъ XVIII в., изданный въ „Кіевской Старинѣ“ за 1890 годъ А. А. Потебней. Такъ на первыхъ трехъ страницахъ, бѣгло мною просмотрѣнныхъ, я нашелъ слѣдующія недостающія въ Словарѣ г. Тимченка слова: разсмотрятися (разсмотряючися, 1), живица (живицѣ, 2), врацати, 2, можчиръ (въ значеніи ступка, въ Словарѣ только въ значеніи мортира; стерти то все в мозчиру мякько, 2), пановка (сложивъ на пановку или на щоколвекъ, 2), присмажить, 2, пеперъ (на пеперу упекти, 2), посилиться (поправиться, въ Словарѣ есть посилить—поправить: аби толко посилился, 2)‘

Библиотека "Руниверс"

часныкъ (часнику головокъ з колко у винѣ уварить, 2), чорнобыльный (с чорнобилнимъ цвѣтомъ, 2), рѣденько (кашу ячную уваривши добре рѣденко, 3), ковтати (ковтаючи по трохѵ, 3), оскромадить, 3, и др.

При поверхностномъ просмотрѣ Львовской лѣтописи, изданной въ III т. Русскаго ист. сборника, я на пространствѣ нѣсколькихъ страницъ нашелъ слѣдующія слова, которыхъ нѣтъ въ трудѣ г. Тимченка: окромъ *пахоликовъ* 245 (въ Слов. пахолекъ, ср. въ Лѣтописи пахолковъ, 259); *окопался* у Острожикъ противко короля, 248; и на разсвѣтѣ скарбомъ ся дѣлили *куршакомъ* розославши килимовъ килька 251: и мѣсяць гдесь ся былъ *задьлъ*, тылко съ подполня, 260; зъ ордою *конюровавши* Татарскою, 262; зъ реестровыми казаками *ребельзовати*, 262; и то въ *сермизѣ* не въ блаватахъ вышолъ. 262, и т. д. [1]).

Не безполезно было бы Е. К. Тимченку дополнить свой словарь и тѣми ссылками на старинные памятники, которые находимъ у Закревскаго въ Старосв. Бандуриста. Такъ въ Словарѣ Е. К. Тимченка нѣтъ слова *закроивати* — у Закревскаго есть со ссылкой на С. Величка II. 500; нѣтъ слова *займище* – у Закревскаго есть со ссылкой на Статьи 1666 г.; нѣтъ слова *забрнути* – у Закревскаго есть со ссылкой на Величка; нѣтъ *заспать*— у Закревскаго есть со ссылкой на Петра Могилу, 1640 и мн. др.

Въ числѣ источниковъ г. Тимченко пользовался Словаремъ книжной малорусской рѣчи, изданнымъ Житецкимъ въ приложеніи къ I части Очерка литер. исторіи малорусскаго нарѣчія въ XVII—XVIII вв. Пользовался онъ этимъ Словаремъ систематически. Странны поэтому и непонятны пропуски. Напр. на букву Допущены слова драgаръ, драпачинный, дранница, дрождѣ (тина), дудокъ (вдодъ), дуреніе (луженіе), дуру (служду), дурячій, делиція (дѣлиций заживаю), на букву Т: ташъ (въ Словарѣ только таша), тверезый, термошуся, терпетина, тескность, тоболя, трапенье, трафляюсь, тремтанье, трефництво, трефную, трумна (въ Словарѣ только труна), тулакъ, тученье, тутешный, турнѣя, и др. Можетъ быть, нѣкоторыя изъ этихъ словъ признаны г. Тимченкомъ сомнительными. Но это обстоятельство должно бы было быть оговорено и при томъ при каждомъ такомъ сомнительномъ словѣ.

---

[1]) Напрасно г. Тимченко пренебрегъ удареніями Львовской лѣтописи и другихъ старопечатныхъ изданій.

Библиотека "Руниверс"

Обработка словъ, объясненіе ихъ значеній, указаніе на ихъ иноземный источникъ сдѣланы весьма удовлетворительно. Вниманіе наше останавливаетъ допущенное Словаремъ правописаніе. Въ примѣрахъ г. Тимченко придерживается правописанія своихъ источниковъ, но въ извлеченныхъ изъ примѣровъ словахъ мы видимъ своеобразные и непослѣдовательные пріемы. Такъ, съ одной стороны, вводится различеніе буквъ ы и и: милый, милость, но мылитися; диковина, но дыбати; съ другой стороны, буквы ы и и смѣшиваются: дымъ и димноватый (туманный), вызичити и зычити, мысль и вымиселъ, нововимисльный, тылъ и тилъ, тилецъ. Буква ѣ обозначаетъ непослѣдовательно звукъ і, возникшій, черезъ посредство дифтонга іе, изъ общерусскаго е (долгаго е): пѣрначъ, смѣтя (при сметье). Этой же буквой обозначается звукъ *і* въ русскихъ и иностранныхъ словахъ: Бѣгдай (дай Богъ), лѣдъ (ледъ), перѣстый, фѣстула, вѣншовати, вѣзерунокъ и визерунокъ, бѣскупъ (и бискупъ), вѣлкготность и вилготность, вѣлчура (wilczura), вѣхоръ и вихоръ, лѣнѣя, цѣнобра. Этой же буквой, впрочемъ, непослѣдовательно обозначается польское іе: жолнѣръ, лѣйци (lejce), папѣжъ, тѣкавецъ, цѣкавій (такъ) при цекавій, вѣкуистый (при вечистый). Непослѣдовательно пишутся приставки: розпустити, но роспустъ, одписовати, но отписъ, одкирутися, но откинути. Разумѣется, все это при окончательной обработкѣ Словаря должно быть тщательно сглажено и согласовано; иначе Словаремъ трудно будетъ пользоваться. Историческій словарь не можетъ въ объясняемыхъ имъ словахъ проводить всю ту непослѣдовательность правописанія, которая замѣчается въ памятникахъ.

Несмотря на неполноту и нѣкоторые другіе недостатки словарнаго труда г. Тимченка, мы признаемъ его въ высшей степени полезнымъ основаніемъ для полнаго историческаго словаря малорусскаго словаря.

Подводимъ итогъ обоимъ словарнымъ трудамъ, представленнымъ редакціей „Кіевской Старины“ на соисканіе преміи Н. И. Костомарова за лучшій малорусскій словарь.

Первый трудъ, составленный Б. Д. Гринченкомъ, можно признать лучшимъ малорусскимъ словаремъ сравнительно со всѣми до сихъ поръ вышедшими. Непосредственное знакомство

Библиотека "Руниверс"

съ источниками, обиліе матеріала, извлеченнаго какъ изъ нихъ, такъ и изъ живыхъ народныхъ говоровъ, тщательная обработка каждаго слова, снабженнаго поясненіемъ его значенія, ссылками на источники и примѣрами,—все это выдѣляетъ разсматриваемый Словарь украинскаго языка изъ всѣхъ предшествовавшихъ ему опытовъ по лексикологіи этого языка. Но рядомъ съ положительными сторонами можно указать также на существенные пробѣлы и недостатки въ этомъ прекрасномъ трудѣ. Къ числу ихъ относятся: 1) неравномѣрная обработка словарнаго матеріала различныхъ нарѣчій, входящихъ въ составъ малорусской семьи: лучше всего представлены украинскіе, слабѣе галицкіе и угорскіе говоры весьма слабо сѣверно-малорусское нарѣчіе; 2) недостаточно полное использованіе названыхъ въ Словарѣ источниковъ; 3) не полное знакомство съ произведеніями малорусской словесности, появившимися до 1870 года, между тѣмъ какъ въ программу, составленную редакціей „Кіевской Старины“, включено требованіе использовать всю малорусскую литературу въ предѣлахъ до этого года; 4) отсутствіе систематическаго пользованія предшествующими словарными трудами, что имѣло слѣдствіемъ пропускъ цѣлаго ряда словъ, извѣстныхъ изъ другихъ словарей. Думаю, что всѣ эти недостатки зависѣли отъ спѣшности и краткости времени, употребленнаго Б. Д. Гринченкомъ на обработку Словаря: въ распоряженіи его было всего два съ половиной года.

Обращаясь къ труду Е. К. Тимченка, находимъ, что онъ въ самыхъ широкихъ предѣлахъ удовлетворяетъ требованію, предъявленному къ малорусскому словарю Правилами о присужденіи преміи Н. И. Костомарова, требованію, состоящему въ томъ, чтобы въ Словарь были внесены слова старинныя, вышедшія или выходящія изъ употребленія. Не ограничиваясь случайной выборкой такихъ старинныхъ словъ изъ памятниковъ малорусской письменности, Е. К. Тимченко составилъ историческій словарь малорусскаго языка. Этотъ словарь, при всѣхъ его недостаткахъ — неполнотѣ привлеченныхъ къ изслѣдованію источниковъ, не вполнѣ внимательномъ прочтеніи ихъ, не выдержанномъ правописаніи—, нельзя не признать трудомъ замѣчательнымъ и въ высшей степени полезнымъ.

Достоинство обѣихъ работъ — „Словаря украинскаго языка“ „Историчного словника“ даетъ основаніе признать Словарь,

Библиотека "Руниверс"

представленный редакціей „Кіевской Старины“ на конкурсъ, лучшимъ по сравненію съ извѣстными малорусскими словарями. Но для признанія его вполнѣ удовлетворительнымъ желательно было бы видѣть его свободнымъ отъ указанныхъ недостатковъ.

Въ виду этого, я полагалъ бы справедливымъ присудить Словарю, представленному на конкурсъ редакціей „Кіевской Старины“, вторую премію, установленную § 9-мъ Правилъ о присужденіи премій Н. И. Костомарова за лучшій малорусскій словарь.

Библиотека "Руниверс"

БИБЛІОГРАФІЯ.

Д. И. Яворницкій. Наша доля — Божа воля. Повисть. *Екатеринославъ, 1905. 165 стр.*

Повѣсть Д. И. Яворницкаго была впервые напачатана въ „Кіевской Старинѣ". На нашъ взглядъ она переиздана теперь, какъ нельзя болѣе, кстати. Рушатся старыя обветшавшія основы народной жизни, новыя культурныя понятія становятся руководящими ея началами, народъ ищетъ обновленія, народъ жаждетъ избавиться отъ Прокустова ложа, въ которое его втиснула изжившая самое себя, проигравшаяся до послѣдней нитки абсолютно-бюрократическая Россія. Старыя основы, на которыхъ созидалась жизнь народа, оказались совсѣмъ даже не основами, а гнилыми подпорками, падающими при первомъ прикосновеніи къ нимъ. Какъ ни много тратилось силъ на поддержаніе этихъ подпорокъ, но „невозможное—невозможно," и тѣ по необходимости должны были упасть и превратиться въ труху, въ гнилую пыль, которая, впрочемъ, пока еще не улеглась, и выѣдаетъ глаза.

На чемъ, какъ не на подпоркахъ построена жизнь героя повѣсти Максима Витряка? Ни одного обоснованнаго нравственнаго начала, ни одного прочнаго устоя не видно въ его духовной сущности. Божественный почти до святошества, консервативный во взглядахъ на крестьянскую жизнь, покорный властямъ придержащимъ, съ позволенія сказать, до глупости, совершенно лишенный при всемъ своемъ умѣ критической способности,— вотъ тотъ невзрачный обликъ Витряка, который вырисовывается передъ нами, несмотря на то, что самъ авторъ въ высшей степени симпатизируетъ своему герою и освѣщаетъ его личность съ наилучшихъ сторонъ. Авторъ, положимъ, приводитъ одинъ случай изъ жизни Витряка, когда послѣдній протестовалъ противъ панскаго насилія

Библиотека "Руниверс"

вплоть до намѣренія убить пана, защищая свою жену отъ похотливыхъ посягательствъ на нее послѣдняго (молодость Витряка захватываетъ послѣдніе годы существованія крѣпостничества), но данный эпизодъ по нашему мнѣнію, представляетъ художественную натяжку. Психологически подобный отчаянный протестъ со стороны даже такого покорнаго человѣка, какимъ былъ Витрякъ, вполнѣ возможенъ при извѣстныхъ условіяхъ, но совсѣмъ непонятно, какимъ образомъ послѣ того, какъ Витрякъ бросился съ вилами на пана, герой повѣсти не попалъ въ Сибирь? Авторъ объясняетъ это тѣмъ, что барыня упросила пана помиловать Витряка. Почему барыня, которая, какъ можно судить, не пользовалась никакимъ вліяніемъ на своего дикаго мужа, открыто насиловавшаго всѣхъ нравившихся ему молодицъ, не обращая вниманія на жену, почему въ данномъ случаѣ барыня возъимѣла вдругъ вліяніе на мужа, этого авторъ не объясняетъ, да врядъ ли и въ состояніи объяснить. Поэтому отсутствіе критицизма и протеста остается основною чертою въ характерѣ Витряка.

Самъ Максимъ Витрякъ съумѣлъ заключить себя въ скорлупу, въ которую не проникало никакое посторонее вліяніе, такимъ образомъ его *физическая* жизнь проходитъ довольно гладко. Для его жизни, однообразной изо дня въ день, ея основы-подпорки оказались вполнѣ достаточными. Но гнилость ихъ и ничтожество съ потрясающею яркостью обнаружились на дѣтяхъ Витряка, особенно же на двухъ сыновьяхъ его, Якимѣ и Петрѣ. Первый, какъ только его коснулась казарменная россійская культура, не устоялъ и превратился въ бездѣльника и пьяницу. Второй извращенъ городскою приказчичьею культурою. Научившись философствовать на тему: „Эхъ жисть ты наша матузяная!“,— Петро стремится всѣми средствами къ осуществленію своихъ завѣтныхъ мечтаній о купеческой полупанской жизни и попадается въ распространеніи фальшивыхъ денегъ. Тухлость основъ—подпорокъ крестьянской жизни погубила и старшаго сына Витряка Охрима и его единственную дочь Орысю.

Не погибъ для себя и для людей одинъ только сынъ Витряка, послѣдняя его надежда, Павлусь. Онъ нашелъ твердыя основы для своей жизни въ штундизмѣ, безжалостно отбросивъ старый хламъ—гнилыя подпорки, на которыхъ строилъ свою жизнь отецъ. Но для самого Витряка Павлусь погибъ. Витрякъ видитъ въ немъ крушеніе своихъ идеаловъ, своей религіи, своего міропониманія, гибель своего *я*. Вотъ почему на Витряка отчужденіе отъ него Павлуся производитъ большее впечатлѣніе чѣмъ предшествовавшія несчастія. Тутъ же обнаруживается вся несотоятельность основъ - подпорокъ старой Витряковой жизни. Что можетъ противопоставить Витрякъ тѣмъ твердымъ принципамъ,

Библиотека "Руниверс"

которые выдвигаетъ его сынъ Павлусь? — „Не намы воно заведено, не намы й выведется. Що намъ нимецька вира?.. Нимцямъ не дано того, що намъ дано...“— вотъ тѣ ничего не значащія пустыя положенія, которыя противопоставляетъ Витрякъ неопровержимой критикѣ консисторской религіозности православныхъ и ихъ жизни. Павлусь вооруженъ достаточнымъ знаніемъ для защиты своихъ осново-положеній. Что можетъ опять-таки противопоставить этому знанію незнаніе Витряка? „Горе тоби, пысьменный, але гордый и заблудлый розуме!“ Это все, чѣмъ можетъ отвѣтить Витрякъ на силу знанія.

Витрякъ заблуждался. Но въ томъ не было его вины. Его жизнь, какъ и всего крестьянства, направлялась сверху. Онъ самъ не управлялъ ею. Люди простроили плохой *млынъ витрякъ*, и вина людей, что *витрякъ* мололъ плохо и не крѣпко держался... Стройте прочную паровую мельницу, чтобы работа ея не зависѣла отъ случайнаго вѣтра, чтобы она давала чистую муку, безъ сора, и стояла бы долгое время...

Въ заключеніе замѣчу, что заглавіе повѣсти: „Наша доля—Божа воля“ затемняетъ ея смыслъ.

Д—въ.

Украиньске весилля. *(Зъ голосами.) Записавъ* **Ив. Демченко**. *Изданіе типографіи Е. И. Фесенко, въ Одессѣ. 1905 г.*

Развитой и устойчивый ритуалъ украинскаго „весилля“ много разъ привлекалъ къ себѣ вниманіе этнографовъ своимъ богатствомъ фольклорнаго матеріала, бытовыми особенностями, чертами народнаго юмора, драматическимъ характеромъ и пережитками отдаленныхъ временъ древне-славянскаго житья-бытья.

До коней, буяре, до коней
Та до гострого меча!
Та не бійтеся ночи—Богъ вамъ до помочи! (стр. 12)

Такъ поютъ „свитылкы“ и „бояра“, идя съ молодымъ изъ его хаты къ молодой. Въ этой короткой пѣсенкѣ слышится ясный отзвукъ далекаго времени „умыканія“ невѣстъ, когда молодецъ иной разъ добывалъ себѣ дѣвицу темною ночью съ оружіемъ въ рукѣ.

Свадебный ритуалъ имѣетъ въ глазахъ народа большое юридическое значеніе. Недавно въ одной изъ кіевскихъ газетъ сообщалось слѣдующее заслуживающее вниманія извѣстіе. Въ одномъ селѣ свя-

Библиотека "Руниверс"

щенникъ ни за что не соглашался, по какимъ—то для него лишь понятнымъ причинамъ, обвѣнчать пару молодыхъ. Тогда молодые и ихъ родственники съ согласія односельчанъ рѣшили устроить только „весилля“, безъ вѣнчанія въ церкви, и считать бракъ въ такой формѣ вполнѣ законнымъ, что и было исполнено. Лишь такая мѣра со стороны сельчанъ побудила священника согласиться совершить обрядъ вѣнчанія.

Все отмѣченное дѣлаетъ свадебный обрядъ интереснымъ въ научномъ и художественномъ отношеніи. Поэтому это самый счастливый народный обрядъ по степени интереса къ нему этнографовъ и писателей.

Драматическій характеръ свадебнаго обряда давно уже манилъ къ себѣ драматурговъ. Въ русской литературѣ вліяніе великорусской свадьбы на драму стало сказываться еще въ XVIII вѣкѣ въ такъ называемой музыкальной драмѣ. Въ пьесѣ: „Невѣста подъ фатой или мѣщанская свадьба“ представлялась встрѣча свадебнаго поѣзда; въ „Колдунѣ—ворожеѣ и свахѣ“ изображались сговоръ и дѣвишникъ; почти цѣлое дѣйствіе было посвящено свадебнымъ обрядамъ въ комической оперѣ Михаила Матинскаго: „С.-Петербургскій гостинный дворъ“. Этотъ полународный видъ драмы, заглохнувъ на русской почвѣ, нашелъ свое продолженіе въ литературѣ украинской, гдѣ „Наталка Полтавка“ положила начало богатому ряду драматическихъ произведеній съ музыкою. *) Среди нихъ можно указать драму М. Л. Кропивницкаго: „Дви семьи“, въ которую авторъ художественно вплелъ украинскій свадебный обрядъ.

Украинскіе этнографы отдавали предпочтеніе свадебному обряду передъ всѣми другими, и послѣднему мы обязаны тѣмъ, что въ украинской этнографіи имѣется большое количество подробно записанныхъ цѣльныхъ свадебныхъ обрядовъ, идущихъ изъ различныхъ мѣстностей Украины. У О. Кольберга, Чубинскаго, Гринченка, Малинки и др. мы находимъ такіе *списки* украинской свадьбы. Не такъ давно—въ майской книжкѣ *Кіевской Старины* за 1905 г. былъ также помѣщенъ подобный *списокъ* „Весилля въ с. Отакахъ“, г. Яблоновскаго.

Въ настоящее время у насъ имѣется еще одна запись украинскаго „весилля“, сдѣланная г. Демченко въ мѣстечкѣ Монастырищѣ, Липовецкаго у. Кіевской губ. Г. Демченко записалъ не только самыя пѣсни свадебнаго обряда, но и мелодіи къ нему, что очень цѣнно, такъ какъ, насколько намъ извѣстно, лишь записи свадебнаго обряда у Кольберга снабжены мелодіями: ни у Чубинскаго, ни у г. Гринченка мелодій нѣтъ.

Это—общій недостатокъ нашей русской этнографіи, что изученіе народной поэзіи и обряда не идетъ параллельно съ изученіемъ сопро-

*) *А. М. Лобода.* Народность въ рус. музыкальной драмѣ сто лѣтъ назадъ (Оттискъ изъ XIII-й книги „Чтеній въ Ист. Общ. Нестора Лит.), стр. 14 и 31.

Библиотека "Руниверс"

вождающей ихъ музыки. Этнографы чаще всего незнакомы съ музыкою, а музыканты мало интересуются простыми и иногда однообразными напѣвами. На XIII Археологическомъ съѣздѣ въ г. Екатеринославѣ членами съѣзда въ бесѣдѣ по поводу доклада П. И. Тиховскаго: „Нужды современной малорусской этнографіи“ и самымъ докладчикомъ выражалось пожеланіе, чтобы собираніемъ народныхъ мелодій занялись наши музыкальныя общества. И съ этимъ надо было бы поспѣшить, потому что старая народная хоровая музыка все болѣе и болѣе уступаетъ мѣсто довольно крикливымъ, разухабистымъ мотивамъ.

Рядомъ съ этимъ выдвигается вопросъ о возвращеніи народу утраченныхъ, забытыхъ имъ хорошихъ мелодій и словъ. Этотъ вопросъ возникаетъ у всякаго, кто поближе приглядится къ современному поэтическому оскудѣнію народа.—Не пора ли намъ болѣе энергичнымъ образомъ разрабатывать по научному методу собранный этнографическій матеріалъ, а затѣмъ придать ему литературную, по возможности художественную, форму и въ такой улучшенной формѣ возвратить его народу, путемъ книги и школы“ *) Поэтому весьма пріятнымъ извѣстіемъ было сообщеніе газетъ о томъ, что книга г. Демуцкаго: „Лира и йии мотивы“ допущена въ народныя школы, гдѣ она, безъ сомнѣнія, окажется вполнѣ умѣстною.

Что касается сборника г. Демченко, то главный интересъ его заключается именно въ мелодіяхъ, приложенныхъ къ пѣснямъ. Со стороны внѣшне-обрядовой онъ представляетъ слишкомъ мало данныхъ, но пѣсенъ помѣщено въ сборникѣ много—277 №№. Кромѣ того, къ сборнику приложено четыре прекрасно исполненныхъ рисунка г. Ждахи, изображающихъ различные моменты свадьбы: 1) „Сватання“ (старосты съ хлѣбомъ); 2) „Ставлять гыльце на столи“; 3) „Молоду покрываютъ“; 4) „Весилля“ (игры на свадьбѣ).

Сборникъ г. Демченко, изданный очень опрятно, будетъ весьма желательнымъ вкладомъ въ популярную этнографическую литературу, а также будетъ не безполезенъ и для изучающаго народную словесность.

Владиміръ Даниловъ.

---

*) Проф. М. Н. Бережковъ. „Докладъ о занятіяхъ археологической комиссіи“. Нѣжинъ, 1903 года.

Библиотека "Руниверс"

Документы, извѣстія и замѣтки.

Къ исторіи матеріальнаго положенія малороссійскаго духовенства въ 18 вѣкѣ. Матеріальное положеніе малороссійскаго духовенства въ 18 вѣкѣ отличалось полною неустойчивостью, такъ какъ въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ опредѣлялось особымъ договоромъ члена причта съ приходомъ. Хотя центральной властью въ 1765 г. отмѣненъ былъ договоръ членовъ причта съ прихожанами и установлена опредѣленная такса за требы, тѣмъ не менѣе старый, вѣковой обычай не такъ скоро уступилъ силѣ бумажныхъ предписаній. И въ 1782 г. въ переяславской епархіи еще заключались письменные договоры священниковъ и причетниковъ съ прихожанами о матеріальномъ обезпеченіи первыхъ, равно какъ въ то же време избраніе священно-церковнослужителей приходами практиковалось еще сплошь и рядомъ, не смотря на давно уже проявившееся стремленія власти упразднить выборное начало и замѣнить его назначеніемъ священниковъ и причетниковъ архіерейской каѳедрой[1]). Гораздо устойчивѣе доходовъ членовъ причта были тѣ подати, какія имъ приходилось взносить въ архіерейскую казну. Но и тутъ встрѣчались колебанія и измѣненія. Вопросъ о взносахъ отъ церквей и приходовъ въ пользу архіерейскихъ каѳедръ въ 18 вѣкѣ остается до сихъ поръ открытымъ [2]). Вотъ нѣкоторыя данныя къ разрѣшенію его [3]).

---

[1]) См. въ архивѣ Полтавск. дух. консисторіи дѣло бывшей Переяславской консисторіи.

[2]) Данныя для рѣшенія вопроса приведены отчасти г. Крыжановскимъ въ ст. „Очерки быта малоросс. сел. духовенства въ 18 в.“, въ ж. „Руководство для сел. пастырей“ 1861, 62 и 64. гг.

[3]) Заимствованныя изъ дѣлъ Кіевской и Переяславской консисторіи, нынѣ хранящихся въ архивѣ полтав. д. консисторіи.

Библиотека "Руниверс"

Въ 1741 г. епископъ Переяславскій Арсеній Берло произвелъ ревизію приходскихъ дворовъ своей епархіи и сообразно съ свѣдѣніями, полученными отъ ревизіи, сдѣлалъ распоряженіе о взносахъ на архіерейскую каѳедру съ церквей и священниковъ сообразно съ количествомъ дворовъ того или другого прихода. Въ силу этого распоряженія, съ прихода, въ которомъ числился 171 дворъ, взносилось ежегодно въ архіерейскую казну: изъ церковныхъ денегъ — 1 р. 71 коп. „мировыхъ", 1 рубль и 1 четверикъ пшеницы на семинарію и 3 четверика овса въ пользу конюшни архіерея; изъ личныхъ доходовъ священника— по 3 р. 37 коп. (всего 6 р. 74 коп. въ годъ) два раза въ годъ, къ Рождеству и Пасхѣ, „столовыхъ" и „экспенсовыхъ". Это распоряженіе еп. Арсенія оставалось въ силѣ и въ 1762 г., когда на основаніи его съ приходовъ, „въ коихъ по 60 дворовъ з залишкомъ находится", взимали по—96 коп. „столовыхъ", 64 коп. „мировыхъ", 80 коп. „экспенсовыхъ," 1 четверикъ овса на архіерейскую конюшню и 30 коп. на семинарію.

Имѣемъ еще свѣдѣнія, что въ 1757 г. въ протопопіи крѣпости св. Елисаветы, только что включенной въ составъ епархіи Переяславской, были такіе взносы: съ прихода въ 78 дворовъ — 78 коп. „столовыхъ", 39 коп. „экспенсовыхъ", 39 коп. „мировыхъ", 17 1/4 коп. „хмеліовыхъ" (=солодовыхъ); 90 дворовъ — 90 коп. „столовыхъ", 45 коп. экспенсовыхъ", 45 коп. „мировыхъ", 22 1/2 к. „хмеліовыхъ" и т. д. [1]).

Въ Кіевской епархіи въ 1766 г. [2]) существовали епархіалные сборы съ церквей и духовенства въ такомъ размѣрѣ, что съ прихода въ 58 дворовъ взимали столовыхъ — 1 р. 16 к., мировыхъ — 29 коп., солодовыхъ — 14 1/2 коп.

Податная система, принятая въ кіевской епархіи, была проще той, какой слѣдовали въ переяславской; между тѣмъ какъ въ кіевской брали за каждый дворъ въ приходѣ 2 коп. столовыхъ, „денежку" мировыхъ и „полушку" солодовыхъ, въ Переяславской епархіи была принята система распредѣленія приходовъ по классамъ или группамъ, съ которыхъ брали взносы въ опредѣленномъ количествѣ, не поддающіеся точному согласованію съ количествомъ дворовъ въ приходѣ.

Кромѣ указанныхъ сборовъ, архіерейская каѳедра имѣла еще доходъ отъ антиминсовъ и „вѣнечныхъ памятей". За антиминсы брали отъ 1 до 5 рублей за каждый, что же касается „вѣнечныхъ памятей", то съ вѣнчавшихся первымъ бракомъ въ казну архіерейскую брали 24 к.

---

1) Вѣроятно, тутъ имѣется въ виду полугодичный взносъ.

2) Эти размѣры сборовъ, надо полагать, существовали много лѣтъ.

Библиотека "Руниверс"

со второбрачныхъ — 50 коп., а при смѣшанномъ бракѣ (когда одно лицо — холостое, а другое — вдовое) 36 коп.; кромѣ того, съ каждой брачущейся четы взимали еще по 3 коп. въ пользу „канцеляріи“ или „конторы“ каѳедральной [1]). Указанными сборами не исчерпывались вполнѣ источники доходовъ архіерейскихъ каѳедръ. Существовали еще доходы въ видѣ — платы каждымъ ставленникомъ за грамоту, эпитрахильнаго сбора (получавшагося съ вдовыхъ священниковъ), половины доходовъ съ приходовъ, временно завѣдывавшихся посторонними священниками, и т. п. [2]).

Вл. П—ко.

Разведеніе табаку въ Малороссіи въ 1760-хъ годахъ. Въ 1763 г. изъ Петербурга въ Малороссію пришло предписаніе, которымъ повелѣвалось— „къ заведенію въ малой Россіи разныхъ иностранныхъ табаковъ учредить въ малороссійскомъ городѣ Ромнѣ [3]) табачную контору подъ главною дирекціею дѣйствительнаго статскаго совѣтника Теплова и всѣмъ малороссійскимъ обывателямъ изъ оной чрезъ два года выдавать сѣмена американскія безденежно по пропорціи каждаго собственнаго его засѣва“. Въ 1766 г., видя, что малороссійскіе „обыватели о заведеніи и размноженіи табаку мало старанія прилагаютъ“, правительство прибѣгло къ повторенію своего распоряженія и къ публикаціи его по церквамъ, а также постаралось привлечь монастырскія экономіи къ разведенію табаку на монастырскихъ земляхъ. (См. въ дѣлахъ, хранящихся въ архивѣ Полтавской дух. консисторіи).

Вл. П—ко.

Къ исторіи Кіево-Софійскаго собора. Въ журналѣ словесныхъ резолюцій митрополита Кіевскаго Гавріила Кременецкаго есть, между прочимъ, одна запись, имѣющая значеніе какъ для исторіи иконописи, такъ и для характеристики этого преосвященнаго, сыгравшаго большую роль въ переустройствѣ церковной жизни Малороссіи въ 70-хъ и 80-хъ годахъ 18 вѣка. Именно, подъ 7 октября 1774 г. записано: „Въ Кіево-Софійской катедралной большой церкви на хорах въ написанном

---

[1]) Такъ по крайней мѣрѣ практиковалось въ епархіи Переяславской въ 1756 г.

[2]) Данную замѣтку слѣдуетъ поставить въ связь съ замѣткой „Къ вопросу о доходахъ и расходахъ архіерейскихъ каѳедръ въ 18 вѣкѣ“, помѣщ. въ октябр. кн. „Кіевск. Старины“ 1905 г.

[3]) Нынѣ уѣздный городъ Полтавской губерніи—Ромны.

Библиотека "Руниверс"

адѣ разные непристойные вещи и людей въ коронах и разномъ одѣяніи Его преосвященство (т. е. м. Гавріилъ) изволилъ приказать позатирать, а издѣлать толко тму и огнь и въ ономъ оставить людей нагихъ" (см. въ архивѣ Полтавск. дух. консисторіи).

Вл. П—ко.

Къ народной демонологіи. (Изъ с. Косарева, Дубенскаго у. Волын. губ.) Среди разнообразныхъ повѣрій, сохраняющихся среди простого народа на Волыни, едва ли не самымъ интереснымъ по существу и обильнымъ по разсказамъ разнаго рода, его иллюстрирующимъ, слѣдуетъ считать вѣрованіе въ непосредственное общеніе съ умершими, которые по народному выраженію „ходять", т. е. встаютъ изъ могилъ и приходятъ навѣщать своихъ родныхъ или знакомыхъ. Понятіе „ходять" слѣдуетъ въ данномъ случаѣ понимать широко: если приходится видѣть покойника во снѣ, это значитъ онъ „ходить"; при стукѣ и шумѣ на чердакѣ,—предположеніе является, что покойникъ ходитъ; наконецъ, если разстроенное воображеніе рисуетъ образъ покойника, особенно въ темнотѣ, то и эти случаи входятъ въ составъ понятія „ходять". Настойчиво поддерживаемый обычай класть во гробъ при похоронахъ покойнику—мужчинѣ шапку подъ мышку до извѣстной степени показываетъ, что функція этого предмета, т. е. шапки, выполнявшей свое назначеніе при жизни его обладателя, не прекращается по убѣжденію крестьянъ и послѣ смерти послѣдняго. Кромѣ, того слова одного похороннаго причитанія, въ которомъ содержится такое обращеніе къ покойнику — „не забувай же мене в лиху годину; приходь поможи"— вполнѣ ясно и опредѣленно указываетъ на это вѣрованіе, отмѣчая даже въ немъ довольно важную потребность, а именно помощь, оказываемую умершимъ родичемъ; въ указаніи цѣли прихода покойниковъ можно предполагать остатки того культа предковъ, яркую картину котораго далъ Спенсеръ въ одномъ изъ своихъ изслѣдованій.

Но если въ однихъ случаяхъ цѣль посѣщенія покойниковъ—помощь и благодѣяніе живущимъ, что признается желательнымъ, то въ другихъ такою цѣлью является месть или вообще желаніе причинить зло, непріятность. Вообще слѣдутъ замѣтить, что по сознанію народа „ходят з того світа" въ большинствѣ случаевъ люди, бывшіе при жизни злыми, сварливыми, словомъ не вполнѣ безупречными въ нравственномъ отношеніи. Мнѣ лично приходилось слышать ссору, происходившую между двумя женщинами, изъ которыхъ одна была постарше. Та, которая была помоложе, замѣтила: „ти така сварлива, що й по смерті не заспокоїшся; мабуть придеш зо мною сваритись!"— „Во таки прийду:

Библиотека "Руниверс"

й ни їден раз, і налякаю тебе!“ — „А не дождеш,“ отвѣтила молодая, „я насиплю маку свяченого, закличу попа, буду святити хату; тоді й не підступиш.“

Частое хожденіе покойниковъ само по себѣ считается явленіемъ нежелательнымъ; освободиться отъ частаго посѣщенія такихъ гостей составляетъ пламенное желаніе тѣхъ, у кого эти гости появляются. Вѣря въ полную невозможность устранить совершенно это явленіе (т. е. хожденіе покойниковъ) такъ-же, какъ невозможно устранить явленія жизни и смерти въ природѣ, поселяне прибѣгаютъ иногда къ нѣкоторымъ средствамъ, которыя по ихъ мнѣнію помогаютъ избавиться отъ непрошенныхъ и подчасъ вредныхъ посѣтителей „з того світа.“ Такими средствами служатъ макъ, просо, сталь и мѣлъ. Я не буду подробно говорить о роли мака въ этихъ случаяхъ, такъ какъ объ этомъ была замѣтка въ одной изъ книжекъ „Кіевской Старины;“ [1]) считаю нужнымъ только прибавить, что къ этому средству прибѣгаютъ въ крайнихъ случаяхъ, когда, несмотря на всѣ просьбы, покойникъ не желаетъ прекратить своихъ посѣщеній. Примѣненіе всѣхъ указанныхъ средствъ народомъ считается вообще предосудительнымъ, а вслѣдствіе этого и дѣломъ, не подлежащимъ—огласкѣ. Поэтому разсказы объ этомъ всегда сопровождаются такого рода замѣчаніями: „ми, Боже сохрани, нікди цього ни робимо, али люди, кажуть, роблять,“ при этомъ называютъ тѣхъ, которые примѣняли то или другое средство; для этой надобности употребляется макъ „видюк,“ т. е. въ головкахъ котораго есть дырочки, и онъ легко высыпается; притомъ макъ освященный.

Въ то время какъ употребленіе мака для названной цѣли считается „тяжкимъ грѣхомъ“, употребленіе другихъ средствъ—проса, желѣза и стали грѣхомъ не считается. Вслѣдствіе этого находятъ болѣе удобнымъ и предпочтительнымъ передъ макомъ употреблять, напр. просо, которое, какъ мнѣ поясняла одна крестьянка, должно показывать, что тѣ, которые посыпаютъ, *просятъ* покойника не приходить. Просомъ обыкновенно посыпаютъ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ показывается покойникъ, который для того, чтобы получить возможность прійти во второй разъ, долженъ собрать по зернышку все, что насыпано.

Хожденіе покойника иногда происходитъ не только съ тою цѣлью чтобы доставить непріятность и безпокойство всѣмъ въ домѣ (такъ напр. говорятъ: стукае по горі, кидае цеглу з коміна, б'е горшкі и т. п.), но чтобы безпокоитъ кого-либо одного, сводя съ нимъ личные счеты, не оконченные при жизни. Въ этомъ случаѣ, какъ говорятъ, безпо-

[1]) Статья: Макъ въ народной демонологіи Волыни. 1905 г. кн. IV, стр. 34-36.

Библиотека "Руниверс"

койство довольно серьезно; чтобы на него не обращать вниманія: покойникъ тормошитъ спящаго, сбрасываетъ съ него одежду, которою спящій покрытъ; вытаскиваетъ изъ-подъ него *доски полога,* на которомъ онъ спитъ и т. п. Чтобы оградить себя отъ этихъ непріятностей, крестьяне прибѣгаютъ къ помощи стали. Такъ какъ въ этихъ случаяхъ по вѣрованію крестьянъ принимаетъ участіе „нечиста сила", то ими освящаютъ предметы, могущіе отогнать ее, или кладутъ ее съ произнесеніемъ молитвы: „Да воскреснетъ Богъ." Предметы, чаще всего употребляемые, это слѣдующіе: коса, серпъ, ножъ и топоръ. Въ большинствѣ случаевъ ихъ кладутъ подъ подушку, на которой спятъ; иногда, въ рѣдкихъ случаяхъ, когда не помогаетъ средство, примѣняемое такимъ путемъ, поступаютъ такъ: вокругъ того мѣста, гдѣ долженъ спать человѣкъ, желающій избавиться отъ безпокойствъ „нечистої сили," обводится черта „свяченою крейдою," и на этой чертѣ кладется нѣсколько косъ такъ, чтобы они окружили ложе спящаго; кромѣ того подъ подушку кладется топоръ и серпъ, иногда и ножъ. Эти средства въ своей совокупности обязательно помогаютъ, какъ утверждаютъ крестьяне. Сила, заключающаяся въ этихъ средствахъ, все-таки обусловливается по сознанію крестьянъ силою молитвы.

Вячеславъ Каминскій.

28 Ноября 1905 г.

Непонятная тревога. Въ январѣ 1840 г. ровенскій земскій исправникъ рапортомъ донесъ генералъ-губернатору Бибикову, что, по наблюденіямъ его за дѣйствіями помѣщиковъ во время настоящихъ „контрактовъ" въ г. Дубнѣ 1) замѣчается, что знатнѣйшіе помѣщики, находящіеся на жительствѣ заграницею, или стараются продавать свои здѣшнія имѣнія, или подъ разными предлогами и безъ очевидной надобности занимаютъ на оныя деньги. Князь Чарторыйскій, жительствующій въ г. Вѣнѣ, продалъ нынѣ шесть тысячъ душъ въ Царствѣ Польскомъ, и повѣренные его всемѣрно старались продавать состоящій въ Ровенскомъ уѣздѣ Клеванскій ключъ, въ коемъ 2400 душъ. Князь Михаилъ Радзивилъ, тоже жительствующій въ г. Вѣнѣ, не только что заложилъ въ банкъ до послѣдней души имѣнія своей дочери въ Ровенскомъ уѣздѣ, но и занимаетъ значительныя суммы, тогда какъ онъ извѣстный капиталистъ. Вообще во время контрактовъ знатнѣйшіе помѣщики оказали большую жадность къ займу денегъ".

---

1) Въ то время, кромѣ контрактовой ярмарки въ Кіевѣ, существовала ярмарка съ тѣмъ же названіемъ и въ Дубнѣ.

Библиотека "Руниверс"

О томъ же 10 февраля доносилъ Бибикову и Волынскій гражданскій губернаторъ Лашкаревъ по даннымъ, доставленнымъ ему тѣмъ же ровенскимъ исправникомъ, при чемъ извѣщалъ, что имъ дано исправнику предписаніе „сколь можно ближе наблюдать за дѣйствіями помѣщиковъ въ этомъ случаѣ, дабы открыть, не скрывается ли въ подобныхъ ихъ поступкахъ какихъ-либо вредныхъ предпріятій противъ правительства".

Эти извѣстія, видимо, встревожили генералъ-губернатора, и онъ приказалъ составить донесеніе обо всемъ этомъ начальнику III отдѣленія графу А. Х. Бенкендорфу; но на этомъ донесеніи имѣется такая отмѣтка: „Докладывано 25 февраля. Приказано оставить, ибо оказалось несправедливо".

Совершенно непонятно, почему намѣреніе польскихъ помѣщиковъ продавать свои имѣнія въ Югозападномъ краѣ могло возбуждать въ представителяхъ мѣстной высшей администраціи такую тревогу, что объ этомъ нужно было увѣдомлять Бенкендорфа, какъ о политическомъ предпріятіи, направленномъ „противъ правительства"? Казалось бы, такому намѣренію (еслибы оно въ дѣйствительности проявилось) слѣдовало бы содѣйствовать всѣми средствами, ибо главная сила полонизма въ югозап. краѣ заключалась,—какъ это прекрасно понималъ тотъ же Бибиковъ,—именно въ поземельномъ дворянствѣ, владѣвшемъ громадными имѣніями; а тогдашній кіевскій митрополитъ Филаретъ, въ своей запискѣ „Объ улучшеніи положенія крестьянъ въ губерніяхъ отъ Польши присоединенныхъ", пред тавленной государю въ январѣ того же 1840 г., подавалъ правительству прекрасный совѣтъ—всѣми мѣрами стараться пріобрѣтать въ казну или въ удѣлы имѣнія отъ польскихъ помѣщиковъ, чтобы этимъ одновременно достигалась двоякая цѣль: ослабленіе польской земельной аристократіи и облегченіе участи крестьянъ путемъ перевода изъ-подъ панскаго гнета на болѣе льготное положеніе государственныхъ и удѣльныхъ крестьянъ.

О. Л.

Стихотвореніе ссыльнаго украинца половины XVIII ст. Лѣтомъ минувшаго 1905 года въ г. Архангельскѣ, на чердакѣ одного дома, въ сундукѣ, найдено нѣсколько старинныхъ рукописей. Въ числѣ ихъ оказалась одна довольно толстая (ок. 200 страницъ) тетрадь въ листъ, написанная четкимъ красивымъ почеркомъ начала XIX в. Заключаетъ она въ себѣ рядъ мелкихъ статей, списанныхъ частью съ другихъ рукописей, а частью изъ разныхъ журналовъ начала XIX в., самаго разнообразнаго содержанія: здѣсь и царскіе манифесты, рескрипты и пись-

Библиотека "Руниверс"

ма разныхъ государей, какъ русскихъ (Екатерины II, Павла и Александра I), такъ и иностранныхъ, копіи писемъ разныхъ государственныхъ дѣятелей—А. Суворова, Румянцева и др., и наконецъ сатирическія произведенія на злободневныя событія и разнаго рода стихотворенія. [1]) Между послѣдними имѣются произведенія мѣстныхъ архангельскихъ поэтовъ 2-й пол. XVIII в., какъ-то: Ѳомина, Аф. Брян. и др. въ числѣ ихъ самымъ старымъ по времени написанія представляется стихотвореніе, озаглавленное такъ: „*Епиграмма на спускъ нынѣшняго 754 года трехъ Баженина кораблей*". Кѣмъ оно написано, не извѣстно, но судя по нѣкоторымъ словамъ, употребленнымъ въ немъ, какъ наприм. слову „*треба*", можно думать, что авторомъ его былъ одинъ изъ ссыльныхъ украинцевъ, проживавшихъ въ серединѣ XVIII в. въ Архангельской губ., быть можетъ кто-либо изъ семьи Дмитрія Максимовича, генеральнаго эсаула и судьи, сторонника гетмана Ивана Мазепы. Думаемъ такъ вотъ почему. Послѣ Полтавской битвы Дмитрій Максимовичъ бѣжалъ въ Турпію, но вскорѣ вернулся обратно на родину. Въ 1711 году онъ высланъ былъ изъ г. Глухова въ г. Архангельскъ. По указу имп. Петра I отъ 30 января 1713 г. Максимовичъ, какъ отличившійся сметливостію и физической силой, опредѣленъ былъ надсмотрщикомъ корабельной верфи, находившейся на р Сѣв. Двинѣ, при впаденіи въ нее р. Вовчуги, верстахъ въ 60—70 отъ г. Архангельска вверхъ по рѣкѣ, и состоявшей подъ управленіемъ извѣстнаго въ то время на сѣверѣ кораблестроителя Федора Баженина и его двухъ братьевъ. Вскорѣ за симъ присланы были въ г. Архангельскъ и сыновья Максимовича Федоръ и Иванъ.[2]) При немъ жила и жена его; въ бывшихъ въ нашемъ разсмотрѣніи исповѣдныхъ росписяхъ Архангельскаго собора первой половины XVIII в. имѣется запись о томъ, что Дмитрій Максимовичъ и жена его великимъ постомъ говѣли въ соборной церкви. Состоя въ близкихъ отношеніяхъ съ Баженинымъ, кто-либо изъ членовъ семьи Максимовича—сынъ его Иванъ или кто

---

[1]) Между прочимъ, здѣсь встрѣчается извѣстная политическая сатира по поводу раздѣла Польши, подъ названіемъ: *Катехизисъ Полской*, въ формѣ пародіи на Отче нашъ, Здровась Марія, символъ вѣры и 10 заповѣдей. Не приводимъ ее здѣсь, такъ какъ она была уже помѣщена въ „Кіев. Стар." 1885 г., апрѣль.

Текстъ этой сатиры могли занести на далекій сѣверъ скорѣе всего ссыльные малороссіяне.

[2]) Біографич. свѣдѣнія о семьѣ Дм. Максимовича мною позаимствованы между прочимъ изъ статьи П. Ефименка *Ссыльные малороссы въ Арханг. губ.* Кіевск. Старина. 1882 г. сентябрь.

Библиотека "Руниверс"

другой, проживавшій въ 1754 г. въ г. Архангельскѣ и его уѣздѣ, могъ написать упомянутое стихотвореніе.

Какъ произведеніе украинской музы, хотя и обрусѣлой или, точнѣе, старавшейся приспособиться къ вкусамъ мѣстной публики, стихотвореіе это представляетъ нѣкоторый интересъ для украинцевъ, и потому предлагаю его вниманію читателей „Кіевской Старины".

Епиграммы.

На спускъ нынѣшняго 754 года трехъ Баженина кораблей.

1.

Зѣло чюдесно дѣло! Лѣсъ нечювственъ бывши,
Слѣпившись, възбѣгъ на воду, аки бы ожившии,
И плаваетъ пошлушливъ (sic), куда кому вольно;
А такихъ чюдесъ и здѣсь въ Вавчюгѣ довольно.
И такъ лгутъ раскольщики, будтобъ нынѣшный свѣтъ
Нетаковъ, какъ прежде былъ, и чюдотворцевъ нѣтъ.

2.

Баженинъ, твои, по сухой земли,
На Двину чюдно възбѣгли корабли.
Почто жъ еще дряхлъ и умильно чтивъ?
С ума-ль не сходитъ собачей проливъ? [1])
Инъ с Волковыхъ [2]) штрафъ доправить *треба*,
Что для своего знать онъ хлѣба
Въ свою фамилію, подъ гору, въ ивнякъ,
Таковыхъ вредныхъ приняли собакъ.

3.

Три огромныхъ горы Бажениныхъ [3]) трое
Чудно зъдвигли съ земли на быстрый токъ Двинской;
Но еслибъ ихъ было за десятокъ въдвое,
То бъ, чаять, подвигли и Вавчюгу съ горой.

---

1) Названіе мѣстности.
2) Фамилія хлѣботорговцевъ.
3] Братья Баженины славились своею силой.

Библиотека "Руниверс"

4.

Спустя корабли на Двинской хребетъ,
Баженинъ унылъ идетъ на обѣдъ.
Знатно, страшитъ Собачей протокъ?
Не тучь [1]), пущай ту съѣсть собаку волкъ.

5.

(О)громныя кучи стащилъ съ горы крутой
Баженинъ, не смотря и на мѣлкихъ водъ страхъ;
Когда ты въ топоры, а съ сторонъ(ы) другой,
Въ колокола звучно трезвонитъ попъ Тарахъ.

Какъ долго семья Максимовичей прожила въ Архангельской губерніи, мы точныхъ свѣдѣній не имѣемъ. Знаемъ только, что они долго не прерывали связей съ Архангельскимъ краемъ. Одинъ изъ нихъ въ концѣ XVIII в. даже издалъ „*любопитный календарь*,“ заключающій въ себѣ довольно интересныя свѣдѣнія объ исторіи Двинской земли и имѣвшихся въ ней монастыряхъ.

Г. Б.

Маленькі додатки до матеріалів, записаних в с. Отаках. В Кіев. Старині 1905 р. № 10 надруковано пісні й казки, записані д. Петром Несторовським в ріжних селах Хотінського повіту, в Бесарабії. Мною теж записано у с. Отаках Хотин. повіту кілька пісень, які і подаю тут в додаток до пісень, записаних д. Несторовським.

1. Некруцька.

Ой піду я чистим полем,
Терном поколишу
На кого ж я, пане-брате, (2).
Своє дівча лишу? (2)
Тай на тебе, товаришу,
На тебе, на тебе,

1] Не тужи, мѣстное выраженіе.

Библиотека "Руниверс"

Тай доглядай того дівча (2).
Ще краще від мене. (2)
Дівчинонько, дівчинонько,
Що ж ти наробила?
Як ти знала, що я некрут, (2).
На щось мя любила? (2)
Тай хоть некрут, хоть не некрут,
Хоть москаль отставний,
Було ж мене не любити, (2).
Хоть би який гарний. (2)
Недалека дорожечка
Від Дністра до Прута,
Бідна ж моя головочка, (2).
Пішла б за некрута. (2)
Ой піду я на толоку,
А толока гожа,
А мій милий на конику,
Як червона рожа.

———

Некруцька.

Ой шкода, шкода
Рожевого цвіту,
Що розвіяв вітер
По білому світу.
Ой шкода, шкода
Хлопця молодого,
Що кажуть служити
Государу много.
Що кажуть служити,
Вірно прицягати,
За дім, за родину
Кажуть забувати.
За дім, за родину,
Тай може забуду,
За любу дівчину
Повік не забуду.
Бувайте здорові,
Тисові пороги,
Куди прохожали
Мої білі ноги.

Библиотека "Руниверс"

Куди проходив я
Білими ногами,
Споминайте мене
Добрими словами.
Споминайте мене
Добрими словами,
Що був же я хлопець
Гарний межи вами.
Ой летят ворони
З чужої сторони,
Заплакали гарні хлопці,
Що сидя(ть) в неволі.
А як вони заплакали
Та щей заголосили,
В кого ж ми се пани-братя,
Сего заслужили?
Чи в Господа Бога,
Чи в селі в громади,
Що нас таких молоденьких
В некрути забрали?
Ні в Господа Бога,
Ні в селі в громади,
Лиш нас таких молоденьких
В некрути забрали.
Подай, соцький, коні,
Коні вороніï.
Тай завезем до прийому
Хлопці молодії.
Везут же їх, везут
Битими шляхами,
А за ними десятники
З голими шаблями.
Везут же їх везут,
До корчми сягают,
А за ними рідні мами
З жалю умлівают.
А за ними рідні мами
З жалю умлівают.
Ой привезли ж їх
Перед нову браму.
А в прийомі нема землі,
Лиш самі підлоги,

Библиотека "Руниверс"

Пішли ж мої кучерики
Панам попід ноги.

Обізвався губернатор:
„Шкода тебе, синку,
Шкода хлопця молодого,
Що їдеш служити
Государу много“. —

— „На що ж мене шкодувати?
На що ж мене брати?
На що ж мої кучерики
Ножичками тяти?

Кажут мені женитися,
На що ж мені долі?
Коли в мене є в прийомі
Ранец на престолі (на столі)

Ранец, ранец на престолі,
Шабелька на клинку
Обізвався губернатор
„Шкода тебе, синку!“

———

3. Ой на горі штири гаї
Самої дубини,
Шкода мені слави тої, (2).
Що ми ся так любили (2).

Шкода мені слави тої
Ще й гонору твого,
Тай що ми ся розлучили (2).
Через їдно слово (2).

Ой розлука, мій миленький,
Розлука розлука,
Ой сеж тото наробила (2).
Товаришка сука (2).

Тай не тота товаришка,
Що товаришує,
А лиш тота товаришка, (2).
Що чари готує. (2).

———

Библиотека "Руниверс"

4. Журуся я журу,
Як вечір, так рано,
На моїм сердечку (2).
Веселости мало (2).
Веселосте ж моя,
Де ж ти ся поділа?
В лузі журавельком (2).
На калині сіла (2).
До полудня цвіла,
А з полудня зів'яла,
Уже ж моя веселість (2).
На віки пропала (2).
Йшов милий в дорогу
На самий Великдень;
Ішов попри мене (2).
Не сказав „добридень!“ (2).
Не сказав „добридень,“
Ні доброго слова,
Лиш махнух хусточков
„Будь, мила, здорова!“
„Будь, мила, здорова
Від Господа Бога!“
Я ж му відповіла:
„Щаслива дорога!“
Щаслива дорога
Від Господа Бога!
Відпала коневі
Золота підкова.
Підкова відпала,
Підківочка й буде,
Оз'му дівча любе
Другої не буде.

Приказки.

А щоб тебе побила Жванецька скала (с. Отаки).

Полекшало нашому татові: перше плював на груди, а тепер на бороду. (с. Отаки).

Сто баб, сто рад. (с. Отаки).

Живий живої гадає, а смерть свої питає (Орличани).

Библиотека "Руниверс"

Силованим волом хліба не доробишся. (Хотін).

Як не надолужив на спанню, то на взуванню (кажуть про ледачого робітника).

Хвали мене, губонько, а то роздиру тебе аж до вуха.

В торгу два дурні є: один, що багато просит, а другий що мало дає.

В. Яблоновський.

Изъ прошлаго Полтавщины. *1) Жалоба еврейскаго раввина въ думу о несоблюденіи евреями обрядовъ.* Въ 1836 году, 10 марта, полтавскій еврейскій раввинъ жаловался полтавской думѣ на несоблюденіе евреями многихъ обрядовъ. „Состоя по избранію полтавскаго еврейскаго общества, писалъ раввинъ, на наступающее съ 1836 года трехлѣтіе въ должность раввина, при исправленіи коей черезъ несоблюденіе многими евреями по вѣдомству моему, за настоящимъ исполненіемъ обрядовъ вѣры, предстоятъ мнѣ крайнія неудобства, а потому, донося о семъ оной городской думѣ, покорнѣйше прошу объ отвращеніи всякихъ недоумѣній и упущеній, посему случиться могущихъ, предписать кому слѣдуетъ дабы, огласивъ о семъ немедленно въ еврейскомъ обществѣ съ тѣмъ, чтобы каждый изъ онаго, съ частныхъ (здѣшнихъ или пріѣзжихъ) лицъ евреевъ, равно и собраній при совершеніи бракосочетанія, обрѣзанія, нареченія именъ младенцамъ и погребеніе, отнюдь предварительно объявляли о томъ мнѣ и не ослушивались бы о томъ мнѣ подъ собственное ихъ за нарушеніе сего отвѣтственности по законамъ, о чемъ не оставить снабдить меня въ резолюціи Указомъ.

Полтавскій еврейскій раввинъ Ицко Оршанскій марта 10 дня 1836.

Городская дума заслушала это заявленіе раввина въ засѣданіи 14 Марта и порѣшила предписать указомъ еврейскому кагалу, „дабы объявилъ въ обществѣ еврейскомъ, чтобы они въ исполненіи обряда по религіи своей, всѣ обязанности къ раввину ихъ относящіяся непремѣнно подъ опасеніемъ въ противномъ случаѣ за отступленіе взысканія, объявляли „о чемъ дать знать указомъ.“

Документъ этотъ по существу своему, очень рѣдкій: какъ извѣстно, евреи очень строги въ исполненіи религіозныхъ обрядовъ. Съ другой стороны, онъ интересенъ потому, что городская дума считала себя компетентной въ рѣшеніи этого вопроса. (Гор. арх. 1835, дѣло № 5091.)

Сообщ. *П. Фр. Павловскій.*

Библиотека "Руниверс"

2) Договоръ между мѣщанами о добровольномъ поступленіи въ рекруты за плату. 1839 года, мая въ семнадцатый день, мы нижеподписавшіеся мѣщане Ѳедоръ Кирилловъ сынъ Драга и Кондратъ Павловъ сынъ Недориченко, заключили между собою сіе условіе въ слѣдующемъ:

1) Вслѣдствіе дозволенія даннаго съ насъ Драгѣ обществомъ мѣщанъ города Полтавы, сего мая, въ 16 день, и въ надлежащемъ мѣстѣ того же дня засвидѣтельствованаго, я Драга нанялся добровольно поступить за семейство его Недориченко въ рекруты; а я Недориченко добровольно обязался заплатить ему за сіе государственною ходячею монетою пятьдесятъ цѣлковыхъ серебряныхъ денегъ по курсу на двѣстѣ рублей.

2) въ число сей сумы я Драга получилъ съ него Недориченка въ задатокъ одинъ цѣлковый рубль, т. е. четыре рубля. А остальныя сорокъ девять цѣлковыхъ рублей, составляющіе по курсу сто девяносто шесть получить, мнѣ, Драгѣ, въ томъ рекрутскомъ присутствіи, въ которое я буду представленъ, въ тоже время, когда оно удостоитъ меня Драгу принять въ рекруты порядкомъ въ законахъ поставленнихъ.

3) До поступленія въ рекруты содержать меня Драгу ему Недориченку, во всемъ на собственномъ его, Недориченка, иждивеніи сверхъ вышеозначенной суммы.

4) По принятіи Драги въ рекруты, ему Недориченку платить по ревизіи въ казну подати и повинности за одного меня.

5) По принятіи меня Драги въ рекруты, деньги на обмундированіе провіантъ и жалованье, заплатить въ казну такъ же ему, Недориченку на свой, а не на мой щетъ.

6) Если я, Драга, по свидѣтельству рекрутскаго присутствія окажусь въ рекруты неспособнымъ, то актъ сей самъ собою уничтожается и взятыхъ мною Драгою впередъ денегъ четырехъ рублей означеныхъ во второй статьи и издержекъ по статьи третьей сего условія на меня употребленныхъ не объвязываюсь я Драга возвращать ему Недориченку.

7) Условіе сіе по засвидѣтельствованіи въ нашей Думѣ, съ обеихъ сторонъ, выполнить свято; въ чемъ и подписуемся города Полтавы (подписи).

Далѣе слѣдуетъ удостовѣреніе Городской Думы о заключеніи этого договора между этими лицами въ ея присутствіи по добровольному согласію. (Арх. Гор. Думы., 1839, № 5806.

Сообщ. *И. Фр. Павловскій.*

Библиотека "Руниверс"

Текущія извѣстія.

Проектъ устава союза автономистовъ-федералистовъ.

I. Цѣль союза.

§ 1. Союзъ стремится къ фактическому осуществленію равноправія національностей, входящихъ въ составъ Россійскаго Государства, и къ обезпеченію всѣхъ культурно-автономныхъ правъ національнаго меньшинства, какъ въ предѣлахъ всего государства, такъ и въ предѣлахъ всѣхъ его автономныхъ частей.

§ 2. Союзъ стремится къ осуществленію въ Россіи принципа самой широкой децентрализаціи въ формѣ автономіи отдѣльныхъ областей на демократическихъ началахъ.

§ 3. Самоуправленіе и областная автономія составляютъ ближайшую цѣль союза. Его конечная цѣль — переустройство всего Россійскаго государства на федеративныхъ началахъ, какъ единственно возможныхъ на столь обширной территоріи.

§ 4. Къ достиженію своихъ цѣлей союзъ стремится путемъ самой широкой пропаганды, какъ-то: устройства митинговъ, собраній, клубовъ, докладовъ (рефератовъ), публичныхъ лекцій, печатанія газетныхъ журнальныхъ статей, изданія брошюръ, книгъ и т. п., а также путемъ систематическаго воздѣйствія на образованіе юношества и на его воспитаніе въ духѣ, соотвѣтствующемъ цѣлямъ союза.

II. Составъ и организація союза.

§ 5. Не могутъ быть приняты въ число членовъ союза лица, стоящія за сословныя, классовыя, конфессіональныя или національныя преимущества, хотя бы даже они и принадлежали къ партіи или кружку, стремящемуся къ автономно-федеративному переустройству Россійскаго государства.

§ 6. Органами союза являются съѣзды, общіе и мѣстные, и исполнительные комитеты: центральный въ Петербургѣ и мѣстные.

§ 7. Общіе всероссійскіе съѣзды созываются по мѣрѣ надобности, но не менѣе одного раза въ годъ. Организація же и сроки мѣстныхъ съѣздовъ опредѣляются мѣстными органами.

Чрезвычайные съѣзды созываются либо по почину центральнаго комитета, либо по требованію хотя бы одного мѣстнаго комитета, но поддержанному не менѣе чѣмъ $^2/_5$ (двумя пятыми) общаго числа мѣстныхъ комитетовъ.

Библиотека "Руниверс"

§ 8. На обязанности центральнаго комитета лежатъ:

а) Исполненіе постановленій и рѣшеній минувшихъ съѣздовъ.

б) Подготовленіе и созывъ предстоящихъ очередныхъ и чрезвычайныхъ съѣздовъ.

Примѣчаніе. Требованіе мѣстнаго комитета о созывѣ чрезвычайнаго съѣзда разсылается центральнымъ комитетомъ немедленно всѣмъ мѣстнымъ комитетамъ и дѣйствуетъ согласно § 7-му.

в) Пропаганда идеи союза вообще (§ 4).

г) Центральный комитетъ является представителемъ союза на всѣхъ съѣздахъ и вообще, гдѣ онъ найдетъ нужнымъ, а равно сносится по дѣламъ союза со всѣми мѣстными комитетами самаго союза, да кромѣ того съ бюро или комитетами всѣхъ партій, союзовъ и учрежденій.

Подобныя же обязанности лежатъ на мѣстныхъ комитетахъ въ предѣлахъ ихъ компетенціи.

§ 9. Члены центральнаго комитета избираются каждый разъ на очередныхъ общихъ съѣздахъ, но съ тѣмъ, однако же, чтобы въ составъ вновь избраннаго комитета входила по крайней мѣрѣ 1/3 (одна треть) прежняго состава.

Способъ составленія мѣстныхъ комитетовъ опредѣляется мѣстными съѣздами, по предложенію мѣстныхъ же комитетовъ.

§ 10. Лица, желающія согласно § 5 войти въ составъ союза заявляютъ объ этомъ или мѣстному комитету, или же центральному. Названные комитеты должны обсудить, не противорѣчитъ-ли дѣятельность изъявившаго подобное желаніе лица (а въ случаѣ его принадлежности къ какой-либо партіи — его партійная программа) основамъ союза изложеннымъ въ этомъ уставѣ, и, рѣшивъ вопросъ въ смыслѣ благопріятномъ для кандидата, вносятъ его въ списокъ членовъ союза.

§ 11. Средства союза составляются прежде всего изъ членскихъ взносовъ. Размѣръ взносовъ опредѣляется съѣздами: общими, всероссійскими — на нужды всего союза, мѣстными — на нужды мѣстныхъ организацій.

Мѣстные комитеты отчисляютъ въ пользу центральнаго извѣстную часть своихъ доходовъ согласно смѣтѣ, утверждаемой съѣздомъ.

Размѣръ ежегодныхъ членскихъ взносовъ устанавливается не ниже 1 рубля.

Кромѣ членскихъ взносовъ, средства союза могутъ увеличиваться единовременными пожертвованіями и пособіями, равно какъ и доходомъ съ публичныхъ лекцій съ продажи собственныхъ издѣлій и т. п.

Библиотека "Руниверс"

§ 12 Для провѣрки отчетности и суммъ союза избирается каждымъ съѣздомъ ревизіонная комиссія, состоящая по крайней мѣрѣ изъ трехъ членовъ.

§ 13. Какъ въ центральныхъ, такъ и въ мѣстныхъ комитетахъ всѣ вопросы рѣшаются простымъ большинствомъ голосовъ.

Голосованію подлежатъ единственно только вопросы, не выходящіе изъ предѣловъ, предусмотрѣнныхъ основными положеніями устава (§§ 1 — 3).

Для измѣненія устава требуется участіе въ съѣздѣ представителей не мемѣе $^2/_3$ (двухъ третьихъ) мѣстныхъ комитетовъ и большинство, по крайней мѣрѣ, $^3/_4$ (трехъ четвертыхъ) наличныхъ голосовъ.

§ 14. Въ случаѣ прекращенія дѣятельности союза направленіе его денежныхъ средствъ опредѣляется послѣднимъ съѣздомъ.

§ 15. Общимъ языкомъ союза, языкомъ центральнаго комитета, языкомъ общихъ съѣздовъ, равно какъ и сношеній центральнаго комитета съ отдѣльными мѣстными комитетами, признается языкъ русскій.

Мѣстные органы союза (мѣстные комитеты, мѣстные съѣзды) сами, по собственному усмотрѣнію, опредѣляютъ самый подходящій для ихъ внутренняго дѣлопроизводства и для ихъ преній языкъ, или хотя бы даже нѣсколько языковъ. (СПБ. Вѣд., № 115).

Къ вопросу объ организаціи въ Госуд. Думѣ національной украинской группы. *(Письмо А. Русова*).* Газета „Десна“ передъ лицомъ читателей Черниговской губерніи въ статьѣ г. Имшенецкаго сдѣлала мнѣ запросъ, почему я сочувствую организаціи въ государственной думѣ національной украинской группы, каковая организація по мнѣнію сотрудника этой газеты можетъ привести къ самымъ нежелательнымъ результатамъ для дѣла „народной свободы“. Я вынужденъ дать объясненіе, почему изумило меня то обстоятельство, что на первомъ собраніи группы депутатовъ, земляковъ нашихъ, среди членовъ партіи народной свободы не было представителей народа отъ Волынской и Подольской губерніи.

Да! я различаю ту свободу, какою пользовались по законамъ Солона граждане Аѳинскаго государства, но которая недоступна была илотамъ, отъ дѣйствительной народной свободы. Въ памяти моей рѣзко запечатлѣлось воспоминаніе о томъ, что въ старину учитель Новгородъ-Сѣверской гимназіи былъ уволенъ по 3-му пункту за то, что для бо-

---

*) Десна, № 57.

Библиотека "Руниверс"

лѣе наглядная объясненія ученикамъ положенія „илотовъ“ указалъ имъ на хатки „крѣпостныхъ хохловъ“. Съ тѣхъ поръ я различалъ свободу условную для лицъ извѣстныхъ сословій и національностей и свободу всенародную.

Не вступая въ обсужденіе вопроса о томъ, на какихъ принципахъ можетъ быть организована та одна „отдѣльная національная партія“, какъ во всей странѣ, такъ и въ парламентѣ, о которой говоритъ г. Имшенецкій, я считаю себя обязаннымъ отвѣтить на то, почему „для г. Русова представляется необходимымъ въ интересахъ народа, чтобы его представители дѣйствовали въ думѣ по соглашенію съ земляками“? Причины тому очень просты.

Г. Русову извѣстно изъ фактовъ черниговскаго быта, что когда онъ прибылъ въ камеру земскаго начальника вмѣстѣ съ украинцами-крестьянами, какъ уполномоченный по одному съ ними дѣлу, то со стороны послѣдняго онъ услышалъ: „Вамъ что угодно?“ Крестьяне же удостоились окрика: „Ты куда лѣзешь? а тебѣ чего?“ Русовъ знаетъ, что если бы сегодня былъ октроированъ законъ объ упраздненіи сословій и равенствѣ всѣхъ гражданъ Россійской имперіи, то еще долго представители украинской національности на обращеніе къ польскому или русскому пану со словами: „я—братъ твой“ будутъ встрѣчать только насмѣшки, издѣвательства и грубые окрики, смыслъ которыхъ: „знай сверчокъ свой шестокъ!“ Русовъ подтвержденіе такого своего твердаго убѣжденія находитъ въ тѣхъ многочисленныхъ наблюденіяхъ отношеній пановъ къ „быдлу“ украинскому, какія ему случалось дѣлать и на лѣвой и на правой сторонѣ Днѣпра въ благословенной Богомъ и проклятой правящими силами Украинѣ. Онъ встрѣчалъ, напр., въ своей жизни барышню, по фамиліи Конашевичъ-Сагайдашну, которая при его догадкѣ, что она происхожденія украинскаго, мгновенно прекратила съ нимъ разговоръ, выразивъ жестами и гримасами презрѣніе къ защитнику отъ оскорбленій украинскаго имени и величественно удалилась. Много подобныхъ анекдотовъ и воспоминаній носитъ за своими плечами Русовъ, и эта тягостная ноша убѣдила его въ томъ, что защита „національныхъ“ интересовъ всего украинскаго народа и отдѣльныхъ индивидуумовъ этой породы есть защита простѣйшаго человѣческаго достоинства, что уравненіе правъ гражданъ немыслимо безъ уравненія правъ націй, населяющихъ наше громадное государство и что украинская группа въ думѣ не можетъ быть не демократическою.

Неудивительно поэтому, что Русовъ, будучи допущенъ на собраніе украинской фракціи партіи народной свободы и встрѣтивши тамъ большинство „пановъ“, въ числѣ которыхъ были признаваемые и „Десною“ за истинныхъ демократовъ г.г. Шрагъ, Чижевскій, Присецкій,

Библиотека "Руниверс"

Свѣчинъ и др., изумился, отчего нѣтъ среди ихъ Штефанюка, Бея и многихъ другихъ, фамилій которыхъ извѣстны ему были изъ телеграммъ о результатахъ выборовъ на Украинѣ? Русовъ еще въ качествѣ земскаго статистика совѣтовалъ своимъ товарищамъ ѣздить по селамъ не для проповѣди своихъ взглядовъ, а для того, чтобы изъ ихъ жизненнаго опыта узнавать тѣ способы, которыми можетъ быть улучшено и земледѣліе и землеустройство. И теперь онъ полагаетъ, что передъ рѣшеніемъ аграрнаго вопроса соотвѣственно нуждамъ, накопившимся за цѣлые вѣка въ разныхъ областяхъ Украины, необходимо всѣмъ землякамъ, знающимъ областныя особенности этихъ нуждъ, посовѣтоваться и сговориться вмѣстѣ, для чего и нужно организовать національную фракцію, или группу одной партіи—партіи „народной“ (въ дѣйствительномъ смыслѣ этого слова) свободы.

Никакой не только „серьезной, но и какой бы то ни было опасности для дѣла народной свободы Русовъ не видитъ и не можетъ видѣтъ въ организаціи украинской фракціи. А что онъ правъ, то это доказываютъ факты послѣдующей жизни организовавшейся въ думѣ группы украинской. Если г. Концевичъ стоитъ только за свободу своего несдержимаго языка и угловатыхъ мыслей, то онъ не явится въ собранія этой группы, гдѣ рѣчь идетъ о народной (а слѣдовательно и національной) свободѣ; г. Иваницкій, замѣтившій разницу своихъ взглядовъ отъ тѣхъ, какіе заявлены были организаторами группы, отказался отъ записи въ эту группу. А явившійся впослѣдствіи въ собраніе группы подолянинъ Штефанюкъ могъ убѣдится, что Свѣчинъ, членъ этой группы, держится тѣхъ же демократическихъ убѣжденій по аграрному дѣлу, что и невидѣвшій его раньше подольскій крестьянинъ. Если рѣчь этого подолянина и рѣчь Свѣчина вызваны были однимъ и тѣмъ же желаніемъ, то какъ же имъ, будущимъ ораторамъ въ думѣ, не сговорится по кардинальнѣйшему вопросу и какъ не образовать группы фракціи, гдѣ можно было бы обмѣняться мнѣніями? Этого то Русовъ и желалъ, спрашивая, почему нѣтъ подолянъ, и нисколько не опасаясь разногласій между представителями народа отъ плуга и народниками изъ дворянскихъ гостинныхъ.

Товариство „Просвіта“. Київське губернське по справах про товариства присутствіе затвердило статут київського товариства „Просвіта“, заснованого гуртком київських українців на спомин Тараса Шевченка. Подаємо цей статут.

Постановленіемъ Кіевскаго Губернскаго по дѣламъ объ обществахъ Присутствія, состоявшимся 26 мая 1906 года за № 1-мъ, на-

Библиотека "Руниверс"

стоящій уставъ утвержденъ и внесенъ, въ русскомъ его текстѣ, въ установленный реестръ Присутствія за 1906 годъ подъ № 1.

И. д. Кіевскаго Губернатора Вице-Губернаторъ Рафальскій. Завѣдующій дѣлопроизводствомъ (подпись неразборчива).

Мета Товариства.

1) Товариство має на меті допомогати розвиткові української культури і першим чином просвіті українського народу його рідною мовою, працюючи у Київі і в Київській губернії.

2) А для того Товариство має: а) видавати книжки, журнали, часописи і т. и. українською мовою, б) заводити свої бібліотеки, музеі, читальні, книгарні і т. и., в) споряжати публичні лекції і відчити, загально-просвітні курси, спектаклі, літературно-музичні вечори, концерти, вистави, і т. и., г) заводити стіпендії, школи, захистки про дітей і дорослих, бюро праці і т. инші просвітні і добродійні заклади, д) оповіщати конкурси і премії за найкращі твори письменства та умілости.

Засоби Товариства.

3) Засоби Товариства складаються: а) з членських вкладок, жертв, процентів з капиталів і прибутків од майна, виданнів, предприемств Товариства і б) з зборів од вистав, концертів, відчитів, спектаклів і т. и., що будуть споряжатись од Товариства і на користь йому.

4) Грошовими тратами Товариства порядкують Загальні Збори, або Рада у тих межах, які визначили ій Загальні Збори, або на підставі постанов тих Зборів.

Склад Товариства.

5) Членами Товариства можуть бути повнолітні особи обох полів, опріче тих, які не мають права належати до Товариств на підставі загальних законів.

6) Члени Товариства діляться на почесних, дійсних, і членів-співробітників і вибірають їх Загальні Збори таємним голосуванням; нових членів рекомендує Рада або не менше, як 3 члени, і йменa кандидатів Рада оповіщає за два тиждні перед виборами.

7) Почесних членів вибірають Загальні Збори з членів, чи й з не-членів Товариства за особливі заслуги Товариству, або за вельми

Библиотека "Руниверс"

користну роботу на полі літератури, науки, умілости, або громадської діяльности.

8) Дійсні члени платять що-року до каси Товариства членську вкладку 3 карбованці. Дійсні члени, які зроблять вкладку не менш як 100 карб. за один раз, звуться довічними членами.

Увага. Загальні Збори можуть своєю постановою побільшити, або зменшити членську вкладку.

9) Члени-співробітники мають такі самі права, як і дійсні, і допомогають Товариству своєю працею.

10) Члени Товариства: почесні, дійсні і співробітники мають право рішати всі справи Товариства на Загальних Зборах і подавати їм через Раду свої заяви і пропозіції.

11) Вибрані члени одержують права дійсних членів Торариства тоді, як заплатять членську вкладку, або частину її, коли вона платиться частинами.

12) Членів, яких діяльність не відповідає статутові або суперечить меті Товариства, Загальні Збори можуть виключити більшістю $^2/_3$ голосів присутних членів.

13) Товариство може заводити в районі своєї діяльности місцеві філії.

Порядкування справами Товариства.

14) Справами Товариства порядкують Загальні Збори членів і Рада його, що пробуває у Київі.

15) Рада порядкує всіма справами Товариства і являється його заступником скрізь і завжди.

16) Рада Товариства складається з 8 членів, яких вибірають Загальні Збори на 2 роки. Опріче того Загальні Збори вибірають щороку ще трьох кандидатів на членів Ради, щоб заступати тих, які вийдуть з Ради до часу, на який їх вибрано.

Увага. Коли треба буде, число членів Ради і їх кандидатів може бути змінено постановою Загальних Зборів.

17) Що-року з Ради виходить $^1/_2$ членів, перший рік по жеребу, а потім по черзі. На місце тих, що вийшли, Загальні Збори вибірають нових і можуть знов вибрати тих самих, що вийшли.

18) Рада вибірає що-року з проміж себе Голову, Товариша Голови, Скарбника і Секретаря і поділяє проміж себе усі инші обов'язки.

Библиотека "Руниверс"

19) Засідання Ради бувають звичайні, не менш одного разу на місяць, і надзвичайні, які скликає Голова, або його Товариш тоді, коли сього треба, з власної ініціятіви, або коли заявить про те $^1/_3$ членів Ради.

20) Засідання Ради стають правоздатними, коли збереться не менш як $^1/_2$ її членів і Голова або його Товариш.

21) Всі діла у Раді роз'язуються звичайною більшістю голосів присутних у засідані членів; коли голоси поділяться на-рівно, перевагу дає голос Голови.

22) Опріче Ради, Загальні Збори вибірають що-року Контрольну Комісію з трьох членів і двох кандидатів до них.

23) Що-річні справоздання і обрахунки Ради повинна попереду розглянути Контрольна Комісія, яка подає до Загальних Зборів свою постанову про них.

Увага. Для справоздання рік лічиться з 1 січня до 31 грудня.

24) Щоб улаштовувати окремі справи і порядкувати окремими інституціями Товариства, Рада може вибірати окремі комісії з проміж своїх або инших членів Товариства. Такі-ж комісії можуть вибірати й Загальні Збори.

25) Загальні Збори бувають звичайні і скликає їх Рада що-року, і надзвичайні, які скликає Рада коли треба, з власного приводу, абож коли того вимагатиме,—пояснивши мету таких Зборів,—не менш як 15 членів Товариства або Контрольна Комісія. У такому разі Збори повинні бути скликані не пізніш, як через місяць після такого вимагання, поданного на письмі.

26) Перші Загальні Збори складаються з фундаторів Товариства, які у томуж таки засіданні вибірають нових членів Товариства без звичайної (п. 6) рекомендації.

27) Про день, годину й місце Загальних Зборів Рада сповіщає завчасу всіх членів Товариства, визначивши всі справи, що мають бути поставлені до розгляду Зборам.

28) Загальні Збори стають дійсними, коли на них буде не менш як $^1/_2$ Ради і число членів Товариства, рівне $^1/_3$ числа членів, що живуть у Київі. Щоб розв'язувати питання про зміну Статуту і про скасування Товариства, треба, щоб було на Зборах число членів Товариства рівне $^2/_3$ числа членів, що живуть у Київі. Коли Збори не могли відбутись через те, що не зібралося на нихъ вище-згадане число членів, то не пізнїше, як через 2 тиждні мусять бути скликані другі Збори, які вважаються дійсними скільки-б ні прийшло на них членів.

Библиотека "Руниверс"

29) Загальні Збори вибірають що-разу голову й писаря Зборів з присутних членів.

30) Загальні Збори порядкують ось якими справами: вибірають членів Ради, Контрольної Комісії та инших органів і кандидатів до них; виробляють накази для діяльности цим органам, провіряють і затверджують справоздання і обрахунки Ради; вибірають нових членів Товариства з рекомендованих кандидатів; визначають порядок трат з капиталів Товариства; розв'язують питання про придбання, продаж і заставу майна Товариства, про позички і взагалі рішають усякі питання що до діяльности Товариства.

31) На Загальних Зборах усі справи й питання, опріче показаних у § 32, розв'язуються більшістю голосів (таємним чи прилюдним голосуванням) присутних на Зборах членів, які мають право голосу.

Увага. Право голосу на Загальних Зборах мають тільки ті члени, які заплатили постановлену членську вкладку на той самий рік.

32) Щоб рішати питання про продаж нерухомого майна, про трати з основних капиталів і про позички, про зміну статуту і скасування товариства, —треба не менше як $^2/_3$ голосів усіх присутних на Зборах.

Права та обов'язки Товариства.

33) Товариство має право на законних підставах набувати для своїх потреб рухоме й нерухоме добро, а також продавати й заставляти його, робити позички, умови і т. и., що буде треба для мети Товариства, а також обороняти свої справи через відпоручників Ради у всіх інституціях і скрізь, де може бути в тому потреба.

34) Члени Т-ва мають полегкості, як купують видання Т-ва і у всіх інституціях його, в мірі, яку постановлять Загальні Збори.

35) Товариство має печать зо своїм назвищем.

36) У своїй діятельності Товариство підлягає всім істнуючим державним законам.

Про скасування Товариства.

37) Коли Товариство перестане істнувати, все майно його, постановою остатніх Загальних Зборів членів Товариства, передається одному з просвітних товариств за для тієї ж самої мети.

Библиотека "Руниверс"

Колысь і тепер. [1]) (*Депутати з України в комісії року 1767 і теперішні посли до державної думи*). Настав для нас час великої ваги. Народні посли, обібрані в думу, мусять прикласти усіх сил, щоб здобути державі новий лад життьовий, здобути кожному народові його законні права. Посли українські, борючись разом з иншими за права для всеї людности в державі, повинні попереду всього дбати про права та кращу долю свого народу. 25 милійонів люду українського на них покладається, 25 мілійонів сердець, як одно, надією сповнено, що посли українські, заступники їхні, не зрадять. Увесь, великий числом, — бо другий в Славянщині, — народ, але як ніхто инший в Європі зневолений, — на послів своїх, як на визволенців з неволі тяжкої, довговічної, уповає. Посли українські! В наших руках — доля усього народу. Будьте, як леви, одважні, загартуйте серця в собі, і стійте мужно, як лицарі, бороніть рідний край, рідний люд, скільки снаги вашої...

Сто сорок літ минуло як року 1767, за царювання Катерини, покликано так само було до Петербургу з усієї держави послів з наказами про те, якого ладу бажають люде найбільше. Поїхали тоді і з України лівобічної (правобічна ще під Польщею була) українські посли — од шляхти (дворян), городів та козаків, і накази писані, чого їм домагатися треба, повезли.

Повезли подекуди наші посли накази і тепер, та одначе, хоч ми на 140 літ пізніше послів своїх виряжаємо, і за час цей повинні були краще од прадідів своїх долю свою та люду свого розуміти, та чи чуємо ми, щоб правнуки хоч так, як прадіди, долю і волю рідного краю оборонляли? Чи розуміють наші посли українські *усі*, як тієї волі та долі здобути? Чи не слід би було декому з них до дідівської науки обернутися, та поглянути, в чому лік уже в ті давні часи старі люде для краю свойого добачали?

Посли тоді були від шляхти української, городів та козацтва. Певно, що кожні з них про свої власні болячки найбільше дбали: шляхта — щоб землю за нею міцніше було записано, городи — щоб вільніший торг їм був, але всі посли, од шляхетських і до козацьких на одному погожувалися: *волі народові немає*, права люду українського, забезпечені на раз царським словом, немилосердно поламано. Правда, шляхта (дворянство) про це тільки злегенька нагадує, за те городи та козаки усю правду отверто цариці Катерині виказують.

Нехай послухають і наші посли українські, як люд простий, козацтво, та міщане українські послів своїх в столицю московську тоді виряжали. Ось пишуть в наказі свойому лубенські міщане.

---

[1]) Гром. Думка, № 96 і 97.

Библиотека "Руниверс"

„Більш як сто літ минуло одтоді, як український народ, живучи здавна з Польщею та з Литвою, мав у всьому рівність, і тими, що й вони, вольностями та правами користувався, а нарешті, розлючений та ображений великими неправдами, а найбільше позбавленям їхньої віри, прав та вольностей стародавніх, після довголітньої кривавої війни та багатьох славних над ними побід, з під їхньої руки вибився і з гетманом своїм Зіновієм Богданом Хмельницьким, не по нужді якій, але з доброї волі під високодержавну руку царя і великого князя Олексія Михайловича піддався".

Точнісінько таке саме читаємо і в наказі стародубських козаків, які подають ще до того таке:

„І царь Олексій з ласкою великою подав надію і ствердив: не тільки удержувати та соблюдати український народ на всіх тих правах, привілеях та вільностях, на яких він був під королями польськими та великими князями литовськими, але й особливу ласку мати до нього обіщав. Статі ті (про вільности і права), коли настановлювано нових гетьманів після Хмельницького, ствердкувані були кожного разу всероссійськими царями". Так — царь Петро I, року 1709 маніфестом своїм „за подписаніем собственния своея руки" пригадав, що „жоден під сонцем народ такими свободами, привілеями та полехкостями похвалитися не може, як з його царської ласки Малоруський народ, і що царь жодного пенязя в казну збірати з нього не велить", і ласкаво надію подав, що як до того часу на правах та вільностях оставався він непорушно, так і наперед все те свято удержуватиметься, що обіщано було, коли приймано його в підданство.

А обіцяно було те, чого царь Петро і не збірався додержувати і щиро руйнував, хоча в маніфесті обіцянку „свято удержувати" давав. Обіщано було в статях Богдана Хмельницького і царською рукою потверджено, що Україна на своїй вільній волі зостається: обіратиме гетьмана собі та усяку старшину козацьку і сама своїми справами заправлятиме по давніх законах своїх, а Москві тільки певний податок грошовий засилатиме, війська має держати 60,000; суд виборний, козацький; козаки повинні тільки військову службу знати, а од податків та инших обов'язків були вільні, кожен вільно може мати в своєму добрі „винний" (горілчаний) промисел,—виробляти та продавати горілку, мед, пиво, та инше.

Царі московські, кожен, сідаючи на престол, про українців ізгадували: „а мы васъ всегда будемъ сохранять при прежнихъ вашихъ правахъ, и вольностяхъ, а въ томъ бы вамы на нашу Государскую милость быть благонадежны". Петро I, що чи не найбільшу кривду Україні подіяв, також писав: „особливо малороссійскому народу все

Библиотека "Руниверс"

обѣщанное по принятію ихъ подъ Высокодержавную руку Отца Нашего... свято содерживали, и впредь содерживать будемъ, и они при правахъ своихъ и вольностяхъ вѣчно въ покоѣ и тишинѣ благополучно жительствовать могутъ". Та проте уже за цариці Катерини нічого од тих вільностей не лишилося: гетьманство скасовано, Січ запорожську зруйновано, та великої праці прикладувано, щоб коли можна — навіть українську породу винищити: щоб усі „русскими" поставали.

Пропала воля, давні права вільного люду українського, погасла надія на краще життя, і козаки Стародубські не дурно в наказі скаргу записали, що „тепер ми усякі тяжкі повинности, так як і мужики, одбуваємо", та благають, щоб давніщі привілеї та вільности їм повернуто.

„Нема, ласкава Царице, в Малій Россії ні одного стану людей, — пишуть українські депутати, склавши одне спільне од послів українських прохання, — який би сказати міг, що він цілі давніщі свої права та привілеї має, а як що які в которого і залишилися, то і ті служать „только къ весьма слабому ихъ защищенію и охраненію", бо орудують ними та перекручують по своїй уподобі „главные над Малою Россіею правители".

Коли на таке лихо скаржилися ще тоді, то щож тепер сказати повинні наші посли, маючи тяжкий досвід неволі та злиднів, в яких наш народ 140 літ перебуває?

Українські посли, — шляхетські, городянські та козацькі, обрадившися разом, в цій справі таку постанову зробили: щоб було повернуто в цілості усі давні права, привілеї, вольности, свободи та звичаї усих загалом і кожного чину (стану) з'особна, а власне: шляхетства (дворянства), духовенства, міщан, козаків і всього українського люду — усе, що дано було і затверджено за ними королями польськькими, та великими князями литовськими, та щоб були вони „въ вѣчныя времена содержимы и сохраняемы безъ всякаго нарушенія и отмѣны, въ такомъ точію разумѣніи, какъ оныя написаны и заключены"...

Чи треба ще ясніше було заявля и, що люде українські домагаются давніх прав своїх, які царі московські непорушно соблюдати присягалися, та проте зламали, а разом з тим вимагають, щоб „главные над Малою Россіею правители" закони й права їхні питомі тільки так розуміли, як вони записані і затверджені були? Ганебна політика бюрократії далася взнаки уже прадідам нашим, а що ж то ми, правнуки, мусимо на цее сказати?

Як бачимо, усі посли українські на тому погодилися, що життя України безправне й поневолене урядом братнього народу, до якого Україна в спілку пристала, — не повинно далі таким бути. Треба давні права українському люду вернути. Це одно, і найголовніше.

Библиотека "Руниверс"

Другу знов постанову посли таку ізробили: „заснования на Україні урядів („правленій“), що відповідатимуть нашим правам та привілеям, є одною з найголовніших загальних наших потреб. А тому ласкаво просимо, пишуть колишнісь посли од України, щоб „малороссійскія правительства“ заведено було на основі прав і привілеїв наших, тоб-то, щоб в цівілнних та земських справах суд і рішенці видавано по своїх, в військових — по своїх, а міщанських — теж по своїх правах і звичаях, і видавали їх люде виборні та щоб ніколи одні справи з другими не перемішувано, бо од тієї путанини безладдя на Україні постало“.

І ця постанова — неначе для нас її зроблено... Чи може бути більша плутанина, з якою справою куди удаватися, та ще до суддів, що й мови української не розуміють? І ми домагаємося, щоб судді були виборні із своїх людей та давнім звичаєм, людей свого краю на рідні мові судили.

Із земською та городською справою за 140 літ ми й на крок не поступилися: земської самоуправи, якої бажали посли р. 1767 — немає і досі. Наші посли мусять тепер „малороссійскі правленія“ здобути на основі давніх прав і привілеїв наших: для свого краю, з своїх людей, і рідній мові своїй...

Як дивилися прадіди-посли на освіту народню? Та, мабуть, чи не глибше, як наші сучасні освічені навіть люде. „Нехай цариця зробить нам ласку—дозволить завести на Вкраїні „на коштѣ казенномъ“ з українських коморних митових прибутків *університет* в городі Переяславі, „яко сей городъ не послѣдній между Малороссійскими первѣйшими городами, въ которыхъ и отдѣльное состояло Россійское (українське) княженіе и совершилось въ немъ первоначальное Гетмана Богдана Хмельницкаго съ Малой Россіею подданство“. Посли домагались вищої освіти для краю свойого тоді, коли в Московщині ще тільки що перший університет було засновано, та до якого за професорів людей з України, з київської академії виписувано. Про нижчу школу посли не згадують, бо школи були тоді у кожній парафії, в той час їх більше було, як зараз по земських губерніях Лівобічної України... І тільки, як Московщина дуже узялася по Вкраїні господарити, то школи наші українські дуже скоро посчезали: на початку XIX століття їх і з свічкою треба шукати було... Так московський уряд Україну просвітив!

Велика кривда людові нашому і тоді і тепер од надмірних податків була і зараз діється. Послухаймо, що посли наші тоді про це ухвалили. „Внутрішні установи, тоб то звичай головного уряду обкладати податками, побірати усячину, виганяти людей на роботу—заведено без нашої згоди і вельми тяжко для нас та образливо, бо такі установи,

Библиотека "Руниверс"

по привілеях наших, мають бути заведені і заводилися в давніші часи тільки за згодою шляхетства та усіх чиновних людей на радах, а в справах важніших треба було згоди ще й инших станів—міщан та козаків; і в тих випадках, коли і грамоти попередники Вашого царського Величества гетьманові присилали, то завжди в них прописано було, щоб він, гетьман, заводив такі внутрішні установи та розкази на раді за згодою старшини казацької, війска і всього поспільства (простих людей) і щоб вони не були „къ отягощенію и разоренію малороссійскаго народа", і завжди *кожен повіт мав волю на такі установи пристати або не пристати* та подати гетьманові або раді одказ, що така чи инша установа обтяжить людей". А тим часом що воно діється? Гетьман та настановлені замісць них „главныя правительства" почали такі „несносні та отяготительні" для люду українського розкази видавати, не кличучи нікого з громадянства на раду, так людей неправедними податками, усякими здирствами пригнітили, що од тих „въ Малой Россіи никогда не бывалыхъ и неслыханныхъ учрежденій" український люд такого страху набрався, що „многія тысячи онаго безвѣстно разбѣжались, и отъ времени до времени побѣга умножаются, а другія изнуряются бѣдностью и нищетою". І от, щоб того усього запобігти, посли домагаються, щоб усі такі новітні установи було скасовано, та наказано наперед таких установ ніколи не встановляти, але „чтобъ подати и поборы учреждены были постоянныя и съ правами и привилегіями нашими точно сходствующія, которыхъ бы никакое правительство ни прибавить, ни убавить, а колми паче другихъ вновь наложить не могло безъ общаго малороссійскихъ чиновъ (станів) согласія".

І в сьому домаганні українські посли XVIII століття обстоюють за те, що в XX столітті посли українські мусять також здобути: щоб жадних податків на Вкраїні, без згоди уповажнених народніх в місцевих самоуправах, ніхто, „никакое правительство" не смів на людей накладати або їх зміняти.

Земельного питання також посли не могли обминути. Та як посли не з одного хліборобського люду були, а були і панські, шляхетські заступники, то й питання про землю не однаково вони розглядали,— кожні по свойому, і в спільному прошенії од усіх послів про цю дражливу справу промовчали. Довідуємося про неї з окремих посольських наказів.

Посли од шляхти обстоюють, шоб земли ті, що багато дехто з дідичів та старшини козацької займанщиною, як порожні земли, узяв та на них цілі села оселив, садки та гаї засадив, скотину розплодив, млини побудовав,—то щоб землі такі, хуторі, ліси, сінокоси та инше на віки за ними і нащадками їхніми записані були, бо „останніми

Библиотека "Руниверс"

часами одписують їх багато в казну та силомиць приватні люде одбірають". Дворяне стоять, щоб маєтности їхні за ними міцно затверджено було.

Того самаго і козаки українські, селяне домогаються, а власне для того, щоб панство обманством усяким видерти землю їхню сили не мало. Щоб добра наші, пишуть козаки, якто: „грунты, мельницы, отчины и всякія угодья, наслѣдныя, наданныя, купленныя и занятыя, по крѣпостямъ и по природному праву владѣемыя, въ безпрепятственномъ владѣніи и употребленіи намъ всегда тверды были"; щоб затверджено було зайняті прабатьками козацькими землі, на які жадної купчої немає, і з усих їх ніякого мита (пошлин) та оплатків не бралося, щоб „по прежнимъ Малороссійскимъ правамъ и вольностямъ" вільно було і казакам куповати та продавати козацькі маєтности так, як і шляхті (дворянам), бо урядом московским це їм заборонено було.

Нарешті ще про торговлю изгадується. Як шляхта так і козаки, а особливо городяне, обстоюють за те, щоб вільний повсюди був промисел, особливо горілчаний, продаж усяких трункив по своїх хатах, а окрім того усячини, яку їхній край постачає: конопель, олії, меду, воску, сала, „найпаче же тѣм козакам, кои достаточного грунта не имѣют", а живут в городі та з торгу тільки й удержуються,—взагалі, щоб промисел вільний всім був: в середині краю без мита.

Прислухайтеся, найласкавша Царице,—зверталися до Цариці Катерини посли українські,—прислухайтеся до голосу тисячів люду, що через нас до Вашого Величества прохання і сльози свої подають! Послухайтеся голосу великої душі своєї, і побачите тоді, які правдиві прохання його, яка безмірно велика нужда його, що гнітить його без жодної його провини. Залишіть нам усі давні привілеї, вольности, свободи, звичаї наші, заснуйте самоурядования („правительства") на основі тих вольностей і прав, і Ви одвернете нужду, злидні та горе од усіх загалом і од кожного з'особна, і тим самим забезпечите благий намір Комісії Вашої, тоб-то *цілість держави і народнього добра.* Заставте, найласкавіша Царице, такий великий числом народ за оновлення своє вам пам'ятники та жертвенники не на землі і в повітрі, а в серцях збудовати!"

Та царица Катерина II не зважила на благання послів з України і замість „оновлення" українського люду—кріпацькі кайдани на нього скувала, вельможам своїм їх землі, їх сем'ї раздарувала.

Библиотека "Руниверс"

„Катерино, Катерино,
Що ти наробила.
Край веселий, степ широкий
Тай занапастила,—

заспівав народ на Україні.

Приспала Катерина долю України, приспали й наступники її ... І знову, більш як через сто літ люд той зо сну прокидається, знову про „вольности“ свої зачинені давні літа в бюрократичних льохах, допоминається. Та на сей раз не з слізним проханням посли українські до столиці пішли, не ласки там благати собі будуть, а уповажені народом волю та долю йому здобути,—мусять, права, належні йому, занедбані урядом віддавна, народові знову вернути, вольности давні, пристосовані до новітнього життя, воскресити... На послів наших ми тепер покладаємо те, чого тоді посли од цариці Катерини сподівалися... І вони повинні вибороти нам національну самоуправу, освіту, вільне життя,—землю і волю,—і добрий лад в нашім краю, бо без цього, народ наш ніколи з злиднів не виб'ється.

Посли українськи! Доля українського люду в ваших руках... Стійте твердо, міцно, борітеся сміливо! Виборіть долю народові, виборіть волю... В серцях всього люду вам нехай буде пам'ятник до віку, до суду!..

В. Доманицький.

Исторія и этнографія Малороссіи, какъ предметы преподаванія въ харьковскомъ университетѣ [1]. Въ харьковскій университетъ поступило нѣсколько прошеній о введеніи въ курсъ университетскаго преподаванія исторіи украинской литературы, языка, этнографіи и права. Одно изъ этихъ прошеній, черниговское, изложено по-малорусски; другое— полтавское—по-русски; харьковское представляетъ повтореніе полтавскаго. Судя по газетнымъ сообщеніямъ, подобныя прошенія направлены также въ одесскій и кіевскій университеты. Несомнѣнно, они будутъ обсуждаться сначала въ факультетахъ историко-филологическомъ и юридическомъ, затѣмъ въ совѣтахъ, вызовутъ различныя мнѣнія, различные взгляды и, быть можетъ, въ частностяхъ

---

[1]) Докладная записка въ историко-филологическій факультетъ харьковскаго университета.

Библиотека "Руниверс"

весьма различныя рѣшенія, въ зависимости отъ наличности такихъ спеціалистовъ, которые немедленно могли бы выступить въ роли лекторовъ, въ зависимости отъ сношеній съ высшими властями, отчасти въ зависимости въ общихъ политическихъ взглядовъ членовъ коллегій, наконецъ, въ зависимости отъ матеріальнаго обезпеченія преподавателей новыхъ предметовъ мѣстнаго значенія: размѣра вознагражденія и постояннаго источника покрытія расходовъ. Вообще, возникаетъ множество такихъ вопросовъ, относительно разрѣшенія которыхъ въ прошеніяхъ нѣтъ никакихъ указаній. Университеты будутъ обязаны, при осуществленіи прошеній, отыскать достаточно свѣдущихъ преподавателей, которые, по своему образовательному цензу или ученой степени, должны удовлетворять общимъ университетскимъ научнымъ требованіямъ и вдобавокъ должны еще обладать хорошимъ знаніемъ малорусскаго языка, въ виду выраженнаго просителями желанія, чтобы преподаваніе малорусскихъ предметовъ шло на малорусскомъ языкѣ. На послѣднее обстоятельство можно смотрѣть, какъ на весьма важное, въ интересахъ края и просителей, и на самое трудное относительно возможности выполненія.

Преподаваніе малорусскихъ предметовъ можетъ быть проектировано или въ формѣ обязательныхъ предметовъ по историко-филологическому факультету, или въ формѣ необязательныхъ курсовъ для всѣхъ желающихъ, независимо отъ факультета. Въ первомъ случаѣ не можетъ быть рѣчи о малорусскомъ языкѣ, какъ предметѣ преподаванія. Харьковскій университетъ обслуживаетъ такой раіонъ, въ которомъ большинство населенія состоитъ изъ великороссовъ и въ составъ котораго входитъ разноплеменный Кавказъ; потому русскій языкъ, представляется для харьковскаго университета необходимымъ. Полтавцы и черниговцы входятъ въ составъ кіевскаго учебнаго округа. Въ Харьковѣ студенчество состоитъ изъ малороссовъ Харьковской губерніи и немногихъ прилегающихъ къ ней уѣздовъ Курской и Воронежской губерній и въ большинствѣ изъ великороссовъ губерній Тамбовской, Пензенской, Курской, Воронежской, земли войска Донского; для послѣднихъ малорусскіе предметы могутъ быть чужды, а малорусскій языкъ непонятенъ.

Другое дѣло—необязательные курсы. Они могутъ привлекать слушателей со всѣхъ факультетовъ, изъ людей живущихъ въ Малороссіи, любящихъ украинскій языкъ, интересующихся украинской стариной и современнымъ бытовымъ и правовымъ положеніемъ малорусскаго народа. Спаянные общими интересами, они будутъ дорожить малорусскимъ языкомъ преподаванія, въ виду выраженія въ немъ дорогого имъ личнаго народнаго облика. Имъ нужно и дорого живое малорус-

Библиотека "Руниверс"

ское слово, какъ наиболѣе подходящая форма для проявленія наиболѣе характерныхъ сторонъ народной души.

Въ научномъ и матеріяльномъ отношеніяхъ необязательное преподаваніе должно быть такъ же хорошо и прочно обезпечено, какъ и всякое другое обязательное.

Нельзя сказать, чтобы малорусскіе предметы преподаванія были для харьковскаго университета совершенной новостью; задолго до петиціи о нихъ здѣсь думали и заботились. Не было, правда, никогда малорусскаго языка, какъ предмета преподаванія, и не могло его быть, при общемъ на него гоненіи и принципіальномъ его отрицаніи со стороны всѣхъ властей. Преподаваніе же малорусской старины и языка было вводимо въ разные курсы и разными преподавателями, большею частью эпизодически и случайно. Много малорусскаго содержанія было въ лекціяхъ Потебни по филологіи и теоріи словесности, еще ранѣе въ лекціяхъ и темахъ Срезневскаго и Метлинскаго. Въ новое время проф М. Е. Халанскій иногда останавливался на малорусскомъ языкѣ, а проф. Д. И. Багалѣй посвящалъ большіе курсы малорусской исторіи. Пишущій эти строки началъ свою службу въ харьковскомъ университетѣ съ вступительной лекціи о малорусскихъ думахъ. Это была моя первая въ университетѣ лекція; предложена она была мнѣ самимъ факультетомъ, по его выбору, должно быть, по внушенію Потебни, пожелавшаго такимъ образомъ, съ первой лекціи дать извѣстный мнѣ наклонъ въ сторону южнорусскихъ изученій. Впослѣдствіи я неоднократно читалъ обязательные курсы о малорусской народной поэзіи и о южнорусской литературѣ XVII ст.

Число слушателей-студентовъ по малорусскимъ предметамъ всегда было невелико, какъ у меня, такъ и у другихъ преподавателей новаго времени, моихъ товарищей; но мы, преподаватели, съ удовольствіемъ можемъ назвать нѣкоторыя имена нашихъ бывшихъ слушателей, какъ лицъ, нынѣ уже весьма заслуженныхъ въ области серьезнаго научнаго изученія малорусскаго юридическаго быта, исторіи города Харькова, исторіи Запорожья, малорусской этнографіи, заговоровъ, быта.

Возвращаясь къ украинскимъ петиціямъ, нужно прежде всего отмѣтить то важное обстоятельство, что всѣ перечисленныя въ нихъ науки представляютъ весьма большія трудности для университетскаго преподаванія вообще, по малой ихъ разработанности и неприспособленности къ университетскому преподаванію. Для введенія науки въ университетскіе курсы еще мало однихъ свѣдѣній, какъ бы они ни были научно богаты. Нужны еще методы, пріемы, планомѣрныя про-

Библиотека "Руниверс"

граммы, распредѣленіе матеріала, въ наиболѣе плодотворномъ и цѣлесообразномъ соотношеніи съ другими науками. Все это вырабатывается съ годами усиліями многихъ дѣятелей. Каждый университетскій предметъ преподаванія имѣетъ свою исторію и свои авторитеты, а въ Германіи—этой классической странѣ науки—свою школу, въ видѣ преемственности научныхъ направленій и нравственныхъ личныхъ связей. Тутъ же, въ малорусскихъ предметахъ, необходимо многое заново начинать и сразу заново создавать соотвѣтствующее содержаніе, методъ изложенія и языкъ. Отъ новыхъ преподавателей потребуется большая затрата умственныхъ и нравственныхъ силъ, большая любовь къ дѣлу, обширныя знанія, строгій критическій умъ, смѣлая мысль и свободное слово. При такихъ условіяхъ не только молодой преподаватель, но и старый, опытный профессоръ задумается надъ вопроссомъ unde ingenium par materiae"—по силамъ-ли и умѣнію задача; но какъ бы то ни было, а поработать въ этомъ направленіи нужно, и какъ старый, такъ тѣмъ болѣе и скорѣе молодой профессоръ можетъ опереться на другую латинскую поговорку—utere velis totos pande sinus—для пользы дѣла нужно напречь всѣ силы, и такъ какъ у молодыхъ преподавателей должно быть болѣе смѣлости и бодрыхъ силъ, то въ этомъ университетскомъ контингентѣ и нужно искать первыхъ работниковъ по новому хорошему научному дѣлу.

Трудна для преподаванія малорусская исторія, значительно труднѣе преподаваніе исторіи малорусской литературы, наконецъ, крайне затруднительно преподаваніе этнографіи и исторіи права. Каждый предметъ въ значеніи научной разработки имѣетъ свои камни преткновенія, а въ этнографіи въ приложеніи къ Малороссіи открываются трудно проходимыя дебри богатаго, сложнаго и совсѣмъ неразработаннаго матеріала.

По малорусской исторіи есть много превосходныхъ монографій В. Б. Антоновича, Н. И. Костомарова, В. С. Иконикова (напр., книга о Кіевѣ), Д. И. Багалѣя, М. С. Грушевскаго. Д. И. Эварницкаго, и съ помощью ихъ можно построить цѣнныя и интересныя университетскія лекціи, тѣмъ болѣе, что проф. Грушевскій далъ уже цѣльные курсы.

По малорусской литературѣ есть значительные пробѣлы. Древняя литература до XVII ст. въ приложеніи къ южной Россіи мало изучена. Многочисленнымъ и цѣннымъ изслѣдованіямъ южно-русской литературѣ XVI и XVII ст. не дано общаго обзора; нѣтъ свода мнѣній и разногласій; нѣтъ учета и критики матеріаловъ и пособій. XVIII вѣкъ представленъ почти исключительно трудами одного лишь ученаго великоросса—проф. Н. И. Петрова. Лишь Г. С. Сковорода представленъ въ солидномъ изданіи и имѣетъ большую литературу. Новая малорус-

Библиотека "Руниверс"

ская литература, за исключеніемъ Котляревскаго и Шевченка, весьма слабо разработана. Цѣлые отдѣлы старинной литературы, напр., лѣтописи, житія святыхъ, остаются неизслѣдованными. Нѣкоторые старинные памятники, цѣнные и интересные по содержанію и языку, остаются въ полной неизвѣстности и въ забвеніи, напримѣръ, „Слово о бездождіи", изданное еще въ 1856 г. и съ тѣхъ поръ кажется, болѣе не упоминаемое.

Преподаватель малорусскаго языка нѣсколько лучше обставленъ, благодаря трудамъ Огоновскаго, Потебни, Житецкаго Крымскаго и Соболевскаго. Житецкій даетъ красивую и стройную картину, развитія малорусскаго литературнаго языка, Соболевскій и Науменко—его фонетическаго строенія, Крымскій раскрываетъ тонкости критическаго анализа, Потебня вводитъ въ глубь синтаксиса и лексики; но и тутъ не мало затрудненій, напримѣръ, въ отсутствіи надлежащей исторической хрестоматіи. Преподавателю приходится пользоваться въ своемъ родѣ отличнымъ, но для преподавателя малорусскаго языка недостаточно полнымъ сборникомъ древне-русскихъ памятниковъ проф. Смирнова.

Библіографія Е. И. Якушкина, изданія и изслѣдованія Кистяковскаго, г-жи Ефименко, Д. П. Миллера даютъ преподавателю исторіи права въ Малороссіи—серьезную фактическую опору; но въ общемъ пособій мало, и дѣло спеціалистовъ высказаться, находятъ-ли они въ современной научной литературѣ достаточное основаніе для построенія спеціальныхъ университетскихъ курсовъ; неспеціалистамъ эта область представляется весьма мало извѣстной и мало изученной. Податели прошеній въ этомъ отношеніи имѣютъ несомнѣнно лишь смутныя представленія, что обнаруживается, между прочимъ, въ наименованіи исторіи права въ нѣкоторыхъ петиціяхъ „звычайнымъ правомъ", т. е. въ суженіи и ограниченіи задачи однимъ обычнымъ правомъ", что въ приложеніи къ Малороссіи, гдѣ дѣйствовали Магдебургское Право и Литовскій Статутъ, слишкомъ недостаточно, тѣмъ болѣе, что въ раіонѣ Полтавской и Черниговской губерній до сихъ поръ дѣйствуютъ нѣкоторые остатки стараго литовскаго права. Исторія права въ Малороссіи во всякомъ случаѣ предметъ въ высокой степени интересный и поучительный; въ настоящее время въ особенности любопытно ознакомиться съ охранными и жалованными грамотами и договорами, чтобы видѣть, какъ ограждали малороссіяне свои права въ далекое старое время, какъ велики въ этомъ отношеніи потери, и чѣмъ онѣ были вызваны.

Малорусская этнографія имѣетъ громадный сырой матеріалъ изъ сборниковъ и разныхъ описаній, равно какъ много монографій по от-

Библиотека "Руниверс"

дѣльнымъ спеціальнымъ вопросамъ, и ни одного труда въ духѣ планомѣрнаго и систематическаго научнаго построенія, необходимаго для университетскаго преподаванія. Фактовъ, какъ волнъ морскихъ, необозримое множество, и ни одного корабля для дальняго по нимъ научнаго плаванія.

Сколько мнѣ извѣстно, преподаваніе этнографіи шло лишь въ одномъ московскомъ университетѣ, если не ошибаюсь, этнографіи всеобщей, для построенія которой западная научная литература даетъ нынѣ хорошія пособія. Опираясь на Тэйлора, Леббока, Бастіана, Энгельса, Вайца, Пешеля, Ратцеля, Шурца, Липперта, можно по всеобщей этнографіи провести болѣе или менѣе стройные университетскіе курсы. На земномъ шарѣ, и въ частности въ Россіи такъ много народовъ, что можно въ теченіе многихъ лѣтъ читать въ университетахъ этнографію, не подходя близко къ малороссамъ, а между тѣмъ составители петицій, несомнѣнно, имѣютъ въ виду именно свой народъ и желаютъ ознакомиться съ современнымъ его бытомъ, преданіями, пѣснями, міросозерцаніемъ, религіозно-нравственными стремленіями, экономическимъ положеніемъ, равно какъ съ современной научной литературой о малорусскомъ народѣ; но всѣ многочисленныя по симъ статьямъ данныя чрезвычайно разбросаны, и работниковъ для ихъ оцѣнки и изученія крайне мало. Для одного только Старобѣльскаго уѣзда имѣется увѣсистый томикъ въ 1008 страницъ; но нельзя судить о Малороссіи по одному тому и по одному Старобѣльскому уѣзду когда есть еще сотни другихъ томовъ и сотня другихъ уѣздовъ. Университетскій преподователь этнографіи не угоняется за всѣми томами и всѣми уѣздами: ему нужны еще другія пособія, дѣльныя критическія статьи, сжатые своды и указатели матеріаловъ, готовые выводы и заключенія—все такое, чего, къ сожалѣнію, на лицо не имѣется, и чего добыть на скорую руку никакъ нельзя.

Еще два слова о пользѣ преподаванія малорусскихъ предметовъ на малорусскомъ языкѣ, преподаванія, какъ я уже отмѣтилъ, вполнѣ свободнаго, въ видѣ необязательныхъ курсовъ.

Польза по содержанію будетъ та, что увеличится число людей съ научными интересами, и вниманіе ихъ будетъ обращено на изученіе родного края и родного народа.

Польза по формѣ, по языку малорусскому, двойная—моральная и практическая.

Моральная польза будетъ состоять въ нравственномъ сознаніи, что художественный историческій языкъ большой славянской вѣтви признанъ, какъ языкъ университетскаго преподаванія, и всѣ старыя гоненія его пошли на смарку къ полному забвенію.

Библиотека "Руниверс"

Практическая польза будетъ состоять въ улучшеніи малорусскаго литературнаго языка, въ приданіи ему той художественной простоты и ясности, какихъ недостаетъ его современной галицкой вѣтви, что только можетъ сближать его съ государственнымъ русскимъ литературнымъ языкомъ. Въ Харьковѣ и харьковскомъ университетѣ первымъ образцомъ всегда долженъ быть чрезвычайно чистый, простой и ясный языкъ харьковскаго писателя Г. Ф. Квитки-Основьяненка.

Въ заключеніе наши замѣчанія могутъ быть сведены къ такимъ положеніямъ: Желательно

1. Открытіе въ харьковскомъ университетѣ необязательныхъ курсовъ для университетскихъ слушателей безъ различія факультетовъ по малорусскому языку, исторіи, этнографіи и исторіи права.

2. Въ интересахъ развитія мѣстныхъ научныхъ изученій преподавателямъ должно быть поставлено въ обязанность имѣть въ виду какъ Малороссію вообще, такъ и болѣе ограниченныя ея области, напримѣръ, харьковскій раіонъ, и содѣйствовать такимъ образомъ развитію мѣстныхъ научныхъ интересовъ, музеевъ, экскурсій и т. п.

3. Къ преподаванію малорусскихъ предметовъ могутъ быть допускаемы лишь лица компетентныя, имѣющія научную степень или заявившія о себѣ во мнѣніи факультета и совѣта цѣнными научными изслѣдованіями по малорусскимъ спеціальностямъ.

4. Выборъ языка нужно предоставить лектору. Въ виду того, что преподаваніе на малорусскомъ языкѣ требуетъ отъ преподавателя хорошаго знанія этого языка и усиленной работы надъ внѣшней обработкой лекцій, размѣръ вознагражденія лектора слѣдуетъ поставить въ нѣкоторую зависимость отъ того, ведутся лекціи на малорусскомъ или русскомъ языкѣ, и если лекторъ ведетъ свои чтенія на малорусскомъ языкѣ, всемѣрно заботясь о его чистотѣ и правильности, то вознагражденіе должно идти въ нѣсколько повышенномъ размѣрѣ, во всякомъ случаѣ не менѣе обычнаго для ординарнаго профессора размѣра въ 500 руб. въ годъ за одну лекцію въ недѣлю общепринятой продолжительности.

5. Программы, число лекцій, источники для оплаты ихъ и др. подробности составляютъ предметъ факультетскихъ обсужденій, въ зависимости отъ измѣняющихся условій дѣйствительной жизни.

Проф. Н. Сумцовъ.

Къ вопросу объ учрежденіи украинскихъ каѳедръ въ университетѣ. Черниговскіе украинцы и украинки обратились въ совѣтъ кіевскаго университета съ петиціей, въ которой они выражаютъ же-

Библиотека "Руниверс"

ланіе, чтобы были учреждены каѳедры украинской литературы, языка, исторіи, этнографіи и обычнаго права. Заключается петиція выраженіемъ надежды, что представители науки окажутъ не только идейную поддержку высказаннымъ пожеланіямъ, но и практически постараются осуществить это пожеланіе.

Вѣроятно, въ недалекомъ будущемъ совѣту университета придется рѣшить это дѣло такъ или иначе, въ зависимости отъ того, встрѣтитъ ли пожеланіе украинцевъ сочувствіе членовъ совѣта или нѣтъ. Ниже мы постараемся высказать нѣкоторыя соображенія въ пользу открытія перечисленныхъ каѳедръ, впрочемъ, не всѣхъ, а такихъ, къ которымъ имѣемъ отношеніе по роду своей спеціальности.

Предварительно слѣдуетъ оговориться. Дѣло объ украинскихъ каѳедрахъ имѣетъ двѣ стороны: политическую и чисто научную, академическую. Мы полагаемъ, что политическая сторона вопроса, а также рѣшеніе о языкѣ преподаванія на этихъ каѳедрахъ — должны остаться внѣ сферы сужденія, а и подавно уже рѣшенія—совѣта. Это—дѣло государственной думы, ибо вопросъ о преподавательскомъ языкѣ въ университетѣ тѣсно, кажется намъ, связаннымъ съ рѣшеніемъ болѣе общаго вопроса—объ автономіи территорій, занятыхъ отдѣльными національностями.

Сужденію совѣта подлежитъ, на нашъ взглядъ, вопросъ чисто академическій, научный, который можно формулировать такъ: 1) имѣются ли обстоятельства, требующія выдѣленія названныхъ каѳедръ изъ вѣдѣнія и круга преподаванія по соотвѣтственнымъ русскимъ каѳедрамъ; 2) поскольку возможно и зависитъ отъ самихъ университетовъ учрежденіе украинскихъ каѳедръ, сообразно проекту новаго устава россійскихъ университетовъ; 3) какъ, въ случаѣ выдѣленія особыхъ украинскихъ каѳедръ, да еще съ украинскимъ языкомъ преподаванія, замѣстить ихъ достойными представителями соотвѣтственныхъ наукъ?

Эти вопросы кажутся намъ самыми существенными, ибо выражаютъ и научные интересы, и говорятъ о правѣ университетовъ и, наконецъ, считаются съ практическими слѣдствіями, которыя не замедлятъ явиться, когда учрежденіе украинскихъ каѳедръ станетъ дѣломъ рѣшеннымъ.

I.

Разберемся въ этихъ вопросахъ и постараемся дать отвѣты, опираясь и на соображенія научныя, и на указанія опыта. Начнемъ съ вопроса о желательности каѳедры украинской литературы.

Библиотека "Руниверс"

Въ настоящее время, благодаря трудамъ пѣлаго ряда крупныхъ ученыхъ дѣятелей, область вѣдѣнія историковъ русской литературы расширилась чрезвычайно. Мы не говоримъ уже объ изученіи близкой къ намъ эпохи, хотя бы XIX вѣка, которое особенно оживилось за послѣдніе годы въ связи съ ростомъ освободительнаго движенія. Даже въ такихъ областяхъ литературы, какъ исторія XVIII вѣка, эпоха Петра I, XVII вѣка—и вплоть до первыхъ вѣковъ существованія на Руси письменности—литературный матеріалъ растетъ съ каждымъ годомъ и все болѣе и болѣе требуетъ спеціализаціи отъ ученаго изслѣдователя. Естественно при этомъ, если главное вниманіе русскихъ ученыхъ устремляется на факты литературы имъ близкой,—литературы московской, русской. При этомъ и ученому, и преподавателю приходится касаться вопроса о судьбѣ украинской литературы лишь вскользь, или тогда, когда этого требуетъ ходъ изученія литературы московской; напр., говоря о роли украинцевъ въ Москвѣ XVII в., неизбѣжно приходится коснуться и судебъ старой украинской литературы, имѣвшей свою традицію, свои формы и гораздо ранѣе ставшей выраженіемъ народныхъ думъ и чувствъ, чѣмъ литература московская. Достаточно упомянуть здѣсь, что въ то время, какъ Москва трудилась надъ стилистической обработкой житій во вкусѣ югославянскихъ риторовъ,—на Украинѣ шла литературная борьба за свободу народа, за свободу исповѣданія, за свободу національнаго развитія.

Не касаемся подробно позднѣйшихъ эпохъ. Достаточно сказать, что литература украинская XIX в., давно уже не „умѣщающаяся на одну полку", требуетъ также къ себѣ большаго вниманія представителей науки, большаго, чѣмъ то, какое могутъ удѣлить ей мимоходомъ спеціалисты, занимающіе каѳедры русской литературы и славяновѣдѣнія. Въ заключеніе по этому же вопросу: если даже считать, что украинская литература такъ мало изучена, что почти незамѣтна наряду съ литературою русскою, — то отвѣтомъ можетъ быть одно: необходимо создать людей, готовыхъ и способныхъ разрабатывать научно украинскій историко-литературный матеріалъ.

Выводъ изъ сказаннаго ясенъ: учрежденіе каѳедры исторіи украинской литературы весьма желательно. Выдѣленіе украинской литературы изъ круга вѣдѣнія каѳедры русской литературы только облегчитъ представителей послѣдней и создастъ возможность новой университетской спеціальности къ пользѣ наукѣ.

Переходимъ къ вопросу о каѳедрѣ украинскаго языка. Въ настоящее время преподающій исторію р. языка неизбѣжно и по преимуществу занятъ преподаваніемъ судебъ древнерусскаго языка, причемъ, обычно, касается и судебъ древнихъ и новыхъ нарѣчій русскаго языка.

Библиотека "Руниверс"

Но опять таки—невольно, наряду съ общими лингвистическими вопросами, вниманіе профессора р. языка останавливается на судьбѣ русскаго литературнаго языка, съ одной стороны—въ виду важнаго его значенія, съ другой—вслѣдствіе большей подготовки и обработки матеріала. Въ то время, какъ число изслѣдованій и статей по исторіи русскаго языка даже въ нашей скудной лингвистической литературѣ считается сотнями,—сколько нибудь серіозныхъ работъ по исторіи украинскаго языка считается немного болѣе десятка. Значитъ ли это, что нѣтъ надобности спеціально изучать этотъ языкъ? Конечно, нѣтъ. Такая слабая разработанность вопросовъ, связанныхъ съ исторіей украинскаго языка, должна побудить насъ къ тому, чтобы возможно болѣе развить въ этомъ направленіи научную дѣятельность ближайшаго поколѣнія нашей университетской молодежи. Нельзя умолчать при этомъ о такомъ характерномъ фактѣ: программа для изученія великорусскихъ говоровъ—довольно давно уже составлена академикомъ Шахматовымъ при сотрудничествѣ Чернышева; программу по бѣлорусскому нарѣчію недавно составилъ по порученію академіи наукъ ея чл. корр. проф. Карскій. А для составленія научной программы по украинскому языку академія наукъ не нашла ни въ одномъ изъ университетовъ, стоящихъ на украинской территоріи, ученаго оффиціальнаго спеціалиста и обратились къ.... бухгалтеру пивовареннаго завода, отличному, правда, знатоку украинскаго языка, образованному лингвисту, но—лишенному аудиторіи, гдѣ создаются работники, создатели науки будущаго.

И здѣсь выводъ для насъ не оставляетъ сомнѣній: должна быть создана каѳедра украинскаго языка и діалектологіи; она сможетъ, при условіи занятія ее свѣдущимъ спеціалистомъ, закрыть тѣ прорѣхи, которыя образовались за много лѣтъ несправедливаго пренебреженія ученыхъ къ украинскому языку, которымъ говорятъ до 30 милліоновъ народа.

Что касается каѳедры исторіи, этнографіи и обычнаго права, то мы не чувствуемъ себя достаточно освѣдомленными въ вопросѣ; отмѣтимъ только то, что судьбы Украины (Малороссіи и Бѣлороссіи) были значительно отличны отъ судебъ Москвы. Одна уже близость къ Западной Европѣ, вліяніе ея законодательства съ древнѣйшихъ временъ, нѣсколько иныя политическія и экономическія условія — все это не могло не создать особой физіономіи исторіи „Литовской“ Руси или Украины.

II.

Итакъ, съ нашей точки зрѣнія, учрежденіе украинскихъ каѳедръ, полезно въ научномъ отношеніи. Разсмотримъ теперь вопросъ, по-

Библиотека "Руниверс"

скольку возможно, поскольку зависитъ отъ самихъ университетовъ учрежденіе этихъ новыхъ каѳедръ. Такъ какъ этотъ вопросъ относится къ будущему, то мы должны имѣть въ виду указанія выработаннаго депутатами отъ университетовъ проекта новаго устава.

О правахъ университетовъ основывать новыя каѳедры проектъ устава говоритъ въ статьяхъ 8-й и 65-й; сверхъ того имѣетъ отношеніе къ нашему дѣлу и примѣчаніе къ статьѣ 58-й.

Согласно съ этими статьями порядокъ учрежденія украинскихъ каѳедръ представляется таковымъ: факультеты (въ данномъ случаѣ — историко-филологическій, юридическій и (по этнографіи) физико-математическій вносятъ по принадлежности въ совѣтъ свои предположенія объ учрежденіи украинскихъ, каѳедръ, а также предположенія о распредѣленіи профессуръ и доцентуры между каѳедрами, и предметовъ преподаванія между преподавателями, сообразно характеру ихъ научной дѣятельности и нуждамъ преподаванія (ст. 9, II, 2 и 3). Въ случаѣ, если совѣтъ найдетъ возможнымъ признать предположенія факультетовъ заслуживающими удовлетворенія, онъ утверждаетъ ихъ своею властью, доводя лишь объ этомъ до свѣдѣнія министра народнаго просвѣщенія; утвержденіе министра необходимо въ одномъ лишь случаѣ,— если для вознагражденія профессорамъ новыхъ каѳедръ потребуется особое, непредусмотрѣнное штатами, вознагражденіе изъ суммъ государственнаго казначейства (ст. 9, IX, примѣчаніе.)

Но можетъ быть украинскія каѳедры потребуютъ большихъ расходовъ и сверхсмѣтныхъ ассигнованій? Можетъ быть потребуется значительное увеличеніе числа профессоровъ и доцентовъ? На это мы найдемъ отвѣтъ въ ст. 65 и 64. „Увеличеніе числа профессуръ и доцентуръ, какъ въ предѣлахъ имѣющихся денежныхъ средствъ, такъ и путемъ исходатайствованія новыхъ на общихъ основаніяхъ“, а равно и „учрежденіе новыхъ каѳедръ“, соединеніе и разъединеніе ихъ, переносъ съ одного факультета на другой — все это по ст. 65 является правомъ университетовъ, безо всякаго вмѣшательства или утвержденія свыше. А ст. 64 указываетъ такое количество штатныхъ профессуръ, каковое при наличныхъ силахъ едвали можетъ быть заполнено соотвѣтствующими спеціалистами, имѣющими ученую степень доктора (необходимое условіе для полученія каѳедры). На историко-филологическомъ факультетѣ вмѣсто 11 ординатуръ и 5 экстраординат., новый уставъ предполагаетъ 16 профессуръ высшаго оклада, 8 низшаго и 9 доцентуръ, т. е. увеличиваетъ число платныхъ преподавателей съ 16 на 33. Думается, что если эти предположенія будутъ утверждены высшей законодательною властью, то, по замѣщеніи всѣхъ каѳедръ правоспособными спеціалистами — на долю украинскихъ каѳедръ по одному

Библиотека "Руниверс"

историко-филологическому факультету останется не 3 профессуры, или хотя-бы доцентуры, а вдвое болѣе.

Можемъ задать еще вопросъ, оставаясь въ предѣлахъ того-же проекта устава: имѣется-ли къ нему хоть какое-нибудь указаніе, дающее украинцамъ право ходатайствовать объ учрежденіи особыхъ каѳедръ? На этотъ вопросъ отвѣчаетъ, хотя и косвенно, ст. 58, именно — примѣчаніе къ ней, устанавливающее, напр., въ варшавскомъ университетѣ каѳедры польскаго языка, литературы, исторіи, литовскаго языка; въ казанскомъ—татарской филологіи; въ юрьевскомъ—даже эстонской филологіи. Если по отношенію къ немногочисленнымъ эстамъ допущена возможность удовлетворить ихъ національныя потребности, то почему этого не заслужили-бы украинцы?

Итакъ,—къ учрежденію украинскихъ каѳедръ въ новомъ проектѣ университетскаго устава „препятствій не встрѣчается“. Депутаты отъ университетовъ, трудившіеся надъ нимъ, приняли во вниманіе интересы мѣстные, научные и національные интересы отдѣльныхъ народностей Россіи, не исключая и „угрюмыхъ пасынковъ природы“. Тѣмъ важнѣе при обсужденіи проекта устава въ высшемъ законодательномъ учрежденіи добиться ясной формулировки безспорнаго, но гуманно выраженнаго права украинцевъ требовать учрежденія особыхъ каѳедръ. Но—это дѣло уже пословъ въ государственной думѣ, или въ томъ учрежденіи которое ее замѣнитъ.

III.

Обращаемся къ послѣднему вопросу, намѣченному нами: какъ замѣстить, въ случаѣ учрежденія, открывшіяся украинскія каѳедры? Вопросъ этотъ можетъ показаться празднымъ: могутъ-де всегда найтись свѣдущіе люди, была-бы доставлена имъ возможность преподаванія. Но это не вполнѣ такъ. Для занятія каѳедры—будь то профессура, будь то даже приватъ-доцентура—допускаются по новому уставу лишь доктора наукъ. А мы знаемъ, что въ Россіи, кромѣ докторовъ медицины, докторовъ по другимъ спеціальностямъ очень мало (по русскому языку и словесности, наприм., включая членовъ академіи наукъ, всего 13—15 человѣкъ, а по славянской филологіи—всего 10). Да невелико и число магистровъ, которыхъ, по правамъ на занятіе каѳедръ, новый уставъ приравниваетъ къ докторамъ. При этомъ среди нихъ мы не можемъ назвать ни одного сколько-нибудь авторитетнаго спеціалиста по каѳедрѣ украинскаго языка и литературы.

Библиотека "Руниверс"

Но является-ли это препятствіемъ для учрежденія новыхъ каѳедръ? Конечно, нѣтъ. Вспомнимъ, что въ аналогичномъ, если не въ худшемъ положеніи было дѣло съ учрежденіемъ каѳедръ славянскихъ нарѣчій и западно-европейскихъ литературъ. Знаменитый Изм. Ив. Срезневскій перешелъ тогда, послѣ заграничной командировки и занятій славистикой, на каѳедру славяновѣдѣнія—съ каѳедры политической экономіи и статистики; на каѳедру западно-европейскихъ литературъ также переходили, напр., русскіе историки—и это не мѣшало имъ позже работать въ новой спеціальности съ пользою для науки и съ честью для себя и своего университета; наконецъ, помимо созданія своихъ кадровъ молодыхъ спеціалистовъ, — остается еще одинъ путь — приглашеніе на новыя украинскія каѳедры испытанныхъ въ трудѣ по разработкѣ вопросовъ украинской филологіи и исторіи дѣятелей науки изъ Галичины, гдѣ есть свободные ученые, не занятые въ университетѣ и могущіе сдѣлать честь любому университету своимъ ученымъ авторитетомъ и европейскою извѣстностью.

Этою послѣднею мѣрою разрѣшился-бы и тотъ вопросъ, который также можетъ вызвать затрудненія (помимо чисто политическихъ) — вопросъ о языкѣ преподаванія, которымъ во львовскомъ, напр., университетѣ является украинскій на соотвѣтствующихъ каѳедрахъ.

Заканчиваемъ наши соображенія тѣмъ-же пожеланіемъ, какое высказали въ петиціи черниговскіе украинцы: надѣемся, что наши южные университеты найдутъ въ себѣ столько научной объективности, что и идейно, и на практикѣ посодѣйствуютъ учрежденію украинскихъ каѳедръ. (Кіев. Отголоски Жизни № 122—123).

Проф. В. Перетцъ.

Перша українська гімназія в Одесі. На останніх зборах одеського українського товариства „Просвіта“ гурток членів товариства постановив: з осени сього року заснувати в Одесі першу українську гімназію, поки що з викладовою россійською мовою. Спочатку буде засновано тільки 4 класи гімназії і клас приготовчий, в якому будуть вчитись хлопці і дівчата. Викладати будуть відомі кращі одеські педагоги: професори та учителі. Українською мовою зразу вчитимуть: української мови, української літератури та української історії. Метода вчення має бути американська, так, шо всі уроки діти вчитимуть в класах, а додому учителі не даватимуть ніякої роботи. Гімназія содержуватиметься коштом товариства, окремых членів і всіх охочих українців на паях — по 100 карб. пай.

Библиотека "Руниверс"

Статут і програма гімназії зараз укладаються і незабаром будуть послані на затвердження уряду.

Хто цікавиться сею справою, то за відомостями можна звертатись до одеського українського товариства „Просвіта“ (Ніжинська, ч. 44), або до голови товариства, лікаря Івана Луценка (Херсонська, ч. 52). (Гром. Дум. № 139) І. С.

Твори Драгоманова. У Львові вийшов третій том творів М. Драгоманова під заголовком: „Розвідки Михайла Драгоманова про українську народню словесність і письменство“. Зладив М. Павлик. Видало книгу наукове товариство імени Шевченка, яко VII-й том збірника філологичної секції наукового товариства. Коштує книга 4 корони (1 карб. 60 коп.).

Українські підручники. Нарешті у Київі виходять українські підручники; 1) „Граматка“, український буквар з 30 малюнками, для дітей 7—8 років. Зложив Норець. Школьний матеріал граматки зложено з народніх українських і кращих літературних творів.

Метода вчення звукова, читати і писати діти вчаться заразом.

Малюнки для граматки взято з народнього життя. Вчення буде йти по американській методі, себ-то діти спочатку будуть знайомитись з мовою, а потому вже з буквами.

Крім граматки друкуються і незабаром вийдуть: 2) „Читанка. Перша книжка після граматки“ і 3) „Веселка“—Андрія Молодченка. Ся остання книжка була зложена кілька літ тому, але через цензурну заборону друкувалась в Львові; її вживають по русинських школах в Галичині.

Частина прибутку з сих видань має пійти на школу імени Т. Шевченка у г. Київі. (Гром. Дум. № 143).

Библиотека "Руниверс"

КІЕВСКАЯ СТАРИНА.

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ДВАДЦАТЬ ПЯТЫЙ.

ТОМЪ XCIII.

1906 г.

ІЮЛЬ-АВГУСТЪ.

Кіевъ.
Типо-литографія Т-ва Н. А. Гиричъ. Трехсвятительская у., № 14.
1906.

Библиотека "Руниверс"

СОДЕРЖАНІЕ 93-го ТОМА

май-іюнь и іюль-августъ.

Книга первая и вторая—май-іюнь.

Отдѣлъ I.

I ОТНОШЕНІЕ ВЕЛИКОРУССКИХЪ СОЦІАЛИСТОВЪ 70-хъ ГОДОВЪ КЪ НАРОДНО-ФЕДЕРАЛЬНОМУ НАПРАВЛЕНІЮ . . . . . 1—42
II ВОСПОМИНАНІЯ И АВТОБІОГРАФІЯ ОДЕССКАГО ПРОТОІЕРЕЯ НИКОЛАЯ ИВАНОВИЧА СОКОЛОВА. (Продолженіе). . . . . 43—62
III ИЗЪ ВОСПОМИНАНІЙ О ХАРЬКОВСКОМЪ УНИВЕРСИТЕТѢ КОНЦА 40-хъ ГОДОВЪ. *П. П. Сокальскій.* 63—71
IV ИЗЪ ЖИЗНИ УЧЕБНЫХЪ ЗАВЕДЕНІЙ ЮГО-ЗАПАДНАГО КРАЯ ВЪ 1840-хъ ГОДАХЪ. *О. Левицкій* . . . 72—87
V ЖИТТЯ І ТВОРИ ВІКТОРА ЗАБІЛИ. *В. Мировця* . . 88—178
IV ТЕМНОТА *Ю. Будяка.* . . . . . 178—183
VII НЕ В РУКУ . . . . . 184—190
VIII ОТЧЕТЪ О ПРИСУЖДЕНІИ ПРЕМІИ Н. И. КОСТОМАРОВА . . . . . 191—230

Отдѣлъ II.

I БИБЛІОГРАФІЯ: Д. И. а) Яворницкій. Наша доля—Божа воля. Повисть. *Д-въ;* б) Украиньске весилля. Записавъ Ив. Демченко. *Владиміръ Даниловъ.*. . . . . 1—5
II ДОКУМЕНТЫ, ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ: а) Къ исторіи матеріальнаго положенія малороссійскаго духовенства въ 18 вѣкѣ. Сообщ *Вл. П-ко*; б) Разведеніе табаку въ Малороссіи въ 1760 годахъ. Сообщ. *Вл. П-ко*; в) Къ исторіи Кіево-Софійскаго собора. Сообщ. *Вл. П-ко*; г) Къ народной демонологіи Сообщ. *Вячеславъ Каминскій*; г) Непонятная тревога. *О. Л.;* д) Стихотвореніе ссыльнаго украинца половины XVIII ст. *Г. Б.;* е) Маленькі додатки до матеріалів, записанных в с. Отаках. Сообщ. *В. Яблоновскій* ж) Изъ прошлаго Полтавщины: 1) Жалоба еврей-

Библиотека "Руниверс"

скаго раввина въ думу о несоблюденіи евреями обрядовъ; 2) Договоръ между мѣщанами о добровольномъ поступленіи въ рекруты за плату. Сообщ. *И. Фр. Павловскій* 6—21
ТЕКУЩІЯ ИЗВѢСТІЯ . . . . . 22—50

Книга третья и четвертая—іюль-августъ.

Отдѣлъ I.

I. О ПОЛОЖЕНІИ КРЕСТЬЯНЪ ЮГО-ЗАПАДНАГО КРАЯ ВО 2-й ЧЕТВЕРТИ XIX ст. *Ор. Левицкаго.* . . . . 231—274
II. ПОЛЬСКАЯ И ВЕЛИКОРУССКАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ ПЕЧАТЬ 70-хъ ГОДОВЪ ПО ВОПРОСУ О НАРОДНО-ФЕДЕРАЛЬНОМЪ НАПРАВЛЕНІИ *М. П. Драгоманова.* . . . . . 275—337
III. КЪ ВОПРОСУ ОБЪ УКРАИНСКОМЪ НАРОДНИЧЕСТВѢ. (Опытъ программныхъ вопросовъ для изученія украинской національной идеи). *Петра Одинца.* . . . 338—376
IV. ОТКРОВЕНІЄ СВ. СТЕПАНА. (Студія над одним мало відомим апокріфом). *Івана Франка* . . . . . 377—405
V. ВОСПОМИНАНІЯ И АВТОБІОГРАФІЯ ОДЕССКАГО ПРОТОІЕРЕЯ НИКОЛАЯ ИВАНОВИЧА СОКОЛОВА. (Продолженіе). . . . . 406—435
VI. РОЗГАРДІЯШ. Твора на 4 дії. *М. Кропивницького.* . 436—470
VII. ПРИЗНАКИ УКРАИНСКОЙ КОЛОНИЗАЦІИ НА УРАЛѢ. *Вл. Короленка.* . . . . . 476—482

Отдѣлъ II.

I БИБЛІОГРАФІЯ: Новый сборникъ пѣсенъ. „Малороссійскія народныя пѣсни, собранныя проф. Д. И. Эварницкимъ". *Владиміра Данилова.* . . . . . 51—70
II. ДОКУМЕНТЫ, ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ: а) Договоръ монастыря со снѣцаремъ (1720 г.) Сообщ. *Вл. Короленко;* б) Необходимое поясненіе. *Б. Гринченко;* в) Къ біографіи И. П. Котляревскаго. Сообщ. *И. Фр. Павловскій;* г) Вызовъ полтавскихъ помѣщиковъ для управленія конфискованными имѣніями въ волынской губерніи. Сообщ. *И. Фр. Павловскій;* д) *Изъ прошлаго Полтавщины.* I. Донесеніе Петра Полторацкаго кн. Репнину о грабежѣ имѣній Муравьева-Апостола. II. Жалоба титул. совѣтника Бровка объ отказѣ наградить его орденомъ Владиміра 4 ст. Сообщ. *И. Фр. Павловскій;* е) Отказъ губернатора принять въ подарокъ кубокъ отъ харьковскаго дворянства. Сообщ. *И. Фр. Павловскій* . . . . . 71—82

Библиотека "Руниверс"

О положеніи крестьянъ Юго западнаго края во 2-й четверти XIX ст.

I.

Нѣтъ болѣе печальной исторіи, какъ исторія Украины; это—въ полномъ смыслѣ слова сплошная скорбная повѣсть о безпримѣрныхъ бѣдствіяхъ и страданіяхъ украинскаго народа. Но пока народъ имѣетъ возможность бороться за свои права и идеалы, то, какъ бы ни были велики его неудачи и несчастья, все-таки его положеніе нельзя признать совершенно безотраднымъ; у него не отнята надежда на возможность какого-либо благопріятнаго исхода борьбы, онъ еще воленъ въ выборѣ средствъ для такой борьбы, а въ самомъ крайнемъ случаѣ онъ не задумается прибѣгнуть къ такому отчаянному средству, какъ поголовное выселеніе изъ родного края, но съ надеждою вновь вернуться въ него, какъ только измѣнятся неблагопріятныя обстоятельства. Въ такомъ именно положеніи очутилась правобережная Украина въ злосчастную эпоху „Руины". Отвергнутая московскимъ правительствомъ, по дипломатическимъ разсчетамъ вновь вернувшимъ ее Польшѣ, оставленная на произволъ судьбы лѣвобережными гетманами, она не захотѣла однако безропотно подчиниться своей горькой судьбѣ—снова вернуться въ польское ярмо и съ отчаянной рѣшимостью бросилась въ непосильную борьбу, результатомъ которой было полное запустѣніе края и уходъ населенія на лѣвый берегъ Днѣпра.

Но сто лѣтъ спустя та же правобережная Украина вступила въ иной фазисъ своей исторіи. Выдержавъ снова упорную борьбу за свою вѣру и вольность, она еще разъ потрясла шляхетную

Библиотека "Руниверс"

Польшу отчаяннымъ взрывомъ гайдамачины и наконецъ, усталая, обезсиленная, поголовно закрѣпощенная все тѣмъ же польскимъ панствомъ, она дождалась „смутнаго часу," когда ея вѣковой врагъ Польша пала, а сама она, вмѣстѣ съ Волынью и Подольей, перешла подъ власть того самаго единовѣрнаго съ нею государства, покровительства котораго она такъ страстно всегда искала и подъ скипетромъ котораго уже полтораста лѣтъ жили ея братья, сыны бывшей Гетьманщины и Слободской Украины. Казалось, наступалъ великій и всерадостный для всѣхъ доселѣ разрозненныхъ, а отнынѣ вновь и уже навѣки объединенныхъ частей Украины, поворотный моментъ въ ея исторіи, моментъ исполненія вѣковыхъ чаяній украинскаго народа. Казалось, что теперь, подъ защитою русскихъ законовъ, „исконно-русское" населеніе старой Волыни, Подольи и Украины почувствуетъ себя свободными гражданами новаго отечества, а не рабами польской шляхты, и что, добровольно сбросивъ съ себя грубымъ насиліемъ навязанную ему унію, оно сброситъ и вѣковыя цѣпи личнаго порабощенія той самой шляхтѣ, которая во время польскаго господства такъ безчеловѣчно попирала его вѣру и народность и обратила его въ безотвѣтныхъ рабовъ. И по естественной логикѣ такъ бы оно и слѣдовало, чтобы оправдались эти справедливыя народныя чаянія. Но мы хорошо знаемъ, что они не оправдались, какъ не оправдались и опасенія поляковъ-помѣщиковъ, будто они, съ переходомъ края въ русское управленіе, потерпятъ какой-либо ущербъ въ своихъ сословныхъ, владѣльческихъ или хотя бы національныхъ привилегіяхъ и интересахъ. И надежды однихъ, и опасенія другихъ оказались одинаково напрасными: все осталось по старому, по прежнему, какъ было и „за Польщи". Да и какъ могло быть иначе, когда присоединеніе края совершено было той самой просвѣщенной императрицей, которая съ такимъ усердіемъ насаждала въ Россіи „шляхетскія вольности" и лишь за нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ формально ввела крѣпостное право въ бывшей Гетьманщинѣ! Правда, какъ русская государыня, Екатерина и въ „провинціяхъ отъ Польши присоединенныхъ" предпочитала бы видѣть въ роли помѣщиковъ русскихъ, а не польскихъ вельможъ, и съ этою цѣлью конфисковала громадныя имѣнія уніатскихъ кафедръ (даръ древнихъ русскихъ князей православной церкви) и роздала ихъ своимъ любимцамъ; при ней же и обширныя государственныя имѣнія (бывшія старостинскія и королевскія) въ Кіевщинѣ перешли въ собственность русскихъ вельможъ. Но ея ближайшіе преемники отказались даже отъ этой робкой полити-

Библиотека "Руниверс"

ки—насажденія въ польскихъ провинціяхъ русскаго землевладѣнія" и заботливо оберегали и вновь расширяли прерогативы туземнаго дворянства. Такъ Павелъ I, желая исправить мнимыя неправды своей матери по отношенію къ Польшѣ, по вступленіи на престолъ велѣлъ немедленно освободить около 11,000 поляковъ, сосланныхъ за участіе въ возстаніи Костюшки, и возвратить имъ конфискованныя и уже розданныя русскимъ имѣнія, возстановилъ вновь католическія и уніатскія епархіи и даровалъ польскимъ дворянамъ присоединенныхъ отъ Польши областей право съѣзжаться на сеймики и избирать изъ своей среды губернскихъ и уѣздныхъ маршаловъ, генеральныхъ судей въ главные суды и предсѣдателей въ прочіе суды, причемъ возстановлялось дѣйствіе Литовскаго статута и судопроизводство на польскомъ языкѣ. Съ тѣхъ поръ почти всѣ административныя и судебныя должности въ югозападныхъ губерніяхъ исключительно были заняты поляками. Съ воцареніемъ Александра I для поляковъ западнаго края открывалась еще болѣе блестящая эра, такъ какъ всѣмъ было извѣстно, что молодой императоръ, благодаря вліянію друга своей молодости князя Адама Чарторыйскаго, преисполненъ самыми благожелательными чувствами по отношенію къ Польшѣ и искренно желаетъ облегчить ея „бѣдствія", и всѣ надѣялись, что онъ явится ея „воскресителемъ". Терпѣливо ожидая этого вожделѣннаго времени, поляки могли спокойно готовиться ко дню своего государственнаго возрожденія, пользуясь тѣмъ привилегированнымъ положеніемъ, какое они занимали въ новомъ отечествѣ, и проводя безпечальное житіе, какого не знали и въ прежнемъ. Совершенно свободные отъ податей и какихъ бы то ни было государственныхъ повинностей, они были во всемъ уравнены въ правахъ и преимуществахъ съ русскимъ дворянствомъ, среди котораго тотчасъ заняли выдающееся положеніе; за ними охотно признавали довольно сомнительные графскіе и княжескіе титулы; въ ихъ рукахъ находился судъ, школа и уѣздная администрація, имъ открытъ былъ свободный доступъ къ высшимъ государственнымъ должностямъ до губернаторскихъ и сенаторскихъ мѣстъ включительно. Ихъ вотчинная власть надъ милліонами коренного украинскаго населенія, подъ защитою русскихъ законовъ, выросла до размѣровъ, неизвѣстныхъ въ эпоху польскаго владычества, когда помѣщикамъ и во снѣ и наяву грезился страшный призракъ гайдамаки. Въ тѣ времена крайняго усиленія крѣпостничества въ самой Россіи никому, конечно, и на мысль не приходило, чтобы въ видахъ хотя бы политическихъ усилить и под-

Библиотека "Руниверс"

держать въ новоприсоединенномъ краѣ единственный русскій элементъ—въ лицѣ милліоновъ закрѣпощеннаго народа. Еще со временъ Екатерины о немъ прилагали попеченіе только какъ о народѣ *единовѣрномъ* и лишь въ рѣдкихъ случаяхъ (наприм., въ манифестѣ о присоединеніи къ Россіи Юго-западнаго края по второму раздѣлу Польши) вспоминали и объ его *единоплеменности*, но для улучшенія быта этого единовѣрнаго и единокровнаго народа, такъ долго стенавшаго подъ ярмомъ шляхетскимъ и въ чаяніи лучшей доли неудержимо рвавшагося къ соединенію съ Россіею, не было предпринято ни одного шага; напротивъ, на его плечи легла теперь вся тяжесть государственныхъ повинностей и въ числѣ ихъ самая тяжелая—рекрутчина, которой онъ не несъ „за Польщи“ и отъ которой были освобождены не только поляки (въ томъ числѣ и самая мелкая, бездомная шляхта), но и евреи. Позволяя ничтожному числу пришлаго инороднаго дворянства безгранично эксплоатировать личность, трудъ и имущество милліоновъ коренного населенія, правительство Александра I, по какой-то непостижимой политической слѣпотѣ, равнодушно смотрѣло на энергичныя усилія поляковъ путемъ школьнаго обученія отнять у этого народа самую его душу — сознаніе своей національной индивидуальности; по крайней мѣрѣ не дѣлалось ничего для противодѣйствія открытой, систематической полонизаціи западно-русскихъ областей, которая съ такой энергіей начата была еще польской эдукаціонной коммиссіей и достигла въ нашемъ краѣ высшаго напряженія въ эпоху Чацкаго; напротивъ, русское правительство того времени открыто признавало законность этого явленія и содѣйствовало ему цѣлымъ рядомъ мѣръ не только школьнаго, но преимущественно административнаго характера. Всѣ эти странныя, противоестественныя на современный взглядъ явленія происходили отъ незнанія или нежеланія знать прошлое, отъ невниманія къ интересамъ народныхъ массъ и отъ распространеннаго тогда даже въ руководящихъ сферахъ нелѣпаго предразсудка, будто національность страны опредѣляется національностью „первенствующаго“ въ ней, т. е. дворянскаго сословія. Исходя изъ послѣдняго положенія, не одни поляки въ то время были убѣждены, что западно-русскій край есть органическая часть Польши, давно завоеванная силою ея цивилизаціи; то же убѣжденіе господствовало и въ русскомъ обществѣ и находило отзвукъ въ высшихъ правительственныхъ сферахъ: вспомнимъ, что императоръ Александръ I имѣлъ серьезное намѣреніе, возстановивъ Польшу, возвратить ей русскія области по Березину и Днѣпръ.

Библиотека "Руниверс"

Въ виду всего сказаннаго, читатель, надѣемся, согласится съ нашимъ заключеніемъ, что съ момента присоединенія къ Россіи западной Украины въ ея исторіи открывается самый безотрадный періодъ, болѣе печальный, чѣмъ даже злосчастная эпоха „Руины". Нужды нѣтъ, что въ это время край не переживаетъ ни войнъ, ни народныхъ возмущеній, что его не терзаютъ татарскія орды или внутреннія усобицы, какъ бывало раньше. Но это „безмолвіе" народа, эта нѣмая, чисто воловья покорность, съ какою онъ протянулъ шею въ прежнее крѣпостное ярмо,—о чемъ она свидѣтельствуетъ, какъ не о полномъ крушеніи его вѣковыхъ надеждъ, о потерѣ вѣры въ себя, въ свои когда-то могучія силы, о страшномъ процессѣ духовнаго омертвѣнія? Убѣдившись, что съ перемѣною политическаго подданства ничто не измѣнится въ его рабской долѣ, народъ сложилъ пѣсню:

„Була Польща, була Польща,
Та й стала Росия
Не заступить син за батька,
А батько за сина"...

т. е. какъ раньше „сина" и „батька" гнали батогомъ на „панщину", такъ и теперь гонятъ. И всѣ сложенныя въ этотъ періодъ пѣсни народныя говорятъ объ одномъ—о тяжести „панщины", о безчеловѣчіи панскихъ прислужниковъ, пригонявшихъ народъ къ невольничьей работѣ, и о злобѣ къ этимъ „недолюдкамъ". И кажется дивомъ, что этотъ самый народъ именно въ этотъ ужасный періодъ духовнаго своего прозябанія могъ породить такого геніальнаго пѣвца, какимъ былъ великій нашъ Кобзарь.

Такъ продолжалось до вступленія на престолъ Николая I или, точнѣе, до польскаго мятежа 1830—31 гг., когда правительство горькимъ опытомъ должно было убѣдиться, насколько ошибочна была его прежняя политика на западно-русскихъ окраинохъ. Едва вспыхнуло возстаніе въ коренной Польшѣ, какъ тотчасъ въ разныхъ мѣстахъ юго-западнаго края польская шляхта стала организоваться въ вооруженные отряды и открыто выступать противъ русскихъ, и если бы генералу Ридигеру не удалось удержать Дверницкаго близъ австрійской границы, то послѣдній, двинувшись вглубь Волыни или Подоліи, встрѣтилъ бы здѣсь сильную поддержку среди мѣстныхъ повстанцевъ. Въ эту тревожную минуту русское правительство не безъ опасенія

Библиотека "Руниверс"

увидѣло, что, кромѣ военной силы, ему не на кого больше опереться въ краѣ, такъ какъ почти все мѣстное дворянство и чиновничество принадлежало къ польской народности и въ большей или меньшей степени сочувствовало возстанію. Правда, въ краѣ жило свыше четырехъ милліоновъ коренного украинскаго населенія, питавшаго непримиримую вражду къ своимъ притѣснителямъ—той самой польской шляхтѣ, которая въ то время выступала подъ знаменемъ возстанія. И нѣтъ сомнѣнія, что если бы правительство въ это время хотя косвенно дало понять народу, что не будетъ мѣшать и его содѣйствію въ усмиреніи мятежа, то народъ охотно поднялся бы противъ своихъ пановъ, и юго-западный край сдѣлался бы ареной такихъ же кровавыхъ событій, какія произошли въ 1846 г. въ Галиціи. Но правительство не могло рѣшиться на такую опасную мѣру, такъ какъ это должно было поколебать одинъ изъ коренныхъ устоевъ тогдашняго государственнаго быта—крѣпостное право. А искушеніе, видимо, было велико. Не рѣшаясь прямо призывать крестьянъ къ содѣйствію, ихъ все таки призывали косвенно—чрезъ посредство православнаго духовенства, которому конфиденціально было предписано „посредствомъ прихожанъ“ имѣть неослабное наблюденіе за поведеніемъ помѣщиковъ, ихъ управителей, посессоровъ и другой шляхты и о всякихъ подозрительныхъ, а тѣмъ болѣе явно преступныхъ дѣйствіяхъ ихъ тотчасъ доносить начальству. Одинъ только разъ—и то не отъ лица высшаго правительства, а отъ имени тогдашняго главнокомандующаго, фельдмаршала Остенъ-Сакена, издано было въ маѣ 1831 г. прямое воззваніе къ крестьянамъ юго-западнаго края, читанное въ церквяхъ, въ которомъ они открыто приглашались указывать правительству на мятежныхъ дворянъ и даже схватывать ихъ и доставлять по начальству, при чемъ имъ было обѣщано, что сами они никогда уже не будутъ принадлежать возмутившимся владѣльцамъ. Нечего и говорить о томъ, съ какою готовностью народъ отозвался на эти приглашенія и какія неоцѣнимыя услуги оказалъ правительству въ дѣлѣ подавленія мятежа. Но какъ дорого пришлось ему же поплатиться за эти вѣрноподданническія услуги! По усмиреніи мятежа никто и не вспомнилъ обѣщанія Сакена, а съ мятежниками правительство поладило довольно мирно: одни изъ пановъ владѣльцевъ принесли повинную и были прощены, другіе разными неправдами вышли сухими изъ воды, третьи хотя и подвергались карѣ, но конфискованныя у нихъ имѣнія были переданы ихъ же родственникамъ—и всѣ они постарались стори-

Библиотека "Руниверс"

цею воздать „песьей крови“ за недавнія услуги: мстили за себя мстили за своихъ покаранныхъ родственниковъ, мстили за неудачу „одбудованья ойчизны“, Многіе изъ крестьянъ были отданы въ рекруты, другіе въ кандалахъ, съ перебритыми головами, потянулись въ Сибирь, а оставшіеся на мѣстахъ подверглись повсемѣстно систематическимъ безчеловѣчнымъ преслѣдованіямъ, причемъ (по свидѣтельству самого Бибикова), подвергая крестьянъ истязаніямъ, имъ повторяли, „что таковыя дѣлаются имъ за вѣрность правительству“. Вмѣстѣ съ тѣмъ повсемѣстно увеличены были крестьянскіе отработки и повинности, что, помимо чувства мщенія, вызывалось и тѣмъ, что весьма многіе помѣщики и арендаторы хотѣли этимъ поправить свои состоянія, разстренныя революціей.

Но что же дѣлало русское правительство и почему оно не приходило на помощь своему естественному союзнику—народу? Увы, подобную здравую политику правительство усвоило болѣе или менѣе лишь послѣ второго польскаго мятежа, 1863 года, а въ то время она оказалась выше его разумѣнія. Императоръ Николай I имѣлъ очень своеобразный взглядъ на происхожденіе всякаго рода революціонныхъ движеній: причину ихъ онъ видѣлъ не въ извѣстныхъ общественныхъ или государственныхъ нестроеніяхъ, а исключительно въ злой волѣ и вредномъ образѣ мыслей мятежниковъ; поэтому и рецептъ для умиротворенія края и предупрежденія новыхъ возмущеній былъ у него очень простъ: вырвать съ корнемъ революціонную заразу, истребить злонамѣренныхъ людей и навести панику на всѣхъ, кто могъ бы имъ сочувствовать—и въ краѣ водворится миръ и благоденствіе. По этому рецепту былъ умиротворяемъ и юго-западный край послѣ мятежа 1831 года. Прежде всего пущены были въ ходъ мѣры карательныя и устрашительныя: казни, ссылки, розыски и всевозможныя репрессіи; затѣмъ слѣдовали мѣры предупредительныя: увидѣли источникъ заразы въ польскихъ школахъ, заведенныхъ Чацкимъ,—и всѣ школы моментально были закрыты; увидѣли заразу въ католическихъ монастыряхъ—и принялись тотчасъ закрывать ихъ, и т. под. Таковы же были и другія административныя мѣры, направленныя къ снесенію съ края польско-католической окраски и къ возвращенію ему „исконно-русскаго“ характера. Казалось бы, что эта послѣдняя цѣль легче всего была бы достигнута дарованіемъ милліонамъ коренного, „исконно-русскаго населенія гражданскихъ правъ и прекращеніемъ этого позорнаго для господствующаго племени порабощенія польскому

Библиотека "Руниверс"

дворянству. Но развѣ подобная дерзкая мысль могла бы возникнуть въ царствованіе государя, который въ одномъ изъ засѣданій государственнаго совѣта (30 марта 1872 г.) опредѣлительно высказался, въ поученіе своимъ вельможамъ, объ этомъ предметѣ такъ: „я признаю, что въ настоящую эпоху *всякій помыселъ* объ освобожденіи крестьянъ былъ бы *преступнымъ посягательствомъ* на общественное спокойствіе и на благо государства". [1]) Въ этомъ своего рода идолопоклонническомъ преклоненіи предъ институтомъ крѣпостного права и суевѣрномъ опасеніи, какъ бы не поколебать этотъ краеугольный камень тогдашнаго государственнаго строя заключается разгадка и того на первый разъ страннаго явленія, что польскіе помѣщики въ юго-западномъ краѣ безнаказанно могли открыто мстить своимъ крестьянамъ за ихъ вѣрноподданническую услугу правительству, а мѣстная администрація была безсильна оградить ихъ отъ дикой мести, а равно и того, почему торжественныя завѣренія Остенъ-Сакена, что крестьяне не будутъ принадлежать возмутившимся помѣщикамъ, остались неисполненными.

Къ чести извѣстнаго кіевскаго генералъ-губернатора Д. Г. Бибикова нужно отнести то, что этотъ умный администраторъ имѣлъ смѣлость открыто выяснить правительству всю ненормальность тогдашняго положенія крестьянъ въ юго-западномъ краѣ и провести рядъ мѣръ, клонившихся хотя и не къ полному прекращенію ихъ крѣпостной зависимости отъ помѣщиковъ, (объ этомъ нельзя было и заикнуться), то, по крайней мѣрѣ къ возможному огражденію ихъ отъ произвола владѣльцевъ.

II.

Въ то время, когда Бибиковъ вступилъ въ управленіе юго-западнымъ краемъ въ 1838 г., составъ его населенія былъ таковъ. Около 4.200.000 душъ составляли сельское населеніе, поголовно находившееся въ крѣпостномъ состояніи. Надъ нимъ возвышалось дворянское сословіе, числившее въ своихъ рядахъ около 100.000 душъ. Лишь ничтожную часть его составляли дворяне русскаго происхожденія, а остальные были поляки. Но и среди послѣднихъ не болѣе одной трети составляли собственно классъ

---

[1]) Записки барона М. Корфа.

Библиотека "Руниверс"

помѣстныхъ владѣльцевъ или поземельную аристократію, а громадное большинство (около 64.000 душъ) принадлежало частью къ мелкопомѣстной, а чаще и совсѣмъ къ безпомѣстной и даже бездомной шляхтѣ. Это былъ въ полномъ смыслѣ классъ паразитовъ, вредныхъ тунеядцевъ, жадно высасывающихъ соки народные. Гордясь своимъ (часто очень сомнительнымъ) шляхетскимъ происхожденіемъ и пользуясь по праву дворянства и полною свободою отъ всякихъ податей и повинностей, такой шляхтичъ обыкновенно презиралъ всякій производительный трудъ и, поступивъ на службу къ богатому пану на должность эконома, управителя, писаря и т. под. или арендуя его имѣніе, являлся самымъ лютымъ мучителемъ и эксплоататоромъ несчастнаго „хлопа"; другіе же изъ шляхты наполняли ряды низшаго чиновничества или, наконецъ, толпились около патрона-магната въ роли нахлѣбниковъ („печеняжей") или шутовъ. Городское населеніе (около 341.000 д.), за исключеніемъ незначительнаго числа украинскихъ мѣщанъ, составляли главнымъ образомъ евреи; они держали въ своихъ рукахъ почти всю мелочную и оптовую торговлю въ городахъ и мѣстечкахъ, арендовали у помѣщиковъ шинки и корчмы, мельницы, заводы, рѣчные перевозы, а иногда и цѣлые фольварки и разныя доходныя статьи, снабжали и пановъ, и крестьянъ кредитомъ и за безцѣнокъ скупали у нихъ разные продукты, а болѣе состоятельные изъ евреевъ брали въ аренду даже казенныя имѣнія съ правомъ требовать отъ крестьянъ барщины.

Таковъ былъ въ то время классовой составъ населенія края, въ которомъ милліоны рабовъ выбивались изъ силъ въ невольномъ трудѣ ради благоденствія ничтожной горсти эксплоататоровъ. Конечно, крѣпостное право существовало тогда во всей Россіи и возмущало совѣсть лишь весьма немногихъ передовыхъ людей; но здѣсь всякаго разумнаго наблюдателя, а тѣмъ болѣе государственнаго дѣятеля, рьянаго поборника „русскихъ началъ," какимъ былъ Бибиковъ, должна была поразить вопіющая политическая аномалія, что милліонная масса народа, искони русскаго и православнаго, принадлежавшая и по историческому праву, и по только что совершившемуся факту завоеванія къ племени коренному, господствующему, къ племени побѣдителей,—въ силу крѣпостнаго права, установленнаго Богъ вѣсть когда, въ эпоху еще польскаго господства, отдана была въ полное порабощеніе ничтожному по численности классу инородцевъ и иновѣрцевъ, принадлежащихъ къ племени пришлому и побѣжденному, и по-

Библиотека "Руниверс"

чему такое порабощеніе остается въ полной силѣ и послѣ того, какъ этотъ же народъ съ такимъ усердіемъ помогъ правительству усмирить мятежъ, поднятый въ краѣ тѣми же рабовладѣльцами? Народъ этотъ былъ доведенъ до крайней степени забитости и духовнаго обнищанія, у него не было никакой интеллигенціи, если не считать таковой сельское духовенство, столь же убогое, невѣжественное и зависимое отъ помѣщиковъ и ихъ управителей, какъ и его пасомые; однако для просвѣщенія этого народа правительство ровно ничего не дѣлало. Оно устраивало новыя школы взамѣнъ закрытыхъ польскихъ, но предназначало ихъ для польскаго шляхетства, открыло въ Кіевѣ даже университетъ, но тоже „для поляковъ югозападнаго края;“ доступъ же въ эти школы простолюдину былъ закрытъ попрежнему, а объ заведеніи спеціально народныхъ училищъ никто и не думалъ. Но что и говорить объ этомъ, когда законъ той эпохи не обезпечивалъ крестьянину самыхъ элементарныхъ человѣческихъ правъ и отдавалъ его, связаннаго по рукамъ и ногамъ, въ полное и безотчетное распоряженіе помѣщика, предполагая, что самъ владѣлецъ въ собственныхъ интересахъ станетъ щадить своего раба, какъ добрый хозяинъ щадитъ рабочую скотину. По закону помѣщики имѣли право ссылать непокорныхъ крестьянъ въ Сибирь, сдавать безъ зачета въ рекруты, сажать въ тюрьмы и наказывать когда и какъ пожелаютъ, лишь бы не было увѣчья. А ужъ какъ помѣщикъ пользовался трудомъ и имуществомъ крестьянина, какими работами и повинностями обременялъ его, какъ подрывалъ въ корнѣ его семейный бытъ, произвольно женя и выдавая замужъ его дѣтей, раздаривая и распродавая отдѣльно членовъ одной семьи и т. под.—до этого рѣшительно никому не было дѣла. Можно представить, какъ безчеловѣчно злоупотребляли этимъ всевластіемъ обозленные на своихъ „хлоповъ“ шляхтичи западныхъ губерній!

На это прежде всего обратилъ вниманіе Бибиковъ и въ первомъ же всеподданнѣйшемъ своемъ докладѣ государю въ 1839 г. о положеніи края доводилъ до его свѣдѣнія, что „здѣшніе помѣщики и посессоры управляютъ крестьянами безчеловѣчно, и хотя въ защиту крестьянъ принимаются указанныя закономъ мѣры, но онѣ, какъ послѣдствія разныхъ случаевъ или происшествій, принося пользу частную, не сильны отвратить зла общаго.“ И точно, онъ зорко наблюдалъ за тѣмъ, чтобы помѣщики не угнетали крестьянъ и не злоупотребляли своей властью и постоянно предписывалъ уѣздной администраціи строжайше

Библиотека "Руниверс"

слѣдить за этимъ и обо всемъ замѣченномъ немедленно доносить ему непосредственно. И Боже, какія потрясающія донесенія тучами сыпались отовсюду! Въ архивахъ мѣстнаго управленія и теперь хранятся фоліанты старыхъ дѣлъ, при чтеніи которыхъ такъ и кажется, будто читаешь акты мучениковъ временъ Діоклитіана. Для образца возьмемъ опись такихъ дѣлъ за одинъ лишь 1840 годъ и приведемъ нѣсколько заглавій: „Дѣло о крестьянинѣ Григоріѣ Бирмѣ, умершемъ послѣ наказанія колючими сливяными розгами по приказанію эконома Ведмедскаго;“ „дѣло о крестьянкѣ Параскѣ Петренковой, повѣсившейся послѣ наказанія ея шляхтичемъ Ольшевскимъ“, и затѣмъ—длинный перечень дѣлъ о скоропостижныхъ смертяхъ и самоубійствахъ послѣ тяжкихъ истязаній, или о преждевременныхъ родахъ вслѣдствіе наказаній беременныхъ крестьянокъ. А сколько потрясающихъ драмъ можно найти въ дѣлахъ, носящихъ шаблонное заглавіе: „О жестокомъ обращеніи NN съ крестьянами“, „объ угнетеніи крестьянъ“ и т. под.! Такихъ дѣлъ цѣлыя тысячи. Или вотъ другая серія дѣлъ: „о растлѣніи помѣщикомъ Страшинскимъ шести крестьянскихъ дѣвочекъ“; „объ изнасилованіи помѣщикомъ Прушинскимъ пяти крестьянскихъ дѣвочекъ“ и т. под. Этому развлеченію очень охотно предавались тогдашніе шляхтичи,—и замѣтьте, что ихъ вовсе не привлекали къ отвѣтственности за то, что они содержали цѣлые гаремы изъ крестьянокъ или вообще развратничали съ ними, а лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда они переходили мѣру и насиловали малолѣтнихъ. И любопытно, какъ безсиленъ былъ въ борьбѣ со всѣми этими злоупотребленіями даже такой всемощный администраторъ, какимъ былъ Бибиковъ! Дѣло въ томъ, что хотя законъ и угрожалъ взятіемъ въ опеку имѣній помѣщиковъ, изобличенныхъ въ угнетеніи крестьянъ, но эта мѣра могла быть осуществлена лишь въ томъ случаѣ, если дворянское собраніе признаетъ ее необходимой, какъ и вообще надзоръ за обращеніемъ владѣльцевъ съ крестьянами возлагался на предводителей дворянства, а на нихъ Бибиковъ могъ дѣйствовать лишь морально, а не силою власти. И начиная съ первыхъ лѣтъ управленія краемъ, онъ то и дѣло обращался къ нимъ съ циркулярными убѣжденіями и просьбами „объ оказаніи съ ихъ стороны содѣйствія къ прекращенію злоупотребленій помѣщичьей власти въ обращеніи съ крестьянами.“ Но предводители были тѣ же поляки и помѣщики; они и сами такъ же обращались съ крестьянами и всѣми средствами выгораживали своихъ собратій, когда

Библиотека "Руниверс"

администрація привлекала ихъ за это къ отвѣтственности. Не большее содѣйствіе ей оказывали и производившіе дознаніе по такимъ дѣламъ полицейскіе чиновники, въ большинствѣ люди продажные и часто тѣ же поляки, и уѣздные суды, гдѣ членами состояли лица, выбранныя дворянствомъ, намѣренно тормозили подобныя дѣла и затягивали ихъ въ безконечность, если уже нельзя было обѣлить собрата, что такъ легко было сдѣлать прирѣшающемъ значеніи формальныхъ доказательствъ въ тогдашнемъ судопроизводствѣ. Такъ напр., почти всѣ дѣла объ изнасилованіяхъ оканчивались обыкновенно такимъ чисто Шемякинскимъ рѣшеніемъ: „Поелику помѣщикъ N до изнасилованія и растлѣнія означенныхъ дѣвокъ не повинился и при томъ въ поведеніи одобренъ, то на основаніи 1169 ст. XV т. св. зак. оставить его отъ дѣла свободнымъ; а понеже означенныя дѣвки, по удостовѣренію свидѣтельствовавшаго ихъ лѣкаря и собственному сознанію, лишены дѣвства и подверглись противозаконному сожитію, то предоставить духовной консисторіи подвергнуть ихъ церковной епитиміи.“ Спрашивается, что могъ сдѣлать при этомъ даже всемогущій Бибиковъ? Единственное: могъ вызвать насильника къ себѣ для начальственнаго разноса, могъ удалить его изъ имѣнія въ уѣздный городъ подъ надзоръ полиціи или даже подъ арестъ впредь до окончанія слѣдствія по его дѣлу, могъ даже административно выслать его во внутреннія губерніи, а однажды такой помѣщикъ-угнетатель „для примѣра“ былъ преданъ военному суду и посаженъ въ крѣпость. Но это значило лишь сорвать злость на одномъ изъ тысячи, и такія экстраординарныя мѣры, какъ сознавалъ и самъ Бибиковъ, „принося пользу частную, не сильны были отвратить зла общаго.“

Требовались другія мѣры общаго характера, которыя, не подрывая открыто принципа крѣпостного права, клонились бы къ обезсиленію шляхетскаго сословія и къ облегченію крестьянъ. Такія мѣры можно было провести въ то время только подъ флагомъ правительственной борьбы съ полонизмомъ и польской революціей.

Легче всего Бибикову удалось подорвать силу и значеніе той многочисленной мелкой шляхты, которая, окружая польскую аристократію и служа какъ-бы посредницею между нею и крестьянствомъ въ роли управителей, повѣренныхъ, арендаторовъ и приживальцевъ, а также выступая, по праву дворянства, арендаторами и администраторами казенныхъ имѣній, съ особенною жестокостью угнетала крестьянъ и выжимала изъ нихъ послѣд-

Библиотека "Руниверс"

ніе соки. Изъ этой же толпы тунеядцевъ польская революція 1831 года рекрутировала главныя силы повстанцевъ; поэтому тотчасъ послѣ усмиренія мятежа послѣдовалъ высочайшій указъ, повелѣвавшій привести въ извѣстность всю польскую шляхту, провѣрить ея права на дворянство и тѣхъ, кто его не докажетъ, причислить къ податнымъ сословіямъ. Но такъ какъ главная роль въ этой провѣркѣ была предоставлена дворянскимъ депутатскимъ собраніямъ, охотно признававшимъ доказательную силу за документами, сфабрикованными въ Бердичевѣ, то дѣло тянулось безрезультатно около девяти лѣтъ. Тогда, по ходатайству Бибикова, учреждена была въ 1840 г. въ Кіевѣ особая ревизіонная комиссія, которая должна была дѣйствовать подъ непосредственнымъ руководствомъ генералъ-губернатора. Результатомъ ея дѣйствій было исключеніе изъ дворянскаго сословія 64,000 шляхтичей, не доказавшихъ своихъ дворянскихъ правъ, и причисленіе ихъ къ податнымъ классамъ—однодворцевъ въ селеніяхъ и гражданъ въ городахъ. Впослѣдствіи эта бывшая шляхта, принужденная заняться производительнымъ трудомъ, почти вся слилась съ кореннымъ населеніемъ, усвоивъ его образъ жизни, языкъ и обычаи.

Труднѣе было Бибикову провести законодательнымъ путемъ другую, болѣе важную мѣру, прямо клонившуюся уже къ изъятію изъ панскаго порабощенія хотя части мѣстнаго крестьянства: разумѣемъ его проектъ о переводѣ государственныхъ крестьянъ на оброчное положеніе. Дѣло въ томъ, что въ Югозападномъ краѣ было много имѣній, перешедшихъ въ казну путемъ конфискаціи бывшихъ владѣній упраздненныхъ католическихъ монастырей и частныхъ лицъ, осужденныхъ за участіе въ возстаніи. Имѣнія эти обычно сдавались казною въ аренду съ торговъ, при чемъ арендаторами бывали обыкновенно польскіе шляхтичи, а часто и евреи. Въ теченіе арендnаго срока они облекались всей полнотою всевластія по отношенію къ крестьянамъ и, конечно, заводили тѣ же порядки, какіе практиковались и въ частныхъ имѣніяхъ; а такъ какъ арендаторы были лишь временными владѣльцами, то они старались извлечь побольше доходовъ изъ имѣнія и потому угнетали крестьянъ еще хуже, чѣмъ обыкновенные помѣщики. Ненормальность этого положенія сознавало и само правительство; 1839 г. оно задумало замѣнить систему арендъ отдачей казенныхъ имѣній благонадежнымъ лицамъ въ безотчетную администрацію на 12 лѣтъ изъ платежа исчисленнаго по люстраціи дохода, и требовало отъ Кіевскаго генералъ-

Библиотека "Руниверс"

губернатора указать такія благонадежныя лица. Бибиковъ рѣшительно заявилъ, что у него въ краѣ нѣтъ такихъ лицъ, коимъ можно было бы съ пользою довѣрить администрацію казенныхъ имѣній, ибо русскихъ помѣщиковъ здѣсь почти совсѣмъ нѣтъ, а поручить имѣнія полякамъ онъ находитъ совершенно неудобнымъ по политическому положенію края и его жителей. Вообще же администраціонную систему въ политическомъ отношеніи онъ признаетъ вреднѣе даже арендной, такъ какъ она вручаетъ на гораздо болѣе продолжительный срокъ судьбу русскихъ крестьянъ въ безотчетное управленіе администраторовъ, которыми въ здѣшнемъ краѣ могуть быть только поляки. Поэтому Бибиковъ первоначально проектировалъ образовать изъ конфискованныхъ имѣній майораты и раздать ихъ русскимъ заслуженнымъ людямъ, чтобы тѣмъ создать въ Югозападномъ краѣ русское поземельное дворянство въ противовѣсъ польскому. Когда же этотъ проектъ, къ счастью, встрѣтилъ въ Петербургѣ сильное противодѣйствіе, тогда Бибиковъ предложилъ другую, болѣе раціональную мѣру: перевести казенныхъ крестьянъ на оброчное положеніе. Его знаменитое представленіе объ этомъ министру было составлено въ такомъ смѣломъ и рѣзкомъ тонѣ, что многіе, читая его, (по свидѣтельству современника) „оглядывались съ большимъ страхомъ, чѣмъ оглядываются въ наше время люди, читающіе какое-нибудь запретное произведеніе лондонской русской прессы.“ [1]) Къ сожалѣнію, этотъ интересный документъ до сихъ поръ остается неопубликованнымъ, и мы принуждены изложить его содержаніе по пересказу того же современника. „Генералъ-губернаторъ, изображая въ живыхъ краскахъ печальное положеніе закрѣпощеннаго русскаго мужика подъ гнетомъ враждебнаго ему по народности и религіи посессора-поляка и подъ экономическимъ гнетомъ высасывающаго изъ него всѣ силы арендатора еврея, выставлялъ вопіющею потребностью, чтобы казна перестала сдавать свои имѣнія въ аренду съ правомъ барщины, чтобы казенные крестьяне немедленно были переведены на оброчное положеніе и чтобы отдача всѣхъ имѣній въ посессіи была прекращена.“ [2])

Этотъ проектъ встрѣтилъ сильную оппозицію въ министерствѣ государственныхъ имуществъ, указывавшемъ на неприго-

---

[1]) В. Шульгинъ, Югозападный край, 89—90.

[2]) Тамъ же, 90—91.

Библиотека "Руниверс"

товленность крестьянъ къ отбыванію денежной повинности, на ущербъ для казны отъ возможныхъ недородовъ, на трудность опредѣлить оброкъ, не измѣривъ и не оцѣнивъ земель, и т. под. Но Бибиковъ этимъ финансовымъ соображеніямъ энергично противоставлялъ другія, политическія; онъ утверждалъ, что отъ рѣшенія даннаго вопроса зависитъ цѣлость имперіи, судьба края, искони русскаго, судьба населенія, единокровнаго и единовѣрнаго, которое, связанное по рукамъ и ногамъ, правительство передало во власть врагамъ его вѣры и народности, и что „нѣтъ иного средства немедленно улучшить хозяйственный бытъ крестьянъ, поднять ихъ духъ и оправдать ихъ *угасающія надежды на правительство.*“ Эти настойчивыя представленія наконецъ превозмогли министерскія колебанія, и проектъ получилъ силу закона, но только для Югозападнаго края, хотя онъ одинаково былъ бы справедливъ и для сѣверозападныхъ губерній.

Такимъ образомъ половина дѣла была сдѣлана: одинъ разрядъ крестьянъ (хотя и не особенно многочисленный), именно—казенныхъ, былъ вырванъ изъ порабощенія арендныхъ владѣльцевъ, гнетъ которыхъ былъ не легче помѣщичьяго. Оставалось подумать о томъ, какъ облегчить горькую участь несравненно болѣе многочисленнаго класса такихъ же горемыкъ—крестьянъ частновладѣльческихъ. И нѣтъ сомнѣнія, что Бибиковъ часто задумывался надъ этимъ вопросомъ, только не зналъ, какъ подойти къ нему, не потрясая принципа крѣпостного права. Изъ этого не слѣдуетъ заключать, будто Бибиковъ былъ народникомъ и врагомъ крѣпостничества; нѣтъ, онъ былъ сыномъ своего вѣка и убѣжденнымъ крѣпостникомъ, но, какъ умный человѣкъ, прекрасно понималъ, что съ государственной точки зрѣнія крѣпостной институтъ въ коренной Россіи и на западныхъ ея окраинахъ—не одно и тоже, что главная сила полонизма въ Югозападномъ краѣ заключалась въ польскомъ дворянствѣ, безотчетно владѣвшемъ милліонами коренного русскаго населенія, и что здравая правительственная политика должна заключаться въ огражденіи законодательными мѣрами этого населенія отъ помѣщичьяго произвола. Но какъ предложить подобныя мѣры, въ какой формѣ? И какъ расположить къ нимъ государя, который могъ прійти въ ярость при одномъ подозрѣніи, что кто-либо покушается на незыблемость крѣпостного права? Нуженъ былъ удобный случай, благовидный предлогъ; нужно было, чтобы раздался чей-либо авторитетный голосъ въ защиту крестьянъ и

Библиотека "Руниверс"

чтобы онъ благосклонно былъ выслушанъ съ высоты престола. И такой голосъ раздался какъ-разъ въ нужный моментъ, и его благосклонно выслушали: то былъ голосъ кіевскаго митрополита Филарета, одного изъ вліятельнѣйшихъ архипастырей того времени.

Не знаемъ, извѣстенъ ли присяжнымъ біографамъ митр. Филарэта этотъ благородный его поступокъ, столь выгодно его отличающій отъ современнаго ему московскаго митрополита. Въ Кіевѣ сохранилась память о Филаретѣ, какъ о человѣкѣ святой жизни. Его записка объ улучшеніи положенія крестьянъ свидѣтельствуетъ, что онъ хорошо зналъ народный бытъ, глубоко сострадалъ народному страданію и имѣлъ мужество громко заявить царю, что „столь гибельное состояніе крестьянъ въ западныхъ губерніяхъ вопіетъ къ небесамъ“. Правда, желая какъ бы усыпить подозрительность Николая I, будто совершается покушеніе на священный въ его глазахъ институтъ крѣпостного права, митр. Филаретъ употребляетъ тонкій дипломатическій пріемъ: онъ старается его убѣдить, что крѣпостное право по русскимъ законамъ и по Литовскому статуту—двѣ разныя вещи: въ Россіи помѣщикъ—отецъ, а крестьяне—любимыя дѣти, тогда какъ въ губерніяхъ, отъ Польши присоединенныхъ, крестьяне—полные рабы своихъ господъ, и потому русское правительство имѣетъ право и долгъ выступить на ихъ защиту. Затѣмъ авторъ предлагаетъ рядъ практическихъ мѣръ къ постепенному высвобожденію крестьянъ изъ польской крѣпостной неволи и къ улучшенію ихъ быта, при чемъ пускается въ такія тонкія финансовыя и политико-экономическія соображенія, что читателю по временамъ просто не вѣрится, что все это пишетъ духовная особа. Вообще записка митр. Филарета настолько интересна и сама по себѣ, и еще потому, что она послужила какъ-бы первымъ толчкомъ къ проведенію въ Югозападномъ краѣ знаменитой *инвентарной реформы*, что мы признаемъ умѣстнымъ привести ее здѣсь полностью. Судя по тому, что она была представлена царю какъ разъ въ нужное для Бибикова время (въ началѣ 1840 г.), можно предполагать что она и составлена не безъ его вліянія или, по крайней мѣрѣ, по взаимному его соглашенію съ митрополитомъ; но это не болѣе, какъ догадка.

Библиотека "Руниверс"

„Объ улучшеніи положенія крестьянъ въ присоединенныхъ отъ Польши губерніяхъ“.

Огромное пространство земли, обтекаемое Днѣпромъ, Бугомъ, Нѣманомъ, Двиною и Великою, издревле обитаемо было сынами Россіи, славившими Бога и Христа Спасителя на отечественномъ языкѣ, по обрядамъ восточной церкви. Война и политика отторгли ихъ отъ единоплеменниковъ; но ни обольщенія, ни кровавыя средства, ужасающія воображеніе, не отвлекли ихъ отъ вѣры праотцевъ. Наконецъ хитрость, придумавъ Унію, коварно устремилась подкапывать твердое основаніе православія.

„Россійскіе государи, съ самаго отторженія Западной Руси, непрерывно помышляли исхитить ее изъ власти чуждой; осуществить эти четырехвѣковые помыслы предоставлено Екатеринѣ II. Мудрая и рѣшительная государыня не ограничилась только возвращеніемъ присвоенныхъ Польшею областей: она поставила ихъ на равныхъ правахъ съ великороссіянами [1]). Къ сожалѣнію, созиданіе ея въ послѣдствіи времени разрушено: Литовскій Статутъ, снова введенный тамъ въ дѣйствіе, вытѣсня наши законы, разъединилъ въ нѣкоторомъ отношеніи Западъ Россіи отъ Сѣвера и Востока.

„Благость Божія не переставала, однако, осѣнять нашихъ единовѣрныхъ собратій: она внушила крѣпкому духомъ Императору Николаю отторгнутыхъ уніею чадъ православной церкви возвратить православію. Такъ сыны Западной Россіи соединены теперь съ своимъ великимъ отечествомъ неразрывными узами— единствомъ правительства и вѣры; но народъ не пользуется еще вполнѣ тѣми благами, какихъ могъ ожидать отъ сего соединенія. Мѣра страданія его не окончилась: помѣщики, почти всѣ католическаго исповѣданія, и жиды притѣсняютъ и разоряютъ его.

„Россійскіе помѣщики, по самому духу нашего законодательства, суть отцы своихъ поселянъ, лучшіе агенты правительства, лучшая земская полиція: они направляютъ нравственность ихъ, пекутся о благосостояніи, снабжаютъ землями и угодьями, даютъ лѣса, руководствуютъ въ трудахъ, помогаютъ въ нуждѣ, охраняютъ отъ притѣсненій и ходатайствуютъ за нихъ въ су-

---

[1]) Маниф. 27 марта 1793 г.

Библиотека "Руниверс"

дахъ [1]). Это не рабы, какъ нѣкоторые иностранцы считаютъ нашихъ крестьянъ; нѣтъ! это — дѣти, половинщики, которые, въ воздаяніе получаемаго отъ помѣщиковъ, посвящаютъ имъ половину времени своего или, соразмѣрно тому, платятъ оброкъ. Неоспоримо, бываютъ злоупотребленія; но въ какой же странѣ земного шара и нѣтъ ихъ? Наши законы и тутъ на стражѣ: они повелѣваютъ имѣнія забывшихъ свой долгъ помѣщиковъ брать въ опеку [2]).

„Напротивъ, по духу литовскихъ законовъ, коими руководствуются въ присоединенныхъ отъ Польши губерніяхъ, господскіе крестьяне почитаются не только рабами, но даже вещьми. Господа пользуются безусловнымъ правомъ располагать личностію и собственностію своихъ подданныхъ [3]). Литовскіе законы не опредѣляютъ времени работы крестьянъ на помѣщиковъ; они не ограждаютъ поселянъ ни отъ притѣсненій ихъ, ни отъ своевольствъ. Отсюда происходитъ:

1-е) Крестьяне, можно сказать безъ преувеличенія, въ нужное для земледѣлія время заняты безпрестанно господскими работами, оставляя поля свои худо воздѣланными и, слѣдовательно, приносящими плохую жатву.

2-е) Помѣщики отдаютъ на аренду удои крестьянскихъ коровъ; и такъ поселяне, не пользуясь молокомъ отъ своего скота, лишены единственной приправы скуднаго ихъ стола.

3-е) Крестьяне не могутъ располагать своимъ имуществомъ: они обязаны обмолывать свой хлѣбъ не иначе, какъ на мельницахъ своего арендатора, продавать избытки своихъ произведеній тому же арендатору; должны пить вино въ корчмѣ только своего арендатора.

„Извѣстно, что въ западныхъ губерніяхъ арендаторами бываютъ почти всегда евреи. Эти пронырливыя созданія хитростію, насиліемъ и прельщеніями всякаго рода не только присвояютъ себѣ имущество крестьянъ, содержатъ ихъ въ неоплатныхъ долгахъ, но и сильно развращаютъ нравственность; особенно вино, до котораго тамошняя чернь чрезвычайно падка, служитъ главнымъ орудіемъ сихъ алчныхъ корыстолюбцевъ. Такимъ образомъ

---

[1]) Св. Зак. т. X. ст. 595 и 596. Т. IX. ст. 630. ст. 631 и 632. ст. 627, 629 и т. XIV. ст. 234.

[2]) Т. IX, ст. 633, 635—637 и т. XIV, ст. 326—328.

[3]) Лит. Ст. разд. III, арт. III-й и разд. VIII, §§ 3 и 4.

Библиотека "Руниверс"

болѣе 2,300,000 душъ мужескаго поля помѣщичьихъ крестьянъ преданы на жертву корыстолюбія жидовъ, безжалостно высасывающихъ благосостояніе православныхъ, коимъ въ удѣлъ оставлены кровавые труды, нищета и жестокіе побои. Были примѣры, обнаруженные изслѣдованіями, что арендаторы наказывали безвинно крестьянъ плетьми адскаго изобрѣтенія — съ желѣзными концами [1]).

„Полуразвалившіяся хижины, жители въ лохмотьяхъ, запачканныя и голодныя дѣти—вотъ очевидныя вывѣски помѣщичьихъ деревень въ западныхъ губерніяхъ. Исполненныя довольства и благовидныя селенія, да и то казенныя или удѣльныя, проглядываютъ тамъ, какъ оазисы на степяхъ Аравійскихъ и Африканскихъ.

„Конечно, правительство предпринимало уже нѣкоторыя мѣры, чтобы поставить преграду и своевольству, и алчности [2]). На сей конецъ предполагалось опредѣлить дни панщины (впрочемъ, только въ казенныхъ имѣніяхъ, отдаваемыхъ въ аренду, а не въ помѣщичьихъ) и запрещено евреямъ торговать горячими напитками; но угодливость панамъ со стороны земской полиціи, составленной единственно изъ партіи поляковъ, и пронырство евреевъ разрушаютъ благія намѣренія правительства, а между тѣмъ народъ православный страдаетъ.

„Столь гибельное состояніе помѣщичьихъ крестьянъ въ западныхъ губерніяхъ вопіетъ къ небесамъ о пощадѣ. Здѣсь предлежитъ важный вопросъ: какимъ образомъ помочь несчастнымъ?

„Первое средство представляется: по слѣдамъ Екатерины II, поставить возвращенныя отъ Польши губерніи на однихъ правахъ съ великороссійскими. Если сія великая монархиня рѣшилась сдѣлать это при самомъ присоединеніи къ Имперіи отторженныхъ отъ Польши областей [3]), то какое опасеніе повторить то же въ царствованіе Николая? Кажется, теперь они, какъ снова покоренные и виновные въ недавнемъ бунтѣ, должны съ благоговѣніемъ принять милосердіе правительства, поставляющее ихъ на равной степени съ вѣрными сынами Россіи. Можетъ быть, нѣкоторые, закоренѣлые въ старыхъ обычаяхъ паны и поморщатся; но что за бѣда! Народъ будетъ благословлять руку, из-

---

[1]) Ук. 31 мая 1806 г.

[2]) Ук. 10 апр. 1798 и 17 іюня 1803 г.

[3]) Маниф. 27 апр. 1793 г.

Библиотека "Руниверс"

влекшую его изъ ничтожества и угнетенія, а кичливые поговорятъ, поропщутъ, да и умолкнутъ.

„Но если столь рѣшительная мѣра покажется смѣлою по какимъ-либо политическимъ отношеніямъ, то можно дѣйствовать исподоволь другимъ способомъ.

„На Кіевскихъ контрактахъ ежегодно продается много имѣній, лежащихъ въ западныхъ губерніяхъ. Для чего не пріобрѣтать ихъ покупкою для Императорской фамиліи? Въ удѣльномъ вѣдомствѣ есть свободные капиталы, которые выгоднѣе обратить въ недвижимость, нежели помѣщать въ кредитныя установленія изъ 4%. Имѣнія эти пойдутъ въ надѣленіе членовъ Императорскаго Дома, который благоволеніемъ Божіимъ распространяется, а бѣдные помѣщичьи крестьяне оживутъ и расцвѣтутъ подъ благодѣтельнымъ и попечительнымъ правленіемъ удѣльнаго вѣдомства. Вотъ средство легкое, удобное! Что можетъ быть простѣе покупки по добровольному соглашенію? Здѣсь ничьи и никакія права не нарушаются.

„Можно также покупать имѣнія западныхъ губерній, заложенныя въ кредитныхъ установленіяхъ и продаваемыхъ съ публичныхъ торговъ за невзносъ занятаго капитала. Если же за нихъ не будетъ на торгѣ предложено суммы, соразмѣрной долгу, то еще простѣе обращать ихъ въ казну съ переводомъ долга на министерство государственныхъ имуществъ, въ вѣдѣніе коего должны поступать тѣ имѣнія. Тутъ равнымъ образомъ нѣтъ никакого насилія; такъ поступаютъ и частныя лица: должникъ не платитъ,—имѣніе продается съ аукціона; не выручится должная сумма—кредиторъ въ правѣ имѣніе должника удержать за собою.

„Надобно сознаться, что въ западныхъ губерніяхъ причиною бѣдности крестьянъ служатъ сколько угнетенія помѣщиковъ и жидовъ, столько же несчастная, отъ унынія происходящая склонность черни къ пьянству. Развитію и расширенію этого порока въ особенности содѣйствуетъ свободная продажа вина по весьма низкой цѣнѣ.

„Правительство неоднократно помышляло ввесть повсюду одну систему винныхъ откуповъ, но не привело этого въ исполненіе, вѣроятно, по двумъ причинамъ: а) чтобы не нарушить правъ, дарованныхъ западнымъ губерніямъ, и б) чтобы не произвесть затрудненія въ сбытѣ хлѣба, долженствующаго остаться отъ уменьшенія винокуренія въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ урожаи изобильны.

Библиотека "Руниверс"

„На первое опасеніе отвѣчать легко. Было время, когда и въ Великой Россіи позволялось всякаго званія людямъ курить вино къ праздникамъ и торжественнымъ домашнимъ днямъ [1]), потомъ одному только помѣстному дворянству предоставлено выкуривать по 90 ведеръ для своего домового обихода [2]); потомъ тихо и безъ возгласовъ уничтожено это обольстительное право, такъ сказать, распорядительною мѣрою: Уставомъ о питейномъ сборѣ [3]), а потомъ и право это изгладилось изъ памяти, оставаясь только въ исторіи россійскаго законодательства. Когда такъ поступлено съ дворянствомъ великороссійскихъ губерній, дворянствомъ, почти около того времени грудью отстоявшимъ отечество отъ несмѣтныхъ вражьихъ полчищъ; то неужели полупольскіе паны, безпрестанно злоухищряющіе противъ Россіи, заслуживаютъ болѣе благоснисхожденія правительства? Примѣръ есть; остается подобное уставу о питейномъ сборѣ, при будущихъ торгахъ на винные откупа, помѣстить въ кондиціяхъ и въ присоединенныхъ отъ Польши губерніяхъ. Это будетъ такъ же имѣть видъ финансовыхъ распоряженій—и дѣло съ концемъ. Для русскаго правительства давно миновало время бояться ропота недовольныхъ; при томъ, многіе благонамѣренные помѣщики сами радоваться будутъ введенію системы, столь полезной для благосостоянія ихъ крестьянъ.

„Обращаясь ко второй причинѣ, что при введеніи откупной системы вино должно продаваться дороже, слѣдовательно и мѣстное потребленіе его будетъ менѣе, винокуреніе сократится и множество хлѣба останется безъ сбыта,—нельзя не замѣтить:

a) Винокуреніе и при откупной системѣ можетъ производиться въ теперешнемъ размѣрѣ, потому что избытки вина, за мѣстнымъ продовольствіемъ, могуть быть поставлены въ другія губерніи, гдѣ урожаи столь обильны. Тогда откроется еще новый источникъ промышленности—отвозъ, который доставитъ значительный доходъ туземнымъ жителямъ.

b) Если нѣкоторыя губерніи, по мѣстности своей, не нашли бы выгоды курить вино для поставки откупщикамъ или въ казну, то они могутъ отпускать избытки своего хлѣба въ порты для продажи заграницу. Здѣсь опять отвозъ и опять новый доходъ,

---

[1]) Улож. гл. XXV, ст. 130.

[2]) Двор. грамота 21 апр. 1785 г.

[3]) Уст. 2 апр. 1807 г.

Библиотека "Руниверс"

превосходнѣе того, какой получается отъ истребленія хлѣба на пьянство и развращеніе собственныхъ крестьянъ.

с) Найдутся губерніи, напримѣръ: Волынская и Каменецъ-Подольская, откуда и въ порты отвозить хлѣбъ неудобно; но тамъ могуть развиться другія отрасли сельскаго хозяйства. Въ наше время отвергнуто мнѣніе физіократовъ, что благоденствіе народовъ зависитъ единственно отъ взодѣлыванія земли. По сухопутной западно-европейской границѣ отпускается въ Австрію скота на 3 милліона рублей [1].) Продажа его и нынѣ производится главнѣйше въ м. Влодавѣ, Гродненской губерніи. Пусть пограничныя съ Австрійскими владѣніями губерніи, изобилующія хлѣбомъ, сократя хлѣбопашество, размножаютъ скотоводство, пусть продаютъ заграницу и скотъ, и кожи. Если этого не достаточно, то пусть устроятъ заведенія для выварки свекловичнаго сахара. Важныя произошли бы выгоды для Россіи, когда бы наши губерніи, хотя только удаленныя отъ водяного сплава и способныя для произрастенія свекловицы, довольствовались бы своимъ сахаромъ, а еще важнѣе, когда угощали бы имъ и пограничныхъ сосѣдей. Можно бы указать и другіе источники промышленности, но это выходить изъ передѣловъ настоящаго предмета. Довольно сказать, что когда могучую силу паровъ приноровили къ машинамъ, тогда вся Европа закричала: пропали бѣдные работники—они останутся безъ пропитанія! Время опровергло напрасное опасеніе. У насъ сдѣланъ опытъ желѣзной дороги отъ С.-Петербуга до Царскаго Села и Павловскаго; филантропы завопили: пропали бѣдные питерскіе извощики! Что же вышло? Они еще болѣе катаютъ городскихъ жителей, а въ Царскомъ Селѣ и Павловскѣ возникъ новый промыселъ извозничества, весьма прибыльный для окрестныхъ крестьянъ.

Доказавъ, что распространеніе системы виннаго откупа на западныя губерніи улучшитъ благосостояніе крестьянъ не только помѣщичьихъ, но и всѣхъ вообще, и принесетъ значительный доходъ казнѣ, остается сказать о жидахъ. Они такъ впились въ тотъ край, что въ нихъ сосредоточивается вся народная промышленность. Отдѣлить ихъ вдругъ или разорвать соотношенія ихъ съ помѣщиками и народомъ безъ явнаго вреда или, по крайней мѣрѣ, безъ замѣшательствъ, на первый разъ не возможно. Въ законахъ существуютъ уже важныя ограниченія, долженствующія ослабить

---

1) Виды торговли, издаваем. Министерствомъ Финансовъ.

Библиотека "Руниверс"

пагубное ихъ вліяніе, какъ то: запрещеніе евреямъ: а) брать въ аренду имѣніе съ крестьянами; б) содержать корчмы въ арендныхъ и старостинскихъ имѣніяхъ; в) нанимать христіанъ въ работники; г) управлять помѣщичьими деревнями, [1]) и проч. Строгое наблюденіе за точнымъ исполненіемъ отвратитъ много золъ, а уничтоженіе свободной продажи хлѣбнаго вина лишитъ евреевъ главнѣйшаго орудія, которымъ они дѣйствуютъ на развращеніе и пагубу туземныхъ жителей. Тогда евреи по необходимости должны будутъ, оставя кантрабанду, факторство и другія позорныя средства стяжанія, обратиться къ честнымъ промысламъ или хлѣбопашеству. Въ Россіи еще довольно земель, впустѣ лежащихъ: тамъ могутъ возникнуть селенія сыновъ Израиля, которые изъ тунеядцевъ сдѣлаются полезными недѣлимыми государства. Они восчувствуютъ блага, доставляемыя трудолюбіемъ; они восчувствуютъ милости гусударя христіанскаго, а черезъ Него познаютъ неизреченную благость отринутаго ими Іисуса; они найдутъ въ Россіи обѣтованную землю, найдутъ новый Іерусалимъ и—мысль утѣшительная!—поревнуютъ быть истинными сынами призрѣвшаго ихъ отечества и господствующей въ немъ церкви Христа Спасителя.“—

Записку эту Бибиковъ, бывшій въ то время въ Петербургѣ, получилъ 19 марта 1840 г. при слѣдующемъ письмѣ оберъ-прокурора синода графа Н. А. Протасова:„ Преосвященный Филаретъ, митрополитъ кіевскій, сообщилъ мнѣ проектъ объ улучшеніи положенія крестьянъ въ возвращенныхъ отъ Польши губерніяхъ. По всеподданнѣйшемъ докладѣ объ ономъ государю императору, его величество высочайше повелѣть мнѣ соизволилъ препроводить сей проектъ къ вашему превосх-ству для внесенія на разсмотрѣніе комитета о западныхъ губерніяхъ съ вашимъ заключеніемъ. Сообщая о таковой высочайшей волѣ вамъ, милост. государь, и препровождая при семъ означеный проекъ, имѣю честь быть“ и проч

Бибиковъ на другой же день, 20 марта, отвѣчалъ графу Протасову слѣдующимъ письмомъ:

„Разсмотрѣвъ проектъ (Филарета) и находя, что въ главнѣйшихъ основаніяхъ своихъ онъ совершено сходенъ съ тѣми предположеніями, кои въ общемъ обзорѣ губерній Кіев., Под. и Волынской я намѣреваюсь, при всеподданнѣйшемъ докладѣ, повергнуть на высочайшее благоусмотрѣніе Е. И. В-ва, я бы усердно просилъ

---

[1]) Св. Зак. Т. IX. ст. 870, т. VIII, ст. 57, т. VIII, стр. 120, Т. X, ст. 1404, Т. XIV, ст. 86, Т. IX, ст. 871, и. Т. X, ст. 1442.

Библиотека "Руниверс"

ваше с-ство испросить высоч. соизволеніе гусударя императора о представленіи сего проекта въ Комитетъ зап. губерній вмѣстѣ съ тѣми бумагами, кои я буду имѣть счастье всеподданнѣйше доложить Его В-ву, дабы Комитетъ не въ отдѣльныхъ, но общихъ видахъ положенія помянутыхъ губерній, происходящаго отъ многихъ причинъ, не вошедшихъ въ помянутый проектъ, могъ во всей полнотѣ обсудить предлагаемыя онымъ улучшенія, кои при томъ не иначе могутъ быть дѣйствительны и полезны, какъ въ соединеніи со прочими улучшеніями и измѣненіями".

И Бибиковъ немедленно принялся за подготовку матеріаловъ, необходимыхъ для задуманнаго имъ обширнаго доклада поупомяну тому вопросу. Прежде всего ему нужно было собрать свѣдѣнія о евреяхъ. населявшихъ Югозап. край, и вотъ 2 апр. того же 1840 г. онъ пишетъ управляющему минист. внутр. дѣлъ графу Александру Григорьевичу: Строганову „Государь Императоръ, какъ извѣстно вашему с-ству. въ засѣданіи Комитета по дѣламъ зап. губерній, 30 прошедшго марта высочайше повелѣть соизволилъ собрать о евреяхъ статистическія свѣдѣнія.

Полагая, что по сему предмету должно быть сдѣлано какое-либо общее распоряженіе, я долгомъ моимъ поставляю просить ваше с-ство, не изволите-ли сообщить мнѣ какую-либо форму, по которой помянутыя статистич. свѣдѣнія могли бы быть собраны".

Формы были сообщены, и въ Югозап. краѣ тотчасъ было приступлено къ собранію подробныхъ статистическихъ и др. свѣдѣній о еврейскомъ населеніи, составившихъ скоро огромные фоліанты.

Но еще нужнѣе было имѣть точныя свѣдѣнія о крестьянскихъ повинностяхъ въ отношеніи къ помѣщикамъ. Но какъ ихъ собрать, не возбудивъ опасныхъ толковъ среди крестьянъ и тревоги среди рабовладѣльцевъ? Здѣсь обычный статистическій пріемъ былъ не примѣнимъ; поэтому Бибиковъ употребилъ иной способъ: онъ изъ Петербурга же 2 апрѣля разослалъ губернаторамъ Югозападнаго края слѣдующія „весьма секретныя и конфиденціальныя" письма:

„Мнѣ весьма нужно, по одному дѣлу, имѣть копіи съ такого рода трехъ инвентарей въ помѣщичьихъ имѣніяхъ управляемой вами губерніи, изъ которыхъ бы я могъ видѣть: изъ 1-го самую большую и отяготительную для крестьянъ повинность, которую они своему помѣщику отбываютъ; изъ 2-го среднюю таковую же повинность, и изъ 3-го самую легчайшую ,или такую по-

Библиотека "Руниверс"

винность, по которой крестьяне находятся въ найлучшемъ положеніи и нисколько работами и поборами не отягощены.

„Сего отношенія моего прошу въ канцелярію вашу не передавать; копіи съ помянутыхъ инвентарей списать подъ какимъ либо благовиднымъ предлогомъ, какъ будто собственно для васъ, и прислать мнѣ ихъ такимъ образомъ, чтобы въ требованіи оныхъ мною отъ вашего пр-ства никто никакимъ образомъ не могъ быть извѣстенъ.

„Если бы вы могли достать сіи инвентари и доставить ко мнѣ къ 1 мая, то прошу ихъ прислать въ С.-Петербургъ, въ противномъ случаѣ прошу доставить въ Кіевѣ на мое имя, съ подписью: „въ собственныя руки". Впрочемъ, я надѣюсь, что ваше пр-ство постараетесь для меня исполнить эту просьбу какъ возможно поспѣшнѣе, чѣмъ особенно одолжите имѣющаго честь быть съ совершеннымъ почтеніемъ" и проч.

Спустя три недѣли начали поступать отвѣтныя донесенія губернаторовъ. Первымъ отозвался Волынскій губернаторъ Гр. Лашкаревъ конфиденціальнымъ письмомъ отъ 23 апр. того же 1840 г.

М. Г. Дмитрій Гавриловичъ! Желая сколь можно съ лучшимъ успѣхомъ исполнить порученіе вашего высокопр-ства, я возложилъ на Новоградволынскаго Земскаго Исправника Козаревича доставить мнѣ требуемые вами инвентари, зная, что этотъ чиновникъ скорѣе и лучше прочихъ выполнить волю начальства. Въ слѣдствіе сего я получилъ отъ Козаревича 21-го числа сего мѣсяца 4 разныхъ инвентаря, при чемъ онъ въ донесеніи своемъ прописываетъ, что большая часть помѣщиковъ имѣютъ по одной формѣ инвентари, но допускаютъ разныя измѣненія, подъ разными предлогами, и обременяютъ крестьянъ въ повинностяхъ и налогахъ подъ видомъ удовлетворенія ихъ при разсчетахъ, коихъ или никогда съ ними не дѣлаютъ, или хотя и дѣлаютъ, то сбиваютъ разными претензіями; есть и такой обычай, что крестьяне отбываютъ повинность за тѣхъ изъ своего семейства, кои находятся въ отлучкахъ неизвѣстныхъ или по болѣзни и другимъ обстоятельствамъ не отрабатываютъ барщины; ихъ вызываютъ съ цѣлыми семействами въ полевыя работы подъ названіемъ *гвалту*, и за это иногда кормятъ во время работы, но въ письменныхъ разсчетахъ не показываютъ. Другіе и многіе помѣки инвентарей совсѣмъ не имѣютъ, а ведутъ разсчеты посредствомъ деревянныхъ *карбовъ*, изъ коихъ одинъ у эконома, а другой у крестьянина, отбывающаго работу. *Данины* или *дурницы* берутъ съ пло-

Библиотека "Руниверс"

довъ и со всего мелкаго скота и птицъ. *Прядиво* показываютъ или малое количество, или вовсе ничего, а подъ видомъ *дурницы* женщины прядутъ иногда цѣлую зиму безъ всякаго щету и платы. Къ *дурницамъ* принадлежитъ: бѣлить дворъ помѣщика и посессора, мостить гати, полоть пшеницу и огороды и прочія мелочныя работы, то же безъ зачета барщины. *Дурницами* преимущественно обременяются женщины и малолѣтніе мальчики. Крестьянъ посылаютъ въ отдаленныя мѣста съ транспортами, назначая имъ по 60 верстъ за одинъ день барщины, тогда какъ на подводѣ съ волами 20 и не болѣе 30 верстъ могутъ въ день сдѣлать, и не считаютъ за барщину время, потерянное на угрузку продуктовъ на возы или лѣсныхъ матеріаловъ, при чемъ иногда по недѣлѣ проходитъ время, смотря по количеству продуктовъ. Работа, назначаемая на одинъ день, называется *день оранья,* но количество этой земли едва въ полтора дня выпашутъ. *День жатвы* считается полторы копы, которой никогда въ одинъ день не сдѣлаютъ; да иногда приказываютъ вязать такъ велики снопы, что одинъ рабочій полмѣры (полторы копы?) жнетъ два дни, а барщины выписываютъ одинъ день.

„Показанная въ инвентаряхъ *даремщина* значитъ, что крестьянинъ обязанъ платить по 8-ми злотыхъ за пару воловъ, которыхъ имѣетъ; иногда назначаютъ эту же плату и за 4 вола, но за то прибавляютъ барщины. Инвентари большею частію стараются вести ограниченно, дабы, при случаѣ слѣдствій, можно было оправдаться. — Самый легкій инвентарь — генералъ-майора Уварова С. Несолонь, и прочихъ Уваровыхъ тоже.

„Еще есть одинъ родъ работы, который вообще не показывается по инвентарямъ: это *шарварки*: здѣсь раздѣляются по числу душъ хозяевъ на домъ по 12, 8 и 6 дней въ годъ и по надобности сгоняютъ крестьянъ безъ всякаго удовлетворенія. Въ инвентаряхъ № 1 и 3 это значится [1]) Однодворцы и шляхта платятъ отъ 10 до 6 рублей сер. въ годъ чиншу и отбываютъ безъ щету подводную повинность и употребляются на посылки.

„О всемъ этомъ имѣю честь донести вашему высокопр-ству съ представленіемъ упомянутыхъ четырехъ инвентарей“.

Въ началѣ мая получено своеручное письмо кіевскаго губернатора Фундуклея:

---

[1]) Къ сожалѣнію, этихъ инвентарей, а равно и другихъ, о коихъ упоминается въ донесеніяхъ губернаторовъ, въ дѣлѣ не оказалось.

Библиотека "Руниверс"

„Имѣю честь представить три инвентаря и выписку изъ оныхъ о работахъ, изъ коей видно, до какой степени крестьяне обременяются поборами. Свѣдѣнія сіи не вполнѣ удовлетворятъ требованію вашему, но мнѣ нельзя исполнить это въ короткое время, потому что у всѣхъ различны инвентари, и тамъ, гдѣ предполагалъ ихъ отяготительными, оказалось противное. Для лучшаго же усмотрѣнія прилагаю еще два инвентаря, кои, по мнѣнію моему, не столь обременительны. По минованіи въ оныхъ надобности покорнѣйше прошу возвратить ко мнѣ."

Тогда же поступило и „весьма секретное" письмо подольскаго губернатора П. П. Петрова.

„Исполняя волю вашего высокопр-ства, честь имѣю представить копіи трехъ инвентарей помѣщичьихъ имѣній, заключающихъ въ себѣ: 1) въ мѣстечкѣ Балинѣ и селеніи Цыгановкѣ — самую большую повинность крестьянъ къ помѣщику; 2) въ селеніи Савинцахъ — среднюю, и 3) въ м. Купинѣ съ деревнею Левадою — легчайшую. Для большей ясности присовокупляю подробное описаніе барщины въ Балинѣ и общій выводъ повинностей по каждому изъ трехъ инвентарей.

„Въ м. Купинѣ повинности весьма легки, но для этого нужно принять въ соображеніе, что крестьяне тамъ имѣютъ мало земли. Не ручаюсь, можетъ быть въ губерніи найдутся инвентари еще обременительнѣе Балинскаго, въ которомъ однако же крестьяне не ропщутъ на помѣщика потому именно, что въ этомъ имѣніи хорошъ порядокъ: ихъ не заставляютъ работать лишняго, разсчетъ дѣлается правильно, они успѣваютъ обрабатывать и собственныя поля.

„Существенное угнетеніе крестьянъ состоитъ не въ количествѣ, а въ неопредѣлительности рабочаго времени. Въ инвентаряхъ не говорится, сколько должно работать каждую недѣлю, и крестьяне, не огражденные въ правахъ своихъ, бываютъ принуждены работать недобрымъ помѣщикамъ въ посѣвѣ, жатвахъ, сенокосахъ и т. под. всякой день бепрерывно въ ясную погоду; случится ненастье, такіе дни считаются крестьянскими; время болѣзни крестьянинъ обязывается отработать по выздоровленіи. Ежели владѣлецъ заставляетъ работать болѣе положеннаго инвентарнаго количества дней, то платитъ по установленнымъ еще при бывшемъ польскомъ правительствѣ цѣнамъ, которыя тогда могли быть удовлетворительны, теперь же ничтожны; напримѣръ: работнику съ парою воловъ даютъ 40 коп. мѣдью въ день. При такомъ управленіи крестьяне нищаютъ, у нихъ недостаетъ не только на собственные посѣвы, но и на продовольствіе хлѣба, кото-

Библиотека "Руниверс"

рый помѣщики даютъ имъ въ ссуду и они за то отрабатываютъ по выше сказанной ничтожной цѣнѣ. Платить казенныхъ податей крестьяне не въ состояніи; помѣщикъ вноситъ, а они опять отрабатываютъ. Результатъ всѣхъ этихъ разсчетовъ, въ которыхъ экономы, рахмистры, комиссары обманываютъ безграмотныхъ и беззаботныхъ мужиковъ, выходитъ, что послѣдніе почти круглый годъ работаютъ на господъ своихъ. Въ инвентаряхъ этого не видно, но на дѣлѣ есть. Само собою разумѣется, что изъ сего общаго очерка должно исключить добрыхъ помѣщиковъ, пекущихся о своихъ крестьянахъ. Къ сожалѣнію, число такихъ не велико".

Пока Бибиковъ собиралъ инвентарныя свѣдѣнія о крестьянскихъ повинностяхъ и отработкахъ, оказалось, что тѣми жъ свѣдѣніями интересуется и министерство внутр. дѣлъ. 30 Апр. въ Петербургѣ Бибиковымъ было получено отъ управляющаго министерствомъ слѣдующее секретное предложеніе:

„Для нѣкоторыхъ соображеній министерству внутр. дѣлъ необходимы сколь можно вѣрныя свѣдѣнія по губерніямъ Кіевской, Подольской и Волынской: 1) какія главнѣйше существуютъ распоряженія по хозяйственной части въ помѣщицкихъ имѣніяхъ относительно выгодъ, предоставляемыхъ владѣльцами крестьянамъ, и взаимно — обязанностей сихъ послѣднихъ по исполненію повинностей въ пользу помѣщиковъ? 2) Исполняются ли въ семъ отношеніи постановленія, изображенныя въ статьяхъ 589 и 590 IX тома Св. Зак. о состояніяхъ? 3) какіе введены въ нѣкоторыхъ имѣніяхъ, особенно благомыслящими помѣщиками, инвентари? 4) Установляются ли таковые инвентари при отдачѣ имѣній въ аренду и нѣтъ ли оныхъ и въ такихъ вотчинахъ, кои управляются самими владѣльцами?

„Сіи свѣдѣнія не могутъ быть собраны обыкновеннымъ порядкомъ, ибо въ такомъ случаѣ нельзя избѣгнуть всегда вредной огласки и повода къ ложнымъ о цѣли требованія толкамъ; а потому я имѣю честь обратиться къ Вамъ, милостивый государь, съ покорнѣйшею просьбою о сообщеніи мнѣ собственно вамъ извѣстныхъ свѣдѣній и о присылкѣ нѣсколькихъ нынѣ уже существующихъ инвентарей по помѣщичьимъ имѣніямъ, какъ отдаваемымъ въ аренду, такъ и управляемымъ самими помѣщиками.

„Вообще ваше пр—во много меня обяжете сообщеніемъ вашихъ мыслей, на мѣстныхъ соображеніяхъ и обстоятельствахъ основанныхъ, о нынѣшнемъ состояніи въ помянутыхъ губерніяхъ помѣщичьихъ имѣній, а также о видахъ и средствахъ къ возможному улучшенію".

Библиотека "Руниверс"

„Ожидая отзыва вашего сколь можно въ непродолжительномъ времени, имѣю честь быть...и пр. Гр. Строгановъ".

Въ отвѣтъ на это предложеніе Бибиковъ послалъ гр. Строганову 12 разныхъ инвентарей, изъ числа введенныхъ помѣщиками въ Кіев., Под. и Вол. губерніяхъ, приложивъ къ нимъ записку по инвентарямъ Подольской губ., и выписку [1]) изъ инвентарей Кіевской губ. при чемъ въ письмѣ объяснялъ:

„Изъ инвентарей сихъ ваше С—ство изволите усмотрѣть самую большую и отяготительную для крестьянъ повинность, какую они отбываютъ своему помѣщику, среднюю таковую же повинность и самую легчайшую. Считаю долгомъ только присовокупить при семъ, по секретнымъ донесеніямъ ко мнѣ губернаторовъ, что большая часть помѣщиковъ стараются вести инвентари ограниченно, дабы, при случаѣ слѣдствій, можно было оправдаться, и почти всѣ они на самомъ дѣлѣ допускаютъ различныя измѣненія инвентаряхъ въ подъ разными предлогами къ отягощенію крестьянъ".

Не ограничиваясь опросомъ губернаторовъ и истребованіемъ инвентарей, Бибиковъ выбралъ болѣе умныхъ и достойныхъ довѣрія чиновниковъ уѣздной полиціи и стряпчихъ и далъ имъ секретное порученіе собрать свѣдѣнія о положеніи крестьянъ въ ихъ уѣздахъ. И надо отдать имъ справедливость—записки этихъ агентовъ отличаются особенною полнотою, наблюдательностью и дѣльностью сужденій. Вотъ для образца записка Радомыслъскаго исправника, полковника Рузы, представленная въ іюнѣ того же 1840 года:

„При безпрестанныхъ посѣщеніяхъ по дѣламъ службы ввѣреннаго мнѣ уѣзда, я не упускалъ изъ виду входить въ подробное положеніе крестьянъ—однихъ довольныхъ своимъ состояніемъ, другихъ ропщущихъ на бытъ свой, а третьихъ утруждающихъ частыми своими жалобами высшее начальство. Стараясь раскрыть всѣ обстоятельства въ самой справедливѣйшей мѣрѣ, безъ малѣйшаго пристрастія, я извлекалъ секретнымъ образомъ, какъ самъ лично, такъ и посредствомъ ближайшихъ мнѣ подчиненныхъ, гг. становыхъ приставовъ, должныя свѣдѣнія на счетъ барщины, податей, „даровщины", „данинъ" изъ разнаго рода продуктовъ, произрастеній и прочаго. Счелъ необходимымъ составить *вѣдомость цѣлаго уѣзда владѣльческимъ экономіямъ* съ поясненіемъ,

[1]) Этой записки и выписки тоже нѣтъ въ дѣлѣ.

Библиотека "Руниверс"

въ какой, сколько и чѣмъ обложены крестьяне, какъ барщиною, такъ равно и данинами ежегодныхъ сборовъ. Многотрудную сію статью едва лишь успѣлъ окончить къ 22-му генваря сего 1840 г., почему таковую нынѣ имѣю честь вашему выскопр-ству представить, докладывая:

А) Изъ табели сей видно, сколь много различны барщины въ одномъ и томъ же уѣздѣ, въ коемъ нѣтъ и понынѣ настоящаго введенія (?) сообразнаго законамъ, въ отработываніи барщины существующимъ. Хотя въ сводѣ законовъ сказано: крестьяне работаютъ своему владѣльцу три дня, но за всѣмъ тѣмъ не пояснено: съ *души*, или со *двора*; ибо въ Статутѣ Литовскомъ, въ коемъ и по сіе время въ нѣкоторыхъ случаяхъ остались не измѣнены правила, касающіяся до западныхъ губерній, опредѣлена была работа трехдневная со *двора*, а слѣдовательно, при несохраненіи сего положенія, необходимо нужно положить одно правило таковымъ работамъ.

Б) Въ той же табели ваше высокопр-ство усмотрѣть изволите, какими обложены крестьяне данинами и сколь различнаго рода, а также и то, что многіе владѣльцы вовсе ничѣмъ не пользуются, напротивъ же, большею частію другіе требуютъ неупустительно сего налога, помимо отработыванія трехдневной съ души барщины.

В) Теченіе давняго времени перемѣнило положительность мѣстъ и преобразовало большею частію лѣса въ поля, луга въ болота, а оныя въ сухія заросли, а тѣмъ самымъ лишило крестьянъ прежде обитавшихъ въ лѣсахъ, возможности продолжать данину, состоявшую изъ лѣсныхъ произрастеній, какъ наприм., грибы, коихъ цѣнность въ сихъ двухъ годахъ въ довольно дорогомъ видѣ, а равно и прочіе значащіеся въ табели продукты.

Г) Г. начальникъ губерніи распоряженіемъ своимъ въ октябрѣ мѣсяцѣ тѣмъ болѣе усилилъ бдительность мою на счетъ обремененія крестьянъ владѣльцами; я, желая положить конецъ справедливыми мѣрами жалующимся, счелъ за необходимое имѣть всѣ свѣдѣнія о нынѣшнемъ положеніи оныхъ. Почему священнымъ долгомъ поставляю, при донесеніи моемъ о всѣхъ подробностяхъ, присовокупить и мнѣніе; что крестьяне, будучи обременены какъ работою, такъ и данинами, болѣе противу другихъ, взирая на лучшій бытъ своихъ сосѣдей, вовсе тѣмъ не обложенныхъ, не преисполняются ли чувствомъ ропота и зависти? а усматривая благоденствіе ихъ, яко одноуѣздцовъ, считаютъ себя несчастливыми и довольно часто чрезъ сіе обращаются съ

Библиотека "Руниверс"

жалобами высшему начальству. Хотя, по мѣрѣ предоставленной мнѣ власти, стѣсненіе нѣкоторыхъ крестьянъ преграждается правомъ закона, но оправданіе владѣльцевъ всегда почти основывается на введеніи давности и переданіи инвентарей преждебытнаго постановленія. А потому тѣмъ болѣе есть необходимость—введеніе единообразной барщины и устороненіе [1]) данинъ.

и Д) Денежные поборы съ крестьянъ такъ многоразличны, изъ коихъ, ежели только не противно правиламъ законамъ, то должны бы только существовать подушные и рекрутовые, и то по мѣрѣ опредѣленія барщины, если таковая уравниться можетъ".

Къ этому полковникъ Руза приложилъ свое *Мнѣніе* о томъ, какъ слѣдовало бы урегулировать крестьянскія повинности, причемъ онъ высказываетъ много интересныхъ фактовъ и наблюденій.

„Весьма достаточно, если съ души будутъ работать крестьяне своему владѣльцу *два* дня въ недѣлю.

Примѣч. а) Сторожа, пастухи, подводы подъ проходящія войска, исправленіе не только большой дороги, расчисленной на участки по числу душъ, но и собственно сельскія, отъ стана въ станъ и до города,—безспорно составятъ *третій* день съ души въ каждую недѣлю, а потому крестьянину также останется только 3 дня въ недѣлю на собственную работу, изъ коей извлекаетъ онъ подати, рекрутовые, и еще болѣе, работая собственнымъ скотомъ своимъ какъ господину, такъ себѣ, самъ заботится о перемѣнѣ усталаго, а въ случаѣ падежа, изкупленіемъ другого скота; ибо хотя многіе помѣщики даютъ таковой онымъ, но напослѣдокъ или вычитаютъ деньгами, или за отработываніе лишнихъ дней сверхъ барщины отчисляютъ его стоимость, чрезъ что всякій крестьянинъ состоитъ въ долгу у своего господина.

б) При наступленіи сборовъ съ полей хлѣба и сѣнокосовъ позволительно было бы, въ теченіе 6—7 недѣль, вмѣсто двухъ дней съ души въ недѣлю, употреблять три дни, но съ тѣмъ, чтобы таковые отчислены были изъ дней зимовыхъ или же приняты въ число подушной подати.

в) На сплавы лѣсныхъ товаровъ, отправляемыхъ рѣками въ города: Николаевъ, Севастополь, Херсонъ и др. мѣста, куда пускаются плыты и байдаки съ половины мая, а люди возвращаются назадъ уже при замерзаніи водъ, необходимо положить нижеслѣ-

---

[2]) Т. е. устраненіе.

Библиотека "Руниверс"

дующее правило: Какъ крестьяне употребляются по предмету сему не только для продажи собственно помѣщичьихъ лѣсовъ, но даже нанимаютъ ихъ и для евреевъ, торгующихъ лѣсною промышленностью, да при томъ наряжяются съ хатъ безъ всякаго разбора состоянія ихъ семейства, то допустить только можно, дабы избираемые были въ сію командировку изъ числа семейныхъ фамилій, гдѣ есть въ хатѣ не менѣе трехъ мужскаго пола рабочихъ душъ, дабы остающіяся двѣ души неупустительно успѣвали, при отбываніи барщины, быть полезными и для своей земли. Ибо находящемуся на сплавномъ промыслѣ половина времени отсутствія засчитывается на барщину, а за остальную половину получаетъ отъ владѣльца весьма умѣренную заплату, несмотря на то, что одежда его въ одно лѣто отъ дождей совершенно истреблена и что одинъ день сихъ трудовъ стоитъ гораздо болѣе, чѣмъ 2 дня настоящей барщины.

Я лично удостовѣрился, что сего года наняты крестьяне на сплавной лѣсъ до г. Николаева однимъ помѣщикомъ подрядчику по 26 р. съ души. Цѣна сія—умѣренная, ибо бываетъ и гораздо дороже. Слѣдовательно, какъ по Инвентарямъ у многихъ считается день пѣшій по 10 коп. сер., то въ 5 мѣсяцевъ одна душа составляла бы помѣщику, хотя бы и по 3 дня въ недѣлю, 6 р. сер.; а потому изъ остальныхъ 20 р. можно бы опредѣлить для крестьянина половину, т. е. 10 р. сер. въ заработокъ, а не 6 р., за каковой другіе и сего не даютъ.

г) Заведеніе трехъ-дневной барщины *съ хаты* болѣе выгодно для помѣщика, нежели облегчительно для крестьянина.

Счастливъ тотъ, у кого въ хатѣ есть 10 душъ рабочихъ, ему легко 3 дни сіи отбыть, хотя бы и урочную барщину; но какъ бѣденъ тотъ, у кого только 2 души, а тѣхъ же 3-хъ дней урочныхъ не избѣгнетъ! Сверхъ же сего, гдѣ работаютъ съ хаты, тамъ существуетъ *подорожчина* и иные денежные наклады и сверхъ сего безъ зачета должны отработать лѣтнихъ дней 12 и шварковъ 12. Время сіе есть весьма дорого для земледѣльца, ибо если бы онъ пожелалъ кому-либо наняться, то получилъ бы на день по 20 коп. сер. и болѣе, что составило бы въ 24 дни 4 р. 80 коп. сер., и оными деньгами уплатилъ бы подушныя и другую повинность.

Семейныхъ хатъ нынѣ очень мало существуетъ, ибо онѣ раздроблены на 3 или 4 хозяина, что и составитъ уже, вмѣсто трехъ дней, 12 въ недѣлю.

Библиотека "Руниверс"

д) Многіе помѣщики полагаютъ, что плата винокуреннаго отяготительна для нихъ, потому что якобы таковую собственностію своею удовлетворяютъ. Напротивъ того, не только богатые крестьяне, но и самые бѣдные суть плательщиками винокуреннаго, ибо они за установленную цѣну помѣщикамъ, вознаграждающую ихъ въ четверо, платятъ арендарю его за горячее вино, даже и фабрикованное.

е) Лѣсная промышленность время отъ времени въ семъ уѣздѣ истощается, ибо производившаяся торговля въ значительномъ количествѣ корабельныхъ потребностей, доставляемыхъ какъ выше сказано, нынѣ оказались на пристани Рутицкой, по освидѣтельствованію моему, въ маломъ количествѣ, кромѣ дровъ сосновыхъ и въ небольшомъ числѣ березовыхъ и ольховыхъ, дегтю, смолы, привозимой на плытахъ въ мѣста сей губерніи, а частію далѣе. А потому открывшіяся поля, по истребленіи лѣсовъ, остаются безъ необходимой попечительности земледѣльческой и, къ большому сожалѣнію, таковыя находятся въ забвеніи; осиротѣлыя поля, лишенныя рукъ земледѣльца, дичѣютъ, ибо наемъ хлѣбопашцевъ на плыты, за готовыя деньги, слишкомъ выгоденъ помѣщикамъ для временнаго извлеканія доходовъ, а мысль о будущемъ остается усыпленною. А отъ сего хлѣба въ семъ уѣздѣ весьма мало, запасные магазейны пусты, крестьяне терпятъ нужды, помощь владѣльческая своимъ крестьянамъ слабѣетъ, ибо уже и нынѣ корецъ ржи 20 злотыхъ, а въ Чернобылѣ дороже. Неурожаи почти ежегодные, не съ причины атмосферы, и непостоянныхъ погодъ, но отъ неупотребленія рукъ въ должномъ количествѣ на выработаніе земель подъ засѣвъ, а даже и огородовъ, на самыхъ пескахъ поселенныхъ.

ж) Рабочаго скота весьма мало; вѣроятно, онъ лишній для крестьянъ, плавающихъ на байдакахъ и плытахъ по шести мѣсяцевъ въ годъ въ отдаленныя мѣста, хотя оттого не оранными и одичалыми остаются поля или, по силѣ возможности, кое-какъ засѣяны оставшимся дома малымъ семействомъ, но, не будучи удобрены гноемъ, едвали произростаютъ 2 зерна, а иногда одинъ лишь только отсѣвъ возвращаютъ за труды несчастнаго земледѣльца, который съ наступленіемъ зимы уже хлѣба не имѣетъ; а недостатокъ сей называютъ „неурожаемъ“.

з) Весьма удивительно, почему въ тѣхъ мѣстахъ губерніи, гдѣ очень мало лѣсовъ или вовсе ихъ нѣтъ, тамъ крестьянскія избы похожи на порядочные домы; здѣсь, напротивъ того, деревни поселены въ лѣсахъ, но несчастные земледѣльцы живутъ въ

Библиотека "Руниверс"

малыхъ лачугахъ, ветхихъ, на избы не похожихъ, а у нѣкоторыхъ даже и необгороженныхъ. Сіе доказываетъ, что крестьяне времени не имѣютъ и что, по истребленіи лѣсовъ, будутъ обитать въ шалашахъ, если нынѣ упустятъ изъ виду обезпечить свою будущность.

Примѣч. Нигдѣ столь много рабочихъ крестьянъ, съ лопатами, топорами и безъ сихъ орудій, шатающихся въ столь дорогое время, я не видѣлъ, какъ въ г. Радомыслѣ, въ коемъ, изъ сожалѣнія, я самъ лично нанималъ изъ числа ихъ по нѣскольку на день за очень умѣренную цѣну для обработки домашняго огорода и др. потребностей, и узнавалъ, что причиною ихъ скитанія—недостатокъ хлѣба и нужда въ подушныхъ. Это заставило меня войти въ тончайшую подробность быта крестьянъ и составить Вѣдомость совокупно съ мнѣніемъ моимъ, при оной прилагаемымъ".

Изъ составленной Рузою подробной Вѣдомости по Радом. уѣзду можно извлечь слѣдующія свѣдѣнія:

Всѣхъ помѣщичьихъ имѣній въ уѣздѣ было въ то время 135. Изъ нихъ (судя по фамиліямъ) русскихъ около 15 помѣщиковъ. Казенныя имѣнія (конфискованныя отъ католич. монастырей) всѣ находились въ администраціи поляковъ.

1) *Барщина* въ недѣлю: въ 26-ти имѣніяхъ—съ *души* (по 3 дня съ мужчины и по 3 дня съ женщины), въ остальныхъ—со *двора* (тоже по 3 дня а въ иныхъ пѣшіе и одинокіе—по 2 дня мужч. и 2 дня женщины).

2) *Шарварки и лѣтнія:* Сверхъ барщины въ 98 имѣніяхъ крестьяне отбываютъ 12 дней шарварковъ и 12 лѣтнихъ (въ рѣдкихъ случаяхъ 12 шарв. и 8 лѣтнихъ; еще рѣже: 6 шарв. и 6 лѣтнихъ).

3) *Данины денежныя*: Въ 56 имѣніяхъ есть эти данины разнаго количества: $52^1/_2$ коп. мѣдью до 2 р. 40 сереб. (въ одномъ имѣніи 2 р. 55 к. сер). Замѣтить какое-либо соотношеніе между денежными данями, шарварками и барщиной нельзя: высшая денежная дань 2 р. 40 к. встрѣчается въ тѣхъ имѣніяхъ, гдѣ шарварковъ 12, лѣтнихъ 12 и по 3 дня барщины съ хаты. Можно лишь сказать: въ тѣхъ имѣніяхъ, гдѣ барщина съ *души*, тамъ почти нѣтъ денежной дани и шарварковъ.

4) *Данины вещественныя*:

Орѣхи: взимались въ 8 имѣніяхъ по 1-му гарнцу, а въ двухъ по 2 гарнца.

Библиотека "Руниверс"

Клюква: въ 6 имѣніяхъ по 1 гарнцу.

Черника: въ 7 имѣніяхъ по 1 квартѣ, по $1^1/_2$ кварты. и по 2 кварты.

Брусника: въ 3-хъ имѣніяхъ по 1 гарнцу.

Червецъ: въ 28 имѣніяхъ, по 1—2 ложкѣ, или 2 рюмки.

Хмѣль: въ 50 имѣніяхъ, по 8 гарнцевъ, по 10, по 16, 32 гарнца, или по 20—40 фунтовъ.

Медъ: въ 12 имѣніяхъ отъ $^1/_2$ до $1^1/_2$ гарнца, въ 2-хъ имѣніяхъ по 1 пуду.

Грибы: въ 85 имѣніяхъ, въ среднемъ—по 1 сотнѣ.

Калина: въ 3-хъ имѣніяхъ, по 1 пучку.

Лучина: въ 2-хъ имѣніяхъ, по 1 возу.

Дрань: въ тѣхъ-же 2-хъ имѣніяхъ, по $^1/_2$ копы.

Каплуны: въ 41 имѣніяхъ, по 2 каплуна (очень рѣдко по 1-му).

Куры: въ 122 имѣніяхъ, обыкновенно по 2 курицы (рѣдко по 3 и по 1).

Яйца: въ 127 (тѣхъ же, гдѣ и куры, обыкновенно по 24 яйца (рѣдко по 5, 10 и 15).

Мотки: въ 93 имѣніяхъ, обыкновенно по 2, 3, 4 и рѣдко по 6 мотковъ.

Вѣдомость Радом. исправника такъ понравилась Бибикову, что онъ велѣлъ снять съ нея форму и послать наиболѣе довѣреннымъ исправникамъ: Гайсинскому и Влад.-Волынскому, при весьма секретномъ предписаніи: „собрать по прилагаемой формѣ самыя вѣрныя свѣдѣнія объ отбываемой крестьянами барщинѣ, данинахъ и проч. съ объясненіемъ: въ какой мѣрѣ исполняются со стороны владѣльцевъ обязанности ихъ въ отношеніи крестьянъ, и не обременяются ли гдѣ-либо крестьяне излишними повинностями, и въ какой именно степени. Свѣдѣнія сіи должны быть собраны вами самымъ секретнымъ образомъ и доставлены ко мнѣ въ скорѣйшемъ времени, такъ что о донесеніи вашемъ мнѣ по сему предмету никто знать не долженъ".

23 іюля Гайсинскій исправникъ Прокоповичъ прислалъ вѣдомость при рапортѣ, въ коемъ писалъ: „При семъ доложить честь имѣю, что крестьяне обременяются работами въ имѣніяхъ: графа Холонѣвскаго, графа Мощинскаго, помѣщика Франца Ярошинскаго. Въ остальныхъ во всѣхъ имѣніяхъ посессоры и владѣльцы, соблюдая свои выгоды, назначаютъ крестьянамъ работы *уроками* (какъ то: жать хлѣбъ и молотить и пр.), отмѣчая имъ барщину только въ недѣлю *по 3 дня на душу;* но они таковой назначенной срочной работы въ 3 дня сдѣлать не могутъ, а едва

Библиотека "Руниверс"

и въ 5 дней по назначенію то отрабатываютъ, а въ особенности въ осеннее и зимнее время. Деньги же они берутъ съ крестьянъ тѣхъ, кои имѣютъ свой плугъ и волы, разнообразно, какъ-то: съ пароваго по 2 р. и болѣе, съ поединка по 1 рублю, а съ пѣшаго по 50 коп. сер."

Вѣдомость по Гайсинскому уѣзду:

Всѣхъ имѣній въ уѣздѣ 117. Русскихъ совсѣмъ не видно, одно лишь имѣніе православнаго монастыря.

1) *Барщина* въ недѣлю: въ 105 имѣніяхъ *съ души*: по 3 дня съ мужчины и по 3 съ женщины. (Очень рѣдко—по 2 съ того и др.) но въ имѣніяхъ графа Холонѣвскаго (въ мѣст. Зятковцахъ и 3-хъ селах)—по 4 съ мужской души и по 4 съ женской. Въ остальныхъ 12 имѣніяхъ—*со двора*: по 3 дня съ мужч. и столько же съ женщинъ, или по 3 или 2 дня, оч. рѣдко по 2 и 2 д., въ имѣніяхъ графа Михаила Мощинскаго 5 м, и 5 ж. дней.

2) *Шарварки* [1]) практиковались во всѣхъ почти имѣніяхъ, но не равномѣрно: чаще всего по 12 дней, рѣдко по 10, по 8, по 6, и—лишь въ 3-хъ имѣніяхъ по 3 дня, и въ одномъ по 2 дня, а у гр. Холонѣвскаго (въ м. Зятковцахъ)—по 15 дней.

3) *Денежныя повинности:* въ 43-хъ имѣніяхъ крестьяне платили отъ 90 коп. до 2 р. 10 коп. (это средняя), а у помѣщ. Фр. Ярошинскаго (въ м. Кутъ и трехъ селахъ) по 3 р. 30 коп. серебромъ.

4) *Натуральныхъ даниъ:* орѣховъ, клюквы, черники, брусники, червца и хмелю—вовсе нѣтъ въ уѣздѣ. Есть лишь *медовая* дань: обыкновенно 10-ая колодка пчелъ, лишь въ имѣніяхъ графини Александры Потоцкой—деньгами по 40 коп. сер. (отъ колодки или отъ пасѣки—не ясно).

Грибовъ, калины, лучины и драни тоже нѣтъ; каплуны, куры и яйца—почти во всѣхъ имѣніяхъ; обыкновенно: 2 каплуна, 2 курицы и 30 яицъ, но есть болѣе и менѣе.

Мотки—вездѣ, отъ 2 до 4-хъ и рѣдко (у Мощинскаго) по 5 мотковъ.

21 окт. Владимірскій исправникъ Леляковъ, прислалъ вѣдомость по своему уѣзду.

Всѣхъ имѣній въ уѣздѣ 156. Русскихъ помѣщиковъ не видно. Повинности крестьянъ:

---

[1]) „Лѣтнихъ" здѣсь нигдѣ нѣтъ.

Библиотека "Руниверс"

1) *Барщина* отбывалась здѣсь съ *двора*, а не съ души. Въ отношеніи ея отбыванія крестьяне дѣлились на 3 группы: *полногрунтовыхъ*, *полугрунтовыхъ* и *одноогородныхъ*. Первые работали по 3 или по 4 дня въ недѣлю, и сверхъ того 12 дней „шальварковъ“ и отъ 6 до 20 дней „лѣтнихъ;“ вторые—по 2—3 дня въ недѣлю, отъ 6 до 12 „шальварковъ“ и по 5—6 „лѣтнихъ; третьи—по 1 и рѣдко по 2 дня въ недѣлю и отъ 7 до 10 дней „лѣтнихъ“. Женщины лишь въ рѣдкихъ имѣніяхъ отбывали барщину, и то преимущественно лѣтомъ, по 12—16 дней за лѣто. Одногоородные тоже рѣдко ходили на барщину, замѣняя ее денежной уплатой отъ 1 р. 5 коп. до 3 и до 4-хъ рублей.

2) *Денежная повинность:* почти всюду отсутствуетъ. Лишь въ одномъ имѣніи грунтовые платили 8 р. 70 к. а полугрунтовые 4 р. 35 к., но за то не работали ни барщины, ни шарварковъ, ни лѣтнихъ. Еще: въ Любомильскомъ имѣніи граф. Браницкаго (14,888 душъ) крестьяне работали: по 2 дня въ нед. со двора, по 6 шарв. дней и по 12 лѣтнихъ и сверхъ того платили по 1 р. сер. Кое-гдѣ, впрочемъ, крестьяне, сверхъ 3-хъ дней недѣльныхъ со двора и 12 шарварковыхъ, платили по 1 р. 30 коп.

3) *Натуральныя дани:* очень рѣдки. Лишь кое-гдѣ давали:

Черники по 2—3 кварты, или по 1 гарнцу.

Брусники по 1 гарнцу, а кое-гдѣ и по 3.

Клюквы по 1 и по 2 гарнца.

Орѣховъ по 1 гарнцу, или по 1, 2 и 3 кварты.

Хмелю лишь въ одномъ имѣніи по 16 гарнцевъ, а въ другихъ меньше.

Меду лишь въ четырехъ имѣніяхъ по 20, 30 и 60 фунтовъ.

Грибовъ по 25, 50, 100 и до 120 штукъ.

Калины по нѣсколько пучковъ.

Лучины по $^1/_2$ и $^3/_4$ воза.

Драни по 1 копѣ.

Дровъ по 6 возовъ.

Каплуны по 1 или по два.

Куры отъ 1 до 5 штукъ.

Яйца отъ 10 до 18 штукъ.

Мотки отъ 1 до 20.

Послѣднія 4 дани практиковались почти во всѣхъ имѣніяхъ въ уѣздѣ.

Весьма дѣльную записку сообщилъ Бибикову Проскуровскій уѣздный стряпчій Савченко при рапортѣ отъ 20 окт. 1840 г.,

Библиотека "Руниверс"

подъ заглавіемъ: „*Замѣчанія изъ собранныхъ подъ рукою свѣдѣній о образѣ управленія помѣщиковъ крестьянами.*“ Въ предисловіи авторъ говоритъ о себѣ, что онъ состоитъ на службѣ 24 года, болѣе 10 лѣтъ—стряпчимъ въ разныхъ уѣздахъ Подольской губ., всегда присматривался къ быту крестьянъ и „вполнѣ удостовѣрился подъ рукою, что отеческія намѣренія правительства, при настоящемъ образѣ управленія помѣщиками крестьянъ, не могутъ имѣть полнаго успѣха“. Вотъ содержаніе его записки:

„Всѣ вообще крестьяне Под. губ. раздѣляются на 5 разрядовъ: *паровыхъ, поединковъ* и *тыщихъ,* которые содержатъ помѣщичьи земли для хлѣбопашества, *халупниковъ* и *коморниковъ*, которые живутъ только въ помѣщичьихъ домахъ. Всѣ эти разряды платятъ помѣщику за земли и за „халупы“ или хаты извѣстное количество денегъ (въ нѣкоторыхъ имѣніяхъ) и вездѣ отрабатываютъ положенное инвентарями число дней барщины. Сверхъ того, они обязаны платить за себя казенныя подати.

„Но крестьяне съ давнихъ временъ, по бѣдности своей, оказались несостоятельны къ платежу за себя казенныхъ податей, и отъ сего проистекла необходимость платежъ таковыхъ возложить на самихъ помѣщиковъ. Сіи же послѣдніе уплаченныя деньги налагали на каждаго хозяина въ отработокъ, и такимъ образомъ бѣдность крестьянъ, происходящая отъ самихъ же помѣщиковъ, сдѣлалась для первыхъ источникомъ новаго неудобства, сопряженнаго съ выгодою для вторыхъ. Бѣдные крестьяне, нуждались въ хлѣбѣ и прочихъ хозяйственныхъ потребностяхъ, обращались къ помѣщикамъ, которые снабжали ихъ всѣмъ нужнымъ по своему усмотрѣнію, но опять налагали за долгъ отработокъ. Такимъ образомъ крестьяне, дѣлая долги у своихъ помѣщиковъ, принимали на себя новую обязанность работать сверхъ барщины; но этимъ причинамъ составилось два рода барщины: по инвентарю и на пополненіе долга по займамъ хлѣба и прочаго и по казеннымъ податямъ. Въ тѣхъ имѣніяхъ, гдѣ управленіе болѣе порядочное, тамъ ведется правильный расчетъ съ крестьянами за всѣ отработанные ими дни; но, къ сожалѣнію, есть имѣнія, гдѣ и того поверхностнаго обряда удовлетворенія крестьянъ не соблюдается. Въ сказанныхъ расчетахъ дни, по инвентарю назначенные, зачисляются въ панщину безплатную, а переработанные противу инвентарного назначенія обращаются на пополненіе долговъ крестьянъ. Но расчеты эти, дѣлаемые управителями и приказчиками, не всегда бываютъ совѣстны; кромѣ того, цѣны на занятое крестьянами и цѣна за работу устанавли-

Библиотека "Руниверс"

вается произвольно, безъ всякаго спроса крестьянъ, согласны ли они, или нѣтъ на подобную оцѣнку. Обыкновенно продукты, занимаемые крестьянами, оцѣняются самою высшею цѣною, въ то время существующею, а плата за рабочій день полагается иногда въ 5 коп. сер., тогда какъ вольный рабочій стоитъ здѣсь въ день отъ 15 до 20 коп. сер. Это чувствительно тягостно крестьянамъ. Я замѣчалъ такую систему разсчета даже въ такихъ имѣніяхъ, коихъ помѣщики слывутъ человѣколюбивымъ съ своими крестьянами обращеніемъ. Естественно, что при такихъ условіяхъ крестьяне впали въ неоплатные долги, которыхъ имъ никогда не отработать. Слѣдствіемъ этого было, что помѣщики начали считать себя въ правѣ, для выручки долговъ, употреблять крестьянъ въ работу отъ воскресенія до воскресенія, дозволяя не иначе, какъ съ ихъ же разрѣшенія, въ дни, свободные отъ помѣщичьихъ работъ, обработку ихъ полей, которыя отъ того, почти никогда въ свое время незапаханныя и незасѣянныя, ничего или очень мало приносятъ крестьянамъ пользы въ своемъ урожаѣ. Проѣзжая въ лѣтнее время по полямъ, можно издали различить крестьянскіе хлѣба отъ помѣщичьихъ—такъ они всегда плохи.

„Право употреблять крестьянъ во всегдашнія работы породило новое, очень ощутительное угнетеніе: помѣщики выгоняютъ ихъ на нѣсколько недѣль съ своими транспортами хлѣба, или за доставкою лѣса, камня, извести и т. под., считая имъ дни, въ пути проведенные, за дни отбытой барщины. Крестьяне, отдаленные отъ домовъ, отбывая подобную барщину, должны на свой счетъ продовольствовать свой скотъ, и кромѣ этихъ издержекъ, крайне ихъ разоряющихъ, которыхъ бы они не несли, отрабатывая на мѣстѣ два или три дня въ недѣлю,—очень часто теряютъ отъ изнуренія свой скотъ, составляющій все ихъ достояніе. Разумѣется, помѣщики вмѣсто павшаго даютъ вновь свой скотъ на счетъ отработки. На основаніи подобномъ помѣщики, имѣющіе въ разныхъ уѣздахъ имѣнія, перегоняютъ на цѣлыя недѣли крестьянъ изъ одного въ другое имѣніе на работу. Вдобавокъ къ тому всему, заведено еще во многихъ мѣстахъ весною, когда чувствуется крестьянами общій недостатокъ хлѣба, продовольствіе ихъ *за гарнцы*; тогда не считается уже барщины, которая остается за крестьянами въ долгу, а только за всякій день работы дается имъ яроваго хлѣба въ цѣнѣ отъ четырехъ до пяти копѣекъ сер. Все это, угнетая крестьянъ до крайности, освящено стародавнимъ обычаемъ и не почитается за проступокъ помѣщикомъ, хотя отъ того проистекаютъ для крестьянъ невыгоды очень явныя, имѣющія вліяніе на ихъ нравственность.

Библиотека "Руниверс"

„Безпрестанное употребленіе крестьянъ въ работы для отбытія барщины, положенной инвентарями, для отработки долговъ ихъ и для зарабатыванія даваемаго имъ продовольствія, лишаетъ ихъ возможности самыми тяжелыми трудами пріобрѣсти какое-либо состояніе. Работанные ими дни, очень низко оцѣненные въ сравненіи съ понесенными трудами, не удовлетворяя въ долгахъ помѣщиковъ, удерживаютъ крестьянъ въ такомъ положеніи, что они всегда работать обязаны и отлучиться для заработковъ изъ селенія не въ правѣ, гдѣ работа ихъ, противъ платы помѣщика, по крайней мѣрѣ болѣе чѣмъ въ три раза принесла бы имъ выгоды. Напримѣръ, и настоящею весною многіе помѣщики крестьянамъ своимъ за молотьбу хлѣба давали за день гарнецъ овса и гарнецъ ячменя, что, по существовавшимъ цѣнамъ, составляло до 4-хъ коп. сер.: между тѣмъ чужимъ крестьянамъ, прибывшимъ для заработковъ, помѣщики давали по 4 гарнца озимаго хлѣба, что составляло отъ 20 до 24-хъ коп. серебромъ: разница очень ощутительная и видимо убѣждающая, сколько обижаются крестьяне своими помѣщиками какъ при дачѣ имъ продовольствія, такъ равно и при расчетахъ за дни, работанные сверхъ инвентарнаго положенія.

„Безнадежность улучшить когда-либо свое состояніе, при безпрестанномъ обремененіи работами, должна была непремѣнно поселить въ крестьянахъ то убѣжденіе, что ихъ назначеніемъ по рожденію есть печальная участь—вѣчно работать въ чужую пользу. Поэтому крестьяне, не видя пользы отъ своихъ трудовъ, къ трудамъ даже при обработкѣ своихъ собственныхъ полей не имѣютъ никакой охоты и ко всему понуждаемы должны быть напоминаніями или даже самымъ наказаніемъ. Оттого не видно между здѣшними крестьянами никакой наклонности къ промыслу, каковой и быть не можетъ при безпрестанномъ обращеніи ихъ въ помѣщичьей работѣ; а освобожденные воскреснымъ или торжественнымъ днемъ отъ барщины, они не въ состояніи думать о чемъ-либо другомъ, какъ о непріятныхъ трудахъ для чужой пользы, и дабы забыть это, предаются пьянству. Собранный съ полей своихъ хлѣбъ, который почти вездѣ воспрещается имъ продавать, тайнымъ образомъ вывозятъ они въ мѣстечка или почти безъ цѣны заставляютъ въ корчмахъ за водку — особенно тамъ, гдѣ арендаторами евреи, — привыкши уже къ мысли, что помѣщики, употребляя ихъ въ работу безпрестанно, должны пещись также и о оплаканномъ ими кормѣ и одѣяніи. Самый даже призывъ къ расчету съ помѣщи-

Библиотека "Руниверс"

ками крестьяне исполняютъ съ такою неохотою, какъ бы онъ былъ обыкновеннымъ выгономъ на барщину, потому что они удостовѣрены уже, что во всякомъ случаѣ,—останутся ли должными, или имъ будутъ должны,—порядокъ безпрестанно работать будетъ ихъ удѣломъ; кромѣ того, послѣ расчета ежели кому изъ нихъ слѣдуетъ деньги (это случается только самымъ достаточнымъ), то таковыя имъ не уплачиваются никогда, а оставляются до забора продуктами заведеннымъ порядкомъ.

„Подобнымъ образомъ въ настоящее время управляется большая часть имѣній, въ здѣшнемъ краѣ состоящихъ. Управленіе это, очень обидное для крестьянъ, дѣлается еще тягостнѣе, ежели помѣщики, сохраняя только обычай выгонять крестьянъ на барщину отъ воскресенья къ воскресенью, не ведутъ никакого расчета съ ними за дни переработанные и не соблюдаютъ этого даже поверхностнаго вида—удовлетворять ихъ за труды, которые отъ нихъ не слѣдуютъ. Съ такихъ имѣній крестьяне уходятъ въ степныя мѣста на заработки и даже заграницу и тамъ остаются, а люди дурной нравственности отваживаются даже на преступленія.

Земскія полиціи, имѣя порученный отъ правительства надзоръ за благосостояніемъ крестьянъ, не вникаютъ, повидимому, во внутренній образъ управленія помѣщиковъ крестьянами; ежели же съ общаго взгляда и замѣтно, что помѣщики свыше инвентарнаго положенія употребляютъ крестьянъ въ работу, то замѣтно также, что помѣщики уплачиваютъ за нихъ подати, даютъ имъ въ отработокъ хлѣбъ и т. под., что они исполнить обязаны. Впрочемъ, обыкновеніе употреблять крестьянъ въ работы болѣе, чѣмъ въ инвентарѣ положено, очень давнее и никогда воспрещено помѣщикамъ не было. Дѣла, производимыя по сему предмету, обыкновенно заводятся по жалобамъ и при случающихся произшествіяхъ; крестьяне почти всегда жалуются только на жестокое ихъ наказаніе, на угнетеніе же жалобъ они не заносятъ, потому что имъ не извѣстны обязанности ихъ къ помѣщикамъ и за тѣмъ не извѣстно, сколько они работать должны и какъ за переработокъ должны быть удовлетворяемы. Можно также полагать, что крестьяне того не показываютъ изъ опасенія (которое отчасти справедливо) по великимъ правамъ помѣщиковъ надъ ними, представленнымъ законами. Производство же дѣлъ о наказаніяхъ крестьянъ, заключая въ себѣ частные случаи, не ограждаетъ крестьянъ отъ угнетенія общаго.

Библиотека "Руниверс"

„Изъ всего мною описаннаго видно, что общее угнетеніе крестьянъ, исключая нѣкоторыхъ въ меньшей части имѣній, заключается въ томъ:

а) Что, при платежѣ помѣщиками за крестьянъ податей и положеніи уплаченныхъ денегъ въ отработокъ, крестьяне эти подати уплачиваютъ вдвойнѣ и втройнѣ по причинѣ низкой цѣны, назначаемой за день работы.

б) Что на забранный хлѣбъ и прочее, занятое у помѣщиковъ, цѣны назначаются помѣщиками безъ согласія крестьянъ высокія, а цѣна за дни, переработанные противу инвентаря, очень низкія и также безъ согласія крестьянъ, отъ чего крестьяне такъ же вдвойнѣ или втройнѣ уплачиваютъ за данное имъ.

в) Что крестьяне принуждаются работать болѣе, какъ по инвентарю положено, отъ чего, кромѣ выше изъясненныхъ уже отъ того потерь, лишаются возможности какъ должно запахивать и удобрять свои земли, не приносящія имъ должнаго урожая, и тѣмъ самымъ вовлекаются въ новыя займы у помѣщиковъ, за которые болѣе, какъ выше изъяснено, уплачиваютъ.

г) Что при употребленіи крестьянъ для разныхъ доставокъ въ дальнія мѣста не наймомъ и безъ ихъ согласія, а въ видѣ барщины, выставляя крестьянъ на разорительныя издержки и потери скота, разоряются не только частныя семейства, но даже приходятъ въ общую бѣдность цѣлыя имѣнія.

д) Что отъ безпрестаннаго употребленія крестьянъ въ работу проистекаетъ вредное вліяніе даже на нравственность крестьянъ, препятствующее имъ обратиться къ промыслу и къ улучшенію жалкаго ихъ состоянія. Сверхъ же описаннаго, зачисляется въ долгъ барщина, не отработанная по случаю ненастной погоды и даже болѣзни крестьянина, которая (барщина) взыскивается въ очень экстренное для помѣщика время, т. е. во время жатвы и молотьбы проданныхъ продуктовъ.

„Всѣ эти обстоятельства, противустоящія благодѣтельнымъ намѣреніямъ правительства въ отношеніи крестьянъ, я, стремясь къ пользамъ службы, необходимымъ счелъ, по долгу присяги, совѣсти и чести, изложить здѣсь съ предоставленіемъ благоуваженію начальства.

„Ежели правительству, по соображеніи этихъ обстоятельствъ, благоугодно будетъ перемѣнить настоящій образъ управленія помѣщичьихъ крестьянъ, то я полагалъ бы, въ отвращеніе подобнаго угнетенія на будущее время, не нарушая коренныхъ правъ помѣщиковъ, постановить:

Библиотека "Руниверс"

1) Платежъ казенныхъ податей, въ отвращеніе неисправнаго ихъ взноса самими крестьянами, оставить на обязанности помѣщиковъ; но дабы послѣдніе не могли расчетами по сему предмету обижать крестьянъ, добавить къ инвентарной повинности для отработка крестьянами помѣщикамъ число дней, какое по расчету прійдется, принявъ въ соображеніе цѣну, какая обыкновенно полагается при отдачѣ имѣній въ поссесіонное владѣніе помѣщиками.

2) Объявить всѣмъ помѣщичьимъ крестьянамъ, что они болѣе, какъ по инвентарямъ положено, работать не обязаны; ежели же будутъ приглашены къ тому или обяжутся отработать нѣсколько дней свыше положенія за что-либо занятое, то должны условиться за плату вольными цѣнами.

3) Воспретить помѣщикамъ употреблять крестьянъ болѣе назначенія на барщину и заводить долги барщинныхъ дней, равно высылать ихъ въ дальнія дороги съ транспортами, такъ, чтобы посланный за барщину куда-либо крестьянинъ не отвлекался изъ дому на большее количество дней, какое положено ему въ недѣлю въ отработокъ по инвентарю.

4) Обязать помѣщиковъ, чтобы они наблюдали, дабы слѣдуемая по инвентарю барщина отбываема была понедѣльно, не перенося отнюдь таковой не только съ зимы на лѣто, но даже съ мѣсяца въ мѣсяцъ, и ведя съ крестьянами каждонедѣльно расчеты.

и 5) Остающуюся по настоящее время въ долгу на крестьянахъ барщину исключить и удовлетворенія за оную отъ крестьянъ не требовать."

Здѣсь, къ сожалѣнію, прерывается та часть оффиціальной переписки, которая была въ нашемъ пользованіи, и дальнѣйшее продолженіе ея намъ неизвѣстно. Но и то, что мы здѣсь извлекли изъ нея, достаточно полно и ярко рисуетъ безотрадную картину тогдашняго положенія крестьянъ въ Югозападномъ краѣ. Предъ этой картиной положительно блѣднѣютъ тѣ ужасы крѣпостной эпохи, о какихъ мы слышали по свѣжему преданію въ лѣвобережной Украинѣ: тамъ все-таки они помнятся, болѣе или менѣе, какъ частныя злоупотребленія, здѣсь же—сплошная, систематическая эксплоатація крестьянъ, безсмысленно жестокое выжиманіе изъ нихъ послѣднихъ соковъ, наглое обсчитываніе ихъ на каждомъ шагу и явное трактованіе крѣпостного человѣка совершенно на-

Библиотека "Руниверс"

равнѣ съ рабочей скотиной, у которой не должно быть никакихъ помысловъ, кромѣ одного, что ея удѣлъ—вѣчно работать на господина. Вникая во все это, прямо недоумѣваешь, какъ могли милліоны людей, предки которыхъ вѣками боролись за свою свободу, переносить это каторжное существованіе. И не диво, что само правительство постоянно было въ опасеніи, какъ бы между крестьянами Югозападнаго края не вспыхнули волненія или даже открытое возмущеніе противъ своихъ притѣснителей. И такія волненія по временамъ и возникали въ разныхъ мѣстахъ, преимущественно въ подольской губ.,—можетъ быть оттого, что здѣсь помѣщичій гнетъ былъ едвали не тяжелѣе, чѣмъ гдѣ-либо,—но власти крутыми мѣрами подавляли безпорядки въ самомъ ихъ зародышѣ.

Собравъ подробныя свѣдѣнія о бѣдственномъ положеніи крестьянъ, Бибиковъ возбудилъ вопросъ объ улучшеніи ихъ участи инвентарнымъ положеніемъ, въ которомъ были бы точно опредѣлены права и обязанности крѣпостныхъ по отношенію къ владѣльцамъ. Въ нашу задачу не входитъ подробное изложеніе этого дѣла, матеріалы для котораго все еще мирно покоятся въ архивныхъ подвалахъ. Скажемъ лишь, что не смотря на крайнюю скромность предложенной Бибиковымъ реформы, бережно охранявшей всѣ прерогативы помѣщичьей власти, его проектъ встрѣтилъ сильное противодѣйствіе въ правительственныхъ сферахъ и вызвалъ настоящій переполохъ среди мѣстныхъ пановъ, объявившихъ Бибикова чуть не опаснымъ демагогомъ, стремящимся воскресить въ краѣ ужасы былой гайдамачины. И потребовались вся энергія и настойчивость Бибикова, чтобы послѣ семилѣтней борьбы съ министерствами внутр. дѣлъ и госуд. имуществъ настоять таки на своемъ: составленныя имъ инвентарныя правила были наконецъ введены въ дѣйствіе въ 1847 г. Въ этомъ большая заслуга Бибикова. „Каковы бы ни были недостатки инвентарныхъ правилъ и еще болѣе ихъ примѣненія на дѣлѣ, нужно помнить, что это, все-таки, самая энергичная мѣра въ пользу крѣпостныхъ крестьянъ изъ всего, что было сдѣлано для нихъ въ эпоху императора Николя I: относительно великороссійскихъ помѣщиковъ государь никода не рѣшался на регулированіе положительнымъ закономъ повинностей крѣпостныхъ крестьянъ“. Такъ справедливо оцѣниваетъ значеніе инвентарной реформы Бибикова извѣстный историкъ В. И. Семевскій.

Ор. Левицкій.

Библиотека "Руниверс"

Польская и великорусская политическая печать 70-хъ годовъ по вопросу о народно-федеральномъ направленіи *).

Въ предстоящемъ намъ теперь обзорѣ отношеній польской и великорусской политической печати къ различнымъ народамъ бывшей Польши и нынѣшней Россіи намъ придется говорить почти исключительно о печати эмиграціонной или тайной, потому что только въ ней политическіе вопросы ставятся съ извѣстной откровенностью. Весьма можетъ быть, что до сихъ поръ не всѣ мнѣнія, какія существуютъ въ польскихъ и великорусскихъ революціонныхъ и даже вообще прогрессисткихъ кругахъ, имѣли случай, или даже счастье, быть высказанными въ вышеупомянутой печати, но наблюдателю ничего не остается, какъ только говорить о томъ, что видно, и ожидать дополненій отъ тѣхъ, кто можетъ видѣть сокрытое, а еще бы лучше, отъ самихъ тѣхъ, чьи мнѣнія остаются до сихъ поръ сокрытыми. Мы первые были бы рады, если бы оказалось, что въ польскихъ и великорусскихъ революціонныхъ и вообще прогрессистскихъ кругахъ существуютъ люди съ вполнѣ опредѣленными и обдуманными въ подробностяхъ интернаціональными, народно-федеративными стремленіями, но пока мы очень мало видимъ ихъ признаковъ въ печати, а вмѣсто того видимъ слишкомъ много признаковъ упорства въ старыхъ государственно - національныхъ, централистическихъ

*) См. Кіев. Стар. 1906 г., № 5—6. Настоящая статья является естественнымъ продолженіемъ статьи „Отношеніе великорусскихъ соціалистовъ 70-хъ годовъ къ народно-федеральному направленію“, помѣщенной въ указанныхъ номерахъ.

Библиотека "Руниверс"

стремленіяхъ и предразсудкахъ. Попробуемъ же собрать и признаки новаго, и остатки стараго въ польской и великорусской публицистикѣ послѣдняго времени.

Самое радикальное отреченіе отъ идеи исторической Польши въ пользу идеи о самостоятельности народовъ, ее населяющихъ, какое до сихъ поръ мы встрѣчали въ польской печати, принадлежитъ M. G., неизвѣстному автору брошюрки „Glos z Korony, natchniony rokiem 1872“, изданной еще въ 1873 г. въ Краковѣ. Авторъ ея, по всему видно, держится не слишкомъ радикальныхъ мнѣній по вопросамъ религіознымъ и соціально-политическимъ, но обладаетъ искреннею любовью къ своей національности, которую желалъ бы предохранить отъ поглощенія и прусскаго, и русскаго и, какъ сынъ дѣйствительно польской земли (Короною называютъ поляки край Варшавскій), онъ скорѣе, чѣмъ шляхетскіе „перевертни“ непольскихъ земель, сумѣлъ отдѣлаться отъ шовинистическихъ идей по отношенію къ этимъ послѣднимъ землямъ. Переходя къ обсужденію вопроса о „такъ называемомъ западномъ краѣ“ или, какъ пересчитываетъ г. M. G., „Литвы, Волыни, Подоліи и Украйны“, авторъ говоритъ: „мы уже намекнули, что вслѣдствіе измѣнившихся въ теченіе столѣтія условій и идей, мы не имѣемъ ни малѣйшаго основанія требовать себѣ провинцій, заселенныхъ русинскою народностью, развѣ бы захотѣли дѣйствовать во имя насилія. Тутъ только является вопросъ, можетъ ли та часть населенія польскаго, которая живетъ въ этомъ краѣ, надѣяться на полученіе гарантій свободнаго употребленія своего языка въ школѣ и церкви, къ какому бы вѣроисповѣданію населеніе польское ни принадлежало?... Что до языка администраціи въ краяхъ русинскихъ, то претензіи наши тутъ не опираются ни на какихъ фактическихъ основахъ. Во всякомъ случаѣ до XVI вѣка языкомъ администраціи и дипломатическимъ въ Литвѣ былъ языкъ бѣлорусскій, а не польскій. Оставимъ же малоруссамъ и бѣлоруссамъ разрѣшеніе вопроса: станетъ ли языкомъ ихъ будущаго въ области литературы, администраціи и церкви прекрасный, мелодическій языкъ народныхъ пѣсенъ, Шевченко, Падуры, языкъ, который трудомъ интеллигенціи русинской, по примѣру западныхъ и южныхъ славянъ, скоро могъ бы распустить крылья до полета наравнѣ съ потребностями времени, или же языкомъ этимъ долженъ быть языкъ великорусскій, постепенно, вслѣдствіе вліянія университетовъ кіевскаго и харьковскаго, вытѣсняющій языкъ малорусскій изъ употребленія въ кругахъ болѣе образованнаго малорусскаго населенія.

Библиотека "Руниверс"

„Это вопросъ, по истинѣ, чрезвычайно важный, особенно для русинскаго народа, потому что рѣшеніе его окончательно въ пользу великорусскаго языка надолго придавитъ просвѣщеніе среди русиновъ и установитъ перегородку между образованнымъ классомъ и народомъ, который не перестанетъ тянуть пѣсни на языкѣ, такъ имъ любимомъ, такъ гибкомъ къ тонамъ грустной мелодіи; мы должны, однако, стать въ сторонѣ этого вопроса, и непрошенные не брать въ немъ участія, а тѣмъ болѣе не дѣлать, какъ теперь, натиска, въ пользу одной стороны въ рѣшеніи этого вопроса“ [1]). (Op. cit. 28—30).

Мысли въ такомъ духѣ мы встрѣчали въ двухъ-трехъ корреспонденціяхъ изъ Царства Польскаго въ петербургскія газеты, но ни у кого онѣ не доходили до такой категоричности, какъ у вышеупомянутаго автора. Равнымъ образомъ въ послѣднее время въ журналахъ молодой польской партіи въ Варшавѣ, какъ напримѣръ въ „Przegląd Tygodniowy“ можно было встрѣчать статьи довольно симпатичныя, напр., къ украинскому движенію въ Галиціи. Въ духѣ примиренія съ русинами высказывался и „Dziennik Poznanski“ и другіе познанскіе журналы (напр. „Przegląd Slowianski“), напуганные натискомъ германизаціи. Но ни въ одномъ еще журналѣ польскомъ мы не встрѣтили систематически проведеннаго новаго взгляда на отношенія поляковъ къ непольскимъ народамъ бывшаго польскаго государства, взгляда, исходящаго изъ полнаго отрицанія историческаго польскаго патріотизма и изъ признанія полной самостоятельности и отдѣльности вышеупомянутыхъ народовъ отъ Польши. Напротивъ того, вполнѣ непримиримыя идеи стараго польскаго историческаго патріотизма находятъ себѣ органы во всѣхъ польскихъ центрахъ, а особенно въ „самой свободной странѣ бывшей Польши“, какъ называла Галицію соціалистическая „Równość“. Обстоятельство это показы-

---

[1]) Послѣднія слова для насъ не совсѣмъ ясны, а что въ нихъ ясно, съ тѣмъ мы не можемъ согласиться. Непонятно, что авторъ разумѣетъ, говоря, что поляки наклоняли вѣсы спора между „русинскимъ“ и великорусскимъ языкомъ въ одну сторону. Во всякомъ случаѣ, въ украинскую сторону они ихъ наклоняли мало, а своимъ противодѣйствіемъ русинамъ въ Галиціи они препятствуютъ наклону вѣсовъ въ сторону украинцевъ. Далѣе, если авторъ совѣтуетъ нейтралитетъ полякамъ изъ „Короны“, то съ этимъ можно еще согласиться, но образованные поляки на Украинѣ и Бѣлоруссіи, а также въ Литвѣ и Лагышіи, какъ люди воспитавшіеся на счетъ туземныхъ массъ, должны не держать нейтралитетъ, а напротивъ, отслужить этимъ массамъ работою для ихъ просвѣщенія, конечно, на языкахъ этихъ массъ.

Библиотека "Руниверс"

ваетъ, что мысль о раздѣлѣ исторической Польши между ея народами до сихъ поръ еще не нашла себѣ достаточнаго количества приверженцевъ въ польскомъ обществѣ. А безъ этой мысли, развѣ могутъ быть сдѣланы совершенно новые шаги къ политическому и національному освобожденію поляковъ, при посредствѣ широкаго федеральнаго движенія на Востокѣ Европы?

Безъ этой мысли невозможна и организація соціалистической пропаганды въ странѣ между Вислою и Карпатами, съ одной стороны, и Днѣпромъ и Десною — съ другой, на началахъ дѣйствительно интернаціональныхъ. А между тѣмъ и въ новыхъ соціалистическихъ кружкахъ польскихъ мысль о вышеупомянутомъ раздѣлѣ исторической Польши между равноправными ея народами до сихъ поръ не встрѣтила себѣ много сочувствія. До сихъ поръ мы можемъ остановиться только на трехъ болѣе или менѣе прямыхъ указаніяхъ на существованіе признанія подобной мысли въ польскихъ кружкахъ. Самое раннее изъ нихъ относится къ 1877 г. Въ это время въ Львовѣ производился процессъ (второй) соціалистовъ украинцевъ, къ которому былъ привлеченъ и полякъ изъ Россіи, г. Котурницкій. У послѣдняго найдено было письмо автора настоящей статьи къ галицкому украинцу г. Павлику, въ каковомъ письмѣ, между прочимъ, высказано было одно изъ основныхъ положеній, опредѣляющихъ отношеніе украинскихъ соціалистовъ къ польскимъ: „польскіе соціалисты должны съ перваго же раза заявить, что ихъ цѣлью никоимъ образомъ не можетъ быть возстановленіе стараго польскаго государства 1772 г., даже соціалистическаго, но организація польскаго народа на польской землѣ, въ связи съ украинскими соціалистами, которые организуютъ свой народъ на его землѣ“.

Участвовавшіе въ процессѣ украинцы заявили болѣе или менѣе опредѣленно о своей солидарности съ авторомъ письма, и польскій ихъ товарищъ не высказался противъ его положенія, а заявилъ, что только на почвѣ соціализма состоится примиреніе русиновъ съ поляками, котораго такъ тщетно добивались старыя польскія партіи. Другое, гораздо болѣе ясное, заявленіе находимъ въ словахъ письма, посланнаго „кружкомъ“ соціалистовъ польскихъ изъ подъ русскаго захвата“ (kòlko socyjalistów Polskich z pod zaboru Moskiewskiego) на митингъ, созванный редакціей „Równości“ въ Женевѣ въ 50-лѣтнюю годовщину возстанія 1830 г., 30-го ноября 1880 года: „Вамъ искренне и по-братски протягиваемъ руку нашу, братья соціалисты, къ какой бы народности вы ни принадлежали, а особенно вамъ, наши ближайшіе сосѣди,

Библиотека "Руниверс"

соціалисты, украинскіе, великорусскіе и нѣмецкіе" (socyjaliscì russcy, rosyjscy i niemieccy. Bibliot. „Rownosci", I, 9 [1]).

Но самое прямое и ясное признаніе въ такомъ духѣ, хотя все-таки относительно однихъ только украинцевъ, находимъ въ двухъ уже упомянутыхъ программахъ галицкихъ, напечатанныхъ въ текущемъ году. Мы будемъ еще говорить объ этихъ программахъ въ особой обѣщанной статьѣ, а теперь сдѣлаемъ только выписку одной изъ нихъ, въ которой, можетъ быть, читателямъ будетъ интересно встрѣтить какъ вполнѣ интернаціональныя, федеральныя идеи въ приложеніи къ населенію одной изъ частей исторической Польши, такъ и соотвѣтственно имъ, раціональное отношеніе къ вопросу о національностяхъ вообще, отличное отъ того, какое мы видѣли выше у якобинствующихъ соціалистовъ.

„Польско-украинская рабочая партія не можетъ имѣть ничего общаго съ тою партіею, которая стремится къ возстановленію Польши эпохи Ягеллоновъ, „отъ моря до моря". Мы не хотимъ господства одной народности надъ другою. Мы сторонники самой широкой федераціи и убѣждены, что каждый народъ можетъ развиваться успѣшно только на основѣ самостоятельной жизни и полной свободы. Вмѣстѣ съ такимъ развитіемъ пойдетъ уничтоженіе національныхъ антипатій, возрастетъ солидарность свободныхъ народовъ и общечеловѣческія стремленія. Человѣчество въ своемъ естественномъ развитіи обнаруживаетъ стремленіе къ сложенію оригинальныхъ національныхъ индивидуальностей, а вмѣстѣ съ тѣмъ къ усиленію (do potegowania) чертъ, общихъ этимъ индивидуальностямъ. Чѣмъ болѣе разовьются эти индивидуальности, тѣмъ скорѣе и цѣлое человѣчество начнетъ чувствовать свое единство передъ остальною природою: борьба между людьми прекратится, а мѣсто ея займетъ борьба съ остальною природою соединенными силами цѣлаго рода людского.

„По тѣмъ же самымъ основаніямъ мы должны отрицательно отнестись и къ дѣятельности той политической фракціи у русиновъ, которая стремится къ слитію народности малорусской съ великорусской, стараясь постепенно стереть національныя черты русиновъ и посѣвая вражду между русинами и поляками. Эта агитація поднята господствующими классами и служитъ исключительно ихъ цѣлямъ.

---

[1]) При случаѣ обращаемъ вниманіе на польскую національную терминологію, которая видна въ подчеркнутыхъ словахъ и которой обыкновенно не знаетъ „русская" публика.

Библиотека "Руниверс"

„Народная партія русиновъ, такъ наз. украинофиловъ (галицкихъ), въ настоящее время обнаруживаетъ чисто буржуазныя стремленія, которыхъ мы поддерживать не можемъ.

„Поляки собственно не имѣютъ народной партіи (ludowego stronnictwa). Малочисленнымъ сторонникамъ демократіи между буржуазіей польской не удалось, несмотря на неоднократныя попытки, организовать партію: эти демократы, разъсѣянные по разнымъ политическимъ группамъ, имѣющимъ въ цѣломъ направленіе недемократическое, идутъ съ ними рука объ руку даже въ вопросахъ кардинальной важности.

„Такъ называемый „еврейскій вопросъ“ для насъ не существуетъ. Мы боремся противъ еврейской буржуазіи, не потому, что она еврейская, а потому, что она буржуазія; мы соединяемся съ пролетаріатомъ еврейскимъ, потому что его соединяетъ съ нами интересъ класса. Мы не признаемъ антагонизмовъ племенныхъ и національныхъ, а религіозныя вѣрованія считаемъ дѣломъ частнымъ.

Не трудно видѣть, что галицкая польско-украинская программа становится вполнѣ на точку зрѣнія украинскихъ соціалистовъ и что если бы эта точка зрѣнія была усвоена соціалистами поляками, напримѣръ, въ Варшавѣ, Ковнѣ, Вильнѣ, Динабургѣ, Минскѣ, Житомірѣ и т. п., то мы бы увидѣли въ тамошнихъ соціалистическихъ кружкахъ заботы о пропагандѣ на языкахъ не только польскомъ, но и нѣмецкомъ, нѣмецко-еврейскомъ, литовскомъ, латышскомъ, бѣлорусскомъ, украинскомъ. Польская соціалистическая печать, если бы она, стоя на почвѣ реальныхъ отношеній польскаго населенія, вполнѣ отрѣшилась отъ старинныхъ польскихъ государственныхъ претензій, должна бы была сразу же высказаться въ пользу необходимости такой вполнѣ интернаціональной работы. А, между тѣмъ, къ сожалѣнію, большая часть лицъ, въ послѣднее время выступившихъ въ заграничной польской печати соціалистическаго направленія, не только не высказалась въ такомъ духѣ, а показала въ своихъ писаніяхъ значительное количество остатковъ стариннаго историческаго польскаго централизма. Мы бы предпочли вовсе молчать о такихъ писателяхъ, если бы мы видѣли помимо ихъ достаточное количество заявленій, хоть въ родѣ галиційскихъ программъ, изъ разныхъ концовъ бывшей Польши.

Въ 1879 г. г. Б. Лимановскій издалъ брошюру: „Socyjalism jako konieczny objaw dziejowego rozwoju“ и въ ней безъ всякихъ оговорокъ процитировалъ, какъ могущее до сихъ поръ служить

Библиотека "Руниверс"

основаніемъ для польскихъ соціалистовъ, заявленіе демократовъ 1846 г., которое, между прочимъ, насчитало 20 милліоновъ поляковъ, а дальше разсматриваетъ „Русь", какъ провинцію Польши и т. д. Въ отвѣтъ на наши замѣчанія по этому поводу въ „Листкѣ Громады" г. Лимановскій прислалъ намъ письмо, которое мы, къ сожалѣнію, до сихъ поръ не имѣли случая напечатать. Въ письмѣ этомъ г. Лимановскій, не отвѣчая, впрочемъ, категорически на наши вопросы, заявляетъ, правда, что признаетъ самостоятельность „русиновъ", но вмѣстѣ съ тѣмъ выражаетъ желаніе возобновленія Люблинской уніи 1569 г. Мы вообще не понимаемъ, какое значеніе для соціализма, какъ „конечнаго результата историческаго развитія", можетъ имѣть эта полувынужденная и цѣликомъ шляхетская унія. А въ частности думаемъ, что дѣйствительно желательное согласіе между политическими дѣятелями разныхъ народовъ въ предѣлахъ бывшей Польши и Литвы можетъ наступить только тогда, когда польскіе дѣятели окончательно сдадутъ въ архивъ всякія ссылки на Люблинскую унію, о которой, по крайней мѣрѣ, украинцы и въ Россіи, и въ Австріи и слышать не хотятъ. (Сошлемся, напримѣръ, хоть на протестъ галицкихъ „народовцевъ" противъ польской демонстраціи въ память этой уніи въ 1869 г.) Г. Лимановскому слѣдовало бы, во всякомъ случаѣ, подождать, пока появится среди русиновъ хоть какое-либо подобіе партіи, согласной на возобновленіе Люблинской уніи. А между тѣмъ, онъ продолжаетъ въ „Jahrbuch für Sozialwissenschaft" третировать, по крайней мѣрѣ, землю галицкихъ русиновъ, какъ Польшу, въ противность тому, что заявляютъ даже поляки-соціалисты изъ Галиціи. И при этомъ еще польскій соціалистическій патріотъ жалуется европейской публикѣ, что „нѣкоторые русинскіе соціалистическіе писатели обращаютъ болѣе вниманія на проведеніе границъ между національностями, чѣмъ на строгое соединеніе силъ въ борьбѣ съ нашимъ опаснѣйшимъ врагомъ (какимъ?). Они сѣютъ несогласіе тамъ, гдѣ должна бы господствовать строгая солидарность" и т. п. (Jahrbuch, III, 261.) Какъ будто записывать въ Польшу, напр., галичанъ не значитъ проводить границу, и притомъ совершенно невѣрную, между ними и ихъ братьями приднѣпровскими? и какъ будто можно придумать что либо, болѣе способное сѣять несогласіе между русинами и поляками, какъ навязываться первымъ съ польскою національностью и Польшею-государствомъ, которое такъ имъ опротивѣло?!

Библиотека "Руниверс"

Если вѣрить газетамъ, описывавшимъ конгрессъ въ Хурѣ (между прочимъ и польской газетѣ „Przedswit"), г. Лимановскій прямо заявилъ тамъ о необходимости возстановленія польскаго государства при помощи даже польскихъ демократовъ старой школы, конечно, въ границахъ, какія угодно будетъ провести г. Лимановскому и этимъ демократамъ. Любопытно, что при этомъ, какъ разсказываетъ „Przedswit", г. Лимановскій являлся делегатомъ галицкихъ организованныхъ рабочихъ и читалъ отрывки изъ ихъ программы. Конечно, эти отрывки были не тѣ, которые мы привели выше, потому что иначе конгрессъ бы увидѣлъ, что г. Лимановскій никоимъ образомъ не можетъ считаться представителемъ кружковъ, которые составили эту программу [1]). Повторяемъ, если все, разсказанное о поведеніи г. Лимановскаго на конгрессѣ въ Хурѣ, правда, то, конечно, такое поведеніе одного изъ самыхъ плодовитыхъ польскихъ писателей соціалистовъ всего менѣе способно установить согласіе тамъ, гдѣ оно должно существовать. Во всякомъ же случаѣ, заявленіями г. Лимановскаго въ пользу необходимости возстановленія Польши, какъ государства, обязываютъ его и къ строгому опредѣленію границъ его, въ которыя онъ не имѣетъ никакого права вносить непольскія земли, какъ онъ это дѣлаетъ въ своихъ литературныхъ произведеніяхъ. Иначе тутъ не только не можетъ быть вопроса о какой либо солидарности съ стремленіями, представляемыми г. Лимановскимъ, но долженъ быть поставленъ вопросъ просто о борьбѣ противъ нихъ, борьбѣ прежде всего со стороны той галицкой федераціи поляковъ, украинцевъ и евреевъ, программа которой

---

[1]) Судя по письму къ намъ изъ Галиціи отъ лица вполнѣ компетентнаго, программу эту постигли презлополучныя приключенія: она была озаглавлена „Program socyjalistow polskich i ruskich (украинскихъ) wschodniej Galicji" и въ такомъ видѣ отправлена въ Женеву для напечатанія. Но здѣсь (Impimerie Polonaise, Chemin Neuf, 13) „по ошибкѣ типографщика", она явилась подъ именемъ „Program soc. polskich" и пр. и въ такомъ видѣ была пущена въ ходъ (она попалась съ такою „опечаткою" и въ руки австрійской полиціи). Опечатка была опротестована изъ Галиціи, и тогда прежнее заглавіе было заклеено новымъ, но опять не тѣмъ, какое было составлено на мѣстѣ, а опять другимъ: „Program socjalistów galicyjskich". Новая „опечатка" снесла и слово „polskich", но скрыла опять и слово „ruskich". Удивительно это постоянство типографской судьбы въ преслѣдованіи этого слова! Въ довершеніе г. Лимановскій явился на конгрессѣ въ Хурѣ съ этой программой въ рукахъ, какъ представитель идеи о возстановленіи Польши, отъ которой отреклась эта программа.

Библиотека "Руниверс"

была въ рукахъ г. Лимановскаго, когда онъ говорилъ передъ конгрессомъ въ Хурѣ. [1])

На томъ же конгрессѣ г. Лимановскій говорилъ, по извѣстіямъ газетъ, отъ имени соціалистическаго общества. „Людъ Польскій", котораго программа была недавно перепечатана въ „Вольномъ Словѣ". Намъ нѣтъ резона разбирать здѣсь эту программу, которой представительство г. Лимановскаго даетъ болѣе опредѣленное значеніе. Мы остановимся только на одной ея подробности: программа эта признаетъ необходимость „устраненія политическо-національнаго гнета (конечно, надъ народомъ польскимъ) посредствомъ (его) національной независимости въ границахъ добровольнаго тяготѣнія" (dobrowolnego ciężenia,—во французскомъ изданіи программы это мѣсто переведено весьма вольно: dans les frontiéres de libre fédération, а въ русскомъ: „добровольнаго союза").

Что должно разумѣть подъ словами: „dobrowolne ciężenie"?

Никакое революціонное движеніе не можетъ опираться ни на что, кромѣ „добровольнаго тяготѣнія", такъ что, въ общемъ смыслѣ, всего этого параграфа можно было и не писать. Очевидно, что въ этихъ словахъ надо искать отвѣта на вопросъ о границахъ того польскаго государства, которое предположило возстановить общество „Людъ Польскій", и отвѣта, сообразно которому въ государствѣ этомъ могутъ принять участіе и непольскія населенія. Но если такъ, то почему же это будетъ всетаки Польша, Людъ Польскій? Очевидно, что вся выше писанная темная формула есть ничто иное, какъ порожденіе страха признаться въ историческомъ польскомъ патріотизмѣ и страха или нежеланія отказаться отъ него рѣшительно. Послѣ всего сказаннаго мы считаемъ излишнимъ говорить о томъ, что съ такими темными формулами нельзя освобождать ни народъ польскій, ни сосѣдніе съ нимъ народы [2]).

---

[1]) Г. Лимановскій заявилъ въ письмѣ въ „Общее Дѣло" (№ 46), что онъ не предъявлялъ „мандата" отъ „Люду Польскаго". (См. „Вольное Слово", № 23.)

[2]) Единственно для полноты мы должны упомянуть о статьѣ г. Лимановскаго въ „Precurseur" 1881, № 29, 31 и сдѣд. Статья эта представляетъ возраженія на нашу статью въ „Revue Socialiste" „Les nations de l'Europe orientale et le socialisme international", основныя мысли которой руководятъ нами и при составленіи настоящаго труда. Мы должны сказать, что вообще г. Лимановскій напрасно поторопился спорить съ нами, такъ какъ статья наша не окончена печатаніемъ, а въ частности, что до вопроса о польскихъ революціонерахъ 1863 г. и теперешнихъ соціалистахъ, мы не можемъ понять, что собственно хотѣлъ сказать авторъ. Онъ

Библиотека "Руниверс"

Не болѣе счастливы окажутся поиски за новымъ отношеніемъ польскихъ дѣятелей къ вопросу непольскихъ народовъ бывшей „Рѣчи Посполитой“ и среди другой фракціи польскихъ соціалистовъ, той, которая теперь въ „Przedswit“-ѣ сама полемизируетъ, по своимъ резонамъ, съ фракціей „Люда Польскаго“. Какъ видно и изъ подписи посланія „Przedswit“-а „къ русскимъ товарищамъ соціалистамъ“, фракція эта та же самая, которая издавала прежде „Równość“. Эта „Równość“ напечатала было въ 1879 г. свою „программу польскихъ соціалистовъ“, изъ которой былъ вполнѣ исключенъ политическій вопросъ объ освобожденіи Польши, но въ которой не было сказано ни слова ни о томъ, какое же поле дѣйствія избираютъ себѣ „польскіе соціалисты“, ни объ отношеніяхъ ихъ къ ближайшимъ сосѣдямъ дѣйствительнаго польскаго народа. Въ свое время мы покажемъ, что вопросъ этотъ былъ поставленъ передъ публицистами „Równosci“ и ихъ соплеменниками и сосѣдями, но они предпочли уклониться отъ всякаго отвѣта на него [1]). Можно бы было думать, что такое уклоненіе произошло отъ того, что на той высотѣ интернаціональнаго міровоззрѣнія, на какую стала программа „Równosc“, такой отвѣтъ

не счелъ возможнымъ развернуть теперь передъ европейскою публикой знамя исторической Польши и призналъ въ концѣ статьи, что и бѣлоруссы, и литвины, по всей вѣроятности, будутъ развиваться самостоятельно отъ Польши. А если такъ, то зачѣмъ же г. Л. поднялъ споръ противъ нашей критики программы 1863 г. и противъ нашихъ требованій отъ соціалистовъ-поляковъ, воспитанныхъ средствами разныхъ народовъ исторической Польши? Затѣмъ, съ статьею Лимановскаго трудно намъ спорить еще и потому, что она прибѣгаетъ къ слишкомъ адвокатскимъ пріемамъ. Такъ, напр., г. Л—ій желаетъ защитить идею присоединенія Украйны къ Польшѣ нашимъ же свидѣтельствомъ о томъ, что украинская народность имѣетъ болѣе свободы въ Галиціи, чѣмъ въ Россіи. Но г. Л., который самъ жилъ въ Галиціи, долженъ же знать, что украинцы этимъ обязаны не польскимъ политикамъ, а австрійскимъ законамъ. Если онъ этого не знаетъ, то онъ былъ глухъ и слѣпъ ко всему, что дѣлалось около него, а если онъ это знаетъ, то зачѣмъ же онъ запутываетъ понятія французскихъ читателей, которые не въ состояніи провѣрить его?!

[1]) Здѣсь мы упомянемъ только, что въ бумагахъ краковскаго процесса сторонниковъ „Równosci“ находятся слѣды одной изъ польскихъ программъ, въ которой находимъ такія слова: „свобода политическая и національная, обезпеченная федераціей производительныхъ группъ народа польскаго въ границахъ этнографическихъ“ (Wolnosc polityczna i narodowosciewa, zapewniona przez federacye wysworczych grup ludu Polskiego w granicach narodowosci). Программа эта была составлена въ Галиціи, какъ видно изъ процесса, лицами, находящимися въ сношеніяхъ съ „Równość“ и съ г. Лимановскимъ, тогда къ ней принадлежавшимъ, но, какъ видно изъ сказаннаго выше, не была ими принята во вниманіе.

Библиотека "Руниверс"

или самъ собою подразумѣвался, или самый вопросъ представлялся совсѣмъ лишнимъ. Однако на отношеніи „Rownosci“ и ея французскаго бюллетеня въ Галиціи (и западной, и восточной), которую редакція изображала, какъ часть Польши, и въ которой она систематически игнорировала русинскій элементъ, каковой былъ упомянутъ только разъ, какъ существующій будто только въ селахъ подъ Львовымъ, а не въ самомъ Львовѣ, и упомянутъ въ полемико-юмористической статейкѣ, запутывавшей вопросъ, а не уяснявшей его, можно видѣть, что причины вышеупомянутаго умолчанія вовсе не тѣ, какія были сейчасъ предположены. Разъ же признавши, что вся Галиція — Польша, нѣтъ никакой надобности въ иной пропагандѣ въ ней, кромѣ польской. А чѣмъ же отличается отношеніе Восточной Галиціи къ Польшѣ отъ отношенія Волыни, Бѣлоруссіи, Литвы? Почему же и имъ не выйти Польшею? Къ тому же публицисты и ораторы „Rownosci“, какъ и г. Лимановскій въ названной выше брошюрѣ, всякій разъ, когда имъ приходилось говорить о восточныхъ своихъ отношеніяхъ, говорили только о великорусскомъ (rossyjskiem) народѣ, какъ будто народовъ промежуточныхъ между нимъ и народомъ польскимъ и не существовало.

Въ напечатанномъ недавно возваніи фракціи „Rownosci-Przedswita“ къ „русскимъ (по-польски—rossyjskim, т. е., великорусскимъ) товарищамъ“, видно, что фракція эта уже не игнорируетъ ни политическаго вопроса, ни существованія національностей. Она между прочимъ считаетъ нужнымъ „сорганизовать одну общую соціалистическую партію“, въ составъ которой вошли бы соціалистическія организаціи различныхъ національностей въ предѣлахъ русскаго государства и „выработать общую политическую программу для всѣхъ соціалистовъ, дѣйствующихъ въ русскомъ государствѣ“ и предлагаетъ великорусскимъ товарищамъ совмѣстно съ нею выработать такую программу, даже не боясь „обвиненій въ централизмѣ“. Да! фракція „Rownosci“, прежняго органа „польскихъ соціалистовъ“, теперь уже не признаетъ надобности существованія „польскихъ соціалистовъ“, какъ чего то цѣлаго, хотя и съ оговоркой, которая возстановляетъ эту цѣлость. [1])

---

[1]) Вотъ текстъ относящагося сюда параграфа посланія: „Польская соціальная партія, какъ нѣчто цѣлое, существовать не можетъ, а могутъ быть только польскія соціальныя группы въ Россіи, Австріи и Германіи, которыя сообща съ соціальными организаціями иныхъ національностей въ данномъ государствѣ, создаютъ органическій союзъ, что не можетъ имъ мѣшать входить въ связи, какъ между собой, такъ и съ другими соціалистическими организаціями.“

Библиотека "Руниверс"

Но при этомъ и польская фракція соціалистовъ русскаго государства предлагаетъ великорусской ихъ фракціи составить сообща съ нею программу, общую для всѣхъ соціалистическихъ организацій различныхъ національностей этого государства, не упоминая не только о другихъ фракціяхъ, но даже ни о какихъ другихъ національностяхъ этого государства! Значитъ ли это, что никакихъ другихъ фракцій кромѣ польской и великорусской въ Россіи нѣтъ, или что поляки и великоруссы вообще компетентны составить политическую программу для соціалистовъ всѣхъ національностей Россіи?? Не беремся отвѣчать. Но это обращеніе польской фракціи и это умолчаніе остается всетаки фактомъ характернымъ и мало предвѣщающимъ добраго, по крайней мѣрѣ для фракціи „Przedswita".

Впрочемъ, послѣдней есть еще возможность вполнѣ раціональнаго выхода. Это — отнестись серьезно съ поставленному наконецъ и ею самою вопросу и начать его серьезную разработку прежде всего съ своего, польскаго конца. Правда, авторамъ декларацiи сейчасъ же придется расширить ту узковатую рамку, которую поставляютъ по крайней мѣрѣ выраженія, если не цѣль, этой декларацiи, вообще довольно торопливо редижированной. Декларація эта говоритъ только о необходимости слитія существующихъ въ Россіи „соціалистическихъ организацій различныхъ національностей" для достиженія политической свободы, а изъ способовъ этого достиженія говоритъ только о „террористической борьбѣ". Но при серьезномъ размышленіи очевидно, что какъ одною „террористической борьбою", т. е., убійствами, или, если угодно, „казнями", политическая свобода не можетъ быть достигнута, такъ и одно слитіе существующихъ соціалистическихъ организацій въ Россіи, да еще и изъ нихъ только тѣхъ, которыя будутъ признаны за таковыя единомышленниками „Przedswita" (который, напр., отрицательно относится и къ „Люду Польскому"), не составитъ еще очень важнаго дѣла, даже на столько важнаго, чтобъ о немъ надо было возвѣщать печатными манифестами. Для политическаго переворота необходимо участіе большихъ массъ; сторонники переворота должны привлечь къ себѣ эти массы, нашедши у нихъ жизненные интересы, страдающіе отъ теперешняго порядка вещей, и убѣдивши ихъ, что интересы эти будутъ удовлетворены, по совершеніи переворота. Поэтому, если въ данномъ случаѣ есть серьезный вопросъ, требующій общаго обсужденія, такъ это вопросъ „соединенія" массъ „различныхъ національностей русскаго государства" для борьбы за такую по-

Библиотека "Руниверс"

литическую форму, которая бы обезпечивала политическую свободу всѣхъ ихъ вмѣстѣ и каждой порознь. Вполнѣ серьезная постановка такого вопроса можетъ быть только результатомъ заявленія голосовъ каждой изъ національностей Россіи,—если уже говорить о національностяхъ,—а мы бы прибавили: и каждой изъ ея сколько нибудь оригинальныхъ мѣстностей. Но возможно, что и одна или нѣсколько національныхъ или мѣстныхъ группъ поставятъ достаточно резонно различныя подробности даннаго вопроса, хотя бы только теоретически. Для этого онѣ должны начать съ опредѣленія того, какія же національности или мѣстности, или вообще естественныя единицы составляютъ то цѣлое, которое надо благоустроить? какія въ каждой изъ нихъ существуютъ нужды, требующія удовлетворенія? какіе способы слѣдуетъ употребить, чтобъ вызвать заявленія объ этихъ и другихъ нуждахъ, чтобы привлечь къ борьбѣ массы этихъ національностей или мѣстностей? и т. п. На польскихъ членахъ желаемой общей организаціи наиестественнымъ образомъ лежитъ задача подобнаго изслѣдованія мѣстности національности польской, а затѣмъ, конечно, ближайшихъ къ ней, тѣмъ болѣе, что польскіе дѣятели во всѣхъ фракціяхъ, не исключая и фракціи „Rownosci", выходили и выходятъ изъ мѣстностей и собственно польскихъ, и литовско-латышко-бѣлорусско-украинскихъ. Польскимъ дѣятелямъ, если только они пожелаютъ отнестись серьезно къ предложенной фракціей „Przedswita" работѣ, придется, быть можетъ, прежде всего поставить самимъ себѣ вопросы: можно ли считать за національности населенія вышеупомянутыхъ непольскихъ мѣстностей Россіи или нѣтъ? и каковы при томъ и другомъ отвѣтѣ на этотъ вопросъ могутъ быть способы для привлеченія и этихъ населеній къ участію въ борьбѣ за политическую свободу? равно, каковы должны быть формы этой свободы, которыя бы оградили интересы этихъ національностей, если ихъ существованіе признается? Отвѣтъ на эти вопросы тѣмъ болѣе необходимъ, что исторія большихъ державъ западной Европы, не исключая на этотъ разъ и англійской, научила насъ, что отъ такой или иной постановки подобныхъ вопросовъ зависѣло то, что послѣ длиннаго ряда политическихъ переворотовъ извѣстныя націи попали въ столь свободныя политическія формы, что иныя даже не безъ основанія стали вздыхать и о старинномъ абсолютизмѣ и, иногда при несомнѣнныхъ стремленіяхъ къ свободѣ, становиться орудіями для контръ-революцій.

Не имѣя чести принадлежать къ числу „русскихъ товарищей „Przedswita", мы всетаки считаемъ себя не только въ правѣ, но

Библиотека "Руниверс"

даже въ обязанности, просто по положенію публициста поставить группѣ „Przedswita“ изложенные выше вопросы и ждать на нихъ категорическихъ отвѣтовъ. Иначе,—да простятъ намъ откровенность,—будетъ основаніе считать новую постановку вопроса о роли поляковъ въ революціонномъ движеніи въ Россіи или за поверхностную, минутную вспышку, или за новое уклоненіе отъ рѣшительнаго отвѣта на „проклятые вопросы“: что же такое Польша? т. е.—гдѣ ея границы? и каково должно быть отношеніе къ плебейскимъ націямъ бывшей исторической Польши ихъ ополяченной интеллигенціи? Вѣдь при извѣстномъ, напр., набатскомъ взглядѣ на данный вопросъ новый оборотъ извѣстной польской фракціи, которая, вмѣсто признанія раздѣла исторической Польши между ея дѣйствительными націями, признаетъ раздѣлъ ея между государствами, съ оговоркою, однакожъ, что части ея могутъ входить между собою въ союзы, можетъ оказаться только новою попыткою доѣхать плебейскія націи, если не мытьемъ, такъ катаньемъ. Въ такомъ случаѣ, какъ и при томъ псевдо-интернаціонализмѣ, о которомъ мы говорили выше, „у имущаго и будетъ и преизбудетъ, а у неимущаго, если что и имѣетъ быть, отнимется“. Напомнимъ, что устроенная на государственномъ началѣ нѣмецкая соціально-демократическая партія, даже и при сочувствіи къ полякамъ, ничего не упѣла сдѣлать для пропаганды соціализма среди польскаго населенія Германіи. Равнымъ образомъ и венгерская соціально-демократическая партія ничего не дѣлаетъ для пропаганды соціализма среди славянскихъ и румынскихъ населеній Венгріи, потому что не рѣшается вырваться за перегородки государственно-національныхъ предразсудковъ, венгерскихъ и нѣмецкихъ, и потому что она также игнорируетъ не-мадьяровъ и не-нѣмцевъ Венгріи, какъ польскіе и великорусскіе дѣятели игнорируютъ плебейскія націи Россіи.

Обращаясь теперь къ обзору великорусской революціонной печати послѣднихъ двухъ лѣтъ,[1]) мы невольно припоминаемъ замѣчаніе г. Аксельрода о томъ „пренебреженіи къ печатному слову“, какое господствовало въ великорусскихъ революціонныхъ кружкахъ 70-хъ годовъ, о той „ранговой лѣстницѣ революціон-

[1]) Напоминаемъ читателямъ, что статья М. П. Драгоманова писалась въ 1880 году.

Библиотека "Руниверс"

ной преданности, въ которой (лѣстницѣ) революціонная пресса едва удостоивалась занять послѣднюю ступень", о той „шаблонности требованій, которая оттолкнула отъ русскихъ революціонеровъ всѣ сочувствовавшіе элементы, но расходившіеся съ ними по второстепеннымъ пунктамъ". Теперь, когда великорусскіе революціонные круги почувствовали необходимость говорить не только со своими товарищами, но со всѣмъ обществомъ, объяснять цѣли и средства, формулировать программы, теперь то и видны горькіе плоды этихъ и подобныхъ ошибокъ недавняго прошлаго. Заявленія и программы великорусскихъ революціонныхъ фракцій, довольно обильныя въ послѣднее время, хотя по большой части провозглашаются чрезвычайно догматически и непремѣнно отъ „партій" и даже до самаго недавняго времени непремѣнно отъ всей русской соціально-революціонной партіи, какъ чего то единаго и нераздѣльнаго, тѣмъ не менѣе изложены почти всегда крайне отрывочно (часто несмотря на излишнюю длинноту), неполно, сбивчиво, то крайне абстрактно, то слишкомъ конкретно и мелочно, и часто противорѣчиво. При этомъ часто видно, что дѣло редакціи программъ, т. е., въ сущности, дѣло принциповъ, все еще остается второстепеннымъ въ великорусскихъ революціонныхъ кругахъ, такъ какъ иногда встрѣчаешь чуть не авторовъ извѣстныхъ заявленій и программъ, которые на разспросы ваши относительно смысла какихъ либо частей ихъ, отвѣчаютъ въ такомъ родѣ: „этому не должно, впрочемъ, придавать серьезнаго значенія". Затѣмъ, нерѣдки случаи дѣйствій членовъ различныхъ фракцій въ дѣлѣ, совершенно противномъ сдѣланнымъ печатно заявленіямъ. Анонимность большей части заявленій и программъ, конечно, помогаетъ такому легкому къ нимъ отношенію ихъ сторонниковъ, а иногда и авторовъ.

Всѣ эти и подобныя черты крайне затрудняютъ критику принципіальной стороны великорусскаго революціоннаго движенія послѣднихъ лѣтъ.

Несомнѣнно, что въ немъ замѣчается желаніе выйти на новые пути, стать практичнѣе, ближе къ потребностямъ населенія страны. Это уже одно должно обусловливать необходимость признанія и его разнообразій, которыя требуютъ и разнообразныхъ пріемовъ дѣйствія, и такимъ образомъ должно наклонять великорусскихъ революціонеровъ къ болѣе или менѣе федеративной программѣ. Въ пользу послѣдней дѣйствуютъ и преданія 60-хъ годовъ, которые все же были лучшею эпохою великорусской революціонной литературы. Эти преданія оставили за собою по край-

Библиотека "Руниверс"

ней мѣрѣ федерально-анархическій языкъ, если не отчетливые идеи и представленія. Къ тому же одна громадность Россіи дѣйствуетъ на чувства, если не на мысли, такъ внушительно, что рѣдко кто изъ великорусскихъ революціонеровъ рѣшается высказаться противъ необходимости ея федеральнаго строя, и необходимость автономіи ея общинъ составляетъ непремѣнное общее мѣсто всѣхъ великорусскихъ программъ послѣдняго времени.

Тѣмъ не менѣе, даже и эти программы, не говоря уже о другихъ заявленіяхъ и дѣйствіяхъ великорусскихъ революціонеровъ, заставляютъ признать вѣрность замѣчанія, высказаннаго тѣмъ же г. Аксельродомъ въ вышеупомянутой статьѣ „Переходное время партіи“:

„А сколько среди насъ такихъ, которые склоняются къ якобинству, даже и не подозрѣвая этого! Правда, у насъ очень мало сознательныхъ и послѣдовательныхъ якобинцевъ, но вѣдь безсознательность и есть злѣйшій врагъ человѣческаго счастья и развитія.“

Безспорно, самая дѣятельная и, по всей вѣроятности, самая многочисленная часть великорусскихъ революціонеровъ, это т. н. „партія террористовъ“ или „Народной Воли“. И вотъ въ ней то и заключается наиболѣе зародышей централистическихъ, якобинизма. Якобинизмъ этотъ теперь еще пока болѣе безсознательный, такъ какъ, по крайней мѣрѣ, нѣкоторые видные члены партіи признаютъ себя федералистами. Такимъ заявилъ себя въ своей послѣдней рѣчи Желябовъ. Кромѣ этой извѣстной всѣмъ рѣчи мы имѣемъ другое интересное свидѣтельство,—письмо къ намъ Желябова, писанное въ 1880 г., которое мы еще не считаемъ возможнымъ напечатать цѣликомъ, но изъ котораго считаемъ умѣстнымъ привести слѣдующее мѣсто:

„Насъ, убѣжденныхъ автономистовъ, винятъ въ централизмѣ [1])... за Учредительное Собраніе (созваніе котораго программа исполнительнаго комитета постановила ближайшею цѣлью). Во-первыхъ, не хотятъ понять, что Учредительное Собраніе въ нашихъ глазахъ только ликвидаціонная комиссія, а во-вторыхъ, можно ли въ программу ближайшихъ требованій вносить такія, за которыя нѣтъ реальной поддержки, а есть изступленные враги?

---

[1]) Желябовъ имѣлъ въ виду возраженія „народниковъ“ и „украинцевъ“; солидарностью съ послѣдними, какъ видно и по другому мѣсту письма, онъ очень дорожилъ.

Библиотека "Руниверс"

Гдѣ наши феніи, Парнель? Таково положеніе вещей, что исходишь отъ реальныхъ интересовъ крестьянства, признаешь его экономическое освобожденіе за существеннѣйшее благо, а ставишь ближайшею задачей требованія политическія; видишь спасеніе въ распаденіи имперіи на автономныя части, — и требуешь Учредительнаго Собранія! Не велика заслуга предъ отечествомъ аскета-хранителя общественнаго идеала. Мы по крайней мѣрѣ предпочли быть мірянами." (12 мая 1880 г.)

Изъ этихъ словъ видны какъ федеративныя стремленія самого Желябова, такъ и то, что эти стремленія встрѣчали себѣ „изступленныхъ враговъ". Письмо не говоритъ, въ какой средѣ были эти враги, но мы врядъ ли ошибемся, если предположимъ, что авторъ письма имѣлъ въ виду и ближайшіе къ нему русскіе революціонные круги. По крайней мѣрѣ мы имѣемъ основаніе предполагать послѣднее, такъ какъ намъ случалось не разъ на наши мнѣнія о необходимости признанія со стороны русскихъ политическихъ революціонеровъ національнаго разнообразія Россіи и заявленія ясной федеративной программы, получать изъ этихъ круговъ возраженія, изъ которыхъ самыя умѣренныя были въ такомъ родѣ: „мы этого не понимаемъ", или: „для насъ эта необходимость вовсе не такъ ясна, какъ для васъ" и т. п. Конечно, что въ болѣе широкихъ кругахъ „русскаго" общества „ожесточенныхъ враговъ" федерализма, и притомъ вполнѣ сознательныхъ и даже прямо заинтересованныхъ въ національно-государственномъ великорусскомъ централизмѣ, находится еще болѣе, чѣмъ въ кругахъ революціонныхъ, и крайне характерно, что люди, вродѣ Желябова, которые, казалось бы, отбросили страхъ передъ какими бы то ни было предразсудками русскаго общества, считали однакожъ нужнымъ уступать „ожесточеннымъ врагамъ" федерализма.

Въ выписанныхъ словахъ Желябова есть еще одна очень характерная черта. Признавая необходимость оппортюнистически считаться съ „ожесточенными врагами" децентрализаціи. Желябовъ также оппортюнистически указываетъ на практическую слабость сознательныхъ децентралистическихъ элементовъ въ Россіи, имѣя въ виду преимущественно Украйну, которую такъ часто сравнивали съ Ирландіею. Гдѣ украинскіе феніи? Парнель?—спрашиваетъ Желябовъ,—и очевидно, хочетъ сказать, что будь они въ наличности, то онъ бы и его друзья не ограничились требованіемъ созванія Учредительнаго Собранія для единой и нераздѣльной Россіи, а поставили бы въ свою программу и

Библиотека "Руниверс"

требованія такого или иного home rule (домашняго управленія, автономіи) для разныхъ націй и областей теперешняго россійскаго государства. Интересно, что это скептическое ожиданіе отъ Украины феніевъ и Парнелей вылилось изъ подъ пера уроженца одной изъ украинскихъ же губерній, которому никто не мѣшалъ самому явиться однимъ изъ своего рода феніевъ. Вообразите себѣ, что ирландскіе дѣятели стали бы ждать, пока это появится на ихъ родинѣ home-rulers, а до тѣхъ поръ признавали бы себя англичанами, сторонниками великобританской централизаціи. Не скоро бы тогда Ирландія дождалась Парнелей! А между тѣмъ таково отношеніе обрусѣлыхъ „окраинцевъ“ къ своимъ роднымъ краямъ и къ ихъ населеніямъ въ Россіи. На Украинѣ, напримѣръ, обрусѣлая „интеллигенція“, даже называющая себя народниками, или совсѣмъ сторонится отъ всего мѣстно-народнаго и даже относится враждебно ко всякому напоминанію о мѣстно-народномъ элементѣ, или, при всей благосклонности къ нему, не идетъ далѣе полускептическаго ожиданія и вызова: подайте же намъ вашу украинскую культуру, украинскую политику, соціализмъ, революцію! Какъ будто все это долженъ подать кто-ни будь другой, а не сами вызывающіе, которые должны бы всѣ массою сблизиться съ народомъ, ихъ вскормившимъ, ихъ окружающимъ!

Вотъ изъ такихъ то элементовъ—изъ „ожесточенной вражды“ къ федерализму однихъ, изъ непониманія его настоятельной нужды другими, изъ уступокъ вышеупомянутой враждѣ третьихъ, изъ недостатка иниціативы для энергическаго разрыва съ сословнымъ и государственнымъ воспитаніемъ четвертыхъ и т. п., и т. п.,—и складывались вездѣ на материкѣ Европѣ тѣ якобинскія теченія, которыя давали даже революціоннымъ движеніямъ, начавшимся изъ за желанія доставить населеніямъ всяческія свободы, такое направленіе, которое только переносило самодержавную власть надъ населеніями изъ рукъ одного центральногосударственнаго учрежденія въ руки другого,—почти не расширяя реальныхъ правъ лицъ и группъ, изъ которыхъ состоятъ эти населенія. Вотъ почему такъ насъ и пугаютъ признаки подобныхъ же теченій и въ начинающемся русскомъ революціонномъ движеніи! Вотъ почему мы считаемъ нужнымъ настаивать на необходимости по крайней мѣрѣ для революціонныхъ круговъ радикальнаго разрыва со всѣми централистическими, государственно-національными идеями и привычками!

Библиотека "Руниверс"

Къ сожалѣнію, въ кругахъ русскихъ „террористовъ“ почти не замѣтно желанія поучиться на горькомъ опытѣ другихъ европейскихъ революцій, а напротивъ того, слишкомъ много видно признаковъ фатальнаго увлеченія на тѣ дороги, которыя принесли такъ много бѣдствій другимъ европейскимъ странамъ. Какъ еще ни тѣсны предѣлы дѣятельности русскихъ политическихъ революціонеровъ, но на нихъ уже видна справедливость замѣчанія, что „во всякой странѣ опозиція прежде всего складывается по типу того правительства, съ которымъ она борется.“

Сложившееся въ послѣднее время активное революціонное движеніе въ Россіи проявило себя прежде всего убійствами, которымъ и соціалисты считаютъ возможнымъ придавать имя казней! (И это послѣ Р. Оуена и другихъ отцевъ соціализма и ученія о невмѣняемости!). Затѣмъ, когда въ русскихъ революціонныхъ кругахъ явился опытъ прочной организаціи, то она, выбравши себѣ спеціальностью эти казни, приняла имя „исполнительнаго комитета соціально-революціонной партіи“, между тѣмъ какъ условія жизни въ Россіи отнимали всякую возможность организаціи единомышленниковъ какого бы то ни было направленія, выбора ихъ представителей, совмѣстнаго опредѣленія цѣлей и средствъ дѣятельности, словомъ, всего того, о чемъ говорятъ слова: партія, комитетъ исполнительный. Очевидно, что кружокъ, назвавшій себя, „исполнительнымъ комитетомъ р. с. р. партіи“, былъ просто кружкомъ волонтеровъ, члены котораго могли представлять только самихъ себя. Даже для самаго успѣха дѣла, и въ интересахъ партіи онъ и долженъ бы былъ выступить, какъ такой кружокъ волонтеровъ, дѣйствующихъ на свой страхъ, берущихъ на свои личныя совѣсти дѣйствія, по всякой человѣческой логикѣ, а особенно по соціалистической, явно ненормальныя, объясняемыя только анормальностью же и системы русскаго правительства. Но такъ поступила только одна карательница агентовъ этого правительства, Вѣра Засуличъ. Непосредственныя ея послѣдователи сочли за лучшее назвать себя „исполнителями“ воли цѣлой партіи, и приняли на себя видъ своего рода правительственнаго трибунала, а потомъ и своего рода правительства; они дошли даже до употребленія въ своихъ изданіяхъ словъ „агенты исполнительнаго комитета“! Больше года не только исполнялись ими отъ имени партіи разные судебные приговоры, основаній которыхъ никто, кромѣ самихъ исполнителей, не могъ провѣрить, но и заявлялись разныя общія мнѣнія: о европейскомъ соціализмѣ и русскомъ народничествѣ (о

Библиотека "Руниверс"

необходимости снять съ соціализма въ Россіи нѣмецкую его одежду и одѣть его въ русскую сермягу и взять себѣ въ примѣръ даже раскольническихъ пророковъ и пророчицъ), объ отношеніяхъ соціалистовъ къ буржуазіи, либерализму и монархіи (съ которою думала мириться прокламація „Смерть за смерть", а особенно г. Мирскій) и т. п.,—мнѣнія, весьма и весьма спорныя, и часто противорѣчивыя, но всегда заявляемыя торжественно отъ имени цѣлой русской соціально-революціонной партіи.

Между тѣмъ въ этой „партіи" существовали крупныя разногласія,—которыя наконецъ вышли и въ печать, именно тогда, когда „террористы" стали выбираться изъ противорѣчій и тумана руссофильскаго народничества первыхъ номеровъ „Земли и Воли" къ болѣе опредѣленной постановкѣ вопроса о политической свободѣ на общеевропейскихъ основаніяхъ. „Народники" рѣшились отдѣлиться, и такимъ образомъ въ 1880 г. вмѣсто одного органа р. с. р. партіи оказалось два: „Народная Воля" и „Черный Предѣлъ", при чемъ первая, органъ „исполн. комитета р. с. р. партіи" должна была объявить, что „исполн. комитетъ" вовсе не представляетъ собою всю партію, а есть „совершенно самостоятельное тайное общество" т. е., другими словами, что это и не „исполнительный", и не „комитетъ". А между тѣмъ, имя это за нимъ осталось; почему?—Потому что оно уже имѣло за собой извѣстную традицію! Соображеніе чисто династическаго, а не революціоннаго характера.

На этомъ дѣло не окончилось. Органъ исполнительнаго комитета принялъ названіе „Народная Воля". Мы помнимъ смущеніе, какое обнаружилось въ нѣкоторыхъ кругахъ русской эмиграціи, болѣе образованныхъ политически и сохранившихъ память объ анархическихъ идеяхъ,—когда телеграммы въ заграничныхъ газетахъ возвѣстили о выходѣ въ Петербургѣ „Народной Воли" и перевели это имя словами: „La volonté du peuple" „Der Volkswile". Эмигранты находили переводъ неправильнымъ и съ своей стороны понимали слово „Воля", какъ Вольность, Свобода,—почему и въ нѣсколькихъ печатныхъ заявленіяхъ около того времени и въ „Revolté" (1 г., № 25) переводили имя новой газеты „La liberté du peuple." Скоро однакожъ подтвердилось, что издатели „Народной Воли" разумѣютъ послѣднее слово дѣйствительно въ смыслѣ „желанія", „рѣшенія",—„La volonté du peuple", какъ началъ переводить даже анархическій „La Revolté."

„Народная Воля" и прокламаціи исполнительнаго комитета не разъ объявляли, то что они провозглашаютъ „волю народа",

Библиотека "Руниверс"

то что они имѣютъ цѣлью добиться для народа возможности провозгласить свою волю, передъ которой сами заявляли (и за себя, и даже за партію) готовность преклониться. И при этомъ партія „Народной Воли“ заявляла, что она стремится къ установленію въ Россіи „политической свободы“.

Но вѣдь понятіе о „народной волѣ“ почти противоположно понятію о „политической свободѣ!“

Политическая свобода это прежде всего совокупность извѣстныхъ правъ личныхъ, неотъемлемыхъ ни для кого, ни даже для воли народа, потомъ правъ группъ, самоуправленіе общинъ и областей. Союзъ общинъ и областей, въ предѣлахъ одного народа (націи) или нѣсколькихъ, только и необходимъ (кромѣ достиженія извѣстныхъ цѣлей, нравственныхъ и экономическихъ, требующихъ большихъ матеріальныхъ средствъ) для охраны названныхъ выше видовъ свободы,—каковая цѣль лучше всего достигается, если и этотъ союзъ, обыкновенно называемый государствомъ, будетъ основанъ на началѣ выборнаго, народнаго, представительства. Но уже изъ сейчасъ сказаннаго видно, что въ такимъ образомъ построенномъ (снизу вверхъ) политически свободномъ государствѣ сама „народная воля“ получаетъ весьма ограниченную роль, но зато народная свобода, или лучше свобода всѣхъ живыхъ составныхъ частей народа сохраняетъ самое широкое значеніе. Совсѣмъ иное получается, если мы начнемъ построеніе государства сверху внизъ: отъ народа и его воли. Эта послѣдняя на практикѣ не можетъ быть ничѣмъ инымъ, какъ только волею большинства, а въ государствахъ большихъ, столь отличныхъ отъ древнихъ государствъ общинныхъ или кантональныхъ, ничѣмъ инымъ, какъ волею большинства представителей большинства народонаселенія. Очевидно, что самодержавіе такой „воли“ тѣмъ болѣе часто можетъ идти совершенно въ разрѣзъ съ интересами значительной части населенія и существеннѣйшими правами лицъ, группъ, областей и даже націй. Прибавимъ, что самодержавіе народное,—прямое (въ общинахъ и кантонахъ) и представительное,—не исключаетъ учрежденія диктатуры, на которую переносятся права народнаго самодержавія, какъ это понималось и въ древнихъ общинно-кантональныхъ республикахъ, и въ римской имперіи, и во французской якобинской республикѣ съ ея коллегіальной диктатурой Comité du salut publique, и въ бонапартовскихъ имперіяхъ, какъ это понимается и легитимистами новой Европы, и въ Россіи, наприм., великороссійскими

Библиотека "Руниверс"

славянофилами, и мы тѣмъ яснѣе увидимъ все различіе понятій „народная воля“ и „политическая свобода.“

Впрочемъ, все это весьма обстоятельно разъяснено цѣлою литературою, которая образовалась послѣ якобинской революціи въ XVIII вѣкѣ, трудами европейскихъ политическихъ писателей разныхъ направленій, консервативнаго, либеральнаго и соціалистическаго, писавшихъ о „государствѣ и его предѣлахъ.“ Но эта литература, кажется, столь же мало извѣстна революціонерамъ, какъ и правителямъ въ Россіи, которые, каждый по своему, говорятъ во имя народа, его блага, воли и т. п. Только этимъ незнаніемъ, да недостаточнымъ анализомъ настроенія дѣйствительнаго „народа“ въ Россіи, въ томъ числѣ и народа ея господствующей національности, можно объяснить то, что „исполнительный комитетъ“ обѣщаетъ за себя и, можно сказать, за своихъ наслѣдниковъ подчиниться „народной волѣ“, какова бы она ни была, лишь бы она была свободно (?) выражена.

Въ частности, для лицъ, произносящихъ подобныя обѣщанія, опасность отъ необходимости исполнять ихъ еще не очень близка. Практическій вредъ подобныхъ обѣщаній, какъ и всѣхъ политическихъ доктринъ и государственныхъ пріемовъ „русскихъ террористовъ“, заключается въ томъ, что они вовсе не колеблютъ идеи государственно-централистическаго самодержавія, а только переносятъ его въ другія руки. Отсюда происходитъ и та робость покуситься на радикальное отрицаніе существующихъ политическихъ отношеній, какая видна и въ письмѣ Желябова, въ слабомъ развитіи идеи областной свободы въ „программѣ исполнительнаго комитета“, въ совершенномъ умолчаніи ею вопроса о правахъ національностей и въ сокрытіи разнообразнаго населенія Россіи подъ именемъ русскаго народа. [1]) Можно бы было

---

[1]) Въ „Программѣ исполнительнаго комитета“ находимъ, правда, въ раздѣлѣ Б. замѣчаніе, что въ народѣ (?) существуетъ, въ числѣ „старыхъ, традиціонныхъ принциповъ,.. зачатки федеративнаго устройства“, а въ разрядѣ Г. желаніе „широкаго обласнаго самоуправленія, обезпеченнаго выборностью всѣхъ должностей, самостоятельностью міра и экономической независимостью народа“, но тутъ „область“ какъ то смѣшана съ „міромъ“ (общиною), къ вопросу о которомъ любятъ сводить всѣ разговоры о самоуправленіи великорусскіе революціонеры, а передъ этимъ пунктомъ поставленъ другой, по которому „постоянному народному представительству“ (т. е. центральному парламенту) предоставляется „полная власть во всѣхъ общегосударственныхъ (?) вопросахъ “ Во всей программѣ нѣтъ ни слова о разнонаціональности областей Россіи и о правахъ національныхъ, а цѣлью теперешней революціонной дѣятельности поставлено: „отнять власть у существующаго правительства и передать ее Учредительному Собранію.“

Библиотека "Руниверс"

подумать, что русскіе террористы желаютъ сохранить централизованную машину русской имперіи для того, чтобы „на другой день переворота“ ею воспользоваться для своихъ цѣлей, какъ это было столько разъ съ революціонерами двугихъ европейскихъ странъ. Но самое худшее, это то, что неподорванная даже въ теоріи эта машина,—даже въ случаѣ созыва Учредительнаго Собранія или просто всероссійскаго Земскаго Собора,—можетъ послужить совсѣмъ не революціонерамъ, болѣе или менѣе соціалистамъ, а кому нибудь другому, напр. консервативно-бюрократической диктатурѣ съ легкими починками, какъ это сталось, напр., въ Австріи послѣ 1849 г. Вотъ почему и желательно было бы, чтобы въ числѣ другихъ общественныхъ элементовъ и „русскіе террористы“ поразмыслили болѣе систематически надъ вопросомъ о дѣйствительной политической свободѣ, которой нѣтъ безъ децентрализаціи общинной, областной, національной. Вопросы о національностяхъ имѣютъ ту полезную сторону, что они разлагаютъ представленіе объ единообразіи состава населенія государства, противодѣйствуютъ стремленію къ смѣшенію идей о народѣ (націи) и государствѣ и такимъ образомъ наглядно ставятъ вопросъ о децентрализаціи и о предѣлахъ власти вообще.

Въ самое послѣднее время „исполнительный комитетъ“ показалъ, что и онъ не совсѣмъ глухъ и слѣпъ къ вопросу о національномъ и областномъ разнообразіи населенія Россіи. Крупный фактъ антиеврейскаго движенія среди украинскаго населенія подѣйствовалъ и на него, а съ другой стороны, и до него проникла идея, которая начинаетъ ходить и среди русскихъ революціонеровъ, исходя преимущественно изъ южныхъ кружковъ, — о необходимости воспользоваться для борьбы противъ монархическаго строя всѣми остатками свободныхъ учрежденій и воспоминаній въ населеніи различныхъ областей Россіи. Подъ вліяніемъ этихъ впечатлѣній и соображеній исполнительный комитетъ въ послѣдніе дни сдѣлалъ два шага въ сторону признанія національнаго и областного разнообразія того, что онъ называлъ безразлично „народомъ русскимъ“, но, къ сожалѣнію, эти шаги отличаются все-таки отрывочнымъ, несистематическимъ характеромъ и не показываютъ должнаго знанія даже тѣхъ населеній, къ которымъ обращается „исполнительный комитетъ.“ [1])

[1]) Со временъ извѣстнаго „упраздненія наукъ“, а особенно наукъ, которыя казались великорусскимъ революціонерамъ „національстическими“, всѣ ихъ заявленія и дѣйствія отличаются болѣе эмпирическимъ характеромъ, „на ощупь“, нежели систематическимъ, основаннымъ на синтезѣ. Пополнить этотъ недостатокъ лежитъ

Библиотека "Руниверс"

Мы разумѣемъ двѣ прокламаціи „исполнительнаго комитета“,—одну къ украинцамъ по поводу противуеврейскаго движенія, другую—къ „славному войску козацкому“. Первая замѣчательна главнымъ образомъ по своему языку: это первый опытъ обращенія „исполнительнаго комитета русской с. р. партія“ къ части населенія Россіи на языкѣ неоффиціальномъ. Но, по своему содержанію, прокламація эта представляетъ или увлеченіе народничествомъ за предѣлы, дозволительныя для соціалистовъ интернаціональнаго направленія, или показываетъ въ авторахъ незнакомство съ условіями жизни всѣхъ частей Украины: прокламація не знаетъ вовсе евреевъ не-эксплуататоровъ, а рабочихъ, которыхъ точно очень мало въ лѣвобочной и степной Украйнѣ, но которыхъ довольно много въ Украйнѣ правобочной. Далѣе прокламація эта не предлагаетъ украинскому народу вмѣсто теперешняго правленія „московского царя“ ничего кромѣ правленія всероссійской „Палаты Депутатовъ“, которая будетъ управлять (всероссійскимъ) народомъ по его „Народной Волѣ:“ перспектива столь же мало соблазнительная для уркаинцевъ сознательныхъ, сколько и мало вразумительная для украинцевъ необразованныхъ. И тѣмъ, и другимъ слѣдовало показать возможность органовъ самоуправленія помельче и вмѣстѣ съ тѣмъ поближе къ ихъ странѣ, чѣмъ всероссійская Палата Депутатовъ, которая будетъ „управлять“ Украйной и въ которой представители хотя бы и народной воли 16—17 милліоновъ украинцевъ будутъ въ меньшинствѣ сравнительно съ представителями „народной воли“ 40 милліоновъ великорусовъ. Какъ бы украинскому народу не пришлось сказать вмѣстѣ съ Прудономъ: „La forme change, la tyrannie est immuable!“ Въ прокламаціи къ казакамъ намъ бросилось въ глаза незнаніе того, что большая часть кубанскихъ козаковъ—недавніе Черноморцы, наслѣдники Запорожцевъ, которымъ совсѣмъ ничего не говорятъ имена Разина и Пугачева, какими только и довольствуется прокламація, ни слова не говорящая о Сѣчи Запорожской!

Конечно, и въ Петербургѣ обязательно знать прошлое разныхъ областей, если уже признано за нужное къ нимъ обращаться съ напоминаніемъ ихъ прошлаго, но вообще приспосо-

---

на тѣхъ поколѣніяхъ, которыя еще не застигнуты активнымъ движеніемъ и находятся въ школахъ, если только эти поколѣнія употребятъ время зеленой молодости на изученіе хода политическо-соціальной жизни въ передовыхъ странахъ Европы и мѣстныхъ условій разныхъ краевъ Россіи.

Библиотека "Руниверс"

биться надлежащимъ образомъ къ условіямъ каждой области могутъ только мѣстныя организаціи, которыя поставятъ себѣ цѣлью организацію широкаго политико-соціальнаго движенія, а не одни только политическія убійства. Но о такихъ организаціяхъ, которыя могутъ надлежащимъ образомъ сфедерироваться только снизу вверхъ, органы великорусскихъ террористовъ еще не говорили, а потому и мы должны оставить эту фракцію великорусскихъ революціонеровъ на слабыхъ попыткахъ дифференціаціи ея дѣятельности, которыя сейчасъ упомянуты и которыя не измѣняютъ сущности ея узко-великорусскаго и якобинскаго характера. [1])

О необходимости мѣстныхъ организацій говорилъ органъ другой фракціи великорусскихъ соціалистовъ, „Черный Передѣлъ", называвшій себя „органомъ соціалистовъ-федералистовъ". Но и съ его федеральными стремленіями произошло то же самое, что происходитъ обыкновенно съ вопросомъ федерализма во всѣхъ россійскихъ партіяхъ.—къ которымъ въ данномъ случаѣ невольно прикладывается пословица: „далъ Богъ копѣечку, а чортъ дырочку, и пошла божья копѣечка въ чортову дырочку!"

Въ первомъ номерѣ „Чернаго Передѣла" мы прочитали слѣдующія слова, которыя заставляли ожидать многаго:

„Что касается названія нашего изданія органомъ соціалистовъ-федералистовъ, то оно объясняется нашимъ убѣжденіемъ, что лишь федеративный принципъ въ политической организаціи освободившагося народа [2]), только полное устраненіе принудительнаго начала на которомъ основаны современныя государства,

---

[1]) Слѣдуетъ замѣтить, что ограниченіе революціонной борьбы (практическое, если не теоретическое) на т. наз. „террористическихъ" предпріятіяхъ способствуетъ развитію централистическихъ наклонностей, а дальше и теорій. Дѣйствительно „террористическія" предпріятія требуютъ своего рода централизаціи и даже диктатуры, особенно предпріятія, направленныя противъ главы государства. Затѣмъ, при извѣстной кружковой близорукости, сначала кажется, что и все дѣло революціонное сосредоточивается въ томъ дѣлѣ, которымъ занятъ кружокъ, а потому у него и является желаніе подчинить себѣ всѣ остальные революціонные кружки, а дальше является и мысль о томъ, что если признать федеративную теорію и въ принципѣ, то это можетъ повлечь за собою разложеніе той централизаціи, которая установилась уже для данныхъ „террористическихъ" предпріятій.

[2]) Мы бы сказали и „освобождающагося" народа (а въ Россіи народовъ), такъ какъ историческіе примѣры (Швейцарія, Голландія, С. А. Соедин. Штаты) показили, что только тамъ установилась федерація, гдѣ самый процессъ освобожденія велся по федеративному способу.

Библиотека "Руниверс"

и свободная организація снизу вверхъ могутъ гарантировать нормальный ходъ развитія народной жизни. Насколько торжество федеративнаго принципа можетъ быть достигнуто однимъ ударомъ, побѣдоноснымъ революціоннымъ движеніемъ, невозможно, конечно, сказать въ настоящее время. Но партія должна направить всѣ свои усилія къ обезпеченію его торжества, и соціально-революціонныя изданія не могутъ обходить молчаніемъ этого важнаго вопроса. Этнографическій составъ населенія русскаго государства постоянно заставляетъ считаться съ нимъ и въ современной намъ практикѣ. Малороссія, Бѣлоруссія, Польша, Кавказъ, Финляндія, Бессарабія,—каждая изъ этихъ составныхъ частей Россійской имперіи имѣетъ свои народныя особенности, требуетъ самобытнаго, автономнаго развитія".

Но при внимательномъ разсмотрѣніи даже 1 № „Чернаго Передѣла" открывается уже та „дырочка", въ которую должны были уйти заключающіяся въ вышеписанныхъ словахъ добрыя намѣренія. Остановившись, напр., на заглавіи газеты, мы увидимъ, что имя ея, очевидно, областное даже изъ областныхъ. „Черный Передѣлъ"—терминъ великорусскій и даже въ Великороссіи преимущественно лѣсной, верхневолжской, т. е. той полосы, гдѣ существовали до недавняго времени т. наз. „черные", т. е. вольные крестьяне, какъ противоположность крестьянъ владѣльцевъ освобожденныхъ (обѣленныхъ) отъ повинностей государству. [1]) Такимъ образомъ,—оставляя даже въ сторонѣ полное несоотвѣтствіе термина „Черный Передѣлъ" съ идеей соціализма, которая именно исключаетъ понятіе о передѣлѣ,—имя это могло бы быть названіемъ развѣ популярной газеты и при томъ ультранароднической въ одной изъ областей Россіи, каковою, напр., для Украйны могла бы служить газета съ именемъ напр., „Слушний Час." А между тѣмъ издатели „Чернаго Передѣла"

---

[1]) Вотъ опредѣленіе понятія о „черномъ передѣлѣ" въ книгѣ г. Якушкина „Обычное право": „Можно положительно сказать, что идеалъ ярославскихъ крестьянъ составляетъ не личная собственность, а такъ называемый здѣсь черный передѣлъ, по которому вся земля, кому бы она ни принадлежала, должна дѣлиться между всѣми, по числу душъ... Ярославскіе раскольники придаютъ черному передѣлу религіозный характеръ: передъ кончиною міра воцарится на землѣ правда, и тогда земля будетъ раздѣлена равномѣрно между всѣми." Въ 6 № „Народной Воли" корреспондентъ изъ Воронежской губерніи пишетъ, что въ той мѣстности „черный передѣлъ" названіе не особенно употребительное и что въ Тамбовской губ. вмѣсто него говорятъ „литургія" (!!).

Библиотека "Руниверс"

предназначили ему быть, во первыхъ, газетой для интеллигенціи и, во вторыхъ, всероссійской.

Послѣ выписанныхъ словъ въ 1 № „Ч. П." читаемъ:

„Въ виду этого было бы весьма полезно развитіе мѣстной революціонной литературы; но пока оно составляетъ задачу будущаго, „Черный Передѣлъ" по необходимости (?) является органомъ всѣхъ русскихъ соціалистовъ, раздѣляющихъ основныя положенія его программы. Тѣмъ не менѣе, каждое указаніе на мѣстныя отличія въ постановкѣ соціальнаго вопроса и практическихъ пріемахъ партіи всегда найдетъ самый радушный пріемъ на страницахъ нашего изданія".

Но словно чувствуя неловкость своего положенія, несоотвѣтствіе имени и языка своей газеты съ ея всероссійскими претензіями, издатели не рѣшились поставить опредѣлительное прилагательное (напр., русскихъ) во второмъ заглавіи изданія и назвали его глухо: „органъ соціалистовъ-федералистовъ", тогда какъ имъ слѣдовало бы написать просто и откровенно „великорусскихъ", подобно, напр., заглавію: „Der Socialdemocrat, Internationales Organ der Socialdemocratie deutscher Zunge" 1880. Въ 1881 г. — „D. Soc. Dem. Zentral-Organ der deutschen Socialdemocratie."

Подобное заглавіе и соотвѣтственная ему локализація матеріала и способа изложенія, локализація программы о способахъ дѣятельности придали бы изданію и его фракціи живой областной характеръ, который, кромѣ прямой пользы для данной области, былъ бы полезенъ и косвенно, какъ примѣръ и для дѣятелей другихъ областей. Но неясность ли идей, или боязнь потерять поддержку невеликорусскихъ членовъ кружка (названные въ объявленіи объ изданіи газеты сотрудники большею частью не великоруссы) заставляла группу „Ч. П." погнаться въ одно время и за областностью, и за всероссійствомъ. Правда, это всероссійство свое группа хотѣла въ началѣ осуществить на болѣе или менѣе федеральномъ началѣ, объявивъ въ концѣ 1 № подписку на изданія „народныхъ книгъ на великорусскомъ и малорусскомъ языкахъ". Но кончилось тѣмъ, что группа издала пока четыре №№ „Чернаго Передѣла" и столько же рабочей газеты „Зерно" исключительно на великорусскомъ языкѣ и ни одного листка на украинскомъ и въ дальнѣйшихъ своихъ заявленіяхъ объ изданіяхъ на этомъ языкѣ уже и не упоминаетъ.

Такая же участь постигла и заявленныя въ одно время съ выходомъ первыхъ номеровъ „Ч. П." дифференціаціонныя намѣренія основателей „Русской Соціально-Революціонной Библіоте-

Библиотека "Руниверс"

ки", въ числѣ которыхъ мы видимъ нѣкоторыхъ лицъ изъ тѣхъ, которыя выступали публично, какъ члены редакціи „Ч. П." „Объявленіе объ изданіи Русской Соціально-Революціонной Библіотеки [1]) признало недостатокъ дифференціаціи въ прежней дѣятельности „русскихъ" соціалистовъ, между прочимъ, въ слѣдующихъ словахъ: „До появленія „Паровой Машины" на малорусскомъ языкѣ, мы не имѣли ни одной книжки, которая доказывала бы, что мы помнимъ о разноплеменномъ составѣ Россійской Имперіи. [2]) Предназначая свои народныя изданія для всего трудящагося люда, отъ одного конца Россіи до другого, мы не приняли во вниманіе того обстоятельства, что русское государство состоитъ изъ различныхъ народностей, вполнѣ сохранившихъ, въ низшихъ слояхъ населенія, свою національную самобытность и свой языкъ. „Сказку о четырехъ братьяхъ" могли понимать только великоруссы; „Емелька Пугачевъ" считался годнымъ для оживленія революціонной традиціи какъ въ Поволжьи, такъ и въ Малороссіи, воспѣвающей своихъ народныхъ героевъ, имѣвшей свои массовыя движенія. Какъ извѣстно, проповѣдники христіанства были въ этомъ отношеніи практичнѣе, чѣмъ мы, ибо апостолы своевременно позаботились о сошествіи святаго духа и о полученіи дара говорить на всѣхъ языкахъ". Но авторы объявленія хотѣли соединить, по своему, разнообразіе съ единствомъ, предположивъ изданія все-таки для всей Россіи, или по крайней мѣрѣ для Россіи славянской, впрочемъ, кажется, безъ польскихъ областей, но съ раздѣленіемъ на два отдѣла: „1. Для интеллигенціи, т. е. для читателей, подготовленныхъ къ чтенію серьезныхъ трудовъ и располагающихъ необходимымъ для этого досугомъ, и 2. для народа, т. е., для читателей, не могущихъ воспользоваться трудомъ первой категоріи (оригинальное опредѣленіе народа!). Сюда войдутъ популярныя брошюры для рабочихъ, крестьянъ, казачества и. т. д. Народныя изданія „Р. С. Р. Б." по языку и способу изложенія будутъ примѣняться къ важнѣйшимъ экономическимъ и этнографическимъ особенностямъ различныхъ мѣстностей Россіи".

Мы уже намекали выше, что такое раздѣленіе народа и интеллигенціи и недемократично, и непрактично. На основаніи

---

[1]) Оно никѣмъ не подписано, но въ числѣ объявленныхъ въ немъ сотрудниковъ, которые вполнѣ раздѣлили его идеи, находимъ имена гг. Гартмана, Морозова, Лаврова, Павловскаго. Плеханова и др.

[2]) Издатели „Паровй Машины" всегда объ этомъ помнили и напоминали другимъ! М. Др.

Библиотека "Руниверс"

всѣхъ видѣнныхъ нами примѣровъ, такое раздѣленіе, какъ компромиссъ между народно-областностью и государственностью, есть тоже одна изъ тѣхъ „дырочекъ", въ которыя уходятъ „божьи копѣечки." При всѣхъ такихъ компромиссахъ государственно-національный элементъ непремѣнно поѣдаетъ элементы народно-областные. Интересы этихъ послѣднихъ могутъ быть ограждены только такою организаціею, которая признаетъ полную равноправность народно-областныхъ элементовъ (напр., въ области слова, необходимость для нихъ литературы, какъ элементарной, такъ и высшей, развитіе которой должно быть предоставлено на волю самихъ мѣстныхъ дѣятелей, а не быть отмѣриваемо сверху представителями центральнаго элемента и учрежденія), такою организаціею, которая будетъ состоять прежде всего изъ народно-областныхъ обществъ, а потомъ уже изъ союза ихъ, такъ или иначе представленнаго.

На основаніи этихъ соображеній мы еще передъ выпускомъ „Объявленія объ изданіи Р. С. Р. Библіотеки", которая положила себѣ цѣлью объединеніе дѣятельности „всѣхъ фракцій русскаго соціализма", считая за фракцію его и украинскихъ соціалистовъ, группы „Громада" (каковая тѣсно соединена съ галицкою группою „Громадьского Друга"), предлагали и на собраніяхъ эмигрантовъ изъ разныхъ мѣстностей Россіи, и въ печатныхъ циркулярахъ, разосланныхъ въ разные пункты, стремиться къ Восточно-европейской интернаціональной федераціи", которая бы имѣла въ виду дѣятельность для всѣхъ націй Восточной Европейской равнины, входящихъ въ составъ, какъ русскаго государства, такъ и Пруссіи (литовцы, поляки), Австро-Венгріи (поляки, украинцы, румыны) и Румыніи (румыны, украинцы и великоруссы—въ Добруджѣ). Какъ первый приступъ къ такой федераціи, мы предлагали образованіе литературнаго союза для соціалистическихъ публикацій на всѣхъ языкахъ Восточной Европы, плебейскихъ, какъ и государственно аристократическихъ.

Предполагая, что и замыселъ изданія „Русской Соціально-Революціонной Библіотеки" можетъ быть всетаки полезнымъ дѣломъ, какъ шагъ, хотя и робкій, но всетаки въ направленіи народно-областномъ, мы сочли себя обязанными обѣщать свой литературный вкладъ въ эту библіотеку, хотя и должны были отказаться отъ принятія выбора въ члены ея редакціоннаго комитета и вообще отъ всякаго участія въ ея организаціонной дѣятельности, считая основанія „Библіотеки" недостаточно федеративными. Для проведенія болѣе радикально-федеративнаго плана,

Библиотека "Руниверс"

мы изложили его въ новомъ циркулярѣ: „Вниманію соціалистовъ-эмигрантовъ изъ Россіи.“ Въ циркулярѣ этомъ мы воспроизвели между прочимъ, слѣдующія пять положеній, представленныхъ нами весною 1880 г. на разсмотрѣніе собранія эмигрантовъ въ Женевѣ (великороссовъ, евреевъ, поляковъ, украинцевъ и др.) послѣ цѣлаго ряда рефератовъ разныхъ лицъ и преній: 1. объ отношеніи борьбы за политическую свободу къ дѣлу соціализма въ Россіи и 2. о федерализмѣ и централизмѣ въ дѣлѣ соціалистической пропаганды въ Восточной Европѣ. Вотъ эти положенія:

„1. Собраніе отдаетъ предпочтеніе соціальнымъ и революціоннымъ организаціямъ равноправно-федеральнымъ передъ централистическими и іерархическими.

„2. Собраніе считаетъ болѣе соотвѣтственнымъ интересамъ соціализма на Востокѣ Европы организацію соціальныхъ партій по естественнымъ областямъ: географическимъ, экономическимъ и національнымъ, чѣмъ на основаніи государственныхъ границъ, существующихъ и традиціонныхъ.

„3. Въ интересахъ пропаганды соціализма на Востокѣ Европы собраніе считаетъ существенною необходимостью организацію соціалистической печати на языкахъ народныхъ, а не на однихъ только языкахъ государственныхъ и высшихъ сословій.

„4. Такъ какъ изъ языковъ населеній Восточной Европы соціалистическая печать уже начата на языкахъ русскомъ, украинскомъ, польскомъ и румынскомъ, то собраніе считаетъ теперь очереднымъ дѣломъ организацію такой же печати на языкахъ: эстонскомъ, латышскомъ и литовскомъ, бѣлорусскомъ, на языкахъ евреевъ и кавказцевъ, а также приспособленіе нѣмецкой соціалистической литературы къ быту нѣмецкихъ рабочихъ на Востокѣ Европы.

„5. Признавая существенно необходимымъ образованіе и сохраненіе въ Восточной Европѣ разнаго рода мѣстныхъ (областныхъ и національныхъ) соціалистическихъ кадровъ, собраніе вмѣстѣ съ тѣмъ считаетъ необходимымъ возможно болѣе тѣсную связь ихъ и взаимную помощь“.

Изъ этихъ положеній второе стало предметомъ особенно горячихъ преній на нѣсколькихъ собраніяхъ въ Женевѣ и встрѣтило особенную оппозицію именно со стороны представителей „Ròwnosci“, „органа польскихъ соціалистовъ“, которыхъ самое имя должно бы говорить въ пользу признанія ими національной

Библиотека "Руниверс"

основы (базиса, а не принципа) для ихъ дѣятельности, и „Чернаго Передѣла“, органа „соціалистовъ-федералистовъ, которымъ принадлежатъ выписанныя выше слова о необходимости считаться съ этнографическимъ составомъ населенія и пр. Громаднымъ большинствомъ наше положеніе было отвергнуто, вмѣстѣ съ самой идеей существованія какихъ либо естественныхъ областей, кромѣ государствъ, которыя и признаны были единственными основами для организаціи соціалистическихъ партій. Это рѣшеніе имѣетъ въ виду посланіе группы „Przedswita“: „Къ товарищамъ русскимъ соціалистамъ“, когда говоритъ о „рѣшеніи бывшей группы „Równość“, принятомъ на основаніи переговоровъ съ русскими товарищими въ прошедшемъ году, а именно, что

a) на характеръ соціально-революціонной организаціи вліяютъ исключительно общеэкономическіе интересы и политическія условія.

b) что организація соціалистическихъ партій можетъ совершаться на основаніи условій экономическихъ, съ одной стороны, и фактически существующихъ государственнополитическихъ—съ другой, причемъ этнографическія границы національности никакъ не могутъ служить базисомъ для организаціи и т. п. [1])

---

[1]) Замѣтимъ при случаѣ, что, какъ оказывается изъ вышеприведенныхъ словъ, группа бывшей „Równosci“ прекрасно понимаетъ, что значитъ слово „базисъ“, между тѣмъ какъ еще въ 1880 г., когда мы, обсуждая занимающій теперь и эту группу вопросъ, сказали въ статьѣ „Les nations de l'Europe Orientale et le socialisme international“ въ „Revue Socialiste“ что всѣ государственныя основы (bases) польскихъ и русскихъ соціалистовъ находятся въ противорѣчіи съ революціей, а особенно соціальною, то группа „Równosci“ приписала намъ мысль, будто ни у польскихъ, ни у русскихъ соціалистовъ нѣтъ соціально-революціонныхъ идей (principes), и подняла противъ насъ крестовый походъ, напечатавъ, вмѣстѣ съ представителемъ „Черн. Перед,“, противъ нашей статьи протестъ [!] отъ имени „большинства польскихъ и русскихъ соціалистовъ въ Женевѣ.“ Протестъ этотъ давая ложное понятіе о нашихъ мысляхъ и, главное, намѣреніяхъ тѣмъ, кто не могъ прочесть нашихъ статей во французскомъ журналѣ, подрывалъ въ самомъ началѣ разсужденія о томъ организаціонномъ вопросѣ, которымъ теперь должна была заняться гласно сама группа „Przedswita.“ Надѣемся, что читатель извинитъ намъ это и еще нѣсколько сдѣланныхъ въ такомъ родѣ примѣчаній и не сочтетъ ихъ за исключительно личныя. Ихъ всегда непріятно дѣлать, но иногда необходимо, въ цѣляхъ общихъ, такъ сказать, санитарнаго характера; если откуда, то именно изъ революціонныхъ сферъ, слѣдуетъ изгонять неискренность пріемовъ и всякое политиканство, дѣйствія, инсинуаціями, анафемами и т. п. способами „стараго міра“, лучшее средство изгнанія которыхъ—гласное на нихъ указаніе.

Библиотека "Руниверс"

Даже и изъ выписанныхъ выше положеній нашихъ не видно, чтобы мы отрицали значеніе обще-экономическихъ или политическихъ условій, но только мы не придаемъ этимъ условіямъ (да и никакимъ другимъ) исключительнаго значенія. Нельзя отрицать ни частныхъ экономическихъ условій каждой области, между прочимъ, родовъ производства, расположенія центровъ его и рынковъ обмѣна, опредѣляющихъ расположеніе и движеніе населенія въ фактически существующихъ экономическихъ бассейнахъ, ни нравственныхъ условій, вытекающихъ изъ существованія національностей, которыя образуютъ связь между населеніемъ, каковая связь важна въ особенности при пропагандѣ словомъ и письмомъ, пропагандѣ, требующей своей организаціи. Нельзя отрицать также фактически существующихъ осложненій обще-экономическихъ и политическихъ условій, если въ извѣстныхъ областяхъ распластованіе населенія на аристократію, буржуазію, бюрократію и рабочіе классы сотвѣтствуетъ его раздѣленію на національности, какъ это, напр., имѣетъ мѣсто во всей почти странѣ отъ Вислы до Днѣпра.

Между тѣмъ „переговоры бывшей группы „Równoscі“ съ русскими товарищами“ прошли губкою по всѣмъ фактически существующимъ особенностямъ жизни народовъ и областей, признавъ только условія обще-экономическія и государственныя. [1]) Но такъ какъ въ каждомъ почти государствѣ, какъ мы уже не разъ говорили, фактическія условія сложили національный централизмъ, то отрицательное отношеніе къ инымъ основамъ организаціи, кромѣ государственныхъ, оказывается равносильнымъ признанію преміи въ пользу государственно-національнаго централизма, т. е., въ Россіи великорусскаго, въ Пруссіи нѣмецкаго, въ Галиціи (такъ какъ о всей Австріи серьезно и рѣчи быть не можетъ) польскаго. Уже изъ послѣдняго видно, что польская національность вышла не совсѣмъ обдѣленною изъ этихъ „переговоровъ.“ А кромѣ того, какъ мы уже показали, въ третьемъ пунктѣ соглашенія „бывшей группы „Równoscі“ съ русскими товарищами“, послѣ рѣшительныхъ словъ: с) „что слѣдовательно польская соціалистическая партія, какъ нѣчто цѣлое, существо-

---

[1]) Почти къ тому же заключенію пришелъ и г. Лавровъ въ примѣчаніи VII къ брошюрѣ Шэфле „Сущность соціализма.“—„Національный вопросъ въ соціализмѣ“, изданномъ и въ „Русс.-Соц.-Рев. Библіотекѣ“ и по-польски въ „Biblioteka Równoscі.“ Мы имѣемъ основаніе считать это примѣчаніе до извѣстной степени за отвѣтъ (отрицательный) на наши предложенія.

Библиотека "Руниверс"

вать не можетъ, а могутъ быть только польскія соціальныя группы въ Россіи, Австріи и Германіи, [1]) которыя, сообща съ соціальными организаціями иныхъ національностей въ данномъ государствѣ, [2]) создаютъ органическій союзъ", поставлена оговорка: „что не можетъ мѣшать имъ (польскимъ группамъ) входить въ связь между собой." [3]) Такимъ образомъ, изъ упомянутыхъ прошлогоднихъ переговоровъ вышли побитыми только національности плебейскія и области ими населенныя, что мы наперед и предсказывали.

Мы говорили, между прочимъ, что безъ признанія необходимости областныхъ и національныхъ организацій даже такое, повидимому, безспорное дѣло, какъ пропаганда на живыхъ языкахъ всѣхъ народовъ, а не однихъ только привилегированныхъ, не можетъ быть даже начата. И дѣйствительно, не только никто изъ забаллотировавшихъ наше предложеніе польскихъ и великорусскихъ централистическихъ псевдоинтернаціоналистовъ, но и, въ частности, члены группы „Чернаго Передѣла" и „Русской Соціально-Революціонной Библіотеки", не смотря на свои обѣщанія, не издали ни одной не только книжки, но даже странички на какомъ бы то ни было плебейскомъ языкѣ, а теперь даже и не говорятъ о своихъ недавнихъ обѣщаніяхъ. Единственная литературная попытка пропаганды соціализма на плебейскомъ языкѣ, сдѣланная съ тѣхъ поръ, была бѣлорусская брошюрка „Про багатство та бьедносць", изданная украинскими соціалистами, которые остались въ такомъ поразительномъ меньшинствѣ на женевскихъ „переговорахъ" и противъ идей которыхъ высказался и г. Лавровъ въ одномъ изъ изданій „Русской Соціально-Революціонной Библіотеки."

Побитою оказалась на прошлогоднихъ переговорахъ группы „Równosci" и „русскихъ ея товарищей" и идея областныхъ организацій вообще. А между тѣмъ, въ одной изъ областей Россіи уже показывались признаки крупныхъ народныхъ движеній. Мы говоримъ объ области украинской, въ которой въ послѣдніе 70-ые годы произошли весьма многочисленныя аграрныя волненія и

---

[1]) А польскія группы—это такое же понятіе, этнографическое или общеэкономическое или политическое? Или только „этнографическія" границы народа польскаго для польскихъ группъ не могутъ служить базисомъ для организаціи??!!

[2]) Какихъ національностей?—всѣхъ, или только государственныхъ и аристократическихъ??

[3]) Въ какихъ границахъ опять?

Библиотека "Руниверс"

нѣсколько городскихъ „безпорядковъ“ и готовилось произойти противоеврейское движеніе. Это послѣднее было предвидѣно небольшою группою украинскихъ соціалистовъ, которые, стоя на своемъ областномъ базисѣ, видѣли осложненія „обще-экономическихъ условій“ національными отношеніями еврсевъ и украинцевъ и указывали на необходимость принять во вниманіе эти осложненія. Между прочимъ, какъ разъ передъ тѣмъ, какъ польскіе соціалисты группы „Równosci“ порѣшили вмѣстѣ съ ихъ „русскими товарищами“, что „на характеръ соціально-революціонной организаціи вліяютъ исключительно обще-экономическіе интересы и политическія условія“, трое изъ украинскихъ соціалистовъ сочли необходимымъ выступить съ поддержкою мысли объ образованіи спеціальной группы соціалистовъ евреевъ, которая бы имѣла цѣлью пропаганду среди еврейскаго населенія въ Восточной Европѣ на живыхъ его языкахъ, и мотивировали эту поддержку слѣдующимъ образомъ:

„В области, заселенной украинским народом в Россіи и Австріи, живет теперь болѣе 1 милліона евреев. С другой стороны, вряд ли гдѣ нибудь происходила столь ожесточенная борьба между массами туземнаго населенія и евреями, как в Украйнѣ XVII и XVIII ст., в которой евреи являлись органами противнаго народу государственнаго и соціальнаго порядка.

„В настоящее время только треть евреев украинской области может быть причислена к явно эксплуататорскому классу, другая же треть должна быть отнесена к классу рабочему, и эта треть, равно как и значительная часть из остальной трети,—помощников и прислуги у первой,—далеко не пользуется выгодами доходов, извлекаемых, хотя бы и при помощи ея членов, еврейскими капиталистами, и живет в нищетѣ, часто даже превосходящей нищету „христіанскаго пролетаріата“. Между тѣм, старая соціально-національная борьба между украинцами и евреями оставила по себѣ живую память у потомков обѣих сторон, и память эта удаляет одни от других и такіе слои обоих элементов населенія, которые принадлежат к одинаково рабочим и одинаково терпящим от теперешних экономических порядков. При тепершнем отношеніи между украинским народом и евреями можно ожидать, что всякое движеніе перваго против этих порядков будет сопровождаемо кровавыми сценами еврейскаго избіенія, гораздо болѣе несправедливыми, чѣм сцены XVII и XVIII в. С другой стороны, антагонизм между евреями и нееврейскими массами народа в Украйнѣ служит одною из причин солидарности между такими

Библиотека "Руниверс"

слоями населенія самих евреев, которыхъ интересы в сущности противоположны между собою.

„Вот почему для соціалистов Украинской области представляется дѣлом особенной важности организація пропаганды, которая бы имѣла цѣлью, с одной стороны, отдѣленіе рабочих еврейских масс от еврейских капиталистов, а с другой,—соединеніе еврейских рабочих с рабочими других племен. Так как одним из самых дѣйствительных средств для начала этой пропаганды может служить соціалистическая печать на разговорных языках евреев, то мы не сомнѣваемся, что всѣ наши товарищи в украинской области окажут поддержку вышеизложенному предпріятію товарищей-евреев.“ [1])

Встрѣченный враждебно какъ польскими и русскими псевдо-интернаціоналистами, такъ и украинскими націоналистами, замыселъ этотъ не привелъ пока ни къ чему, если не считать заявленія къ нему сочувствія со стороны львовскихъ польско-украинскихъ рабочихъ кружковъ [2]). Противоеврейскій погромъ на Украйнѣ засталъ врасплохъ тамошнихъ соціалистовъ, русскихъ, поляковъ и евреевъ, далеко не малочисленныхъ. Мы далеки отъ мысли, чтобъ принятіе въ самое послѣднее время предложенія небольшихъ женевскихъ группъ, еврейской и украинской, могло оказать существенное вліяніе на ходъ послѣднихъ противоеврейскихъ демонстрацій. Для такого вліянія необходима была долгая и систематическая работа. Но даже небольшія проявленія новаго отношенія къ еврейскому вопросу на Украйнѣ, вродѣ одной-двухъ прокламацій и къ евреямъ, и къ украинцамъ, попытокъ удержанія христіанской массы отъ нанесенія вреда евреямъ-рабочимъ (которые такъ пострадали, напр., въ Кіевѣ), участіе хоть нѣсколькихъ евреевъ-рабочихъ въ демонстраціяхъ противъ еврейскихъ эксплуататоровъ, все это могло бы послужить зерномъ для новаго, раціональнаго направленія движенія, проявившагося въ „разгро-

---

[1]) Послѣ проявленія антиеврейскаго движенія въ Польшѣ, все, сказанное о необходимости пропаганды солидарности между еврейскимъ и христіанскимъ пролетаріатомъ на Украйнѣ, получаетъ значеніе и для Польши.

[2]) Параллельно этой, пока чисто теоретической, попыткѣ еврейскихъ и украинскихъ соціалистовъ въ Женевѣ, на самой Украйнѣ попробовали сблизиться между собою „братчики-штундисты“ украинскіе и еврейское „братство“ въ Елизаветградѣ, обсуждая съ обѣихъ сторонъ возможность соединенія евреевъ и украинцевъ въ совмѣстномъ производительномъ земледельческомъ трудѣ. Это—слабыя теперь зерна будущаго крупнаго движенія, которое одно въ состояніи гуманно рѣшить еврейскій вопросъ на Украйнѣ.

Библиотека "Руниверс"

махъ евреевъ". Но ничего подобнаго не случилось на Югѣ Россіи главнымъ образомъ потому, что тамошняя масса русскихъ соціалистовъ, родомъ изъ евреевъ, поляковъ и украинцевъ, отвлекаемая абстрактными формулами и централистическими тяготѣніями, оказалась неприготовленною къ пониманію мѣстныхъ соціально-національныхъ отношеній въ ихъ конкретныхъ формахъ. Во время самаго разгрома соціалистическіе кружки оказались совсѣмъ въ сторонѣ отъ дѣйствія, а послѣ погрома (или, лучше сказать, послѣ перваго акта его) „русскіе соціалисты" попробовали сказать о немъ свое слово, но, какъ видно по примѣрамъ прокламацій, между прочимъ, и „Народной Воли", не совсѣмъ удачно. Судя по газетнымъ о нихъ извѣстіямъ, прокламаціи эти или идутъ совершенно въ разрѣзъ не только съ народнымъ взглядомъ, но даже и съ дѣйствительностью, отрицая совершенно еврейскій вопросъ, какъ осложненіе общаго вопроса объ эксплуататорахъ народнаго труда, или же совершенно становится на точку зрѣнія тѣхъ, кто „разгромлялъ евреевъ". А между тѣмъ истинная точка зрѣнія заключается не въ этихъ двухъ отношеніяхъ, а въ третьемъ. Но эта третья точка можетъ получиться только изъ детальнаго изслѣдованія дѣла съ его общими и частными, экономическими и національными подробностями. Эти подробности проскальзываютъ въ послѣднее время и въ великорусскихъ соціалистическихъ газетахъ, только очень отрывочно. Такъ, напр., въ № 4 „Чернаго Передѣла" находимъ такое, для многихъ не желающихъ признавать что-либо, кромѣ „обще-экономическихъ отношеній", еретическое сообщеніе одного корреспондента съ лѣваго берега Днѣпра. „Когда панъ надъ тобою властвуетъ, это не такъ обидно, а то жидъ,—говорятъ крестьяне. Вообще, противъ пановъ нѣтъ такого сильнаго личнаго озлобленія, какъ противъ евреевъ, хотя, понятно, и первыхъ крестьянинъ далеко не жалуетъ. „Намъ бы только съ жидами справиться, а тамъ и за пановъ примемся", говоритъ онъ. Народъ, какъ мнѣ кажется, держится извѣстной градаціи по отношенію къ своимъ врагамъ. На первомъ планѣ является у него кулакъ иновѣрецъ, далѣе кулакъ православный, но изъ чужой народу среды, баринъ, и наконецъ уже слѣдуютъ гг. Разуваевъ и Колупаевъ, т. е. свой же братъ мужикъ [1]). Еврейскій разгромъ—

[1]) Ср. въ украинской брошюрѣ „Як наша земля стала не наша", 1876 г., стр. 55. Кстати, замѣтимъ, что такъ любимое въ русской народнической литературѣ слово „кулакъ" въ переносномъ смыслѣ, очень мало распространено въ народѣ и въ самой Великороссіи. На Украйнѣ никто его не пойметъ.

Библиотека "Руниверс"

прелюдія къ болѣе серьезному и цѣлесообразному народному движенію". Послѣднія строки наводятъ, между прочимъ, на слѣдующія размышленія. Теперешнее положеніе Россіи многіе не безъ основанія сравниваютъ съ положеніемъ Франціи передъ Великой Революціей 1789 г. Во время же этой революціи предводителями крестьянской борьбы противъ дворянъ - помѣщиковъ и потомъ противъ королевской администраціи были очень часто сельскіе Разуваевы и Колупаевы, которые же больше всего и воспользовались плодами революціи въ селахъ. Почему не повториться тому же самому и въ Россіи? Далѣе, если въ народѣ существуетъ градація враговъ, то не можетъ ли слѣдующій за еврейскимъ народный разгромъ направиться, напр., на правобочной Украйнѣ на пановъ-поляковъ, въ другомъ мѣстѣ на полицейскихъ чиновниковъ и т. п.[1]) Вотъ подмѣтить эту градацію и вообще всѣ мѣстныя варіаціи обще-экономическихъ и политическихъ условій, съ тѣмъ, чтобъ не быть вѣчно захватываемыми врасплохъ событіями, какъ это постоянно случается съ русскими революціонерами, которыхъ захватило врасплохъ и польское возстаніе 1863 г., и сербско-болгарская война 1875—1878 гг., и противоеврейское движеніе 1881 г., только и могутъ областныя соціально-политическія организаціи, конечно, вооруженныя политическимъ образованіемъ. О такихъ организаціяхъ и слѣдовало бы прежде всего позаботиться [2]).

---

[1]) И самые евреи — теперь агенты фиска въ шинкахъ и при изысканіи недоимокъ.

[2]) Что незнаніе великорусскими революціонерами положенія дѣлъ на Украйнѣ было причиною ошибокъ ихъ въ польскомъ вопросѣ и неприготовленности во время еврейскаго погрома, это видно съ перваго раза. Не такъ ясна связь подобной же неприготовленности во время послѣдней восточной войны съ отсутствіемъ достаточно сильной опозиціонной организаціи въ украинской области. Дѣло въ томъ, что съ Украйны,—которая своимъ присоединеніемъ къ Московіи навязала послѣдней антитурецкую политику,—виднѣе жизненныя подробности восточнаго вопроса, чѣмъ изъ Петербурга, и подробности эти чувствуются болѣе съ народной, а не съ православно-государственной точки зрѣнія, какъ въ Москвѣ. Вотъ почему небольшая группа сознательныхъ украинцевъ еще съ конца 60-хъ годовъ почувствовала близкую неизбѣжность взрыва на берегахъ Дуная и стала пробовать обратить вниманіе, кого слѣдовало, на связь этого взрыва съ вопросомъ внутренней политики Россіи и убѣждать оппозицію, которою руководили люди петербургскіе, приготовиться къ тому, чтобы воспользоваться въ интересахъ свободы предстоящимъ, движеніемъ, обративъ его столько же противъ турокъ константинопольскихъ, сколько и противъ московско-петербургскихъ, изъ которыхъ послѣдніе теряютъ послѣдній свой raison d'être послѣ ниспроверженія первымъ. Изученіе украинскаго народа, напр., его преданій и политической поэзіи, подтвердило предположеніе о

Библиотека "Руниверс"

Надо сказать, что въ теченіе 1880 г. въ кружкахъ, прикосновенныхъ къ „Черному Передѣлу“, мысль о мѣстныхъ организаціяхъ, очевидно, ставилась на очередь, но, къ сожалѣнію, опять находились „дырочки“, въ которыя уходила эта мысль. Лѣтомъ 1880 г. намъ сообщенъ былъ проектъ программы „Великорусскаго“ общества „Земля и Воля“ при письмѣ отъ „украинскихъ“ членовъ этой организаціи, которые, не отказываясь отъ мысли объ основаніи подобнаго же общества для Украйны, сочли нужнымъ, по временному нахожденію своему въ Великороссіи, присоединиться къ великорусскому обществу. Мы не станемъ разбирать здѣсь самой программы въ ея частяхъ. Самое интересное въ ней было ея имя, вполнѣ народно-областное, ясно-національное, разрывавшее со всякими государственными стремленіями и недомолвками. Но программа эта появилась въ печати во 2 № „Чернаго Передѣла“ (вышедшемъ за границей) въ измѣненномъ видѣ: вмѣсто „Великорусскаго“ общества названо „Сѣверорусскимъ“, съ слѣдующимъ, впрочемъ, примѣчаніемъ: „Называя себя Сѣверорусскимъ, общество „Земля и Воля“ относитъ къ району своей дѣятельности и мѣстности юго-восточной Россіи, въ которыхъ условія быта сельскаго населенія приняли формы, характеристичныя для русскаго Сѣвера“. Въ этомъ примѣчаніи сказано длинно и темно то же самое, что говорило ясно одно слово — „Великорусское“. Къ чему и почему была сдѣлана замѣна? Почему? — объ этомъ можно догадываться; потому, что названіе „Великорусское“ устрашало многихъ своимъ „національ-

---

томъ, что противотурецкое движеніе можетъ быть живымъ предлогомъ для освободительной агитаціи и среди украинскаго населенія. Всѣ попытки направить въ эту сторону вниманіе великорусской и овеликорушенной демократіи оказались напрасными. Даже, когда въ Герцеговинѣ, Босніи и Болгаріи лилась кровь, публицисты и ораторы великорусскаго соціализма продолжали или игнорировать это кровопролитіе, или даже убѣждать сербовъ и болгаръ, чтобъ они подождали, пока произойдетъ въ Германіи, Австріи и Россіи соціальная революція, и тогда-де они разомъ получатъ и соціальную, и національную свободу. (Впередъ.) Нельзя было убѣдить великорусскихъ соціалистовъ даже въ необходимости устроить заблаговременно въ Румыніи складъ публикацій для распространенія въ долженствовавшей вступить туда арміи, не говоря уже о необходимости создать публикаціи, которыя бы были приспособлены для этой арміи, т. е. такія, которыя бы ставили вопросы внутренней политики въ связи съ вопросомъ войны. Сколько-нибудь систематическая посылка революціонныхъ публикацій въ Румынію началась только со второй половины военнаго періода, а какъ немногія изъ нихъ и какія именно ставили въ вышеписанномъ смыслѣ соціально-политическіе вопросы, это долженъ знать и самъ читатель.

Библиотека "Руниверс"

лизмомъ" и находилось въ противорѣчіи съ тѣмъ соглашеніемъ, о которомъ говоритъ посланіе „Przedswit"'а „къ русскимъ товарищамъ". Привести же подобная замѣна не могла ни къ чему, какъ только къ затемненію идеи о необходимости соціально-политическихъ организацій, соотвѣтственно естественнымъ условіямъ областей: географическимъ, экономическимъ и національнымъ.

Помѣщая программу общества „Земля и Воля", какъ „полученную отъ Петербургско-Московской организаціи", заграничная редакція „Чернаго Передѣла" предпослала ей, между прочимъ, слѣдующія слова:

„Остается лишь пожелать скорѣйшаго появленія такихъ же обществъ и в провинціях.

„Концентрація революціонных сил в столицах погубила бы движеніе, и если до сих пор никакія правительственныя репрессаліи не в силах были его задушить, то единственно благодаря децентрализаціонному его характеру.

„Провинціи должны явиться такими же революціонными пунктами, как и столицы. Названіе общества „Земля и Воля" Сѣверно-русским .доказывает, что товарищи наши не упускают изъ виду этой необходимости. Неизбѣжным дополненіем Сѣверно-русской организаціи должна явиться организація Южно-русская. При условіи тѣсной связи и взаимной помощи между ними, такое раздѣленіе революціонных групп окажет им несомнѣнную пользу в смыслѣ большаго знанія экономических особенностей и бытовых привычек различных мѣстностей Россіи." („Ч. П." II, 4—5).

Но никакихъ ожидаемыхъ „провинціальныхъ" организацій не воспослѣдовало, исключая „Южно-русскаго Рабочаго Союза". Такъ какъ программа этого „Союза" не обнародована, и ни мы сами, ни кто-либо изъ лицъ намъ знакомыхъ не видѣлъ даже ни одной изъ тѣхъ частныхъ прокламацій, которыя, по словамъ газетъ, выпускались отъ имени этого „Союза", то мы и не можемъ судить ни объ его характерѣ, ни объ его отношеніяхъ къ разнымъ направленіямъ, заявившимъ себя въ послѣднее время въ соціально-революціонныхъ кругахъ въ Россіи. Мы не имѣемъ ровно никакихъ матеріаловъ для того, чтобъ судить о практической сторонѣ дѣятельности „Южно-русскаго Рабочаго Союза"; что же касается до теоретической его стороны, то на нее даетъ нѣкоторое указаніе его имя: „Южно-русскій",—имя безцвѣтно-географическое, а не народное, ясно національное. Центромъ дѣятельности „Союза" былъ, кажется, Кіевъ, одинъ изъ центровъ

Библиотека "Руниверс"

среди населенія украинскаго. Прими союзъ названіе „Украинскаго“, тогда понятно было бы, на какое живое населеніе онъ предполагаетъ дѣйствовать. Но „Союзъ“ или не отдалъ себѣ яснаго отчета объ этомъ населеніи и его особенностяхъ,—которыя главнымъ образомъ и обусловливаютъ необходимость и особой организаціи,—или тоже убоялся показаться націоналистическимъ, а потому выбралъ себѣ блѣдное географическое имя, подобно тому, какъ выбираетъ для областей имена правительство, желающее затереть все, что противорѣчитъ идеѣ „единства и нераздѣльности“ государства: „Привислянскій край“, „Х-й военный округъ“ и т. п. Такъ какъ украинское населеніе не механическая совокупность двуногихъ существъ, живущихъ въ извѣстныхъ провинціяхъ извѣстнаго государства, а столько же органическое цѣлое, сколько можетъ быть имъ населеніе извѣстной націи, то никая нравственная работа среди него не можетъ быть успѣшна и глубока безъ яснаго признанія этой его органичности. А потому и кіевскій „Южно-русскій Рабочій Союзъ“ врядъ ли можетъ быть признанъ зародышемъ для развитія такой успѣшной и глубокой работы на пользу украинскаго народа. Мы должны только упомянуть о немъ, какъ объ одной изъ всетаки почтенныхъ первичныхъ мѣстныхъ организацій, наряду съ „Южнорусскимъ Рабочимъ Союзомъ“, пробовавшимъ не безъ успѣха организоваться въ 70-е годы въ городахъ побережья Чернаго моря, и съ петербургскимъ „Сѣверно-русскимъ Рабочимъ Союзомъ“ 1879 г., но вовсе не въ числѣ такихъ, которыя бы показали примѣръ новой организаціи областныхъ политическихъ партій, радикально разорвавшихъ съ идеями національно-государственнаго централизма.

Уже изъ сказаннаго выше видно, что на такой разрывъ не рѣшились и учредители „Великорусскаго Общества Земля и Воля“, превратившагося въ Сѣверно-Юго-Восточно-Русское. Послѣ напечатанія программы этого общества уже ничего не слышно о немъ, а вмѣсто того мы видимъ печатныя проявленія „Общества Земля и Воля“, уже какъ учрежденія всероссійскаго. Съ девизомъ этого общества издаются въ 1881 г. прокламаціи, газеты („Черный Передѣлъ“ и „Зерно“), и хотя въ нѣкоторыхъ изъ этихъ публикацій и продолжаются заявленія о необходимости децентрализаціи, но зявленія эти не идутъ дальше общихъ словъ, а многія частности въ этихъ публикаціяхъ прямо свидѣтельствуютъ о крѣпости совершенно централизаторскихъ, національно-

Библиотека "Руниверс"

государственныхъ—если не идей, то, говоря англійскимъ терминомъ, „привычекъ мысли“ дѣятелей этого всероссійскаго общества.

Въ № 3 „Чернаго Передѣла“ находимъ заявленіе отъ имени „прежнихъ издателей“ „Ч. П.“ съ слѣдующими весьма радикальными словами:

... „Предостерегая партію отъ излишняго увлеченія вопросами чисто политическаго свойства, „Черный Передѣлъ“, думаемъ мы, лишился бы значительной доли практическаго значенія, оставаясь вполнѣ безучастнымъ къ политическому вопросу, столь жгучему теперь въ Россіи. Въ этой области, по нашему мнѣнію, органъ долженъ остаться вѣрнымъ принципу федерализма. Поэтому, распаденіе Россійской Имперіи на самостоятельные организмы по естественнымъ областямъ, будетъ откликомъ на зовъ, раздающійся съ другой стороны—„Всероссійскій Земскій Соборъ.“ („Ч. П.“, 1881. № 3).

Какъ видитъ читатель, это заявленіе повторяетъ по своему тотъ пунктъ нашихъ предложеній, который такъ рѣшительно былъ отвергнутъ во время тѣхъ „переговоровъ“, о которыхъ говоритъ посланіе „Przedswita“ къ „русскимъ товарищамъ“, отвергнутъ при дѣятельномъ участіи нѣкоторыхъ изъ „прежнихъ издателей“ „Ч. П—ла“ заграницей. Во всякомъ случаѣ это заявленіе можно было бы привѣтствовать, если бы оно повело за собою сознательно-послѣдовательные практическіе шаги. Но дѣло въ томъ, что такихъ шаговъ не только совсѣмъ не видно, по крайней мѣрѣ въ публикаціяхъ всероссійскаго общества „Земли и Воли“, но даже видны шаги совсѣмъ въ противоположномъ направленіи.

Начать съ того, что всѣ подобныя заявленія слишкомъ абстрактны, а потому уже и неясны. Иногда же они редижированы до того сбивчиво, что со стороны совсѣмъ трудно уловить ихъ реальный смыслъ. Такова, напр., редакція „Программы Народной Партіи“, перепечатанной между прочимъ и въ „Вольномъ Словѣ“. Въ программѣ этой между прочимъ читаемъ слѣдующія, съ перваго раза очень радикальныя въ федеративномъ направленіи, слова:

„Въ виду того, что разрушеніе идеи царизма въ народѣ еще не привело его къ выработкѣ новаго опредѣленнаго политическаго идеала, Народная Партія выставляетъ слѣдующіе основные принципы общественаго порядка, логически вытекающаго изъ культуры, характера и будущихъ экономическихъ отношеній

Библиотека "Руниверс"

русскаго народа, которые и считаетъ необходимымъ усиленно пропагандировать:

„а) независимость національностей, механически связанныхъ въ настоящее время въ единую Всероссійскую Имперію; б) автономія обшинъ; в) свободная федерація общинъ. [1])

Но прежде всего желательно было бы встрѣтить въ этой программѣ (вообще, далеко не сжатой) перечисленіе хоть главнѣйшихъ изъ тѣхъ національностей, какія теперь связаны въ Всероссійскую Имперію, на манеръ того, напр., какъ это сдѣлалъ Бакунинъ, когда писалъ свою программу „Народнаго Дѣла.“ Это перечисленіе было бы тѣмъ болѣе необходимо, что въ самой программѣ мы встрѣчаемъ слѣды представленія о Россіи (что въ обыкновенной рѣчи и равнозначно Всероссійской Имперіи), какъ о чемъ то, если не единообразномъ, то органическомъ („Въ Россіи только одно крестьянство обладаетъ вполнѣ опредѣленнымъ идеаломъ „Земли и Воли“, расходящимся съ принципами современнаго государственнаго и общественнаго порядка“), а также потому, что программа ставитъ свои „основные принципы общественнаго порядка“ — не во имя общечеловѣческихъ, выясненныхъ практикою и наукою образованныхъ народовъ „правъ человѣка“, основныхъ правъ“ и т. п., а какъ „логически вытекающіе изъ культуры, характера и даже будущихъ (!) экономическихъ отношеній (?) русскаго народа“, хотя при этомъ и считаетъ еще „необходимымъ усиленно ихъ пропагандировать“ (кому?). Что же такое эта Россія „Народной Партіи“? что такое ея русскій народъ? какія національности должны получить независимость, какъ слѣдствіе, между прочимъ, и будущихъ отношеній русскаго народа??—Все это требуетъ болѣе точнаго опредѣленія, для того чтобъ федеративная программа „Народной партіи“ получила какое нибудь реальное значеніе. [2]) Покамѣстъ же, даже такъ неясно изложенныя анти-

---

[1]) Автономія и федерація болѣе крупныхъ мѣстныхъ единицъ—уѣздовъ, областей, пропущена и въ этой программѣ. Конечно, можно сказать, что она сама собою подразумѣвается, но о ней надо бы говорить постоянно, такъ какъ одна она можетъ охранить автономію общинъ отъ слишкомъ большого давленія на нихъ центральнаго представительства.

[2]) Не желая повторяться, мы не будемъ говорить ни о слѣдахъ руссофильскаго народническаго мессіанизма въ этой программѣ, ни о ея классическо-якобинскомъ преклоненіи передъ „народомъ“ и его „идеалами“, не смотря на то, что

Библиотека "Руниверс"

всероссійскія федеративныя стремленія не нашли себѣ приложенія даже въ такой нешпрокой области, какъ печать, находящаяся въ рукахъ кружковъ „Земли и Воли“.

Передовая статья № 4 „Чернаго Передѣла“ посвящена доказательствамъ необходимости „единенія, сосредоточенія главнаго контингента революціонныхъ силъ на самой насущной, цѣлесообразной и плодотворной практической работѣ“. Забота нѣсколько странная для „органа соціалистовъ-федералистовъ“! Изъ двухъ крайностей федералистамъ было бы естественнѣе увлечься рѣшительнымъ „раздѣленіемъ революціонныхъ группъ Россіи“, говоря словами примѣчанія редакціи № 2 „Ч. П.“ къ программѣ „Земли и Воли“, нежели „сосредоточеніемъ.“ Раздѣленныя группы, если только онѣ состоятъ изъ искреннихъ и дѣловыхъ людей, по мѣрѣ естественнаго расширенія круга работы, непремѣнно придутъ между собою къ резонному соглашенію, между тѣмъ какъ „сосредоточенная“ организація имѣетъ свойство сопротивляться расчлененію, особенно, если въ нее допущена мысль о томъ, что она сама можетъ опредѣлять не только для себя, но и для другихъ, что такое „самая насущная, цѣлесообразная и плодотворная практическая работа.“ Необходимости, если не сосредоточенія, то объединенія разныхъ соціально-революціонныхъ группъ въ Россіи (или лучше, группъ русской соціально-революціонной партіи), посвящена между прочимъ и статья г. Лаврова въ № 3 „Чернаго Передѣла“—„Нѣсколько словъ объ организаціи партіи“. Но, напр., группа „Громады“, которую желаетъ г. Лавровъ привлечь въ соглашеніе, какъ одну изъ „русскихъ“ группъ, считаетъ, что украинцамъ, какъ соціалистамъ, „насущная работа“ въ настоящее время открывается въ Австро-Венгріи, хотя при этомъ признаетъ, что украинцамъ, какъ людямъ, дорожащимъ національной свободой своего народа, въ Россіи самая насущная работа—борьба съ абсолютизмомъ и централизаціей политической. Всякое сосредоточеніе работы, да еще только въ предѣлахъ Россіи, какъ ставитъ вопросъ и редакція „Чернаго Передѣла“ и даже г. Лавровъ, который, впрочемъ, говоритъ болѣе о соглашеніи, чѣмъ о сосредоточеніи, но всетаки только въ предѣлахъ Россіи, для украинскихъ, напр., дѣятелей равно-

---

программа полагаетъ нужнымъ поставлять народу временныя правительства и признаетъ, что народъ еще не выработалъ, напр., ни политическаго идеала, ни „широкаго коллективизма“ и т. п. О „самодержавіи народа“ хлопочетъ и „Зерно“ (передовая статья, № 4).

Библиотека "Руниверс"

сильно связываніе, если не обѣихъ, то одной руки. Тоже слѣдуетъ сказать и о тѣхъ полякахъ, которые станутъ на почвѣ реальныхъ условій жизни польской, о румынахъ и т. п. Даже среди самихъ великоруссовъ проповѣдь „сосредоточенія“ не можетъ привести къ полезнымъ результатамъ, ибо, напр., средоточники-„террористы“ будутъ считать „насущной работой“ политическія убійства, тогда какъ другіе революціонеры, политическіе и соціально-экономическіе, особенно въ провинціяхъ, найдутъ себѣ свои насущныя работы. Не лучше ли и не говорить о „сосредоточеніи“, а предоставить каждой группѣ выбрать себѣ „насущную работу“, по ея усмотрѣнію, лишь бы направленіе этой работы было полезно для дѣла освобожденія человѣка отъ ига умственнаго, національнаго, политическаго, экомомическаго? Въ дѣлѣ же федерализма самое „плодотворное“ будетъ прежде всего образованіе областныхъ и національныхъ организацій, которыя однѣ могутъ положить основу и для „независимости, національностей, механически связанныхъ въ настоящее время въ единую Всероссійскую Имперію“, и для пропаганды среди различныхъ элементовъ ея населенія общечеловѣческихъ освободительныхъ идей.

Всероссійское общество „Земля и Воля“ рѣшительно для этого не годится, какъ показываютъ его же публикаціи, — „Черный Передѣлъ“ и „Зерно“. Судя по всѣмъ видимостямъ, сотрудники ихъ,—великоруссы и украинцы,—не составили себѣ яснаго понятія ни о публикѣ, для которой они пишутъ, ни о населеніяхъ, о которыхъ они пишутъ. Судя по языку, „Зерно, рабочая газета“, должна издаваться для великороссовъ; особенно хроника, озаглавленная: „Русская жизнь“, пишется вполнѣ простонароднымъ, и даже простонародничающимъ великорусскимъ языкомъ (передовыя статьи писаны смѣсью этого языка съ студентскимъ жаргономъ). Но этимъ же языкомъ написана статья о еврейскихъ погромахъ, обращенная прямо къ дѣйствующимъ лицамъ, къ украинскому населенію, и такимъ образомъ не годится ни для петербургскихъ рабочихъ, которые сами евреевъ не громили, ни для украинцевъ, о которыхъ въ добавокъ „Зерно“ даетъ петербургскимъ рабочимъ превратное понятіе, такъ какъ оно называетъ украинское населеніе безразлично „русскимъ“ народомъ, какъ и населеніе петербургское. Въ „Черномъ Передѣлѣ“ говорится, что мысль о „черномъ передѣлѣ“ сильно распространяется въ украинской области, между тѣмъ, какъ тамъ никто изъ крестьянъ и не пойметъ, что это такое „черный передѣлъ“ и почему это ка-

Библиотека "Руниверс"

кой-нибудь передѣлъ можетъ называться по цвѣту. Словомъ сказать, безразличное смѣшеніе областей украинскихъ и великорусскихъ мѣшаетъ всероссійскимъ землевольцамъ не только говорить съ населеніемъ разныхъ областей доступнымъ имъ способомъ, но даже наблюдать жизнь этихъ областей.

Впрочемъ, въ №№ 3 и 4 „Чернаго Передѣла“ есть нѣсколько прелюбопытныхъ корреспонденцій изъ Украйны, преимущественно тѣхъ сотрудниковъ, которые не пускаются ни въ какія обобщенія, а просто, даже анекдотически, передаютъ свои наблюденія. И эти наблюденія показываютъ, что среди украинскаго населенія происходитъ чрезвычайно сильное броженіе, что это населеніе усиливается понять условія и явленія окружающей его соціально-политической жизни и что ему немногаго не достаетъ, чтобы понять эти условія вполнѣ вѣрно, что оно поняло бы ихъ до конца и поднялось бы для ихъ измѣненія, если бы на помощь ему явились организованные и умѣлые люди изъ интеллигенціи. Но именно всероссійство и мѣшаетъ организаціи такихъ людей, и отнимаетъ у нихъ возможность явиться умѣлыми пропагандистами здоровыхъ соціально-политическихъ идеаловъ, отнимаетъ даже у тѣхъ, кто берется быть такимъ пропагандистомъ. Изъ нѣсколькихъ примѣровъ въ подтвержденіе сейчасъ сказаннаго, которые находимъ въ „Черномъ Передѣлѣ“, остановимся на одномъ изъ № 3-яго. Корреспондентъ разсказываетъ о томъ, какъ одинъ молодой отставной солдатъ, изъ сословія „малороссійскихъ казаковъ“, додумался до мысли о томъ, что „не нужно ни пановъ, ни поповъ, ни царя“, только все-таки смущался, какъ же это можно жить безъ царя (какъ правителя). „Я слыхалъ, говоритъ онъ, какъ былъ въ солдатахъ (у москаляхъ), что есть такая распублика, гдѣ царя нѣтъ; только не знаю, какъ тамъ живутъ“. Я объяснилъ ему, говоритъ корреспондентъ, какъ можно обойтись безъ царя. „Да, такъ.... оно выходитъ, какъ мы вотъ старшину выбираемъ, такъ и тогда вмѣсто царя — начальство; какъ плохо будетъ, то перемѣнить можно и выбрать другое“. Такъ говоритъ мужикъ изъ „малороссійскихъ казаковъ“, и корреспондентъ народнической газеты не догадывается сказать ему, что еще 120-ти лѣтъ не прошло съ тѣхъ поръ, какъ и въ Полтавской губерніи была республика, конечно, со своими несовершенствами, но въ которой по принципу волость (казацкая сотня) выбирала свое правителъство (старшинъ), уѣздъ (полкъ) — свое, а вся федерація (казацкая рада) выбирала президента и министерство (гетмана и генеральныхъ старшинъ). Такая республика существо-

Библиотека "Руниверс"

вала даже до половины XVIII в. на лѣвомъ берегу Днѣпра и уничтожена царицей, которую помнитъ вся Украйна, какъ панскую покровительницу, только въ 1764 г.; въ Харьковской и прилегающихъ частяхъ Курской и Воронежской губерній полковыя республики отмѣнены тою же царицею только въ 1765 году, а республика Запорожская — только въ 1775 г. Напомнимъ, что однихъ „малороссійскихъ казаковъ“ въ Черниговской и Полтавской губерніяхъ около 1000000 душъ; государственныхъ крестьянъ изъ бывшихъ слободскихъ украинскихъ полковъ до 700000 душъ, да во всей Украйнѣ помнятъ о запорожскихъ казакахъ [1]).

Рѣшительное раздѣленіе политико-соціальной оппозиціи въ Россіи по областнымъ организаціямъ повело бы за собою сначала изученіе областныхъ и національныхъ особенностей жизни, преданій и настроенія разныхъ населеній, а потомъ и опредѣленіе наилучшихъ способовъ проведенія въ эти населенія идей свободомыслящей интеллигенціи. Что касается украинскаго населенія, то въ немъ послѣднее было бы и не трудно, такъ какъ и теперь многіе среди него говорятъ,что „не надо ни пановъ, ни поповъ, ни царей“ и что „вѣрно не обойдется безъ того, чтобъ не взяться за дубье, да взбунтоваться“. А потому украинскіе члены всероссійской „Земли и Воли“, поддерживающіе „Черный Передѣлъ“ и „Зерно“, сдѣлали бы самое лучшее, если бы образовали спеціальное украинское общество и начали издавать спеціальные листки или газету на украинскомъ языкѣ и это косвенно имѣло бы полезное вліяніе, напр., и на самое „Зерно“, которое, ставъ тоже спеціально великорусскимъ листкомъ, выиграло бы въ опредѣленности и матеріала, и изложенія.

Эти слова пусть примутъ украинскіе члены „Земли и Воли“, обратившіеся къ намъ съ письмомъ въ публичномъ дѣлѣ, за отвѣтъ нашъ. Этими же словами мы можемъ заключить и нашу критику

---

[1]) Другой корреспондентъ „Чернаго Передѣла“ разсказываетъ, какъ въ одной хатѣ старикъ и жена его говорили съ нимъ о Запорожьи, припоминали пѣсни запорожскія; наконецъ старуха говоритъ: „а слышно, вновь будетъ Запорожье“. — „Зачѣмъ же?“ — „Да, говорятъ: чтобъ землю отъ пановъ отбирать!“ — Прибавимъ отъ себя, что въ началѣ 1870-хъ годовъ, когда объявлена была общая воинская повинность, то во многихъ мѣстахъ на Украйнѣ крестьяне поняли ее такъ, что теперь всѣ будутъ казаками и будутъ имѣть землю, а въ Екатеринославской губерніи говорили, что Катерина на сто лѣтъ уничтожила Запорожье, а теперь оно должно быть возстановлено: всѣ будутъ казаками и получатъ назадъ розданныя панамъ запорожскія земли.

Библиотека "Руниверс"

государственно-централистическаго всероссійства въ стремленіяхъ русскихъ народниковъ или „соціалистовъ-федералистовъ".

Намъ остается только сказать нѣсколько словъ объ ихъ отношеніяхъ къ Польшѣ. Спеціально и сколько-нибудь основательно о польскомъ вопросѣ не высказалась и эта фракція, какъ и фракція политическихъ террористовъ. Отдѣльныя же замѣчанія, въ родѣ, напримѣръ, рѣчи на женевскомъ митингѣ 29 ноября 1880 г. (г-жи В. Засуличъ и разныхъ представителей „Чернаго Передѣла"), отличались довольно общимъ выраженіемъ сочувствія полякамъ соціалистамъ съ полнымъ игнорированіемъ вопроса о границахъ Польши, т. е. по отношенію къ полякамъ соціалистамъ, о естественной области для приложенія ихъ труда. Въ одномъ случаѣ „Черный Передѣлъ" явно склонился къ польскимъ историческимъ стремленіямъ. Мы разумѣемъ помѣщеніе, безъ всякихъ оговорокъ, въ 1 № „Чернаго Передѣла" статьи, которая трактовала, подобно „Równosci", соціалистическое движеніе въ Галиціи, какъ „польское соціалистическое движеніе", и признавала Галицію за „австрійскую часть Польши". Послѣднее есть, прежде всего, ошибка противъ школьной географіи, хотя довольно распространенная среди великорусскихъ публицистовъ, но нѣсколько удивительная у тѣхъ лицъ, которыя въ томъ же № „Чернаго Передѣла" заявили желаніе издавать книги и на украинскомъ языкѣ. До извѣстной степени помѣщеніе „Чернымъ Передѣломъ" вышеупомянутой статьи въ духѣ „Równosci" объясняется тогдашними дипломатическими отношеніями двухъ заграничныхъ редакцій, которыхъ подписи фигурировали рядомъ въ разныхъ манифестахъ, и не можетъ быть поставлено за счетъ всей группы. Въ какое отношеніе станутъ различныя фракціи этой группы, когда практическое приложеніе ихъ труда въ областяхъ на западъ отъ Днѣпра приведетъ ихъ въ реальное соприкосновеніе съ разными польскими элементами, покажетъ будущее. Покамѣстъ же характеристично, что то соглашеніе заграничныхъ представителей группы „Чернаго Передѣла" съ группою „Równosci", о которомъ говоритъ посланіе „Przedswita" „Къ русскимъ товарищамъ", слѣдуетъ считать разорваннымъ заявленіями въ 3 № „Чернаго Передѣла" и въ программѣ „Народной Партіи", которыя высказываются противъ государственныхъ основъ соціальныхъ организацій и за „распаденіе Всероссійской Имперіи на естественныя области и за независимость ея національностей". Впрочемъ, судя по посланію „Przedswita", можно думать, что теперь группа его обращается съ предложеніемъ союза больше къ

Библиотека "Руниверс"

„русскимъ террористамъ“, чѣмъ къ „народникамъ“, хотя, съ другой стороны, въ послѣднее время въ печать проникли извѣстія о томъ, что сами русскіе „народники“ теперь соединились съ „террористами“. На чемъ состоялось это соединеніе, пока еще неизвѣстно документально или оффиціально,—по крайней мѣрѣ, намъ, у которыхъ нѣтъ подъ рукою всѣхъ публикацій петербургскихъ вольныхъ типографій. Равнымъ образомъ, неизвѣстно пока, какого рода отвѣтъ дали соединенныя фракціи „русскихъ соціальныхъ революціонеровъ“ или каждая порознь на предложеніе группы „Przedswita“. Вполнѣ обстоятельный отвѣтъ на это и подобныя предложенія, какъ мы уже не разъ говорили, можетъ быть данъ только въ связи съ рѣшеніемъ общаго вопроса объ областной свободѣ и самоуправленіи негосударственныхъ народовъ. Въ частности же, когда дѣло идетъ о полякахъ, то всякія „русскія“ группы могутъ дать не только справедливое мнѣніе, но даже сколько-нибудь логическое, только тогда, когда бы они высказались ясно о вопросахъ плебейскихъ народовъ бывшей Польши и теперешней Россіи: латышей, литовцевъ, бѣлоруссовъ и украинцевъ. До сихъ поръ мы не видимъ ясной постановки этихъ вопросовъ ни въ одной изъ недавно обнародованныхъ программъ ни польскихъ, ни великорусскихъ революціонеровъ.

Такимъ образомъ, мы въ концѣ обзора отношеній между польскими и великорусскими революціонерами за послѣдніе двадцать лѣтъ наталкиваемся на цѣлый рядъ неясностей, недомолвокъ и неизвѣстностей. Читатель припомнитъ, что мы и начали настоящія статьи съ указанія на существованіе этихъ неясностей, недомолвокъ и неизвѣстностей.

Мы окончили историческій обзоръ отношеній между польскими и великорусскими революціонерами, изъ котораго читатель можетъ видѣть, насколько тѣми и другими руководили и руководятъ гораздо болѣе фикціи былого и теперешняго государствъ и государственныхъ національностей, нежели представленія о реально-существующихъ народахъ, которые представляютъ и реальныя національности, а равно и то, насколько эти фикціи вредятъ дѣлу освобожденія всѣхъ народовъ бывшей Польши и теперешней Россіи. Уже изъ самой критики этихъ фикцій и основанной на нихъ политики не трудно сдѣлать и выводы относительно другой политики, которая бы была основана на идеѣ о дѣйствительныхъ народахъ-національностяхъ. Но прежде, чѣмъ мы перейдемъ къ этимъ

Библиотека "Руниверс"

выводамъ, мы считаемъ нужнымъ сдѣлать одну оговорку относительно самой вышеизложенной критики.

Читателю могло показаться, что критика эта исходила изъ односторонняго и, во всякомъ случаѣ, частнаго основанія. Мы дѣйствительно постоянно примѣривали теорій и дѣйствія разныхъ польскихъ и великорусскихъ партій и круговъ къ народу украинскому и занимались этимъ народомъ гораздо больше, чѣмъ другими плебейскими народами бывшей Польши и теперешней Россіи. Такъ поступали мы не только потому, что для насъ, какъ для украинца, положеніе этого народа всего ближе и извѣстнѣе, но и потому, что отношенія разныхъ польскихъ и великорусскихъ элементовъ къ этому народу представляютъ собой болѣе всего типическихъ сторонъ отношенія разныхъ элементовъ націй привилегированныхъ къ націямъ плебейскимъ,а также и потому, что изъ всѣхъ плебейскихъ націй востока Европы украинская нація и самая многочисленная, и самая энергическая, и по своему географическому положенію, равно какъ и по самой своей родственности съ важнѣйшими изъ тамошнихъ привилегированныхъ націй, обречена играть особенно видную роль не только какъ важнѣйшій изъ объектовъ захвата для центростремительныхъ элементовъ въ національстяхъ привилегированныхъ, но и какъ важнѣйшій изъ центробѣжныхъ элементовъ на востокѣ Европы. Въ свое время украинцы, отчасти организованные въ политическомъ отношеніи, потрясли существованіе польскаго государства; въ XIX в. украинцамъ же, организованнымъ пока только на научно-литературномъ полѣ (и то не очень еще сильно), принадлежитъ самая видная роль въ поднятіи общаго федеративнаго вопроса въ восточной Европѣ, который, конечно, приведетъ за собою потрясеніе основъ Россіи, какъ централизованнаго государства. Наконецъ, если нельзя согласиться безусловно съ тѣми истолкователями теперешняго революціоннаго броженія въ Россіи, которые, какъ напр. проф. Иловайскій, видятъ въ немъ преимущественно „украинскую интригу“, то огромное процентное отношеніе украинцевъ (хотя бы и не сознающихъ себя таковыми) въ русскихъ революціонныхъ кругахъ есть явленіе во всякомъ случаѣ весьма характерное и обѣщающее важныя послѣдствія, тѣмъ болѣе, что изъ всѣхъ народныхъ массъ Россіи въ настоящее время едва ли не болѣе другихъ взволнованы текущими событіями массы народа украинскаго. Вотъ почему думается намъ, что примѣриваніе стремленій, программъ и способовъ дѣйствія разныхъ польскихъ и великорусскихъ партій къ положенію народа украинскаго имѣетъ интересъ и теоретическій, и практи-

Библиотека "Руниверс"

ческій, не только частный, но и общій для мыслящихъ людей всѣхъ націй восточной Европы.

Съ точки зрѣнія общихъ интересовъ этихъ націй мы разсматривали и польскій вопросъ, къ которому мы и подошли, исходя именно изъ этихъ интересовъ. Напомнимъ читателямъ нашъ намекъ въ самомъ началѣ настоящей статьи о томъ, что настоящее революціонное и вообще сколько-нибудь активно-оппозиціонное движеніе въ Россіи не имѣетъ должной силы, между прочимъ, потому, что въ немъ не принимаютъ достаточнаго участія поляки, что польскій вопросъ не поставленъ въ настоящее время никѣмъ съ достаточной энергіей. Если бы теперь среди поляковъ проявилось движеніе хоть въ такой же степени сильное, какъ въ началѣ 60-хъ годовъ, то борьба съ существующимъ порядкомъ въ Россіи вообще была бы облегчена въ значительной степени, конечно, если бы при этомъ не были повторены тогдашнія ошибки.

Признаемся откровенно, что, говоря о польскомъ движеніи, мы разумѣемъ преимущественно движеніе національно-политическое. Какъ ни рады мы появленію среди поляковъ зачатковъ соціалистическаго движенія, мы не можемъ же не видѣть, что это послѣднее не только теперь не имѣетъ значительнаго количества послѣдователей, но и не можетъ имѣть ихъ въ болѣе или менѣе близкомъ будущемъ. Сколько бы ни говорили, что соціальный вопросъ есть „вопросъ желудка“, а потому будто бы легко понятный для всѣхъ, но вопросъ не самаго непосредственнаго ощущенія голода, а организаціи постояннаго спасенія людей отъ этого голода, есть одинъ изъ самыхъ сложныхъ вопросовъ, а потому и одинъ изъ тѣхъ, которые требуютъ много времени для уясненія и разрѣшенія, даже теоретическаго. Вотъ почему придется еще долго ждать, пока польское соціалистическое движеніе станетъ значительною политическою силою. Мы думаемъ, что на извѣстное врéмя это движеніе гораздо болѣе имѣетъ шансовъ развитія въ Познани и въ Галиціи, чѣмъ въ царствѣ Польскомъ. Другое дѣло польское національно-политическое движеніе, которое и теперь можетъ имѣть за себя, такъ или иначе, сотни тысячъ, если не милліоны, народа, такъ какъ трудно себѣ представить мило-мальски нравственно-развитого поляка, который бы не хотѣлъ извѣстной независимости и свободы для своего племени. Вотъ почему мы оставляемъ здѣсь рѣчь о чисто соціалистическомъ, экономическомъ, движеніи въ Польшѣ, о которомъ поведемъ рѣчь въ особой статьѣ — „Польскія соціалистическія программы и и принципъ государственности“. и остановимся исключительно на вопросѣ объ участіи поляковъ въ предетоящемъ по-

Библиотека "Руниверс"

литическомъ переворотѣ въ Россіи, тѣмъ болѣе, что, какъ мы видѣли, и двѣ, заявившія о себѣ въ печати фракціи польскихъ соціалистовъ подошли въ послѣднее время къ этому вопросу.

Кто говоритъ, какъ группа „Przedswita“: „политическая свобода“, тотъ уже тѣмъ самымъ говоритъ: и областная, и національная независимость; иначе онъ не понимаетъ произносимыхъ имъ словъ. Независимость извѣстной области и націи можетъ быть достигнута или полнымъ отдѣленіемъ ея въ особенное государство (сепаратизмъ), или огражденіемъ ея самоуправленія безъ этого отдѣленія (федерализмъ). Когда идетъ дѣло о такой или иной автономіи Польши, то прежде всего является вопросъ: какой Польши? Исторической или этнографической? Примѣръ 1863 г. доказалъ, что всякое заявленіе въ пользу возстановленія независимости исторической Польши можетъ быть только вредно для свободы и поляковъ, и всѣхъ другихъ народовъ, подвластныхъ россійской деспотіи. Теперь для здравомыслящихъ людей можетъ быть только рѣчь о независимости Польши этнографической, т. е. когда идетъ рѣчь о польскихъ земляхъ въ Россіи, то даже не о всей Конгрессувкѣ, такъ какъ и въ ней Холмско-Сѣдлецкій край населенъ не поляками, а украинцами, а Августовскій населенъ литовцами и даже до раздѣловъ Польскаго государства входилъ въ составъ Литвы. [1]) Края, лежащіе за границами этнографической Польши, должны получить свою автономію, и польскій вопросъ въ этихъ краяхъ можетъ быть только вопросомъ о правахъ польскихъ лицъ и обществъ или, мѣстами, общинъ, колоній.

Какой путь раціональнѣе для полученія автономіи Польши и поляковъ: сепаратистическій или федералистическій? Мы думаемъ, что экономическая исторія привислянской Польши показала, что государственное ея отдѣленіе отъ днѣпровскаго бассейна было бы для нея невыгодно. Кромѣ того, оно и практически неосуществимо, такъ какъ поляки одни безсильны побѣдить Россійскую Имперію, а на иностранную помощь теперь раз-

---

[1]) Считаемъ нужнымъ оговориться, что послѣднія мѣры русскаго правительства къ овеликорушенію холмско-сѣдлецкихъ руссиновъ и насильственное ихъ обращеніе изъ уніатовъ въ православіе вызвали у нихъ наклонъ въ польскую сторону, который, еще неизвѣстно, къ чему приведетъ. Во всякомъ случаѣ, только прекращеніе религіозныхъ гоненій и возбужденіе среди забужанъ украинскаго самосознанія можетъ остановить католическую и польскую реакцію среди этого населенія.

Библиотека "Руниверс"

считывать не на кого, такъ какъ даже Австрія одна не станетъ вести наступательной войны съ Россіей за обладаніе Варшавой, а Пруссія, если бы и захотѣла отдѣлитъ Варшаву отъ Россіи, то для германизаціи отторженной области, чего не желаютъ сами поляки. Остается, слѣдовательно, путь федераціи. Варшавскій край можетъ получить извѣстную автономію или непосредственно отъ теперешняго русскаго правительства, какъ было сталъ онъ получать ее при марк. Вѣлепольскомъ, или при общемъ преобразованіи Россіи. По нѣкоторымъ признакамъ можно думать, что теперь между поляками есть круги, которые склонны вѣрить въ осуществимость первой возможности. Въ этомъ увѣряютъ насъ панегирики марк. Вѣлепольскому, которые теперь исходятъ даже отъ людей, причисляемыхъ къ лагерю либерально-демократическому, а также заявленія польскихъ газетъ и корпорацій о легальности поведенія поляковъ въ виду происходящей теперь „смуты“ въ Россіи. Несомнѣнно, что среди поляковъ есть люди, которые думаютъ, что, если не прямыми заявленіями легальнаго и даже консервативнаго направленія, то просто выжидательнымъ сохраненіемъ спокойствія, можно, наконецъ, дождаться момента, когда царское правительство согласится возвратиться къ системѣ марк. Вѣлепольскаго. Къ такой политикѣ должны обнаруживать особенную склонность именно историческіе патріоты польскіе, такъ какъ она ни къ чему не обязываетъ по отношенію къ населеніямъ непольскихъ областей, а между тѣмъ административная автономія Конгрессувки (все-таки свого рода исторической, а не этнографической Польши), мечтается, послужитъ первымъ камнемъ для отстройки всего зданія Польши 1772 г. [1])

Но дѣло въ томъ, что всякія разсчеты на уступчивость петербургскаго правительства теперь мало основательны, не только потому, что никакое правительство не уступаетъ, если у него не требуютъ уступокъ (и самое управленіе маркиза Вѣлепольскаго было результатомъ агитаціи противъ системы кн. Паскевича), но и потому, что петербургское правительство перестало быть въ полномъ смыслѣ самодержавнымъ по отношенію къ полякамъ: оно уже давно зависитъ отъ указаній великорусско-нѣмецкихъ

---

[1]) Характерно, что недавно одинъ изъ біографовъ марк. Вѣлепольскаго, при всемъ сочувствіи къ идеѣ демократіи и національности, счелъ нужнымъ бросить нѣсколько намековъ противъ „расчленителей“ Конгрессувки, сообразно принципу національностей же.

Библиотека "Руниверс"

централизаторско-обрусительныхъ круговъ, которыя, указанія, еще въ добавокъ пользуются поддержкою и берлинскаго кабинета. [1]) Такимъ образомъ, польскій край въ Россіи можетъ получить автономію, равно какъ какъ и всю сумму правъ, составляющихъ сущность политической свободы, только вмѣстѣ съ другими краями этого государства. А получить все это могутъ разные края въ Россіи только посредствомъ дружнаго натиска на правительство, произведеннаго съ ясно-сознаною программою. Программа эта должна быть федеральная, съ признаніемъ полной равноправности всѣхъ областей и національностей. Вмѣстѣ съ тѣмъ, по особенному положенію Россіи, какъ государства преимущественно мужицкаго, а также вслѣдствіе того, что между собственною Польшею и Великороссіей лежатъ цѣлыя нація болѣе или менѣе плебейскія, федеральная программа должна принять въ себя непремѣнно демократическія стремленія, какъ политическія, такъ и экономическія. Если и въ Австріи аристократическій федерализмъ не имѣетъ большой силы и встрѣчаетъ могучаго врага въ германизаторскомъ централизмѣ, который усиливаетъ себя хоть относительнымъ, буржуазнымъ демократизмомъ, то въ Россіи аристократическій федерализмъ совершенная невозможность. Онъ не только не встрѣтитъ къ себѣ сочувствія въ населеніяхъ краевъ, лежащихъ между Польшей и Великороссіей, особенно въ населеніи украинскомъ, но найдетъ себѣ открытыхъ враговъ, какъ въ этихъ населеніяхъ, такъ и въ Великороссіи, въ которой вдобавокъ всѣ централистическіе элементы, не только бюрократическіе, но и помѣщичьи, ухватятся за демократическое знамя (конечно, съ разсчетомъ не показывать его на востокъ Днѣпра), чтобы только подорвать автономныя движенія въ западной половинѣ имперіи.

Конечно, логически проведенный демократическій принципъ приводитъ къ соціализму, но мы совершенно понимаемъ, что

---

[1]) Еще въ 1863 г., говоря о противникахъ уступокъ полякамъ, „Times“ очень вѣрно замѣтилъ, что неуступчивая „старорусская партія“ въ правительственныхъ кругахъ Россіи есть собственно „нѣмецкая партія.“ Съ тѣхъ поръ къ пруссофильскимъ дипломатамъ, остзейскимъ генераламъ и русскимъ бюрократамъ съ катковскими теоріями присоединились и московскіе славянофилы, которые еще въ 1863—1864 гг. ссвѣтовали рѣшать польскій вопросъ не по-прусски, а по-славянски, но которыхъ православіе загнало въ лагерь катковской обрусительной бюрократіи въ дѣлахъ западной половины имперіи, какъ теперь ненависть къ революціи пригнала ихъ къ помѣщичьимъ теоріямъ въ дѣлахъ остальной Россіи.

Библиотека "Руниверс"

такой логичности нельзя требовать въ настоящее время отъ всѣхъ не только въ практикѣ, но и въ теоріи. Такая логичность есть теперь не только дѣло извѣстной искренности натуры и способности къ самоотверженію, но также, и даже гораздо больше, дѣло дальновидности и извѣстнаго политическаго образованія, т. е., въ суммѣ качествъ, еще довольно рѣдкихъ въ теперешнихъ обществахъ. Но въ наше время всякому, имѣющему какія-либо общія политическія идеи и стремленія, обязательно уже отрѣшиться отъ всякихъ предразсудковъ бѣлой кости и понять истину, высказанную еще Аристотелемъ, о томъ, что общество (государство) не можетъ быть спокойнымъ при экономическомъ неравенствѣ, а потому и понять, что всякая умная политика, въ томъ числѣ и консервативная, должна имѣть въ виду всячески уменьшать это неравенство. Польскимъ же политикамъ исторія поставила диллему: или принять искренно демократическую программу (хоть бы на первыхъ порахъ и не соціалистическую) въ вопросахъ экономическихъ, при программѣ федеральной въ вопросахъ политическихъ, или терпѣть надъ своимъ краемъ и племенемъ и, значитъ, надъ самими собою, чужуюдиктатуру, въ большей или меньшей степени, грубую и деспотическую.

Казалось бы, колебаться въ выборѣ не слѣдовало бы. А потому можно думать, что сколько-нибудь реальное размышленіе о своемъ положеніи приведетъ политически образованныхъ поляковъ къ необходимости принять дѣятельное участіе въ образованіи въ Россіи федерально-демократической партіи. Первымъ приступомъ къ образованію такой партіи должно быть основаніе по всѣмъ областямъ Россіи и среди всѣхъ ея національностей политическихъ обществъ. Уже этотъ приступъ налагаетъ на теперешнихъ образованныхъ поляковъ довольно нелегкую обязанность: тѣ изъ нихъ, которые живутъ въ непольскихъ областяхъ, должны выдѣлить изъ себя, по крайней мѣрѣ, извѣстную часть для образованія или для усиленія кадровъ національныхъ партій среди народовъ плебейскихъ въ этихъ областяхъ: латышскихъ, литовскихъ, бѣлорусскихъ и украинскихъ. Идея эта не совсѣмъ нова для польскаго общества, въ которомъ уже были пробы литовскаго, украинскаго и даже бѣлорусскаго направленія, и научно-литературнаго, и даже политическаго характера,[1]) только эти пробы

[1]) Среди старой эмиграціи 30-хъ годовъ было общество, назвавшее себя даже „Human“ въ память „уманской рѣзни“, произведенной украинскими гайдамаками въ 1768 г.

Библиотека "Руниверс"

были сравнительно слабы и ложно направлены, все къ цѣли возстановленія Польши 1772 г. Польское общество въ дѣятельности для этой цѣли обнаружило богатство энергіи до такой степени, что давало отъ себя силы на поддержку всякаго врага русскаго деспотизма, даже далеко за предѣлами старой Польши: не только, напримѣръ, черкесовъ и другихъ кавказцевъ, но даже хивинцевъ и турецкаго султана, къ которому поступали на службу вовсе не одни авантюристы, но и убѣжденные польскіе патріоты. Почему то́, что дѣлалъ ограниченный и даже ошибочный патріотизмъ, не можетъ сдѣлать широкая идея общаго освобожденія всѣхъ народовъ востока Европы, тѣмъ болѣе, что въ рамкахъ этой идеи помѣщается и нормальный патріотизмъ реальной польской націи, которая иначе не можетъ быть освобождена, какъ въ общемъ процессѣ освобожденія этихъ народовъ?

До извѣстной степени, то же выдѣленіе изъ себя кадровъ для дѣятельности въ пользу плебейскихъ національностей придется произвести и овеликорушенной интеллигенціи невеликорусскихъ областей, на Украйнѣ, въ Бессарабіи и друг. Затѣмъ, сама великорусская страна слишкомъ велика, чтобъ ее могла представлять одна, „единая и нераздѣльная“ политическая организація.[1])

Когда, такимъ образомъ въ каждой изъ областей и національностей Россіи организуются политическія общества, тогда они образуютъ изъ себя настоящую федерально-демократическую партію, которая и возьмется за дѣло преобразованія Россіи въ дѣйствительно свободную въ политическомъ отношеніи страну, т. е. въ федерацію.

Преобразованіе это не можетъ быть дѣломъ очень короткаго промежутка времени. Еще самая идея именно о федеративномъ устройствѣ Россіи, какъ мы видѣли, сознается далеко не многими. Разъ же сознанная, идея эта должна собрать около себя кружки, которые затѣмъ рѣшатся приступить къ организаціи правильныхъ политическихъ обществъ, а эти послѣднія уже предпримутъ рядъ дѣйствій, отъ болѣе или менѣе мирныхъ до революціонныхъ, для достиженія своихъ цѣлей. Цѣли эти могутъ быть достигнуты не безъ борьбы не только съ теперешнимъ правительственнымъ элементомъ, но и съ другими, которые могутъ выступить на сцену

[1]) Мы думаемъ, впрочемъ, что слишкомъ велика для этого и украинская область.

Библиотека "Руниверс"

изъ самаго теперешняго общества, воспитаннаго въ идеяхъ государственно-національной централизаціи. Дѣйствующія въ настоящее время поколѣнія были бы счастливы, если бы имъ довелось увидѣть, по крайней мѣрѣ, заложеніе первыхъ основъ превращенія Россіи въ федеральное государство. Эти первыя основы, по нашему мнѣнію, могли бы быть и не очень радикальны, лишь бы онѣ были твердо положены и искренно усвоены обществомъ такъ, чтобъ стать безповоротными, какъ, напримѣръ, безповоротны реформы, какія дѣлаются въ Англіи.

Самымъ прочнымъ залогомъ развитія Россіи въ направленіи федеральномъ и вмѣстѣ съ тѣмъ наибольшей экономіи ея силъ, которыя иначе должны будутъ затрачиваться на періодическія революціи и реакціи, было бы направленіе исхода настоящаго кризиса Россіи къ закладкѣ прочнаго мѣстнаго самоуправленія, а не къ одному только установленію центральнаго представительнаго собранія по примѣру французскихъ конституцій. Франція, въ которой съ 1789 г. составлено семнадцать конституцій, испробовала съ тѣхъ поръ четыре революціи, и все-таки она вытерпѣла три солдатскихъ переворота, и едва съ недавняго времени имѣетъ слабые и неупроченные зачатки муниципальнаго самоуправленія, все еще не полную свободу печати и сходокъ и не имѣетъ свободы ассоціацій: во Франціи даже синдикальныя камеры рабочихъ не признаны закономъ и—что всего характернѣе—существованіе этихъ ассоціацій рабочихъ, какъ и многихъ другихъ свободъ, противно именно законамъ, изданнымъ во время великой революціи (1791—1796) въ тѣхъ видахъ, чтобы воспрепятствовать возстановленію старыхъ и установленію контръ-революціонныхъ ассоціацій! Вотъ что значитъ заботиться о замѣнѣ самодержавія монарха самодержавіемъ народа, не входя въ анализъ того, что такое собственно составляетъ политическую свободу!

Такъ какъ общество состоитъ прежде всего изъ лицъ, а народъ (нація) изъ обществъ, а государство (которое часто называютъ народомъ въ политическомъ смыслѣ) часто изъ разныхъ народовъ, то политическая свобода должна прежде всего состоять изъ разныхъ круговъ учрежденій, которыя бы, не закрывая одинъ другого, обезпечивали свободу лицъ, обществъ, народовъ. Очень можетъ быть, что дѣло установленія политической свободы въ Россіи начнется съ созыва центральнаго Земскаго Собора—который, каковъ бы онъ ни былъ, даже какъ далегація существующихъ земствъ, все таки будетъ лучшимъ иниціаторомъ реформъ, чѣмъ царскіе чиновники съ свѣдущими людьми или безъ

Библиотека "Руниверс"

оныхъ. Съ своей стороны мы думаемъ, что дѣло политической свободы, — которую мы, вслѣдъ за Прудономъ (qui dit liberté, dit fédération, ou ne dit rien), считаемъ невозможною безъ федераціи,— тогда только вышло бы на вѣрную дорогу, когда бы оно было начато провинціальными движеніями и, если нужно, возстаніями. Но какъ бы ни началось это дѣло, желательно было бы, чтобы устраненія царско-чиновническаго самодержавія не ограничились устройствомъ Всероссійскаго Земскаго Собора, а чтобы тотчасъ же было обращено особенное вниманіе на установленіе законовъ и учрежденій, которые бы обезпечивали: a) свободу личную (неприкосновенность безъ суда, свободу вѣры и безвѣрія, свобода слова и печати, свободу сходокъ, безоружныхъ манифестацій, прошеній, свободу ношенія оружія и военно-гимнастическихъ упражненій, и законные интересы лица), b) свободу товариществъ,— частныхъ, культурно-національныхъ и политическихъ, c) самоуправленіе общинъ, сельскихъ и городскихъ, d) самоуправленіе областныхъ единицъ, начиная отъ менѣе крупныхъ, волостныхъ и уѣздныхъ, до болѣе крупныхъ, провинціальныхъ.

Организація самоуправленія провинціальнаго самое трудное теперь дѣло въ Россіи, такъ какъ въ періодъ московко-петербургской централизаціи, которая прибѣгла даже къ пріемамъ ассирійской деспотіи,—умышленному опустошенію областей и переселенію ихъ жителей,—естественная группировка населенія въ областяхъ разорвана и замѣнена часто совершенно произвольною группировкою ихъ въ уѣзды, губерніи и генералъ-губернаторства, военные, учебные, судебные округа и проч. Изъ всѣхъ этихъ единицъ наиболѣе естественныя—уѣзды, хотя бы только потому, что онѣ наименьшія по объему, а слѣдовательно уѣзды и должны быть приняты за основу построенія провинціальнаго самоуправленія въ Россіи. Конечно, избирательные законы объ уѣздныхъ земствахъ должны быть измѣнены въ направленіи какъ можно болѣе демократическомъ и затѣмъ выборными должны стать не только теперешнія земскія учрежденія, но и вся уѣздная администрація и полиція (что не представляетъ большой новости, такъ какъ при крѣпостномъ правѣ земскіе исправники были выбираемы дворянами). Губернскія учрежденія вообще должны быть организованы такъ, чтобъ они только дополняли дѣятельность уѣздныхъ, а не являлись надъ ними начальствующею инстанціей. Что касается до губернскаго управленія собственно, то мы думаемъ, что Россіи долго еще не удастся избавиться отъ „помпадуровъ“, называемыхъ губернаторами, которыхъ, по всей вѣроятности, со-

Библиотека "Руниверс"

хранило бы, въ своихъ разсчетахъ, самое радикальное Учредительное Собраніе, какое только выставитъ теперешняя Россія. Но необходимо по крайней мѣрѣ совершенно оградить земскія учрежденія отъ давленія и теперешней почти кассаціонной власти губернаторовъ, сохранивъ за ними только одно административно-полицейское значеніе, обставивъ ихъ коллегіями съ участіемъ избираемыхъ членовъ и оградивъ выборныхъ уѣздныхъ чиновниковъ администраціи и полиціи отъ произвола губернаторовъ несмѣняемостью на срокъ выбора иначе, какъ по суду.[1]) Затѣмъ, уѣзднымъ земскимъ собраніямъ разныхъ губерній должно быть предоставленно право входить между собою въ соглашеніе касательно общихъ имъ нуждъ, равно какъ и земствамъ губернскимъ.

Такимъ образомъ постепенно сложится естественная группировка уѣздовъ во вторичныя группы, которыя могутъ со временемъ стать болѣе естественными, чѣмъ теперешнія губерніи, и въ естественныя же третичныя группы,—области въ собственномъ смыслѣ слова, для которыхъ жизнь опредѣлитъ и формы представительства, и кругъ дѣйствій послѣдняго. Возможно (и даже желательно), что нормальная организація уѣздовъ поведетъ къ совершенной атрофіи губерній и къ установленію только двухъ автономныхъ единицъ: уѣзда и области собственно, съ ихъ двойнымъ представительствомъ. Во всякомъ случаѣ, двойственное ли, или тройственное, областное представительство послужитъ прочною гарантіей не только противъ произвола центральной администраціи и ея агенствъ, но и противъ стремленій центральнаго представительства къ господству надъ областями, при твердомъ установленіи принципа, по которому никакое болѣе широкое представительство не имѣетъ власти надъ болѣе тѣснымъ въ извѣстномъ кругѣ дѣлъ, завѣдываніе которыми всецѣло принадлежитъ извѣстнымъ мѣстнымъ учрежденіямъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, только опираясь на свободныя областныя учрежденія, Всероссійскій Земскій Соборъ получитъ прочное существованіе и избѣгнетъ опасности быть игралищемъ дворцовыхъ реакцій партіонныхъ революцій и контръ-революцій и солдатскихъ переворотовъ,—ка-

---

[1]) Право иска передъ судомъ противъ всѣхъ чиновниковъ со стороны лицъ, корпорацій и мѣстныхъ представительствъ за дѣйствія незаконныя и за исполненіе незаконныхъ предписаній высшаго начальства (подобно праву существующему въ Англіи), помогло бы огражденію столько же мѣстнаго самоуправленія, сколько и личныхъ правъ.

Библиотека "Руниверс"

кимъ игралищемъ служили съ 1789 г. да служатъ отчасти и до сихъ поръ Національныя, Учредительныя, Законодательныя и т. п. собранія централизованныхъ государствъ западной Европы.

Обезпеченіе личныхъ правъ и общиннаго и мѣстнаго самоуправленія служитъ лучшею гарантіей и правъ національныхъ, которыя, въ сущности, суть не что иное, какъ права личныя: неприкосновенность извѣстныхъ особенностей лицъ и обезпеченіе для этихъ лицъ наиболѣе естественныхъ способовъ и путей развитія до общечеловѣческаго идеала. При нормальномъ ходѣ вещей, каждая національность придетъ къ организаціи своего, необходимаго въ особенности для достиженія цѣлей нравственнаго развитія, союза въ предѣлахъ всей области, ею населяемой, такъ что въ государствахъ разнонаціональныхъ національные бассейны,—особенно, когда они не слишкомъ велики (а это имѣетъ мѣсто почти во всей западной половинѣ Россіи), и представляютъ наиболѣе естественныя области, которыя мы назвали третичными. Но въ настоящее время мы признаемъ, что апріорное раздѣленіе Россіи, по этнографической картѣ на области, съ созданіемъ для каждой изъ нихъ своего рода центральнаго представительства, было бы дѣломъ слишкомъ доктринерскимъ, особенно, принимая во внимая, что и національныя границы теперь не вездѣ совпадаютъ съ границами экономическихъ бассейновъ. Апріорное же вырѣзываніе провинцій по преобладающимъ численно національностямъ, могло бы теперь создать въ каждой своего рода національные централизмы, въ родѣ тѣхъ, какіе замѣчаемъ въ коронныхъ областяхъ Австро-Венгріи. А потому мы думаемъ, что и въ этомъ вопросѣ лучше всего начать построеніе зданія снизу вверхъ. Фундаментомъ для огражденія неприкосновенности національностей и свободнаго развитія ихъ должна быть прежде всего широта личныхъ правъ. свобода частныхъ ассоціацій, а также широта правъ общинъ и уѣздовъ устраивать свои дѣла, въ томъ числѣ и дѣла народнаго образованія, въ которомъ національность играетъ особенно важную роль. Право уѣздныхъ и губернскихъ земствъ входить между собою въ соглашеніе по общимъ для нихъ дѣламъ постепенно выработаетъ формы солидарности между землями, населенными каждою націей, и организуетъ завѣдываніе дѣлами каждой, въ томъ числѣ и дѣлами народнаго образованія, наиболѣе удовлетворительно. [1])

[1]) Напомнимъ, что Швейцарія, въ которой пользуются неприкосновенностью не только три крупнѣйшія національныя разновидности: нѣмецкая, французская и

Библиотека "Руниверс"

Необходимо признать, что въ настоящее время осуществленіе на практикѣ совершенно безспорнаго въ теоріи права каждой націи на всѣ виды народнаго образованія на своемъ языкѣ обставлено немалыми трудностями. Трудности эти есть единственно результатъ прежней завоевательной, аристократической и бюрократической политики, которой слѣдовали государства извѣстныхъ національностей, успѣвшихъ, по разнымъ причинамъ, естественнымъ и относительно случайнымъ, занять привилегированное положеніе. Послѣдствіемъ старой политики было: раздѣленіе населеній извѣстныхъ областей на классовыя націи, задержаніе націй плебейскихъ на низшей степени литературнаго развитія и т. п. Дѣло вѣковъ приходится теперь поправлять съ извѣстнымъ вниманіемъ къ сложившимся жизненнымъ условіямъ, а не доктринерски, хотя бы и съ самыми благими цѣлями. И здѣсь самое лучшее начать работу снизу вверхъ,—отъ образованія элементарнаго, которое и теперь вездѣ можетъ быть производимо на народныхъ языкахъ. Затѣмъ, высшее образованіе на національныхъ языкахъ должно быть вводимо, по мѣрѣ ихъ литературнаго развитія.

Сообразно этому, напр., польскій языкъ долженъ теперь же стать языкомъ средняго и высшаго образованія въ границахъ этнографической Польши и въ тѣхъ общинахъ за этими границами, которыя того пожелаютъ. Тоже самое слѣдуетъ сказать и о языкѣ нѣмецкомъ въ городахъ прибалтійскихъ провинцій, который, впрочемъ, и теперь занимаетъ вполнѣ обезпеченное положеніе. Мы полагаемъ, что въ этихъ провинціяхъ теперь же возможно учрежденіе среднихъ учебныхъ заведеній и съ преподаваніемъ на языкахъ эстонскомъ и латышскомъ, которые могутъ постепенно войти и въ университетстое образованіе. Языкъ румынскій имѣетъ всѣ виды учебныхъ заведеній въ королевствѣ Румыніи, а потому учрежденіе румынскихъ гимназій не составитъ большой трудности для Бессарабіи, тѣмъ болѣе, что южная часть ея уже имѣла румынскія гимназіи (вмѣстѣ съ болгарскою) во время недавняго соединенія своего съ запрутскою Румыніей. Языкъ украинскій имѣетъ въ Австріи свои гимназіи (въ Львовѣ

итальянская, но и мелкія: т. наз. ладинская и романская (въ Граубюнденѣ)—не только не разрѣзана на сплошныя національныя области, но даже имѣетъ кантоны съ смѣшаннымъ населеніемъ. Въ Швейцаріи національная равноправность гарантирована неприкосновенностью личныхъ правъ во всей федераціи и общинныхъ въ каждомъ кантонѣ.

Библиотека "Руниверс"

полную, въ другихъ мѣстахъ — религію и украинскую литературу) и университетскія каѳедры (въ Львовѣ 4, въ Черновцахъ 1), но мы признаемъ, что обязательное введеніе этого языка даже въ гимназіи южной Россіи теперь было бы сопряжено съ большими трудностями, а потому это введеніе должно быть предоставлено естественному теченію жизни. Тоже слѣдуетъ сказать и о языкахъ литовскомъ и кавказскихъ, съ той только разницею, что введеніе этихъ языковъ, по крайней мѣрѣ въ гимназіи, представляетъ тѣмъ болѣе настоятельную нужду, чѣмъ болѣе эти языки отличны отъ теперешняго государственнаго языка, великорусскаго. Вообще же въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ, въ уваженіе теперешняго положенія вещей, языкомъ средняго и высшаго образованія нужно будетъ оставить языкъ великорусскій, до большаго развитія языковъ мѣстныхъ, необходимо: предоставить полную свободу преподаванія на этихъ языкахъ въ заведеніяхъ частныхъ и общинныхъ, а также ввести во всѣхъ среднихъ и высшихъ заведеніяхъ особыя каѳедры для мѣстныхъ языковъ, сознательное употребленіе и основательное знаніе которыхъ необходимо для всѣхъ мѣстныхъ дѣятелей. Кромѣ того, въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ должно быть дано право какъ приватъ-доцентамъ, такъ и штатнымъ профессорамъ открывать курсы на какомъ имъ угодно языкѣ (штатнымъ, конечно, за исключеніемъ общеобязательнаго курса). Затѣмъ, областныя земскія собранія (разныхъ степеней) постепенно будутъ рѣшать вопросъ о степени широты обязательнаго употребленія того или другого языка въ среднемъ и высшемъ образованіи. На нашихъ глазахъ въ нѣсколько десятковъ лѣтъ съ аналогическою съ проектируемою нами постепенностью рѣшенъ былъ вопросъ объ уравненіи плебейскаго финскаго языка съ языкомъ шведскимъ, бывшимъ прежде единственно оффиціальнымъ языкомъ въ Финляндіи, и никто не пострадалъ ни отъ этого уравненія, ни отъ его постепенности, а всѣ жизненные интересы края выиграли.

По такому же способу можетъ быть рѣшенъ и вопросъ объ употребленіи разныхъ языковъ въ учрежденіяхъ судебныхъ и административныхъ, о чемъ мы не считаемъ нужнымъ распространяться далѣе, такъ какъ этотъ вопросъ не имѣетъ такого общаго значенія, какъ вопросъ о языкахъ въ школахъ. Вопросъ же о языкѣ, на которомъ будутъ переписываться между собою разныя присутственныя мѣста, есть болѣе дѣло канцеляристовъ, чѣмъ населенія собственно.

Библиотека "Руниверс"

Какъ видитъ читатель, набросанныя сейчасъ соображенія не представляютъ чего нибудь неудобоисполнимаго и даже отличаются значительною уступчивостью сложившимся уже условіямъ жизни. Въ дѣлѣ реформы, главное, чѣмъ, по нашему мнѣнію, слѣдуетъ дорожить,—это не столько попытками сразу осуществить всецѣло то, чего требуетъ теорія,—что по большей части не удается и ведетъ за собою сначала реакцію, а потомъ вредный оппортюнизмъ, т. е. уступчивость качественную, а не количественную, сколько яснымъ опредѣленіемъ направленія, въ какомъ безповоротно должны быть дѣлаемы реформы, сообразно росту общественнаго сознанія. Въ данныхъ, занимающихъ насъ вопросахъ для насъ важно, чтобъ различные политическіе дѣятели въ Россіи искренно признали несоотвѣтствіе централистически-національныхъ идей, польскихъ и великорусскихъ, съ интересами общей свободы и жизни различныхъ народовъ и областей бывшей Польши и теперешней Россіи. Сознаніе это, по закону вещей, должно отразиться на ихъ политическихъ идеалахъ, на способахъ ихъ дѣятельности, и, наконецъ, на планахъ этой дѣятельности. Равнымъ образомъ мы не считаемъ для себя возможнымъ пускаться въ соображенія и о томъ, кто собственно теперь можетъ взяться за осуществленіе желаемаго нами преобразованія Россіи, тѣмъ болѣе, что, правду говоря, всѣ заявившіе себя въ послѣднее время общественные элементы, правительственные, революціонные и земскіе, очень мало возбуждаютъ въ насъ оптимистическихъ ожиданій. Правительство, даже послѣ того какъ всяческіе громы, отъ плевненскаго до взрыва бомбы надъ Екатерининскимъ каналомъ и еврейскихъ погромовъ, пробили его толстокожесть, очевидно, старается только „время провести.“ Степень его реформаторской искренности видна уже изъ того, что даже въ то время, когда оно подбираетъ всевѣдущихъ людей на помощь своему невѣдѣнію, оно не только не думаетъ снять уздечку съ печати, которая одна теперь могла бы послужить голосомъ новыхъ людей изъ общества, но даже давитъ и существующія покушающіяся быть независимыми изданія. Революціонеры, пока останутся при теперешнемъ своемъ составѣ,—преимущественно юношескомъ и безпрофессіональномъ,—и на теперешней степени своего политическаго образованія, безсильны провести что либо, кромѣ „террористическихъ“ опытовъ и смутнаго броженія въ странѣ, которые, конечно, колеблютъ существующее устройство государства, но не валятъ его окончательно и не замѣняютъ его новымъ; теперешніе революціонеры въ Рос-

Библиотека "Руниверс"

сіи не въ состояніи даже организовать сколько нибудь широкое движеніе ни въ такъ называемой интеллигенціи, ни въ такъ называемомъ народѣ. „Земцы“ въ массѣ своей слишкомъ пассивны, и даже тѣ изъ нихъ, которые до сихъ поръ дѣлали правительству замѣчанія о недостаткахъ теперешняго управленія, не только не возвысились до систематической его критики, съ противопоставленіемъ ей также систематическаго идеала, но даже унижались до постановки всего вопроса о реформахъ въ Россіи такъ, что якобы самостоятельное земство лучше будетъ бороться съ „крамолою“, чѣмъ полиція.

Очевидно, что для проведенія сколько нибудь дѣйствительной реформы политическаго строя Россіи, нужны совсѣмъ новые люди. Слѣдуетъ надѣятся, что, если страна способна дать ихъ, то они появятся въ областныхъ и національныхъ политическихъ обществахъ, составленныхъ изъ лицъ зрѣлыхъ, разныхъ профессій. Но гадать не только о способахъ дѣйствія, но даже о составѣ этихъ обществъ, да еще изъ „прекраснаго далека“, было бы дѣломъ напраснымъ. Съ своей стороны, мы считаемъ задачу свою законченною, если намъ удалось критикою политики и стремленій до сихъ поръ заявившихъ себя дѣятелей изъ обществъ, отъ которыхъ до сихъ поръ наиболѣе зависѣлъ ходъ дѣлъ на востокѣ Европы, указать на то, что, по нашему мнѣнію, было и есть въ нихъ ошибочнаго, и если намъ удастся, наброскомъ въ общихъ чертахъ нашихъ соображеній относительно болѣе цѣлесообразнаго направленія усилій къ установленію хотя бы элементарной свободы для населеній обширной страны, возбудить въ читателяхъ охоту къ самостоятельному пересмотру затронутыхъ нами вопросовъ. Только послѣ всесторонняго разсмотрѣнія сложныхъ политико-соціальныхъ отношеній, какія установились теперь на востокѣ Европы и, въ частности, въ Россіи, могутъ выработаться и правильные принципы политики въ этой странѣ. Правильные же принципы эти, будучи разъ въ мысляхъ общественныхъ дѣятелей и перешедши въ ихъ горячія желанія, всегда найдутъ себѣ внѣшнюю форму выраженія и средства для исполненія, какъ и наоборотъ, самая горячая преданность извѣстному дѣлу, доходящая даже до героизма, но не вооруженная сознаніемъ надлежащаго его направленія и дѣйствительной его обстановки, всегда приводитъ только къ болѣе или менѣе безплодной тратѣ силъ личныхъ и общественныхъ.

М. П. Драгомановъ.

Библиотека "Руниверс"

Къ вопросу объ украинскомъ народничествѣ.

[Опытъ программныхъ вопросовъ для изученія украинской національной идеи].

Извѣстный профессоръ М. М. К. говорилъ намъ, что сколько онъ ни встрѣчался съ такъ называемыми украинскими патріотами, никто изъ нихъ не могъ цѣльно и ясно изложить основаній своихъ воззрѣній, за исключеніемъ лишь В. Б. А., патріотизмъ котораго держится на строго проведенныхъ научныхъ доказательствахъ.

Намъ лично приходилось участвовать въ одномъ засѣданіи, въ которомъ принимали участіе тотъ-же М. М. К., нынѣ покойный А. А. Потебня, и другіе ученые и умные люди, обсуждавшіе вопросъ о программѣ предполагавшейся къ изданію мѣстной газеты съ украинскимъ направленіемъ. Но на этомъ засѣданіи обнаружилось, что о такомъ важномъ предметѣ, какъ ихъ собственное украинофильство, они очень мало знаютъ, потому что мало думали, мало занимались имъ, а серьезному изученію его никто себя не посвящалъ, поэтому высказывали весьма поверхностныя и весьма противорѣчивыя мнѣнія, такъ что не могли прійти ни къ какому серьезному заключенію и согласному рѣшенію.

Вообще наблюденія показываютъ, что украинское народничество держится, или, вѣрнѣе, покоится, болѣе на чувствѣ любви къ родинѣ, возбужденномъ большею частью впечатлѣніями, полученными въ дѣтствѣ отъ украинской деревни, и отчасти мѣстной поэзіей, преимущественно Шевченка, а также болѣе или менѣе случайнымъ знакомствомъ съ отдѣльными произведеніями укра-

Библиотека "Руниверс"

инской литературы [1]). Но строго продуманнаго украинскаго направленія, основаннаго на изученіи національнаго вопроса вообще, и въ частности украинскаго, на изученіи дѣйствительной жизни и потребностей украинскаго народа и общества, не существуетъ; по крайней мѣрѣ оно не раскрыто передъ нами даже такими корифеями, какъ покойный М. П. Драгомановъ, наиболѣе поработавшій надъ тѣмъ, чтобы осмыслить украинское дѣло.

Отъ нѣкоторыхъ націоналистовъ можно слышать даже такія разсужденія, что въ теоретической разработкѣ украинскаго вопроса нѣтъ надобности; достаточно одного патріотическаго чувства, чтобы, при добромъ желаніи и умѣньи, сдѣлать многое на пользу своего народа.

Это воззрѣніе идетъ совершенно въ разрѣзъ съ пріемами другихъ направленій, которые затрачиваютъ много силъ и средствъ для того, чтобы по возможности научнѣе обосновать свое ученіе и выснить свои задачи и въ тоже время по возможности доступнѣе популяризировать ихъ. Понятное дѣло, что такія ученія болѣе выигрываютъ, шире распространяются, занимаютъ первенствующую роль въ борьбѣ за существованіе.

Между тѣмъ націоналистическому направленію, къ какимъ принадлежитъ наше украинское народничество, наиболѣе необходимы научное обоснованіе и популяризація, такъ какъ націонализмъ вообще не въ чести у русской публики. И это понятно: наше общество имѣетъ дѣло съ государственнымъ, „кулачнымъ“ націонализмомъ, имѣетъ нѣкоторое представленіе, хотя по наслышкѣ, о нѣмецкомъ пангерманизмѣ того же свойства, о французскомъ націонализмѣ, направленномъ къ возвращенію стараго, отжившаго порядка; оно отвращается отъ націонализма, какъ отъ всего консервативнаго или даже реакціоннаго; общество наше не имѣетъ понятія о національно-демократическихъ направленіяхъ вообще и въ частности объ украинскомъ. Если бы общество было освѣдомлено о немъ, то, можетъ быть, иначе относилось бы къ нему, нежели теперь относится, а можетъ быть, почувствовало бы, что и само оно, это общество, причастно кулачному патріотизму. Если чистая идея націонализма загрязнена привнесеніемъ въ нее идей государственности, господства сильныхъ и пр., то въ этомъ, конечно, въ значительной степени виноваты сами націоналъ-демократы...

---

[1]) Интересно было бы собрать свѣдѣнія о причинахъ и способахъ пробужденія національнаго чувства у отдѣльныхъ лицъ изъ украинцевъ.

Библиотека "Руниверс"

Изъ изложеннаго, кажется, ясно, какъ необходимо систематическое изученіе національ-демократизма вообще и въ особенности украинскаго, и популяризація его.

Какъ это осуществить? Мнѣ кажется, что, при отсутствіи всестороннихъ спеціалистовъ, это возможно лишь коллективнымъ трудомъ.

Нужно сначала составить программу вопросовъ, обнимающихъ всѣ стороны предмета, издать ее, а затѣмъ просить лицъ, изучающихъ ту или другую сторону украинской жизни и прошлаго, составить, соотвѣтственно программѣ, очерки, болѣе обширные — для журнальныхъ статей, а сжатые — для книги которая служила бы, такъ сказать, руководствомъ для украинскихъ демократовъ и замѣняла бы для нихъ безчисленныя научныя изслѣдованія и популярныя изложенія ученій другихъ направленій. Во всякомъ случаѣ безъ программы не можетъ быть планомѣрной общественной дѣятельности.

Опытъ такой программы мы и желаемъ дать въ настоящей статьѣ.

ГЛАВА 1-я.

Соціальныя ученія, исходящія изъ основаній психическихъ (нравственнаго начала, требованій разума или науки) или изъ основаній экономическихъ (т. е. изъ необходимости удовлетворенія экономическихъ потребностей), изъ правъ личности, государственнаго начала, — всѣ они односторонни, а потому неудовлетворительны. Такъ какъ въ каждомъ изъ нихъ заключается лишь доля истины, то необходимо точкой отправленія въ нашемъ общественномъ міросозерцаніи принять такое начало, въ которомъ могло бы найти свое мѣсто и оправданіе все то, что справедливо въ этихъ разнородныхъ началахъ.

Нужно, поэтому, въ нашихъ воззрѣніяхъ исходить изъ потребностей большого соціальнаго цѣлаго, чувствующаго и сознающаго себя таковымъ. Такимъ цѣлымъ, представляющимъ изъ себя нѣкоторое подобіе организму, есть нація съ ея общими свойствами, потребностями, духовными, правовыми, экономическими и проч.

Благополучіе націи, съ уравновѣшеннымъ, гармоническимъ развитіемъ всѣхъ сторонъ и потребностей жизни (личностиъ и общественности) есть цѣль надъ цѣлями.

Библиотека "Руниверс"

Нація (но не раса) есть большая соціальная группа людей, чувствующая или сознающая свое племенное отличіе и своеобразіе, проявляющееся въ общности признаковъ духовныхъ, этнологическихъ, правовыхъ и проч., въ извѣстной степени проникнутая чувствомъ солидарности и общности интересовъ, связанная единствомъ происхожденія, имѣющая, поэтому, въ своемъ прошломъ, въ своей исторіи, общій запасный духовный фондъ, словомъ группа, которая составляетъ отдѣльную единицу по отношенію къ окружающимъ подобнымъ же группамъ и стремится къ единому будущему. Другими словами: нація есть соціальная единица, объединенная однородной и типичной культурой, или, по крайней мѣрѣ, чувствующая себя, какъ культурная особь и стремящаяся къ духовной самобытности.

Политическое устройство націи въ данный моментъ нельзя признавать кореннымъ началомъ народности, такъ какъ это устройство подлежитъ значительнымъ и нерѣдко быстрымъ измѣненіямъ, въ смыслѣ улучшенія или даже ухудшенія формъ; наприм., переходъ во Франціи отъ монархіи къ республикѣ, а въ древнемъ Римѣ, наоборотъ, отъ республики къ самодержавію, или переходъ въ средніе вѣка въ Западной Европѣ и въ Россіи отъ ограниченной королевской и великокняжеской власти къ самодержавію. Это произошло на Западѣ подъ вліяніемъ борьбы съ феодалами, а въ Московскомъ государствѣ вслѣдствіе усвоенія деспотически-родовыхъ формъ правленія отъ Монголовъ. Между тѣмъ народоправства Новгорода и Пскова наиболѣе сохранили древнихъ русскихъ и даже общеславянскихъ чертъ, въ видѣ вѣчевого самоуправленія или совѣщанія князя съ вѣчемъ.

Отсутствіе единообразія въ томъ или другомъ изъ факторовъ, на первый взглядъ кажущемся очень важнымъ, наприм. единообразія въ религіи, не устраняетъ единства національнаго; примѣромъ могутъ служить нѣмцы, исповѣдующіе католическую вѣру и лютеранство; малороссы—православные и уніаты и т. п.

Соединять понятіе религіи съ народностью возможно развѣ лишь въ томъ смыслѣ, что на религіозныхъ формахъ жизни въ нѣкоторой степени отражается характеръ націи или, по крайней мѣрѣ, государственный строй. Наприм., въ Россіи церковь всецѣло подчиняется тѣмъ тяжелымъ ограниченіямъ, какія на нее налагаетъ государственная власть; послѣдняя отняла у церкви возможность вселенскаго представительства, право самоуправленія, отмѣнивъ соборы и патріархатъ и замѣнивъ ихъ казеннымъ учрежденіемъ съ генераломъ во главѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, издавая

Библиотека "Руниверс"

законы, ограничивающіе свободу совѣсти и даже примѣняя въ дѣлахъ вѣры полицейское начало и допуская по отношенію къ иновѣрцамъ и сектантамъ гоненія, вплоть до ссылки и заточенія, власть внесла принципъ насилія или, говоря иначе, „духъ антихристовъ“ въ ученіе евангелія о любви къ ближнему. Конечно, для самодержавія было весьма выгодно изъ религіи и церкви сдѣлать орудіе своего преобладанія и оправдать свое господство надъ религіей [1]). На западѣ, напротивъ, свободная католическая церковь обратилась было сама въ самодержавіе и до сихъ поръ позволяетъ себѣ вмѣшиваться въ сферу вѣдѣнія свѣтской власти и даже во внутреннюю и внѣшнюю политику государствъ. И такъ, ни политическія формы, ни религію нельзя признавать коренными основами національности.

Преобладающимъ признакомъ національности слѣдуетъ считать языкъ, который служитъ главнымъ выразителемъ народной мысли и разума.

Хотя и при атрофированіи родного языка долго могутъ сохраняться прочія типическія черты національности, антропологическія и психическія, но это явленіе составляетъ рѣдкое исключеніе, при томъ же у народовъ діаметрально противоположныхъ съ окружающими (примѣръ, семиты—евреи, и кельты, ирландцы—усвоившіе англійскій языкъ).

Значеніе языка, какъ выразителя національно-народной психики, по ученію нѣмецкихъ и русскихъ филологовъ.

Лучшимъ средствомъ для обезпеченія народностей, для истощенія духовныхъ силъ народа, даже для духовнаго убійства націй представляется ограниченіе ихъ правъ на родной языкъ.

Бельгійскій депутатъ фламандецъ Ванъ-Беэрсъ въ 1873 г. въ рѣчи на литературномъ конгрессѣ въ Антверпенѣ высказался: „велико значеніе народнаго языка: онъ пробуждаетъ дремлющія творческія силы, онъ ведетъ по единственному пути сближенія интеллигенціи и народа, онъ даетъ естественныя формы воплощенію общечеловѣческихъ идей... Слово,—это, такъ сказать, кристаллизированная мысль. Стараться замѣнить языкъ народа языкомъ чуждымъ, значитъ то-же, что стараться задушить всякую оригинальность идей, то же, что задушить, убить мысль въ самой

---

[1]) Новый Путь, 1903 г. № 3-й Докладъ кн. Волконскаго и пренія въ религіозно-философскомъ обществѣ.

Библиотека "Руниверс"

душѣ; это все равно, что совершить нравственное убійство цѣлаго народа".

Главнымъ хранителемъ національныхъ началъ служитъ простой народъ; оттого замѣна слова „нація" „народомъ", употребленіе вмѣсто слова „государственный" словъ „національный, народный", передергиваніе у поляковъ словъ нація и narod (шляхетный классъ).

Народъ, какъ первоначальный творецъ языка (духа языка), литературы (не письменной), правовыхъ понятій и обычаевъ и проч. Обновленіе литературныхъ языковъ народными во многихъ литературахъ.

Народъ, какъ запасный капиталъ націи, изъ котораго она черпаетъ свои силы, по мѣрѣ вырожденія культурныхъ классовъ.

Народъ, какъ совокупность трудящихся классовъ, какъ представитель истинно производительнаго труда, по сравненію съ прочими классами.

Состояніе духовныхъ силъ и матеріальнаго пользованія массъ должно считаться настоящимъ мѣриломъ національной культуры и благосостоянія націи, такъ какъ при невѣжествѣ и бѣдности народа нѣтъ истиннаго благополучія націи. Богата, наприм., не англійская нація, а государство.

Тѣмъ не менѣе національное начало наибольшую степень сознанія получаетъ въ культурныхъ слояхъ, а не у народа, иногда лишь у единичныхъ личностей изъ интеллигентныхъ классовъ.

Познаніе національныхъ чертъ, духовныхъ началъ и идеаловъ, т. е. выясненіе національнаго самосознанія; знакомство съ духовными и матеріальными потребностями своей страны; развитіе культурно-національное, т. е. на собственныхъ началахъ, не противорѣчащихъ общечеловѣческимъ идеямъ справедливости; развитіе духовныхъ силъ населенія, въ частности поддержаніе и развитіе національнаго творчества, самодѣятельности народа, энергіи, духа единенія; внесеніе въ народную массу знаній и идей; развитіе эстетическаго чувства народа; защита матеріальныхъ и духовныхъ интересовъ низшихъ классовъ, какъ угнетенныхъ; урегулированіе классовыхъ интересовъ, съ ограниченіемъ опаснаго для націи принципа экономической свободы (т. е. свободы въ эксплоатированіи труда и въ распредѣленіи богатствъ). Вотъ основныя задачи національ-демократовъ.

Библиотека "Руниверс"

Но какъ отдѣльныя національности значительно отличаются не только по своимъ основнымъ чертамъ, а также по развитію въ нихъ сословныхъ отношеній, по распредѣленію матеріальнаго благосостоянія, по ихъ отношеніямъ къ государству, къ религіи, къ церкви, къ разнымъ соціально-политическимъ партіямъ и направленіямъ, то, кромѣ общекультурныхъ задачъ, у каждой націи въ отдѣльности могутъ быть свои спеціальныя задачи, разъясненіе которыхъ также должно входить въ программу націоналистовъ, въ видахъ установленія національной политики, а у угнетенныхъ націй, сверхъ того, ставится вопросъ о выясненіи способовъ для осуществленія своихъ попранныхъ національныхъ правъ.

Кромѣ указанныхъ выше задачъ, необходимо также изученіе другихъ націй съ данной точки зрѣнія, т. е. ознакомленіе съ ихъ національно-демократическими и государственно-національными стремленіями, задачами и соціально-политическими теоріями. Далѣе, изученіе націй вообще, съ раздѣленіемъ ихъ, по характеру взаимныхъ отношеній, на націи хищныя, паразитныя, активныя и пассивныя. Уясненіе роли тѣхъ и другихъ. Пониманіе того, какъ часто въ основу права въ отношеніяхъ междунаціональныхъ, какъ и государственныхъ, принимается безнравственное правило: „кто силенъ, тотъ и правъ“. Уясненіе часто повторяющагося стремленія поглотительныхъ націй оправдать свои своекорыстные дѣйствія высокими цѣлями: колонизаціонными, цивилизаторскими, служеніемъ государственнымъ интересамъ и т. п. Вообще тѣневая сторона націонализма, за которой нужно слѣдить: самомнѣніе и самовосхваленіе, національный эгоизмъ, исключительность и нетерпимость, идеализація своей національности и своего прошлаго, признаніе за собой превосходства надъ другими народами, даже особой миссіи и т. д.

Изученіе того, какъ на Западѣ подавленныя національности возвращали себѣ утраченныя права и въ какой мѣрѣ. Поучительные примѣры національнаго пробужденія и возрожденія на Западѣ. Состояніе самосознанія и національнаго возрожденія въ Россіи, у разныхъ народностей. Положеніе литературы у такихъ народностей. Поддержаніе правительствомъ нѣкоторыхъ народностей, лишь какъ средство для возбужденія національнаго антагонизма (у эстовъ и латышей противъ остзейскихъ нѣмцевъ; у финновъ противъ шведовъ). Высокая задача угнетенныхъ націй раскрывать истинныя побужденія угнетателей и способствовать сплоченью между собою первыхъ на братскихъ началахъ (взаим-

Библиотека "Руниверс"

наго воздѣйстія и поддержки). Устройство междунаціональныхъ съѣздовъ для взаимнаго уясненія своихъ задачъ и выработки общей программы дѣйствій.

Замѣчанія къ нѣкоторымъ пунктамъ 1-й главы.

Классифицирующая и біологическая соціологіи отождествляютъ человѣческое общество съ организмомъ или группой организмовъ, называемой видомъ. Выводы изъ такого отождествленія ведутъ къ грубымъ ошибкамъ. Такъ, примѣняя къ обществу законъ органическаго развитія, отъ однороднаго къ разнородному, отъ простого къ сложному, раздробленному, при чемъ каждый органъ вѣчно отбываетъ свою, присущую ему, функцію, они возводятъ въ соціальный законъ раздѣленіе или спеціализацію труда, забывая, что человѣкъ не клѣточка и не собраніе клѣточекъ, составляющихъ органъ, а есть нѣчто болѣе самостоятельное и можетъ, по мѣрѣ развитія въ себѣ сознанія, опредѣлять самого себя и перераспредѣлять свой трудъ по своему усмотрѣнію, а также стремиться къ всестороннему использованію своихъ силъ и способностей. Слѣдовательно, спеціализація труда въ человѣческомъ обществѣ не имѣетъ того безусловнаго значенія, какъ въ біологіи. Изъ отождествленія же общества съ группой организмовъ, съ видомъ, выводятъ необходимость въ человѣческомъ обществѣ борьбы за существованіе, съ подборомъ болѣе сильныхъ, съ гибелью болѣе слабыхъ, считая даже, что „безъ борьбы нѣтъ прогресса“ (выраженіе К. Маркса). Между тѣмъ въ соціальномъ обществѣ часто беретъ верхъ не болѣе высокій въ умственномъ и нравственномъ смыслѣ, а болѣе низкій и грубый, что обладаніе сословными привилегіями и капиталомъ способствуетъ побѣдѣ счастливца надъ болѣе честнымъ, умнымъ и развитымъ. Такимъ образомъ борьба, какъ между отдѣльными особями, такъ и между классами и націями, часто ведетъ къ гибели лучшихъ и къ побѣдѣ худшихъ и также можетъ приводить къ регрессу, какъ и къ прогрессу. Другіе соціологи думаютъ, что прогрессъ является не вслѣдствіе борьбы за существованіе, а помимо ея, что причина соціальнаго прогресса заключается не въ борьбѣ, а въ кооперації, въ присущей человѣку способности къ единенію, къ сознанію рода, къ соціальному устройству.

Библиотека "Руниверс"

Надо полагать, что обѣ силы дѣйствовали одновременно, но въ болѣе раннія эпохи преобладала первая, а затѣмъ, по мѣрѣ развитія сознательныхъ элементовъ и роста духовной энергіи, человѣческое общество пріобрѣтало характеръ иного соединенія, съ преобладаніемъ психическихъ силъ, такъ что борьба за существованіе отступала на второй планъ, и формы ея облагораживались.

Поэтому переносить на человѣческое общество исключительно формы и законы біологическаго развитія нѣтъ достаточныхъ основаній: законы соціальнаго развитія въ значительной степени самостоятельны, хотя далеко еще не раскрыты наукой. Если бы соціальные факты были надлежащимъ образомъ собраны и обобщены, то, конечно, не явилось бы столько шаткихъ теорій развитія, сколько ихъ предъявляютъ соціологія и исторія философіи, и, конечно, уменьшилось бы количество соціальныхъ воззрѣній за счетъ ихъ качества. По словамъ историка германскаго народа Лампрехта, „теперь въ исторіи необходимо исходить отъ націи (а не создавать исторіи личностей, государствъ, человѣчества), носительницы культуры, изслѣдовать смѣну ея состояній, сравнивать ее съ другими націями, устанавливать типическія черты и такимъ образомъ подняться до исторіи человѣчества“. Этотъ же методъ, вѣроятно, былъ бы плодотворенъ и для соціологіи.

Противъ націоналистическихъ взглядовъ возражаютъ съ разныхъ сторонъ и съ разныхъ точекъ зрѣнія и, кажется, главнымъ образомъ, съ слѣдующихъ.

Говорятъ, что націонализмъ препятствуетъ развитію индивидуализма, что онъ мѣшаетъ усвоенію и осуществленію космополитическихъ идей и идеаловъ, общечеловѣческой культурѣ, общечеловѣческому прогрессу, что, будучи односторонне направленнымъ на защиту національныхъ правъ, отвлекаетъ людей отъ болѣе существенныхъ, экономическихъ интересовъ и отъ соціально-экономическаго переустройства общества, что онъ защитой національныхъ правъ вноситъ племенную вражду въ государства смѣшаннаго характера, что онъ особенно вреденъ, когда занятъ ненужными дѣлами, напримѣръ — искусственнымъ созданіемъ отдѣльной литературы.

Противъ этого слѣдуетъ возражать: націонализмъ не только не препятствуетъ развитію личности, но, напротивъ, способствуетъ этому; что безъ раздробленія человѣческаго общества на націи не было бы прогресса и, стало быть, индивидуальнаго

Библиотека "Руниверс"

расчлененія, а все приняло бы однообразную физіономію. Все существо индивидуума создано при посредствѣ націи, т. е. его духовныя, умственныя и нравственныя способности, изобрѣтательность, искусство, оригинальныя соціальныя стремленія и проч.

Правда, что побужденія къ дѣйствіямъ, по мѣрѣ развитія общества, все менѣе проистекаютъ извнѣ, изъ внѣшнихъ обстоятельствъ, и все болѣе извнутри, изъ мысли, такъ что даже немалая часть человѣческой борьбы совершится уже въ видѣ умственной, потому что прежнему исключительно „природному" направленію развитія народа противополагается новое направленіе— „духовное" (указывающее на ростъ духовной энергіи), возникшее въ высшей средѣ и проникнутое гуманизмомъ. Но, во 1-хъ, національное развитіе можетъ быть вмѣстѣ съ тѣмъ и идейно-національнымъ; во 2-хъ, относительно общечеловѣческихъ, космополитическихъ идей и идеаловъ человѣчество не сговорилось и врядъ ли когда либо сговорится, кромѣ общихъ моральныхъ началъ и второстепенныхъ требованій и установленій, на счетъ которыхъ можно всегда придти къ соглашенію и усвоить ихъ со стороны. Такъ какъ развитіе изъ себя предполагаетъ развитіе всѣхъ національныхъ свойствъ и особенностей, то стремленіе къ космополитическимъ идеаламъ должно осуществляться своеобразно у каждой отдѣльной націи, не разрушая все національно-самобытное, слѣдовательно, и общечеловѣческое будетъ перерабатываться и осуществляться каждой націей по своему, и это будетъ естественное развитіе или, иначе говоря, развитіе по равнодѣйствующей этихъ двухъ силъ. Но если бы все соціальное развитіе приняло однообразныя формы у всѣхъ народовъ, сгладивъ ихъ національныя черты, это былъ бы вѣнецъ для развитія, за которымъ послѣдовалъ бы вѣчный застой. Но тамъ, гдѣ на національное развитіе наложено veto, тамъ оно должно совершаться болѣзненнымъ путемъ: должно вызывать припадки общественнаго умоизступленія или же влечь за собой духовное разслабленіе и упадокъ національныхъ силъ въ разныхъ сферахъ жизни, въ особенности въ области духовнаго творчества. Появляющіеся въ такихъ краяхъ народные дѣятели, обыкновенно называющіе себя космополитами, интернаціоналами и даже народниками, служатъ идеѣ государственнаго націонализма, т. е. тѣмъ, „кто давитъ чужія народности, а не тѣмъ, кто отбивается отъ давленія", и помогаютъ такимъ образомъ разрывать пропасть между интеллигенціей и народомъ.

Библиотека "Руниверс"

Для того, чтобы не поддерживать междуплеменной вражды и не возбуждать ненависти къ насиліямъ, производимымъ со стороны государствъ со смѣшаннымъ составомъ населенія, необходимо переустройство такихъ государствъ на федеративныхъ началахъ и предоставленіе равноправности народамъ и языкамъ, такъ какъ каждое государство, возникшее не изъ добровольной организаціи массъ, а изъ эгоизма властолюбивыхъ натуръ, по словамъ соціолога Уарда, представляетъ собою паразитъ, питающійся на счетъ подчиненныхъ народностей.

Что касается вопроса объ искусственномъ созданіи литературъ родственными народами и объ обязательномъ усвоеніи языка и литературы господствующаго племени, то, во 1-хъ, всякое развитіе литературы на первыхъ порахъ носитъ искусственный характеръ; во 2-хъ, рѣшеніе вопроса о томъ, быть или не быть литературѣ у родственнаго народа, нужно предоставлять не государству и не филологамъ, а обществу и народу, такъ какъ все дѣйствительно искусственное, несоотвѣтствующее духовнымъ потребностямъ націи, будетъ ими отвергнуто. Напротивъ, мы имѣемъ живые и назидательные примѣры отвращенія отъ родственныхъ языковъ и литературъ къ роднымъ; такъ въ Швеціи и Норвегіи — отъ датскаго къ шведскому и норвежскому языкамъ, хотя между этими языками не больше различія, чѣмъ между русскимъ и украинскимъ; у лужичанъ, которые предпочли собственное нарѣчіе, а не сербскій языкъ; у словаковъ и пр.

Признавая общечеловѣческіе идеалы истины, добра и справедливости, выраженные Кантомъ въ общей формулѣ, что „всякое разумное существо никогда не должно быть вещью или орудіемъ чужой воли, а лишь цѣльной личностью, человѣчность которой должна быть священной“, и считая за высшій такой соціальный порядокъ, въ которомъ господствуютъ равныя права и обязанности, мы тѣмъ не менѣе полагаемъ, что осуществленіе общечеловѣческихъ идеаловъ находится въ зависимости отъ мѣстныхъ условій: природы страны, свойствъ человѣка, психическихъ особенностей, степени его культуры, его прошлаго—исторіи. Такимъ образомъ общечеловѣческіе идеалы истины, добра и справедливости облекаются въ національныя формы, опредѣляющія то, что достижимо, и то, что можетъ быть. [1])

[1]) Не надобно забывать того, что такъ называемые космополитическіе идеалы сложились лишь у одной части индоевропейскихъ народовъ и что вообще мораль находится въ зависимости отъ расъ.

Библиотека "Руниверс"

Признавая, напримѣръ, форму государственной жизни, считаемъ однако, что цѣль государственности не въ господствѣ надъ людьми, а въ постепенномъ проведеніи началъ равенства и справедливости, сообразно съ мѣстными условіями; равно признаемъ и то, что человѣческое общежитіе должно быть регулируемо законами. Между тѣмъ, государство въ большей или меньшей степени является организаціей господства меньшинства надъ большинствомъ: въ сферѣ классовыхъ отношеній оно поддерживаетъ интересы сильныхъ и богатыхъ, въ сферѣ законодательства вообще защищаетъ преимущественно интересы привилегированныхъ сословій, въ томъ числѣ капиталистовъ, насилуетъ часто такія неприкосновенныя права, какъ право каждой народности на родной языкъ, право религіозной свободы и пр. въ международныхъ отношеніяхъ; усвоивъ правило, что „политика не этика", примѣняетъ грубо-эгоистическое начало насилія, открыто попирая высоконравственные мотивы, проведенные въ ученіи Христа, деморализируя тѣмъ собственныхъ гражданъ и такимъ образомъ подрывая авторитетъ власти (напримѣръ войны съ Китаемъ, съ бурами и мног. др.).

Наши взгляды на соціальныя отношенія яснѣе выразятся, если мы въ общихъ чертахъ укажемъ на эволюціонное развитіе соціальнаго строя человѣческаго общества вообще.

Первоначальное общество вездѣ возникало и держалось на племенномъ или родственномъ началѣ, на единствѣ происхожденія, а также чувствъ, мысли, вѣрованій, нравовъ и обычаевъ, на единствѣ формъ общественной жизни, безъ раздѣленія труда, безъ сословности, съ властью родоначальниковъ, съ общимъ правомъ племени на занимаемую имъ территорію, слѣдовательно безъ частной земельной собственности; при чемъ трудъ направлялся исключительно на добываніе себѣ пищи, на борьбу съ природой. Вторая стадія развитія общественности выражается началомъ борьбы человѣка съ человѣкомъ и, слѣдовательно, возникновеніемъ насилія, появленіемъ рабства, въ формѣ захвата плѣнныхъ изъ чужихъ племенъ, неодинаковымъ распредѣленіемъ труда между рабами и ихъ господами, при чемъ на рабовъ и женщинъ возложенъ болѣе тяжелый трудъ, а занятіемъ свободныхъ, а потому благородныхъ, сдѣлалась война, развивавшая алчность и хищничество. Въ дальнѣйшемъ слѣдовало порабощеніе цѣлыхъ племенъ однихъ другими, что вызвало усиленіе родовой власти и ея органовъ (для порабощенныхъ племенъ это не была уже власть родовая), усложненіе соціальнаго неравен-

Библиотека "Руниверс"

ства и санкцированіе его властью; изъ военнаго сословія образовался правящій классъ, а изъ подчиненныхъ и побѣжденныхъ разные производительные классы. Насиліе распространялось не только на захватъ имущества и женщинъ, но и на духовную сторону жизни: на языкъ, нравы, обычаи, вѣрованія и проч. На порабощеніи личности, на эксплоатаціи однихъ сословій другими, на завоеваніяхъ народовъ и націй, на захватѣ земельной собственности и распредѣленіи ея между завоевателями, выросли государства и государственная власть, приписавшая себѣ божественное происхожденіе; а затѣмъ развилась культура: знанія, искусства, техника и проч. Позднѣе всего народился капитализмъ съ товарнымъ производствомъ, зиждущійся на эксплоатаціи рабочаго сословія и пріобрѣвшій себѣ защитника и слугу въ лицѣ государственной власти. Всѣ эти виды порабощенія закрѣплены правомъ, первоначально обычнымъ, потомъ положительнымъ, и освящены религіей.[1])

Страницы всемірной исторіи полны повѣствованіями о попыткахъ противодѣйствія всѣмъ указаннымъ видамъ насилій, въ формѣ возстаній и войнъ (возстаній рабовъ, крестьянъ, борьбы бѣдныхъ съ богатыми, войнъ за возвращеніе національной независимости и пр.), но привитой тысячелѣтіями принципъ жизни, т. е. порабощенія человѣческой личности, сословій, народовъ, господствуетъ и теперь. Казалось бы, дѣло религіи и церкви стоять за права угнетенныхъ личностей, сословій и націй, но она, проповѣдуя личное самоусовершенствованіе, предпочла принять принципъ непротивленія злу и приладилась къ существующимъ формамъ жизни и даже поддерживала ихъ во имя божіе; только наука, въ лицѣ греческой философіи и средневѣковаго гуманизма дѣлала попытки теоретической защиты разныхъ видовъ свободы.

Но принципъ порабощенія въ значительной мѣрѣ поколебленъ въ эпоху новой исторіи революціями, въ особенности великой французской революціей, какъ въ сознаніи интеллигентныхъ классовъ провозглашеніемъ „естественныхъ правъ“ человѣка и началъ свободы, равенства и братства, такъ и въ жизни наро-

---

[1]) Даже нѣкоторые современные ученые хотятъ признать насиліе за справедливое начало. Такъ историкъ Трейчке говоритъ: „Законъ природы неизмѣненъ: только незначительное меньшинство должно пользоваться благами культуры. Культура немыслима безъ прислуги... Господство одного класса надъ другими вытекаетъ изъ природы общества,—такой порядокъ вещей справедливъ и необходимъ.

Библиотека "Руниверс"

довъ завоеваніемъ политической свободы, хотя и не полной, и отмѣной крѣпостной зависимости крестьянъ, хотя съ потерей земли, какъ въ Англіи. Однако, даже французскій конвентъ не понималъ того, что провозглашенные имъ принципы требуютъ отмѣны всеневиллирующей централизаціи и введенія спасительнаго федеративнаго начала, а вмѣстѣ съ тѣмъ признанія за порабощенными націями правъ на родной языкъ и на свободную группировку людей по національностямъ.

Въ новѣйшую эпоху беззавѣтной и безпощадной реакціей старому строю явилось ученіе соціалистовъ, въ особенности систематически разработанное Карломъ Марксомъ и марксистами (соціалъ-демократами). Основной принципъ этого ученія —„поставить каждому въ обязанность трудиться и обезпечить за каждымъ право на существованіе". Для осуществленія этого требованія предлагается однообразная общественная организація труда и замѣна теперешней капиталистической формы производства для рынка крупнымъ общественно-государственнымъ производствомъ продуктовъ для собственнаго потребленія, съ отмѣной правъ собственности на землю и на капиталъ; за государствомъ оставляются однѣ лишь хозяйственныя функціи.

Но противъ соціалистическаго ученія относительно экономическаго перерожденія общества нео-кантеніанцы возражаютъ, что не одни экономическіе интересы и формы производства являются главными факторами жизни человѣческой и первенствующими двигателями прогресса; а въ соціальной исторіи развиваются самостоятельныя идеальныя потребности и интересы (духовный процессъ жизни), которые все болѣе становятся самодовлѣющей цѣлью и поднимаются надъ классовыми интересами; что подлежитъ большому сомнѣнію то, какъ замѣна одного способа производства другимъ должна отразиться на личномъ и общественномъ благополучіи: приведетъ ли она къ осуществленію завѣтнѣйшихъ идеаловъ, или, наоборотъ, уничтоживъ стремленіе личности къ дѣятельности, повлечетъ за собой физическое и духовное оскудѣніе, такъ какъ безъ личной иниціативы утрачивается связь между призваніемъ человѣка и его работой, и слѣдовательно—не можетъ быть экономическаго прогресса: человѣкъ средняго шаблона, обезпеченный въ средствахъ къ существованію, потеряетъ побужденія къ духовному совершенствованію. Рѣзче формулируется этотъ скептицизмъ выраженіемъ: „утверждать, что на основаніи экономическихъ измѣненій должно неизбѣжно вырости соціалистическое общество—это діалекти-

Библиотека "Руниверс"

ческій самообманъ". По Штамплеру же, соціальный идеалъ не можетъ мыслиться достигнутымъ, такъ какъ движеніе къ нему безконечно; полное осуществленіе этой задачи („рай на землѣ") не мыслимо, потому что это означало бы конецъ всякой исторіи, неподвижность смерти или же абсолютное совершенство, которое недостижимо въ условіяхъ эмпирическаго бытія.

Другіе утверждаютъ, что соціализмъ имѣетъ уже за собой длинную исторію: сто лѣтъ прошло, какъ Бабефъ впервые опредѣленно высказалъ идеи общенія имуществъ и палъ, какъ глава коммунистическаго заговора; 50 лѣтъ протекло съ тѣхъ поръ, какъ соціалистическое ученіе обосновано научнымъ образомъ Карломъ Марксомъ, и столько же времени минуло, какъ организація труда на соціалистическихъ началахъ, приведенная въ исполненіе французскимъ правительствомъ, потерпѣла крушеніе, а человѣчество нисколько не измѣнило своихъ эгоистическихъ свойствъ. Сами теоретики соціализма не знаютъ, какимъ чудомъ капиталъ и средства производства перейдутъ въ руки рабочихъ: сами ли собой, по законамъ экономическаго и даже діалектическаго развитія, путемъ ли революціи рабочаго сословія, или же законодательнымъ, парламентскимъ порядкомъ. Указываютъ также на неразработанность такихъ коренныхъ вопросовъ, какъ вопросъ о принципѣ раздѣленія въ будущемъ государствъ продуктовъ производства—по мѣрѣ ли труда, или по способностямъ и знаніямъ, или по потребностямъ каждаго, или же поровну между членами общинъ или государства.

Но сомнѣніе вторгается и въ душу соціалъ-демократовъ. Болѣе умѣренные марксисты (бернштеніанцы) признаютъ недостаточность системы „одной защиты рабочихъ", отрицаютъ возможность повсемѣстной гибели крупнаго и въ особенности мелкаго крестьянскаго хозяйства, признавая въ крестьянинѣ не предпринимателя, получающаго прибыль и капиталистическую ренту, а лишь рабочаго, который живетъ не доходомъ со своей собственности, но результатами своего труда (рабочая рента), придаютъ большое значеніе постепенному измѣненію условій теперешняго строя, а не быстрому созданію новыхъ формъ, считаютъ, что для предполагаемыхъ измѣненій должны быть изучены и приняты во вниманіе природные, историческіе, политическіе и національные факторы каждой страны и народа въ отдѣльности; они выдвигаютъ также на первый планъ широкое развитіе сельско-хозяйственныхъ товариществъ, не только потребительныхъ, но и производительныхъ.

Библиотека "Руниверс"

Однако такъ называемые правовѣрные марксисты, вѣря, что дни частной земельной собственности сочтены, до послѣдняго времени отстраняли себя отъ участія въ крестьянскихъ интересахъ и партіяхъ и даже возставали противъ такихъ предпріятій, какъ поддержка производительныхъ земельныхъ товариществъ, какъ противорѣчащихъ ихъ принципу. Вся дѣятельность ихъ сужена была до служенія лишь интересамъ сословно фабричныхъ рабочихъ, при посредствѣ которыхъ они только и считали возможнымъ получить всѣ блага будущаго строя. Но и для рабочихъ собственно они сдѣлали немного, кромѣ введенія организаціи и дисциплины партіи и формулировки ея требованій. Если они въ отдѣльныхъ мѣстахъ добились нѣкоторыхъ облегченій для фабричныхъ рабочихъ, то и капиталисты успѣли въ то же время обезпечить интересы своего класса распространеніемъ синдикатовъ, для смягченія вредныхъ послѣдствій отъ конкурренціи и перепроизводства, и это въ то время, когда соціалъ-демократы заявили о скоромъ паденіи капиталистическаго строя.

По теоріи историческаго матеріализма К. Маркса и марксистовъ, опредѣленное состояніе техники и формы производства обусловливаетъ опредѣленный порядокъ имущественныхъ и классовыхъ отношеній, опредѣленное политическое устройство и опредѣленныя общественныя формы сознанія; стало быть развитіе сознанія, общественное развитіе, борьба классовъ, всѣ общественныя измѣненія и политическіе перевороты основаны на экономическомъ базисѣ и составляютъ результатъ хозяйственной техники. Но другіе экономисты и историки утверждаютъ, что это ученіе въ цѣломъ не выдерживаетъ критики, такъ какъ ни въ какомъ случаѣ оно не въ состояніи объяснить даже главнѣйшихъ формъ общественнаго развитія отъ способовъ хозяйства, а тѣмъ болѣе объяснить историческія событія въ жизни народовъ, хотя бы крупнѣйшія, или же раскрыть причины детальныхъ соціальныхъ перемѣнъ, хотя, можетъ быть, и найдена связь между отдѣльными историческо-соціальными явленіями и измѣненіями экономическаго характера.

Очевидно, что здѣсь, какъ и въ осуществимости скораго переустройства общества, марксисты зашли очень далеко. Стало быть, между теоріей соціализма и осуществленіемъ его такое же, если не большее, разстояніе, какъ между теоріей Христа о любви къ ближнему и христіанской практикой. Слѣдовательно, для воспріятія соціалистическаго ученія необходима спеціальная вѣра въ то, что капиталистическій строй въ болѣе или менѣе близ-

Библиотека "Руниверс"

комъ будущемъ исчезнетъ и неизбѣжно приведетъ къ идеальному строю, въ которомъ не будетъ мѣста ни печали, ни воздыханію. Разумѣется, блаженъ, кто вѣруетъ: безъ соціальной вѣры нельзя существовать человѣку соціальнаго типа.

Что касается насъ, націоналъ-демократовъ, то мы, прежде всего, считаемъ идеалъ марксистовъ, устроеніе матеріальнаго благополучія народовъ, одностороннимъ. Нашъ идеалъ—благополучіе націи, какъ матеріальное, такъ и духовное, предписываемое намъ чувствомъ любви къ родинѣ. Что касается капитализма въ теперешней его формѣ, то мы, конечно, считаемъ его большимъ зломъ, но не видимъ никакихъ симптомовъ для его разложенія и полагаемъ, что паденіе его будетъ совершаться вѣками, такъ же, какъ столѣтіями совершалось его зарожденіе и развитіе, и при томъ при постепенномъ накопленіи обусловливавшихъ его разнородныхъ причинъ (развитіе пролетаріата, промышленной техники, свободы промышленности, открытія новаго свѣта и др.) Полагаемъ, что и обобществленіе народнаго труда будетъ осуществляться постепенно, подъ вліяніемъ многихъ измѣненій, и при томъ въ различныхъ формахъ и въ разной степени у каждой націи въ отдѣльности.

Между прочимъ важную роль могутъ играть въ будущемъ среднія или переходныя формы кооперації между капиталистическими и рабочими, съ участіемъ рабочихъ или капиталистовъ въ прибыли.

Съ прочими пунктами демократическо-радикальной программы Маркса и Лассаля мы согласны, но также думаемъ, что на всѣ усваиваемыя второстепенныя формы жизни и учрежденія націонализмъ наложитъ свою печать, и каждая нація усвоитъ ту или другую форму по своему. Вотъ эти пункты: коренныя реформы въ защиту трудящихся классовъ; уменьшеніе рабочаго дня; широкое развитіе, при содѣйствіи государства, всякаго рода рабочихъ и крестьянскихъ ассоціацій, до заведенія рабочихъ фабрикъ и земледѣльческихъ артелей включительно; введеніе прогрессивнаго налога на имущество и наслѣдство; отмѣна вѣроисповѣдныхъ привилегій; отдѣленіе церкви отъ государства и школы отъ церкви; отмѣна сословныхъ и экономическихъ привилегій (мы, конечно, понимаемъ, что полной гармоніи интересовъ различныхъ классовъ и общественныхъ единицъ быть не можетъ; поэтому противоположность и борьбу различныхъ соціальныхъ группъ надлежитъ лишь смягчить до возможной степени); равно-

Библиотека "Руниверс"

правность мужчинъ и женщинъ; свобода печати, союзовъ и собраній.

Въ тоже время, въ отличіе отъ соціалистовъ, мы признаемъ необходимость государства и законовъ, и требуемъ широкаго права автономіи націямъ (федерація), простора развитію мѣстной жизни и народныхъ языковъ, развитію каждой народности на собственныхъ національныхъ началахъ, если онѣ оказываются жизнеспособными.

Изъ изложеннаго слѣдуетъ, что наше сочувствіе не можетъ быть ни на сторонѣ землевладѣльца, ни на сторонѣ капиталиста, поскольку они являются олицетвореніемъ экономическихъ категорій, носителями опредѣленныхъ классовыхъ отношеній и интересовъ; ни на сторонѣ бюрократіи, по скольку она является представителемъ организаціи господства меньшинства надъ большинствомъ. Еще менѣе мы можемъ мириться съ такъ называемыми духовными пастырями народа, такъ какъ духовенство вноситъ въ общество не духъ примиренія, а духъ розни, нетерпимости, насилія надъ человѣческой совѣстью, а въ послѣднее время оно приняло у насъ роль сыщиковъ и доносителей въ средѣ своей паствы [1]). Но мы, конечно, должны предоставить отдѣльнымъ лицамъ право на участіе въ общемъ національно-демократическомъ дѣлѣ, если они по симпатіямъ къ своей народности и по воззрѣніямъ примкнутъ къ намъ. Что касается до соціалистовъ, хотя бы и государственниковъ и космополитовъ, то, въ виду высоко гуманныхъ задачъ ихъ, мы не можемъ относиться къ нимъ, какъ къ врагамъ, а лишь какъ къ друзьямъ человѣчества, но при условіи, если и наши задачи—служить интересамъ родины — будутъ ими также уважаемы, какъ преслѣдующія гуманныя цѣли, хотя имъ и кажется, что мы идемъ болѣе узкимъ путемъ.

Хотя наши симпатіи всецѣло лежатъ на сторонѣ крестьянскаго, земледѣльческаго сословія, какъ наиболѣе демократичнаго и болѣе другихъ слоевъ сохранившаго національныя черты,

---

[1]) Указомъ Св. Синода отъ 1902 г. священникамъ поставлено въ обязанность заниматься политическимъ сыскомъ между пасомыми, въ томъ числѣ и между крестьянами, для чего избраны изъ нихъ инквизиторы на каждый уѣздъ, которымъ приходскіе священники обязаны доносить о всѣхъ свободомыслящихъ, для производства предварительнаго дознанія съ передачей потомъ дѣла подлежащимъ свѣтскимъ властямъ. Дальше такой деморализаціи пастырей идти некуда.

Библиотека "Руниверс"

но мы относимся и къ рабочему сословію вообще съ подобающимъ уваженіемъ и съ надеждой, что оно послужитъ лучшимъ проводникомъ національнаго сознанія въ народъ, если національ - демократы обратятъ на него надлежащее вниманіе.

Воля человѣческая, управляющая личными и общественными дѣйствіями людей, руководится, съ одной стороны, чувствами (по словамъ Паскаля, серце имѣетъ свои основанія, которыхъ не знаетъ разумъ), съ другой—представленіями и понятіями. Подъ вліяніемъ массы впечатлѣній, складывается у насъ неопредѣленное чувство патріотизма, но оно можетъ долго, а иногда и навсегда, находиться въ инертномъ состояніи. Великій польскій поэтъ сказалъ о чувствѣ патріотизма: „отечество, ты подобно здоровью,—лишь тотъ тебя сумѣетъ оцѣнить, кто потерялъ тебя". Но это чувство можно возжечь, воздѣйствуя на впечатлѣнія, преимущественно искусствомъ, въ особенности поэзіей, и сдѣлать вполнѣ сознательнымъ, если обосновать его соотвѣтственными познаніями и укрѣплять частыми повтореніями, такъ какъ, говоря словами одного ученаго, только найболѣе выдающееся, т. е. только то, что путемъ разнообразнаго, все усиливающагося повторенія, пріобрѣло найбольшее значеніе въ нашемъ сознаніи, только это побуждаетъ насъ къ дѣятельности. Имѣя такой прочный фундаментъ, наше ученіе будетъ сильнѣе самыхъ утопическихъ теорій, имѣющихъ цѣлью осчастливить разомъ все человѣчество, вогнавъ его въ однообразныя рамки.

Работа въ указанномъ направленіи нужна самая энергическая, такъ какъ націонализмъ извращенъ не только его врагами, но и многими его представителями, поэтому многіе считаютъ, что съ точки зрѣнія культуры онъ суживаетъ горизонтъ мысли и даже способствуетъ нравственному огрубѣнію. И такъ, нужно дружное усиліе для того, чтобы пробудить усыпленное патріотическое чувство и осмыслить его научными началами, очистивъ отъ наростовъ, привитыхъ ему смѣшеніемъ съ государственными и сословными идеалами и племенной враждой.

Мы должны здѣсь указать еще на благопріятный фактъ, на болѣе ясную и соотвѣтствующую требованіямъ жизни постановку русскими соціалъ-демократами соціальнаго вопроса. Въ недавно изданныхъ программахъ Искры и Жизни признается, что отмѣна капиталистическаго строя можетъ наступить не такъ скоро, какъ первоначально предполагалось, что соціальное развитіе должно совершаться въ каждой странѣ по своему и что въ Россіи соціальному переустройству общества должно предшествовать поли-

Библиотека "Руниверс"

тическое переустройство. Даже національный вопросъ разрѣшается справедливо. Впрочемъ, уже на Брюннскомъ съѣздѣ австрійскихъ соціалъ-демократовъ разрабатывался этотъ вопросъ съ благопріятнымъ рѣшеніемъ для націоналистовъ. Въ проектѣ программы Искры внесенъ такой пунктъ: „признаніе права на самоопредѣленіе за всѣми націями, входящими въ составъ государства". Относительно политической формы: демократическая конституція съ правомъ всеобщей подачи голосовъ, т. е. республика. Латышскіе соціалъ-демократы въ Жизни (1902 г. № 4-й стр. 167) предлагаютъ вмѣсто словъ „самоопредѣленія націй" замѣнить „самоуправленіе территоріальное"; „тамъ, гдѣ населеніе состоитъ изъ нѣсколькихъ націй, право самоопредѣленія возможно было дать географическимъ округамъ, а не этнографическимъ единицамъ". Очевидно, здѣсь подразумѣвались евреи, которые въ Польско-Литовскомъ государствѣ, не имѣя территоріальной обособленности, тѣмъ не менѣе имѣли свой сеймъ, собиравшійся черезъ 3 года, изъ представителей кагаловъ. Въ программѣ Жизни первое требованіе такое: Народная союзно-областная (федеративная) республика; дѣленіе Россіи на области, согласно національнымъ и историческимъ особенностямъ земель, входящихъ въ составъ современной русской имперіи или съ нею соединенныхъ; предоставленіе полнаго самоуправленія каждой изъ областей въ ея внутреннихъ дѣлахъ; право области, въ случаѣ требованія ея жителей, выраженнаго всеобщей, прямой, равной и тайной подачей голосовъ, на полное государственное отдѣленіе; равноправность всѣхъ языковъ". Тамъ же, въ статьѣ „Къ Армянскому вопросу" пояснено: „нужно создать для отдѣльныхъ національностей такія условія, чтобы онѣ имѣли возможность сохранить свою самобытность и жить культурной жизнью. Всеобщая россійская конституція съ центральнымъ парламентомъ, который неизбѣжно попадетъ въ руки консервативныхъ и буржуазныхъ партій, не только не уничтожитъ экономическаго гнета, но и не дастъ одинаковой культурной свободы всѣмъ національностямъ Россіи, а культурная свобода является первымъ условіемъ дальнѣйшаго развитія рабочаго вопроса; примѣромъ могутъ служить всѣ конституціонныя государства Европы, особенно Австрія и Германія, гдѣ парламенты различными исключительными законами притѣсняютъ мелкіе народы не меньше, чѣмъ въ теперешней Россіи" (стр. 29).

Если соціалъ-демократическая партія начала разрѣшать національный вопросъ въ смыслѣ полной автономіи каждой отдѣль-

Библиотека "Руниверс"

ной націи (чего раньше не было замѣтно, а напротивъ обнаруживалась явная нетерпимость къ требованіямъ націоналистовъ), то мы, націоналъ-демократы, конечно, должны привѣтствовать ихъ поворотъ въ этомъ направленіи.

Идеаломъ русскихъ соціалъ-демократовъ въ политическомъ отношеніи служитъ республика. Въ теоретическомъ смыслѣ мы ничего не имѣемъ противъ такой политической формы жизни, но въ смыслѣ практическомъ, т. е. со стороны осуществимости, считали бы прогрессивной формой и ограниченную монархію, но ни въ какомъ случаѣ не самодержавно-бюрократическій строй. При послѣднемъ не могутъ осуществиться ни культурная свобода народовъ, о которой сказано выше, ни коренныя экономическія реформы въ интересахъ низшихъ классовъ, а „народное благо“ будетъ оставаться лишь на бумагѣ, ни широкое распространеніе демократическо-экономическихъ идей, ни сознаніе необходимости служенія интересамъ массъ. Примѣръ Запада показалъ, что и при улучшенныхъ политическихъ формахъ, при конституціонной монархіи и даже при равноправной республикѣ, возможно принятіе односторонникъ мѣръ въ пользу однихъ сословій и въ ущербъ другимъ и, слѣдовательно, для усиленія разстройства мелкаго хозяйства и даже обезземеленія крестьянскаго населенія.

Не можемъ закончить нашихъ замѣчаній, не указавши на фальшивую постановку, которая даетъ себя знать въ аграрной программѣ Искры. Этотъ органъ соціалъ-демократовъ, съ одной стороны, желаетъ увеличенія благосостоянія крестьянъ на счетъ дополнительнаго надѣла крестьянъ владѣльческой землей, на счетъ удѣльныхъ и казенныхъ земель и на счетъ возвращенія плательщикамъ выкупныхъ платежей, съ другой—проектируетъ отмѣну общиннаго землевладѣнія и свободное обращеніе въ продажу земельныхъ надѣловъ! Это все для того, чтобы способствовать развитію земельнаго неравенства между крестьянами и развитію пролетаріата, который нуженъ для полнаго расцвѣта капитализма, безъ чего невозможно водвореніе соціализма! Здѣсь люди приносятся въ жертву послѣдовательной, но не гуманной теоріи. Какъ будто соціалъ-демократы не знаютъ того, что у насъ капитализмъ въ значительной мѣрѣ насаждается искусственно (правительственной поддержкой, широкимъ государственнымъ кредитомъ, казенными заказами, вывозной преміей и т. п.) и что даже въ тѣхъ полосахъ Россіи, гдѣ пролетаріата накопилось достаточно, наприм. въ центрально-черноземномъ районѣ или въ

Библиотека "Руниверс"

Полтавской губ. (20% безземельныхъ крестьянъ), капиталистическій строй промышленности не развивается, а населеніе или вымираетъ, или стремится переселяться на свободныя земли.

Литература по вопросу о національномъ.

Считаю нужнымъ для лицъ, которыя задумаютъ заняться этимъ предметомъ, указать хотя часть литературы по данному вопросу. Я, какъ составитель программы, счелъ возможнымъ лишь комбинировать и привесть къ единству положенія и мысли разныхъ авторовъ, писавшихъ на указанную и сродныя съ ними темы.

Основанія соціологіи Гиддинеса, перев. Лучицкаго К. 1898 г.

Основы соціологіи Гумпловича, пер. Гессена. Спб. 1899 г.

Философія исторіи какъ соціологія Барта, пер. Моделя Спб. 1902. 9-е приложеніе къ ж. Самообразованіе.

Общій ходъ всемірной исторіи Карѣева. Спб. 1903. Приложеніе къ Вѣстнику Самообразованія.

Національный вопросъ въ исторіи и литературѣ. А. Градовскаго Спб. 1873 г.

Національный вопросъ въ Россіи В. Соловьева. Изд. 3-е.

Россія и Европа Данилевскаго. 3-е изд. Спб. 1888.

Исторія русской литературы Пыпина Спб. 1898 г. Изложеніе теоріи культурнаго типа Данилевскаго, Страхова, и Соловьева.

Что такое нація, Ренана, русскій перев. Спб. 1888.

Вопросы психологіи и философіи 1901 г. кн. 4-я. Ст. Борисова. Въ чемъ же истина національнаго.

Основы народничества Юзова (Каблица) 2 кн.

Рус. Мысль 1885 г. №№ 3—4 Вопросы гегемоніи въ концѣ XIX вѣка. С. Южакова.

Рус. Мысль 1880 г. №№ 1—3 Основы ученія славянофиловъ. Миллера.

Вѣст. Европы 1895 г. № 9 Потебни. Языкъ и народность.

Слово 1878 г. № 3 Кулаковскаго. Наука о языкѣ и ея отношенія къ антропологіи и соціологіи.

Библиотека "Руниверс"

Макса Миллера — Языкъ и мысль.

Потебни — Мысль и языкъ.

Новое Дѣло 1903 г. № 3. О народности. К. Румынскаго.

Аграрный вопросъ Гертца, 2 изданія.

Индивидуализмъ и субъективизмъ Н. Бердяева.

Эрфуртская программа соціализма К. Маркса и Лассаля.

Опытъ программы русской соціалъ-демократической партіи Искры и Жизни 1902 г.

Лацаріусъ и Штейнталь. Психологія народовъ.

Рус. Мысль 1903 г. № 1 Историческій матеріализмъ Климентова.

Жизнь 1900 г. № 12. Неокантеіанское теченіе въ марксизмѣ. Лозинскаго.

Рус. Мысль 1900 г. № 12. Всемірный языкъ и народные языки Лесевича.

L' Evolution du droit et la conscience sociale, par Tanon. Paris 1901.

Лампрехтъ. Alte und neue Richtungen in der Geschichtswissenschaft. Berl. 1896.

John Haykraft. Naturliche Auslese und Rassenverbesserung. 1895.

Dr. Alfred Plontz Die Tuchtigkeit unserer Rasse und der Schütz der Schwachen 1895.

Pelman. Bonn Rassenverbesserung und natürliche Auslese; Centralblatt für allgem. Gesundheitspflege.

Максъ Веберъ. Die Nationalität und die Volkswirtschaftspolitick. Freiburg. 1895.

Библиотека "Руниверс"

ГЛАВА 2-я.

„Что-бы тамъ ни говорили космополиты, народы имѣютъ свои типичныя особенности, свои историческіе пути и свои неприкосновенныя права, и каждая отдѣльная личность тысячами невидимыхъ путей и властныхъ безсознательныхъ инстинктовъ связана со своей націей, какъ ничтожная частица великаго цѣлаго, какъ живой продуктъ тысячелѣтней борьбы милліоновъ единокровныхъ предковъ въ прошломъ и какъ носитель какого-то заповѣднаго тягла по отношенію къ поколѣніямъ будущаго. И раздѣленіе человѣчества на расы и націи, и борьба между ними, и союзничество единокровныхъ, и рожденная изъ пролитой крови нравственная связь личности съ націей—все это совершенно объективные факты, существованіе которыхъ не можетъ игнорировать никакая теорія, никакая живая мораль, не опирающаяся на абсолютный догматъ. Націонализмъ есть реальный историческій законъ общественной и нравственной жизни народовъ.

И. Гофштеттеръ.

Каждая народность представляетъ одну или нѣсколько главныхъ чертъ, а затѣмъ уже и второстепенныя, опредѣляющія ея культурный типъ. Но раскрыть эти основныя черты довольно трудно, въ особенности если народность продолжаетъ еще существовать и развиваться. Да и наука, занимающаяся этимъ дѣломъ, новая, неустановившая окончательно своихъ пріемовъ. Вотъ почему, если о народахъ, закончившихъ свое существованіе и оставившихъ достаточно матеріала, установились опредѣленныя мнѣнія на счетъ ихъ основныхъ свойствъ и типическихъ чертъ (наприм.—въ заслугу евреямъ ставятъ то, что они выработали монотеизмъ, римлянамъ разработку права, грекамъ развитіе философіи и искусства и общественнаго начала), то сужденія о каждомъ изъ нынѣшнихъ западно-европейскихъ народовъ въ отдѣльности не такъ уже рѣшительны, хотя всѣмъ имъ вмѣстѣ приписываются слѣдующія внесенныя ими начала: свободное развитіе личности и общественная самодѣятельность, научное знаніе и техника, промышленность, богатство и капиталъ. На счетъ же славянъ, и въ частности русскихъ, мнѣнія значительно расходятся. Западно-европейскій ученый Гобино говоритъ, напримѣръ, что „славяне, поселившіеся въ восточной Европѣ, образуютъ стоячее болото, въ которомъ тонутъ болѣе развитые народы. Славяне изъ всѣхъ существующихъ народовъ представляютъ собою самое старое, истрепанное, смѣшанное, а значитъ и выродившееся племя. Только пришедшіе съ сѣ-

Библиотека "Руниверс"

вера германцы внесли въ ихъ среду нѣкоторый порядокъ". Это сужденіе, конечно, нѣсколько одностороннее (хотя бы уже и потому, что нынѣ скрещиванію породъ приписываютъ оживляющее значеніе) похоже на то, какъ одинъ соціологъ (фонъ-Лиліенфельдъ) выводилъ русское самодержавіе изъ характера великорусскаго народа вмѣсто того, чтобы приписать его вліянію монгольскаго ига.

Впрочемъ, и сами русскіе соціологи не нашли еще своихъ основъ и только дѣлаютъ попытки къ ихъ раскрытію. Но все же довольно часто высказывается мнѣніе, что русскому міросозерцанію суждено выдвинуть на первый планъ нравственные интересы жизни, служеніе добру, благу. Еще менѣе можно поставить въ вину малороссамъ то, что они не раскрыли основъ своей жизни, обнаруживающихся въ народномъ бытѣ и исторіи. Представляя изъ себя паріевъ, съ одной стороны утратившихъ связь съ собственнымъ народомъ, съ другой стороны не слившихся всецѣло съ господствующимъ племенемъ, наши интеллигенты какъ-бы потеряли способность къ самоопредѣленію. Но, можетъ быть, намъ самъ народъ поможетъ въ этомъ самоопредѣленіи: нужно порыться въ его прошломъ и настоящемъ. Вѣроятно, наша основная черта и есть *демократизмъ*; такъ, по крайней мѣрѣ, говоритъ народъ въ замѣчательной по краткости и выразительности пословицѣ: „у ляхивъ *паны*, у москаливъ *ребята*, а у насъ *браты*".

Будемъ же разумнѣе, систематически, изучать свою землю и свой народъ, чтобы разрѣшить вопросъ: нація ли мы, т. е. обладаемъ ли мы особенными антропологическими, психическими соціальными и проч. свойствами, подъ вліяніемъ какихъ внѣшнихъ и внутреннихъ условій складывались эти свойства и чьи руки помѣшали ихъ естественному самостоятельному развитію...

Настоящая 2-я часть программы указываетъ эти соціально-психологическіе и внѣшніе факторы, характеризующіе нашу жизнь или вліяющіе на нее, которые подлежатъ изученію. Разумѣется, мы можемъ представить здѣсь лишь простой перечень этихъ сторонъ, съ нѣкоторыми пояснительными вопросами и замѣчаніями. Кто будетъ разработывать каждую отдѣльную сторону, тотъ будетъ въ состояніи составить болѣе обстоятельную программу и указать необходимые источники. Какъ извѣстно, нѣкоторыя части предмета уже достаточно разработаны, напримѣръ, очерки по исторіи украинскаго народа, по исторіи литературы,

Библиотека "Руниверс"

такъ что ихъ легко приспособить для нашей цѣли, другія же представляютъ лишь обработанный матеріалъ или даже кучу сырого матеріала, надъ которымъ нужно не мало потрудиться. Но при живой любви и умѣньи нельзя отказываться отъ полезнаго для родины дѣла.

Антропогеографическій очеркъ. Характеръ территоріи, занимаемой малорусскимъ народомъ (открытыя границы и ихъ значеніе въ политическомъ отношеніи и вліяніе на національную неустойчивость). Поверхность территоріи въ отдѣльныхъ частяхъ или районахъ: степной, лѣсной, болотной и нагорной. Почвенныя и климатическія особенности и ихъ вліяніе на характеръ населенія и производительность страны.

Количество малорусскаго населенія и инородной примѣси въ нашемъ краѣ. Рождаемость, смертность и естественный приростъ населенія. Увеличивается или уменьшается приростъ и отчего? Отличіе въ этомъ отношеніи отъ сосѣдей и причина различія (можетъ быть, отъ разницы въ размѣрѣ надѣльной и пр. земли)? Преобладаніе въ составѣ семей числа мужчинъ надъ женщинами, въ противоположность съ великорусскимъ населеніемъ. Дѣйствительный приростъ населенія и вообще плотность и уплотненіе населенія. Антропологическія особенности населенія. Процентъ примѣси инородческаго элемента въ расѣ для опредѣленія чистоты типа: процентъ круглоголовыхъ, брюнетовъ и пр. [1]). Нормальное ли развитіе желудка и живота (въ противоположность съ болѣзненнымъ расширеніемъ живота у сосѣдей (великороссовъ и бѣлоруссовъ), питающихся хлѣбомъ съ отрубями или картофелемъ („картофельные животы“ у нѣмцевъ). Правильное ли развитіе таліи у женщинъ (противоположность съ великорусскими крестьянскими женщинами, у которыхъ обнаруживается отсутствіе таліи, а для прикрытія этого недостатка служитъ сарафанъ). Средній ростъ населенія; не замѣчается ли уменьшенія въ числѣ способныхъ къ отбыванію воинской повинности? Вырожденіе.

---

[1]) Хотя въ составъ малорусскаго народа вошла нѣкоторая часть инородческаго начала въ лицѣ плѣнныхъ и поселенныхъ внутри страны торковъ, берендѣевъ, черкесъ и проч., но примѣсь эта незначительна по сравненію съ количествомъ финскаго, чудскаго и тюркскаго элемента въ великорусскомъ народѣ, такъ какъ вся страна сѣвернѣе Москвы заселена была финнами: самое слово Москва—угорское (грязная вода). См. изслѣдованія Д. Европеуса въ журн. Мин. Нар. Просв. съ 1868 г. кн. 7-я о народахъ въ средней и сѣверной Россіи до славянъ и въ трудахъ казанскаго археологическаго съѣзда.

Библиотека "Руниверс"

Темпераментъ малорусскаго народа: отношеніе впечатлительности нервовъ къ ихъ реакціи—какъ эти отношенія выражаются въ разныхъ функціяхъ жизни и въ разныхъ сферахъ дѣятельности. Національный характеръ и вообще племенная психологія.

. Очеркъ этнографическихъ особенностей народа, въ особенности типическія черты, какими онъ изображается въ памятникахъ народной словесности. Этнографическія границы малорусскихъ и сосѣднихъ племенъ. Легко ли смѣшиваются сосѣднія племена и что этому препятствуетъ: не болѣзненныя ли физіологическія уклоненія? Извѣстно, что малороссіяне не женятся на великороссіянкахъ даже смежныхъ селъ, считая ихъ „кислыми“, какъ они выражаются. Вѣроятно, это обусловливается развитіемъ животовъ и частыми болѣзнями искривленіи матки.

Денаціонализація, ея размѣры и причины. Образованіе средняго языка (образцы новообразованій: саратовскаго, воронежскаго и др. говоровъ).

Особенности племенныя, выраженныя въ правовыхъ понятіяхъ и обычаяхъ народа. Очеркъ юридическихъ обычаевъ. Пагубное вліяніе земскихъ начальниковъ на извращеніе правовыхъ обычаевъ и понятій у народа. Общественные нравы: отношенія къ личности, къ собственности.

Религіозныя особенности народа. Сектантство. Народная нравственность; порча ея и причины. Нравственные идеалы по сравненію съ великороссами и поляками. „Стыденье передъ снохами“ у малороссовъ еще со временъ лѣтописца Нестора и современное снохачество и деверство (сожительство свекровъ съ женами сыновей и деверей) у великорусскихъ крестьянъ, какъ остатокъ древней поліандріи (многомужества) у нѣкоторыхъ сѣверо-русскихъ племенъ.

Малорусскій языкъ. Мнѣнія о его самостоятельности и древности на ряду съ великорусскимъ. Воззрѣніе противниковъ. Нарѣчія малорусскаго языка и главныя ихъ особенности. Очеркъ исторіи языка. Старинный литературный и юридическій языкъ. На сколько имъ возможно воспользоваться для пополненія новаго. Необходимость систематическаго изданія памятниковъ на этомъ языкѣ. Необходимость выработки правильнаго украинскаго литературнаго и научнаго языка, а не такого безобразнаго, какимъ часто говорятъ и пишутъ наши патріоты; для этого нужно основательное знакомство съ нашими лучшими авторами, въ особенности съ Кулишомъ, научный языкъ котораго образцовый.

Библиотека "Руниверс"

Очеркъ исторіи древней и новой литературы.

Развитіе народнаго театра и драматической литературы. Ея достоинства и недостатки. Отсутствіе или скудость драматическихъ произведеній изъ быта интеллигенціи, хотя бы галицкой, и изъ прошлаго; недостатокъ переводной литературы).

Взглядъ на исторію малорусскаго народа, главнымъ образомъ, бытовую и культурную; на сколько въ ней проявляются основныя національныя черты.

Проявленіе національныхъ особенностей въ искусствахъ: музыкѣ, пѣніи, живописи, архитектурѣ и въ кустарныхъ издѣліяхъ.

Экономическая жизнь территоріи, земледѣльческая и промышленная; ея особенности. Причины, обусловливающія характеръ хозяйства и промысловъ. Развивается или падаетъ хозяйство и промышленность.

Въ виду важности этой стороны жизни, помѣщаемъ подробную экономическую программу.

Общее количество земли по губерніямъ. Распредѣленіе земельной собственности по сословіямъ и по угодьямъ и количество паровой земли. Населеніе вообще и населеніе земледѣльческое. Преобладаніе сельскаго населенія надъ городскимъ и въ какой мѣрѣ послѣднее усиливается и отчего. Количество удобной земли на 1 человѣка населенія вообще и земледѣльческаго въ частности. Число хозяйствъ или дворовъ. Величина отдѣльныхъ хозяйствъ. Число крестьянъ безземельныхъ и обезпеченныхъ землей и въ какой мѣръ; хозяйства съ 1, 2, 3-мя и т. д. земельными надѣлами и размѣръ надѣловъ. Хозяйственный составъ семей: съ 1, 2, 3 и т. д. рабочими и по количеству живого инвентаря.

Распредѣленіе губерніи на хозяйственные районы и ихъ характеристика.

Состояніе земледѣлія и сельско хозяйственной промышленности у крестьянъ и частныхъ владѣльцевъ. Сборы хлѣбовъ и картофеля вообще и съ 1 десятины и за вычетомъ сѣмянъ. Колебанія урожаевъ по годамъ. Сколько приходится чистаго сбора на 1 человѣка населенія вообще и земледѣльческаго въ частности. Сопоставленіе этихъ данныхъ съ средней физіологической нормой пищи, необходимой для человѣка. Состояніе скотоводства и кормовыхъ средствъ. Постепенное уменьшеніе числа скота. Преобладаніе рогатаго скота надъ лошадьми въ качествѣ рабочей силы. Нерабочій скотъ и его значеніе въ хозяйствѣ. Не производится ли усиленный сбытъ скота и вывозъ заграницу въ неурожайные года? Нормальный бюджетъ крестьянской семьи

Библиотека "Руниверс"

средней, богатой и бѣдной. Въ чемъ замѣчается улучшеніе и въ чемъ упадокъ въ земледѣліи и скотоводствѣ, въ отношеніи системы хозяйства, развитія культуры и техники, состава почвы (истощеніе почвы и распространеніе удобреній). Не замѣчается ли относительнаго уменьшенія числа скота рабочаго и нерабочаго? Почему происходитъ замѣна воловъ лошадьми? Упадокъ мериносоваго овцеводства, пчеловодства и пр. и въ какихъ размѣрахъ.

Размѣръ задолженности владѣльческихъ земель и какой процентъ составляютъ платежи по отношенію къ чистой доходности имѣній. Открытый дворянамъ кредитъ даетъ ли необходимыя средства для дальнѣйшаго развитія или только для поддержанія хозяйства въ теперешнемъ состояніи? Служитъ ли дворянское хозяйство образцомъ для улучшенія крестьянскаго хозяйства и въ какой мѣрѣ?

Степень обезземеленія и обѣднѣнія крестьянскаго населенія со времени освобожденія крестьянъ. Не происходитъ ли уменьшенія средней крестьянской семьи? Не замѣчается ли уменьшеніе производительныхъ силъ, опредѣляемое производствомъ хлѣба по отношенію къ населенію (при дѣленіи на наличную душу земледѣльческаго населенія)? Не уменьшается ли количество потребительныхъ продуктовъ и вина на семью или на человѣка? Размѣръ крестьянской задолженности. Не увеличиваются ли крестьянскія недоимки несоотвѣтственно приросту населенія? Не замѣчается ли экономическое разслоеніе сельскаго населенія—на кулаковъ и маломощныхъ? Вліяніе урожайныхъ и неурожайныхъ годовъ на число браковъ, рожденій и смертей.

Не происходитъ ли у частныхъ землевладѣльцевъ перехода въ формѣ хозяйства — отъ веденія хозяйства за свой счетъ къ сдачѣ земли въ аренду, на какихъ условіяхъ, и чѣмъ это обусловливается? Существуетъ ли половничество и раздача земли за отработки и на какихъ условіяхъ и какъ эти условія измѣняются: къ лучшему ли для крестьянъ? Степень повышенія съемныхъ, арендныхъ и продажныхъ цѣнъ на землю (причины) и соотвѣтствуетъ ли это повышеніе приросту населенія и поднятію производительности земли. Движеніе земельной собственности и въ какомъ направленіи (по статистическимъ даннымъ). Размѣръ земельныхъ закупокъ для крестьянъ при посредствѣ банковаго кредита (Крестьянскій Банкъ) и на сколько этимъ облегчается положеніе населенія.

Сравнительный размѣръ земледѣльческой и заводской промышленности (въ общихъ итогахъ). Причина незначительнаго

Библиотека "Руниверс"

развитія фабричной и заводской промышленности. Размѣръ и направленіе сбыта мѣстныхъ сельско-хозяйственныхъ и заводскихъ продуктовъ. Ввозъ, и откуда, предметовъ промышленности разнаго рода. Въ чемъ заключается противоположность экономическихъ интересовъ Юга и Сѣвера? Существуетъ ли только экономическая зависимость сѣвера и юга, или же экономическое порабощеніе юга сѣверомъ[1]) и въ чемъ оно проявляется? Не очень ли высока провозная цѣна хлѣба и скота по желѣзнымъ путямъ? Значеніе украинскихъ ярмарокъ городскихъ и сельскихъ для внутренней торговли.

Размѣръ заработка рабочаго и повышается ли заработная плата въ сельско-хозяйственной и заводской промышленности? Сельскіе кустарные промыслы и развиваются ли они или падаютъ и почему? Отходъ крестьянъ дальній и ближній на заработки и не обращается ли онъ въ экономическія скитанія? Направленіе отхода и измѣненія въ направленіи и въ размѣрѣ за разные періоды. Переселеніе крестьянъ въ окраины и за океанъ, куда именно и въ какомъ размѣрѣ. Жизнь матеріальная и духовная на новыхъ мѣстахъ. Остатки и новыя проявленія артельнаго начала въ народѣ. Вліяніе общиннаго землевладѣнія или его отсутствія на распредѣленіе земли и на хозяйственный бытъ населенія. Взглядъ народа на общинное землевладѣніе, на его преимущества и недостатки; стремленіе крестьянъ къ нему. Подворное владѣніе. Какія хорошія стороны въ немъ? Способствуетъ ли оно развитію земледѣльческой культуры? При подворномъ землевладѣніи существуютъ ли обязательные сѣвообороты и паръ? При разграниченіи полей и угодій замѣтно ли улучшеніе хозяйства? Чѣмъ парализуется самый мощный факторъ хозяйственнаго прогресса—творческая сила самого народа?

Сословныя отношенія и характеръ ихъ. Взглядъ народа на пана, купца, заводчика, горожанина, солдата, священника. Образованіе дворянскаго пролетаріата, вслѣдствіе перехода земли къ разночинцамъ и крестьянамъ и отношеніе народа къ этимъ фактамъ. Выраженіе мести народной землевладѣльцамъ въ формѣ поджоговъ и пр. Народные идеалы относительно будущаго распредѣленія земельныхъ благъ. Взглядъ народа на заводскую промышленность; денаціонализація и деморализація народа подъ

---

[1]) Если продукты производства юга вывозятся для переработки на сѣверъ и въ переработанномъ видѣ возвращаются для потребленія на югъ, то это будетъ порабощеніе.

Библиотека "Руниверс"

вліяніемъ измѣнившихся экономическихъ формъ жизни. Народныя пословицы, характеризующія взгляды народа на разныя сословія. Понятіе народа о теперешнемъ соціальномъ строѣ и неправдѣ въ немъ. Народные разсказы, легенды, пѣсни, характеризующіе соціальный взглядъ народа.

Междуплеменныя отношенія. Взгляды народа на москалей, поляковъ, евреевъ, нѣмцевъ и пр. Хорошимъ матеріаломъ могутъ служить пословицы; наприм.—пословицы о москаляхъ: Москва на слезы не вдаря; московське пануваньня — що ката жартуваньня; зъ москалемъ знайся, а каминь за пазухою держы; видъ москаля, полы врижъ, та втикай; или загадка о москалѣ: „пидъ лыкомъ (липой) спыть, лыкомъ (рогожей) вкрывается, у лыкахъ (лаптяхъ) ходыть та й у лыкахъ усихъ водыть (т. е. держитъ въ нищетѣ). Предпочтительная любовь малоросса къ своей землѣ. Страданія интеллигенціи и народа тоской по родинѣ. Случаи, подтверждающіе это. (Наприм. профессоръ московскаго университета М. А. Максимовичъ въ 1833 г. почувствовалъ томительную тоску по родинѣ; учрежденіе университета въ Кіевѣ повлекло его туда неодолимою силою. Біограф. словарь профес. москов. универс. ч. 2, 1855 г. стр. 10. Малороссійскіе крестьяне переселенцы въ Енисейской губ., какъ сообщалось въ мѣстныхъ губ. Вѣдомостяхъ, вымираютъ главнымъ образомъ отъ тоски по родинѣ.)

Отношенія къ власти и международныя. Разрывъ нашего народа между тремя державами. Безправіе русиновъ въ Венгріи, господство румыновъ въ Буковинѣ, поляковъ въ Галиціи. Положеніе украинцевъ въ Россіи. Мертвящая централизація, способствующая матеріальному и духовному оскудѣнію нашего народа. Эксплоатація въ разныхъ отношеніяхъ окраинъ государствомъ. При этомъ патріархальные взгляды народа на верховную властъ и окружающихъ чиновниковъ (царь-батько, равно любящій всѣхъ своихъ дѣтей, въ томъ числѣ и крестьянъ, да только незнающій положенія и нуждъ мужика, потому что чиновники и министры, какъ и паны, его обманываютъ). Беззаконіе и безправіе въ разныхъ сферахъ. Господство „усмотрѣнія начальства“ на ряду съ закономъ и временными правилами. Естественныя послѣдствія этого; приниженность передъ властью и передъ сильными, общественная невоспитанность, рознь; дробленіе на кружки, отсутствіе политическаго такта и проч.

Общая характеристика малорусскаго племени по сравненію съ великорусскимъ и бѣлорусскимъ.

Библиотека "Руниверс"

Необходима сводка мнѣній разныхъ ученныхъ по этому предмету. Необходима провѣрка отзыва Историч. Вѣстника о трудѣ, кажется, извѣстнаго географа кн. П. Крапоткина. Въ Quarterly Rewiew помѣщена замѣчательная статья „Племена европейской Россіи", переведенная и въ Revue Britannique. Это серьезный этюдъ о національностяхъ, населяющихъ наше отечество; чистый русскій типъ авторъ видитъ скорѣе въ малороссіянинѣ, чѣмъ въ великороссѣ, котораго, по его мнѣнію, „стоитъ поскоблить, чтобы найти въ немъ финна." (Истор. Вѣст. 1883 г. кн. 11). Также слѣдуетъ попользоваться Всеобщей географіей Реклю, гдѣ отдѣлъ о Россіи принадлежитъ кн. Крапоткину.

Для сравненія малорусскаго и великорусскаго племени въ прошломъ цѣнный матеріалъ заключается въ путешествіи Павла Алеппскаго.

ГЛАВА 3-я.

Историческій очеркъ національно-культурнаго движенія въ Украинѣ и Галиціи. Узость соціально-политическихъ воззрѣній у первоначальныхъ нашихъ патріотовъ, которые были проникнуты шляхетско-козацкими тенденціями. Смѣна ихъ патріотами государственниками и крѣпостниками, въ родѣ Квитки-Основьяненка, Н. В. Гоголя, Бѣлецкаго-Носенка (послѣдній съ гордостью выразился, что „помѣщикъ, имѣющій своихъ собственныхъ крестьянъ, подобенъ монарху въ благоустроенномъ государствѣ,) и мн. др. Постепенное проникновеніе либеральныхъ и гуманныхъ идей. Народничество Сковороды [1]) и Котляревскаго, національно-демократическое сознаніе у членовъ „Возсоедененнаго общества Славянъ." Ученые народолюбцы: Максимовичъ и харьковцы— Срезневскій, Метлинскій, Данилевскій и др. Программа и взгляды Кирилло-Мефодіевскаго братства. Національно-демократическія воз-

---

[1]) Въ ту эпоху, когда козацкая старшина для полученія дворянскаго достоинства отрекалась отъ народа и отъ его языка и должна была доказывать, показаніями десяти человѣкъ сосѣдей, что она ничего общаго съ народомъ не имѣетъ, т. е. ведетъ благородный образъ жизни, Сковорода въ своихъ сочиненіяхъ высказывалъ такія истины. „Барская умность, будто простой народъ есть черный, видится мнѣ смѣшная; какъ изъ утробы чернаго народа выложились бѣлые господа? или мудрствуютъ: простой народъ спитъ. Пускай спитъ, и сномъ крѣпкимъ, богатырскимъ, но всякъ сонъ есть пробудный и кто спитъ, тотъ не мертвечина и не трупище околѣвшее."

Библиотека "Руниверс"

зрѣнія и задачи Шашкевича и К°. Основьянцы: Костомаровъ, Кулишъ (талантливый психопатъ, мѣнявшій свои воззрѣнія подъ вліяніемъ разнородныхъ впечатлѣній), и друг. Моя исповѣдь В. Б. Антоновича. Основа 1862 г. № 1. стр. 83. Молодые народники, прослывшіе подъ именемъ хлопомановъ и хохломановъ, подписавшіе въ числѣ 21 человѣка „Отзывъ изъ Кіева“ (Современная Лѣтопись 1862 г. за ноябрь). Новое теченіе въ украинствѣ съ 70-хъ годовъ, выразившееся въ Кіевскомъ Телеграфѣ, когда онъ находился подъ редакціей десяти. Драгомановъ и Франко, современные Кіевляне и Галичане. Національно-демократическая публицистика, ея дѣятели и основныя воззрѣнія.

Противники разныхъ лагерей и ихъ исходныя точки зрѣнія. Полемика съ москвофилами, государственниками, космополитами и радикальными народниками; наприм. съ Алексѣевымъ Петрика, Н. В. Ковалевскаго, Полемика съ Флоринскимъ. Неудачное предсказаніе эмигранта Кельсіева о невозможности водворенія въ Галиціи украинскаго языка (Галичина и Молдавія. Путевыя письма. 1867 г. стр. 2, 15, 70—75, 81—84, 93—95, 150, 169, 181).

Полицейское отношеніе къ нашимъ проявленіямъ духовной жизни: исторія гоненій и мѣропріятій; въ особенности беззаконный секретный указъ 1876 года противъ украинскаго языка и литературы (По толкованіямъ Сената, Высочайшее, повелѣніе чтобы имѣть силу закона, должно быть обнародавано). Естественное послѣдствіе этого указа: перенесеніе пропагандаторской дѣятельности за границу и развитіе болѣе и болѣе крайнихъ направленій.

Успѣхи національно-демократическаго движенія на болѣе удобной къ тому почвѣ въ Галиціи и Буковинѣ. Національно-общественныя учрежденія: политическія (Организація національно демократической партіи въ Галиціи), ученыя (Руське товарыство историчне въ Черновцяхъ и имени Шевченка въ Львови), просвѣтительныя (Выдавныча Спилка, товарыство Просвита), вообще патріотическія общества и товарищества; ихъ уставы и дѣятельность.

Національный характеръ просвѣщенія, науки и періодической печати: въ чемъ онъ проявляется.

Историческій очеркъ партій соціально-политическихъ; ихъ программы (по возможности, въ подлинникѣ). Достоинства и недостатки ихъ программъ; способъ осуществленія. Не вредно-ли для общественнаго развитія дробленіе на партіи (пословица: де два Вкраиньци, тамъ тры думы), не ослабляетъ ли оно силъ

Библиотека "Руниверс"

патріотовъ? Вредъ отъ отступниковъ (москофиловъ); чѣмъ они держатся и что проповѣдуютъ; выдающіеся подвиги ихъ партіи. Національное пробужденіе русиновъ въ Америкѣ, отношеніе партій и обществъ и литература. Статуты обществъ. Не была-ли бы полезна эмиграція украинской интеллигентной молодежи въ Америку для воспитанія себя на американскій ладъ и для развитія и направленія тамошней литературы?

Относительно нашихъ желаній отъ нашихъ закордонныхъ братій, Галичанъ, мы можемъ высказаться вообще: въ виду различнаго положенія дѣлъ и различія политическихъ и соціальныхъ правъ у нихъ и у насъ, мы рѣшеніе вопроса, какъ быть имъ дальше, должны предоставить имъ самимъ, съ тѣмъ, чтобы они рѣшали свои вопросы безъ насъ, такъ, какъ бы и совсѣмъ не было насъ, т. е. Украйны, полагаясь на собственныя силы и средства и вѣдаясь только со своими врагами; мы же можемъ рѣшать только за себя, да оказывать содѣйствіе лишь дѣлу развитія общей литературы и науки. Въ интересахъ послѣдняго, мы указываемъ на опасность раздвоенія литературныхъ языковъ у нихъ и у насъ, на необходимость, чтобы избѣжать образованія искусственнаго церковно-славянско,-польско-галицкаго нарѣчія, для многихъ невыносимаго по своей дѣланности, положить въ основу литературнаго языка одно только нарѣчіе кіевско-полтавское (языкъ Котляревскаго, Кулиша, Шевченка), а прочими нарѣчіями пользоваться лишь для пополненія лексической стороны (какъ и шло развитіе литературнаго языка у прочихъ славянъ). Какъ этого достигнуть? Прежде всего, изданіемъ учебниковъ исключительно на избранномъ нарѣчіи, потомъ—употребленіемъ научныхъ терминовъ общихъ съ россійскимъ языкомъ, а не вновь заимствуемыхъ изъ языковъ польскаго и латинскаго. Просимъ нашихъ братій помнить, что мы учимся на россійскомъ языкѣ, а потому каждое слово послѣдняго намъ доступнѣе, чѣмъ всякое дѣланное слово галицкаго языка, котораго мы изучать не можемъ, зная только свое простонародное кіевско-полтавское нарѣчіе.

Для тѣхъ, кто интересуется дѣломъ распространенія національно-демократическихъ идей у насъ, въ Украйнѣ, прежде всего необходимо точное констатированіе причинъ слабаго развитія здѣсь національнаго самосознанія и самодѣятельности: почему это происходитъ? Почему наши патріоты винятъ въ несчастьяхъ родины прежде всего не себя, а всѣ другія народности, съ которыми соприкасался нашъ народъ; не похоже ли это на то са-

Библиотека "Руниверс"

мое, какъ крестьянскіе мальчики обвиняютъ евреевъ за то, что они (т. е. ихъ предки) „Христа мучили?“ Почему многіе дѣятели забываютъ изреченіе, что „всякій идеалъ требуетъ, для его осуществленія, если не героизма, то, по крайней мѣрѣ, работы.“ Почему многіе въ зрѣломъ возрастѣ отрекаются отъ „увлеченій молодости“; не вслѣдствіе ли малой обоснованности и прочности своихъ воззрѣній? [1]) Нормальное ли это явленіе, когда рѣшителями судебъ родины и даже основателями новыхъ направленій являются юноши безъ житейскаго опыта, безъ достаточной подготовки, безъ надлежащихъ знаній, съ естественной для юношей склоностью строить воздушные замки, въ которыхъ имъ жить не придется, и съ запамятованіемъ пословицы: згода будуе, незгода руйнуе; не есть ли это вина людей болѣе зрѣлаго возраста, которые должны были бы вести юношество за собой?

Прежде всего тутъ виною историческія причины. Кратко и ясно это выражено словами нашего юнаго публициста: „малорусскій народъ представляетъ собою національность, почти лишенную высшихъ и среднихъ классовъ населенія; исключеніе представляетъ малорусская часть Галиціи, но и тамъ земельная аристократія и крупная буржуазія—не малорусская. Дважды на протяженіи исторіи высшіе слои малорусскаго народа бросали его на произволъ судьбы и пополняли собою густые ряды родственныхъ, болѣе сильныхъ вліяніемъ или культурою, сосѣднихъ національностей. Въ 16 и 17 вѣкахъ почти всѣ дворянскіе малорусскіе роды ополячились, положивъ начало многочисленнымъ польскимъ фамиліямъ; въ концѣ 18 вѣка вчерашняя выборная малорусская козацкая старина превратилась въ потомственное русское дворянство. Среди польскихъ и русскихъ общественныхъ, политическихъ и литературныхъ дѣятелей насчитывается много выдающихся талантовъ, ведущихъ свой родъ отъ племени малорусскаго. Щедрой и расточительной рукой раздавали малороссы свое достояніе сосѣднимъ народамъ: полякамъ они отдали всю свою знать, а въ лицѣ Михаила Вишневецкаго дали даже короля; русскимъ они отдали свое творческое богатство включительно до литературнаго генія въ лицѣ обрусѣвшаго Гоголя.“ (Вѣстникъ самообразованія 1903 г. №—24, Новая малорусская литература, общій очеркъ. М. Славинскаго).

---

[1]) Необходимо, чтобы наши молодые патріоты, предварительно вступленія въ жизнь, почаще задумывались надъ вопросомъ: чѣмъ они намѣрены служить дѣлу родины?

Библиотека "Руниверс"

При такомъ положеніи, при отреченіи высшихъ классовъ отъ народа, развитіе народническихъ идей могло совершаться лишь постепенно, въ особенности, если принять во вниманіе, что до послѣдняго времени даже въ россійскомъ обществѣ, не смотря на свободное культурное развитіе, отсутствовалъ спросъ на политическо-соціальныя воззрѣнія и царила полная апатія въ области общественнаго самосознанія и самодѣятельности, и только въ послѣдніе годы, подъ вліяніемъ сознанія бездарности и безпечности правительственной власти, заботящейся лишь только о собственной безопасности и сдѣлавшей все возможное для разоренія благосостоянія населенія, только теперь обнаруживается замѣтное стремленіе къ критикѣ дѣйствительнаго положенія вещей и къ выработкѣ правильныхъ общественныхъ воззрѣній; только теперь не одни идейные люди, но даже молодежь, снисходятъ къ условіямъ и требованіямъ времени и мѣста и ставятъ первой задачей, въ интересахъ отечества и народа, достиженіе политическихъ правъ, а слѣдовательно повышаютъ спросъ на болѣе реальные идеалы. Желательно также, чтобы и въ воззрѣніяхъ русскихъ людей на интересы подчиненныхъ національностей наступилъ поворотъ въ смыслѣ справедливаго отношенія къ ихъ требованіямъ на самостоятельную культурную жизнь и на предоставленіе имъ возможныхъ автономныхъ правъ. Говоря собственно о малороссахъ, мы до сихъ поръ замѣчали въ русской прессѣ если не полное сочувствіе указу 1876 года о лишеніи малороссовъ правъ на литературный и научный языкъ, то даже со стороны самыхъ либеральныхъ изъ русскихъ публицистовъ и ученыхъ слышали выраженіе пламеннаго желанія, чтобы оба народа (малороссы и великороссы) слились въ братскую семью и употребили свои духовныя силы на общее дѣло а потому они желаютъ предоставленія малорусскому языку гражданской (но не политической) равноправности съ языкомъ великорусскимъ и даже введенія малорусскаго языка въ южныхъ школахъ. Разумѣется, это предлагается въ видахъ удобнѣйшаго перехода къ русскому языку, къ обрусѣнію малороссовъ, къ поглощенію ихъ великороссами. Между тѣмъ обрусѣніе для малоросса равняется умственному оскудѣнію, такъ какъ при обрусѣніи лишь отчасти усваивается русскій литературный языкъ, и образуется самое безобразное, среднее между русскимъ и малорусскимъ языками, нарѣчіе, утрачивается же масса собственныхъ словъ и характерныхъ оборотовъ, фигуральныхъ выраженій, эпитетовъ, теряется естественный, природный строй рѣчи, утрачи-

Библиотека "Руниверс"

вается богатство ея, мысль теряетъ творческую силу, оскудѣваетъ духъ народа.

Когда наши дѣды и прадѣды отказались отъ своего козацкаго званія и становились въ ряды россійскаго дворянства, они не только подготовляли почву для матеріальнаго закрѣпощенія своихъ младшихъ братій, но и отрекались отъ духовнаго единенія съ ними, и обрекали на духовное оскудѣніе свой народъ. Не удивительно, что они этого не понимали, если этого не попонимаетъ современный россійскій академикъ, пишущій приведенныя выше строки о сліяніи двухъ народовъ.

Мало понимаютъ это и многіе изъ украинскихъ патріотовъ, даже изъ тѣхъ, которые считаютъ себя щырымы украиньцямы, которые цѣпляются за свою народность больше по инстинкту, а не по твердому сознанію своего долга передъ народомъ. Неудивительно, что такіе патріоты скоро остываютъ въ своихъ чувствахъ и, подъ вліяніемъ житейской обстановки, входя въ сдѣлки со своей совѣстью, отрекаются отъ увлеченій юности. Чтобы этому сколько возможно противодѣйствовать, необходима болѣе прочная обоснованность національно-демократическаго направленія.

Мы въ этомъ отношеніи не можемъ не послать упрека даже кружковымъ украинскимъ дѣятелямъ, которые, конечно, много потратили времени въ своихъ кружкахъ на выясненіе разныхъ сторонъ собственныхъ воззрѣній, но не сводили ихъ воедино и не сдѣлали общимъ достояніемъ посредствомъ печати, а между тѣмъ съ этого именно и нужно было начинать свою дѣятельность. Но, можетъ быть, тогда не было такой настоятельной надобности въ самоопредѣленіи, какъ теперь.

Дѣйствительно теперь, когда, подъ вліяніемъ ужаснаго экономическаго и политическаго кризиса, явилась даже въ русскомъ обществѣ потребность осмыслить свое общественное міросозерцаніе, сложиться въ кружки и принять активное участіе въ отвращеніи бѣдствій, причиненныхъ отечеству бюрократической крамолой (читай еженедѣльникъ Освобожденія), когда даже люди крайнихъ направленій, не только соціалисты, но и консерваторы, организуютъ свои партіи (послѣдніе, въ лицѣ Русскаго Собранія и его филіальныхъ отдѣленій, даже обзаводятся партійной популярной литературой для защиты въ народѣ отжившихъ свой вѣкъ коренныхъ началъ), намъ украинскимъ патріотамъ тѣмъ необходимѣе подумать о своихъ общественныхъ воззрѣніяхъ и заняться систематической работой въ пользу своей родины.

Библиотека "Руниверс"

Въ заключеніе формулируемъ свои воззрѣнія и вытекающія изъ нихъ задачи. Изъ всѣхъ категорій соціальныхъ идеаловъ мы останавливаемся на идеалѣ духовнаго и матеріальнаго блага нашей націи, съ которой мы связаны происхожденіемъ и прирожденнымъ чувствомъ любви къ родинѣ. Отвергаемъ идеалы личнаго совершенствованія (какъ преподанные религіей, такъ и философскіе, въ родѣ идеала сверхчеловѣка Ницше), потому что они или ненаучные, или односторонніе, игнорирующіе соціальныя и политическія отношенія; не можемъ остановиться на соціалистическомъ идеалѣ, какъ построенномъ на экономическомъ принципѣ и преслѣдующемъ лишь задачу матеріальнаго благополучія массъ, слѣдовательно однородную съ буржуазнымъ классовымъ идеаломъ, хотя признаемъ его превосходство надъ буржуазнымъ идеаломъ, въ томъ отношеніи, что онъ преслѣдуетъ цѣли развитія коллективизма въ человѣчествѣ, а не паразитизма, какъ всякій классовой идеалъ. Не можемъ также согласиться съ этико-соціальнымъ ученіемъ, такъ называемаго, критическаго марксизма, потому что оно исходной точкой имѣетъ вѣчныя, т. е. врожденныя идеи истины, справедливости и добра, тогда какъ современная позитивная эмпирическая наука отбросила всякія умозрительныя, метафизическія идеи, въ родѣ: навязаннаго извнѣ „нравственнаго долга", „естественнаго права", предуставленнаго „національнаго духа" и проч. Идеаломъ признать государственное благо мы также не можемъ, такъ какъ государство зиждется на насиліи и служитъ интересамъ главнымъ образомъ господствующихъ классовъ — въ ущербъ народа, и господствующихъ національностей — въ ущербъ націй подчиненныхъ. Тѣмъ не менѣе государственный и классовой, а слѣдовательно и капиталистическій, строй мы признаемъ, какъ переходную форму къ болѣе совершенному строю, характеръ котораго впередъ опредѣлить мы не можемъ, не будучи проникнуты соціалистической вѣрой въ возможность отлить все человѣчество въ однообразную форму общественнаго благоустройства, безъ ущерба для личности и для общественнаго прогресса, и считая, что соціальное развитіе есть собственно національное развитіе, соотвѣтствующее мѣсту и времени и свойствамъ націй, т. е. что космополитическіе соціальные идеалы и формы жизни могутъ осуществляться лишь примѣнительно къ національнымъ особенностямъ народовъ, и при томъ постепенно, путемъ долговременной борьбы съ старыми формами жизни.

Библиотека "Руниверс"

Мы, украинскіе патріоты, на первыхъ порахъ національнаго пробужденія прежде всего должны выяснять наши національно-демократическіе, т. е. соціально-политическіе и культурные идеалы, защищать въ прессѣ наши права и требованія на единеніе съ народомъ и слѣдовательно на національное возрожденіе. Затѣмъ ревностнѣе заняться самоизученіемъ, т. е. изученіемъ разныхъ сторонъ жизни Украины и Галиціи и изданіемъ трудовъ по этой части (прежде всего изслѣдованіемъ нашихъ національныхъ свойствъ и особенностей въ разныхъ отношеніяхъ, затѣмъ изданіемъ наиболѣе важныхъ для насъ научныхъ работъ: исторій Южной Руси, украинскаго словаря, энциклопедическаго словаря о Южной Руси, исторіи культуры, исторіи литературы и науки о Южной Руси съ указаніемъ литературы для ознакомленія съ роднымъ краемъ и народомъ, грамматики малороссійскаго языка и пр.) Въ особенности слѣдуетъ тщательно изучать положеніе матеріальнаго благосостоянія разныхъ слоевъ населенія нашего края; не изсякаютъ ли источники существованія нашего народа и не угрожаетъ ли намъ оскудѣніе, подобное оскудѣнію великорусскихъ губерній центрально-черноземной полосы и приволжскаго района. Наши права на національное возрожденіе и на лучшее матеріальное существованіе выяснять путемъ изслѣдованій, отдѣльныхъ брошюръ, программъ и проч. Поддерживать литературу и науку въ Галиціи и народную и проч. украинскую литературу въ своемъ краѣ. Выяснять и на сколько возможно устанавливать справедливыя отношенія къ сосѣднимъ націямъ: русскимъ, полякамъ и евреямъ. Противодѣйствовать всѣми способами все усиливающимся беззаконію, произволу, безпорядку въ отечествѣ и разоренію его, благодаря бюрократическому режиму, заботящемуся лишь о внѣшнемъ порядкѣ, ради собственной безопасности, и содѣйствовать водворенію правомѣрнаго порядка на началахъ національно-демократической и автономной политики. Изучать и сплачивать воедино второстепенныя, угнетенныя демократическія націи и сдѣлаться для нихъ руководящимъ центромъ.

Мы, разумѣется, не можемъ здѣсь представить полный перечень трудовъ, а лишь сдѣлали указанія на категоріи трудовъ.

Петро Одинецъ.

Библиотека "Руниверс"

Откровеніе св. Степана.

Студія над одним мало відомим апокріфом.

I.

Студії над тою безіменною, хоч часто відомим особам старого й нового заповіту підсуваною літературою, що зоветься (не зовсім відповідно) старо й новозавітними апокріфами, займають у остатніх часах пильну увагу що раз то ширшого кола европейських учених. Може найцікавійше те, що на них зачали звертати пильну увагу теольоги, особливо протестантські, які до недавна вважали можливим коли не зовсім ігнорувати ту „байкову“ літературу, то все таки дивилися на неї згорда. Певно, догматична теольогія, що стоїть на основах уставлених далеко пізнійшою від апокріфів історичною еволюцією, нерадо черпає з тих на-пів еретицьких творів, але історія церкви, особливо пильно оброблювана тепер історія первісного христіянства (Urchristentum), користується що-раз щедрійше тими багатими жерелами, як документами певних давно забутих вірувань та релігійних тенденцій, яких відгуки одначе в великій мірі вплинули на формоване коли не основних догм, то багатої обрядности, культу, легенди пізнійшого христіянства.

Із сучасних теольогів, що працюють над збіранем та студіованем апокріфів, досить буде назвати таких, як померщого недавно Ріхарда Ліпсіуса,* автора фундаментальної тритомової праці про апокріфічні дїяня апостолів, Цана, автора просторої праці про історію христіянського канона, Гарнака, автора просторої історії старо-христіянської літератури, Барденгевера, автора історії церковної літератури, писаної з католицького становища, і цілої

Библиотека "Руниверс"

плеяди молодших сил, як Бонвеч (що перекладає деякі твори заховані лише в церковно-славянських текстах), Прайшен, що видає спеціяльну часопись, присьвячену дослідам над первісним христіянством (Zeitschrift für die neutestamentliche Wissenschaft, виходить отсе вже шостий рік), Гункель, Геннеберг і инші. Також у Англії групується біля кембріджського університету громадка дуже солідних робітників на тім полі, що видають у науковім оброблену грецькі та середньовікові латинські тексти (див. відому серію Ермітеджа Робінсена Texts and studies, contributions to biblical and patristic literature, де під редакцією Монтага Родса Джемса вийшла двотомова збірка невідомих досі латинських та грецьких апокріфічних текстів з багатим науковим апаратом) і в цілій серії чудово оброблених енциклопедій (енцикльопедія біблійна, енцикльопедія новозавітна включно з часом апостольським, словар старохристіянської біографії перших семи віків і т. д.)—представили теперішній стан тих інтересних студій з можливою повнотою та точністю. Анальогічний рух іде також у Америці, де розпочато видане енцикльопедії гебреістичної. До сього треба додати пильне узгляднюване апокріфів у таких виданях, як нове оброблене широко росповсюдженої теольогічної енцикльопедії Гаука (колись Герцога і Плїтта), якої досі вийшло 17 томів; додати працю колегії Боляндистів у Брюсселї, що працює тепер над продовженем документальних Acta sanctorum (тепер підготовляються матеріяли для падолиста) і рівночасно в часописі Analecta Bollandiana видає старі тексти, особливо грецькі, з добрим науковим апаратом.

Та обік теольогів звернули в остатніх часах також фільольоги та історики літератури пильну увагу на сю довго занедбану парість творчости. Праця фільольогів у сім напрямі звернена була зацікавленем так званою геленістичною добою грецької цівілізації, для якої пребагатий археольогічний та писаний матеріял дали ведені отсе вже чверть століття розкопи в долїшньому Єгипті з їх масою папирусів та записаних черепків (острака), що позволили вглянути в економічне, суспільне та духове житє египетських та сирийських греків від часів Александра Македонського аж геть до арабської епохи далеко докладнїйше, ніж се було можливе вперед. Ті розкопи дали між иншим багатий матеріял також для зрозуміня мови й термінольогії таких творів, як александрійський переклад Біблії і як новозавітні книги, писані власне тодїшньою геленїстичною мовою. Вони дали дуже важні причинки також для пізнаня і досліду найстарших апокріфів, що вже в перших віках нашої ери були перекладені з грецької мови на мову тодїш-

Библиотека "Руниверс"

ніх феллахів, що була матїрю теперішньої, вже майже вимерлої коптської. Відкритя значного числа памяток, списаних у тій коптській мові і захованих по старих коптських манастирях, позволило прослідити літературну традицію тої мови на протязі більше як 2000 літ і дало підставу деяким ученим (особливо Амелїно) бачити в многих християнських, головно гностичних апокріфах і легендах, парости та перерібки творів старої єгипетської літератури. Взагалі єресь гностиків, розповсюджена в перших трьох віках нашої ери від Сицилії до Евфрата і далї на схід, була, як догадуються, творцем найбільшої части відомих нам апокріфів, а з історично-літературного боку вона цікава тим, що в її творах збігаються відгуки і староєгипетської і старовавилонської і індійської та староперської літератури, так як у її доктрінах зливалося християнство з маздеізмом, з грецькими та єгипетськими містеріями, з вавилонською магією та буддийською саможертвою.

Із учених фільольогів, що присьвятили свої сили й працю прокладаню ясних стежок у тих темних лябірінтах, на першім місці годиться назвати Ервіна Роде з його прегарною „Історією грецького романа.“ Що правда, сам автор, стоячи на естетичнім становищі старших фільольогів, з деяким призирством дивиться ще на свою тему, розгрібає її мов купу сьмітя з тою думкою, щоб ощадити иньшим трудà та прикрости, аби не мусїли ще раз робити сю працю. Та про те культурно-історичне тло сеї праці вийшло таке широке, сила виведених ним фактів духового життя „упадаючої“ Греції показалася такою великою, що тема привабила як стій до себе нові сили. Перше місце між ними займає Герман Узенер, якого передчасна смерть на початку 1906 р. проняла щирим жалем усіх, хто мав нагоду користуватися його працями. Він залюбки бере темою своїх праць старохристіянські легенди, а власне такі, що були відгуками та літературними перерібками старших грецьких та орієнтальних міфів, при помочи літературно-критичної методи віднаходить їх жерела, рисує їх розвій на тлї широкого обрію культурної історії, слідить їх звязок з культами, звичаями та обрядами поганськими і християнськими. Рядом з ним слід би поставити й росийського вченого проф. А. Н. Веселовського, особливо його праці „Опыты по исторіи развитія христіанской легенды“ (друковані в „Журн. мин. нар. просв.“ 70-их років) та „Изъ исторіи романа и повѣсти“, головно т. I, як би ті праці свою мову та почасти через те, що були друковані в мало доступнім по за межами Росії періодичнім виданю і навіть досі не видані окремою книгою, не були позбавлені відповідного

Библиотека "Руниверс"

впливу на загальний хід тих студій у Європі, який би їм по заслузі належався.

У славянщині зацікавлене апокріфічною літературою почалося майже разом із течією так званого славянського відродженя. З іменами перших батьків того відродженя, Шафарика, Востокова, Калайдовича, Строєва, Данїчіча звязані також перші відкритя на тім полї. Велике багацтво старих славянських рукописів, нагромаджене в Росії, аж просилося на пошукуване. Від 50-их років ідуть публїкації Горского і Невоструєва, Буслаєва, Костомарова і Пипіна, Тіхонравова, Срезневського, які відкрили перед ученими велике багацтво сього віддїлу старого письменства. За збірками матеріялів ідуть учені обробленя—цїнна й досі монографія Пипіна „Очеркъ литературной исторіи старинныхъ повѣстей и сказокъ русскихъ“, що була немов програмою дальших студій; взірцева що до методи праця проф. Веселовского „Сказанія о Соломонѣ и Китоврасѣ“, праці і збірки матеріялів Порфірьєва про старозавітні та новозавітні апокріфи, В. Сахарова про есхатольогічні апокріфи, цінні публікації Андрія Попова в московських „Чтеніяхъ“ і новійші праці та публікації М. Сперанского („Апокрифическія евангелія“), М. Соколова, проф. Архангельского, В. Істріна, В. Мочульского, В. Перетца і и., що частками оброблюють широке поле сього письменства в найріжнійших напрямах.

Обік сих праць російських учених, іноді дуже показних своїм обемом та інтересних своїм змістом, далеко скромнійше виступають праці південно-славянських учених, хоч і тут спеціяльно з іменем проф. В. Ягіча вяжеться заслуга одного з найліпших дослїдників та ініціяторів на сьому полї. Видані доси звиш 30 томів „Starine“ загребської югославянської Академії Наук, сербський „Гласник“ та инші публікації білградського університету, болгарський „Сборникъ за народни умотворения“ містять багатий засіб памяток старої апокріфічної літератури та й немало причинків до її досліду. З розвоєм сеї галузи літературно-історичних дослїдів вяжуться тісно імена В. Ягіча, Ст. Новаковича, Л. Стояновича, Ю. Поліївки і инших.

На Вкраїні, що й для сього рода літератури, як і для многих инших, довгі віки служила посереднїм етапом між сходом і заходом, між півднем і північю, розвій і зріст студій над памятками апокріфічного письменства вяжеться нерозривно з 25-літнім істнованем „Кіевской Старины“, а спеціяльно з іменами М. Сумцова і М. Драгоманова. Пок. Драгоманов перший звертав увагу на потребу порівняних студій літературних памяток нашої

Библиотека "Руниверс"

нації і дав, між иншим і в отсьому журналї, ряд майстерних праць, у яких, особливо твори нашої устної, людової традиції були трактовані порівняною методою в звязку з традицією инших народів, а по части також і з старим, у тім числї також апокріфічним, письменством. Проф. Сумцов у своїй працї „Очерки исторіи южно-русскихъ апокрифическихъ сказаній и пѣсенъ“ (К. Ст. 1887) дав першу пробу систематичного огляду всеї захованої у нас апокріфічної літератури в звязку з устною народною традицією, і сим звернув увагу на важність точного пізнаня сеї літератури для зрозуміня й оцінки й самої традиціонїстики, чи як принято тепер називати, фольклёру.

У Галичинї, де на львівськім університетї істнує від самого 1849 року катедра української мови й літератури, поле дослїдів над апокріфами тай загалом над нашим старим письменством до недавна було майже зовсїм нетикане. Перший професор, що займав сю катедру 18 літ, Яків Головацький, хоч розпочав свої виклади блискучою заявою своєї віри в істноване і культурну будущину України як окремого етнічного організму з окремою мовою й письменством, що само для себе варто студій, одначе швидко стратив сю віру вже від 1852 р. викладав на університеті мляво, як з примусу, не цікавився своїми студентами і силкувався в своїх писанях проводити ідею „единства Руси“, що в практичній діяльності виходило на систематичне знеохочуване молодих слухачів від усякої наукової праці на рідному грунтї. Його наступник на тій катедрі, проф. Омелян Огоновський, чоловік мінімальних здібностей і мінімальної осьвіти, хоч би був і хтїв, то не міг піднести студій укр. мови і літератури на висший ступінь. Як бувший гімназіяльний учитель грецької і латинської мови він не був підготований для такої катедри і заняв її лише завдяки тому, що як ученик відомого славіста Міклошіча переняв його прінціпи в трактованю граматики і з певним успіхом прикладав їх до студій над українською мовою. Літературу він довгі літа занедбував, а про наше старше письменство до Котляревського, можна сказати, не мав ніякісінького понятя: Христоматія Буслаєва, підручник Галахова в першїм виданю та деякі бібліографічні каталоги, се, можна сказати, були всі його жерела для сеї літератури. Що до апокріфів, то все його знане обмежалося на „Сказаніе о Соломонѣ и Китоврасѣ“ та „Хожденіе Богородицы по мукамъ“, тай то крім чисто школярського переповіду змісту він не знав, що з ними робити; ідея розвою літератури, в звязку писаної літератури з устною, і загалом

Библиотека "Руниверс"

усе те, що творить основу новійших дослїдів історико-літературних, була йому зовсім чужа і недоступна.

Одинокий галицько-руський учений, що знав із нашого старого письменства безмірно більше від Ом. Огоновського, проф. Калужняцкий, хоч одержав катедру університетську в Чернівцях, але закинув свої занятя нашим старим письменством завдяки своїм москвофільським поглядам і обмежився публікаціями, що мають значіне виключно для історії язика (Путнянське евангеліе та Кристинопольський апостол), або залюбки шукав тем із чужого поля (твори Євфімія болгарського), та й як професор лишився й досі зовсїм чужим своїй суспільності.

Певна річ, в остатньому десятилітю можна тут завважити зворот до кращого. На львівському університеті маємо вже дві катедри для української мови і літератури, обсаджені людьми молодими, учениками проф. Ягича, які внесли в свої виклади і в семінарійні занятя нового духа і нові методи. Молодїж під їх проводом мала вже нагоду прослухати, крім загальних оглядів історії нашого письменства, також спеціяльні курси про апокріфічну літературу, про стару повість, про стару драматичну та полемічну літературу, і зацікавлене нею збільшається з року на рік. До того треба додати, що доступні від недавна бібліотеки „Народного Дому“, з поміщенім у ній „музеум А. Петрушевича“, та „Наукового товариства ім. Шевченка“ мають обік багатих збірок книжок також інтересні збірки рукописів з багатими причинками також для апокріфічної літератури.

Та головно треба тут піднести заслугу Наукового тов. ім. Шевченка, яке не щадячи коштів і заходів робить усе можливе, щоб розбудити серед нашої молодіжи і ширшої суспільности зацікавлене до наукових питань і дослідів, у тім числі також зацікавленє нашим старим письменством. За для сього ще р. 1896 засновано серію видань старих текстів (Памятки української мови і літератури), в якій на першім місці йде систематична і науково оброблена збірка апокріфів. Плян сеї збірки, уложений мною і принятий філологічною секцією товариства, обіймає тексти апокріфів і апокріфічних оповідань, далї порівнане тих текстів з иншими паралельними, друкованими в инших, давнійших публікаціях, бібліографічні вказівки до кождого тексту і надто детальну орієнтаційну передмову до кождого тому. Видані доси три томи сеї збірки обіймають: т. I—апокріфи старозавітні, т. II—апокріфів новозавітних ту групу, що доповняє евангельську історію, т. III—апокріфів новозавітних ту групу, що доповняє апостольські

Библиотека "Руниверс"

дїяня. Кінчиться друком т. IV, що обіймає апокріфи тзв. есхатольогічні, а власне отсі чотирі групи: апокріфічні катехізми (вопросоотвѣты), апокалїпси про празники і обряди (в роді тзв. Епістолії про недїлю), апокалїпси про загробове жите (ріжні ходи по муках, візії про розставаня душі з тілом, про митарства, про рай і пекло) і апокалїпси про конець світа, про Антихриста і про страшний суд. Пятий том, яким повинна закінчитися ота збірка, обійме, крім нових доповнень до попереднїх томів, ще групу апокріфічних житій святих, і широкий відділ заклинань, фальшивих молитов, вірувань та віщувань, що також обнятий нашими старими індексами „ложних книг".

Мавши на меті при складаню своєї збірки поперед усього визискати ті рукописні матеріяли, які були доступні мені в Галичині, я мусів відразу зректися детальних пошукувань за найстаршими списками даних творів, які може можна б було знайти в великих книгозбірнях у Росії, та які саме видане збірки були би зробили надто коштовним та вимагали б довгого часу і подорожів. Обмежене з сього боку випадгороджується одначе на мою думку иншим авансом: власне обмеживши свої пошукуваня теріторіально на австрійську Русь, я здужав при помочи декількох товаришів (згадаю особливо д. В. Гнатюка, д. Г. Стрипського і проф. Ол. Колессу) зібрати масу текстів тзв. секундарних апокріфів, себто популярних переробок старих апокріфічних творів, які надають моїй збірці в значній мірі спеціяльний український і ще спеціальнійший карпато-руський кольорит і позволяють в тих старих творах, занесених до нас іздалека, сконстатувати та слідити певну мірку й нашої народної творчости та певні літературні течії, проявлювані в їх перероблюваню та популяризованю.

Та не можна сказати, щоб ті апокріфи, зібрані мною переважно з галицьких та угроруських рукописів, не додавали дещо нового й до загальної скарбниці нашого знаня старинної апокріфічної літератури. Як відомо, німецькі та англійські спеціялісти тепер чим раз більше звертають уваги на старі памятки партикулярних письменств, таких як сирийське, коптийське, вірменське, віднаходячи в них переклади або первісні редакції творів, яких грецькі орігінали або зовсім затратилися, або заховалися лише в пізнійших перерібках. І багате церковно-славянське письменство, що своїми початками сягає IX віку, має не мало таких перекладів, особливо в обсягу апокріфічної літератури. Кілька літ тому назад було науковою сензацією перекладене на німецьку та англійську мову славянської книги Еноха, многоважного

Библиотека "Руниверс"

апокріфа, давно затраченого в грецькім орігіналі і лише недавно віднайденого в етіопськім перекладі. В паралель із тим перекладом явився перед ученими „славянський Енох“ у двох редакціях — сербській (два списки) і українській (один список зроблений на початку XVII в. в Полтаві). Деякими славянськими апокріфами користувався Ліпсіус у своїй праці про апокріфічні діяння апостолів, доповняючи ними латинські та пізногрецькі перерібки затрачених старих орігіналів. На пропозицію д-ра Е. Прайшена, редактора фахової часописі „Zeitschrift für die neutestamentliche Wissenschaft und die Kunde des Urchristentums“ (виходить уже сьомий рік, по томови в 4 випусках річно), взявся я подавати в тій часописі „Причинки з церковно-славянської мови до новозавітних апокріфів“[1]) у перекладі на німецьку мову з невеликими оріентаційними студіями про кождий текст. Остатній із тих причинків, се власне апокріф, якого титул стоїть на чолі отсеї праці і з яким я хотів би познайомити читачів „Кіевской Старины“ тим більше, про росийська наука досі не звернула на нього ніякої уваги і його даремно було б шукати в дотеперішніх збірках апокріфів та їх опрацьованях у Росії. Отся статя, яку тут подаю дальше, се не дословний переклад, а розширена перерібка німецького комунікату, при чім тут уперве друкується й *повний* текст самого апокріфа.

II.

Як відомо, наші найдавнїйші відомости про апокріфи черпаємо з тзв. індексів книг правих і ложних, що були укладані в старо-христіянській церкві чи то поодинокими авторітетними письменниками, такими як Кирило Єрусалимський, Атанасій, Григорій Богослов і т. и., чи то церковними соборами (лаодикейським) або иншими корпораціями (папські консисторії) ще в III і IV віках нашої ери. Між тими індексами видне місце займає уложений десь при кінці IV віку, коло 395 р. в Римі тзв. Декрет папи Ге-

---

[1]) *Dr. Ivan Franko*, Beiträge aus dem kirchenslavischen zu den neutestamentlichen Apokryphen. I Zu den Pseudoklementinen (Ztschrift III, 146 — 155); II, Zu den gnostishen Περίοδοι Πέτρου (Ztschrift VII, 152 — 172).

Библиотека "Руниверс"

лазія [1]). В тім декреті між книгами апокріфічними, яких уживане забороняє церковь, безпосередно по відомім апокріфі „Revelatio sancti Pauli apostoli“, себто по оповіданю про мандрівку ап. Павла до неба і до пекла, названо другий твір „Revelatio sancti Stephani“, про який досі наука не знала нічого. В „Zeitschrift für die neutestamentliche Wissenschaft (т. III, стор. 358) звернув берлінський професор П. Вінтерфельд увагу на те, що ся друга Revelatio мабуть не буде таким самим „откровеніем“ про загробове житє, як названа перед нею візія ап. Павла, але що се буде мабуть не менше знана в літературі „Epistola Luciani ad omnem ecclesiam de revelatione corporis Stephani martyris primi et aliorum“, а властивого „откровенія“ св. Степана не було ніякого. Думаю, що поданий далї церковнославянський текст позволить нам надати тому твердженю трохи иншу форму, а поки що треба нам докладнійше придивитися до того Лукіянового листа, а особливо його початкових розділів.

Від р. 415 відомий у західній Европі лист єрусалимського пресвитера Лукіяна про доконане ним віднайдене мощей св. первомученика Степана, Никодима, Гамаліїла і його сина Авіва в Кафаргамалї недалеко Єрусалима. Посередником, що передав сю звістку з Єрусалима на захід, був Авіт, еспанський пресвитер, що пробував тоді в Єрусалимі, був ніби то особисто знайомий з Лукіяном і мав навіть наклонити його до того, аби описав історію того чудесного віднайденя мощей. Той-же Авіт переклав потім грецьке писане Лукіянове на латинську мову і разом з частинками мощей св. Степана та зі своїм листом передав через руки пресвитера Орозія до Еспанії [2]).

Отже в латинськім тексті маємо дві реценвії того Лукіянового листа, що ріжняться між собою не лише стилїстично, але подекуди й річево, хоч, що правда, лише в менше важних дрібницях. Грецький текст листа був невідомий, поки недавно не віднайшов його знаний грецист проф. Пападопуло-Керамевс у єрусалимській патріаршій бібліотеці і не видав у пятім томі своїх Ἀνάλεκτα τῆς

---

[1]) Див. про нього і про всі злучені з тими індексами питаня капітальну працю Цана (*Theodor Zahn*, Geschichte des neutestamentlichen Kanons, Zweiter Band, Erlangen und Leipzig 1890 стор. 259—267).

[2]) Див. лист Авіта, надрукований перед текстом листу Лукіяна, в Augustini Opera, ed. Benedict., t. XVII, 2191, пор. *Migne*, Patrologiae latinae t.XLI, ст. 805—808.

Библиотека "Руниверс"

Ἱεροσολυμιτικῆς σταχυολογίας (С.-Петербургъ 1898, стор. 28 — 53). [1]) Тілько тепер ми маємо змогу виробити собі властиве зрозуміне про сам оригінал, як і про Авітів переклад. Та що ціла та досить бездарна книжечка байдужна для нашої теми, то придивимося близше лише трьом початковим главам латинського і гл. I—IV грецького тексту і при сьому піднесемо особливо ті уступи, що доторкаються круга новозавітних апокріфів, тобто осіб згаданих у новозавітних біблійних книгах, оповідаючи про їх жите або смерть такі речі, яких нема в канонічних писанях.

Латинський текст обох рецензій містить у розд. I короткий вступ, а в розд. II починається оповіданє. Лукіян заснув д. 3 грудня 415 р. in Loco sancto baptisterii, де спав звичайно як доглядач церковного скарбу; і ось у сні йому являється шановний сивобородий чоловік в ієрейській одежі, з вишитим на білому епитрахилї знаком хреста і з золотою різкою в руці. Він доторкається його різкою, кличе його тричі по ім'ю і велить йому йти до Єрусалимського епископа Іоана і занести йому наказ, щоб як найшвидше видобув речника і його товаришів із їх дотепершнього занедбаня і поклав їм пам'ятник гідний їх імени. Їх мощі подадуть поміч і потіху цілому світові, пригнобленому страшними нещастями. (Гл. III.) Лукіян питає: „А хтож ти, пане, і хто такі твої товариші?“ На се відповідає привид: „Я Гамаліїл, що виховував апостола Павла і вчив закона в Єрусалимі. А обік мене в східній части гробу лежить мій пан Степан, що був укаменований жидами і старшинами ієрейськими в Єрусалимі за Христа перед східною брамою, що веде до Кедара; там лежав він день і ніч простертий, бо по наказу богопротивних князів не дано йому ніякого похорону, щоб звірі пожерли його тіло. Та за божою волею ніхто не доторкнувся його, ані звір, ані птах, ані собака. Я, Гамаліїл, почуваючи милосерде над слугою Христовим і бажаючи одержати заплату й уділ зі святим мужем у вірі, вислав у-ночі кількох набожних і христолюбних мужів і наклонив їх піти потаємно і завезти його тіло моїм возом до мойого хутора Кафаргамаля, 20 стадій віддаленого від міста, велів там 40 день оплакувати його і потім похоронити його в моїм гробі у східнім прискринку (theca), і велів дати їм усе, чого треба для його оплаканя. А другий похований у другім прискринку, се пан Никодим, той що

[1]) За вказанє сеї публікації і ласкаве випозиченє самої книжки висловлюю щиру подяку членови колегії Боляндістив, о. Іполїту Делягею в Брюсселї.

Библиотека "Руниверс"

нічю приходив до Спасителя Ісуса і слухав від нього євангеліє, а вийшовши був охрещений учениками Ісусовими. Та коли Юдеї дозналися про се, зкинули його з уряду і прогнали його з міста. І сього я, Гамаліїл, за те що він потерпів за Христа, приняв до свойого хутора, давав йому страву й одежу аж до його смерти, а по смерти похоронив його з честю обік пана Степана. Так само й Авів, мій найлюбійший син, що разом зі мною одержав Христове хрещене від його учеників, а проживши 20 літ, умер передо мною, лежить похоронений у третім, горішнім прискринку, де й мене покладено пізнїйше по моїй смерти. А моя жінка, на ім'я Етна, і мій первородний син Селемія не захотіли бути прихильниками Христової віри, були похоронені на иншім хуторі, власности їх матери, тобто в Кафаргемелії". Те що йде далї, байдужне для нас.

Друга рецензія, загалом багатша на слова, вкладає привидови Гамаліїла в уста ось які слова про Никодима: „А той другий, що лежить із ним (себто зі св. Степаном), се мій небіж Никодим, що звичайно нічю приходив до Спасителя, щоб слухати слів правди і відродитися водою і святим духом. Коли вислухав Господа, святі апостоли Петро й Іван охрестили його. За те охрещене старші над іереями дуже розсердилися на Никодима і загадали вбити його; та з огляду на моє становище і його свояцтво зо мною не вчинили сього. Та про те надавали йому стусанів, та й то не мало, лишили його простертого майже без духу, прокляли і прогнали його з міста і роздряпали (diripientes) все його добро. А я велів і його захистити і завести до мого хутора і дав свойому завідателю наказ давати йому все потрібне. Проживши там іще короткий час, він заснув о Господі."

Сим трьом розділам латинського листа відповідають чотири розділи грецького тексту, і то остільки, що розд. I грецького тексту не має собі в лат. тексті ніякої паралелі. А се тому, що тут оповідано коротенько мучеництво св. Степана на підставі Ап. Дїяній і до сказаного там додано досить неясну і з дальшим оповіданем суперечну увагу, що „надійшли деякі вірні мужі καὶ ἐποίησαν γλωσσόκομον περσεινόν, себто оплакали і вихвалили мученика, положили його під могилу (ἐκ πλαγίας τοῦ βουνοῦ), написали його ім'я сирийськими буквами „Хілїет", підняли величезний плач за ним і вернули до Єрусалима, бючи себе в груди".

Розд. II грецького тексту, се дублет до розд. IV тогож і до розд. III латинського тексту, лише те, що там Гамаліїл оповідає Лукіянови у сні, тут оповідається в третій особі про Гамаліїла. Говориться тут одначе, що в-ночі по Степановій смерти Гамаліїл

Библиотека "Руниверс"

удався до апостолів (προσπεσὼν τοῖς ἀποστόλοις ἐν τῷ καιρῷ ἐκείνῳ) і силкувався наклонити їх, аби йшли з ним і помогли йому похоронити тіло мученика. Та в IV розділі не знаходимо ані сліду такої розмови Гамаіліла з апостолами, лише говориться, що він вислав поважних і вірних мужів, що вже разом із ним були християнами, і велів їм похоронити тіло в своїм хуторі в Кафаргамалї. Про те, що тіло було вже тоді зложене в труні, як сказано було в розд. I,—ані в розд. II, ані в IV нема ані згадки. Епізод про Никодима в грецькім тексті оба рази оповідається так, як у другій реценвії латинського тексту: Никодим, се Гамаліїлів небіж, його охрестили Петро й Іван, жиди проклинають його, грабують його добро „на імя храма", самого виганяють і прибивають до полусмерти.

Розділ III грецького тексту, се до певної міри паралель з розд. I латинського тексту, але з дуже характерною перерібкою, що кидає досить дивне світло на Авітів спосіб писаня. Наводжу тут дословно оба ті невеличкі уступи:

Visio quae apparuit meae pusillitati a Deo ter, de revelatione reliquiarum beati et gloriosi protomartyris Stephani et primi diaconi Christi, et Nicodemi qui in evangelio scriptus est, et Gamalielis qui in Actibus Apostolorum nominatur, necessarium duxi pandere vestrae in Christo dilectioni, imploratus ac magis jussus a sancto et Dei cultore patre Avito presbytero, ut secundum fidem consummatam interroganti quasi filius patri obaudiens, sicut cognovi, cum omni simplicitate impiger integre indicarem omnem veritatem. [1])

А в грецькім тексті пишеться он що:

Ὁ δὲ ἀγαθὸς καὶ φιλάνθρωπος θεὸς ἔτι μᾶλλον ὑφῶσαι βουλόμενος τὸ κέρας τοῦ Χριστοῦ αὐτοῦ, τουτέστιν τὸ κήρυγμα τοῦ εὐαγγελίου, εὐδόκησεν διὰ τῆς ἐμῆς ἀνικανότητος ἐπ' ἐσχάτων τῶν ἡμερῶν ἀποκαλύψαι τοὺς ἁγίους αὐτοῦ δούλους, λέγω δὴ τὸν μακάριον καὶ ἔνδοξον Στέφανον τὸν πρωτοδιάκο-

[1]) В перекладі на нашу мову: „Видіне, що з'явилося моїй нікчемности від Бога тричі про відкритє мощей блаженного і славного первомученика Степана і першого діякона Христового, і Никодима, що написаний у евангелії, і Гамаліїл, що названий у Дїянях Апостолів, уважав я потрібним предложити вашій о Христі милости, на просьбу, а радше за наказом святого і богомольного отця Авіта презвитера, щоб по всякій вірности, на запитаня послушний як син батькови, як сам дізнав, так і оповів усю правду з усею простотою, не ліниво і вповні.

Библиотека "Руниверс"

νον καὶ πρωτομάρτυρα καὶ αὐτοπτὴν τῆς οὐρανῶν βασιλείας, ἔτι δὲ καὶ Νικόδημον τὸν ἐν τοῖς εὐαγγελίοις ἐπὶ ἀγαθῇ μνήμῃ μακαριζόμενον, Γαμαλιήλ τε τὸν ἐν ταῖς πράξεσι τῶν Ἀποστόλων ἐπὶ ἀγαθαῖς συμβουλίαις εὐχαριστούμενον, καὶ Ἄβιβον τὸν υἱὸν αὐτοῦ, τόν ἐν τῇ Γραφῇ μὲν οὐκ ἐμφερόμενον, ἐν δὲ τοῖς ἀγράφοις μετὰ τῶν ἁγίων συναριθμούμενον, καθὼς καὶ ἡ δηλωθεῖσα τῇ ἐμῇ ἀναξιότητι ὅρασις ἐκ τρίτου ἐσήμανεν. [1]

Порівнюючи оба сі тексти бачимо, що латинський або зовсім не походить від Авіта, або що Авіт пустився на нечувану самохвальбу, називаючи сам себе святим мужем і приписуючи собі великий вплив, ба навіть авторітет на Лукіяна, про що сей не знає нічогісінько. Грецький текст не знає нічого про Авіта і зовсім не має форми листа, але держиться простійшої форми реляції свідка-самовидця. Чи смиренно-гордий латинський вступ справді написаний Авітом, чи яким пізнійшим перерібником латинської рецензії, сього не беруся рішати; в усякім разі можливо, що друга рецензія як у епізоді з Никодимом, так само й у вступі подає нам давнійшу форму, бо в ній розд. I зовсім коротенький: Revelationem sancti Stephani, quae mihi per gratiam Domini salvatoris nostri ostensa est, dignum duxi, ut vestrae panderem sanctitati, non jactantia quadam, sed ad confirmandum audientium. Та против більшої первісности сеї простої формулки промовляє та обставина, що в ній майже ніщо вже не нагадує III розд. грецького тексту.

Ся двоїста форма латинського тексту виключає, здається, відразу думку, буцім то в латинськім маємо перед собою первісну, оригінальну форму Лукіянового твору, а в грецькім пізнійшу перерібку, що з огляду на дату рукопису, з якого д. Пападопуло-Керамевс опублікував свій текст, не було б неможливим. Власне розд. III грецького тексту видається первіснійшим та автентичнійшим від обох латинських рецензій і його можна вважати невідлучною частиною Лукіянового тексту, дійсним вводом опо-

[1] В перекладі на нашу мову се значить: Добрий і чоловіколюбний Бог, бажаючи ще більше підвисшати річ свойого Христа, себто проповідь євангелія, зволив через мою негідність в остатніх днях відкрити своїх святих слуг, мовлю блаженного та славного Степана, перводіякона та первомученика та самовидця царства небесного, а надто Никодима, що доброю памятю ублажається в євангеліях, і Гамаліїла, якого згадано добрим словом у Дїяннях Апостолів, і Авіва його сина, вправді не внесеного в Писанне, але в неписаній [книзі] зачисленого між святих, як се показало й видіне, якого удостоїлася моя недостойність.

Библиотека "Руниверс"

віданя про його власну участь у відкритю мощей. Коли воно так, то з близшого розгляду сього розділу та з порівнаня грецького тексту з латинськими відкриваються нам деякі інтересні висновки для історії сеї традиції.

По перше сей III розд. грецького тексту, се зовсім не початок трактату, так як рівнобіжний до нього латинський вступ; навпаки, грецький текст своїм 'Ο δ' ἀγαθός вказує на щось попереднє; се закінчене того попереднього, а перехід до другого нового оповіданя. Латинський перерібник усунув те попереднє і для того мусів також відповідно переробити грецький розд. III.

По друге те, що в теперішнім грецькім тексті попереджає III розд., се тілько якась уривкова латка; розд. II грецького тексту скомпоновано a posteriori з розділу IV, а розд. I, се витяг із оповіданя Апостольських Дїянь, до якого при кінці долучено уривки якогось иншого оповіданя, суперечного з Дїяннми. В тій формі ся повість не могла вийти з під пера Лукіянового.

По третє, порівнюючи розд. IV грецького тексту з другою рецензією латинського тексту, побачимо, що латинське оповідане подає первіснійші деталі, яких не має грецький текст. Описавши появу Гамаліїла, латинський текст пише далі ось що: Et cum hoc viderem, haesitans intra memet ipsum dicebam: „Quis putas est? de Deo est, an ex adversa parte? Nec enim oblitus fueram verbi Apostoli dicentis: Semet ipse Satanas tranrsfigurat se in angelum lucis (II. Cor. XI, 14). Cum ergo viderem eum deambulantem, cogitare coepi in corde meo et dicere: „Si his homo de Deo est, tertia vice me nomine meo clamabit; quod si me semel visitaverit, non illi respondebo". Дуже неправдоподібно, щоб се була лише риторична прикраса латинського перерібника, а про те відомий нам грецький текст не містить ані натяку на сей уступ.

По тих увагах не буде, здається мені, занадто смілим заключене, що жаден із відомих досі текстів не заховав нам Лукіянового оповіданя вповнї й непопсованим, що латинська перша рецензія найдальше відбігла від орігіналу, друга рецензія декуди близша до нього, ніж грецький текст, а всі три мають одно спільне — усунене першої части оповіданя; грецький текст не має її також, хоч його III розд. виразно натякає на нього, розділи I і II лише від біди заповняють прогалину, а деякі відривки втягнені в I розд. і також первісний титул полишений над грецьким текстом: Μαρτύριον τοῦ ἁγίου πρωτομάρτυρος Στεφάνου καὶ ἡ εὕρεσις τῶν λειφανῶν αὐτοῦ (мучеництво св. первомученика Степана і віднайдене його мощей) велять нам догадуватися змісту тої першої части. Отже

Библиотека "Руниверс"

про *мучеництво Степана* мало йти оповідане в першій части трактату, а теперішне закінчене першого розд. грецького тексту доказує, що се оповідане мусіло бути сильно відмінне від того, що оповідано в Дїяннях Апостольських.

Можемо піти в своїх міркуваннях іще крок далї. Коли д. П. Вінтерфельд підносить питане, чи сей Лукіянів трактат, який ми досі знали з обох латинських рецензій, а тепер знаємо також із грецької, не є та сама Revelatio santi Stephani, що втягнена в Гелязіїв індекс заборонених книг,—то мусимо відповісти питанем: щож таке могло склонити автора чи авторів Гелязієвого декрету класти на індекс той трактат, зовсїм невинний із догматичного, так сам, яяк із етичного погляду, писаний звичайним шабльоновим складом чудесних оповідань того часу і залюбки цитований святим Августином? Думаю, що на таке питане ледви чи знайдеться достаточна відповідь. Нї, згадане в Гелязієвім індексі Откровеніе св. Степана не може бути Лукіянів трактат у тій формі, як його знаємо з латинських і грецького текстів!

Зовсїм инше діло, як би ми знали першу часть трактату, якої істнованє насувають нам льогічні висновки з порівнаня захованих досі текстів, і яка оповідала про мучеництво св. Степана таке, чого нема в Ап. Дїяннях. Тоді може легко було б відповісти на порушені вище питаня. Отже мені здається, що я віднайшов сю першу, пізнїйшими перерібниками так основно нівечену часть Лукіянового трактату: вона в церковно-славянськім перекладі преспокійно стоїть собі в Минеях, принаймнї в рукописних. Я знайшов її текст у двох львівських рукописах південноруського походженя, з яких один писаний у Львові при кінці XVI та в перших роках XVII в., а другий, з тогож часу, був колись власністю василіянського манастиря в Замості, а тепер належить до бібліотеки львівського університету. Сей текст зрештою не рідкість і в великих рукопісних збірках у Россії; з доступних менї каталогів рукописних збірок зазначую, що він мається в бібліотеці Духовної Академії в Троіцкій Сергієвій Лаврі біля Москви в грудневій Четї-Минеї XVI в. (№ 90) і друга частина Лукіянового трактату там же в серпневій Четї-Минеї XVII в. ч. 10 (96); перша частина тамже в збірнику XVI в. ч. 19 (210)[1]), далї в бібліотеці самої Сергієвої Лаври в Четї-Минеї з

[1]) *Архим. Леонидъ.* Свѣдѣніе о славянскихъ рукописяхъ библ. Троицкой Духовной семинаріи и т. д. Москва 1887 стор. 31, 61, 94.

Библиотека "Руниверс"

1630 р. ч. 672 (1621) [1]). На апокріфічний характер того твору вказали вже Горський і Невоструев у своїм описі рукописів Синодальної бібліотеки, та проте, скільки знаю, в россійскій науці досі не звернено на нього уваги ані не опубліковано його тексту.

Львівські рукописи, в яких я знайшов текст отсього оповідання, подають його також у двох редакціях, і то досить інтересно зроблених. Текст Замойського рукопису коротший і немов суцільнійший, текст Львівського рукопису (тепер у бібліотеці Оссолїнських, ч. 38) немов риторично розширений. Не уяснивши собі зразу відносин обох текстів, я надрукував текст Зам. в третім томі моїх Памяток (ст. 28—33), а потім додав окремо як додоповнене до нього ті екстраваганції, які має рукопис Льв. (там же стор. 256—258). Виложена досі історія Лукіянового трактату і заборона його Гелязієвим декретом велить нам приняти власне ширшу редакцію, яку маємо в Льв. рукописї, за близшу до орігіналу і покласти її в основу студії. На жаль треба сказати, що обі наші копії з погляду на чистоту і ясність вислову лишають багато дечого бажати; можливо, що порівнане наших текстів з иншими захованими в Россії помогло би справити не одну неясність. Лишаючи се дальшим дослідникам, що може зацікавлятьсяся ціею темою, я подаю тут текст оповіданя з Льв. рукопису, та щоб зазначити також характер другої редакції, яку має Зам. рукопис, беру в гранчасті скобки всї ті слова та реченя, яких у Льв-ій копії *нема*, так що ті місця визначають пропуски, пороблені чи то самим копістом, який писав Зам. рукопис, чи може якимсь старшим редактором, якого разив зміст повного тексту і він силкувався зробити його зносніїшим для православних слухів. І на се питане міг би нам дати відповідь дослід инших рукописних копій, що містять отсей апокрифічний твір.

---

[1]) Описаніе славянскихъ рукописей библіотеки св. Троицкой Сергіевой Лавры. Москва 1878, часть II ст. 21.

Библиотека "Руниверс"

Мⷱца дек. въ кⷤ. днь сⷮоᵍ и славнаᵍ и всехвалнаго пръвомⷱунка архидіⷯкона Стефана. бл҃свн ѡу проүестн. глаᵉ оⷴ.

Памятн добрыа [1]) **прележащє** [2]), **възлюбленнїн, поноүдихом сѧ** [3]) **написати Хⷴѣ цр҃кве сⷮго [и всехвалнаго пръво]мⷱунника Стефана [и] в наᶜ бывшее житїе и єже** [4]) **за мир мⷯтва, [иж]и прїнти ⷣмоүт** [5]) **съвръшенныи**[6]) **вѣнець и дарь побѣдныи горнаго възданїа** [7])

Быᶜᵀ во врємя ѡно по Гⷭ нашего Іⷭ Хⷭ плотномᴵ [8]) **пришествїю, по сⷮрстех кⷮртных и по** [9]) **въскрⷭснїи и по вознєствїи єже на нⷠса къ ѡц҃оу**[10]), **мнмошедшнма ж двѣма лѣтома, быᶜᵀ възысканїє велнко**[11]) **сѣло мєждоу Іоүдеи и Садоүкеи [и Фарнсеи] і Єлнн[ы] ѡ [Хⷴ] Іⷭ Назареи** [12]), **како родн сѧ таковою** [13]) **плотїю, како ли распнть быᶜᵀ і оүмре и въскрⷭсе прѣвенець нⷯ**[14]) **мⷮртвых [бывъ]. ѡвїи**[15]) **оүбо**[16]) **глахоү, ѩко пророкъ ѩвнᶜ, дроүзїи же [глахоү: „Нн, но прелестнвь єᶜᵀ мнр“. и нїиже] глахоү, ѩко сн҃ь бж҃їи тыи єсть. и клнү велнкъ бѣ в народѣ. събраша же** [17]) **нѣцїи моүжіе бл҃городнн** [18]) **и моүдрн и ѡ Єфнѡпїи и Фнвайды і ѡ Алеѯандрїа и ѡ Іерслма и ѡ Асїа же и Мавртанїа и Вавилона, ѡ часа прѣвого даж до часа д҃-го клнү въсхождаше ѩко гром**[19]) **велнкъ. тогда ставь [стыи] Стефань на мѣстѣ высоцѣ, моүж кннжннкь и премоүдрь**[20]) **и үестень въ всемь людем, рода [сыи] Авраамлѧ, племенн Веніамннова, и потрась роүкою и гласомъ велїнм рⷱ: „Кратіе старїи и юнїи, слышнте ѡ мене ннѣ. въскоүю оүмножнсте ваше въсклнданіе**[21]), **ѩко събраша**ᶜ **всемоү Іерслмоү?**[22]) **но бл҃женъ тыи чл҃къ, иж не ста во двоєдннїи**[23]) **ѡ Хⷴ Іⷭ сн҃а Бⷯ живаго [невндмаго]. тыи бо єсть йже оүхнщренїемь**[24]) **чл҃колюбїа** [25]) **сшед съ небесъ грѣх ради** [26]) **нашнх и невѣжьствїа**

Варіянти Зам. тексту: [1]) **добры**, [2]) **предлежаща**, [3]) **поноүдихся**, [4]) **ѩвїеже**, [5]) **и прїатїе моүкъ**, [6]) **съвершенїе**, [7]) **ѯданїа**, [8]) **плотномоү**, [9]) **дод. смрти и по**, [10]) **єже на нⷠксн ко ѡцю**, [11]) **въ ѯвнканїа велнка**, [12]) **Назараннне**, [13]) **и како жити**, [14]) **ѡ**, [15]) **ѡво**, [16]) **бо**, [17]) **бо са**, [18]) **єллнистїи моүжіе хоүдожнїи**, [19]) **ѩко сє громъ быстн**, [20]) **книженъ и моүдръ**, [21]) **вашь клнчь**, [22]) **ѣда сѧ събра всь Іерслнмъ**, [23]) **не стане двоє**, [24]) **хнщренїемъ**, [25]) **чл҃колюбствїа**, [26]) **дѣлма.**

Библиотека "Руниверс"

людска [1]), въшед бо [2]) въ оутробоу дѣнуюю прѹстоу [3]), ѝзбранноу ѿ состава мира [4]), ѩкож пронарєчє [5]) Адам, всего мира ѿц҃ъ, женоу свою рекъ, ѩко тая нарєчєть сѧ мати жизнь [6]), сѧ оубо дѣица по ѝстинѣ нарєчє сѧ жизнь; по писанїю рождьшїи [сѧ] ѹ҃кь быст Х҃с҃ без грѣха. єгда бо роднся ѩко ѹ҃къ, просвѣтн^{c} вселенная [7]). врагъ надєждоу ѝмѣа, ѩко ѐсть ѐмоу ѩко дѣтищоу роднтн^{c} плотїю, подвиже [8]) на оубїєнїє [тогда] рожденых младенець [9]), [тѣиже] ѝзби д҃і. тысящь; ѝ сє по ѹ҃колюбїю [10]) бж҃їю быст, да молят ѹ҃стїи младенцы за сп҃сенїє ѹ҃комь. Ѩко злѣ вєрзѣтє ѿ Гѣ моѣмъ І҃с҃ Х҃ѣ, ѝже слѣпцємь вашимь [11]) сътвори прозрєнїе [12]) ѝ прокаженныа ваша ѝсцѣли, бѣсы ваша прогна. но ѝ на пръвоую [13]) прелесть проклеть [14]). ѩкож древо [15]) быст, ѹ҃стное ѝзбравь, древомь [16]) бысть кр҃стоносецъ. ѝзшед за всѧ въ ѧ҃дъ съкроушн [17]) власть ѝмоущаго [18]) съмр҃тн, ѝ трєтїй дн҃ь всѣх ѿжнвн. ѿбаує горє [19]) невѣрнымь! [ѝ] ѐгда второє прїйдєть соудитн живымь ѝ мр҃твымь, тогда ѿгнь пред нимъ предйдеть і ѿкр҃ств ѐго боура велїа. тогда множество безчнслено а҃гєль ѝ тєчєнїє ѿгненных колесниць [20]) ѿ ѿгнь пламенн страшнаго [21]) ѝ шестокрылатїн а҃гѣли прєставленн [22]), повелѣвающе сѣтомоу [23]) ѿкр҃ств парнтн, [24]) горнїй же вѣтрь смоущаѥть. [25]) тогда звѣзды двигноувше сѧ со страхом [26]) спадоуть ѩко листвїє [27]), ѝ врата нєбснаа [28]) ѿкръзоуть са, [ѝ книги разгнуть^{c}] ѝ вѣ. а҃гѣлъ кождой дїйн прєставленн [29]) боудоут ѿбличнтн ѹ҃ускаа дѣла. тогда моутнтн^{c} ѝмать море нз дна, ѝже в не [30]) падшаа [31]) ѝздасть [32]) нх творцю, ѝ высокїа горы поникнзть [33]) [ѝ сокроушат са каменїє под врѣхомь гор], ѝ всакаа дебрь наклънит са, ѝ ѝсправнт са лнце земли, ѝ ѩкоже без влънь вода стоѧщи въ сосоудє [34]). тогда поставатся [35]) пр҃стли стра-

---

[1]) ѝ гроубости дѣла людьскых, [2]) винде, [3]) ѹ҃сты, [4]) мироу, [5]) прозка, [6]) жизни, [7]) всь, [8]) дод. Ирода, [9]) детей, [10]) ѹ҃колюбствїю, [11]) нашим, [12]) прозрѣти, [13]) да и первоую, [14]) прокленеть, [15]) ѩже древом, [16]) нзбра древо, [17]) сътре, [18]) дод. державоу, [19]) но горє люте, [20]) ѝ тєчєть ѿгнена колесница, [21]) града, [22]) ѝ представленн, [23]) сташномоу дх҃оу, [24]) паратъ, [25]) верхъ матєть, [26]) страхомъ двигноуше са, [27]) ани град, [28]) двери с горы, [29]) дїйю представленїи, [30]) в немъ, [31]) впадоша, [32]) дасть, [33]) погыбноуть, [34]) во ѝстесанїє дѣл҃ви, [35]) станоуть,

Библиотека "Руниверс"

шнїй [1]) и крилатїй [окр҃сть є҃го], и садеть Г҃с въседержителъ [2]) и славный ємоу сн҃ь Г҃с Х҃с, дх҃ъ с҃тый с нима. тогда рєуе вседръжителъ къ І҃соу҃, єгож вы ємьше [3]) повѣснстє на древѣ: „Сѣди [4]) ѡ҃десноую мене, дондеже положоу враги подножїю ногама твоима".

Тогда высть клич велікъ, ꙗкож шоумъ боура велики, и кликноувше [5]) народы: „Да възмет сѧ ѡ҃ земла съй [6]), [ꙗко] из҃ гла словеса хоулнаа". и въсхитивше [7]) Стефана [привѣдоша є҃го глюще къ Пилатоу: „Възми сего!" тогда ставъ Пилатъ на степени възопїй гла: „Аще и с҃того сего праведнаго сн҃а б҃їа семоу быти проповѣдающе, ни коего вы глєте прежде вами приноужєнъ бысть, и възложих роукоу грѣшнюю на п҃рстое и бес порока преус҃тое єго тѣло? ѡ҃ злый соборе, на кого са собра? на Стефана вѣщенїе и завистъ? ууто бѣсите, ууто ли скрежещете зоубы? [еще не] ѡ҃ставистє безоумїа своєго?"

Тогда поемше Стефана изведоше є҃го вонь из цр҃кве] и поставиша єго преди и бесѣдоваше к собѣ глще: „Ууто сътворим ꙋ҃ком семоу?" въстав же Канѳа старѣйшина жрѣцемъ и покелѣ жезлїемъ бити Стефана, дондеже [8]) кровь є҃го землю полнѣть. Стый же роуцѣ свой въздвигь [9]) на нбо р҃ѣ: „Г҃и, не поставн им грѣха сего!" и тогда видѣхом а҃гглы [10]) слоужаще [с҃тому] Стефаноу. [На оутрїа поим Пилатъ принзва жен҃ свою и ѡ҃ба дѣтища, и кр҃стиша҆ вси славаще Б҃а. събраша҆ тогда тоу҃ моужїе до три тисащи [sic!] ѣсплънєнн всего злого закона своего, и бесѣдоваше съ Стефаном три дн҃и и три нощи, не могоша противоу ємоу стати разоумѣ и премоудрости єго, занеже бѣ дх҃ь с҃тый в немь. таж въ уетвертый дн҃ь] съвѣть сътворше, и поустиша въ Кесарїю палестинскоую [писанне] к Савлоу именемь, Тарсанниѧ, да скоро прїйдеть въ І҃ер҃слмь. Той бо бѣ вземь власть, да и всакого [11]), иже ѣсповѣсть Х҃а, въ вериах поставить пред старѣйшинами жерцемь [12]) и пред книгоуїами людскими. ѡ҃н же [13]) видѣвь писанїе [14]) поущенно [15]) ѡ҃ старѣйшинь жрєуескихъ и

---

[1]) гордїи, [2]) Бъ҃ всемоу держитель, [3]) имше, [4]) ꙗко сади, [5]) клнуюшю, [6]) да возмет са, ꙗко сей [7]) похвативши, [8]) донеле же, [9]) въздевъ, [10]) дод. б҃їа, [11]) всакъ, [12]) старѣшинми жрєуескымь, [13]) иже, [14]) книгы, [15]) поущенныа.

Библиотека "Руниверс"

ѡ всего събора, тъгда [1]) ѧвїе възыйдє скоро въ Іе҃рслмъ, прєта и [нскїй на] Стєфана [2]). и на оу҃трѣй сѣдє на степенах повелѣ прїйти [3]) мѹнкоу Хв҃оу, и тогда рєу к немоу: „Аз ѹюждю сѧ [4]) твоєй велицѣй многїй премоудрости, како свой [5]) оумъ погоубивь распатого Б҃гомь проповѣдаєши. єщє бо събор весь нє ѡстоупилъ єсть [6]) своєго закона, аз же бєз пєуали хожаахѫ [sic!] въ ѡкр҃стных градєх и сквозѣ весн йоудейскїа и галилєйскїа и въ Кирінеи [7]) и в Дамасцѣ и въ Авситидн҃стѣм [8]) мєстѣ, ꙗко бо [сматраю вѣрующих въ распатаго]. твоа моудрость ѡ тебѣ ѡ҃ать сѧ по всемоу, ꙗже ѡбѣщєваєши [9]). тѣмже [10]) и ны҃нѣ дивлюс, како ты нє по ѡбыномоу поутн ходиши [11]) [и] приноудн мѧ прїйти въ град сїй. но мл҃ю твоє хоудожество [12]) и доброта наказанїа твоєго дш҃а [13]), бл҃го храни сътворити [14]) ѡ҃ц҃ескаа наша преданїа, нє въсхотѣша сътворити [15]) народа ни възмѹтити [16]) людїй сих всєх. коє ти прнѡбрѣтєнїє [17]), єгда смоущаа оумъ свой [18]) и гнѣваис и хота тобѣ моукоу сотворити, таковоу славѫ моужѫ и кровїю оужнцѣ сосца [19]) мнѣ?“

Тогда въздвигь роуцѣ своѝ бл҃жный Хв҃ь моу҃никь Стєфань рєує к немоу: „Мл҃ѹи, Савлє, гонителю Хв҃и цр҃кве [20])! [мл҃ѹи, Савлє, моуителю, и нє бѣси сѧ на Хв҃оу цр҃кь], нє ѡсквръни рода нашего Б҃а ѡ҃мѣщаис, позна сѧ бж҃їа живаго, жизнь [21]) всего мира! разумѣй, ꙗко нз єдинєхь ѹресль єсвѣ славнаго Авраама, рода Іаковля, племени Кенѣ҃минова. соумноу бо сѧ своєго рода с тобою бесѣдоую [22]) днєс, паує и прозрю, ꙗко тобѣ [23]) єсть нєдалєує йспити ѹашоу сїю. да оу҃жє єсть [24]) творити, сътворн скоро, аз бо готовь єсть на коюждо [25]) съмрѣти вноу, єлма бо тщоус за Хв҃а оумрѣти.“

Тогда гнѣваис Савль растръза рнзы своа [26]) и своима роукама жезломъ [27]) бїѧшє Стєфана. тогда въскоункъ [28]) нєкто Гамалнйль,

---

[1]) тоу, [2]) Стєфаноу [3]) статн, [4]) ѹюжоу сѧ, [5]) сє, [6]) ѡслоушилъ єсн, [7]) Іюдєа и Галилєа и Поурѣа, [8]) Єснтїстѣ, [9]) ѡ мєнє къ всємоу ѡ҃вѣщаваше, [10]) тоже, [11]) ходя, [12]) твою хнтрость, [13]) добрѣ наказаны твоєа дш҃а, [14]) сътворн, храни, [15]) нє мозн съвратнти, [16]) съзмастн, [17]) квнти оу҃спѣхъ, [18]) сн, [19]) оужнцн соущю, [20]) цр҃евє, [21]) жизни, [22]) бесѣдоую, [23]) и тебє, [24]) еже, [25]) на коа любо, [26]) свою рнзоу, [27]) жезлїемъ, [28]) въскоун.

Библиотека "Руниверс"

ꙁаконꙋ воꙋтлъ, ѩже наоꙋчи [1]) Савла, ꙁаоꙋшн ѥго ꙁа лаинтоꙋ рѣкъ [2]): „Такомоꙋ лн ѿ менѣ наказанїю наставн, Савле, дѣ ѩже соꙋт ѣ҃гдтн достойнн [3]), [ѩже сты҃мь ѡбраꙁомь подражателн быша Хоꙋ҃], тѣм тн досаждаѣшн? ѩлн нѣ вѣм, ꙗко мы ѿ того ѩмам[ы] жнꙁнь сїю? но разоꙋмѣй, ꙗко ѩже ѿ сего гл҃емаа ѥсѣ прїа҃тно оꙋ҃ Бц҃ [4]), любнмо [5]) ꙋ҃ѣкомь“.

Паꙋѣ же разгнѣвасѧ Савлъ н ѩрнмъ [6]) лнцемъ рѣ҆ к Гамалнйлоꙋ: „Прътръпѣх тн старости н поутох тн, ѥже бысть прн мнѣ твоѥ оꙋ҃нїѥ. но ѩщѥ второѥ дръзнѣшн тако ѡ семь слово сътворнтн [7]), достойно прїймѣшн [sic!] своѥго свѣренїм. хнтро бесѣдамъ [въздамъ] въздаиїѥ“.

Гамаленль же рѣ҆: „И аꙁ да бых былъ прнчастнпкь Хц҃ моѥго стрстемь, ꙋто мн того бл҃женѣ в жнꙁнн сей?“

Растръꙁаше же старѣйшнны ѡдежда своа н снпаху прах на вѣтрь гл҃ющѥ: „Да насыплют сѧ гл҃ющей словеса хоулнаа!“

Тогда рѣуѥ Савль: „Да постреготъ ѩхь, да ꙁаоꙋтра к҃ себѣ сїй вса“.[8])

И ꙁаоꙋтра сѣдѣ на степенех повелѣ прнвести ѥго. н[тако] прнведоша н на распатїѥ. н ставь пред нпмь ѧг҃гл҃ъ гн҃ъ н повръже древо. н бѣ Стефань цѣлъ ѿ рань тѣх [9]). н пакн прнставнша ꙁ. моꙋжїн унслом слеꙁше съ степенн, разврѣꙁше [10]) оꙋста Стефаноꙋ влнваxоу [11]) ѡлово разжегше н въ оꙋста [12]) ѥго, смолоу [разжемоу] врацоу [влнваху] н гвоздїѥ наѡстрнвше въ прьси ѥмоу вонꙁоша н в лысты ногоу ѥго. бл҃женны же роуцѣ въздвнгъ на ѩбо въпїаше гл҃а: „Ѡставн нм грѣх сїй!“ ѧг҃гль же гн҃ь съшед ѩсцѣлн ѥго ѿ всѣх тѣх ѩꙁвь н ꙁдрава [всего] сътворн. н тогда ꙁѣло [13]) множество вероваше въ Бц҃, н оумножн сѧ унсло Хв҃ы цр҃кви вѣроую[цнхъ] съ Стефаномъ, [14]) баше [15]) бо͂ пр҃рокь н оꙋчнтель всѣм людемь.

Ꙁаоутра [16]) съвѣть сътворше вес собор людскїй, н ѩзведоша ѥго вонь нꙁ града на соудницѥ [17]). н ставь же сты҃й Стефанъ на каменн [18]) ѩзбранїемъ блнꙁ горн ѩзбранны сты҃а, н въздвнже [19]) гла҆ свой н рѣ҆ к нпмь гл҃а: „Доколѣ сотона ѡжестевлѣть [20]) ср҃дца ваша нѣ познати свѣта ѩстнннь? сѣ оꙋбо [21]) ꙁаконь н пророцн проповѣдаю҆ть

---

[1]) наказа, [2]) рѣкшн, [3]) дод. Хоꙋ҃, [4]) прїато оꙋ҃бо, [5]) любо, [6]) страннымъ, [7]) но ащѥ второѥ да тако оумнсланшн ѡ семъ слово коѥ сътворнтн, [8]) всѣ бо сїн всн, [9]) празденъ ѿ ꙗзвы, [10]) раздвнгше, [11]) льахоу, [12]) оꙋшн, [13]) дод. велнко, [14]) вѣрою Стефанею, [15]) бѣ, [16]) дод. же, [17]) ѡсоуднтн н. [18]) на камыцѣ, [19]) вꙁа, [20]) ѡжестоуа, [21]) бо.

Библиотека "Руниверс"

поуть гнь и бл҃говѣствоуіють: [1]) рождество Хво ѣсть [2]) по плоти. гл҃ѣть бо в законѣ пръвом и въ второмь въ wставшихъ книгах: „Єгда прїйдеть врѣмя [3]) завоутоу [sic! зам. завѣтоу], послю [4]) възлюблен҃наго своєго а҃гг҃ла, дхь бо҃ [5]) сн҃овства и съ пр҃ѣчистыя дв҃ы плод правды [w їи҃лътеска племена], и всеа҃нїе wбраза [6]) възрастенїе [7]), плод по уювствоу [8]) въ вѣки w словесех завѣта моего. и коудеть знаменїе сє“, Исаіа зовет г҃л҃а: „ако wтроуа родн҃е нам сн҃ь и дан бысть нам“. и паки: „Сє дв҃ѣ въ оутробѣ въспрїимоуть [9]) и родят сн҃ь и нарекоут имя ємоу Еммануил, еже [10]) сказаем Бъ҃“. и паки г҃л҃аше Нафань пророкь: „Видѣх дв҃ицю бес посага [11]) моужеска и младенець на роукоу ей҃, и просвѣтн҃е w҃ лица ѣго вса земля“. и паки Вароух пророкь г҃л҃ѣт: „Камен имѧт са w҃ горы вѣчныя и поразить капище и поустить“.[12]) и Дв҃дь г҃л҃ѣть: „Въскр҃сни [13]) гн҃ь въ покой твой, ты и кивот сн҃а твоѣм“. разоумѣйте, неразоумнїи, ако w҃ класа [14]) пророкъ въсе слово соудить [15]), [пѣти] плодное [16]) рождество Хво проповѣдаеть. но къ [17]) не разоумѣвше тѣх властелина мироу всемь и сн҃са на древѣ распеншаа и оубисте [18]) но [тъи҃] съшед въ адь жизнь миру всемоу даровавь [19]), иже прїи҃мать имать [20]) врѣмя wбѣтованиѣ [21]) и тогда оувѣсть [22]), кто ѣсть пострадавый [волею и живый] въ вѣки“.

Сніе сый и главоу [23]) възведе [24]) на нбо и рек: „Сє внжоу нбсa w҃връста и сн҃а бж҃іа стоѧща wдесноую Бо҃“. и тогда клнкноуше гласом великимь и прїидоша коупно възложиша на҃ роукы своа г҃л҃ше: „Сїи г҃л҃ѣть словеса хоулнаа“.

Гамалиилъ же реч҃ : „Колнко сїи оустный [25]) и праведны҃ моуж видѣ сн҃а бж҃іа стоѧща wдесноую Бо҃, гнѣвающе са и г҃л҃ающе ко w҃ цоу: „Како ѣдинаує жидове бѣсоуют са на ма и не престаіють пакости твораще исповѣдающимъ има твое сто҃е!“ [26]) реч҃ же к немоу [w҃цъ]: „Сиди [27]) wдесноу-ю мене, дондеже положоу враги твоа под нозѣ твой“.

Тогда бысть соборъ велнкь и въсхитившеѣ сто҃го Стефана и свазавше и и оутвръдив [28]) и зѣло ведоша ѣго къ Александроу книжникоу [29]) соущь

---

[1]) бл҃говѣстать, [2]) иже, [3]) годъ, [4]) поущю, [5]) бл҃гъ, [6]) плод правды бѣз рала и безъ семени и всеанїю wбразъ, [7]) и възрастеть, [8]) дод. саженїа, [9]) въ оутробоу внемлеть, [10]) дод. есть [11]) посага, [12]) капище w҃поущенїа, [13]) востани, [14]) г҃л҃а, [15]) соудитѣ ти, [16]) плотноѣ, [17]) вы, [18]) распенше оумористе, [19]) дасть, [20]) и прїнмоуть къ, [21]) wбѣтованїа, [22]) оувѣсте, [23]) и снѣ сен г҃л҃авъ, [24]) въздвигъ, [25]) како устным, [26]) има мое, [27]) сади, [28]) оутвердиша, [29]) книгуїи.

Библиотека "Руниверс"

старѣйшинѣ своемꙋ тивернадскимъ[1]). йже в ночи тойи к ѵетвертой стражи[2]) свѣть посвѣти[3]) ѡкр҃сть его ꙗко свѣть млънїа, и гла[c] к немоу гл҃а: „Дръзай, Стефане! тыї бо показа свѣт правед҃ный[4]) мене ради[5]). ты боудеши на[6]) всемь [йже ѿ зе҃мл҃а] оумираюшимь[7]) ѡбаѵе злоутра в сїи же ѵа[c][8]) възыйдеши ко мнѣ и памат вписшоу твою въ книги живота[9]). сего ради радоуи са вышнїй вѣкъ[10]) и въ градоушїй без коньца“.

Сѣвѣть же сътворше[11]) тоу събравше са на соборъ и соудиша[12]) каменїемь побити [сѣ҃го] Стефана. и бѣше с нимъ Авѵнь[13]) и Никодим и Га[ма]лиилъ [и Пилать старѣйшина со женою и со двема ѿтроѵицема [и] ини многъ народ вѣровав҃шихъ. тогда ставъ Савлъ пред всемь народом] потрас роукою и гласом велнким гл҃а: „Достойно[14]) бѣ, ѡ моужїе и вси старци людстїи, не оуморити моужа сего велнкаго хитростїю своею. ѣлмаж его ради многи ѿбратиша[c] ѿ славнїй нашей[15]) вѣры, тѣмже ѡсоудих Стефана каменїем побити, да не ве[c] съборъ людей к немоу прибѣгаѣтъ[16]) утож вы гл҃ете, любоуѵстнїй соборѣ?“[17]) Ѡнже вси [ꙗко ѣдинымы] възопиша[18]) гл҃юше: „Каменїемъ да побїень боудеть!“ и предстоа́ше съ жезлїемъ дроугъ на дроуга възираюше, не дръжаху[19]) роуцѣ възложити нань, зане бѣше славень въ людехь.

Разгнѣвавь же са Савлъ взем котыги слоугамъ и положї а на столѣ своѣмъ[20]) и повелѣ имъ[21]) роуцѣ вложити нань. і ѡзрѣвъ же са славный Хв҃ъ мѵ҃нк Стефань реч к немоу: „Савле, Савле, ѣже мнѣ нѣ сътвориши, по мале ѿ сих жидовь на събѣ[22]) оуздриши[23]) и стражда поманеши ма“.

Тогда паѵе разгнѣва са Савлъ повелѣ каменїемъ побити его. и народ вземлюше[24]) каменїе[25]) бнѣхоу его часто, ꙗкож[26]) сквозѣ каменїе и лоуѵ[27]) сѧнуных не бѣ видити. ꙗвив же са и Никодимь и Гамаилїилъ, ѡбьемше [сѣ҃го] Стефана прїаша и тїи каменное покїенїе[28]) и своа дша предаша Хоу҃.[29]) сѣтый же Стефань мл҃аше[c] Гв҃н ѿ оубивающих его гл҃а: „Гн҃ Іс҃ Хс҃, не постави им сего греха камень бнюшихъ[30]) нас, сего бо ради[31]) твоего цр҃ства дойти надѣемса“. сице гл҃авь предаст дшоу свою Гв҃н[32]).

---

[1]) соущю старѣйшинѣ людемъ и воемъ тивирнадьскомъ, [2]) стражѣ, [3]) просвѣти са, [4]) блнзъ показа правды, [5]) мене дел҃ма моуѵенїемъ, [6]) В текстї повинно бути: старѣшинна в зам. старїи, [7]) дод. за ма, [8]) оубо въ нейже ѵас, [9]) дод. вѣчныа, [10]) да радоуеши са и веселоуа са къ нѣ҃шнимꙗ вѣкы, [11]) сътворивше, [12]) ѡсоудиша, [13]) Авнвь, [14]) Достоило, [15]) славнѣишее, [16]) прибѣжить, [17]) то оуже како вамъ любо, ѡ ѵстный съборѣ, [18]) кликноуша, [19]) дерзнахоуть, [20]) сїи, [21]) людемъ сн, [22]) В рукоп. съвѣт, [23]) ти имать быти, [24]) народѣ възираюше, [25]) каменїемъ, [26]) ꙗко се, [27]) зорь, [28]) и каменїемь побиша их, [29]) даша Хсоу с миромъ, [30]) каменїемь побивающих, [31]) сего дѣлма,

Библиотека "Руниверс"

[И втой час] вѣрнїй людїе [1]) падоша на телеса стыхъ [2]) и плакаше са [3]) великимъ гласом, и вс собор желаше по них [4]), по неже видѣша ѧггли кнїа горѣ несоущма [5]) дша их на твердь нбсноую. [6]) и възрѣвша [7]) видѣша нбса ѡвръста и силы нбсныа стрѣтающе дша их [8]). и сотворша вси людїе плач велик надъ [стымь] Стефаномь три дни и т нощи.

[Тогда понеуенїе велико сътвори Пилат,] взем [9]) телеса стыхь, и сотвори [10]) коемоуждо телс ковчегь [сть] сребрень, и коложи [11]) телеса стых, написавъ [12]) на коемждо имѧ емоу. ѧ в немьже стый Стефань лежаше, златом позлати [13]). положи [14]) его с великою славою в стайнем своем гробѣ]. Или же са стый Стефань Гвн гла: „Г снламъ [15]), съкрїй телеса наша въ весн моей Ѳраснмѣ [16]), въ капогьматѣх [17]) до времени ѡкровенїа, егда събероут са иже по мнѣ мунци". и в тоу нощъ [18]) съшед ѧггль съ нбсе преложи телеса стых на место [стое], егож просн. [19])

Въстав же Пилать заутра и внїйде въ клѣт свою покадити стыа мощи. и не ѡбрѣте [20]) их, растръза ризы своа и плакашес плачемъ великимъ гла: „Поуто аз не бых достоинь слоуга быти твоим рабом и вздѣ всѣх вѣкъ? Или за еже невѣдый зауших престое и престное тѣло твое? но того ради плачоу[c] сѣло, Г, не презри мтвы моея!"

Въ дроугоую ж нощь представъ емоу блженный пръвомункъ Стефанъ ако не въ снѣ, но ако авѣ, и реуе емоу: „Възлюбленниуе мой, ни скорби ни плаа, аз бо мнх Ка моего и спса всѣх сокрити кости наша; въ врема ж ѡкровленїа намъ ѡбраціет ны по авленїю ѡ семени твоего, и правда и хотенїе, желанїе твое съвръшит са. но сотвори мтвеный храмъ въ имена наша, напиши еже по силе родъ творити памати наша мца априла, якож поунтахом, по седмем мци и ты поунеши с нами."

Заутра же въставь Пилать с радостїю великою и сътвори црковь красноу стым и блженым мункомъ, заповѣдавъ блголѣпной памати добрих

---

[2]) устнла уада, [2]) на телех тых, [3]) плакаша са, [4]) желаше, их, оуевидно зам. жалѣше их, [5]) несомы, [6]) над твердїю нбсною, [7]) възрѣвше, [8]) стых, [9]) и въземіше, [10]) сътворища, [11]) положища, [12]) напнсаша, [13]) златомъ ѡковавше, поволокше, [14]) положища, [15]) снлъ, [16]) Ѳросомн, [17]) Карюг матѣхъ, [18]) тои нощи, [19]) замість усього дальшого Зам. має ось яке закінчене: ліце же моукоу пріимъ Стефанъ поуи славно съ моущвшимн са съ энымъ з улуское спснїе, ѡ Хе Ісе Гдѣ нашем, емоуже лѣпо ест слава, усть и держава инѣ и прно и в вѣки вѣкѡм. [20]) В рукоп. ѡбрѣсти.

Библиотека "Руниверс"

мѹнкъ, достойно сътворнв и съкрѣшивь, въ сєдмь мєцъ и смъ поун ѡ Хѣ Їсѣ,и погрєкєнъ бысть въ Капартасалѣхь. єщє же и жена єго поун с миромь. сѣын ж Хѣы мѹнщи кѧвнша[c] трищи чєстным и вѣрным людємь и гѧвшє и наказавшє словєсєм бжїимъ; но съмрѣти бо нх тогда многоу ѧзыкоу прнм цркви Хѣа.

Сицєвыю моукоу прїємь бѧжены Стєфанъ поун славно с мѹнившимн са с нмн, дар прїєм за чловскоє спсєнїє ѡ Хѣ Їсѣ ѳ гѣдѣ нашємь, эмоуж слава въ вѣкн. амннь.

Порівнюючи оба сі рукописні варіянти оповіданя, не легко виробити собі ясне поняте про те, чи вони виплили з одного жерела, себ то з одного церковно-славянського перекладу грецького твору, чи може се репрезентанти двох перекладів. Вислов у обох текстах досить відмінний, та з другого боку на стілько близький, що в богатьох випадках темне місце або пропуск одного тексту можемо пояснити другим. Інтересно, що власне коротший, обкроєний текст Зам. в многих місцях дає ліпшу лекцію від повнїйшого Льв., хоча не виключені й такі випадки, де значіне Зам. тексту робиться зрозумілим лише по порівнаню з Льв. Видно, що між одним і другим текстом лежить ряд посередніх, у яких сей текст ступнево перемінювався.

Та лишаючи на боці язикові та стилістичні відміни, варто звернути увагу на ті пропуски, якими Зам. ріжниться від Льв. В тих пропусках есть система: редактор тексту Зам. силкувався з тексту оповіданя усунути всі згадки про Пилата і його ролю в Стефановім мучеництві і похороні. Ідея зробити з Пилата бездушного та безхарактерного римського чиновника, тайного чи явного послідовника Христової науки і навіть святого, повстала в умах де яких слабохарактерних христіян у пору, коли Діоклетіянове та Ліцінієве переслідуване внесло чималу деморалізацію в ряди христіян (читай про се хоч би відповідні глави Євзебієвої історії церкви), а нагла побіда христіянства за Константина породила тенденцію зробити христіянство з самих його початків такою релігією, до якої хилилися найвисші уми та найсильнійші володарі поганського світа. Оттоді то, в IV і V віках скомпоновано такі апокріфи, як Никодимове євангеліе, в яке ввійшли в перерібці й тзв. Пилатові акти, ніби то опис устного процесу Ісусового перед Пилатом, де Пилата виставлено в світлі значно кориснійшім, ніж у канонічних євангеліях. Фантазія христіянських новелістів та гагіографів кружила докола дворів рим-

Библиотека "Руниверс"

ських імператорів, населяючи їх прихильниками християнства, не цураючися й таких почвар, як Нерон, якого теща і дочка і ріжні свояки (Перпетуя, Потенціяна, Анфіса) попали в число святих. З цісарської родини виведено св. Климента та за одним заходом зроблено християнином його батька й матір—сюди належить і Домітілля, якої імя звязане з одною славною катакомбою в Римі. Святою і мученицею зроблено й Траянову дочку Друзіллю чи Дрозіяду, скомпоновано переписку ап. Павла з Сенекою і т. д. Лукіянові, авторові оповіданя про мучеництво св. Степана, полишилася сумнівна честь зробити святими не лише жидівських книжників Никодима та Гамалиіла, але й самого Пилата. На честь християнської церкви треба сказати, що швидко відчуто всю невластивість сеї тендеції; заборона Лукіянового трактату про мучеництво св. Степана Гелязіянським декретом—се інтересний прояв реакції церкви против неї. Що й там, де про Гелязіїв декрет не чували нічого, як ось у нас на Русі, де переняті в темну добу духової замороки IX—X віків із Греції отакі байкові оповіданя (а їх у наших старих Минеях та Прологах збереглася значна сила на радість фолькльористам та історикам літературних мотивів) з наівною вірою переписувалися з віку в вік,—що й там одначе здоровий інстинкт бунтувався против такого абсурда, як признане святим нашої церкви Пилата, на се інтересним доказом служить власне та скорочена редакція оповіданя, яку маємо в нашім замойськім рукописї.

Та вернімо ще до деяких літературних питань, що вяжуться з нашими текстами. Поперед усього питане, чи справді наше церковно-славянське оповіданє—частина, і то затрачена в грецькім і латинськім частина Лукіянового трактату? На се питане можемо дати відповідь зовсім певну. В кінцевім уступі нашого (Льв) тексту Степан у небі просить Бога, шоб тіла його, Гамалиіла й Никодима (про Авива в тім місці не згадано, хоча в иншім місці нашого тексту й його вимінувано між Степановими сторонниками) „були укриті аж до часу откровенія“. Значить, уже тут автор збуджує ожиданє, що в його оповіданю буде ще друга часть, власне опис того „откровенія“. А се змушує нас заразом до здогаду, що й саме оповіданє було написане по доконанім уже віднайденю мощий. Що більше, автор нашого оповідання знає очевидно того, що доконав відкритя мощий: Степан у сні виявляє Пилатови, що сього відкритя доконає один із його пізнїйших свояків. Отжеж знаємо, що того відкритя доконав той сам єрусалимський пресвитер Лукіян, що був і автором трактату; згадане місце в нашім тексті наводить нас на думку, що

Библиотека "Руниверс"

той Лукіян на основі якоїсь семейної традиції мав претензію до дуже сумнівної чести—бути потомком Понтійського Пилата; се вияснило б нам також, чому він при дивовижнім оповіданю про замучене св. Степана силоміць приплів також свойого ніби предка, щоб його обмити коштом історичної правди й доброго смаку і вчинити нарешті святим.

Що наш ц.-слав. текст і лат. Epistola Luciani і той її грецький оригінал, який опублікував д. Пападопуло-Керамевс, се фактично части одної цілости, доказують не лише згадані вже натяки ц.-слав. тексту, але також не менше виразні сліди грецького й латинських текстів. І так кінцевий уступ грецького I розд., цитований вище, робиться нам зрозумілим аж при порівнаню з ц.-слав. текстом: мова там не про яких будь єрусалимських христіян, що як будь хоронять тіло мученика; навпаки, се слуги маючого і багатого пана, що хоронять тїла в срібних та золотом окованих домовинах. Далї у всіх текстах виступають ті самі особи і в тім самім характері: окрім Степана ще Гамалиіл, Никодим і Авів, усі три як віруючі христіяни; в ц.-слав. тексті всі вони вмірають мученицькою смертю разом із Степаном, а в греко-латинських уже перероблених текстах вони тілько похоронені разом у спільнім печернім гробі, і лиш один із них, Никодим, може хоч на половину вважатися мучеником. Зараз побачимо причину такої переміни. Так само треба підпести спільність топографії. Певно, в ц.—слав. текстах, і то в таких пізніх копіях, годі нам надїятися вірної і точної передачі сирійських імен, а проте годі заперечити, що названа у Льв. тексті Капартасала те саме, що Кафаргамала грецького і латинських текстів, місцевість знана й досі як один із центрів культу св. Степана [1]). Правда, церковно-славянський текст говорить, що в Капартасалї був похоронений лише Пилат, а тіла мучеників у „Стефановім селі Аросомі [2]), але це вже якась пізнїйша вставка і не мусїла належати до самого Лукіяна, коли вірити початковим уступам латинської Epistola та грецької реляції, де виразно кажеться, що мощі святих були віднайдені ним у Кафаргамалї.

Коли се так і оба оповіданя, про замучене Степана та про віднайдене його мощів, справді части одної первісної цілости; коли Лукіянів трактат, як твердить грецький титул, справді мі-

---

[1]) Про розкопи ведені в 80-их роках мин. віку в селі Кафаргамалї біля Єрусалиму, які відкрили основи великої церкви св. Степана, збудованої десь в V чи VI віці нашої ери, див. звістки в Analecta Bollandiana, річники VIII, IX і X.

[2]) Згадані при тім Карюгмата, іноді Капогьмата, здається мені, не що инше, як перекручене грецьке κατωγήματα —підземні склепи.

Библиотека "Руниверс"

стив у собі мучеництво і віднайдене мощів Степана, то легко зрозуміємо, що в греко-латинських текстах годі нам ждати попросту відрубаної і зрештою ненарушеної другої частини. Ми вже піднесли, що всі рецензії обік перерібок заховали де-де сліди давнійшого тексту, а се промовляє за тим, що Лукіянів трактат був кілька разів перероблюваний, ретушований і чищений як на латинськім, так і на грецькім грунті. Тепер, коли в церк.-слав. тексті маємо хоч може також не зовсім вірно захована, та все таки в головному автентичну форму першої части оригіналу, можна з більшою відвагою догадуватися, як виглядали перші розділи грецького й латинських текстів у самім оригіналі. Отже мусимо признати, що розд. I і II теперішнього грецького тексту ніяк не могли належати до оригіналу, так само як кінцеві речення обох ц.-слав. редакцій з їх славословіями. Безпосередно з закінченем нашого тексту Льв. лучився розд. III теперішнього грецького тексту з його Ὁ δὲ ἀγαθὸς καὶ φιλάνθρωπος θεός, що наступало зараз по оповіданю про смерть Пилата і його жінки. Із змісту ц.-слав. оповіданя видно також,що теперішній IV розд. грецького тексту також не міг належати до первовзору, але виплив із пізнійшої перерібки, бо-ж Гамалиіл не міг представлятися Лукіянові як остатній пережиток із цілої компанії, коли в церк.-слав. тексті було виразно сказано, що він погиб разом зі Степаном і Никодимом. Коли він сам являвся Лукіянови, а не, як натякає досить неясний і може пізнійшою рукою доданий зворот у церк.-слав. тексті, усі три мученики разом (**сты же хвы мѹнцн ѩвнша сѧ трнцн ѹстным и вѣрным людемь**“—на пізнійшу перерібку натякає пропущене імени Лукіяна в тім місці; він сам певно не інакше мусів би написати в своїм письмі, бо-ж не жадним иншим людям, а лише йому явилася та обява), то він мусїв і тут представляти діло так, як воно описане в першій части; раз но першу часть признано соблазнительною і усунено з трактату, то й оповідане про сонний привид Лукіяна мусіло бути відповідно перероблене.

Коли був написаний Лукіянів трактат? Із того, що сказано досі, ясно, надіюся, всякому, що рік 415, у якім Орозій у Єрусалимі одержав латинську перерібку та Авітів рекомендаційний лист, мусів бути датою латинської перерібки, але зовсім не мусів бути датою написаня грецького оригіналу. Правда, в обох латинських рецензіях і в грецькім тексті Пападопуло-Керамевса річ представляється так, що віднайдене мощий св. Степана трапилося в тім самім році. Авіт говорить навіть, що він особисто був знайомий з Лукіяном і що Лукіянів „лист“ написаний на

Библиотека "Руниверс"

виразне його, Авітове, домагане. Та ми бачили, що грецький текст не знає про се нічого і не можемо занадто полягати на правдомовність того еспанського презвитера, тим більше, що св. Єронім, який тоді пробував у Вифлеємі, ніде в своїх писанях не згадує нічогісінько про се віднайдене. Натомість заслугує на увагу записка пізнійшого історика церкви, Никифора Каллїста, що мощі св. Степана були вже за часів Константина В. принесені до Константинополя. Ся звістка взята мабуть із безіменно опублікованого трактатика про се перенесене, дуже широко розповсюдженого на заході і на сході [1]); се знов таки оповідане сьвідка-самовидця, де автор і заразом головний діяч перенесеня говорить про себе і про своїх товаришів „ми“. Се оповідане навязує безпосередно до Лукіянового трактату про віднайдене мощий, визнається тим самим замилуванем до чудес, тою самою несмачною фантастикою. На мою думку се зовсім не жадне самостійне оповідане, а власне третя, кінцева часть того самого Лукіянового трактату. Ідея ненастанних чудес, що супроводили віднайдене тих мощий, панує і в історії їх перенесеня: голоси з неба і крики та стогнаня демонів, спинене і чудесне порушене корабля на морі, мул, що промовляє людським голосом, і инші так само абсурдні чудеса, а нарешті сьвідоцтво „невірного“ жида, все те накопичено, щоб тілько доказати, що се не чиї будь мощі, лише св. Степана. Час похороненя тих мощий у Константинополі означено часом рівночасного володіня Константина Великого і патріарха Митрофана [2]), а се дає нам простір часу між 324 і 327 роками. Значить, у той час, у другу четвертину четвертого, а не в першу четвертину пятого віку, мусимо покласти написане сього трактату, а його автор Лукіян не міг бути особистим знайомим із Авітом, бо жив мало що не сто літ перед ним.

Іван Франко.

[1]) Латинський переклад доконаний Анастасієм Бібліотекарем, див. Augustini opera VII, у 41 томі лат. серії Міневої Патрольогії; грецький текст у цитованім томі Аналєктів Пападопуло-Керамевса, церковно-славянський крім рукописів у друкованих Прологах під днем 2 серпня та моі Памятки т. III, стор. 316—317.

[2]) В латинськім тексті патріарх називається Евзебієм, та се очевидна хронологічна нісенітниця.

Библиотека "Руниверс"

Воспоминанія и Автобіографія Одесскаго Протоіерея Николая Ивановича Соколова.[1])

Жизнь моя въ Орловскомъ училищѣ.

(1817—1821 гг.)

Квартира на Слободкѣ. — Задержка въ открытіи училища. — Нѣкоторые факты изъ исторіи 1812 г. — Двѣ солдатскія пѣсни 1812 г. — Открытіе училища. — Учитель *Дьяконовъ*. — Учитель *Калинниковъ*. — Большіе расходы на учебныя книги. — Исканіе цвѣта папоротника въ ночь на 24-е іюня. — Полицейская расправа съ мужемъ хозяйки. — Опытъ съ порохомъ. — Самосудъ орловскихъ мѣщанъ. — Площадное наказаніе розгами 17-лѣтней замужней женщины красавицы. — Опытъ катанья по выгону на саняхъ подъ парусами. — Черты изъ жизни орловскихъ мѣщанъ. — Торговыя бани и безобразія въ нихъ отъ совмѣстнаго мытья обоихъ половъ. — Мальчикъ *Аретинскій*.

Не помню, какъ я провелъ вакацію въ с. Спасскомъ; но по минованіи ея, я представленъ былъ въ г. Орелъ — въ духовное училище 1-го сентября и поставленъ на квартирѣ съ двоюродными своими братьями — *Троицкими* на *Слободкѣ*, тянувшейся отъ мужескаго монастыря надъ оврагомъ, въ крайнемъ домѣ у мѣщанина преклонныхъ лѣтъ. Помѣщеніе наше было въ избѣ, спальня — на полатяхъ. Черезъ сѣни — на улицу была горница, но она занимаема была чиновниками Губернскаго Правленія, которые жили тихо, пока у котораго-нибудь изъ нихъ не появлялись деньги. Въ этомъ случаѣ посылалось за водкою, собирались

---

[1]) См. Кіев. Стар. 1906 г. 5—6.

Библиотека "Руниверс"

бабы и дѣвки и поднимались танцы подъ гитару — съ шумомъ и гамомъ....

Училище наше не открывалось мѣсяца полтора; подъ него готовилось старое деревянное зданіе въ монастырѣ. Смотрителемъ училища назначенъ былъ вдовый священникъ, въ то же самое время принявшій чинъ монашескій подъ именемъ *Филарета*. Онъ былъ товарищемъ моего отца въ старшей риторикѣ, человѣкъ довольно мягкаго характера. Не помню, какъ открывалось училище; но хорошо помню, какъ полтора мѣсяца бродили мы по городу подъ руководствомъ старшаго брата Ивана и отчасти сыновей хозяйскихъ, изъ которыхъ одинъ былъ хромой, а другой — женатый — съ желвакомъ на рукѣ повыше щиколки. Послѣдняго отецъ гонялъ на работу канатную; но онъ часто увиливалъ и бродилъ съ нами. Онъ знакомъ былъ съ наборщиками въ типографіи, и при помощи его мы въ первый разъ увидѣли, какъ печатались книги. Мы считали наборщиковъ людьми учеными; но когда они пришли къ намъ на квартиру, мы разочаровались въ ихъ учености. Оказалось, они едва могли читать, а одинъ изъ нихъ, пожилой, при началѣ какого-нибудь дѣла, имѣлъ поговорку: „а нутко Богъ, кое-тко Христосъ!“.

Въ семействѣ хозяина мнѣ пришлось видѣть, какъ старымъ людямъ опасны гнѣвъ и раздраженіе. Старшій сынъ хозяина не ночевалъ дома. Сосѣди сообщили старикамъ, что онъ на базарѣ кричалъ: „Жару!“,—что его тотчасъ подхватили купцы и возятъ по трактирамъ и кабакамъ. Отецъ бросился въ городъ, нашелъ сына въ трактирѣ. Онъ уже договаривался пойти охотникомъ за другого въ солдаты. Отецъ едва убѣдилъ купцовъ оставить негодяя, указавъ на шишку правой руки и заплативъ, что истрачено на угощеніе его. На другой день старики собрались наказать его розгами. Отецъ держалъ его за волосы, перегнувъ черезъ столъ, мать сѣкла, жена стояла у припечки (при загнѣткѣ) — плакала. Мы смотрѣли на сцену съ полатей. Не долго его сѣкли; но мать старуха къ вечеру заболѣла и черезъ 4 дня скончалась.

На этой квартирѣ я болѣе познакомился съ 1812-мъ годомъ и послѣдующими событіями. Хозяинъ разсказывалъ, какъ въ ноябрѣ и декабрѣ этого года толпами проводили плѣнныхъ французовъ, какъ много умирало народа отъ повальной болѣзни и какъ поэтому никто не хотѣлъ принимать ихъ на квартиру, какъ на ночь загоняли плѣнныхъ въ неотопленныя казармы и какъ къ утру многихъ вывозили повозками хоронить въ накопанныя

Библиотека "Руниверс"

большія ямы. Казармы стояли черезъ дорогу отъ квартиры нашей, а ямы были на 200 шаговъ отъ казармъ — въ полѣ. Дѣти хозяина указывали на эти ямы. Хозяинъ разсказывалъ, но не былъ самовидецъ, какъ одинъ изъ плѣнныхъ ожилъ въ то время, когда тѣло его изъ саней вываливали въ яму, и ухватился за грядку саней, но былъ желѣзною лопатою отбитъ въ яму и закопанъ вмѣстѣ съ мертвыми! — Съ нами квартировалъ, только въ отдѣленіи чиновниковъ, возвращавшійся изъ плѣна французъ, худо говорившій по русски, но научившій насъ играть въ карты — въ *возка*. Тогда же или спустя мѣсяцъ послѣ — квартировалъ съ лошадью кирасирскій вахмистръ, красавецъ лѣтъ 35-ти. О какъ мы его любили и какъ онъ былъ привязанъ къ намъ! Онъ стоялъ два года въ Парижѣ и разсказывалъ намъ о разныхъ битвахъ 1813 года. Онъ готовъ былъ играть съ нами на дворѣ во всѣ ребяческія игры. Къ изумленію нашему, онъ показывалъ намъ, какъ можно драться на сабляхъ со многими и оставаться невредимымъ. Онъ ставилъ насъ троихъ противъ себя, давалъ намъ по палкѣ и самъ бралъ такую же палку, и просилъ нападать на него и изо всей силы бить его. Что же? Мы дружно нападали на него, но онъ не только не допускалъ ударовъ до себя, но еще каждому изъ насъ наносилъ удары (по шубѣ, — это было зимою). Онъ диктовалъ намъ солдатскія пѣсни 12-го года, а голосъ перенимали мы у солдатъ, ходившихъ къ нему чистить лошадей, и особенно у тѣхъ, которые цѣлымъ эскадрономъ самымъ тихимъ шагомъ каждый день водили лошадей на водопой. Вотъ нѣкоторыя слова тѣхъ пѣсенъ, сохранившіяся въ моей памяти:

I.

Какъ попался въ плѣнъ маіоръ французскій,
Повели того маіорика ко Кутузову,
Какъ возговоритъ князь Кутузовъ
Ой зычнымъ голосомъ:
„Ты скажи, скажи маіорикъ ой да французскій,
Сколько силы въ Наполеона?“
— Увсѣхъ силъ Наполеона ой смѣты нѣту. —
— „Врешь, маіорикъ французскій!
У вашего Наполеона ой силы нѣту.
Погубилъ ее въ морозѣ,
Запрудилъ ею Березу!“

Библиотека "Руниверс"

II.

Государь нашъ Александра
Навсегда будетъ отецъ,
Ой сухарей въ него довольно,
Платьемъ, обувью снабдитъ.
А французъ шельма — грабитель
Разорилъ нашу Москву.
Запрудилъ рѣчку Березу
Своимъ буйнымъ табуномъ.

Наконецъ въ Орловскомъ училищѣ открылось ученіе. Сначала открыты были три класса: второй классъ приходского училища, низшее отдѣленіе и высшее отдѣленіе уѣзднаго училища [1]). Мѣсяцъ я сидѣлъ во второмъ классѣ, но потомъ въ числѣ многихъ другихъ переведенъ въ низшее отдѣленіе уѣзднаго училища. Въ этомъ отдѣленіи проходились предметы: Латинская грамматика — *Амвросія*, Греческая грамматика, Катихизисъ, Священная Исторія, кажется, *Платона* (она начиналась такъ: „Богъ сотворилъ небо и землю такъ прекрасно и великолѣпно, какъ мы оныя теперь видимъ"), Ариѳметика и Математическая Географія, Уставъ церковный и церковное пѣніе. Въ высшемъ отдѣленіи — тѣ же предметы, кромѣ Устава и пѣнія, и переводились *Корнелій Непотъ* и греческое Евангеліе. Не помню, кто былъ учителемъ въ приходскомъ училищѣ; но въ уѣздномъ — въ обоихъ классахъ — студенты богословія *Иванъ Андреевичъ Шокотовъ* и *Василій Филипповичъ Дьяконовъ*, Священникъ Рождественской церкви отецъ *Ѳедоръ Калинниковъ*, а Уставъ и пѣніе преподавалъ рябой дьячекъ. Упомянутые студенты числились еще въ Семинаріи, куда должны были подавать разсужденія на сообщаемыя имъ оттуда темы. Дьяконовъ послѣ женился на дочери орлов-

---

[1]) По уставу 1814 г. съ духовнымъ *уѣзднымъ училищемъ* было соединено дух. *приходское училище,* имѣвшее два класса: *первый* и *второй;* изъ этого второго класса ученики переходили въ *низшее отдѣленіе* уѣзднаго училища, каковое отдѣленіе обычно тогда называлось *третьимъ классомъ* (въ общемъ счетѣ), а высшее отдѣленіе — *четвертымъ* классомъ. Но въ 1825 г. уничтожено раздѣленіе низшихъ духовныхъ училищъ на *приходскіе* и *уѣздные*—и изъ нихъ образовано только *одно духовное уѣздное училище* — съ 3-мя отдѣленіями: *низшимъ, среднимъ* и *высшимъ* (по 2 года въ каждомъ). Такъ было до новаго Устава 1869 г. — Л. М. —

Библиотека "Руниверс"

скаго катедральнаго протоіерея и черезъ 4 года поступилъ священникомъ въ соборъ. Оба они были самоучки, познакомившіеся съ свѣтскими предметами еще въ Сѣвскѣ. Дьяконовъ самоучкою пріобрѣлъ порядочное знаніе въ нѣмецкомъ языкѣ и преподавалъ его въ орловской гимназіи. Это былъ самый благородный человѣкъ, по гуманности опередившій свой вѣкъ. Онъ преподавалъ латинскій языкъ, географію и ариѳметику въ высшемъ отдѣленіи духовнаго училища. Методъ его преподаванія географіи заключался въ рисованіи, ариѳметики — въ примѣрахъ, латинскаго языка — при переводѣ съ русскаго — въ подражаніи Корнелію Непоту и для того — въ предварительномъ заучиваніи самыхъ легкихъ мѣстъ изъ этого автора. Онъ сдѣлалъ таблицу со многими графами, въ которыхъ обозначалось наименованіе государства, число жителей, вѣроисповѣданіе, языкъ, правленіе и проч. Приносилъ намъ изъ гимназіи глобусъ. Но всего занимательнѣе были разсказы его о странахъ. Лучшихъ учениковъ, въ число которыхъ попадалъ и я, онъ водилъ на публичный экзаменъ въ гимназію, гдѣ мы видѣли многіе физическіе опыты: сцѣпленіе двухъ тѣлъ, насосы, вытягиваніе воздуха изъ воздушнаго колокола, дѣйствія магнита и электричества. Но за то преподаватель въ низшемъ отдѣленіи священникъ Калинниковъ былъ бичемъ для учениковъ. Это была особа почти высокаго роста съ красными волосами, худощавый и злой. Его почему-то назвали *Жестянкой*. Одинъ на приходѣ, отдѣленный рѣкою на одну версту разстоянія отъ училища, онъ всегда опаздывалъ, половину часовъ занимался экзекуціей и нѣсколько минутъ — разъясненіемъ урока. О какъ боялись его, и какъ ненавидимъ онъ былъ учениками!

Я сталъ быстро развиваться только въ высшемъ отдѣленіи подъ вліяніемъ Василія Филипповича. Первый же годъ сталъ въ числѣ первыхъ учениковъ и перешелъ въ семинарію *вторымъ* ученикомъ. Послѣдній годъ въ училищѣ я сдѣланъ былъ *сеніоромъ*, т. е. старшимъ надъ старшими: мнѣ дано было право каждаго изъ малыхъ шалуновъ рвать за волоса. Какъ я ни избѣгалъ употребленія этого права, но оно глубоко испортило меня. Я сталъ гордиться и самъ себя изолировалъ отъ рѣзваго и веселаго общества..,

У меня явилась охота къ рисованію, и я купилъ руководство. Но это рисованіе мое ограничилось малеваніемъ. Памятниками моего искусства остались въ горницѣ отца моего портреты генераловъ 12-го года и плоскошарія земного шара. Въ 60-хъ годахъ они погибли въ пожарѣ.

Библиотека "Руниверс"

Еще въ низшемъ отдѣленіи училища я обременялъ отца чрезвычайными расходами. Страшный *Жестянка* принуждалъ учениковъ покупать нужныя и ненужныя книги. Отецъ открылъ мнѣ кредитъ у одного торговца, у котораго онъ покупалъ церковное вино, въ случаѣ понадобятся мнѣ небольшія деньги. Но я, покупая учебныя книги, забралъ цѣлыхъ 35 рублей. Какія же это книги? 1) латинская грамматика — Амвросія, 2) Корнелій Непотъ; 3) греческая маленькая грамматика; 4) греческій лексиконъ; 5) греческое евангеліе; 6) катихизисъ; 7) Священная исторія — 8) нотный обиходъ и 9) уставъ. Не думаю, чтобы лишнія деньги бралъ учитель. Видно — такъ дороги были тогда эти учебники.

У меня велась книжка разнообразныхъ секретовъ, относящихся къ искусствамъ: какъ золотить и серебрить металлы, какъ найти *разрывъ-траву*, какъ заговаривать кровь — и отъ укушенія змѣи и другія нелѣпости. Но отецъ мой, по совѣту Богоявленскаго дьячка, истребилъ ее. У меня велась и другая книжка, въ которой записывались стихи разныхъ авторовъ и особенно Жуковскаго баллады и „Пѣвецъ въ станѣ русскихъ воиновъ“. Эти пьесы я зналъ наизустъ — не потому, что я училъ, а потому, что часто читалъ ихъ товарищамъ и дома — сестрамъ. Чтобы списать эти стихи — не съ книги, которой никто не имѣлъ, а съ тетради, — я платилъ обладателю ея деньгами, и если не было ихъ — бумагою и перьями. И эта книжка хранилась въ секретѣ — какъ отъ учителей, такъ и отъ отца. Въ первой книжкѣ значилось, какъ достать *цвѣтъ папоротника*, который разцвѣтаетъ съ блескомъ и въ ту же минуту отцвѣтаетъ — въ полночь подъ *Ивана Купала*. Во второй годъ ученія моего въ низшемъ отдѣленіи уѣздаго училища я былъ увлеченъ товарищами караулить разцвѣтъ папоротника и запастись цвѣтомъ его. Обладателю этого цвѣта, говорилось въ книжкѣ, будутъ сами собою являться клады, выходя изъ земли на поверхность. Чтобы пріобрѣсть этотъ цвѣтъ, по проекту книжки, — надобно было вокругъ папортника обвести черту или кругъ, войти въ кругъ съ молитвою, сѣсть вокругъ папоротника, разостлать подъ нимъ платки и сохранять глубокое молчаніе. Предъ полночью послѣдуютъ страшныя видѣнія. Будутъ на васъ стремиться стада коровъ, табуны лошадей, потомъ стаи волковъ, будутъ летѣть на васъ повозки, коляски: но вы не оборачивайтесь въ стороны, но все смотрите на попоротникъ. Коровы, лошади, волки, повозки, коляски — вотъ, вотъ будутъ подлѣ васъ, но черта ихъ остановитъ. Послѣдуетъ вой, крикъ, выстрѣлы; но вы заткните пальцами уши — и не сводите

Библиотека "Руниверс"

глазъ съ папоротника. Въ самую полночь папоротникъ вдругъ вспыхнетъ радужнымъ цвѣтомъ, цвѣты посыпятся на ваши платки, и вы, свертывая платки съ возможною скоростью, кричите: *чуру, чуру, чуру*. Тогда, завязавъ платки нѣсколькими узлами, спокойно отправляйтесь домой.

По проекту, начертанному въ книжкѣ, подъ предводительствомъ старшаго моего братца *Ивана Троицкаго*, все исполнено какъ слѣдуетъ. Только что стало садиться солнце, мы вчетверомъ отправились за городъ къ опушкѣ лѣса, гдѣ прежде намѣченъ былъ кустъ папоротника. Вокругъ этого куста обвели черту и, перейдя ее съ молитвою, сѣли вокругъ куста, разостлавъ подъ нимъ свои платки. Водворилось глубокое молчаніе. Устремивъ испуганный взоръ на папоротникъ, мы урывкою взглядывали другъ на друга. Ни крику, ни гаму, ни вою и ни малѣйшаго шуму вокругъ не было; только слышенъ былъ отдаленный лай собакъ въ городѣ, который болѣе ободрялъ, чѣмъ пугалъ насъ. Не помню, долго ли я сидѣлъ; но вдругъ я пробудился какъ будто отъ сна; солнце всходило, я лежалъ на боку. Но боялся промолвить слово,—и всѣ лежали, какъ я. Проснулся другой—и что-то громко сказалъ. Тогда поднялись всѣ. Тогда двоюродный братецъ мой вздумалъ лгать, увѣряя, что онъ видѣлъ разцвѣтъ и запасся цвѣтомъ; но платокъ его, остававшійся подъ папоротникомъ, тотчасъ обличилъ лгуна. Тогда всѣ поспѣшили домой, чтобы какъ можно тверже выучить уроки и увѣрять всѣхъ, что мы вовсе не отлучались изъ города, а ходили подлѣ двора, ожидая восхода солнца, и видѣли, какъ оно рядилось въ разные цвѣта, плясало по небосклону, какъ и слѣдовало ему въ утро Купалы рядиться и плясать. Хозяева квартиры отъ души повѣрили: они знали, что по всѣмъ селамъ дѣвки и парни ночь проводятъ безъ сна на улицѣ и выгонахъ—въ пѣсняхъ и пляскахъ, ожидая чуда при восходѣ солнца.

Въ теченіи 4-хъ лѣтъ я перемѣнилъ 5 квартиръ. Все, что писано выше, происходило на *первой* квартирѣ. Изъ пребыванія на *второй* квартирѣ врѣзалось въ памяти моей несчастіе съ молодыми хозяиномъ и хозяйкою. Хозяйкѣ сказали, что мужа ея за какой-то безпорядокъ схватили полицейскіе солдаты и потащили въ полицію. Она тотчасъ бросилась въ полицейскій дворъ. Тамъ кого-то сѣкли въ двѣ лозы; наказываемый не кричалъ; въ толпѣ говорили: „замеръ!“ Но вдругъ обмершій вскрикнулъ: это

Библиотека "Руниверс"

былъ — мужъ хозяйки! Беременная, она ахнула и повалилась замертво. Хозяинъ безъ вреда для здоровья перенесъ наказаніе, а хозяйка „сбросила“ — и ее привезли на телѣгѣ...

На *третьей* квартирѣ одинъ изъ учениковъ досталъ пороху — не больше $^1/_8$ доли фунта. Изъ него на столѣ дѣлали вензеля и зажигали. Коробочка съ порохомъ лежала тутъ же — на столѣ. Ученики, наклонившись надъ столомъ, любовались горящими вензелями. Но вдругъ послѣдовалъ взрывъ пороха въ коробочкѣ, — ученики попадали навзничь, свѣча потухла. Хозяйка бросилась въ нашу комнату, но дымъ и мракъ остановили ее у порога. Послѣ испуга и безмолвія, раздался крикъ и слезы. Тутъ вбѣгаетъ со свѣчкою канцелярскій, квартировавшій черезъ сѣни въ другомъ отдѣленіи, — и дѣло объяснилось. Ученики были невредимы, только опалило имъ брови и немного волосъ. Къ счастію, въ ту секунду, я отвернулся отъ стола за клочками бумаги, которою поджигались вензеля.

Четвертая квартира памятна мнѣ страданіями хозяина отъ самосуда мѣщанскаго общества. Въ половодье Ока, протекающая черезъ весь городъ, для людей праздныхъ представляетъ собою величественное зрѣлище. Вода на ней поднимается на полторы сажени. По ней съ шумомъ и трескомъ плывутъ огромныя крыги льда, то становясь на ребро, то разбивая другія крыги; между ними плывутъ снесенные мосты, плетни и цѣлые хлѣва, разбитыя барки... Для мѣщанъ въ это время рѣка становится поприщемъ отваги и наживы. На лодкахъ, съ баграми въ рукахъ, они перехватывали все цѣнное — бревна, канаты и проч. Все пойманное и дорогое присваивалось обществу, продавалось и деньги обращались на общественныя нужды; малоцѣнныя вещи позволялось мѣщанамъ обращать въ свою пользу. Нашему хозяину въ полночь удалось поймать нѣсколько свертковъ новаго каната; одинъ изъ свертковъ онъ отнесъ къ себѣ въ домъ. Это дошло до свѣдѣнія общества. На сходкѣ рѣшили сдѣлать обыскъ. Всею гурьбою пришли въ домъ хозяина. Канатъ нашелся. Что же дѣлаютъ съ преступникомъ? Снимаютъ съ него портки. Связываютъ канатомъ ноги и привязываютъ къ колѣнямъ руки, и за конецъ веревки везутъ несчастнаго по замерзлой грязи и... поддерживаютъ за плечи, и привозятъ на мѣсто сходки полумертвымъ. Судить некого, сѣчь — не почемъ, — изъ задницы одни жилы и кости остались. Взвалили его на телѣгу и отдали его хозяйкѣ везти домой. Хозяйка повезла больного въ больницу; больница дала знать въ полицейскую часть. Многихъ, было, арестовали; но об-

Библиотека "Руниверс"

щество на другой же день выкупило своихъ арестантовъ, а хозяинъ нашъ цѣлое лѣто пробылъ въ больницѣ.

Пятая моя квартира находилась на концѣ Слободки—къ выгону и въ 40 саженяхъ отъ кабака, у котораго на площади собиралась сходка и производились судъ и расправа. Мы—ученики часто были свидѣтелями наказаній, производившихся возлѣ кабака. Однажды хозяева квартиры сказали намъ, что въ полдень будутъ наказывать 17-лѣтнюю красавицу. За что же? Отправившись, на другой конецъ города къ родителямъ, она застряла въ трактирѣ, не ночевала дома и только на другой день мужъ ея гдѣ-то напалъ на слѣдъ ея и, поймавъ, привелъ домой. Неизвѣстно, что ей досталось дома—отъ мужа, но свекоръ и свекровья не удовлетворились домашнимъ наказаніемъ, а настояли у Общества, чтобы невѣстка наказана была при сходкѣ, требовались на сходку и женщины, коихъ пришло немного. Старики требовали, чтобы женщины держали преступницу и сѣкли. Женщины положили красавицу на землю и подняли только юпку, но старики закричали: „поднимай рубаху!“ Двѣ женщины съ пукомъ розогъ уже готовились сѣчь. Но какъ женщины не послушались поднять рубаху, то ихъ отпихнули, а на красавицу насѣли мужчины и такъ дернули на голову рубаху, что развязалась юпка и обнаружилось все тѣло — съ ногъ до головы. Тогда между женщинами поднялся крикъ—и изъ нихъ державшія въ рукахъ розги бросили ихъ на земь и замѣшались въ кучку другихъ женщинъ. Поднялся общій крикъ... Вышелъ изъ толпы мужъ и началъ сѣчь жену пучкомъ розокъ. Послѣ нѣсколькихъ ударовъ и раздавшагося вопля, у мужа опустились руки... Тогда одинъ старикъ вырываетъ у него пучокъ, другой старикъ беретъ другой пучокъ и начинаютъ полосовать несчастную съ обѣихъ сторонъ: несчастная залилась отчаяннымъ крикомъ и скоро замолкла. Мужъ и нѣкоторыя изъ женщинъ вырвали у стариковъ розги—и экзекуція прекратилась. Красавица приведена была въ чувство кружкою воды и отправилась домой. Черезъ день она уже выходила за ворота и весело разговаривала съ сосѣдками. Домъ ея былъ пятымъ отъ нашей квартиры.

На этой квартирѣ произведенъ былъ нами опытъ катанья по выгону подъ парусами. Вѣтеръ былъ большой, снѣгъ былъ не глубокій. Хозяинъ снабдилъ насъ санями и дрючками. Къ двумъ дрючкамъ мы привязали одѣяла и простыни, выпросивъ ихъ у хозяйки. Верхніе концы такимъ образомъ импровизированныхъ парусовъ прикрѣпили мы къ заднимъ копыльямъ са-

Библиотека "Руниверс"

нокъ. Вѣтеръ понесъ насъ по выгону, но чрезъ нѣсколько минутъ опрокинулъ насъ, поднявъ задъ саней высоко отъ земли. Тогда мы прикрѣпили къ заду дровяную доску и, сѣвъ на ней въ рядъ, своею тяжестію не позволяли передку врываться въ снѣгъ и опрокидывать насъ. Катанье по новости было интересное и довольно занимало мѣщанство; но жаль—не могли такъ устроить паруса, чтобы можно было лавировать.

Неразгаданный народъ — эти мѣщане 1818 года! Будучи завзятыми мошенниками и ворами, въ иномъ случаѣ являлись жестокими преслѣдователями воровъ; будучи сами развратными и похабниками, иногда казались самыми ревностными поборниками цѣломудрія. Маленькаго вора они не выпускали изъ своихъ рукъ, не сокративъ его жизнь побоями, тогда какъ сами выѣзжали на большія дороги для разбоя и въ поля—для кражи лошадей.— Какому-нибудь молодому человѣку понравилась дѣвушка. Они условливаются поговорить между собою вечеромъ на огородѣ. Но ихъ замѣчаютъ не братья и родственники дѣвицы, но сосѣди,— и вотъ мущины нападаютъ на молодого человѣка, какъ на преступника или смертельнаго врага, бьютъ чѣмъ попало и увѣчатъ. Но дѣвушку отпускаютъ невредимою. Я самъ видѣлъ, какъ вѣнчался одинъ молодой мѣщанинъ съ перебитою ногою и съ поврежденною рукою. Народъ въ церкви говорилъ: „это его избили сосѣди невѣсты, когда ночью имѣлъ онъ свиданье съ суженою на огородѣ ея.“—

Въ купечествѣ, какъ мценскомъ, такъ и орловскомъ, дѣвицы не ходили въ то время на общественное гулянье, не ходили и въ церковь, кромѣ одной или двухъ недѣль, которыя обычаемъ назначались исключительно для нихъ и въ которыя староста не пускалъ въ церковь неженатыхъ молодыхъ людей. Но за то со дня совершеннолѣтія дѣвица усаживалась родными у воротъ ихъ дома *на поглядѣнье*, какъ тогда говорили, и молодые люди получали право проходить мимо дома и кланяться разряженной, набѣленной и нарумяненной красавицѣ.

Но для мѣщанъ орловскихъ мѣстомъ выбора невѣстъ служила мойка бѣлья на рѣкѣ, гдѣ дѣвицы, поднявъ до колѣнъ платье, выставляли на показъ бѣлизну и полноту тѣла, талію и гибкій станъ свой, особенно когда поперемѣнно то наклонялись къ водѣ, то поднимались вверхъ. Другимъ мѣстомъ —не выбора невѣстъ, но похабныхъ наслажденій, служили торговыя бани, бывшія при рѣкахъ—какъ Окѣ, такъ и Орликѣ. Въ торговыхъ баняхъ того времени женщины и мущины мылись и парились

Библиотека "Руниверс"

вмѣстѣ. Въ самой банѣ паръ добывался поливаніемъ камней дикарныхъ, которые раскаливались въ четыреугольной печи, а не изъ котловъ, какъ теперь дѣлается. Горячая и холодная вода бралась изъ двухъ огромныхъ котловъ не черезъ краны, а чрезъ края котловъ. Котлы стояли къ задней стѣнѣ бани рядомъ съ печью. Страшно, бывало, подойти къ горячему котлу; такъ и думалось, что кто-нибудь изъ тѣснившихся около него втолкнетъ тебя въ кипятокъ, почему обыкновенно ожидаешь, пока толпа, стоявшая около котла, сколько-нибудь разрѣдится. Зачерпавшій ряжкою горячей воды, идя между народомъ, долженъ по заведенному порядку кричать: „ожгу!"—Прибанникъ, гдѣ мылись на скамьяхъ, былъ холодный и грязный,—а раздѣвальною служилъ сарай безъ дверей и оконъ; но какъ сарай былъ небольшой и въ немъ не было лавокъ, а только солома, которая подъ конецъ дѣлалась мокрою,—то большая часть народа раздѣвалась около бани, подъ открытымъ небомъ. Покражъ не было,—видно былъ и караульщикъ.

Бани топились осенью, зимою и весною, а лѣтомъ двѣ рѣки, протекавшія по городу, каждый день наполнены были купающимися. Трудно объяснить, почему не позволялось пройти берегомъ мущинѣ тамъ, гдѣ купались женщины, и женщинѣ, гдѣ купались мущины, тогда какъ въ банѣ оба пола мылись вмѣстѣ. Я нѣсколько разъ бывалъ въ торговой банѣ, и не помню, чтобы какая изъ женщинъ словомъ затронута была со стороны мущины. Правда, въ самой банѣ не до того, чтобы смотрѣть на женщину; каждый старается избѣжать столкновенія съ несущими горячую воду. Въ прибанникѣ—такой паръ, что на самомъ близкомъ разстояніи не видишь, кто подлѣ тебя моется. Только въ раздѣвальной, и особенно при одѣваніи, женщина терпитъ стѣсненіе отъ наглыхъ взоровъ мущинъ. Впрочемъ возрастныхъ дѣвицъ рѣдко здѣсь видишь; ходятъ въ торговую только молодыя и пожилыя женщины и старухи, а съ ними уже дѣвочки до 15-лѣтняго возраста. Въ послѣдній годъ пребыванія моего въ орловскомъ д. училищѣ я ходилъ въ торговую баню, будучи 16-лѣтъ; но право равнодушно смотрѣлъ на молодыхъ женщинъ, только любовался иногда прекрасною фигурою 15-лѣтней дѣвочки, и то нисколько не обращая вниманія на детали фигуры.—Въ раздѣвальной не позволялось (какъ обычаемъ принято было) мущинамъ обращаться къ женщинамъ ни однимъ словомъ. Я помню, что досталось мѣщанину за нѣсколько безобидныхъ словъ, обращенныхъ къ молодой женщинѣ. Приходитъ толстая, претолстая старуха съ

Библиотека "Руниверс"

красивою молодою женщиною, должно быть- невѣсткою. Раздѣлись. Красавица, прикрывъ себя спереди вѣникомъ, сопровождаемая старухою, шла въ прибанникъ. 30-лѣтній балагуръ изъ мѣщанъ со смѣхомъ сказалъ: „Эхъ! молодайка! Спереди-то закрыла, а сзади—видно!"—Старуха огрызнулась: „смотри у матери своей, сучій сынъ!"—и пошла, загораживая собою молодайку и проклиная озорника: „чтобъ тебѣ очи вылѣзли, чтобъ ты навѣки ослѣпъ!" Всѣ женщины, бывшія въ раздѣвальнѣ, взъѣлись на несчастнаго. Выходятъ изъ бани два геркулеса; узнавъ, въ чемъ дѣло, накидываются на озорника: „ты что?"—А вы что?,—отвѣчаетъ озорникъ тихо.—„Ты что?", вскрикиваютъ громче первые.—А вы что?,—отвѣчаетъ послѣдній еще тише.—„Давно у тебя считались ребра?", вскричали первые. Тогда озорникъ, схвативъ остальное платье свое, котораго не успѣлъ надѣть, скорѣе вонъ изъ раздѣвальной; женщины дружнымъ хохотомъ проводили труса..

Въ послѣдній курсъ мой въ училищѣ со мною жилъ родной братъ мой *Евграфъ*, обучавшійся въ приходскомъ училищѣ. Между его товарищами я зналъ одного бѣленькаго мальчика—*Аретинскаго*. Еще раньше, чѣмъ онъ поступилъ въ училище я какъ-то увидѣлъ его. Однажды я шелъ по улицѣ; у воротъ одного дома стояли купидоны—мальчикъ и дѣвочка. „Чьи вы?",—спросилъ я ихъ.—Аретинскіе. — „Кто вашъ отецъ?"—Дьяконъ.—Этотъ мальчикъ Аретинскій былъ впослѣдствіи *Серафимъ*, теперь Архіепископъ Воронежскій [1]).

Поступленіе въ Семинарію.

(1821—1825 гг.)

Опять Сѣвскъ.—Три отдѣленія Семинаріи и науки въ нихъ преподававшіяся.—Новый архіерей *Гавріилъ Розановъ*.—Квартира *на обществѣ*.—Квартированье *за Морицей*.—Учтивое обращеніе въ Семинаріи.—Ректоръ о. *Владиміръ Сорокинъ* и его загадочная смерть.—Какъ принималъ архіерей Гавріилъ семинарское начальство.—Инспекторъ *Степанъ Левитскій* и его печальная судьба.—Новый

---

[1]) *Александръ Николаевичъ Аретинскій* (въ монашествѣ *Серафимъ*)—первый магистръ д. академіи—выпуска 1837. Оставленъ былъ при академіи баккалавромъ богословскихъ наукъ. Былъ впослѣдствіи Викаріемъ Кіевской митрополіи—*Епископомъ Чигиринскимъ* (1860—1865 гг.); скончался въ санѣ архіепископа воронежскаго 22 апр. 1886 г. Л. М.

Библиотека "Руниверс"

инспекторъ о. *Іаковъ Вечерковъ* и его способъ умилостивить архіерея.—*Прокуроръ* и его разсказы о прошломъ.—Воспоминанія хозяйки о плѣнныхъ французахъ: угощеніе ихъ *изъ черепка.*—Смерть хозяйской дочери *Гали* отъ обрыва земли.—Мѣщанинъ *Пальчикъ* и его разглагольствія.—Несчастіе хозяина отъ запоя жены.—Хозяйская дочь *Наташа.*—Опытъ съ селитрой на спинѣ борова.—Запой ветеринара.—Красавица *Саша Оболенская* и влюбленность въ нее автора.

Окончивъ курсъ въ Орловскомъ духовномъ училищѣ въ 1821 г., я поступилъ въ Семинарію—опять въ Сѣвскъ. Но была не прежняя Семинарія. Уже не было прежнихъ богослововъ съ косами, философовъ на распашку, и риторовъ—съ подпоясками у поясницы. Классовъ въ Семинаріи было не много: *низшее отдѣленіе, среднее отдѣленіе* и *высшее отдѣленіе.* Но въ каждомъ, отдѣленіи былъ двух-годичный курсъ. Въ первомъ классѣ читались: словесность, исторія, алгебра, геометрія, греческій языкъ, латинскій языкъ и нѣмецкій языкъ. Во второмъ: философія и физика. Въ третьемъ: богословіе, свящ. писаніе, герменевтика, священная исторія и церковная исторія. Учители были изъ духовной академіи. Изъ старыхъ оставался одинъ *Илья Кузмичъ Соколовъ*, впослѣдствіи протоіерей Мценскаго собора. Въ 1870 г., въ бытность мою въ г. Мценскѣ—на родинѣ, онъ объяснялъ мнѣ пребываніе свое въ Семинаріи по преобразованіи ея въ 1817 г.—такъ: „отъ прежнихъ преподавателей Коммисія духовныхъ училищъ потребовала конспекта по преподаваемому ими предмету и ученаго разсужденія на извѣстную тему. Немногіе рѣшились подвергнуться этому экзамену, говорилъ Соколовъ; но я подалъ и конспектъ и разсужденіе, и былъ признанъ профессоромъ философіи. Разсужденіе было: *De vi intuitionis animi.*“[1]) Мнѣ не досталось слушать философію у Соколова: черезъ два года онъ оставилъ Семинарію; но мнѣ говорили, что онъ, при своемъ знаніи нѣмецкаго языка, хорошо былъ знакомъ съ новою нѣмецкою философіею, и ему приписывали переводъ *Критики чистаго разума,* ходившій по рукамъ въ рукописи.

Каждый урокъ продолжался *два часа.* Два урока было до обѣда и одинъ послѣ обѣда.—Въ *низшемъ отдѣленіи* главнымъ предметомъ считалась *словесность*—и ученики именовались *словесниками.* Учитель читалъ намъ словесность по записками академическимъ, которыя начинались такъ: „Провидѣніе даровало людямъ безцѣнную способность выражать мысли и чувства сло-

---

1) То есть: „о силѣ душевнаго вниманія.“ Л. М.

Библиотека "Руниверс"

вами."—Такъ какъ въ этихъ запискахъ исчислялись только роды прозаическихъ стихотворныхъ сочиненій, и нѣкоторые даже безъ примѣровъ и образцовъ,—то вмѣстѣ съ ними читалась и *Бургіева риторика*, которая знакомила насъ съ тропами и фигурами.—Гражданская исторія читалась по Шрекку.—Алгебра и геометрія только начинались, и почти на первыхъ страницахъ бросались. Не было кому преподавать. Часто приходилось быть преподавателемъ ихъ тому, кто самъ не проходилъ этихъ предметовъ. Начальники не сочувствовали этимъ предметамъ, и почти не экзаменовали: ограничивались на экзаменѣ спросомъ двухъ-трехъ учениковъ.—Требовались упражненія въ сочиненіяхъ на русскомъ и латинскомъ языкахъ. Предлагались темы, по которымъ ничего не было въ головѣ. Требовали только „расужденій", но никогда не считали нужнымъ знакомить насъ съ описаніями и повѣствованіями, предполагая, что этому научитъ сама природа. Заставляли заучивать наизусть нѣкоторые стихи, но не знакомили съ стопосложеніемъ. Руководства не имѣлось. Христоматій тогда еще не было; но мы откуда-то знали оду *Богъ*.—Профессоры приходили на урокъ спустя часъ; остальное время употребляли на выслушиваніе уроковъ и только нѣсколько минутъ посвящали на преподаваніе, т. е. на разъясненіе.

Въ *среднемъ отдѣленіи* преподавались философія, физика и, не помню, что-то еще— не важное. Философія преподавалась на латинскомъ языкѣ по *Баумейстеру*. Въ одной довольно объемистой книгѣ заключалась логика, психологія, онтологія и метафизика. Въ классѣ профессоръ излагалъ предметы латинскимъ языкомъ, но что относилось къ исторіи философіи, съ тѣмъ знакомилъ насъ на русскомъ языкѣ, Мы не знали древнихъ философовъ, равно и новой философіи; но намъ говорилось о Декартѣ, Малебрантѣ, Спинозѣ и Лейбницѣ. Меня очень занимали философскіе предметы.—Физика читалась по какой-то книжкѣ—и ограничивалась свойствами тѣлъ, акустикою, оптикою и общими понятіями объ электричествѣ и гальванизмѣ. И предметы физики очень занимали меня, но жаль, что при Семинаріи не было ни одного физическаго инструмента, и преподаватель самъ въ первый разъ изучалъ предметъ, какъ тогда водилось.—Химіи тогда не было и въ поминѣ...

Въ *высшемъ отдѣленіи* читалось богословіе на латинскомъ языкѣ по какому-то автору, приспособившему католическое богословіе къ православію. Даже тексты св. писанія здѣсь приводились и заучивались на латинскомъ языкѣ.—Свящ. писаніе

Библиотека "Руниверс"

не читалось, а только герменевтика – по тетрадямъ.—Свящ. исторія проходилась по Филарету, церковная исторія – по Иннокентію Пензенскому, кажется.—Не помню, какимъ образомъ въ этомъ отдѣленіи мнѣ удалось читать *Льстивичникъ*, *Патерикъ*, *Массильона* и *Экхартгаузена*, а на каникулахъ — *Сіонскій Вѣстникъ*. — Опять—въ среднемъ и высшемъ отдѣленіи насъ занимали однимъ только родомъ сочиненій: „разсужденіями“ — философскими и богословскими.

Когда училище духовное открылось въ г. Орлѣ и я оставилъ Сѣвскъ,—тамъ въ Сѣвскѣ умеръ архіерей *Досифей* [1]). На мѣсто его поступилъ *Іона Павинскій*, высокій и толстый. Но онъ только нѣсколько дней пробылъ въ Орлѣ—и не помню, чтобы посѣщалъ наше училище. А во все время пребыванія моего въ Орловскомъ училищѣ онъ жилъ въ Сѣвскѣ [2]). Когда же я отправился опять въ Сѣвскъ—для поступленія въ Семинарію,—въ томъ же мѣсяцѣ сентябрѣ на мѣсто Іоны поступилъ *Гавріилъ Розановъ*, отъ котораго много зависѣла судьба моего семейства и особенно моя. Ему уже повелѣно было жить въ губернскомъ городѣ, т. е. Орлѣ; а въ Сѣвскъ являлся онъ по временамъ и являлся *страшнымъ пугаломъ*. Удивительно, какъ онъ скоро достигъ архіерейскаго сана; ему тогда не было и 35 лѣтъ [3]). Средняго роста, съ красивымъ складомъ лица и малою бородою, бѣлолицый, онъ по началу былъ въ волдыряхъ, которые закрывались черною шелковою матеріею и казались мушками, когда-то бывшими въ модѣ. Руки у него постоянно были въ перчаткахъ; такъ и благословлялъ ими; только для служенія въ церкви снималъ перчатки, но тогда прищи были подкрашены подъ цвѣтъ тѣла. Не знаю, какъ онъ излѣчился отъ этой нерекомендательной болѣзни...

Проходя семинарскій курсъ ученія—въ Сѣвскѣ, первые три года я квартировалъ на Слободкѣ штатныхъ и въ теченіе этого времени перемѣнилъ три квартиры. Первый годъ я квартировалъ

---

[1]) Преосв. *Досиѳей Ильинъ*—уволенъ былъ *на покой*—4 іюля 1817 г.—въ *Чолнскій* Спасо-Преображенскій монастырь—орловской епархіи, въ 8 верстахъ отъ г. Трубчевска, и жилъ тамъ до смерти своей, послѣдовавшей 6-го іюля 1827 г.—Л. М.

[2]) Преосвящ. *Іона Павинскій*, занявшій съ 22-го іюля 1817 г. каѳедру Досиѳея,—въ 1821 г. перемѣщенъ былъ въ Тверь; скончался въ званіи архіепископа казанскаго—3 февраля 1827 г.—Л. М.

[3]) Пресв. *Гавріилъ Розановъ* родился въ 1781 г. 26 янв. Слѣдовательно въ описываемое время ему было уже 40 лѣтъ отъ роду.—Л. М.

Библиотека "Руниверс"

во дворѣ *Сиденчихи*; она и мужъ ея *Хома Андреевичъ* уже померли. Какая-то родственница построилась во дворѣ ихъ, и въ этой постройкѣ я жилъ въ обществѣ съ другими учениками-низшаго отдѣленія Семинаріи на своихъ харчамъ или, какъ тогда выражались, *на обществѣ*.—Общество состояло изъ 8 человѣкъ или, кажется, изъ 10. Каждый влагалъ въ общество 4 пуда ржаной муки, 2 фунта коровьяго масла, 4 фунта сала, 2 мѣрки крупъ и 2 рубля на говядину и постное масло въ треть года. За квартиру, за приварокъ и мытье бѣлья платилось отъ каждаго по 10 рублей въ годъ. Деньги хранились у комисара, равно и ключъ отъ кладовой. За говядиною въ городъ ходилъ *дневальный*.—Но я, кажется, только годъ такъ квартировалъ; остальные годы жилъ на хозяйскихъ харчахъ, платя за квартиру, столъ и мытье бѣлья отъ 5 до 6 рублей съ половиною въ мѣсяцъ.

Послѣ квартированія на Слободкѣ Монастырской я два года квартировалъ въ части города, называвшейся *за-Морицей*, которая отстояла отъ семинарскаго корпуса на версту. Квартировавшіе за Морицею ходили большею частію черезъ болото, скидая сапоги и заворачивая нижнее бѣлье выше колѣнъ. Чтобы не итти $2^1/_2$ версты гатью, я совершалъ этотъ одноверстный путь почти круглый годъ; только въ тѣ дни я покидалъ эту дорогу, когда неукрѣпившійся ледъ рѣзалъ до крови ноги. Удивительно, какъ я не простуживался. Ноги, бывало, озябали до ломоты и, какъ тогда говорилось, *съ пару заходились*. Но стоило обуться и пройти саженъ 80 дубовою рощей,—все проходило безъ послѣдствій для здоровья.—Что же меня завлекло квартировать за Морицей?—Во первыхъ, свобода отъ тягостнаго надзора со стороны инспектора и старшихъ. Тамъ тоже были старшіе; но никогда не видали инспектора,—Во вторыхъ, на Слободкѣ квартировали и ученики училища, которыхъ, а вмѣстѣ съ ними и насъ—семинаристовъ, по прежнему обычаю, водили рядкомъ на утрени и обѣдни; а за Морицею мы—философы и богословы—ходили сами, какъ полноправные граждане. — Въ третьихъ наконецъ — возможность безнаказанно дѣлать шалости и пользоваться обществомъ гражданъ.

Изъ удовольствій, какими пользовался я, квартируя на Монастырской Слободкѣ, осталось въ памяти исправленіе уроковъ въ березовой рощѣ, купанье въ рѣкѣ и уединеніе въ кустарникахъ за рѣкою, которыми покрыта вся болотистая мѣстность на необозримое пространство. Эта мѣстность на нѣсколько саженъ отъ береговъ рѣки въ лѣтніе мѣсяцы обсыхаетъ. Я переплывалъ

Библиотека "Руниверс"

туда, держа платье и обувь на головѣ и дѣйствуя только ногами. Особенно пріятными чертами залегли въ памяти экскурсіи по рѣкѣ или по берегу въ мѣловыя горы, которыя тянутся по лѣвому берегу—съ пещерами, и ручейками изъ подошвы ихъ. Протекая по бѣлому грунту, они кажутся хрустальными и серебристыми. Рѣка противъ горъ опушена смородиною, кисти которой висѣли надъ водою...

Съ переходомъ въ Семинарію учтивое обращеніе со мною профессоровъ много возвысило меня въ собственныхъ глазахъ. Прежде никто и никогда не относился ко мнѣ съ *вы*. А тутъ не только Инспекторъ и учители, но даже и Ректоръ, обращаясь ко мнѣ, говорили „*Вы*“.

Уже не посылали учениковъ собирать травы и коренья, не посылали за цвѣтами для украшенія аудиторіи. Не помню, гдѣ была больница для учениковъ. Знаю только, что съ квартиръ не брали больныхъ, и нѣкоторыхъ навѣщалъ медикъ изъ города, вѣроятно договоренный начальствомъ.

Ректоромъ былъ ученый архимандритъ; объ немъ говорили какъ о знаменитомъ человѣкѣ, знавшемъ не только Канта, но и Гегеля—съ предшественниками его—Фихте и Шеллингомъ. Но онъ скоро умеръ. Замѣчательна была смерть его—не столько по скоропостижности, сколько потому, что самъ онъ съ точностью предсказалъ ее. Ректорамъ принадлежалъ мужескій монастырь въ г. Мценскѣ [1]). Ректоръ ѣздилъ въ Мценскъ во время Рождественскихъ каникулъ. Выѣзжая оттуда и прощаясь съ купцемъ *Мнозенцовымъ*, который тогда былъ боленъ, сказалъ: „ты переживешь меня цѣлымъ годомъ. Я ожидаю смерти своей въ этомъ мѣсяцѣ“—т. е. въ январѣ. Когда ректоръ возвратился въ Сѣвскъ, профессоръ словесности просилъ его на именинный пирогъ. На утро послѣ классовъ ректоръ заходилъ къ имениннику. Тамъ были всѣ профессора. Онъ отказался отъ водки и вина и, поѣвши немного пирога, сказалъ: „Нѣтъ аппетита. Чувствую, что я нынѣ же долженъ умереть“. Всѣ на него взглянули съ изумленіемъ.—„Я не шучу“,—продолжалъ онъ, обращаясь къ хозяину,—„вы вчера звали меня на этотъ пирогъ. Ночью, когда заснулъ я, мнѣ приснилось, будто я здѣсь на именинахъ, и мнѣ кто-то поднесъ вмѣсто пирога кутью съ словами: *помяните ректора!*—

---

[1]) Это былъ *Петро-Павловскій* монастырь—подъ г. Мценскомъ. Настоятелемъ его считался архимандритъ, бывшій ректоромъ отъ Орловской Д. Семинаріи.—Л. М.

Библиотека "Руниверс"

и произнесъ мое имя."—Всѣ принялись успокаивать ректора; но онъ оставался серьёзнымъ и грустнымъ. Наконецъ, прощаясь съ хозяиномъ и гостьми, сказалъ самымъ серьезнымъ тономъ: „Прощайте, господа сотрудники, не переживу я этого дня; жертвую свою библіотеку Семинаріи."—Въ 5 часовъ того же дня разнеслась на Слободкѣ вѣсть: *Ректоръ умеръ!* Всѣ бѣжали въ монастырь и я туда же. Я увидѣлъ покойника на кровати, на губахъ и на бородѣ была запекшаяся кровь. Чрезъ полчаса пріѣхалъ изъ города докторъ. Старшіе ученики говорили, что, по объясненію доктора, ректоръ страдалъ геморроемъ, и геморроидальная кровь задушила его. Другіе слыхали отъ профессоровъ, будто возвращаясь изъ Мценска, жаловался онъ на архіерея Гавріила, который, ревизуя монастырь его въ Мценскѣ, сдѣлалъ начетъ и доложилъ Синоду, слагая вину на него, какъ на настоятеля. Замѣчательно: въ сѣвскомъ архіерейскомъ домѣ, въ которомъ разрѣшено было жить ему, какъ ректору семинаріи, онъ занималъ всего двѣ малыя комнаты, служившія прежде помѣщеніемъ для архіерейской прислуги [1])...

Инспекторомъ Семинаріи былъ тогда свѣтскій молодой человѣкъ, магистръ богословія, племянникъ архіепископа Григорія, впослѣдствіи петербургскаго митрополита, не женатый; имя и фамилію его никакъ не припомню [2]). Онъ былъ человѣкъ впе-

---

[1]) Ректоръ, загадочная кончина котораго описывается авторомъ, былъ архимандритъ *Владиміръ Сорокинъ*. Родомъ онъ былъ изъ г. Александрова, моск. губ., соборнаго протоіерея сынъ, учился въ *Троицкой Семинаріи*—бывшей въ Сергіевомъ посадѣ—при Троицко-Сергіевской Лаврѣ. Учиться здѣсь началъ съ 1798 г. Въ 1812 г. опредѣленъ въ эту же семинарію учителемъ высшаго класса и нѣмецкаго языка; въ 1813 г. назначенъ учителемъ риторики. Постриженъ въ монашество (мірское имя его было *Левъ*) въ февралѣ 1814 г. и въ этомъ же году опредѣленъ *баккалавромъ нѣмецкаго языка* въ новооткрытую тогда—въ томъ же Сергіевомъ Посадѣ на мѣсто Троицкой семинаріи—*Московскую Духовную Академію*.—Въ мартѣ 1815 г. переведенъ на должность инспектора тверской д. семинаріи. Въ 1818 г. назначенъ ректоромъ орловской д. семинаріи въ Сѣвскѣ.—22 Января 1822 г. состоялось рѣшеніе о переводѣ его на должность ректора въ новгородскую д. семинарію и настоятеля новгородскаго Антоніева монастыря. Но описанная выше смерть его воспрепятствовала этому рѣшенію... См. *С. Смирнова*: „Исторія Троицкой Лаврской Семинаріи"—стр. 518—519; также—*Павла Строева*: „Списки Іерарховъ и Настоятелей Монастырей" стран. 917-я.—Л. М.

[2]) Позже приписано рукою автора на поляхъ: „Левитскій".—Ниже будетъ видно, что онъ не былъ племянникомъ преосвящ. *Григорія Постникова*, но только пользовался его покровительствомъ.—Л. М.

Библиотека "Руниверс"

чатлительный, пылкій и гордый, но при такомъ ректорѣ, какъ былъ покойный, онъ велъ себя хорошо. Но при новомъ ректорѣ, характера слабаго, онъ овладѣлъ Семинаріею и по своей страсти и любви къ порядку, возбуждалъ въ насъ уваженіе и страхъ къ себѣ. Къ нему особенно привязаны были два ученика высшаго отдѣленія: *Яковъ Кузьмичъ Амфитеатровъ* и *Евфимъ Андреевичъ Остромысленскій* [1]). Они отзывались о немъ, какъ о самомъ даровитомъ профессорѣ. Но наѣздъ архіерея Гавріила и деспотическое обращеніе его съ начальствомъ Семинаріи такъ подѣйствовали на инспектора, что онъ сталъ пить и мстить деспоту всѣми возможными мѣрами...

Гавріилъ прибылъ изъ Орла за нѣсколько недѣль предъ переводными экзаменами и, остановившись въ *Юшинѣ*, загородномъ архіерейскомъ домѣ за 15 верстъ отъ Семинаріи, потребовалъ къ себѣ семинарское начальство и всѣхъ профессоровъ. Экипажа никто не имѣлъ, даже и ректоръ. Пока распорядились нанять въ городѣ подводы (а городъ отстоялъ на двѣ версты отъ Семинаріи), день прошелъ. Нанятыя подводы едва могли собраться къ 10 часамъ слѣдующаго дня, тогда какъ архіерей ожидалъ прибытія начальства въ тотъ же день, какъ прибылъ отъ него верховой.—Начальство прибыло въ *Юшино* на 3-хъ подводахъ къ 12-ти часамъ утра. Доложили о пріѣздѣ. Архіерей продержавъ подчиненныхъ полчаса въ передней, далъ знать, чтобы они вошли въ пріемную. Представъ предъ архіерея, ректоръ, по обычаю того времени, упалъ въ ноги и, поднявшись, принялъ благословеніе у архіерея и рекомендовалъ инспектора и профессоровъ. Инспекторъ, а за нимъ и профессоры не падали къ ногамъ, а учтиво кланяясь, принимали благословеніе. Архіерей, благословляя небрежно, все смотрѣлъ въ сторону; послѣ чего попросилъ ректора сѣсть, а прочимъ—ни слова. Инспекторъ постоявъ пол-минуты, взялъ стулъ и сѣлъ, гдѣ стоялъ. Архіерей вскипѣлъ.—„Я—хозяинъ въ домѣ,—сказалъ онъ; я не приглашалъ васъ садиться.“—Я здѣсь по Вашему приглашенію,—отвѣчалъ рѣзко инспекторъ; если я лишній и во мнѣ нѣтъ надобности, позвольте удалиться къ моей должности!“—„Извольте себѣ!“—сказалъ сухо и дрожащимъ голосомъ архіерей. Инспекторъ вышелъ и, сѣвъ на подводу, уѣхалъ обратно въ Семинарію. Профессоры остались. Архіерей старался продлить разговоръ съ ректоромъ, даже не обращая лица къ стоявшимъ

[1]) Будущіе магистры Кіевской Д. Академіи—выпуска 1829 г.—Л. М.

Библиотека "Руниверс"

профессорамъ. Проморивъ ихъ на ногахъ цѣлый часъ, архіерей наконецъ отпустилъ всѣхъ и, благословляя профессоровъ, съ язвительною улыбочкою сказалъ имъ на прощанье: „не подражайте вашему гордецу.“

Этотъ пріемъ архіерея происходилъ именно такъ. Съ профессорами былъ одинъ изъ наставниковъ училища, съ подробностію передававшій объ этомъ пріемѣ нѣкоторымъ старшимъ ученикамъ семинаріи; и какъ послѣдніе часто представляли его въ лицахъ, то и сохранился онъ у меня въ памяти. Сначала шутили надъ такимъ пріемомъ; но какъ вслѣдствіе его произошли важныя событія, то съ горечью вспоминали о немъ...

Инспекторъ и профессоры сочли кровною обидою поступокъ съ ними архіерея. А между тѣмъ отцы ихъ въ свое время страдали больше отъ архіереевъ. Отецъ мой разсказывалъ, что архіерей *Аполлосъ Байбаковъ*, разсерженный чѣмъ нибудь, прибѣгалъ въ Семинарію и срывалъ сердце на учителяхъ; придираясь къ нимъ, ругая ихъ на чемъ свѣтъ стоялъ и таская ихъ за косу. Только учитель старшей риторики *Ѳеодоръ Амфитеатровъ*, впослѣдствіи кіевскій митрополитъ *Филаретъ*,—скромнымъ видомъ, смиреннымъ голосомъ и затрапезнымъ халатомъ вмѣсто сюртука обезоруживалъ его. [1]).

Инспекторъ началъ запивать и даже являлся на должность въ не совсѣмъ трезвомъ видѣ. Онъ пилъ съ товарищемъ своимъ по академіи. Архіерей ни разу не посѣтилъ Семинарію, хотя каждый день давалъ знать, что будетъ. Начались и окончились экзамены. Наконецъ архіерей пріѣзжаетъ на послѣдній экзаменъ въ богословскомъ классѣ, или, можетъ быть, на актъ. Инспекторъ подпоилъ порядочно товарища и уговорилъ, чтобы, когда архіерей будетъ говорить по какому-либо предмету науки, возра-

---

[1]) *Ѳедоръ Егоровичъ Амфитеатровъ* (будущій *Филаретъ*, митрополитъ кіевскій) окончилъ сѣвскую Д. семинарію въ 1797 г. и 1-го Марта 1798 былъ назначенъ въ эту же семинарію учителемъ поэзіи и низшаго грамматическаго класса. Постриженъ въ монашество 7-го ноября 1798 г.—на 20 г. жизни преосвящ. *Аполлосомъ*, епископомъ орловскимъ и сѣвскимъ.—Такимъ образомъ онъ нѣкоторое время былъ учителемъ въ свѣтскомъ званіи и тогда-то онъ носилъ *затрапезный халатъ* вмѣсто сюртука. Тогда вообще въ отношеніи одежды въ духовной школѣ была крайняя простота—и отсутствіе всякой формы.—Будучи ученикомъ семинаріи, Филаретъ, по собственнымъ его словамъ,—*ходилъ въ лаптяхъ*, а *иногда и босикомъ до самой философіи*, и *не только въ халатѣ, но и въ сѣромъ зипунѣ*.— См. „Труды Кіевск. д. Акад.“ 1884. Апрѣль: „Письма Филарета къ Иннокентію Херсонскому“. Л. М.

Библиотека "Руниверс"

жать ему всѣми силами. Но товарищъ этотъ, едва начался экзаменъ, какъ тотчасъ заснулъ... Его вывели. Тогда было въ обычаѣ экзаменовать не учениковъ, а учителя или взаимно другъ друга, и часто въ диспутахъ проходилъ весь экзаменъ. Инспекторъ разилъ всѣхъ и особенно архіерея...

Послѣ экзамена архіерей со всѣми профессорами пошелъ на обѣдъ къ ректору. Я, наготовивъ билетъ для отпуска на каникулы, стоялъ подлѣ квартиры инспектора—въ ожиданіи его съ обѣда. Тогда квартира ректора была въ первомъ флигелькѣ на сторонѣ семинарскаго корпуса, гдѣ прежде квартировалъ инспекторъ, а квартира инспектора—тамъ, гдѣ была прежде больница, нѣсколько саженъ отъ квартиры ректора. Слышу—поднялся шумъ и крикъ въ комнатахъ ректора. Гляжу—ведутъ подъ руки инспектора, пьянаго и кого-то ругающаго скверными словами. Я бѣжалъ въ корпусъ. Немного погодя, подана была карета. Архіерей вышелъ молча, ректоръ и профессоры тоже вышли встревоженные. На другой день извѣстно стало вотъ что: инспекторъ, упившись сильно или притворяясь пьянымъ, въ спорѣ, бросился на архіерея съ кулаками и успѣлъ ударить его два раза, пока не былъ схваченъ профессорами. Архіерей прекратилъ обѣдъ и, взявъ слово съ профессоровъ никому не говорить о случившемся, тотчасъ уѣхалъ въ свою Юшину—къ своимъ *исполатчикамъ* (маленькимъ пѣвчимъ), которыхъ возилъ съ собою, съ которыми, какъ говорили тогда нѣкоторые, будто мылся въ банѣ и купался въ рѣкѣ.

Архіерей тогда пріѣзжалъ собственно для того, чтобы отыскать охотниковъ купить на сломъ лишнія зданія, принадлежащія монастырю. А онъ считалъ принадлежащими монастырю ректорскій домикъ, стоявшій противъ монастыря, и двухэтажное зданіе семинарской авдиторіи. Ректорскій домикъ тогда-же былъ проданъ какому-то сѣвскому купцу и былъ снесенъ, а авдиторія только запродана. Монастырь былъ нанятъ питейной конторѣ подъ складъ бочекъ съ водкою и помѣщеніе конторщиковъ.— По справедливости судя, не только ректорскій домикъ и авдиторія, но и корпусъ и флигеля, занимаемые профессорами, построены были прежними архіереями на ихъ счетъ. Самыя рощи насажены были ими. Послѣ я узналъ отъ земляка моего *Никанора Васильевича Доброхотова* (впосл. архіепископа тамбовскаго *Николая*), что Семинарія и учители содержались прежними архіереями на свой счетъ. Изъ казны имъ отпускалось только 600 рублей въ годъ. Не даромъ съ такимъ стараніемъ, съ такими стихами и рѣчами

Библиотека "Руниверс"

устраивали праздникъ архіерею *Досифею* въ рощѣ—во время рекреаціи. Я тогда былъ еще въ низшей элементоріи и только издали слушалъ и музыку и канты...

Архіерей уѣхалъ. Инспекторъ съ товарищемъ своимъ начали пить. Въ первую попойку—ночью товарищъ померъ, и погребоша его. Спустя мѣсяцъ по отъѣздѣ архіерея вспыхиваетъ авдиторія, тогда какъ въ этомъ зданіи никто не жилъ и не было печей. Квартируя за Морицей, я не былъ на пожарѣ; но другіе ученики, бывшіе на немъ, говорили, что инспекторъ не допускалъ учениковъ тушить. Чрезъ полгода загорается архіерейскій домъ въ монастырѣ и въ одно и тоже время корпусъ бывшей пѣвческой и консисторіи. Домъ началъ горѣть съ мезонина, пѣвческій корпусъ—съ нижняго этажа. Сгорѣли до тла эти зданія и примыкавшая къ архіерейскому дому теплая каменная церковь. Пожаръ распространился и на дворъ монастыря, гдѣ находился складъ водки. Все бы кануло въ воду Леты. Но чиновники конторы требовали строгаго обслѣдованія. Одинъ ученикъ *Добрынинъ* сталъ болтать, что его однажды призывалъ къ себѣ инспекторъ и, насыпавъ въ старый сапогъ горячихъ угольевъ, просилъ отнесть къ авдиторіи и положить чрезъ окно на полъ, покрытый сухими украшеніями изъ цвѣтовъ. Когда слова его чрезъ штатнаго служителя дошли до слѣдователя,—онъ отперся отъ своихъ словъ и, на очной ставкѣ съ доносчикомъ, говорилъ, что онъ выдумалъ это въ шутку.—Инспекторъ былъ арестованъ въ его квартирѣ, передъ дверьми ея стоялъ полицейскій солдатъ. Вдругъ закричали по корпусу: „Инспекторъ зарѣзался!"—Уроки прекратились. Я побѣжалъ къ флигелю квартиры инспектора, заглянулъ въ окно. Въ комнатѣ стояли два профессора и солдатъ. Инспекторъ лежалъ на своей кровати, подперши голову рукою. Изъ горла струилась кровь. Тѣ, которые были въ комнатѣ, разсказывали, что онъ рѣзался бритвою—передъ зеркаломъ, висѣвшимъ на стѣнѣ, и отъ зеркала до кровати былъ слѣдъ крови. Пріѣхавшій изъ города медикъ зашилъ горло и увѣрялъ, что онъ будетъ живъ. Но на другой день слѣдователи явились снять съ него допросъ. Тогда больной сорвалъ повязку, схватилъ себя за горло, началъ трясти—и померъ! Его зарыли въ концѣ березовой рощи—при дорогѣ—тамъ, гдѣ лежалъ уже его товарищъ... [1]).

---

1) Инспекторъ сѣвской семинаріи, магистръ *Степанъ Левитскій*, такъ печально кончившій свою жизнь, былъ товарищемъ по С.-Петербургской д. академіи *Іосифа Акимовича Самчевскаго*, „Воспоминанія" котораго напечатаны въ „*Кіев-*

Библиотека "Руниверс"

На вакансію инспектора прибылъ іеромонахъ *Яковъ Вечерковъ*—магистръ еще съ бритой бородкой.[1]) Съ профессорами онъ

ской Старинѣ 1893—1894 г.г. Въ одномъ мѣстѣ своихъ *воспоминаній* Самчевскій коснулся личности этого своего несчастнаго товарища—и то, что онъ говоритъ о немъ, интересно сопоставитъ съ разсказомъ протоіерея Соколова. „У насъ—въ академіи,—говоритъ Самчевскій,—былъ одинъ баккалавръ *іеромонахъ Игнатій*, впосл. архіеп. воронежскій. Сначала онъ преподавалъ греческій языкъ, который онъ зналъ основательно. Но потомъ его сдѣлали баккалавромъ по предмету чтенія Св. Писанія. Вотъ тутъ-то и открылась вся его непригодность... Къ счастію, Игнатій не долго томилъ насъ своими наставленіями въ Св. Писаніи. На мѣсто его скоро былъ вызванъ отличный баккалавръ *Азбукинъ* изъ московской духовн. академіи. Но отъ Игнатія мы все-таки не избавились. Ректоръ нашъ преосвящ. *Григорій Постниковъ*, (впосл. митрополитъ С.-Петербургскій), много занятный своими обязанностями по академіи, по званію викарія и по дѣламъ коммисіи духовныхъ училищъ, самъ уже не могъ преподавать намъ *догматическаго богословія* и передалъ свои записки Игнатію, чтобы онъ продолжалъ по нимъ читать намъ лекціи. Ничего не было бы для насъ непріятнаго, если бы Игнатій былъ только чтецомъ. Но онъ сталъ пускаться въ объясненія, которыя были для насъ не нужны; многіе изъ насъ лучше его знали догматику болѣе смѣлые и бойкіе стали дѣлать ему возраженія, которыхъ онъ не умѣлъ опровергнуть, горячился и приходилъ въ тупикъ. Но среди товарищей нашихъ оказался его горячій защитникъ—*студентъ Левитскій*, изъ новгородскихъ семинаристовъ, весьма способный и съ крѣпкой головой. Еще въ низшемъ отдѣленіи академіи онъ былъ замѣченъ *въ вольномысліи*, за что мы и называли его *внукомъ Марфы Посадницы*. Начальство стало понижать его въ спискахъ. Левитскій сталъ осторожнѣе и, зная, что Игнатій пользуется расположеніемъ ректора Григорія, началъ къ Игнатію подлаживаться и угодилъ ему своею защитою противъ нашихъ возраженій.—Скоро Игнатій былъ сдѣланъ, по порученію Григорія, преподавателемъ у насъ, *Каноническаго права* и опять сталъ морочить наши головы своими лекціями... Между тѣмъ Левитскій болѣе и болѣе приходилъ въ фаворъ Игнатія, а этотъ своими рекомендаціями поселялъ въ Григоріи лучшее объ немъ мнѣніе. Предъ окончаніемъ нашего курса нужно было выбрать лучшее изъ студенческихъ сочиненій для напечатанія въ опытахъ. Григорій поручилъ сдѣлать это Игнатію. Игнатій не задумался отдать предпочтеніе разсужденію Левитскаго объ *Ангелѣ хранителѣ*. Но, направляя его для печати, совсѣмъ его испортилъ. Тогда Григорій поручилъ исправить разсужденіе Левитскаго инспектору академіи *Іоанну*. Послѣ этого оно было напечатано и читано самимъ Левитскимъ на публичномъ экзаменѣ, что пріобрѣло ему карьеру Но этою карьерою Левитскій воспользовался не къ добру. По окончаніи курса со степенью магистра, онъ былъ назначенъ инспекторомъ и профессоромъ философіи въ орловскую семинарію; тамъ вскорѣ предался пьянству, распоилъ пріѣхавшаго съ нимъ туда учителемъ товарища своего *Ивана Вязнина* и въ бѣлой горячкѣ отъ пьянства зажегъ семинарскій домъ, а себя зарѣзалъ. Видно несчастный не подумалъ объ *Ангелѣ хранителѣ*, о которомъ написалъ разсужденіе въ академіи...—(Кіевск. Старина—1893 г. Ноябрь, стран. 210—213). Л. М.

[1]) *Іаковъ Вечерковъ*—воспитанникъ С.-Петербургской д. академіи выпуска 1819 г.,—родомъ изъ курской губерніи. Скончался архіепископомъ нижегородскимъ въ 1850 г. Извѣстенъ, между прочимъ, своею подвижническою жизнію и своими проповѣдями — простыми безъискусственными. Онѣ очень нравились Н. В. Гоголю.—Л. М.

Библиотека "Руниверс"

жилъ хорошо и слишкомъ фамиліарно обращался съ учениками высшаго отдѣленія, особенно, съ богатыми. Изъ такихъ, отличался одинъ, сынъ священника—помѣщика черниговской губерніи, никакъ не вспомню его фамиліи, высокаго роста, красивой наружности и первый щеголь въ семинаріи. Онъ подружился съ женщиною или дѣвицею деревни *Ламакина*, находившейся близко отъ семинаріи, за рощею и маленькимъ болотомъ, обсыхавшимъ въ лѣто. Когда онъ возвращался изъ деревни съ однимъ изъ своихъ товарищей,—на него напали ламакинскіе мужики. Другіе два сильные ученика стояли на болотѣ и поспѣшили на помощь. Произошла драка. Кто-то далъ знать инспектору. Вечерковъ тотчасъ далъ знать на Слободку старшимъ; тѣ, пригласивъ хозяевъ и собравъ здоровыхъ учениковъ, бросились на выручку. Произошла свалка. Управляющій деревнею или староста ея жаловался барину, который жилъ въ Орлѣ. Дворецъ его съ рощею Ламакинскою, куда весь городъ сходился на Троицынъ день, находился недалеко отъ архіерейскаго дома. Староста донесъ Ламакину, а Ламакинъ—архіерею, будто бы драка была по наряду инспектора—и у нѣкоторыхъ семинаристовъ были дубины и сабли.—Архіерей тотчасъ прикатилъ въ Сѣвскъ. Началась передряга. Всѣ и все преклонилось предъ архіереемъ и трепетало передъ нимъ. Ходатаями, кромѣ ректора, который былъ въ милости его, явилось мѣстное городское духовенство и настроенное имъ купечество, которые выставляли Ламакинскихъ мужиковъ какъ воровъ и разбойниковъ. Особенно заступался за семинарію и инспектора протоіерей сѣвскаго собора *Глѣбовъ*, воспитанникъ древней кіевской академіи. Его жаловалъ архіерей Гавріилъ за бесѣду на латинскомъ языкѣ, въ знаніи котораго намѣренно уступалъ онъ архіерею.—Выѣзжая изъ Сѣвка въ Орелъ, архіерей объявилъ ректору, что два ученика высшаго отдѣленія, какъ недовольствующіеся своею рощею и бродившіе по деревнѣ, должны быть исключены изъ семинаріи, а объ іеромонахѣ Вечерковѣ онъ представитъ свои сообщенія въ коммиссію духовныхъ училищъ.—Вечерковъ, хорошо понявъ характеръ архіерея, приказалъ несчастнымъ ученикамъ заготовить тройку лихихъ лошадей и, самъ сѣвъ на ней съ учениками, три раза обгонялъ архіерейскую карету и становился съ учениками на колѣни при дорогѣ. Архіерей проѣзжая мимо, все отворачивался; только въ предмѣстьи города *Дмитровкѣ*, увидѣвъ ихъ, впереди почетныхъ гражданъ, выѣхавшихъ по обычаю на встрѣчу, стоящими на колѣняхъ, остановивъ свою карету, приказалъ ученикамъ ѣхать назадъ, а Ве-

Библиотека "Руниверс"

черкова пригласилъ сѣсть съ нимъ въ карету и, благословивши почетныхъ гражданъ, поѣхалъ въ соборъ.—Вечерковъ служилъ съ нимъ на другой день обѣдню, былъ у него на обѣдѣ и отпущенъ съ миромъ какъ для него, такъ и для учениковъ.[1]).

Въ теченіи 3-хъ лѣтъ мнѣ пришлось квартировать въ 4-хъ домахъ. Сначала—у *Прокурора*. Это былъ 70-лѣтній канцелярскій служитель консисторіи, служившій архиваріусомъ. Когда настояло рѣшеніе по какому-либо важному дѣлу и архіерей Досифей приглашалъ членовъ для совѣщанія,—то оканчивалъ это совѣщаніе призывомъ архиваріуса и такими словами: „что намъ скажетъ Прокуроръ?“ И этотъ *Прокуроръ* изумлялъ всѣхъ припоминаніемъ однородныхъ дѣлъ, рѣшеній по нимъ и указовъ св. Синода. Не только въ архіерейскомъ домѣ и консисторіи, но и въ городѣ иначе не называли маленькаго и худенькаго старика, державшаго себя гордо. Настоящая фамилія его всѣми была забыта. Онъ много разсказывалъ анекдотовъ изъ жизни и управленія прежнихъ архіереевъ, особенно сумасброднаго *Аполлоса*; какъ строилась семинарія, садились двѣ рощи руками причетниковъ и діаконовъ, награжденныхъ послѣ діаконствомъ и священствомъ. Но это тогда не много занимало меня, потому что считалось дѣломъ обыкновеннымъ. Когда я поступилъ въ сѣвское училище, то и при мнѣ, въ 1817 г., вызывались дьячки и діакона для постройки теплой каменной церкви. Одинъ дьячекъ, лѣтъ 30-ти, квартировавши съ нами у Сиденчихи, при постройкѣ этой церкви получилъ калѣчество и награжденъ священствомъ. На него упало рештованье; онъ ходилъ согнутымъ и это не помѣшало архіерею посвятить его во священника и дать священническое мѣсто.

Послѣ дома *Прокурора* я съ 3-мя товарищами квартировалъ у мѣщанина—*Сопова*—лѣтъ 50-ти; хозяйка была лѣтъ 40, оба—самые добрые и ласковые. У нихъ было 2 дочери—одна *Маша*, другая—*Галя*. Первой было лѣтъ 15, другой—13. Эти рѣзвушки обращались съ нами слишкомъ фамильярно—при матери и отцѣ играли съ нами, на доскѣ прыгали, на веревчатыхъ качеляхъ качались, шутили, получали отъ насъ удары ладонью по плечамъ, давали и намъ сдачу; но эти близкія отношенія не захо-

---

[1]) Съ этихъ поръ о. Іаковъ Вечерковъ сдѣлался *любимцемъ Гавріила*. Послѣдній рекомендовавъ его на должность ректора въ Екатеринославъ, куда и самъ скоро былъ переведенъ архіепископомъ и тамъ еще болѣе сдружился съ о. Іаковомъ.—Л. М.

Библиотека "Руниверс"

дили далеко и не доводили обѣ стороны до худаго.—Хозяйка разсказывала, какъ она угощала въ 1815 году возвращавшихся плѣнныхъ французовъ. „Они были такіе милые, веселые. Мнѣ было жалко ихъ,—разсказывала хозяйка,—я сварила имъ хорошій обѣдъ; но какъ они были другой вѣры, то мнѣ не хотѣлось поганить своихъ блюдъ,—я наливала имъ въ черепокъ. Они, указывали мнѣ на блюда, лежавшія на полкахъ,—все смѣялись. Немного говорили по русски; я объяснила имъ, почему не подавала въ блюдахъ,—они еще больше хохотали.—Однажды хозяинъ, взявъ мѣшокъ и лопатку и приказавъ Галѣ съ мѣшкомъ идти съ нимъ, сталъ на полъ-горѣ въ готовой ямкѣ копать глину. Наполнивъ свой мѣшокъ, вытащилъ его наружу, а Галя между тѣмъ влѣзла въ яму наполнять свой мѣшокъ; вдругъ послѣдовалъ обвалъ—и задавилъ дѣвочку. Соповъ бросился отрывать, сопровождая работу крикомъ. Сбѣжался народъ, съ трудомъ отрылъ изъ подъ массы земли дѣвочку; она была бездыханна. Отецъ помѣшался, мать перенесла ударъ. Погребая эту дѣвочку, мы оплакивали ее, какъ родную сестру.

На эту квартиру ходилъ къ намъ сосѣдъ мѣщанинъ *Пальчикъ*. Его, какъ грамотнаго, интересовало знакомство съ нами. Это былъ лѣнивѣйшій человѣкъ, лѣтъ 40, высокій и сухощавый; когда только приходилъ въ квартиру нашу, всегда у него были одни и тѣже рѣчи: „Эхъ-ма, хоть тресни, нѣту работы; но что мнѣ? жизнь-копѣйка, голова нажитое дѣло, а душа? хоть тынъ подопри ею. — Ну, каково поживаете?“—каковъ-бы ни былъ отвѣтъ учениковъ, онъ начинаетъ разсказывать изъ житій святыхъ. *Иванъ Смоленскій*, ученикъ низшаго отдѣленія, сосѣдъ мой по родинѣ, бывало станетъ трунить надъ благочестивыми размышленіями Пальчика. Тогда Пальчикъ, бывало, говоритъ ему: „Ой, Ваня, не миновать тебѣ ада, будешь ты въ смолѣ кипѣть.“ — А я запасусь шиломъ; вотъ когда и тебя будутъ опускать въ котелъ, я снизу такъ пырну, что ты вылетишь изъ котла! — разговоръ обыкновенно оканчивался словами: „Охъ, что будетъ, то будетъ, сыграемъ пока въ три-листика“, — и вынимаетъ засаленныя карты.

Третья квартира памятна тѣмъ, что хозяинъ, бывшій когда-то купцомъ и бургомистромъ, отъ запоя жены все потерялъ; кромѣ дома жена его хватала что попало подъ руку и несла въ кабакъ. Она не имѣла ни юпки, ни платка на головѣ. Ходила простоволосая съ распущенными волосами, сбитыми въ войлокъ и въ одной рубахѣ. Мы квартиранты жили въ особомъ флигелѣ и приходили только обѣдать и ужинать въ избу плановаго дома, въ

Библиотека "Руниверс"

горницѣ жилъ хозяинъ; несчастная жена его обитала на полатяхъ. Кушанья готовила и подавала на столъ 15-лѣтняя дочь хозяина. Хозяинъ рѣдко занимался своимъ ремесломъ—дѣланіемъ восковыхъ свѣчей. Мущина въ 40 лѣтъ, бѣлаго лица, съ большими свѣтлыми глазами и съ черною прекрасною бородою, всегда одѣтый прилично, онъ все ходилъ изъ угла въ уголъ, по временамъ восклицая: „Жизнь — жизнь проклятая — вотъ жизнь!“ Онъ ни съ кѣмъ не говорилъ. *Наташа*, дочь хозяина, была прекрасная дѣвушка, волосы черные, лицо бѣлое, глаза большіе, свѣтлые, только рубашка на ней и юпочка всегда грязныя до черноты. Одинокая и зануженная, она съ нетерпѣніемъ ожидала, когда мы придемъ обѣдать; когда приходимъ, безъ умолку щебетала своимъ серебрянымъ голоскомъ, и улыбка не сходила съ устъ ея. Разъ случилось мнѣ спать съ Наташей бокъ-о-бокъ. Это было такъ. Возвратившись съ Рождественскихъ каникулъ за два дня до срока и ночью, я насилу достучался въ двери хозяина. Былъ страшный морозъ. Флигель еще не былъ отопленъ, и хозяинъ, всегда спавшій въ нетопленной горницѣ, на этотъ разъ спалъ въ избѣ на лавкѣ. Я слишкомъ перезябъ и хотѣлъ нераздѣваясь лечь на другой лавкѣ. Хозяинъ, снисходя моему положенію, предложилъ мнѣ теплое мѣсто на печи. „Тамъ,—сказалъ онъ,—только Наташа“. Я легъ на печи, немножко поодаль отъ дѣвицы. Когда я проснулся, дѣвица лежала подлѣ меня и спала. Я тотчасъ отодвинулся отъ ней, чтобы рѣзвушка не разболтала товарищамъ моимъ, по пріѣздѣ ихъ; я даже слѣзъ съ печи и цѣлое утро проспалъ на лавкѣ. Когда я проснулся, Наташа была уже въ своей запачканной юпкѣ и возилась у припечки. „Это ты спалъ со мною на печи?—спросила она.—Да, я былъ сначала на печи, но какъ узналъ что ты тамъ, только обогрѣлся тамъ и тотчасъ сошелъ на лавку“. Я краснѣлъ какъ буракъ, а она нисколько. Я опасался, думая, что она послѣ разболтаетъ товарищамъ, отъ которыхъ не было бы мнѣ проходу; но, слава Богу, не видя тутъ ничего худого, она ни разу послѣ не вспоминала о томъ.

Съ этой квартирою связалось еще воспоминаніе объ одной глупости, которую мы позволили себѣ и за которую много могли пострадать. Кто-то изъ насъ досталъ селитры и узналъ на опытѣ, что когда горитъ она, прожигаетъ мѣсто, на которомъ лежитъ. *Смоленскій* далъ намъ знать, что подлѣ двора лежитъ чей-то огромной величины боровъ, и предложилъ испытать горѣніе селитры на спинѣ борова. Планъ былъ одобренъ всѣми; всѣмъ хотѣлось видѣть, что будетъ съ боровомъ. Завернули кусокъ се-

Библиотека "Руниверс"

литры въ губку, обмазали дегтемъ. Смоленскій подкрался съ этимъ аппаратомъ къ свиньѣ и вложилъ аппаратъ въ щетину на спинѣ. Когда зажженная губка догорѣла до селитры и горючее вещество достигло тѣла, боровъ ухнулъ и бросился бѣжать. Сваливъ одного изъ насъ, онъ бросился на базаръ; тамъ онъ ниспровергалъ выставки товаровъ и самихъ торговокъ. Поднялся крикъ, гамъ. Мѣщане взяли колья и убили борова, какъ взбѣсившагося. Но тотъ-же часъ замѣтили, что у убитаго животнаго спина горитъ. Что это? откуда огонь?—Узнай они, что это наша продѣлка, намъ не миновать бы бѣды. Но мы притаились въ квартирѣ и взяли другъ съ друга клятву никому не говорить о селитрѣ и боровѣ.

Въ это время я испыталъ другую тревогу. Пріѣхалъ въ Сѣвскъ архіерей Гавріилъ, узналъ, что многіе изъ семинаристовъ курили табакъ, и далъ приказъ отыскивать таковыхъ, угрожая имъ солдатчиною. Въ числѣ курящихъ махорку и я былъ. Въ нашей квартирѣ курящіе тотчасъ побросали трубки — и трепетали, особенно я, чтобы кто-либо изъ старшихъ не донесъ на меня. Но старшимъ былъ упомянутый *Остромысленскій,* который тогда практиковалъ образъ жизни монашескій: онъ ходилъ, потупя взоръ, и старался избѣгать лишнихъ разговоровъ. Тогда вообще считалось признакомъ хорошаго поведенія, если ученикъ ходилъ съ наклоненною головою, говорилъ въ полголоса и никогда не смѣялся. — Архіерей уѣхалъ, — опасенія мои прекратились.

Четвертую квартиру, у молодого кузнеца, я занялъ вдвоемъ съ *Веселовымъ*, ближайшимъ моимъ другомъ, уже по переходѣ изъ средняго отдѣленія въ высшее, или въ богословію. Домъ былъ новый и просторный. Мы спали уже на кроватяхъ. Съ нами въ другой комнатѣ квартировалъ военный ветеринарный медикъ съ деньщикомъ *Шаповаленкомъ.* Медикъ подверженъ былъ періодическому запою. Когда бывало начнется запой, медика запиралъ деньщикъ и ухаживалъ за нимъ какъ за ребенкомъ. Въ періодъ запоя ходилъ больной безъ портокъ и бушевалъ. Шаповаленко, вопреки нашему совѣту сперва на сутки приносилъ ему штофъ водки, и потомъ, по полштофу, наконецъ только по стакану. Чрезъ недѣлю или полторы больной переставалъ пить и тогда онъ терялъ силы; дня три не вставалъ съ постели. По миновании болѣзни, онъ становился добрымъ, старался всѣмъ угодить, и какъ онъ былъ очень просвѣщенный человѣкъ, разговоръ его былъ самый пріятный и интересный. Хозяинъ и мы души не слышали въ немъ. Проходилъ періодъ болѣзни, и онъ не могъ выносить запаха водки, тогда какъ прежняя наша хозяйка, тоже страдав-

Библиотека "Руниверс"

шая запоемъ, постоянно томилась жаждою водки и не выходила изъ состоянія идіотизма. Такой особѣ, какъ она, мѣсто только въ сумашедшемъ домѣ. Но и ветеринаръ уже ли неисцѣлимый человѣкъ? Стыдъ и срамъ медицинской наукѣ! Больной перестаетъ ѣсть, питается однимъ углеродомъ водки, какъ бы тутъ не извлечь изъ этихъ данныхъ какого-либо средства исцѣлять несчастныхъ отъ запоя!

Не помню, въ какомъ отдѣленіи Семинаріи я былъ, когда на лѣтнихъ каникулахъ довелось мнѣ быть въ Мценскѣ и дня два гостить у тетки или у діакона *Степана Ѳедоровича Троицкаго*. Дочери ихъ Машенькѣ было уже 15 лѣтъ. Къ ней приходитъ дочь Протопопа Оболенскаго — *Саша*. Маша была хорошенькою, но Саша до того поразила меня красотою, что я трехъ словъ не могъ сказать при ней съ толкомъ. А между тѣмъ она все обращалась ко мнѣ и, замѣтя мою неловкость, вызвала всѣхъ на дворъ играть въ горѣлки. Маша съ сестрами, братья ея, товарищъ мой Петръ и малый Степанъ и я вышли. Но дворъ оказался тѣсенъ, вышли на улицу. Въ этой игрѣ я освоился съ красавицей. Это было первое мое знакомство съ нею. Вечеромъ опять пришла къ намъ Саша; мы сидѣли за воротами. Тутъ она больше всего говорила со мною, разспрашивая объ Орлѣ, Сѣвскѣ. Она говорила и обращалась со мною такъ наивно, какъ и Маша, т. е. „Коля, Количка. Вы уѣзжаете (я былъ со своею матерью), когда же Коля опять пріѣдешь къ намъ?“, — говорила она. — Дорогой я мало думалъ о Сашенькѣ; но когда пріѣхалъ домой, она не выходила у меня изъ головы, и чтобы свободнѣе думать о ней и припоминать ея слова, я искалъ уединеннаго мѣста, и большею частію забирался въ конопляникъ. Тамъ я предавался сладкимъ воспоминаніямъ объ ея прекрасныхъ глазахъ, бѣломъ лицѣ, алыхъ губкахъ, стройной и рѣзвой походкѣ и звучномъ голосѣ. Эти воспоминанія всегда оканчивались сладкими слезами. Я часто ни съ того ни съ сего сводилъ разговоръ на Сашеньку, особенно когда говорилъ съ сестрою Катею. Она поняла мое состояніе, подмѣтила и слезы. Однажды сестра затѣваетъ разговоръ о будущихъ невѣстахъ моихъ. „Вотъ ты кончишь курсъ, тебѣ придется жениться, куда бы ты поѣхалъ искать невѣсты?“, — говорила она. — Я никуда бы не поѣхалъ, какъ во Мценскъ, тамъ все хорошенькія. — „Когожъ ты тамъ видѣлъ кромѣ сестеръ?“ — Тамъ всѣ хорошенькія. — „Да ктожъ тамъ?“ — Хоть бы Саша Оболенская. — „Да Саша не можетъ быть твоею невѣстою, она наша троюродная сестра; ты помнишь бабушку Елену и бабушку Лушу. Вѣдь онѣ

Библиотека "Руниверс"

родныя сестры, а Протопопъ — сынъ Луши". — Я заплакалъ и бѣжалъ въ свой коноплянникъ... Тамъ на свободѣ я выплакалъ все свое горе — и больше не думалъ о прекрасной Сашѣ. — Какая жъ судьба красавицы? Она выдана была за учителя духовнаго училища, рябого урода и пьяницу, который отъ пьянства скоро и померъ. Въ 1870-мъ году красавица была жива; въ бытность мою въ Мценскѣ въ это время я хотѣлъ отыскать ее, чтобы взглянуть на 60-лѣтнюю старуху. Но, слава Богу, обстоятельства помѣшали мнѣ, и хорошо. Пусть она останется въ моей памяти 15-лѣтнею красавицею навсегда!

(Продолженіе слѣдуетъ).

Библиотека "Руниверс"

РОЗГАРДІЯШ.

Твора на 4 дії.

М. Кропивницького.

ДІЄВИ ЛЮДЕ:

Денис Шаповаленко.
Степанида, його жінка.
Юхим, їх старший син.
Химка, жінка Юхимова.
Прохор, другий син.
Катря, жінка Прохорова.
Иван, третій син.
Христя, мати Катрина.
Мелашка, сусідка, удова.
Данько, школяр.
І-й староста.
2-й староста.
Музика.
Сельскій староста.
Урядник.
Дмитро.
Знахарь.

Музики, народ, діти і козаки.

Дієтся в селі.

ДІЯ І.

Нова хата, стіл, піл, жердка, мисник, полиця, лави, кочерги і т. п.

Явa 1.

Степанида і **Мелашка.**

Степанида. *(Причеплює над божницею рушники, Мелашка їй допомога).* Отакечки найкраще буде, як рушника розгорнути на двое, а по середині будуть образи...

Библиотека "Руниверс"

Мелашка. Еге ж. По середині... вони поставлять благословенне, а перед образами почеплять лямпадочку та голубів... Колиб ще й квіток почепити, тоді вже й Господи як хороше було б!..

Степ. Нехай люде бачять та дивуються, як свекруха пеклуется за для невістки опорядити нову хатину.

Мел. Такої другої свекрухи як ви, увесь світ сходи — не знайдеш.

Явa 2.

Иван. *(Вносить дошку)*. Ось ще вам одна дошка.

Степ. Давай її сюда, на піл. *(Кладе дошку на піл, застеля піл літником і склада подушки)*. Невже втомився, що так важко дихаєш?

Иван. Думаєте не втомився?..

Степ. Тепер вже неначе і все готово?

Мел. Причепурена хата та опоряжена неначе хороми!..

Иван. Дайте ж мени, мамо, за труди чарку горілки.

Степ. Все тобі горілки, чи не годі б вже на сегодня? І так вже зо три вихилив. Випьеш лишне і знов вхопе тебе за серце.

Иван. Тадже ж у нас сегодня весілля?..

Степ. Та що з того?... Забув хиба, що вчора хвершал казав, що тобі овсім не слід пити?

Иван. Та що він тяме ваш хвершал?

Степ. О, ти розумніщий від него.

Иван. А ви маєте мене за дурного?..

Степ. Казав хвершал, що від горілки тебе ще гирш скоцюбить.

Иван. Скоріш йому язика скоцюбить!..

Мел. На мою думку теж так випада, що хвершал бовка дурницю.

Степ. А хто його зна?.. Налийте вже йому, сусідко. *(До Ивана)*. Ото ж, щоб сегодня була остання, — чуеш?

Иван. Чую, не глухий!..

Мел. *(Взяла пляшку і чарку)*. І я з тобою, Иване, почастуюсь. Ти бідний калічка, а я сердешна удова, то нам з тобою тільки і втіхи що в горільці, чи так?

Иван. Може і так?..

Мел. *(Приспівує)*. Та нікому гірше нема
Як тій удові,

Библиотека "Руниверс"

Що у хаті тільки сама
Та стіни німи... *(Випила і підносе Иванові).*
Але хоч я і удова та не геть-то журюся...

Иван. *(Випив).* А тепер піду на весілля, ще й там мене почастують. *(Худко пошкунделяв).*

Степ. Ач який... Не годилося б йому пити.

Мел. От же я по щирости так міркую, що вашому Иванові нічого больш у світі не зосталось, як горілку пити... Вона втішниця найсправжніща!..

Степ. Ніякої роботи і ніякого пуття з нього...

Мел. Так вже виходить, Бог йому призначив.

Степ. А певно що так... Попомучилась, я з ним як ще малим був, як упав з печі та скалічів... Вірите, не раз навколішки припадала та слезами Милосерднаго благала, щоб його прибрав; вимучив він мене до пропадющого... Воно може і гріх було об тим благати? Ох, Господи Многомилостивий!..

Мел. А мабуть таки гріх?..

Степ. Живемо, мовляв, навпомацки, не тямлючи де гріх, а де спасеніе?.. Попомучилась я з Иваном, і Господи попомучилась!.. Тут приспічує тобі робота, а ти з ним воловозся... аж зненавиділа його!.. Ото ж як хирів, як мучився, а не захирів, зріс на клопіт нам. Куди його призведеш, до якої роботи?.. Ні косою потягти, ні за плугом... Одне слово дармоїд...

Мел. А ви не ремствуйте. Може Господь на його каліцьку долю пошле вам такого щастя, якого й не сподіваетесь.

Степ. А може? звісно Бог що схоче те й зможе... ох-хо-хо! (*Заметушилась знову по хаті*). Чи буде ж коли небудь невістка так панькатись зо мною, як я ій догожаю?

Мел. Годите, мовляв, як болячці!.. Не знаю і не хочу пророкувати... Звісно, як Прохор ваш не з опалу одружився з Катрею, а по мислі, то промеж них мусить бути і лад і згода; а де лад— там і пошаноба і свекрусі, і свекрові і всьому родові... Прохор вже царську службу відбув...

Степ. Ще не цілком відбув, він запасний...

Мел. Але воно так припада, неначе вже й збувся того клопоту... А там, де берутся без кохання, як тепера воно часто трапляется, то з такого шлюбу шкода сподіватись супокою; лихо та гармидер там завжди кублятся (*Зітхає*). І не доведи Господи!.. А я випью... Будьмо... (*Випива*).

Степ. Правда, сусідонько, що з такого спарування не жди милування...

Библиотека "Руниверс"

Мел. Хоч би й про себе скажу. Віддалась я без огляду, похапком, ніби здуріла на той мент... Звісно, молода була — дурна... Хвалити Господа, що здихалась; а девьять годочків промучилась... Нехай мене тепер хоч озолотять — вдруге не піду заміж, ні за що не піду!.. Нехай йому хрін з паприкою, — от що!.. (*Регоче*).

Степ. Тадже, либонь, на тім тиждневі... Стривайте, хто ж оце мені казав? От же й не пригадаю!.. Чутка була, така що ви заручились з Самійлом Кривопьятенком..,

Мел. Мало-мало знов не здуріла та, дякувати Господеві, заздалегідь похопилася зректись...

Степ. А люде казали, що Самійло від вас відкинувся?

Мел. Брешуть, брешуть, сімсот і девьять разів брешуть. Я від нього відреклась!.. Ой і люде у нас які брехливі!.. ай-ай-ай!.. Я відкинулась, я сама!..

Степ. Як ми з своїм старим побралися по власній волі та благодареніе Господеві прожили вік в згоді, то нехай і діти наші так... Оті полумисочки, сусідонько, не ставляйте на припічку, а краще у мисник; а макітру можна постановити геть туди, аж на черінь... Ох, сяду та відпочину. (*Сіда*). Сідайте і ви та відпочиньте.

Мел. Я не втомилась ще; як треба кому у чім запомогти, то я на ту добу роблюсь невтомною.

Степ. Та це правда, що ви роботящі.

Мел. А мій покійничок на те не вважав, все було за моїми руками, а він ніби того й не добачав.

Степ. Скільки знаходилось порадників, щоб Прохор сватав другу дівку, а не Катрю. Але ми сказали, що то цілком у синовій волі, що нехай бере ту, на котру впаде його думка...

Мел. Так, так... Воно так і повинно бути, так воно найкраще.

Степ. Де які люде глузували, мало не дурних з нас строїли... Може почастуєтесь ще?

Мел. Я з дорогою душею. Гляньте на хатину, як квіточка... У великий кошт вона вам обійшлась?

Степ. Хоч і не питайте! потратились багато... Але ж за для кого втрачаємось, як не за для дітей?.. За для них тільки й живемо. Не багато їх у нас. Юхим вже в отділі, дочка теж... Прохор та Иван, ото і всіх... Викушайте ж чарочку.

Мел. (*Наливає*). Дай же Господи нашим молодятам і счастячка, і здоровьячка, і віку довгого та розуму доброго (*Випила і частує Степаниду*).

Библиотека "Руниверс"

Степ. (*Взяла чарку*). Не бажаю я їм ні багацтва, ні роскошів, я ніколи на те з-роду-віку не заздрилась, бо все багацтво і всі роскоші в згоді та в супокої... (*Однива*).

Мел. Ото стільки випили?

Степ. Я й з роду по повній не пила.

Мел. Та ви ж так і чарочку зноровите. (*Регоче*). А я така, що в чарці і краплини не лишу... Вже ж і весілля справили ви, на славу: і питва, і їства в волю, ще й троїста музика!.. Похрипли від співів і ноги повідкидали від таньців — дружки, свашки та приданки... Инчі чоловіки так задоволнились питвом, що день по трое чмелів слухали...

Степ. Тридцять цілкових як одну копійку тільки на горілку потрачено... І знов столове двадцять. А скільки пішло на дарунки, на митрики та за вінчання!.. Щож, кажу, за для своїх діток втрачаємось, ні за для кого більш як за для них, увесь вік дбали за для них...

Мел. Так, так. Бачила багато я весілль на своїм віку може їх аж сімсот і девьят бачила, ну такого не видала... Може ще ви почастуєте?

Степ. Давайте. (*Взяла пляшку і чарку*).

Мел. А я, сусідонько, признатись по правді, Боже як боялася, щоб бува чого не скоїлось на весіллі...

Степ. Чого ж такого?

Мел. Як Прохор гуляв з Катрею більш півроку... Хиба не знаете як иноді трапляется?.. Та й люде не поскупились на пащекування та всякі прикладки...

Степ. Знаю... Чула, що й ви, сусідонько, доточували свого язичка.

Мел. Хто, я?.. Га?.. Хиба з нечевья?.. Знаєте, як наслухаешся, чого иноді каторжні брехливі люде не наплещуть, то й не остережешся, як і сама бовкнеш якесь словце... Не хочу таїтись, може і я винна... Язик мій — ворог мій! Хоч візьми та й утни його!..

Степ. Доставалось вам за нього від покійника?..

Мел. И-и доставалось!.. Бив, бив бузувір, Господи як бив!.. Раз з горіща жбурнув об долівку та мало не перебив мене на двоє... Більш місяца вилежала після тії бійки... Як гоїлась та очунювала, то, вірите, все нишком шепотіла, дивлячись на Матір Божу Пресвяту, та благала, щоб укоротила мені язика, щоб змогла я удержувать його за зубами...

Степ. *(Налива чарку і підносе)*. Певно не вчула Мати Божа вашого благання? Викушайте.

Библиотека "Руниверс"

Мел. *(Випила).* І з чого воно ото коїтся таке? Ніби тягне тебе за язика, ну притьмом тягне, щоб почесать його... А вже як роспустиш, то й не встережешся як і намелеш і навієш... Дай же Господи нам діждати ще й Иванового весілля. *(Хоче випить).* О чи я вже випила? Коли ж це?

Степ. То я ще вам налью? (*Налива*).

Мел. А я не відречусь, хильну. (*Пье*).

Степ. А яка ж дівка за Ивана піде, хиба божевільна яка? Кому потрібен дармоїд?..

Мел. А може й знайдется? А ви й не викушали?

Степ. Я вже вдоволнилась, більш не питиму.

Мел. І не пийте; коли не кортитъ, краще не пийте. А мене чарочка завжди підбадьорує.

Степ. Я ніколи не була прихильна до чарки, одну-другу подужаю, а третю то вже через силу.

Мел. Иншому вона таки й вадить.

Явa 3.

Христя. (*Входить з хлібом під плечем*). Вітаю вас, свашечко, в новій синовій хаті.

Степ. А вас вітаю в зятевій. (*Цілуются*).

Христя. Ідуть вже наші новосельці, князь і княгиня, оце їм святий хліб. (*Кладе хліб на стіл і огляда хату*). Гарна та світла хатина, хоча й не простора, дай Боже щоб нашим молодятам світло та весело жилось в ній!..

Степ. Дай Господи, Мати Божа!..

Мел. І житимуть, вірьте, як в раю житимуть бо побралися по любови. То вже як не по согласії, то бодай його побила лиха година і сімсот і девьять пропасниць!..

Хр. Вирядила я моє ясне сонечко з своєї хати на віки, нехай вже осяює чоловікову оселю...

Мел. І буде осяювати, то вже як...

Хр. А тиб, Мелашко, не сікалась в розмову, коли не твоя річ попереду... *(До Степаниди).* Шануй, свахо, мою донечку.

Степ. І таки шануватиму, ще й як шануватиму.

Хр. Пожаліеш її, вона й тебе під старість пожаліе; вітай її щирою душею та теплим серцем. (*Цілуются*).

Мел. Хоч моя річ і позаду, але мушу сказати... (*Хлипає*). Як лехко та хороше робится на душі, коли бачиш меж людьми прихильне вітанне, коли почуеш одверте щире слово... І хочется

Библиотека "Руниверс"

жити та Милосердного хвалити!.. (*Налива чарку і підносе Христі*). Викушайте.

Хр. Ні, я не питиму, вдоволнилась вже до схочу. Та й не ти тут старша, щоб частувать..

Мел. То я викушаю за ваше здоровлячко. (*Пьє*). Чи чуєте, ідуть, ідуть! (*Чутно музику*). Мерщій, мерщій матірки беріть хліб-сіль в руки та зустрічайте. (*Дає один хліб Степаниді, другий Христі*).

Я в а 4.

Иван несе на очеретині або на палиці покрасу (червону хустку) і ставляє біля порога, боярин несе образи і кладе на стіл, старости, Денис, Прохор, Катря гості і музики, свашки вносять скриню і ставляють на піл; музики грають.

І-й стар. (*Таньцює*). Тепер наша, черга. Пане підстаросто, піддай вогню, бо в мене вже неначе підошви прилипають до долівки...

Юхим (*2-й староста*) О так наші!.. „Таньцювали злидні три дні“... (*Підтаньцьовує*).

І-й стар. (*Зупинився*). Отак, а не чорт-зна як! Щоб так наші молоді веселились в новій хаті та своїм лагідним життям радували нас. Ну, Прохоре Денисовичу, тепер вже ми ваші гості, приймайте нас у вашій хаті.

Денис. Частуй, сину, а ти невістко годуй нас, чим Бог послав. (*Сідають за стіл*).

Прох. (*З запазухи вийма пляшку і чарку і частує. Степанида дає Катрі закуску, котра підносе гостям*). Милости просимо.

Катря. Закусіть ласкаві будьте та не огудьте.

Денис. (*Взяв чарку*) Пошли ж Господи вам здоровья і віку довгого. (*Пьє*).

Степ. (*Одпиваючи*). Ох, Прохоре мій, Прохоре, моя дитино коханая!..

Іван. (*Пьяний регоче*). А я хиба не кохана дитина?

Хр. (*Одпива*). Катрусе, моя ягідко, мое червоне яблучко!

І-й стар. (*Взяв чарку*). Дай Господи, щоб ми діждали гуляти на весіллі ще й ваших дітей. (*Пьє*).

2-й стар. (*Юхим*) Ну, брате, Прохоре, хай тобі Господь допомога запобігти талану і долі... (*Випив*).

Мел. А мене, Прохоре, невже обминеш?

Библиотека "Руниверс"

Прох. (*Частує*). Пожалуйте і вам.

Іван. Частуй, Прохоре, і мене.

Прох. Тобі не слід би вже пити.

Іван. Хто ´це тобі набрехав?... Я, брат, на те не вважаю, наливай!..

Денис. Иване, не треба більш!..

Іван. Ні, я випью. Наливай. (*Прохор налива*). Повну наливай!.. (*Випив*).

Муз. (*Випива*). Годилося б, напримерича, виходить, стало бить, будем так говорить, за ради такого пишного весілля, по старосвітському звичаю, поводить журавля... Тепер вже, напримерича, виходить, стало бить, будем так говорить, перейняли, усякі модні прахтики та цибулизацю, а старовину занехаяли...

І-й стар. Журавля, журавля!.. А ну, старики, ставаймо в коло, а свахи, Христя та Степанида, нехай журавля подибають.

Всі. Журавля, журавля!..

Іван. (*Регоче*). Може б і я подибав журавля?..

(*Починають водить журавля і співають, Івана не приймають в коло*).

Унадився журавель, журавель,
До бабиних конопель, конопель,
Таки-таки журавель,
Таки-таки цибатий,
Таки-таки дибатий!..
А я його ізловлю, ізловлю,
Крила-пера обскубу, обскубу,
Таки-таки і т. д.
Він не буде літати, літати,
Конопельки топтати, топтати,
Таки-таки і т. д.

Денис. Ну, хоч і годі. (*Зупинились*). Пора і розходитись, бо вже скоро і сонечко спочине. Частуйте ж нас, дітки, на прощавання... (*Прохор частує*).

Іван. А на моїм весіллі цілий тиждень частуватимемся і журавля подибаємо... (*Регочучи співа*). „Таки-таки журавель“...

Денис. Годі, Иване, верзти нісенітницю!

Іван. А на похоронах моїх заспіваєте. (*Співа*). „Со Святими упокой“...

Библиотека "Руниверс"

Денис. (*Грізно*). Кажу тобі годі!

Іван. Чого годі? Ні, не годі! Хочете мені рота затулить? (*Стає посеред хати хитаючись*). Що на весіллі про смерть згадав?.. Я її що-дня, що-ночи кличу, а вона глуха не чує мене, біля других клопочется, а про мене ій байдуже... Мамо, правда?

Степ. Замовчи ти!..

Іван. Мині життя, обридло!.. Хто я, що я? Ні людина, ні скотина!.. Гей, де ти, кістлява маро, безноса невіро, де ти забарилася, їди мерщий, бери мене, зотни мерщій своею неминучою косою!.. Я не хочу жить, не хочу, не хочу!.. огидло життя, я живу через силу... Горілки мені дайте! (*Вхопив пляшку з столу і пьє нахильці, всі кидаются до нього і одіймають пляшку*).

Мел. Ти так всю вижлуктиш, зостав бо мені!..

Іван. (*Штовха Мелашку*). Геть, плескухо!.. Дайте ножа, я вам зараз нароблю гавьядини і панахиду справлю!..

Денис. Виведіть його геть!..

Іван. Мене геть?.. (*Замахнувся і впав*).

(*Юхим і другий чоловік беруть його і виносять з хати*)

Іван. (*Кричить*) Геть з очей!.. Всі ви мені гидкі, ненавидні!.. (*Винесли*).

І-й стар. Негодилося б так, перещкоду зробив на весіллі...

Муз. Позвольте. Теперича, напримерича, виходить стало бить, будем так говорить, не бува весілля без шкандалю...

Я в а 5.

Сел. Староста. (*Входе*). Здрастуйте. Поздоровляємо з весіллям та будьте здорові з вівторком.

Всі. Спасибі.

Прох. Милости просимо садовиться.

С. Стар. Можна і сісти. Коли попрохали сісти, то мабуть і почастуєте?

Прох. (*Частує*). Викушайте.

С. Стар. І ето можна. (*Випив*). Я привик так: одну випить, а другою закусить. (*Прохор почастував ще*). І доволно. Не веселу звістку приніс я. Чули певно, що война з Гапоном ще з весни почалась?.. А тепер требують запасних. Ти, Прохоре, сам грамотний, то й прочитай. (*Дає йому бамагу*).

Прохор. (*Прочитав*). Так, правда... (*Верта бамагу*). Щож... Царська воля — закон... Не судилось певно тихе сімейне життя... (*Всі немов обімліли*).

Библиотека "Руниверс"

Катря. Як?.. Як же це?.. Я ж загину без тебе, Прохоре!.. Ой, рятуйте люде добрі!.. Ой, матусенько моя ріднесенька, рятуй же мене, рятуй!.. Ой, пропаща ж я, пропаща!.. (*Ридаючи пада на плече Прохорові. Инчі плачуть, инчі зітхають, сел. староста поважно виходе з хати*).

ЗАВІСА.

ДІЯ 2.

Хата Денисова, обставини звичайної хати небагатого селянина.

Явa 1.

Мелашка і Степанида.

Мел. Але, чуете, все оте, що я зараз висловила перед вами, може подіятись з кожною молодицею, лехко може, так лехко, що инча і не зчується...

Степ. Мені здається, що ви оце даремно кажете, не можу я тому йняти віри!..

Мел. Ви обміркуйте спершу ось що. Не встигли побратися, як чоловіка налопом беруть на війну, і сердешна жінка, котра тільки вчора взяла шлюб, зоставайся ні жінкою, ні дівкою, і не удовою... Це ж тільки подумати, то аж моторошно робится!..

Степ. Ох, що правда, то правда...

Мел. Замісць того, щоб горнутись до вірної та щирої дружини, що як у тій пісні співається, що каже: „цілуются, милуются доки сон не зможе“,—горнись до німої стіни, цілуйся та милуйся з подушкою...

Степ. Що ж робить? Це трапилось не по нашій, а по царській волі?...

Мел. То-то ж-бо й е! І я вас спитаю: що його робить у такім випадку? І вже по чиій би волі воно не трапилось, а серцеві розваги нема, нічиею волею його не заспокоїш, воно не розуміє того, квилить, кличе коханого, кличе не вгаваючи, мов навісне... (*Зітхає*) Знаю, знаю по собі!.. Ой, Господи, Господи!.. Ото ж у таку жаданну добу, як підвернется хоч і чорт рогатий, то й його пригорнеш і не оглянешся, як пригорнеш супостата, замісць милого..

Степ. Ні, це витівки якісь, щось нісенітне...

Библиотека "Руниверс"

Мел. Не вірите? А я певна, що так воно коїтся не тільки у нас, а і по всему світу... Це вам і кожна ворожка скаже, забожуся сімсот і девьять раз, що скаже!.. Та от хоч би сказать про Хроську Перчишину. Як ішов її чоловік у салдати, приказував: „гляди мені, каже: одною лишаю, щоб одною і застав“.. Вернувся із служби, аж замісць одного вже тройко...

Степ. Ну, Катрю до Хроськи не рівняйте.

Мел. Чому ні? Що ж-то Катря така свята та Божа, чим же вона присвятилася, чим краща за Хроську? Про Хроську скажу вам, що вона і роботяща, і зугарна до всього, і дотепна на всякі моди... Хто як не вона перша привезла з городу моду, щоб хвартуха носить не на зборах, як ми носимо по старосвітському, а щоб іззаду краї сходились до купи, а на пузі щоб було обтягнене як на обичайці?.. Вона!.. Вона і кохточки завела перша. Стало быть, вона вже образована... І з лиця Хроську хоч і не з Катрею порівнять — патрет і товстопика... А вже коли кому призначено не обминуть гріха, то не обминеш його з роду-віку!..

Степ. Звісно, що гріх не по лісах ходить, а по людях, але ж... Ні, ви, сусідонько таке страшне почали провадити, що у мене аж тімня почало давить, ніби щось важке на голову покладено...

Мел. Але ж як Катря переберется до вас, то ще може те лихо можна буде і зупинить... Як вже вона раз-у-раз знаходитимется на очах у вас, то їй не так зручно буде заводить зальоти... (*Підходе до мисника*). Пляшка одіткнута, порожня... хоч би заткнули, а то повно мух налізло... (*Глянула у вікно*). Хто це пройшов вулицею? Ага, ваша невістка, Химка, її мені й треба... Забарилась у вас, прощавайте.. (*Хутко пішла*).

Я в а 2.

Денис. (*Виходячи з комірчини*). Либонь, Мелашка була? (*Позіхає*)

Степ. Чув, що вона тут провадила?

Денис. Не все... Трохи подрімав після обід.

Степ. Каже, що бачила вже скільки разів, що як тільки звечоріе, якийсь і сунется крадькома по-під-тинню і як увійде в хату, зараз Катря хатні і сінешні двері замкне і позатуля вікна, і вже скільки не стукай, скільки не гукай — ні защо не відгукнется...

Библиотека "Руниверс"

Денис. Ну, нехай об цьому після. (*Бере з полу мішок і іде з хати*).

Степ. Ой, як же моя голова заморочилась!.. Невже в тому пащекуванню є хоч крихотка правдивого?..

Явa 3.

Химка. Здрастуйте, мамо, з неділею будьте здорові. (*Цілуются*). Що це ви самі в хаті, а деж батько та Іван?

Степ. Батько пішов в комору набрать зерна, щоб відвезти до млина, а Іван вже більш тижня як пішов по манастирях на прощу.

Химка. Ага, так, так... Я чула та й із памьяти витрусила ту чутку...

Степ. Сідай у нас.

Химка. (*Сіла*). У вас нові картини: піп, чи що?

Степ. Ні, то вівчар вівці пасе... Це Іван десь достав...

Химка. А я думала що піп, шапка така як у попа. А то друга: павич би-то?

Степ. Де ж там павич? То хатка, а біля хатки високе древо.

Химка. А я думала що то павич хвоста роспустив.

Степ. Эге, пішов Іван помолитись. Якісь два богомольці захо́дили до нас на ніч і так хороше промовляли про святощі, що Іван з'охотився пристати до них у компанію... Казали, що недавно якийсь святий пресвятився і з'явив свої мощі і тепер сила миру іде на прощу. Ніби б-то один чоловік годів з пьятнадцять не володів рукою, прямо висіла як мертва, пішов туди на прощу, і рука йому зразу ожила... І знов якийсь молодиці, не в мою міру, звернуло було вьязи мало не на потилицю і та вигоїлась... Багато сліпих стало видющими, німих — балакучими...

Химка. Чула і я про це... А то одна богомолка росказувала про дівку, котрій поприростали до долонь гривні та пьятаки...

Степ. Ой матінко!.. Як же воно?

Химка. Бачите, вернулась дівка з заробітків та й віддає батькові зароблені гроші; а скількось гривень та пьятаків затулила в жменях. Батько й питає: „чи всі вже?" А вона й одмовила: „всі". „А в жменях у тебе що?" спитав він. „А ну розтули жмені.." А вона: „нічогісенько, каже, у мене в жменях нема" та мерщій від нього. А батько у слід їй і крикнув: „як що затаїла від мене гроші, то бодай вони тобі поприкіпали до долонь"... І щож ви думаете як батько побажав, так і скоїлось...

Библиотека "Руниверс"

Степ. Бо і священник завжди каже, що від батька — матері ні з чим не слід виховуватись. От же є такі, що не боятся гріха.

Химка. Своїми очима богомолка бачила ту дівку. „Так, каже, гроші і повростали їй в долоні". Чернеці звеліли, щоб та дівка три обідні молилась та поклони клала, аж сімсот поклонів, та щоб що—обідні ставляла по сім свічок, по цілому злотому кожна свічка, і на часточку подавала по двогривенному... І нічого не їла вона опріч шматочка хліба та кружечки води. „Ото ж, каже, як вже вдарила вона останнього поклона, то так ті гроші і розкотились по церкві, чернець їх позбірав і поклав собі в кишеню"... Щож це я справляю посиденьки? Хотіла про кой-що спитать... Чи не знаєте, що зробити дитині: отут за вухом отака зробилась моргуля.

Степ. Оливою помаж з лямпадки, абож ранньою росою з вікна,..

Химка. Юхим сказав: „бігай до матері, вони средствія знають". То прощавайте. (*Дійшла до порога, далі зупинилась).* Ви колись, мамо, ремствовали на Юхима, що взяв собі жінку, то б-то мене, не до мислі?

Степ. Овсім не ремствовала... Хто це тобі наплів?

Химка. Мої очі та вуха,

Степ. Та й коли вже те було, чи варта згадувать.

Химка. Одначе у нас вже діло пішло на згоду.

Степ. І слава Богу. Пора вже, пора... Коли побрались, то треба порозумітись якось...

Химка. Цілком вже порозумілись... За те другою невісткою ви зразу задоволнились?

Степ. Що-о?

Химка. Тільки чи буде нею задоволений Прохор, як вернется?

Степ. Ти мене береш на докори, чи як?

Химка. Ні, овсім ні. Я тільки хочу вам сказать про те, що у мене, хвалити Бога, четверо підростають і всі вони Юхимовичі; а того що Катря нагуля—чи Прохоровичом же зватимуть?.

Степ. Ой, Химко, стережись отаке верзти!.. Уй, який у тебе злючий язик!.. Стережись, кажу тобі!..

Химка. Не полохайте мене, мамо: добре вже мене за сім годів чоловік наполохав, може трохи завдяки й вам?..

Степ. Ой, злюка ж ти, злюка!..

Химка. Я вас переконаю у тім, що кажу, ось побачите! (*Пішла хутко*).

Библиотека "Руниверс"

Степ. І цій Катря в пельці засіла!.. Та невже ж Катря зважилась на гріх?

Ява 4.

Катря. (*Несе на плечах багато одежі і починає навішувать її на жердку*). Чи не від вас так прожогом побігла Химка і не поздоровкалась зо мною?.. Чи й скриню переносить сьогодня, чи нехай поки що там перебуде—дуже важка?

Степ. Нехай поки що там перестоїть.

Катря. Та й я так думаю.

Степ. Сьогодня поспіеш перебратись?

Катря. Поспію.

Степ. Так воно краще буде... Що там тобі одній робити?.. Хату замкнемо, га? (*Помовчала*). Тобі може хотілося б там зостатись?

Катря. Ні, в гурті якось людніщ.

Степ. І поговору меньч... Катре! А як на твою думку, чи не вишустрить мені на всі боки Мелашку, щоб вона більш і очей не навернула?

Катря. Хіба вже що сплела?

Степ. Не хочу я тому йняти віри... Та коли б ще одна Мелашка, то ще сяк-так, а то і Пріська Ходунова, і Гапка Драпачева, і Химка...

Катря. Не виховалась я...

Степ. Що таке?

Катря. На нівець пішов увесь мій замір, і вся турбота.

Степ. Га? Як ти кажеш?!

Денис. (*Входить*). Невже й справді щось непевне вчинилось?

Степ. А що там таке?

Денис. Гапка Дибайлова оце зараз зустріла мене та й каже: „чула я, що ви невістку з нової хати перебіраєте в свою; так воно безпечніщ буде: хіба, каже, довго до гріха?“.

Катря. (*На бік*). Ой і сусіди ж, достомітні шпиги.

Денис. До якого гріха? питаю. „Не пащекувата я, каже, то й не хочу, щоб з мене першої пішов поговір“... Зареготала і пішла геть від мене. Гукнув їй у слід, так вона тільки махнула рукою.

Степ. Так і мені Пріська Ходунова відмовила. „Нехай, каже, другі доводять до краю, а я не охоча втручатись у чужий клопіт“...

Библиотека "Руниверс"

Денис. Ти чуеш оце, невістко?

Катря. Та чую ж.

Денис. А щож ти нам на те скажеш?

Катря. Не їла душа часнику, то й не смердітиме.

Денис. Так-то воно так...

Катря. Правдиво, мабуть, кажуть, що якіми б рідними не вбачались свекор та свекруха, а нарешті невістка їм все таки чужа?.. Чужа я вам, через те і віра ваша в мене так швидко похитнулась...

Денис. Ще не похитнулась, а тільки...

Катря. Ні, вже!.. Скличте ж до гурту всіх плескух і я при них дам вам відповідь найправдивішу!..

Степ. І це буде найкраще... Але ти не еретуйся!..

Денис. Зробимо так. Піди та поклич сюды й матір свою,— прохай, щоб неодмінно зараз прийшла.

Катря. Гаразд, покличу. Куди оце мені покласти? чи можна у миснику?

Степ. А щож там таке?

Катря. Це моє... Тут два листи від Прохора та ще кой що..

Степ. Поклади на верхню полицю, там воно безпечніщ лежатиме.

Катря. То я ж піду по матір. (*Кладе вузлик на мисник.*)

Степ. На полудень вернесся?

Катря. Може мати не пустять не погодувавши? (*Пішла*).

Денис. Чи чула, стара? Без примхів і без сліз наважилась привселюдно виправитись?.. Почуємо, що вона їм заспіва?

Степ. Бачив, як у неї очі заискрились, як сказала про віру, що ніби похитнулась?.. Що не кажи, а душа в неї правдива!

Денис. Та неначе б-то...

Степ. А памьятаеш, як скоро ми з тобою побрались і ти того ж таки года пішов на заробітки, на чавунку, кудись аж за Харьків, та ціле літо там був, вже аж у заморозки вернувся?.. То чого тільки не наплескали на мене щирі сусідочки!..

Денис. Не охочий я до бійки, а Мазуровій Горпині привселюдно тоді плюнув межи очі і дав ляпаса по пиці.

Степ. І клята ж була покійниця, царство ій небесне, вічний покій! Кого вона не опаскудила, кого не оганьбила?..

Денис. Та Бог з нею, не згадуй, нехай вже над нею земля пером.

Степ. Эге ж, нехай... А візьми листи Прохорові! шкода що не вміемо читать... Давай хоч подивлюсь на них...

Библиотека "Руниверс"

Денис. (*Бере з полиці вузлик і розвьязує, на долівку падають: книжка, тетрадь, папір, олівець і два письма).* Оце листи, а це й не знаю, до чого воно?.. (*Підійма все з долівки*). Книга, якась палічка... Ага-га, це те що пише, колись у столяра бачив таке... Стривай, як воно звется? От же і не нагадаю... (*Склав все у вузлика і поклав на полицю, а письма взяв і, сівши поруч з Степанидою, дав їй одне, а друге держе сам в руці і вдивляється*).

Степ. От дивлюсь на Прохорового листа, а ніби бачу не листа, а самого Прохора, ніби чую сю промову... (*Починає плакать*). Синочку мій, дитино моя!.. (*Цілує листа*). Де то ти тепер пробуваєш, як там тобі на чужині, без роду-родиноньки?.. А хороше як Прохор у листі промовля... Каже: „лети, лети листок од Заходу на Осток". Ой, забула, як воно далі?..

Денис. (*Промовля*). „Упады в руки тому, хто любый серцю моєму".

Степ. Далі, далі?

Денис. Далі щось і я забув.

Степ. Хоч би ще одне словце пригадать?

Денис. Стривай, стривай... „Родненький папашо і роднень-кі мамашо і супруго моя верная"...

Степ. Так, так... Далі?

Голос за вікном. Чи не підете заразом до росправи, привезли з пошти казет і писарь читатеме голосно?

Денис. (*Хутко зхопився*). Я піду, стара!

Степ. Піду і я; доки Катря та сваха Христя прийдуть, поспіємо вернутись. А листа сховаю до серця. Дай мені і того... (*Хова листи за пазуху*).

Денис. Може про Прохора що небудь вичитуватимуть?

Степ. Пошли нам Мати Божа веселу звістку.

Денис. Про войну почуємо... (*Обоє одягаються*) Учора якийсь панок біля Митьчиної лавки розказував, що наші завдали японам такого чосу, що довго чухатимутся.

Степ. (*Одягається*) Так їм і треба, проклятущим, нехай не сікаются до наших!

Денис. Каже, бачив японів на картині: такі миршаві та манісенькі; наш солдат по четверо їх садовить на долоню, а другою як ляпне, то тількі мокреньке місце зостанется... (*Сміються обоє*) Колиб, каже, наші схотіли, то зразу закидали б їх шапками, тільки що шкода шапок паскудить...

Степ. Ну, вже я не пошкодувала б на них і очіпка!..

Денис. Ходім, ходім!..

Библиотека "Руниверс"

Степ. Чи хату замкнемо?

Денис. Не треба, може скоро Катря вернется. (*Дивится у вікно*). Та ондечки вона вже і йде. (*Пішли*.)

Через недовгу хвилину входить Катря.

Катря. Чогось наші пішли у росправу,—певно покликано їх туди. Матері не застала дома; сказала сусідам, щоб переказали, що я приходила за ними. (*Стук у вікно*).

Данько. (*За вікном*) Катре!

Катря. Це ти, Данько? іди в хату!

Я в а 5.

Данько. (*Увійшов і простяга руку*) Моє поштеніе. А я подойшов до твоеї ізби, дивлюсь—висить замок.

Катря. Я ж тобі сказала, що сьогодня сюди переберусь.

Данько. Понимаю. Значить, годі вже секрети соблюдать?

Катря. Сьогодня доведеться признатись, довідались...

Данько. Значить, виявили? Ах, как ето довольно подло. Хто ж ето?

Катря. Знайшлись щирі душі. Доки наших нема, скористаємось тим, не будемо гаяти часу. Сідай-бо. (*Данько сів, Катря іде до мисника і здійма вузлика*). Хтось вже тут попорядкував: вузлик розвьязаний. О, а де ж листи Прохорові? От тобі... Невже я їх погубила? Я ж їх сьогодня сюди поклала... Певно, свекруха взяла. Чи не понесли кому, щоб перечитали їм? Вони щосвята і що-неділі перечитують наново Прохорові листи... (*Підходе до столу*). Як мені хтілось крадькома навчитись грамоти, щоб самій списать у листах до Прохора про свою журбу та тугу, отже не довелось... (*Сідає*). Давай, голубчику, сяк-так допишемо листа до Прохора, щоб завтра або після завтра і одіслать. От повитріщають всі вороги баньки, як я їм сама промовлю по бамазі листа до свого милого! (*Сміється*). А що Мелашка, то та сердешна з досади або перегризе собі язика або цілком проковтне його!.. (*Знов сміється*).

Данько. Вот будить сторія нового завету!

Катря. Почнемо? (*Бере папір і олівець і лагодится писать*).

Данько. Почнемо. Не до ндраву мені те, що ти пишеш листа не по хвормі, по мужицькому.

Катря. Як би писала по таківському, як ти спочатку почав проказувать, то мені здавалось би, що то не я пишу, а хтось инчий орудуе моїми думками і воде моею рукою.

Библиотека "Руниверс"

Данько. Так когда ж воно такое правило, што разговори, кой-которі можна по мужицькому, ну читать та писать дольжно по книжному. Наш вчитель нам раз-у-раз приказує, щоб ми і дома силкувались розмовлять по книжному... А ниспектор, як оце приїздив, так казав вчителеві: „старайтесь, штоб дьети кгаварили харашо“... Де котрі ребьята вже можуть, а я ще не зовсім наловчився! але через якое уремья і я розговори ухоплю книжні, ще й як ухоплю!..

Катря. Ну, проказуй далі.

Данько. А на чім же ми остановку зробили? (*Чита*). „Любий мій Прохоре, моя ти єдиная думко!..“ Аж неприятно читать. По правилу дольжно буть так: „любезной мой супруг, Прохор Денисович!..“

Катря. А мені так не подобається.

Данько. Чудная ти... так правило ж такое! (*Чита далі*). „Як прочитали ми твого листа, то всі гуртом плакали“... Тут дольжно б сказать: усім обществом слези проливали... *(чита далі)* „що ти, мій голубчику, тяжко сумуеш за нами. Колиб ти знав, як я за тобою що-хвилиноньки побиваюсь, як та пташка в клітці“.. Вот тут я прописав би: как птичка в кльеткье, на тонкой вьеткье,— вийшло б і чуствительно і стиховно.

Катря. Годі-бо тобі. Нехай вже так буде.

Данько. Ай - ай - ай! йжели б єтого листа предоставить нашому вчителеві—от би реготав!

Катря. Чого ж би реготав?

Данько. Потому што даже дольжно реготать, как он по мужицькому списаной. Окроме того воно не тольки смішно, а даже довольно глупо. Ну, тут далі я памьятаю, одні тольки пустяки! Будемъ дописувать.

Катря. А ну, стривай, я сама дочитаю, чи потраплю?

Данько. Єжели завгодно, читай.

Катря. (*Чита*). „Як вже скінчили читать твого листа, пішла я в нашу хатину, глянула на образи, котрими нас благословили, та як припала до столу, як почала на самоті голосити, довго-довго голосила і здалось мені, що і стіни, і вікна, і скриня і вся хата заразом голосять зо мною“...

Данько. (*На бік*). І на што писать про еті дурачества?

Катря. (*Чита*). Аж чую закувала в леваді зозуля Я почала її питати, чи скоро діждусь тебе“... (*Заридала, припавши до столу*).

Библиотека "Руниверс"

Данько. От бачиш, колиб не писала про зозулю, то й не плакала б, потому што об етіх глупостях в письмах никогда не пишуть... Змочила ще горше письмо слезами. Куди його можна посилать? Йежели б показать такое писаніе учителеві, оставив би без обьеда, або в куток, чи той — в угòль постановив би.

Катря. (*Витира сльозы*). Ну... вже не плачу... Проказуй, писатиму далі.

Данько. І еще кланяется низькім поклоном і приятним словом...

Катря. (*Проказує пишучи*). І ще..

Данько. Не ще, а еще. Ще ето будить обозначать сильную безграмотность. (*Диктує*). Дяденька ваш...

Катря. Який дяденька, коли дядько?

Данько. Дядько неприятно, а дяденька харошо.

Катря. Я напишу: і дядько. (*Пише*).

Данько. Своєвольна!.. (*Диктує*). Гавріил..

Катря. Не Гавріил, а Гаврило.

Данько. По мужицькому так: Гаврило, а по книжному: Гавріил. Архангели есть: Гавріил і Михаіл, а Гаврила нема!..

Катря. Ну, написала. Далі?

Данько. (*Диктує*) І тьотенька ваша...

Катря. Тьотенька? Мені аж вимовить смішно: тьотенька!.. (*Сміється*). Хіба не краще: тітка?

Данько. Никогда. Другий на моїм місцеві взяв би ето, плюнув на еті безталковиї глупости і пайшов би... Тольки што деньги получаю за вченіе, а то б...

Я в а 6.

Входять **Денис** *і* **Степанида.**

Катря. От тобі й на!.. (*Ховає папір у вузлик*).

Денис. Що ви тут робите?

Степ. У книгу дивились, чи що?

Данько. Да, ето я разні сторії читав Катрі: про Сима, Хама і Ахвета, либо вроді етого штось другое... Здрастуйте дяденька, Денисій Митрохванович! как поживаете? Пожалуйте вашу ручку. (*Трясе Денисові руку*). Здрастуйте, тьотінька Стехванія Єгоровна! Пожалуйте ручку. (*Стиска їй руку*).

Денис. Сідай у нас, хлопче.

Степ. Та пополуднаеш з нами. (*Сідають*).

Библиотека "Руниверс"

Данько. Благодарим за... пригласительство, спасіба (*сіда*).

Денис. Читав писарь казету, що наші здорово побили Япона аж пьять тисячів їх полягло, а наших тільки двісті чоловік.

Степ. Так їм і треба, проклятущім гапонам.

Данько. Да, наші воіни так вони маладьці. Учора в школі був урядник, так говорив, што наші знищтожять зовсьем японьця...

Катря. А про Прохора ніякої звістки не чули?

Денис. Ні, нема нічого. (*Зітхає*)

Катря. Мамо, ви взяли листи Прохорові, що були у вузлику?

Степ. Я, я, осьдечки вони. (*Вийма зза пазухи*). Подержала листи біля серця і полехчало мені. На, заховай! А що ж мати?

Катря. Я ж вам казала, що не застала дома.

Денис. Що то у тебе за палічка в руці, як вона зветься?

Катря. Карандаш.

Денис. Карандаш? А я чув колись від столяра инакше, от же не нагадаю?

Данько. Ньет, дяденька, карандаш как вон був карандашом, так карандашом і повсігда зостанется...

Я в а 7.

Входять **Мелашка** *і* **Химка**.

Химка. Ні, Мелашко, так не чесно, як ти оце задумала коїти! на віщо ти за спиною дулі показуеш, а в вічі хиба боїся правду сказати?

Мел. Не боюсь я нічогісінько, і в вічі скажу!

Химка. Ну, от і кажи, нехай ось свекор і свекруха знають усе!..

Денис. Що ж ви таки таке знаєте, послухаємо?

Химка. Зараз Мелашка, біля Митьчиної лавки, присягалась, що вона власними очима бачила, як до Катрі що-ночі, як тільки почне сутеніти, з'являється якийсь миндрус...

Мел. Бачила, з'являється! Сімсот і девьять раз заприсягну, що з'являється!..

Катря. Це правда.

Степан. і Ден. (*З жахом*). Правда?

Химка. А що, чуете? (*Регоче*).

Дан. Ну, тольки некакой миндрус!

Катря. (*Показує на Данька*). Оце той миндрус!..

Всі. Як?

Библиотека "Руниверс"

Дан. Одначе стойте, какой же я такой миндрус? Єто хвальш!..

Катря. Признавайсь, Данько, чого ти до мене що-вечора ходив?

Дан. Як признаватись, то й признаватись... Видите, дяденька, видите тьотенька; захотіла Катря нишком навчитись грамоти; щоб, значить, люде не висміяли ій очей, що вона у таких літах задумала вчитись, і договорила менья, за півтора цілкових у мьесяць, щоб я крадькома що вечора її вчив. Я согласився і за чотирі мьесяця получив вже шість рублей серебра. Катря до грамоти оказалась понятливою...

Катря. Оце той мій гріх, котрий так зтурбував не тільки пащекух, а і вас, тату й мамо...

Дан. Я раз однажди даже наполохав тетеньку Мелашку. Дивлюсь, вони йдуть до Катриної ізби, я й приліг за плотом; тільки що вони наділшли та й лізуть через пліт, а я як загавкаю, вони як галаснуть та з плоту бабах об землю!.. (*Регоче*).

Мел. А щоб ти не діждав полохать мене у-друге, чортів випортку!

Катря. (*Тим часом вийняла з під корсетки листа*). А оце той лист, котрого я властною рукою списала до Прохора.

Дан. Тольки што не впольнье по хвормі.

Мел. Тьфу! Паскудний віскряк якого гвалту накоїв!..

Химка. Годилося плюнуть тобі за це, Мелашко, в самісеньку мордяку; тільки других підводиш під сварку!.. (*Розгнівана пішла*).

Мел. Сімсот і девьять раз тьфу!.. (*Пішла*).

Катря. Не перегризіть, Мелашко, з пересердя язика!..

Дан. Какая уредная єта тьотенька, ужасть!..

Степ. А прочитай нам, Катре, як ти там пишеш Прохорові!.. (*Катря починa читать листа*).

ЗАВІСА.

Библиотека "Руниверс"

ДІЯ 3.

В тій же хаті.

Явa I.

Христя і Катря.

Христя. Годі тобі, моя дитино, так тяжко сумовать,—хиба ще за рік не натужилась? Трохи було ніби й вгамувалась, а це знов третій тиждень мало не що-дня голосиш. Пошкодуй себе, пошкодуй свого молодого віку!..

Катря. А на що мені, мамо, те життя?..

Хр. Коли не шкода себе, то хоч згляньсь над моєю старістю.. не знесилюй мене внівець... Хіба моє старе серце не рветься на шматки через твоє горювання?.. Чи може тобі про біль матері, про її муки байдуже, то жени її мерщій в домовину... доволі вже я нажилась, доволі натішилась життям...

Катря. Мамочко, не докоряйте мене... я... я вгамуюсь... (*Затуля собі рота долонею, щоб не плакать*). Перестану тужить... (*Іде до порога, бере кружку з водою і промива очі; напилась*). Вже вгамувалась ніби... (*Сіда біля матері*).

Хр. (*Голубить її*). Тадже ж пише, що рана не тяжка, що лікарі запевняють, що скоро загоїться... що кістка тільки трохи зачеплена... Дякувать треба Господеві, що не перебили ноги...

Катря. За віщо ж дякувать? Кому він що лихого вчинив, чи заподіяв?.. Ми, мамо, „Господом забуті“...

Хр. Що це ти верзеш? Гріх так казать... А що поранено Прохора, то щож робить? на те він салдат, воін.

Катря. Хиба він по своїй волі пішовъ на війну? Хиба йому потрібна була війна?.. Не одружився б він, колиб знав, що запротирять... Казав же, як прощався, що як би знав, що потягнуть на війну, не завьязував би мені віку... Взяли, заслали на край світа і скалічили... Що я тепер? Салдатка, котру кожен, кому не жаль, тільки зневажа... За віщо ж, питаю, я мушу дякувать Господеві?

Хр. Не ремствуй, борони тебе Боже ремствувать!..

Катря. Не ремствовать?.. Але ж і дякувать за що... (*Похитала з хвилину головою*). „Лехко пораненний“.. А чому ж сам не пише, коли лехко пораненний?.. На віщо сестра милосердна пише за нього?

Библиотека "Руниверс"

Хр. Певно, він лежить...

Катря. Лехко пораненний не лежав би... Мало хиба на селі ненароком калічятся: инчий руку розруба сокирою, або ногу, а не ляга? Савка Когутенко, як торік розрубав коліно, а не ліг; ціле літо волочив ногу, аж доки не взяли в болницю та не відрізали ноги...

Хр. І зістався на вік калікою. А колиб загодя почав гоїтись, то може і не скалічів би... (*помовчала*). А й хороше же милосердна сестра списала, вже так хороше що й сказать.

Катря. Дізналася ж, бачте, що Прохор не з москалів і сама призналась йому, що й вона теж з наших...

Хр. Кортить мені ще послухать того листа, може прочитаєш?

Катря. Прочитаю.

Хр. От і розумниця. Ще ні один салдат з нашого села так хороше не одписував! всі якось по таківському закидають, як ото иноді наші начальники наважаются балакать, або хвершал...

Катря. (*Розгорта листа і зітхає*). Ох, Боженьку мій милий!.. (*Чита*). „Люба моя дружино, Катрусе! (*Христя иноді залюбки голосно додає: „так, так“, або „ох, як хороше!..“*) Мушу тебе засмутить не веселою звісткою. Під Мукденом мене скалічено, ліву ногу кулею на виліт пробито, і трохи пошкодило кістку, нижче коліна, через що дохторі звеліли лежать у шпиталю, доки затягне рану і кістка загоїтся... Я почуваю себе дужим. У шпиталю доглядають за нами сестри милосердія і ми їх звемо сестрицями; вони перевьязують нам рани, дають усякі ліки; а тих; що дуже покалічені та немощні, то таких самі і чайом поять... Цього листа пише сестриця. Довідалась, бач, вона, що я з хахлів, тай пита: „ви українець?“ А я їй кажу: ні, я хахол. А вона й почала мені тлумачить, що хахол—це насмішка, все рівно як москаля звуть кацапом, або еврея—жидом... Ви, каже, українець, через те я і листа до вашої жінки напишу по українські. А потім як почала вона мені оповідати про давню давнину,—про таку, що і батьки нам не розсказували. Потім сказала мені, з яких книжок те вичитала; у нас, у школі, ми про такі книжки і не чули!.. Каже, що колись Україна була вільною стороною... Я почав благать її, щоб усе оце списала тобі, щоб і ти де-що зрозуміла,—вона сказала, що спише у другім листі. Потім прохав я, щоб додала й про те, яка вона добра душа. Довго сперечалась вона, що ніби про це не слід писать, що то її обовьязок примушує пеклуватись біля хворих; але я сказав, що як не спише про це в ли-

Библиотека "Руниверс"

сті до тебе, то я затаю свого адреса. Тільки таким побитом я прихилив її до свого благання. Боюсь тобі оповідати про страшенні каліцства, які тут доводится що часу бачить! Хоч що-дня на моїх очах сотні салдатів в муках падали і помірали, одначе не зачерствив себе так, щоб глянувши на инчого пошматованого мученика, не здрігнуть... Як Бог поможе повернутись благополучно до дому, тоді розскажу тобі все, нічого не затаю. Не сумуй, моя голубко, та не журись дуже за мною; трошки заплач собі, бо без того не можна, але не плач на людях, а нищечком, та благай Господа і молись йому, щоб допоміг мені скорїш вернутись у рідний край, у свою хатину, до любої моєї дружиноньки"...

Хр. Бачиш, і він приказує, щоб не журилась та Господеві молилась. Ну, далі?

Катря. (*Чита*). „Я розсказав сестриці, яка ти у мене хороша і як кохаєш мене, так вона дуже тішилась. Сподівайся ж від мене скоро другого листа"... (*Промовля*). Сподівалась та мабуть і сподіванку доведется залишить. (*Чита*). „Сестриця каже, що як тільки мені покраща, зараз же об тім сповістить тебе сама, Сестриця ще каже і те, що нам, українцямъ, треба листи писать до дому по своєму. Кланяюсь низенько таткові і неньці, і тещі, твоїм неньці, братам, і сестрі, і невістці, всій рідні і всім добрим людям. Твій друг Прохор Шаповаленко, младчий унтерофицер. (*Говоритъ*). Слова останні він властною рукою дописав.

Хр. Стало бить, і не немощний... Ну що, полегчало тобі? А мені так теплом всю душу і обгорнуло.

Катря. Вже скоро і місяць як цей лист прийшов, а другого нема та й нема!...

Хр. Може завтра, може після завтра прийде. Он Гальчин чоловік як прислав одного листа та як одіслала вона йому карбованьця, та від-тоді а ні вісточки, от же ій ніби й байдужісінько!

Катря. Мені від того не лехше. (*Зажурилася*).

Явa 2.

Входятъ **Степанида і Знахарь**.

Степ. Здрастуйте, свахо! спасибі що завітали. (*Цілуется з Христею*). Що, свашечко, і ви не заспокоїте вашої доні?... Ми вже і руки опустили.

Хр. Не приберу і я ума, як її уговорить.

Библиотека "Руниверс"

Катря. Я ж не плачу вже... (*Понесла листа до мисника і хова у вузлику*).

Степ. Кажуть,—що у росправі вже казету читають,певно старий вже там!

Катря. Піду і я!... (*До Христі*). Ходімо, мамо, у росправу.

Хр. Та воно годится тобі пройтись... Прощавайте, свахо. (*Цілується з Степанидою*). Мені треба зайти до млина, воно по дорозі: ти до росправи, а я у млин... (*Пішла з Катрею*).

Степ. (*До знахаря*). Бачили?

Знах. Ні, ще.

Степ. Оце ж наша невістка, Катря!

Знах. Ага, а я думав...

Степ. Садовітся!

Знах. Можна. (*Сів*).

Степ. У будень ще сяк—так, за роботою та за клопотом, то й розважится, а як прийде неділя, або свято—цілий день виголосить.

Знах. Невістка?

Степ. Та вона ж... Як не плаче, то щось таке з нею коїться, ніби остовпеніе і мовчить—мовчить, хоч ти ій що хоч кажи.

Знах. Мовчить все?

Степ. Эге ж, мовчить. Я чула, що як инчій людині дошкулить до болячого, то у неї все в грудях замре,—чи так?

Знах. Бува й так, а бува й не так.

Степ. Спасибі вам, що потрудились пожалувать, може вас почастувать?

Знах. Як що є, то... Мене люде частують.

Степ. (*Бере пляшку і чарку*). Дай Господи, щоб ви допомогли ій.

Знах. Допомогти можна... Жалаєм доброго здоровлячка. (*Випив*).

Степ. Мені здается, що ви неодмінно ій допоможете. Закусіть, будь ласка!

Знах. Допомогав багатьом, то й вам допоможу. (*Закусює*).

Степ. Звісно, побивается за чоловіком, бо його скалічено на войні... Прислав листа.

Знах. У нас, сказать, мого свояка сина теж скалічено.

Степан. Скрізь те лихо коїтся!

Знах. На те воно й лихо.

Степан. Може викушаєте ще?

Знах. Як почастуєте, то викушаю.

Библиотека "Руниверс"

Степан. Я вам така вдячна... (*Наливає*). Хто це вас напутив?

Знах. (*Випив*). Василь... Як-бо його? Ось що... Москаленко.

Степан. Ага, це наш недалекий сусіда! от добра душа, спасибі йому!

Знах. Ідіть, каже, там вас чекають.

Степан. Хотіли ми вже кинутись до хвершала.

Знах. То не хвершалове діло.

Степан. І я так кажу. Як тепер хвершали понаставали такі, що краще б їх і не було: ні шепотіння він тобі не тямить, ні заговору...

Знах. Без шепотіння та без заговору не можна.

Степан. Скажи йому, щоб злизав зазіх, або здмухнув пристріт, так він баньки витріщить...

Знах. Може б почастували по третій та й за діло?

Степан. Викушайте. (*Наливає*). Пожалуста поможіть ій, сердешній!

Знах. (*Випив*). Людським допомогав... Ходім! (*Встав*).

Степан. Куди ж це?

Знах. До неї ж.

Степан. Вона ж пішла у росправу, ось вернется.

Знах. Хто?

Степан. Невістка.

Знах. Ми її не ждатимем. А мазниця є?

Степан. Є, є!...

Знах. Колиб ще обичайка з старого сита, або з решета!

Степан. І обичайка знайдется.

Знах. Інчі штанами або хвартухом шию труть, а я завжди обичайкою... Деж вона у хліві, чи...

Степан. Хто?

Знах. Телиця?

Степан. Яка телиця?

Знах. Та у вас же телиця захворіла, перелоги б-то, чи що?

Степан. Ніякої телиці нема у нас хворої!

Знах. А вас же як звуть?

Степан. Ми Шапуваленки, з діда—з прадіда Шапуваленки.

Знах. А мені треба Рябошапку... Виходить я помилився?

Степан. Рябошапчина хата поруч з нашою.

Знах. То так би й казали зразу, а то почали: „сідайте“, та „викушайте“... І що за народ! не скаже тобі товком, а... Прощавайте! (*Пішов*). Згаяв тільки уремня!...

Библиотека "Руниверс"

Степан. Я думала, що він людський знахарь, а він товарячий!...

Я в а 4.

Данько. Моє поштеніе, тьотінько! Вашу ручку! (*Чоломкается*). Катрі нема дома?

Степан. Пішла на часинку до росправи, зараз вернется, посидь.

Данько. (*Сіда*). Приніс одну книжку Катрі... Папаша купили на ярмарку, ну, кажется так, што по безграмотству їхнему, вочень глупую... Звется: „Сердешна Оксана“... Так, пустякова сторійка...

Я в а 5.

Денис *і* **Иван**.

Денис. Чи бачиш, стара, хто прийшов?

Иван. Здрастуйте, мамо! (*Цілує ій руку*).

Степан. Здоров, здоров, сину! Насилу ти вернувся.

Денис. Глянь ти на його, неначе аж подужчав і якось ніби вилюднів...

Иван. (*Скида зайву одежину*). А таки вилюднів.

Денис. Сідай та відпочивай.

Иван. Я вже трохи відпочив. (*Сів*).

Степ. Чи не дати пополудновать?

Иван. І їсти не хочу: по дорозі заходив до Юхима, і він мене підгодував, спасибі йому.

Дан. Моє поштеніе, дяденька! Вашу ручку! (*Чоломкается*). Здрастуй, Ванька!

Иван. А, здоров, здоров школяр! *(Чоломкается)*. Вчишся ще?

Дан. Вчусь.

Иван. Вчись, братухо, вчись. Я не довчився, а тепер і шкодую... Ну, тату, приніс я вам стільки новини, що й за тиждень не переслухаете.

Дан. Интересно б послухать?

Ден. Набачився усякої святині?

Иван. Святиня окроме... Скажу вам, що хто не бува по світах, той і не тяме, що по людях коїтся... Чого-чого я тільки не навидався за пьять місяців, чого не наслухався?... Я почав де-

Библиотека "Руниверс"

що розсказувать Юхимові, так він аж рота роззявив. Ще нагодився і Давид Крамарчук—і той аж цмокав губами. Прийдуть над вечір до нас, щоб я їм ще де-що розсказав... Чого-чого тільки я не чув?...

Степ. У Київі був?

Иван. Був, і в Воронежі був, і у Серафима Саровського, був і в Почаєві; а на решті вже і в Святих горах...

Степ. Набачився святощів?

Иван. Хотів вам принести проскуру від Почаєвської та загубив заразом з торбиною.

Денис. Отакої!

Иван. Ішли ми, бачите, лісом; ішло нас аж шість чоловік заразом... Тих вже, з котрими я з дому пішов, не було, бо то були таки справжні богомоли... Ідемо ми лісом, аж чуемо гупотить позад нас. Один оглянувся та й каже: „це не инакше, як за нами погоня, тікаймо мерщій". І кинулись ми всі вростіч, по лісу. Одбіг я ступенів з півсотні, дивлюсь лежить гнила колода: я пуць—і пропав за колодою; аж це біля мене вершник як затупотить, а я зарився в листя та й лежу. Далі вже не чуть стало вершника, підвів я голову, бачу—побіля хтось ще ворушится, далі і той випростав голову з листя. „Це ти?,—питає". Я,—кажу. Долежали ми там до вечора. Як почало сутеніти, вийшли на шлях та вже не наперед пішли, а назад... Пройшли гін з пьятеро та й звернули у ліворуч; ішли, мабудь, до півночі, потомились, одійшли на бік і полягали спать. Хотів я попоїсти хлібця, зирк—аж торби нема, загубив; спасибі товаришові, підгодував мене трохи... Удосвіта прокинулись, товариш і каже: „прощай, брате! Тобі туди, а мені туди; ти мене не бачив, я тебе не знаю. У купі як підемо, часом наздоженуть і тебе зачеплять, а нарізнь безпечніш"... Так ми вже більш і не бачились. Люде справили мене на Святогорьский манастирь, а звідти вже я пішов прямо до дому.. Багато де-чого наслухався я від своїх товаришів. Як почали вони тлумачити мені, як належить поводитись людям та через що люде живуть у злиднях та в темноті...

Денис. Треба, щоб ти і нам де-шо розсказав.

Иван. Авже ж розскажу.

Дан. Дольжно буть итересні сторії!

Ив. Це ж ти по якому белькочеш?

Данько. Как по якому? Как у школі, так і в семействі дольжно.

Библиотека "Руниверс"

Иван. А я чув від людей розумних, що воно не так *дольжно!...*

Я в а 6.

Юхим, Давид *і ще де-які люде.*

Юхим і другі. Здрастуйте, з неділею будьте здорові! (*Цілує батька і матір в руку*).

Денис і Степ. Спасибі, будьте і ви здорові. Сідайте у нас. (*Сідають*).

Юхим. Ми оце прийшли, як що не виженете з хати, прийшли послухати богомола; таку завдав нам задачу, що аж в голові все заворушилось...

Дан. Все одно што именовані числа, да!...

Денис. І нас він зацікавив... Набачився світа та й начувся.

Иван. Про віщо ж вам?

Юхим. Та от ти почав був про колишнє, про прадідівщину...

Иван. Можна. Тату! А може й ви чували, хто такі були ваші діди та прадіди?

Денис. А хто ж вони були? Звісно, крепаки, стало бить, паньскі.

Иван. А з якої ж причини вони стали панськими?

Денис. Про це вже я не скажу. Мабудь так воно здавна запроважено... Инчі кажуть, що так воно від Бога призначено...

Иван. Ні, тату, не від Бога, а від людей. Прадіди ваші були вільними козаками, вони воювали з Турками, з Татарами, з Ляхами, з Москалями, здобували землі, скарби та боронили віру Христову.

Данько. Вот про ету сторію раз почав був розсказувать нам вчитель, а хтось ниспекторові доніс, так той йому сказав: „сматріть, штоб вам не прийшлось загонять телят заразом з Макаром?“...

Юхим. З яким Макаром?

Данько. А хто його знаіть, ну тольки вчитель спужався...

Давид. І мій хлопець школяр щось подібне розсказував та я не розібрав...

Иван. Колись може гуртом розберем все... Була у козаків на Дніпрі головна сила—Січ, там був у них і Січовий отаман,

Библиотека "Руниверс"

котрого козаки вибірали вільними голосами. Звались ті козаки Січовиками, або запорожцями...

Денис. Я чув колись казку про запорожців, та думав що то так собі побрехенька, як от про *Івасика-Телесика*, або про *Лисичку-сестричку*...

Иван. Із Січі Запорожці ходили воювать з ворогами, плавали у байдаках по морю під Турка та Бусурмена, нападали на Польщу, на Татарву... І взяли завидки ворогів на їх хист та одвагу і почали вони, то той, то другий, умизгатись біля запорожців та запрошувать у спілку, щоб з'єднать гуртом велику силу війска та подужать слабшого... Думали, думали, обміркували та радились Запорожці, до кого б їм прилучитись?... І надумали пристать до Москаля, бо у Москаля одна з ними віра і через те певні були, що спілка з Москалями буде найміцніща...

Ява 7.

Катря. (*Входе ридаючи*). Ой Боже мій, Боже мій! Тату, мамо! Спалили Прохора, спалили!...

Всі. Що, як?

Катря. Японьці спалили той шпиталь, у котрому лежав хворий Прохор, всі поранені погоріли!... Ой доленько ж моя несчастная, голівонько моя пропащая!... (*Припада до коміна і голосить*).

Степан. (*Вхопилась за голову*). Ай-ай!... Голова!... Прох... Про-хо... (*Рве на собі сорочку*).

Денис. Що це з тобою? (*Хапа її за руки*).

Степан. (*Силкується вимовить*). Про-х-хо-ра спа-ли...

Денис. Щож це? Юхиме, бігай мерщій по хвершала!...

Юхим. Зараз, тату!...

Давид. (*До людей*). Ходімо... Не в час ми прийшли... Така оказія... (*Виходять*).

Иван. От тобі й закидали Японьця шапками!...

ЗАВІСА.

Библиотека "Руниверс"

ДІЯ 4.

Біля Денисової хати. Хата, тин, повітка, комора і т. и.

Явa 1.

Денис. (*Лагодить тина, з-за повітки виходить Иван*). Не світ, не зоря знов з подвірря втікаеш?

Иван. А чого я сидітиму дома? Робить ні сокирою, ні лопатою не можу — задихаюсь... Тільки й мого, що шкундиляю ще по селу, від хати до хати, доки в силі; а як знесилюсь, тоді вже лежатиму до пропадющого...

Денис. Може посидів би біля хворої матері?

Иван. Що я їм допоможу? Я не лікарь. Води хиба подать, так вони і самі ще здужають встать і напитись.

Денис. Я, бувши на твоїм місцеві, не вештався б.

Иван. Промеж людьми, тату, охітніш дихаєтся, а дома такий сум, що й... мати хворі, ви мовчазні та богобоязні...

Денис. Таким вже я і помру.

Иван. Не в тім сила, а що ви раз-у-раз затикаєте вуха і не хочете слухать, об чім тепер люде гомонять, а я так не можу...

Денис. Оте, що де-котрі затівають, то з того не буде ніякого пуття,—я тобі кажу, що не буде... Раніш теж затівали подекуди щось подібне, а на решті списали инчих так, що й досі чухаются, инчих по острогах згноїли або позасилали не вітькуди...

Иван. А я певен, що воно так скоїтся, як сподіваются люде.

Денис. Та й тоді сподівались, що одберуть у панів землю та поділять...

Иван. І одберуть і поділять, от побачите!

Денис. Хто одбере?

Иван. Знайдутся такі. Ну, и скажіть по правді: хиба ви не хотіли б, щоб... вам прирізали землі?

Денис. Та мало чого я не схотів би?...

Иван. Багато ви за цілий вік розхазяїнувались на чотирьох десятинах? Ще доки вкупі жили, то сяк-так перебивались, а як отділили Юхима, то і в нього не повно і в нас порожньо... Колиб Прохорову хату не продали, то вже на весну не було б чим і

Библиотека "Руниверс"

орати... Щоб ви робили з однією шкапою?... Злиднів би годували!

Денис. А годували б... Нам до того не привикать.

Иван. Я не хочу до того привикнуть... Ну, я піду. Сьогодня біля росправи сходка. Чого ви хоч раз на сходку не підете?...

Денис. А матір слабу на кого кинуть?

Иван. Та... То тільки відмовка... Сьогодня мусять приїхать знов з города такі, що будуть промовлять до громади...

Денис. Он чутка є, що вже скоро замирение буде... Салдати, котрі вертаются звідти, кажуть що ось-ось мусить бути замирение... А після замирения може і справді землі приріжуть... Чув же й ти, що якийсь біля Митьчиної лавки розсказував, що ніби-то Синод дозволить Цареві по сім десятин на душу прирізать?... То краще підождать би?...

Иван. Ця ж чутка була ще до войни, одначе і досі не прирізали... (*Пішов*).

Денис. (*Помовчав*). Тільки хліб переводе, прямо дармоїд... Думка шибала, як пішов на прощу, що десь при манастирі зістанется, рипатиме там воротьми або що—і годуватимуть... Мабуть і там калік не треба... (*Помовчав*). А може й справді якесь пуття вийде з тієї помовки, що ніби-то рух обхопив вже багато сел?...

Явa 2.

Катря. Здрастуйте, тату! з неділею будьте здорові!

Денис. Здорова будь і ти. Спасибі, що одвідала...

Катря. Що це ви? у неділю робите?

Денис. А роблю. Робить за мене нема кому. Куди так з-позаранку? Присядь. (*Сідають на призьбі*).

Катря. Нарочито таки прийшла до вас... А мати як?

Денис. (*Махнув рукою*). Хоч і не питай... Позавчора Никодим вернувся з войни.

Катря. (*Зітхнула*). Я чула.

Денис. Простpелено ему долоню і плече... З хрестиком на грудях... Хоч пораненый, а все ж вернувся...

Катря. Я бачила его... (*Мовчать*).

Денис. Що ж, надумалась заміж іти?

Катря. Надумалась... Не з властного переконання, а з людського, ще більш з материного. Але хоч я вже тепер і не ваша, а все ж таки прийшла до вас поблагословитись...

Библиотека "Руниверс"

Денис. І нехай тобі Бог помагає. (*Зітхнув*). Мертвим царство небесне та вічний покій, а живому слід користатись тим життям, котре Бог йому послав... Смерть—вона у свій час прийде по кожного, нікого не обмине; хто на черзі—лягай в домовину... Так, так... І неньці твоїй під старість буде до кого голову прихилить... та й сама матимеш притулок... Звісно, наша семья тепер тобі зовсім чужа... Та й яка наша семья? де вона? Юхим в отділі,—у нього вже своя семья; Галька — дочка, теж відрізана скиба від хліба... Іван — каліка, стара — непритомна... Он яка семья!...

Катря. Ви Василеву семью знаєте, яка вона?

Денис. Семью Степаньців я добре знаю. Люде гарні, смирні, богобоязні... Певно і Василь добряча душа!..

Катря. Я йому прямо сказала, що Прохора ніколи не викину ні з думок, ні з серця...

Денис. Василь і сам удівець, і ти ж не докорятимеш його за те, як добром згада покійницю.

Катря. За віщо б я його докоряла?

Денис. Ото-то ж бо й є!... Вийдеш заміж, спаруєшся. З щоденним клопотом та з невгавною турботою, та ще як посиплются діти, то вже й ніколи тобі буде згадувать минуле; бідкатимешся об тім, щоб діток вигодувать, та зростить, та до розуму довести... Я тобі це по сердцеві кажу...

Катря. Спасибі вам... Вговоряли мене мати, довго вговоряли: і гнівались, і сварились, і плакали... Думала-думала, а нарешті сказала: вчиню вашу волю, нехай буде по вашому... Прийшла я оце з вами вже й попрощатись, бо сьогодня і до вінця ідемо.

Денис. І нічого на далі відкладать, з Богом!...

Катря. Хотіла б з матірью попрощатись?

Денис. Хоч прощайсь з нею, хоч не прощайсь, їй вже однаково, нічого не втямить... Ось я її зараз покличу сюда... (*Пішов в хату*).

Явa 3.

Мелашка. О, Катря!... Здорова, Катре!

Катря. Хоч і прощай.

Мелашка. І доси гніваешся? (*Мовчання*). Заміж ідеш за Василя? Це ти гаразд робиш... Скільки не журись, а опріч журби нічого не вижуриш. Та й поговору не буде... Ні від чого також не

Библиотека "Руниверс"

боляче, як від поговору, га?... (*Мовчання*). Поговір,—як половодя, не зупиниш і не загатиш... Га? (*Мовчання*). Чула про онорала, що позавчора балакав з людьми біля росправи? Ти й справді принднишся і досі?... Чи ба яка хвасониста!... Пхі!... Ну, то не клич же мене до себе і на весілля!... Сміешся? Сімсот тобі болячок та ще й девьять... Тьфу! (*Пішла*).

Явa 4.

Денис і Степанида.

Катря. (*Підходе до Степаниди*). Здрастуйте, мамо!... (*Цілує її*). Невже не пізнаєте мене?

Степанида. Мене...

Катря. Я ж Катря, невістка ваша...

Степанида. Ваша...

Катря. Іду, мамо, заміж за Василя, благословіть мене. (*Кланяється їй і цілує руки*).

Степанида. Мене...

Денис. Нехай вже тобі, Катре, Господь допомога і пошле щастливу долю!... (*Цілує її*).

Катря. (*Поцілувала його в руку*). Спасибі! (*Пішла втираючи сльози*).

Денис. (*До Степаниди*). Може хочеш знов лягти, чи посидиш?...

Степан. Посидиш... (*Іде в хату*).

Денис. (*Іде з нею поруч*). Ти пізнала Катрю?

Степан. Катрю...

Денис. Заміж йде Катря...

Степан. (*Зупинилась раптом і вдивляється в простор*). Прохор!...

Денис. Невже він тобі привидився? Чи не душа його тут вітає?... Ох, треба буде в ту неділю панихидку відслужить... Як ти думаеш, стара?... (*Степанида щось показує рукою*). Ну, ходім, ходім в хату. (*Пішли*).

Явa 5.

Юхим. (*Хутко йде до хати*). Нема батька в подвіррі, певно в хаті. (*Іде до дверей, назустріч Денис*). Здрастуйте, з неділею!

Денис. Здоров, синашу. Що доброго скажеш?

Библиотека "Руниверс"

Юхим. Та от прийшов до вас... Тут, бачите, таке цікаве діло... Тільки що ви... той... Якісь дуже богобоязні...

Денис. А хіба й ти вже Бога не боїшся, як Иван?

Юхим. Та не в тім річ... Бога боюсь я, а як Богові байдуже про нас, то виходить, що треба вже самим клопотатись...

Денис. Та ти кажи пряміще, не мудруй!... Що там затіваєте? Чи не підбадьорює знов хто на розорение?... Сиділи б оце по острогах, колиб тоді, як з пьяних очей намірялися спалить якономію, не послухали розумних людей та не одумались загодя...

Юхим. А може й не сиділи б?...

Денис. А все горілка призводить до бунту.

Юхим. Ви думаєте, що всім миром керує горілка?...

Денис. Ти і зараз вже клюкнув?

Юхим. Не в тім рощот...

Денис. Чув, що тепер роблять з Иванівцями, котрі розорили та попалили якономію свого пана? Всіх перетрусили, позабірали не тільки пограбоване, а і властне; багатьох посадовили в острог...

Юхим. Може то ще й брехня?... А як і посадовили, так щож: сьогодня посадовлять, а завтра випустять.

Денис. Де це ти такого розуму свіжо набрався?

Юхим. Є такі, котрі більш нас тямлять. Посадовлять пани, а царь звелить ослобонить.

Денис. А чи звелить же?

Юхим. Ось побачите! А що спалили панське добре, то краще — ні нам, ні йому!...

Денис. (*Неслуха*). Що воно з дзвоником їде верхнею вулицею, гляди чи не становий? (*Придивляются*). А, це Катря поїхала з Василем до вінця... Ач, з дзвінком, як пишно!...

Юхим. Не однім же панам з дзвінком їздить, пора і нашим хоч до вінця з пихою... Так слухайте, тату, ось у чім річ. Скільки на вас землі брать?...

Денис. Де?

Юхим. Я так думаю, що і на вас не меньч, як десять десятин?

Денис. У кого брать?

Юхим. У нашого пана?

Денис. Віддае в аренду, чи як?

Юхим. Ні, самі візьмемо.

Денис. Як візьмете?

Юхим. Чого ви так галаснули? Так візьмемо, тай годі, з царського дозволу... Вже умовились громадою, щоб завтра всім

Библиотека "Руниверс"

виїздить в поле і поділить землю... То я оце нарочито забіг до вас, щоб спитать, скільки брать на вашу долю?

Денис. Та чи ти при умі? Хто це вас на таке напутив?

Юхим. Царський посланець.

Денис. Що-о?!...

Юхим. Ось тут у нього хрест, а тут медалі, а ось тутечки зоря, чи та, як бо її? Звізда!... Позавчора смерком підбіг до росправи, а тут як раз люде були на сходці. Підійшов до людей, поздоровкався, далі розщепнув балахона, що зверх був на йому, та й пита: „бачите, що оце таке?“ Дивимось: мундир на ньому, хрести та медалі і звізда.“ Догадуетесь, пита, хто я такий?“. Ми зглянулись промеж себе та мерщій шапки поскидали. Він тоді вийняв бамагу і показує: „оце, каже, царське“.. От забув як він сказав, чи цвинкуляр, чи приговор?... Ну, а далі почав читать. І там прописано, що дозволяется хрестянам брать землю у панів, по десять десятин на душу...

Денис. Де ж та бамага?

Юхим. Він взяв з собою. Бачите, йому треба їхать по других селах оповіщать людей... „Нас, каже, багато розіслано по всій Расеі“...

Денис. Ото шкода, що бамаги не взяли, безпечніш би було діло.

Юхим. Перед усією ж громадою вичитував, на вішо ж та бамага? Був і староста, і соцький, і судді...

Денис. Краще б було, колиб і бамагу дав..

Юхим. То брать на вас?

Денис. (*Оглянувся*). Та хто його зна?

Юхим. Який ви страхопуд!..

Денис. Колиб бамага...

Юхим. Як назад їхатиме, то можна буде попрохать щоб дав... То брать?

Денис. Та вже як що той, то бери... Як громада, то так вже й я...

Юхим. Дасте завтра ваших биків та спряжемо з моїми.., Може і ви поїдете?

Денис. Та хто його зна?

Юхим. Вся ж громада виїздить, і староста, і писарь, і...

Денис. Коли вже вся громада, то й я за громадою...

Юхим. Так, звичайно, найкраще... То прощавайте. Просьба ще забігти до Давида, у нього, є зайвий плуг, бо у моєму чересло зломалось... (*Пішов*).

Библиотека "Руниверс"

Денис. (*Сам*). І хотілося б земельки придбать і якось ніби страшнувато... І як таки бамаги не взять... З цвинкуляром в руках безпечніш... Ну, та коли вже вся громада, то треба й собі за громадою... Шкода, що бамаги не взяли!...

Я в а 6.

Иван. (*Хутко йде*). Був Юхим? (*Тяжко диха*).

Денис. Був.

Иван Розсказував?

Денис. Ну, розсказував.

Иван. Я завтра теж поїду в поле, нехай і мені приріжуть десять десятин...

Денис. А тобі на що земля? Робить ти не в силі...

Иван. Так що ж?.. Я землю продам та поїду в який небудь город, там буду вчитись усяким наукам; я хочу бути таким вченим, щоб усяку книжку зміг прочитать... Тоди вже цілком зрозумію все, що в світі коїться. Инчі люде у чужі землі їдуть, в Америку то що, і мене цікавить Америка.

Денис. І чого б ото вештатись по світах? Вже коли землі приріжуть, то хазяїнуватимем...

Иван. Хазяїнуйте вже ви... Я, тату, дивуюсь, як це ви прожили вік, а далі Київа і не були?

Денис. Годі з мене й того, що в Київі був, далі Київа мене і не кортить... Инчі і Київа не бачили...

Иван. Дайте мені мого двогривеного?

Денис. На віщо тобі двогривеного?

Иван. Хочу купить книжку у лавушника Митьки.

Денис. На віщо тобі та книжка?

Иван. Читатиму. Книга звется: „Иван Вижигин, Фадея Булгарина“.

Денис. Та аж двадьцять копіек за неї?

Иван. Вона дорожча, а Митька відлає мені за двогривеного з тим, щоб я вибрав йому чай з маслин... Бачите, купив він у городі товару усякого, купив і чаю і маслин... чай з маслинами поклав в один мішечок: два хунти чаю і десять хунтів маслин; а папір, у котрім був чай, роздерся, чай і висипався у маслини... Тепер треба чай вибирать з маслин, бо шкода ж чаю...

Денис. Купив би краще яку церковну книгу.

Иван. Хиба церковні книги дешевші? Та й на віщо мені церковна, я в попи не збіраюсь. Дайте ж двогривеного?

Библиотека "Руниверс"

Денис. Цвиндриш гроші.

Иван. Свої ж цвиндрю, а не ваші, я їх заробив у лавошника за те, що читав псалтиря над його покійним тестем.

Денис. Та на вже. Пожалуста більш не давай мені твоїх грошей у схованку! (*Віддає*).

Иван. О такої, вже й розгнівались? (*Пішов*).

Денис. Бреше, мабуть, що на книгу. Чи не гратиме у карт? Там у лавошника Митьки, що вечора збіраются та в карт грають. Хведька столяр на тім тижневі програв аж десять цілкових... Ловку забавку завели!.. (*Прислухается*). Що воно топотить так здорово? (*придивляється*). Чи ба!.. Салдати на конях їдуть, ого-го, скільки їх!.. Куди ж вони? Раз, два, три, чотирі... Ого-го, їх і не перелічиш!.. Мабуть, більш як на півсотні... Куди ж це вони простують?... Повертають до панського двору. О, зупинились біля двору; двоє заїздять у двір... Чого ж-то вони?

Я в а 7.

Мелашка. Бачили скільки салдатів, драгунів, чи що?

Денис. Та бачу ж.

Мелашка. Я ж казала, що не виховаются наші з своїми заходами, ніколи не виховаются!.. Вчора нарочито побігла до панського двору довідатись, чи там вже знають про те, що позавчора на сходці казав онорал; спитала одного — другого, тільки баньки витріщають... Аж це сам пан тиць на ганок. „А здрастуй, каже, гражданко, яку новину принесла?“ Ніякої, кажу. „А йди, каже, до горниці“. Увійшла я, він зараз почастував мене горілкою, а далі й каже: „садовись, Мелашко! Тепер вже ми скоро будемо рівні всі, як перед Богом, так і перед людьми“... Налив ще стаканчик, я викушала. „Чув я, каже, що вчора біля росправи якийсь пан балакав з людьми, ти не бачила?“ Я й одмовила: хоч і бачила і чула про віщо балакав, але вам того не скажу. Він ще налив стаканчик, я викушала. Знов почав розмовлять, силкувавсь випитати, але я цупко держала язика за зубами...

Денис. Не вірится мені, щоб ви не проговорились?

Мелашка. Ні, ні... Навіть і ненароком ні жодного словця не бовкнула, вже так цупко держала язика за зубами... Щоб мені сімсот пухирів на язика ще й девьять, коли... (*Побачила Юхима хутко счезає*).

Юхим. Козаки приїхали!.. Це якась иродова душа сповістила пана не инакше, а той певно гінця послав по козаків... Он які

Библиотека "Руниверс"

промеж нас людьці завелись... Ви, тату, мовчіть, як часом почнуть роспитувать... Знать не знаю, відать не відаю, кажіть... Козаки поїдуть, а ми тоді нишком зберемось всїею громадою та на ніч в степ, а на зорі і поділимо землю; тоді вже як поділимо, не одіймуть... Глядіть же, тату, мовчіть... Ну, колиб довідатись, яка то анахтема сповістила?.. (*Пішов хутко*).

Денис. (*Сам*). Чого доброго халепи придбаємо... Що ж воно оце таке? Приїздив онорал з звіздою, сказав що панську землю дозволено поділить; а тепер пан викликав козаків?.. От і розбери: де правда, а де брехня?

Я в а 8.

Прохор. (*Виходе з-за вугла, з клунком за плечима*). Здрастуйте, тату.

Денис. (*Жахнувся.*) Що?.. Хто це?.. Сину мій, Прохоре!.. (*Туле його до грудей*). Та чи це ти? Ти живий, тебе не спалили?

Прохор. Ні, Господь помилував. Тільки скалічено було, а як рана загоїлась, я вернувсь в строй і мене захопили японьці у полон. Але, хвалити Бога, я з полону втік... Тепер мене відпустили на поправку. Ви не одібрали від мене листа, я ж писав вам, невже я попередив свого листа?.. А де ж Катря?

Денис. Катря?.. Іди перш до матері. Мати сердешна стерялася, як почула що ти згорів.

Прохор. Згорів?.. Ото, хай Бог боронить! Де ж мати, Катря?.. (*На порозі з'являється Степанида*). Матінко моя ріднесенька, жалібнице моя щирая!.. (*Кидається до неї і цілує їй руки*).

Степ. (*Довго вдивляється в його, далі крикнула*) Сину, синочку мій, моя ти любая дитино!.. (*Цілує його і хрестить*). Тебе відпустили, на взяли на війну?..

Денис. (*Тихо Прохорові*). Кажи, що не взяли...

Прохор. Не взяли, мамочко!.. Ходімо, ходімо у хату... Де ж моя Катруся?.. (*ідуть в хату*).

Я в а 9.

Соцький *із ним* **урядник** *і два козака.*

Соцький. (*Стука у вікно*) А вийдіть, Денисе, сюди!

Денис. (*Виходе*). А чого вам треба?

Урядн. Игдье, старик, твой сын Иван?

Библиотека "Руниверс"

Денис. Не знаю, кудись пішов.

Урядн. Можеть вон у хаті?

Денис. В хаті його нема.

Урядн. А вот посмотрим.

Денис. У хаті син—салдат, котрий оце туж-туж вернувся з війни. (*Идуть всі в хату*).

Иван. (*З книгою*). Купив Ивана Вижигина, може у цій книзі списано про те, як дошукатись правди? Колиб мені дізнати, у який книзі про людську правду списано?

Урядник, *козаки*, **соцький** *і* **Денис**, *а опісля і* **Прохор**.

Денис. Осьдечки і наш Иван.

Урядн. А от это вон? Тебья, голубчик, нам і надобно. Возьміть его, ребьята, (*Козаки беруть Ивана*).

Иван. За віщо це?

Урядн. А вот пойдьом з нами, там всьо узнаеш.

Иван. Куди з вами?

Урядн. Куди? Спершу в штани всипем, а потім можна будеть і в спину. (*Регоче*). Ведіть його до командера!.. (*Пішли*).

Прохор. Тату! Що це Иван налихотворив; певже прокрався?

Я в а 10.

Катря, **Василь** *і весільні гості*.

Катря. (*Кланяется Денисові*). Прошю вас, тату, до нас на хліб — на сіль і на весілле!.. Не погребуйте!..

Прохор. (*Побачив лице Катрі*) Що, як? Катре?..

Катря. (*Пізнала Прохора*), Прохоре, ти? Ти живий?.. Ах!.. (*Падає йому в ноги*).

Прохор (*Підіймає її*). Катю, Катрусе моя!.. Зомліла!... Води, води, Бога ради швидче води!..

1906 III—6

КІНЕЦЬ.

Библиотека "Руниверс"

Признаки украинской колонизаціи на Уралѣ.

Старѣйшими козачьими поселеніями на русскихъ окраинахъ слѣдуетъ считать войско запорожское и донское. Выходцы съ Дона положили начало козачьимъ поселеньямъ на Уралѣ (Яикѣ), и уральское войско занимаетъ хронологически третье мѣсто. Оно охраняло пограничную рѣку Яикъ отъ вторженій азіятскихъ ордъ съ киргизской степи, совершенно открытой для хивинскихъ и бухарскихъ наѣздовъ. За эту сторожевую службу козачество получало грамоты на владѣніе охраняемой рѣкой.

Право владѣнія рѣкой было органически связано съ ея охраной. Оказалось, однако, что, поселившись въ среднемъ теченіи Яика и обострожившись здѣсь Яицкимъ городкомъ нынѣ Уральскъ),—яицкое войско засѣло станицами и поселками главнымъ образомъ по теченію рѣки внизъ до гор. Гурьева, гдѣ первоначально былъ построенъ учугъ для рыбной ловли, впослѣдствіи перенесенный къ городу Яицку. Эту наиболѣе обильную рыбой часть рѣки яицкіе козаки и охраняли, содержа здѣсь сторожку, пикеты и разъѣзды. Верхнее-же и среднее теченіе Яика, приблизительно до устьевъ рѣки Иртека (впадающей въ Уралъ справа)—оставалось мало защищеннымъ, почему верхнія киргизскія орды безъ труда „перелазили“ рѣку, прокрадывались пустыми прияицкими степями къ Волгѣ и даже забѣгали за Волгу, угоняя опять тойже дорогой скотъ и ясырей,—мужчинъ, женщинъ и дѣтей,—въ далекій тяжкій хивинскій плѣнъ...

Это вынудило русское правительство подумать о защитѣ верхняго Яика. Съ этой цѣлью былъ построенъ гор. Оренбургъ, представлявшій значительную крѣпость. На оренбургское войско

Библиотека "Руниверс"

возлагалась сторожа на рѣкѣ Яикѣ отъ истоковъ до Разсыпной: Остальная рѣка находилась въ вѣдѣніи войска яицкаго.

Оказалось, однако, что и послѣ этого, часть линіи отъ Разсыпной до устья Иртека (приблизительно 70 верстъ) оставалась почти безъ охраны: орда находила здѣсь удобные перелазы, пробираясь по зарослямъ и болотамъ, и нападала на караваны и обозы, двигавшіеся къ Оренбургу изъ Россіи и обратно. [1]) Въ виду этого около 1736 года правительство стало вызывать охотниковъ для поселенія на этой линіи, обѣщая имъ, разумѣется, тѣ-же права, какія вообще были связаны со сторожевой козачьей службой, т. е. рѣку съ лугами и пашнями, съ рыбными ловлями, лѣсами и водами. Быть можетъ, первоначально правительство обращалось къ яицкому войску, но, убѣдившись, что яицкіе козаки неохотно подвигаются кверху, —кликнуло въ 1736 году кличъ ко „всякаго чина охочимъ людямъ", предлагая имъ поселиться на незанятой линіи, „для обезпеченія свободнаго движенія къ Оренбургу каравановъ и обозовъ и для содержанія башкирской и киргизской сторонъ въ надлежащемъ подданствѣ".

На этотъ призывъ первыми откликнулись два козака *„черкасской природы"*, Иванъ Никифоровъ Изюмскій и Андрей Денисовъ Черкасовъ со товарищи. Очевидно, это были выходцы съ Украины, почему нибудь не ужившіеся въ родныхъ степяхъ и присоединившіеся къ яицкому войску. [2]) Изъ кого состояли ихъ первоначальные „товарищи",—неизвѣстно, но весьма вѣроятно, судя по нижеизложенному, что это были тоже люди „черкасской прироры". Изюмскій и Черкасовъ просили разрѣшенія построить городъ противъ устья р. Илека, впадающаго въ Яикъ съ лѣвой, т. е. Киргизской стороны. Указомъ 5 февраля 1737 года это разрѣшеніе имъ дано, съ правомъ принимать къ себѣ другихъ посельниковъ, и городокъ былъ построенъ на правой сторонѣ рѣки Яика „въ кустахъ".

Мѣсто оказалось выбраннымъ неудачно; во первыхъ, оно затоплялось разливами рѣки, а во вторыхъ—кусты и заросли давали „легкую способность киргизцамъ и прочимъ азіятскимъ на-

---

[1]) Во время моей поѣздки по Уралу въ 1900 году мнѣ указывали мѣста этихъ перелазовъ,—которыми киргизы пользовались еще на памяти нынѣ живущихъ стариковъ.

[2]) Г. Артемій Логиновъ называетъ ихъ „яицкими козаками черкасскаго рода". (Стат. очеркъ станицъ: Студеновской, Мустаевской, Илецкой, Благодарновской и Бородинской". Уральскъ. 1901. стр. 67).

Библиотека "Руниверс"

родамъ" подкрадываться къ городку и нападать на него внезапно. Повидимому, это именно случилось очень скоро, и старое городище, слѣды котораго сохранились до настоящаго времени среди зарослей, въ видѣ земляныхъ валовъ, бугровъ и насыпей,—было въ 1737 или 1738 году мѣстомъ дѣйствія кровавой степной трагедіи, во время которой козаки-атаманы черкасской природы Изюмскій и Черкасовъ съ товарищи были перебиты. По крайней мѣрѣ уже на слѣдующій годъ станица переносится изъ предательскихъ „кустовъ" на лѣвую сторону Яика, гдѣ стоитъ и до сихъ поръ. Очевидно, наученные печальнымъ опытомъ, поселенцы козаки рѣшили прикрыть рѣкою свой тылъ, а лицомъ стоять прямо къ враждебной киргизской степи. Они сдѣлали между Яикомъ и Илекомъ „перекопъ",—канаву съ валомъ, на которомъ еще за памяти нынѣ живущихъ людей стояли пикеты, зорко слѣдившіе за ровнымъ и загадочнымъ степнымъ просторомъ. Самыя-же имена атамановъ Изюмскаго и Черкасова въ оффиціальныхъ бумагахъ уже слѣдующаго года исчезаютъ. Вѣроятно, они погибли, и на мѣсто ихъ въ качествѣ атамана выступаетъ какой-то загадочный выходецъ съ венеціанской фамиліей Маркобруновъ. Если фамилія указываетъ дѣйствительно на венеціанское происхожденіе этого козака, то можно предполагать, что въ Россію онъ попалъ черезъ Черногорію, славянскія земли и Румынію, съ которыми были въ сношеніяхъ запорожцы. Является поэтому вѣроятнымъ, что Маркобруновъ могъ быть однимъ изъ товарищей Изюмскаго и Черкасова, и что, значитъ, преобладающее значеніе въ Илекѣ все таки оставалось въ первые годы за первоначальнымъ ядромъ „черкасскихъ" выходцевъ.

Съ этихъ поръ исторія илецкаго войска вся переполнена эпизодами двойной борьбы: съ одной стороны съ—враждебною киргизскою степью, съ другой яицкимъ—съ войскомъ. Дѣло въ томъ, что право новопоселенныхъ козаковъ, истекавшее изъ того, что они своею кровью защищали „линію" между Разсыпной и предѣлами яицкаго войска, столкнулось съ старинными правами яицкихъ козаковъ, считавшихъ рѣку своимъ достояніемъ. Илецкихъ казаковъ яицкое войско не допустило къ рыбнымъ ловлямъ за учугомъ, но сами яицкіе козаки, какъ это видно изъ многихъ жалобъ сельчанъ, выѣзжали въ Илецкіе земли, рубили лѣсъ и тянули рыбу въ рѣчкахъ и озерахъ. Кромѣ того, илецкое войско было отдано въ вѣдомство яицкой войсковой канцеляріи, и такимъ образомъ при всѣхъ спорахъ между Илецкими и яицкими козаками,—послѣдніе являлись судьями въ собственномъ дѣлѣ.

Библиотека "Руниверс"

Въ 1890 году, работая въ войсковомъ архивѣ въ Уральскѣ, я нашелъ, между прочимъ, очень краснорѣчивую слезницу, въ которой 17 илецкихъ козаковъ жаловались на притѣсненія, испытываемыя ими „въ противность указовъ". „Указами войсковой старшинѣ и войску велѣно всѣхъ козаковъ вравнѣ довольствовать какъ рыбными ловлями, такъ и прочими припасами, а они не только припасами не довольствуютъ, но и къ рыбнымъ ловлямъ въ равенство свое ихъ не допущаютъ. У нихъ-же у кого и ружья не имѣется, такожъ и пороху и свинцу Илецкой станицѣ ниоткуда не опредѣляютъ, отчего имъ по украинности (sic) и по новости мѣста и при воинскомъ случаѣ быть невозможно". Перечисливъ всѣ возможные виды испытываемыхъ ими притѣсненій, просители заявляютъ, что они „находятся въ немаломъ страхѣ, чрезъ которые ихъ страхи нетокмо имъ въ какихъ промыслахъ находиться можно, но уже и домовъ своихъ въ печалѣхъ стали быть лишены". Въ виду всего этого „для лутчей по казачьей службѣ пользы и содержанія себя пищею и протчимъ домовымъ припасомъ"—просятъ ихъ изъ вѣдомства яицкаго войска изъять и причислить къ станицѣ Разсыпной, въ составъ оренбургскаго войска.

Въ другихъ бумагахъ упоминается, что нѣкоторые козаки Илецкой станицы кидали службу и „сходили" съ голоду. Все это рисуетъ отношенія, установившіяся между илецкимъ и яицкимъ козачьими войсками. Не вдаваясь въ подробности этого спора, скажемъ только, что онъ не законченъ еще и теперь. Во время Пугачева, когда яицкое войско приняло сторону названнаго царя,—у ближайшихъ его приверженцевъ возникло сомнѣніе, какъ его приметъ Илекъ,—„потому что илецкіе козаки живутъ съ Яицкимъ войскомъ не въ согласіи".[1]) Въ 60-хъ годахъ прошлаго вѣка илецкій вопросъ игралъ значительную роль въ возникшемъ на Уралѣ (въ атаманство Дандевиля) волненіи. Наконецъ, въ 1900 году мнѣ лично пришлось отмѣчать въ очеркахъ своего путешествія по станицамъ средняго Урала эпизоды все той-же вѣковой борьбы, въ видѣ пограничныхъ столкновеній и наѣздовъ.[2])

Г. Арт. Логиновъ, въ статистическомъ описаніи, которое я цитировалъ выше,—приводитъ между прочимъ дозволеніе Изюмскому и Черкасову принимать въ Илецкій городокъ мещеряковъ,

---

[1]) Дубровинъ: „Пугачевъ и Пугачевцы".

[2]) См. „Русское Бог." 1901 г., № 12; „У козаковъ" стр. 179 и слѣд.

Библиотека "Руниверс"

калмыковъ, татаръ и другихъ инородцевъ, и пытается объяснить раздоръ двухъ войскъ „инородческимъ“ составомъ илецкаго козачества. Въ составѣ илецкаго войска есть дѣйствительно станицы (напр. Мустаевская), заселенныя на половину козаками-татарами, которые живутъ въ добромъ согласіи съ остальнымъ войскомъ. Это однако не опредѣляетъ еще характерной разницы въ племенномъ составѣ илецкаго козачества, и тотъ-же авторъ говоритъ только, что особенности илецкихъ козаковъ болѣе приближаютъ ихъ по типу „къ представителямъ населенія сосѣднихъ съ ними (?) селъ и деревень Россіи“.[1]) Такимъ образомъ рѣчь, очевидно, идетъ не о монгольско-инородческомъ типѣ, и дѣйствительно, жители Илева и его станицъ (кромѣ татарскихъ) обнаруживаютъ не больше характерныхъ признаковъ инородческой крови, чѣмъ коренные уральцы, среди которыхъ попадается немало лицъ калмыцкаго, киргизскаго и вообще монгольскаго склада. За то нѣкоторыя особенности илецкаго населенія могутъ повидимому указывать на слѣды малорусскаго этническаго вліянія.

Недостатокъ времени и малое знакомство съ пріемами этнографическаго изслѣдованія не позволили мнѣ во время моей поѣздки собрать достаточный матеріалъ изъ этой области; обычаи и обрядовыя пѣсни, по словамъ моихъ знакомыхъ, у илечанъ отчасти отличаются отъ уральскихъ. Наиболѣе замѣтной чертой, которую отмѣчаютъ всѣ, бывавшіе въ Илекѣ, является говоръ. Онъ мягче уральскаго и сохраняетъ характерную замѣну буквы *ѣ* буквою *и*. Одинъ изъ природныхъ илечанъ, козакъ учитель М. Е. Вѣрушкинъ, записалъ по моей просьбѣ нѣсколько десятковъ словъ съ такими смягченіями. Вотъ онѣ: „Бида́, билѐкъ, бисе́нокъ, бижи́тъ, билу́га, биля́къ, вино́къ, гниздѐ, гнидѐй, двина́дцать, звизда́, змія́, зива̀ть, изда́, ида́, лини́вый, лити́тъ, лика́рство, миста́, мишà къ, мина́, нимѐй, питу́хъ, пивѐцъ, рика́, ришетѐ, слиды́, снига́, снижѐкъ, стрила́, сидой, стина́, сиря́къ, синокѐсъ, сина́, хлиба́ть, хлиба́ и др.

При этомъ слѣдуетъ замѣтить, во 1-хъ, что смягченіе касается нерѣдко словъ, въ корнѣ которыхъ было не *ѣ*, а *е*. Такъ илечанинъ говоритъ: видро́, висна́, земля́, писо́къ, пича́ль, плича́, стикло́, тилѐнокъ, Фидо́тъ и т. д. Иныя изъ этихъ словъ (напр. писокъ и видро) слышатся со смягченіемъ вездѣ въ Украинѣ,

[1]) Статист. описаніе, стр. 68.

Библиотека "Руниверс"

но украинецъ никогда не произнесетъ „висна“ или „зимля“. Во 2-хъ, — смягченіе всегда касается лишь только тѣхъ слоговъ, на которыхъ нѣтъ ударенія. Такъ напримѣръ, илечанинъ говоритъ *сѣно* и — *сина*, *синокосъ*; *рѣчка* и *рика*, *ричной*; *бѣсъ* и *бисёнокъ*, *бисноватый*: Если, такимъ образомъ, признать, что звукъ *и* вмѣсто *ѣ* указываетъ на остатокъ украинскаго говора, то слѣдовало бы признать, что это характерное смягченіе уже вытѣснено изъ слоговъ съ яснымъ удареніемъ, но зато распространилось (въ слогахъ безъ ударенія) также и на букву *е*, что встрѣчается въ опредѣленныхъ случаяхъ и въ украинской рѣчи.

Другихъ указаній на украинское этническое вліяніе я не замѣтилъ. Правда,— оба войска не слились въ теченіи довольно продолжительнаго времени въ одно цѣлое, и вражда, раздѣлявшая илечанъ и уральцевъ въ допугачевское время, замѣтная еще и теперь, напоминаетъ отчасти тотъ упорный и непримиримый антагонизмъ, который раздѣлялъ на Дунаѣ выходцевъ съ запорожья и козаковъ-некрасовцевъ (съ Дона). Но это можетъ быть легко объяснено чисто экономическими причинами. Съ другой стороны—процентъ старообрядцевъ безпоповцевъ на Илекѣ не меньше, а больше, чѣмъ въ среднемъ во всей области. „Бритоусцевъ“ (т. е. брѣющихъ бороды)—не больше, чѣмъ въ другихъ станицахъ Урала, между тѣмъ, какъ извѣстно, Украина не знала раскола, и украинскіе козаки брили бороды. Украинскихъ фамилій на Илекѣ теперь почти не встрѣчается, что, впрочемъ, понятно, если принять въ соображеніе, что фамиліи легко мѣняются. Такъ напримѣръ, Изюмскій и Черкасовъ, которыхъ и грамоты называютъ „людьми черкасской природы“, названы уже по мѣстамъ, откуда они вышли, а не своими прежними фамиліями (которыя, вдобавокъ, они, быть можетъ, имѣли основаніе скрывать). Мой корреспондентъ, М. Е. Вѣрушкинъ, указываетъ на фамиліи Череватый и Опара, которыя онъ встрѣчалъ въ старинныхъ спискахъ, но которыя теперь уже измѣнились (Череватовъ).

Изъ всего сказаннаго остается вполнѣ несомнѣннымъ одно— что вожаками первоначальныхъ илецкихъ поселенцевъ были выходцы съ Украины. Затѣмъ, есть основаніе думать, что и „товарищи“ ихъ были такого-же происхожденія, но это основное ядро частію погибло при нападеніи на первоначальный Илекъ, построенный на лѣвой сторонѣ Урала и слѣды котораго до сихъ поръ еще видны „въ кустахъ“. Фамилія новаго атамана (Маркобру-

Библиотека "Руниверс"

новъ), преемника Изюмскаго и Черкасова, указываетъ, вѣроятно, на одного изъ западныхъ выходцевъ, прошедшихъ черезъ Украйну и вышедшихъ на Уралъ вмѣстѣ съ Изюмскимъ и Черкасовымъ. Указываетъ-ли смягченный говоръ илечанъ на то, что украинская рѣчь въ нѣсколькихъ поколѣніяхъ еще боролась съ говоромъ великорусскимъ и оставила свои искаженные слѣды въ современной рѣчи,—объ этомъ лучше могутъ судить филологи.

Вл. Короленко.

Библиотека "Руниверс"

БИБЛІОГРАФІЯ.

Новый сборникъ украинскихъ пѣсенъ („**Малороссійскія народныя пѣсни, собранныя проф. Д. И. Эварницкимъ**“).

Въ 1819 году вышелъ „Опытъ собранія старинныхъ малороссійскихъ пѣсенъ“ князя Н. А. Цертелева, первый сборникъ спеціально посвященный украинскому фольклору. Эпиграфомъ къ этому сборнику кн. Цертелевъ избралъ слѣдующіе стихи изъ русской патріотической трагедіи начала XIX вѣка подъ названіемъ: „Пожарскій или освобожденная Москва“ М. В. Крюковскаго.

И гробы праотцевъ, обычай ихъ простой,
И стѣны, камни, все и даже самый дымъ
Жилищъ отеческихъ я сердцу чту святымъ.....

Вотъ какія чувства руководили собирателемъ въ его литературномъ дѣлѣ. Любовь къ родной Украинѣ, любовь къ остаткамъ ея старины побудили его взяться за собираніе пѣсенъ. Въ это время такое занятіе было не совсѣмъ понятнымъ. Собирать простонародныя пѣсни, да еще на хохлацкомъ языкѣ!.. Давно ли было то время, когда одинъ изъ первыхъ страдальцевъ за благо русскаго народа Н. И. Новиковъ говорилъ, что многіе не удостоиваютъ простой народъ „нижé именемъ подлости?..“ И кн. Цертелевъ, дѣйствительно, чувствуетъ себя, какъ будто, неловко въ тогдашней напыщенной литературной сферѣ со своими малороссійскими пѣснями. Онъ старается оправдать „*можетъ быть, странный и непріятный*“ языкъ пѣсенъ, „*необработанность слога*“ и напоминаетъ читателю, что Иліада — такое же народное произведеніе, какъ и собранныя имъ пѣсни. Но всѣ эти оправданія тонутъ въ выра-

Библиотека "Руниверс"

женіяхъ высокой любви собирателя къ своей родинѣ, воспоминаніе о которой „наполняетъ — какъ онъ говоритъ — душу какимъ-то неизъяснимымъ удовольствіемъ“.

Знаменательна эта любовь къ Украинѣ, которою былъ проникнутъ первый собиратель ея духовныхъ богатствъ. Она становится характернымъ явленіемъ украинской этнографіи въ послѣдующее время. Въ самомъ дѣлѣ, какъ ни были серьезны и внушены научными интересами труды украинскихъ этнографовъ по собиранію народныхъ пѣсенъ и другихъ матеріаловъ изъ области украинскаго фольклора, тѣмъ не менѣе мы не ошибемся, если скажемъ, что главнымъ побужденіемъ къ этимъ трудамъ была любовь къ родинѣ. Это обстоятельство, иногда бывающее пагубнымъ въ смыслѣ вліянія его на научность работы, въ данномъ отношеніи имѣло почти одно только благотворное значеніе.

Украйна изслѣдовалась съ различныхъ сторонъ во всѣхъ своихъ частяхъ, но главнѣйшее вниманіе было обращено на литературныя сокровища ея, которыя хранитъ народъ въ своей памяти. И въ настоящее время собранъ такой громадный матеріалъ по украинскому фольклору, что одному изслѣдователю становится невозможнымъ обнять его цѣликомъ, а между тѣмъ оказывается потребность въ счетѣ накопленныхъ богатствъ и приведеніи въ извѣстность научнаго инвентаря.

Насколько великъ собранный этнографами матеріалъ изъ украинской народной поэзіи, можно судить по тому, что иногда даже заходитъ рѣчь, не пора ли положить предѣлъ дальнѣйшему собиранію матеріаловъ, не является ли оно пережевываніемъ стараго обнародованнаго матеріала, и не лучше ли заняться только изученіемъ и объясненіемъ собраннаго?

Съ другой стороны, указываютъ на то, что народная поэзія устарѣла для самаго народа, что народъ духовно не живетъ ею въ настоящее время, какъ было раньше, и старается иными способами удовлетворить свои духовые запросы. Поэтому, говорятъ, въ нашъ вѣкъ народная поэзія не заслуживаетъ такого вниманія со стороны науки, какое ей удѣлялось прежде, и наука должна направить свой интересъ въ сторону тѣхъ формъ народной жизни которыя являются существенѣйшими для народа въ данное время. Такія мысли приходилось выслушивать и встрѣчать въ печати. Нельзя сказать, чтобы во всѣхъ подобныхъ разсужденіяхъ не было истины. Доля истины въ нихъ есть, но многое все-таки является въ этихъ словахъ плодомъ недоразумѣнія и недоговоренности.

Дѣйствительно, собиратели народной украинской поэзіи очень часто повторяютъ одно и то же. Варіанты однѣхъ и тѣхъ же пѣсенъ, иногда очень мало отличающіеся другъ отъ друга, наполняютъ иной разъ

Библиотека "Руниверс"

цѣлыя страницы, увеличивая напрасно объемъ книжекъ и статей. Конечно, загроможденіе литературы ненужнымъ матеріаломъ нежелательно, но исключеніе можетъ быть сдѣлано въ томъ случаѣ, если этнографъ представляетъ цѣльную картину быта и духовнаго содержанія опредѣленнаго мѣста: города, села, деревни и т. д. Въ такомъ случаѣ всякая пѣсня, записанная изслѣдователемъ, въ совокупности со всѣми остальными пѣснями, пріобрѣтаетъ извѣстную этнографическую цѣнность. Кромѣ того, не надо забывать въ данномъ случаѣ очень важнаго обстоятельства, на которое у насъ менѣе всего обращается вниманія: каждая пѣсня, каждое слово въ пѣснѣ должны служить матеріломъ для выясненія діалектологическихъ особенностей языка той мѣстности, откуда идетъ сборникъ пѣсенъ. Такимъ образомъ, не всегда подборъ даже малозначительныхъ варіантовъ можетъ быть лишнимъ.

Но если работники по собиранію народной поэзіи не ограничиваются опредѣленною мѣстностью, а странствуютъ иной разъ по всей Украинѣ, давая въ своихъ матеріалахъ, напр., 20 — 30 лирическихъ пѣсенъ изъ всей Черниговской губ., предствляющихъ малоотличные варіанты уже имѣющихся въ литературѣ записей тѣхъ же пѣсенъ, то, надо съ этимъ согласиться, данные варіанты окажутся совершенно лишними.

Для избѣжанія подобныхъ случаевъ нѣкоторые этнографы приходятъ къ мысли о составленіи пѣсенныхъ сводовъ по отдѣльнымъ видамъ народной поэзіи, какъ это сдѣлалъ проф. А. И. Соболевскій, давъ въ своемъ многотомномъ собраніи „Великорусскія народныя пѣсни“ сводъ бытовыхъ лирическихъ и лиро-эпическихъ пѣсенъ. Предполагается, что собиратели народныхъ пѣсенъ при изданіи своихъ матеріаловъ воспользуются такими сводами и исключатъ изъ собственныхъ матеріаловъ все, что по сравненіи съ пѣсеннымъ сводомъ окажется нецѣннымъ. Подобное рѣшеніе вопроса было бы самымъ цѣлесообразнымъ. Болѣе или менѣе интеллигентный собиратель, по сличеніи своего варіанта съ варіантами свода, всегда опредѣлитъ, даетъ ли что-либо интересное въ научномъ отношеніи его варіантъ или нѣтъ. Однако можно заранѣе сказать, что такіе своды пѣсенъ для многихъ собирателей окажутся недоступными, какъ не доступны теперь для людей со средними средствами и живущихъ въ провинціальной глуши цѣнныя собранія Чубинскаго, Гринченка и нѣкоторыя другія.

Предлагается также болѣе упрощенный способъ ознакомленія съ напечатаннымъ матеріаломъ посредствомъ изданія указателей къ трудамъ, содержащимъ фольклорный матеріалъ. Но такой способъ на практикѣ окажется менѣе всего осуществимымъ, такъ какъ самыя собранія матеріаловъ, повторяемъ, не всѣми могутъ быть использованы.

Библиотека "Руниверс"

Пока мы не обладаемъ пѣсенными сводами, остается одно средство въ дѣлѣ помощи собирателямъ при оцѣнкѣ ими собраннаго матеріала. Въ настоящее время, когда возможность образованія культурно-просвѣтительныхъ обществъ стала значительно легче, слѣдуетъ приступить къ организаціи обществъ, преслѣдующихъ цѣли научнаго изслѣдованія опредѣленныхъ мѣстностей. Желательно, чтобы были образованы спеціально этнографическія мѣстныя общества, ставящія себѣ задачею, если не научныя изслѣдованія, касающіяся извѣстной мѣстности, то по крайней мѣрѣ, собираніе этнографическихъ матеріаловъ.

Такое этнографическое общество, привлекши въ число членовъ мѣстныхъ людей, интересующихся своею родиною, какъ напр. сельскихъ учителей, служителей церкви и пр., чему уже бывали примѣры, могло бы заняться собираніемъ матеріаловъ по фольклору согласно съ извѣстной программой, составленной сообразно съ мѣстными условіями. Кромѣ того, такое общество имѣло бы полную возможность, пользуясь коллективнымъ трудомъ, опредѣлить, что въ собранномъ матеріалѣ, идущемъ изъ границъ его дѣятельности, можетъ имѣть общую литературную цѣнность и что не дастъ ничего новаго въ интересахъ этнографіи, такъ какъ мѣстное этнографическое общество могло бы пріобрѣтать болѣе дорогія собранія матеріаловъ, пользоваться книгами иногородныхъ просвѣтительныхъ учрежденій и т. п. Такому обществу легче было бы также подыскать необходимыя средства для изданія своихъ матеріаловъ, чѣмъ частнымъ лицамъ.

Такимъ образомъ мѣстныя этнографическія общества могли бы упорядочить дѣло собиранія матеріаловъ по народной поэзіи и снять упрекъ съ современной украинской этнографіи въ томъ, что она, давая мало новаго, болѣе занимается повтореніемъ извѣстнаго.

Послѣднее возраженіе, дѣлаемое современной украинской этнографіи, а именно, что народная поэзія, въ сторону которой направлены главные ея интересы, является въ средѣ самаго народа явленіемъ устарѣлымъ, не удовлетворяющимъ духовныхъ запросовъ современнаго населенія деревни, въ извѣстной мѣрѣ правильно. Вѣрно то, что пѣсня въ народной средѣ все болѣе и болѣе теряетъ свое значеніе. Даже парубки, которымъ случится пріобрѣсти интересъ къ чтенію, начинаютъ отставать отъ сельскихъ гуляній съ пѣснями. А вѣдь молодежь всегда была главною носительницею пѣсенъ. Но несмотря на это, этнографія нисколько не идетъ по ложному пути. Ея дѣло — археологическое: возстановить и сохранить богатства народнаго духа, въ данномъ случаѣ отлившіяся въ форму литературныхъ произведеній.

Вѣрно, конечно, и то, что пора уже перестать интересоваться *только* традиціоннымъ духовнымъ содержаніемъ народа, и пора обра-

Библиотека "Руниверс"

тить самое серьезное вниманіе на болѣе важные вопросы, возникающіе въ народной жизни: религіозные въ широкомъ смыслѣ, политическіе, общественные и т. п.

„Серьезная задача современной этнографіи — говоритъ по тому же поводу проф. Н. Ф. Сумцовъ — показать, какъ пользуются своей жизнью нынѣ живущіе, въ какія формы нынѣ эта жизнь укладывается. гдѣ и въ чемъ скрываются ея идеалы, ея новыя творческія начала. Другими словами, современная этнографія . . . . нуждается въ постановкѣ новыхъ задачъ и новыхъ стремленій, наряду съ продолженіемъ хорошихъ старыхъ историческихъ традицій.“ [1])

„У простого народа—проводитъ ту же мысль проф. М. Н. Бережковъ — теперь приходится спрашивать не про однихъ только колдуновъ, лѣшихъ и вѣдьмъ и тому подобныхъ персонажей, слишкомъ патріархальныхъ, нынѣ таки довольно поизветшавшихъ, которымъ само простонародье скоро совсѣмъ перестанетъ вѣрить, но спрашивать и о чемъ-нибудь болѣе важномъ для него, т. е. болѣе жизненномъ, что наросло въ сознаніи и въ самомъ быту народномъ за послѣдніе вѣка, подъ вліяніемъ крупныхъ историческихъ, событій, да при нѣкоторомъ общемъ подъемѣ у насъ образованія.“ [2])

Возвращаясь снова къ воспоминанію о первомъ собирателѣ украинскихъ пѣсенъ кн. Н. А. Цертелевѣ и припоминая ту любовь къ родной своей землѣ, которою онъ былъ проникнутъ, и которая, какъ чистый родникъ, оживляла украинскую этнографію, мы съ увѣренностью можемъ сказать, что представители послѣдней еще много сдѣлаютъ для нея, исправятъ старое и проложатъ путь къ новому.

Авторъ настоящей статьи былъ бы радъ подѣлиться съ читателемъ этими мыслями, которыя явились у него и припомнились при чтеніи новаго большого сборника украинскихъ пѣсенъ, принадлежащаго Д. И. Эварницкому. Появленіе въ свѣтъ сборника украинскихъ пѣсенъ, содержащаго въ себѣ 830 №№ не можетъ не встрѣтить интереса и удовольствія со стороны лицъ, посвятившихъ себя изученію народной украинской литературы или любящихъ ее. Поэтому мы постараемся полнѣе освѣтить различныя стороны названнаго сборника, примѣняя къ нему высказанныя нами выше соображенія общаго характера о совре-

---

[1]) Объ этнографическомъ изученіи Екатеринославской губерніи. Сборникъ статей Екатеринослав. Науч. Общества по изученію края. 1905 Стр. 8.

[2]) Докладъ предсѣдателя историко-филологическаго Общества при Нѣжинскомъ Институтѣ князя Безбородко проф. М. Бережкова о занятіяхъ археологической комиссіи 1903. стр. 6.

Библиотека "Руниверс"

менномъ состояніи украинской этнографіи и свойственныхъ ей недостаткахъ, которыхъ не избѣгнулъ также названный сборникъ.

Неудовлетворительное состояніе, въ какомъ находятся сырые матеріалы, повліялъ прежде всего на то, что составитель сборника не сдѣлалъ достаточно полныхъ указаній варіантовъ къ собраннымъ имъ пѣснямъ. — „Не задаваясь цѣлью сравненія — говоритъ онъ въ предисловіи — строчки за строчкой, варіантовъ печатаемыхъ пѣсенъ съ тѣми, которыя были обнародованы предшественниками этнографами, издатель указываетъ лишь подъ каждой изъ пѣсенъ на подобную, уже извѣстную пѣсню у другихъ издателей. Однако и здѣсь издатель не претендуетъ на полноту указаній, такъ какъ подобная работа, по обширности изданнаго пѣсеннаго матеріала, потребовала бы слишкомъ много времени и отвлекла бы вниманіе издателя отъ другихъ, болѣе необходимыхъ для него занятій.“

Мы указывали, что въ сборникѣ, не характеризующемъ опредѣленной мѣстности, мало отличные варіанты уже извѣстныхъ пѣсенъ могутъ оказаться лишнимъ балластомъ въ книгѣ. На нашъ взглядъ въ сборникѣ Д. И. Эварницкаго также оказались пѣсни, которыя при лучшемъ состояніи этнографіи, можетъ быть, не попали бы въ него, какъ представляющія весьма незначительные варіанты давно обнародованныхъ пѣсенъ. Такъ № 217 не представляетъ ничего цѣннаго сравнительно, напр. съ № 169 на 80 страницѣ Чубинскаго (т. V). Для наглядности приведемъ оба варіанта.

Вар. Чубинскаго.	*Вар. Эварницкаго.*
Ой вѣють вітри та все буйніі,	
Ой идуть дощі та все дрібніі.	
Ой идуть дощі та все дрібніі,	
Ой течуть річки та все быстріі.	
Ой течуть вони ажъ на этотъ двіръ,	
Ажъ на этотъ двіръ на купеческій.	Ой на гори горнычка нова,
А въ тимъ дворі жие вдова,	А въ тій горнычці жыла юдова,
А въ той вдови дочерь хороша,	А въ тій вдовы та дочка хороша,
Дочерь хороша — Варвара душа.	
Ой виходила за нові ворота,	Выходила за новіи ворота,
Ой виводила вороного коня,	Выводила вороного коня,
Ой напувала зъ синёго моря;	Напувала зъ сынего моря.
Ой напувала да й промовляла:	

Библиотека "Руниверс"

— Коню мій, коню, чомъ воды не пьешъ,	А кинь воды тіеи не пье,
А копитами сиру землю бъешъ?	Сырую землю копытами бье.
Ой не по правді, мій милий, живешъ.	Десь мій мылый не по правди живе,
Охъ прийде вечеръ, до иншоі йдешъ,	
Ой зъ иншою медъ-горілку пъешъ,	Десь зъ иншою медъ-горилку пье,
Ой а до мене голосъ подаешъ:	А до мене голосочокъ подае:
Ой обсади, мила, вишеньками двіръ,	Обсады, мыла, вышенькамы двиръ,
	Щобъ не заходывъ голосочокъ мій.
Ой обсажу, милий, половину двора.	Обсады, мылый, половину двора,
Ой що ти не мій, а я не твоя.	Щобъ ты жъ не мій, а я не твоя.
Брешешъ, дівчино, неправда твоя:	Брешышъ, мыла, неправда твоя:
Ой бо межи нами присяга була.	
Бо ми присягали небомъ і землею,	
Небомъ, землею, тіломъ і душею.	
Ніхто не розлучить, ні світъ, ні зора,	Насъ не разлуче не свитъ, не зоря,
Хиба насъ розлучить сирая земля.	Тилькы жъ розлуче сырая земля,
Заступъ, лопата, земляна хата.	Сырая земля та дубова труна.

Такъ же № 249 изъ сборника Д. И. Эварницкаго не даетъ ничего интереснаго въ литературномъ отношеніи сравнительно съ № 258 А (стр. 120) у Чубинскаго.

Вар. Чубинскаго.	*Вар. Эварницкаго.*
И відтіль гора,	И сюды гора,
И відсіль гора;	И туды гора,
Поміжъ тими крутими горами	Помижъ тымы крутими горамы
Сходила ясная зоря.	Схопылась зоря.
Ой то-жъ не зоря.	Ой то жъ не зоря,
Ой то-жъ не ясна,	
То-жъ моя молода дівчина	Дивка молода
	Юхватила нови ведеречка,
По водицю йшла.	По воду пишла,
А я за нею, якъ за зорею	Козакъ за нею, якъ за зорею

Библиотека "Руниверс"

Чистимъ полемъ, сивимъ конемъ
По-надъ Дунаемъ.

Дівчина жъ моя,
Напій мого коня
Зъ рубленоі та криниченьки,
Зъ повного відра.
Козаченьку жъ мій,
Якъ би я твоя,
Взяла бъ коня за повода
Та й напоіла.

Дівчино жъ моя,
Сідай на коня
Поідемо чистимъ полемъ
До мого двора
А въ мого двора —
Нема ні кола,
Тілько стоіть кущъ калини
Та й та не цвіла.
Калино жъ моя,
Чомъ ти не цвіла?
Холодная та зіма була —
Цвітъ повъялила.
Дівчино жъ моя,
Чомъ заміжъ не йшла?
— Всю Украіноньку сходила —
Пари не найшла.
Козаченьку жъ мій,
Чомъ не женився?
Й у Кримъ ходивъ, забарився —
Тимъ не женився.

Сывымъ конемъ та все чистымъ полемъ,
По надъ сынимъ моремъ, по-підъ Дунаемъ.

Дивчино моя,
Напій ты коня
Зъ рубленои новои крыныченькы
Зъ повного видра.
Козаченьку мій,
Якъ бы жъ я твоя,

Напоила бъ коня вороного
Съ повного видра.
Дивчыно моя,
Сидай на коня,
Та пойдемъ ю чистое поле,
Де мои дома.
Тамъ стоять дома —
Нычого нема,
Тилькы стоить кущъ калыны,
Та й та не цвіла.
Козаченьку мій,
Чого не цвіла?
Булы зимы, лютіи морозы,
Прыморозылы.

Да не сочтетъ никто, ни самъ уважаемый историкь, составитель сборника, всѣ эти указанія за упрекъ ему въ недостаточной обработкѣ сборника. Авторъ очень далекъ отъ всякихъ упрековъ, но будучи заинтересованнымъ въ лучшемъ состояніи украинской этнографіи, предпочитаетъ указать даже на мелочи, чѣмъ оставить что-либо не договореннымъ. Впрочемъ, пусть лучше этнографическій сборникъ будетъ обладать лишними пѣснями въ сравненіи съ имѣющимся въ печати

Библиотека "Руниверс"

матеріаломъ, чѣмъ при извѣстной осторожности въ выборѣ собранныхъ пѣсенъ составитель лишитъ читателя чего-либо цѣннаго и интереснаго.

А такого цѣннаго и интереснаго очень много въ сборникѣ Д. И. Эварницкаго. Вотъ, напримѣръ, прекрасный варіантъ пѣсни (№ 199), параллели между селезнемъ и молодцемъ, тоскующими по своимъ потерянным подругамъ:

Селезень, селезень, чому смутный, невеселъ?
Ой смутный, невеселъ та й нерадисный?
Ой якъ же мени та веселому буть:
Ой учора зъ вечира моя утинка була,
А теперъ же вона та застреленая.
Ой що не жаль мени, якъ бы було на води,
А то жъ було на гори, на шовковій трави.
Ой на шовковій на трави усе пирьячко іи.
Ты лучыно, лучыно, чомъ не ясно горышъ?
Молодець, молодець, чого смутно сыдышъ?
Ой смутный, невеселъ та й нерадисный?
Ой якъ же мени та веселому жъ буть?
Ой та вчора зъ вечира та дивчына була,
А теперъ же вона та засватаная.
Та не жаль же бы жъ мени, ой якъ бы въ сторони,
А то третій же двиръ та товарышъ мій.
Вона по воду йде и добры-день дае,
Ой за водою жъ йде и жалю завдае,
А трискы та збира и мене все займа:
Та здоровъ, друже мій, — не выдалыся!
Ой що любылыся мы, женыхалыся,
Ой женыхалысь, друже, не сміялыся,
А на викы зъ тобой не побралыся.

Строгая выдержанность поэтической параллели, художественный переходъ отъ одной картины къ другой въ стихѣ: „Ты лучыно, лучыно, чомъ неясно горышъ?“ и чистотота стиха въ пѣснѣ дѣлаютъ приведенный варіантъ очень цѣннымъ. Цѣнность его увеличивается еще потому, что въ „Трудахъ“ Чубинскаго, этой библіи украинскихъ этнографовъ, помѣщенъ очень плохой варіантъ данной пѣсни (т. V. стр. 242, № 482). Параллель въ немъ не выдержана, и какъ первая, такъ и вторая картина начинаются стихами:

Ой летівъ селезень смутенъ — невеселъ,
Смутенъ — невеселъ ше й нерадостенъ, —

Библиотека "Руниверс"

что нарушаетъ художественное впѣчатлѣніе. Поэтому авторъ рецензіи въ одной изъ своихъ работъ по украинскому фольклору, нуждаясь въ данной пѣснѣ, долженъ былъ прибѣгнуть къ такому сомнительному источнику, какъ лубочный пѣсенникъ, въ которомъ нашелся болѣе выдержанный варіантъ.

Для полноты примѣровъ укажемъ на цѣнный варіантъ еще одной пѣсни изъ сборника Д. И. Эварницкаго, остановившій на себѣ наше вниманіе. Этотъ варіантъ (№ 139) представляетъ послѣдній этапъ въ развитіи пѣсни, очень старой, восходящей къ козацкой старинѣ. Вотъ древнѣйшій ея варіантъ (Чуб. V, 272 стр. № 534 А):

Налетіли сіри гуси въ поле ночувати,
Наіхали козаченьки въ село зімувати;
Налетіли сіри гуси та й не ночували,
Наіхали козаченьки та й не зімували.
„Чомъ ти мене, моя мати, тоді не збудила,
А якъ тиі козаченьки зъ села виходили?“
Тимъ я тебе, дочко моя, тоді не збудила,
Що твій милий попереду, щобъ ти не тужила.

Но прошли вольныя времена козачества. Козаки волей-неволей засѣли по своимъ селамъ, и только чумаки съ возами ходили по Украйнѣ. Не одна дивчына провожала молодого чумака въ далекую путь-дорогу, и старая пѣсня откликнулась на эту новую обстановку:

„Ой чому ти моя мати,
Рано не збудила,
Ой якъ тая чумачина
Зъ села виіздила?“
— Тимъ я тебе, моя дочко,
Рано не збудила —
Попереду твій миленький,
Щобъ ти не тужила (Чуб. V. 1029 стр. № 148).

Прошло еще время, и исчезло чумачество.

Увидала Украина новыя картины жизни, по поводу которыхъ Некрасовъ сказалъ:

Это горе идетъ — подвигается
Къ тихимъ селамъ, къ глухимъ деревнямъ. („Балетъ“.)

Библиотека "Руниверс"

Запѣла украинка свою старую любимую пѣсню, но сама жизнь подновила ее:

Якъ заграе хвыля на сынему мори,
На все війско чуты,
Запысалы парня молодого
Въ салдаты - некруты.
Чомъ ты, моя мате,
Мене рано не збудыла,
Якъ то посыльная набирка
Зъ села выходыла?
Тымъ я тебе, моя доню,
Рано не збудыла,
Що твій мылый попереду йихавъ,
Щобъ ты не тужыла. (№ 139 сборника.)

Такъ живетъ пѣсня въ устахъ народа!

Послѣ этихъ общихъ замѣчаній относительно сборника Д. И. Эварницкаго обратился къ разсмотрѣнію его содержанія.

Пѣсни собирались Д. И. Эварницкимъ, какъ онъ самъ говоритъ въ предисловіи — „въ теченіе 26 лѣтъ, съ 1878 по 1904 годъ, по преимуществу въ харьковской и екатеринославской губерніяхъ, а также въ полтавской, херсонской и таврической, отчасти въ кіевской и черниговской. Всѣ онѣ записаны изъ устъ простого малорусскаго народа и при томъ большею частью не только со словъ, а съ голоса“.

Начинается сборникъ пѣснями обрядовыми и періодическими. Въ самомъ началѣ помѣщено 16 №№ *колядокъ*. Далѣе идутъ *щедривкы* въ количествѣ 19 №№. Среди нихъ какъ щедривка, помѣщенъ извѣстный духовный стихъ: „Ой хто, хто Мыколая любыть“, записанный въ с. Солнцевкѣ Харьк. у. (см. вар. у Чуб. I т. № 170 Д.) Затѣмъ слѣдуютъ двѣ *вирши на Рождество Христа*.

Послѣ этого идутъ пѣсни періодическія, прежде всего — *веснянки*. Къ нимъ собиратель дѣлаетъ слѣдующее примѣчаніе: „Ци писни спивають зъ того дня, як почне куваты зозуля и ажъ до самого Петра, се бъ то 29 іюня“. Въ виду того, что веснянки были записаны Д. И. Эварницкимъ въ трехъ мѣстахъ: Нижней-Писаревкѣ Волч. у. Харк. губ., с. Красногоркѣ Константиноград. у. Полт. г. и с. Солнцевкѣ Харьк. у., и такимъ образомъ примѣчаніе его принимаетъ общій характеръ, мы напомнимъ, что во многихъ мѣстахъ Украйны съ начала Петровскаго поста поются не веснянки, а петривкы. За веснянками слѣдуетъ пять пѣсенъ, записанныхъ составителемъ въ упомянутой выше Нижней-Пи-

Библиотека "Руниверс"

саревкѣ и обозначенныхъ имъ, какъ *писни постови*. — „Спиваютця — говоритъ объ этихъ пѣсняхъ Д. И. Эварницкій — у пистъ, для чого дивчата збыраютця посередъ вулыци и роблять „танокъ“. Въ данномъ случаѣ вполнѣ ясно, что примѣчаніе носитъ частный характеръ. Но желательно было бы знать опредѣленно, къ какому посту или постамъ пріурочивается пѣніе приводимыхъ составителемъ пѣсенъ. Во время Великаго поста нигдѣ на Украйнѣ, насколько намъ извѣстно, всенародно пѣсенъ не поютъ; стало быть, *писни постови* поются въ Нижней-Писаревкѣ въ какой-либо изъ лѣтнихъ постовъ, такъ какъ невѣроятно также, чтобы къ тому служилъ Рождественскій постъ.

За *писнямы постовымы* помѣщено четыре *псальмы*. Съ № 63 по № 71 слѣдуютъ пѣсни, означенныя составителемъ, какъ *писни-гулянкы*. Точно, что всѣ эти пѣсни имѣютъ своимъ предметомъ гулянье на улицѣ, но является вопросъ, поскольку можетъ быть обобщено подобное названіе? Пѣсни, названныя авторомъ *гулянками*, записаны имъ въ трехъ губерніяхъ: харьковской, полтавской и черниговской, но мы, напримѣръ, въ послѣдней никогда такого названія не слыхали. При этомъ наше вниманіе останавливается на пѣсняхъ *гулянкахъ* еще потому, что составитель въ предисловіи къ сборнику называетъ ихъ наравнѣ съ веснянками пѣснями *періодическими* (стр. 8.) Такимъ образомъ мы можемъ поставить два вопроса: въ какой мѣстности собиратель слыхалъ названіе *писни-гулянкы*, и къ какому періоду года относится пѣніе этихъ пѣсенъ?

Съ своей стороны замѣтимъ, что терминъ *писни-гулянкы* напоминаетъ намъ въ быту сосѣднихъ украинцамъ великороссовъ *гульбишныя* пѣсни, которыя могутъ быть отнесены къ пѣснямъ періодическимъ. Такъ въ дер. Саломыковой обоянск. у. курск. г. — „гульбишныя пѣсни поются во время послѣсвадебныхъ „гуляній“, — какъ говоритъ г-жа Е. И. Рѣзанова. — Эти „гулянья“ происходятъ обыкновенно: на масленицѣ, „на Троицу“, „на Духовъ день“, „на Михайловъ день“ — престольный праздникъ (8-го ноября)—смотря по тому, когда была свадьба: зимой, весной или лѣтомъ“: [1]) — Есть ли, дѣйствительно, какое-либо соотвѣтствіе между пѣснями *гулянкамы и гульбишнымы?*

Далѣе въ сборникѣ идутъ бытовыя пѣсни: *писни кохання* (№ № 72 — 285), *писни семейнаго жытя* (№ № 286 — 491), въ к нцѣ которыхъ помѣщена одна *колыскова* — колыбельная пѣсня (№ 492);

---

[1]) Курскій Сборникъ. Изд. курскаго губ. статистическаго Комитета. Выпускъ III. 1902. Часть вторая, стр. 7. (Этнографическіе матеріалы, собранные въ дер. Соломыковой Обоян. у. учительницей Е. И. Рѣзановой.)

Библиотека "Руниверс"

затѣмъ слѣдуютъ обрядовыя *весильни писни* (№ № 493 — 676), при чемъ цѣнность ихъ усугубляется въ томъ отношеніи, что всѣ онѣ записаны въ одномъ мѣстѣ — сл. Нижней-Писаревкѣ. За свадебными пѣснями помѣщены пѣсни *экономическія и сословныя* (№ № 677 — 708). Далѣе идетъ богатый отдѣлъ *историческихъ* пѣсенъ (№ № 709 — 777), затѣмъ слѣдуютъ пѣсни *рекрутскія* (№ № 780 — 792) *солдатскія* (№№ 793 — 805) и, наконецъ, *жартовлыви писни* (№ № 806 — 823) и *сатирическія* (№ № 824 — 830).

Среди пѣсенъ, помѣщенныхъ въ сборникѣ, довольно много пѣсенъ городского великорусскаго происхожденія. Но вотъ примѣръ пѣсни украинской, принимающей характеръ великорусской залихватской пѣсни подъ гармонику (№ 140):

И гулятъ мени не велять мени,
Гоцъ барыня моя! гоцъ сударыня моя!
Уже жъ мени не ходыты пишкы по горишкы.
Гоцъ барыня моя! гоцъ сударыня моя!
Уже жъ мени мынаютця дивоцькіи смишкы,
Гоцъ барыня моя! гоцъ сударыня моя!.. и т. д.

Имѣются въ сборникѣ также пѣсни не народныя. Такихъ пѣсенъ мы можемъ отмѣтить три. Это, прежде всего, композиція изъ нѣсколькихъ стиховъ поэмы Шевченка „Черныця Марьяна“, весьма распространенная по Украинѣ. Д. И. Эварницкимъ она записана въ с. Красногоркѣ Полт. г. (№ 83). Начинается эта пѣсня слѣдующими стихами:

Летыть галка черезъ балку
Та летяче кряче,
Молодая дивчынонька .
Ходе гаемъ, плаче:
Не пускас іи маты
Въ раньци до крыныци,
Не пускае жыто жаты
Ще й на вечерныци.
Тилькы дивка у-вечери,
Якъ маты заснула,
Выйшла слухать соловейка,
Мовъ зроду не чула... и т. д.

Къ не народнымъ пѣснямъ мы относимъ № 197. Приведемъ часть этой пѣсни:

Библиотека "Руниверс"

Ой ты, садъ, ты мій садъ,
Садъ зелененькый,
На тоби жъ та, мій садъ,
Лыстъ червоненькый.
Чомъ не рано цвитешъ,
Осыпаешся,
Ой куды жъ ты, мій другъ,
Та збыраешся?
Ой чы въ ходъ, чы въ походъ,
Чы въ дориженьку?
Заночуй же, мій другъ,
Хочъ сю ниченьку.
Ночувавъ я зъ тобой
Цилу зимоньку,
А тепера боюсь
Поговироньку...

Признать данную пѣсню за не народную побуждаетъ насъ необычный для украинской народной поэзіи размѣръ ея и его совершенная отдѣлка, особенно въ началѣ пѣсни. Въ пѣснѣ видно искусственное творчество, пренебрегающее для чистоты стиха даже стихійными формами украинскаго языка, какъ напр. видимъ въ двухъ стихахъ, гдѣ вмѣсто обычнаго украинскаго звательнаго падежа — *друже* стоитъ требуемая размѣромъ русская форма — *другъ*, чего въ настоящей народной пѣснѣ быть не могло бы. Возможно, что наши доводы не совсѣмъ убѣдительны, но когда имѣешь дѣло съ народными пѣснями въ теченіе долгаго времени,—всякій стихъ въ пѣснѣ, превышающій извѣстную степень искусственности, свойственную народной поэзіи, бросается рѣзко въ глаза и заставляетъ подозрѣвать себя въ ненародности. Такъ напр. мы не можемъ согласиться съ тѣмъ, чтобы слѣдующая тирада была народна:

Ой коли жъ тебе, серденько, ждати? —

спрашиваетъ козака дивчына. Казакъ отвѣчаетъ:

Якъ стане на степу вітеръ повівати,
Очеретъ та тирсу по степу розсипати,
Тоді мене, моя мила, ждати-піджидати.
Якъ стане по Дніпру хмара похожати,
Старий Дніпръ дощемъ полоскати,
Тоді мене, моя мати, ждати-піджидати!
Якъ стане по небу грімъ грімотати,

Библиотека "Руниверс"

Та стане блискавками небо засипати,
Тоді мене, моя мила, ждати-піджидати!
Та принесе мене не мій конь вороний,
Та принесе моі кості вітеръ буйний!
Тоді питай вітра буйного: а де подівався молодий казакъ?
(Чубинскій: Труды, V т. 880 стр. № 442.)

Въ этихъ стихахъ много силы, красоты и картинности, но надъ ними витаютъ тѣни Джемса Макферсона и творца „Краледворской рукописи" Вячеслава Ганки. Можетъ быть, мы заслуживаемъ упрека въ голословности нашихъ сужденій, но все же народность въ искусствѣ болѣе чувствуется, чѣмъ опредѣляется разумомъ.

Наконецъ, третья пѣсня, которую мы признаемъ не обще-народною, помѣщена подъ № 219. Мы считаемъ ее не обще-народною потому, что не можетъ быть случайнымъ полная близость содержанія данной пѣсни съ содержаніемъ стихотворенія А. С. Пушкина „Узникъ." Какъ ни извѣстно послѣднее стихотвореніе, но для большей убѣдительности нашего сближенія его съ пѣснею подъ № 219 процитируемъ здѣсь названное стихотвореніе.

Сижу за рѣшеткой въ темницѣ сырой.
Вскормленный на волѣ *орелъ молодой*.
Мой грустный *товарищъ*, *махая крыломъ*,
Кровавую пищу клюетъ подъ окномъ.
Клюетъ и бросаетъ, и смотритъ въ окно,
Какъ-будто со мною задумалъ одно;
Зоветъ меня взглядомъ и крикомъ своимъ,
И вымолвить хочетъ: „Давай улетимъ!
Мы вольныя птицы; *пора, братъ пора!*
Туда, гдѣ за тучей *бѣлѣетъ* гора,
Туда, гдѣ *синѣютъ морскіе края*,
Туда, гдѣ гуляемъ... лишь вѣтеръ, да я!::

А вотъ и самая пѣсня — подраженіе.

Ой марно жъ я, марно
Та въ тюрьми сыджу,
Ой марно жъ я, марно
Въ виконце гляджу.
Туды прылитае
Орелъ молодый

Библиотека "Руниверс"

Винъ *крыламы машыть*,
Говоре зо мной:
Товаришъ, товаришъ,
Пора намъ туды,
Де снигы *биліють*,
Синіють моря,
Де сонце не сходе,
Мисяць не бува.
Сестрыци — подружкы,
Якый теперъ свитъ?
Якъ хто кого любе,
Тамъ правды не ждить:
Воны въ глаза люблять,
За очи корять,
Воны зъ насъ сміются,
Любыть не хотять.

Вторая половина пѣсни, очевидно, самостоятельна и механически присоединена къ первой, подражательный характеръ которой подтверждается еще тѣмъ, что она обладаетъ тѣмъ же размѣромъ, распространеннымъ также на вторую половину пѣсни, какимъ написанъ „Узникъ“ Пушкина, т. е., четырехъ-стопнымъ амфибрахіемъ съ однимъ усѣченнымъ слогомъ. Въ пѣснѣ этотъ размѣръ кое-гдѣ, не выдержанъ:

Ой марно жъ | я марно | въ виконце | гляджу.
Туды при | литае | орелъ мо | лодый (ой),
Винъ крыла | мы машыть | говоре зо мной:
Товарышъ | товарышъ | пора намъ | туды...

Этимъ мы закончимъ разсмотрѣніе сборника пѣсенъ Д. И. Эварницкаго. Съ нимъ украинская этнографія пріобрѣтаетъ изданіе, изъ котораго можно будетъ почерпать цѣнный и необходимый для изучающихъ народную словесность матеріалъ. Сборникъ Д. И. Эварницкаго по достоинству можно поставить рядомъ съ III т. „Этнографическихъ матеріаловъ“ Б. Д. Гринченка.

Однако только этимъ мы не можемъ закончить нашу статью по поводу сборника Д. И. Эварницкаго. Мы считаемъ необходимымъ сообщить относительно даннаго сборника одно обстоятельство, которое очень удивитъ читателя.

Сборникъ народныхъ пѣсенъ Д. И. Эварницкаго не разрѣшенъ цензурою!..

Библиотека "Руниверс"

Мы недоумѣваемъ, дѣйствительно ли мы живемъ въ 1906 году и наяву читали Манифестъ 17 октября, или какой-то злой волшебникъ маніемъ своего магическаго жезла перенесъ насъ въ 1853 годъ, за полстолѣтія тому назадъ, когда министръ Норовъ писалъ: „Собраніе и обнародованіе... живыхъ памятниковъ старины и преданій — весьма полезно и достойно всякаго поощренія, такъ какъ, кромѣ занимательности своей, они иногда объясняютъ обычаи, нравы и нерѣдко самыя историческія событія, но при всемъ томъ едва ли слѣдуетъ допускать печатаніе безъ разбора... всего, что сохранилось въ изустномъ преданіи, въ особенности же, если имъ нарушаются добрые нравы, и можетъ быть данъ поводъ къ легкомысленному и превратному сужденію о предметахъ священныхъ". [1]) Въ слѣдующемъ же 1854 году тайный комитетъ 2 апрѣля 1848 года, терроризовавшій литературу и убивавшій русскую мысль, нашелъ, что народныя пѣсни, помѣщенныя въ „Саратовскихъ губернскихъ Вѣдомостяхъ", колеблютъ нравственность. Вслѣдствіе этого было повелѣно: сдѣлать выговоръ губернатору, заключить на мѣсяцъ подъ арестъ цензировавшаго газету директора гимназіи и спросить министра: „благонадеженъ ли онъ дальше продолжать службу?" [2]) Положимъ, составителя сборника не постигла какая-либо кара за то, что народъ поетъ неугодныя цензору пѣсни, но все-таки далеко ли мы ушли отъ 1853 года? — 53 года Россія, какъ будто, прожила даромъ!..

Что же опаснаго нашелъ цензоръ въ сборникѣ Д. И. Эварницкаго? Мы, не желая слишкомъ удлинять нашу статью, не можемъ останавливаться на всѣхъ тѣхъ пѣсняхъ, которыя признаны, очевидно, угрожающими государственному порядку. Для примѣра укажемъ на нѣкоторыя изъ нихъ. Не разрѣшена цензоромъ историческая пѣсня (№ 709) объ обращеніи запорожцевъ къ Екатеринѣ съ просьбою вернуть имъ ихъ земли, на что Екатерина отвѣтила отказомъ:

Не на тее, мыле браття, я Сичъ руйнувала,
Ой щобъ я вамъ ваши земли и лугы вертала.

Но варіанты этой пѣсни печатались уже много разъ, какъ и многихъ другихъ пѣсенъ, изъ-за которыхъ задержанъ сборникъ Д. И. Эварницкаго,—конечно, мы увѣрены въ томъ, ненадолго.

---

[1]) Мих. Лемке. Очерки по исторіи рус. цензуры и журналистики XIX ст. 1904. Стр. 293.

[2]) Ibidem, стр. 298.

Библиотека "Руниверс"

Или напр. есть ли хоть капля политическаго яду въ такой „запрещенной“ пѣснѣ?

Ой Боже жъ нашъ мылостывый,
Що жъ мы наробылы,
Що степъ добрый, край веселый
Та й занапастылы?
Що маю жинку, та маю дитокъ,
А я жъ ихъ не бачу,
А прыйдетця до горенька,
Я гирко заплачу.
Що було пыты, та було йисты,
Хороше сходыты,
Що штани сыни, та жупанъ красный,
Черкеська шапка,
Ой смушевая, та хорошая,
Червоное денце,
А поясочокъ та на станачокъ,
Чоботы сапьянци. (№ 713).

Кромѣ пѣсенъ историческаго содержанія особенное цензурное подозрѣніе вызвали пѣсни рекрутскія, такъ какъ въ нихъ рекрутъ не рвется въ бой и не собирается пожирать глазами свое начальство, а напротивъ, въ пѣсняхъ слышатся грустныя ноты. Таковъ характеръ украинскихъ рекрутскихъ пѣсенъ вообще. Въ одной рекрутской пѣснѣ новобранцевъ просятъ вернуться домой, но они отвѣчаютъ:

Ради жъ ми ся вернути,
Насъ царъ не пускае.
Ой чому жъ вінъ не пускае?
Бо вінъ роскішъ мае,
Сидить собі на престолі,
На скрипочку грае.
А скрипочка оріхова,
А смичокъ изъ рути,
Якъ заграє „московщини“, –
На всю Польщу чути.
(Чуб. Труды, V, стр. 969).

Въ другой пѣснѣ рекрутъ говоритъ своей матери:

Библиотека "Руниверс"

Воливъ би я білъ камінь излупати,
Ніжъ я маю государське шмаття вбрати.
Ой я білъ камінь излупаю, стану відпочину,
Государське шмаття вберу — навіки загину.
Ой заплачешъ, якъ мене, молоденького, въ війску забачишъ,
Ой заплачешъ дрібними слезами,
Якъ я буду присягати передъ образами.

(Ibidem, стр. 973.)

А вотъ въ какомъ свѣтѣ рекруту рисуется его будущее возвращеніе на родину:

Я до тебе, матушка, семого году прибуду,
Я до тебе, матушка, салдатиківъ наведу.
Сяду піду, матушка, у зеленому саду,
Своіми сухотами весь садочокъ висушу,
Дрібними слізонъками всі ріки наповню.

(Ibidem, стр. 1009.)

Въ сборникѣ Д. И. Эварницкаго рекрутскія пѣсни носятъ гораздо болѣе умѣренный характеръ въ отношеніи указываемыхъ грустныхъ мотивовъ, при чемъ нѣкоторыя изъ нихъ печатались уже чуть ли не во всѣхъ сборникахъ и не въ нынѣшнія времена.

Приведу одну рекрутскую пѣсню, записанную Д. И. Эварницкимъ, по которой прошелся цензоръ своимъ кровавымъ перомъ.

Маты сына спровожала, все прыказувала:
Служы, служи, мій сыночку, служы Богу и цареви,
Служы Богу и цареви до пьятнадцяты годочокъ.
А въ пьятнадцятомъ году иды, сынку, до дому.
А пьятнадцять годъ пройшло, иде сынъ въ ридне село,
Не доходе до воритъ, пытаетця: де мій ридъ?
Въ тебе роду вже нема: отець-маты померла,
Отець-маты померла, а сестра замижъ пишла,
Остаетця одынъ братъ, та й той ище не жонатъ.

(№ 789.)

И только? — спроситъ читатель. — Да, и только!

Библиотека "Руниверс"

Мы не дѣлаемъ дальнѣйшихъ указаній. Достаточно того, что есть, и къ чему нельзя отнестись равнодушно. Долго ли въ Россіи будетъ повторяться классическій анекдотъ съ турецкимъ цензоромъ, пряняв-шимъ химическую формулу H_2O за пасквильное сокращеніе имени султана Абдула Гамида II-го и потому запретившимъ учебникъ химіи?..

Владиміръ Даниловъ.

Библиотека "Руниверс"

Документы, извѣстія и замѣтки.

Договоръ монастыря со снѣцаремъ (1720 г.). Верстахъ въ 6 отъ прославленнаго Гоголемъ мѣстечка Сорочинецъ, на обширномъ зеленомъ лугу, по которому причудливо вьется извилистый Псел, на правомъ берегу рѣки есть урочище, которое жители до сихъ поръ называютъ монастыремъ. Верстахъ въ 1½ отъ этого урочища, надъ крутой излучиной Псла, по возвышенному берегу расположено другое урочище, называемое „виноградомъ". По очень точнымъ разсказамъ жителей Малаго Перевоза (Хатки-тожъ), деревни, раскинувшейся на лѣвомъ берегу Псла,—на лугу стоялъ въ „старыя времена" Свято-Михайловскій монастырь, а на высокомъ берегу рѣки находилась монастырская часовенка, кругомъ которой раскинулись воздѣлываемые иноками виноградники. Мѣсто часовенки было еще недавно огорожено, но теперь отдано уже подъ усадьбу. На мѣстѣ самаго монастыря стоитъ крытая соломой хата казеннаго лѣсника. Кругомъ этого скромнаго жилья раскинулись глубокіе пески, въ которыхъ пастухи еще до сихъ поръ находятъ наконечники стрѣлъ, указывающіе на какую-то значительную битву, происходившую близъ монастыря,—вѣроятно при нападеніи татаръ.

Въ дер. Хаткахъ, у одного изъ мѣстныхъ жителей, по фамиліи Ростовскаго, я нашелъ относящійся до исчезнувшаго монастыря документъ, который и воспроизвожу здѣсь вовсей его простодушной цѣлости съ сохраненіемъ правописанія (я устранилъ только сокращенія съ титлами и изобразилъ кое-гдѣ славянскую буквенную цыфирь обыкновенною; мѣстами впрочемъ и въ документѣ стояли простыя цыфры). Вотъ самый текстъ:

Року Тысяча Сѣмъ Сотъ Двадцятого., Іануаріа Первого Дня. Іа Василь Снѣцаръ[1]) Сорочинскій поднялся и уговорился в Его Милости

[1]) „Снѣцаръ"—польское Snycerz—скульпторъ-рѣзчикъ.

Библиотека "Руниверс"

(слово не разобрано) отца Сарафіона Іерофеевича Ігумена Монастыра Сорочинскаго Свято Михайловскаго ложити мою Працю и Майстерство снѣцарское на верхнюю в Храмѣ Рождества Пресвятыя Богородици тояж Сорочинской обители именуючи отнамѣстной Праздники дванадцять. Архіерея з фрамугою рѣзаною, Апостоли з Пророками в штабахъ рѣзаніи и в каляхъ? во[пло?]щеніе. и Распятіе со Пречистой Дѣвою Маріею, Іоанномъ Богословомъ буду при помощи боговой, якъ сила и способу моего станет, неотпустне и неоспале прилѣгати свой дбалости и радѣніа споспѣшеніемъ чинити. Накоторій мой любовни уговоръ и умовленье Его милость Прев[елебній](конецъ слова отрѣзанъ) отецъ Ігуменъ обители Святой Сорочинской в дѣлѣ працѣ моей поспѣшеніемъ Божіимъ оную роботу снѣцарскую верхнюю обѣцуетъ дати.

Грошей осмъ десят золотихъ[1]); борошна житного три осмачки; гричаного едну осмачку сѣяного; пшеничнаго борошна повтори осмачки; пшона мѣшковъ два; гороху еденъ четверикъ; на сало грошми (взялъ сало хорошее) пять золотыхъ; соли камень единъ (отдали). На обрѣзки каруку (далъ) (два слова затерты).

Начомъ яко за власнимъ моимъ поднятьемъ натоѐ мое рукодѣліе снѣсарское доброво(лнимъ) соизволеніемъ стался общи уговоръ, втомъ дѣлѣ охочою щиростю по(дпи)суюся совершенно вохвалу и славу хвалимую(ого?) и препрославленнаго им(ени) божіа воизвѣстное заменіе сіе писаніе для достойнаго вѣроятіа подкр(ѣпляю) знаменіемъ: подаю Року мѣсяца и дня вижей писанного. —“

На поляхъ, обрѣзанныхъ вмѣстѣ съ концами словъ, а иногда и цѣлыми словами (что я отмѣчаю скобками),—сохранились отмѣтки о разновременныхъ уплатахъ, производимыхъ „спѣцарю“ и его сотрудникамъ со стороны монастыря. А именно:

„Дали перше золотихъ десять“. — „На вѣханіе (въѣханіе) 7 дне далъ умѣстѣ золотыхъ двадцять.“ — „Взялъ таляръ априля 6: 1721 року.“—(„ На с)ало(или за сало?) далъ сорокъ всѣхъ року 1721.“— Августа третиаго далъ Михайловѣ снѣцару золоти якъ ихавъ досаду.“— „Зробивши всю роботу далъ василеви снѣцару зол шестнадцятъ толко зосвсѣмъ ему и приходило“.

Имѣются также отмѣтки относительно расплаты продуктами на поляхъ и на оборотѣ страницы (вверху и внизу листа цѣлыя фразы съ такими отмѣтками отрѣзаны): „взялъ двѣ осмачки“ „далъ чет...“—„взял пол(четверика).“—„еще полчетверика.“—Въ графѣ „на сало грошми“ вставка: „взялъ сало хорошее“ (очевидно снѣцаръ согласился взять не

---

[1]) Рѣчь идетъ, конечно, о „золотыхъ польскихъ“ [15 коп.].

[2]) Праздникъ Входа Господа въ Іерусалимъ (Вербное воскресенье). Ред.

Библиотека "Руниверс"

деньгами, а натурой, въ виду соблазнительныхъ качествъ сала).—„Горѣлки дали барилце“ [эта фраза зачеркнута]—„Борошно снѣцаръ собираетъ, житное взялъ полосмачки предвознесеніемъ 7 дн: . . . . . еще житной четверикъ дали іюня 27; гречаное . . . . . еще взялъ четверикъ января 25. 1722 року.; пшеничное, взялъ еще четверикъ мая 2: еще взяли 23: четверикъ; іюля 3: взялъ борошна пшеничного два четверика догосподи“.

Такимъ образомъ работа продолжалась болѣе двухъ лѣтъ. Въ качествѣ участниковъ упоминаются два снѣцаря, Василій и Михайло, и одинъ маляръ. Повидимому на время работы снѣцаръ получилъ право ѣздить съ иноками по приходу и участвовать въ сборѣ, причемъ доброхотныя даянія, приходившіяся на его долю, иноки записывали въ счетъ уплаты. Нельзя не замѣтить, что языкъ этого небольшого документа, относящагося къ петровскому времени, болѣе близокъ къ простонародному украинскому языку, чѣмъ тогдашній книжный.

Когда уничтоженъ Свято-Михайловскій монастырь и почему уничтоженъ такъ радикально, что отъ него не осталось ничего, кромѣ воспоминаній да названія урочищъ,—сказать не могу. Жители разсказываютъ, что еще и теперь извилистый Пселъ по временамъ отваливаетъ глинистые пласты берега и обнажаетъ гробы на бывшемъ монастырскомъ кладбищѣ. Одинъ изъ такихъ случаевъ особенно ярко остался въ народной памяти, и мнѣ разсказывалъ о немъ сынъ очевидца (Александръ Матяшъ). Было это лѣтъ уже 35 назадъ. Отецъ разсказчика плылъ по рѣкѣ въ челнокѣ, и ему вдругъ сдѣлалось отчего-то страшно. Это его удивило, такъ какъ ранѣе ему случалось много разъ плавать мимо монастырища, и „ніякого остраху не було“. Вѣроятно это чувство было вызвано тѣмъ, что Пселъ въ этотъ день оторвалъ значительную часть берега, отчего видъ самыхъ береговъ измѣнился. Повернувъ за мысокъ,—пловецъ вдругъ увидѣлъ па половину вымытый въ яру гробъ, наклонившійся къ песчаной отмели. „Причілокъ“ гроба былъ оторванъ, и въ гробу лежало „якесь усе въ золоти та у медаляхъ“. Матяшъ сильно испугался и ударилъ въ весла, но въ это время замѣтилъ на пескѣ блестящій предметъ. Несмотря на испугъ, онъ причалилъ къ берегу и поднялъ серебряную доску, вершковъ въ 5 длиной, вершка 4 въ ширину. На доскѣ была надпись, относившаяся очевидно къ знатному мертвецу. Содержаніе надписи разсказчикъ зналъ лишь смутно. По его словамъ, въ ней говорились, что здѣсь погребенъ такой-то. перечислялись его чины и ордена, сообщалось, что тѣло перевезено сюда изъ столицы, причемъ говорилось даже о томъ „скилько коней везло його зъ Петербургу“. Фамилію разсказчикъ опредѣленно назвать не могъ, но ему кажется, что это былъ Капнистъ. Это тѣмъ вѣроятнѣе,

Библиотека "Руниверс"

что въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Сорочинецъ есть родовое имѣніе Капнистовъ. Дальнѣйшая исторія серебряной доски, найденной Матяшомъ, довольно характерна. Онъ отнесъ находку въ Сорочинцы и показалъ одному изъ тамошнихъ священниковъ (напоминаю, что это было болѣе 30 лѣтъ назадъ). Священникъ взялъ ее къ себѣ, обѣщая отослать въ какое-то учрежденіе, откуда нашедшему выдадутъ награду. Однако прошло много времени, никакой награды не выходило, и наконецъ священникъ заявилъ, что доску онъ потерялъ. Объясненіе, конечно, маловѣроятное. Отослалъ ли почтенный іерей доску, только отъ своего имени, въ какое нибудь учрежденіе, или въ простотѣ сердца перелилъ ее въ ложки для скромнаго домашняго употребленія, такъ, разумѣется, и осталось неизвѣстнымъ.

Сообщилъ **Вл. Короленко**.

Необходимое поясненіе. Въ „Отчетѣ о присужденіи преміи Н. И. Костомарова за лучшій малорусскій словарь", напечатанномъ въ V—VI кн. „Кіевской Старины" 1906 г., въ числѣ недостатковъ редактированнаго мною словаря самымъ существеннымъ признается неполнота его вообще и въ частности не полное знакомство съ произведеніями малорусской словесности до 1870 года, между тѣмъ какъ „въ программу, составленную редакціей „Кіевской Старины", включено требованіе использовать всю малорусскую литературу въ предѣлахъ до этого года." (стр. 229). Въ другихъ мѣстахъ „Отчета" говорится о „требованіи, обращенномъ къ редактору со стороны редакціи „Кіевской Старины"... „сдѣлать выборку изъ *всѣхъ* собраній украинскихъ этнографическихъ матеріаловъ" (стр. 205) и „изъ украинскихъ словарей" (стр. 213).

Категорическія утвержденія, заключающіяся въ процитированныхъ мною словахъ, явились вѣроятно слѣдствіемъ нѣкоторой неясности, допущенной въ изложеніи этого вопроса моимъ предисловіемъ къ словарю, такъ какъ такихъ требованій редакція „Кіевской Старины" совершенно мнѣ не ставила. Я получилъ отъ нея сведенный въ алфавитъ матеріалъ, давшій до 49000 словъ, и могъ ограничиться однимъ редактированіемъ того, что мнѣ было дано, не смотря на то, что матеріалъ этотъ далеко не охватывалъ ни всей украинской литературы до 1870 года, ни всей этнографической литературы и оставлялъ въ сторонѣ словари, появившіеся послѣ 1870 г. Какъ то отмѣчено и академической рецензіей (см. стр. 193), я предложилъ дополнить этотъ матеріалъ новыми словами, и данная мнѣ, вслѣдствіе этого, редакціей „Кіевской Старины" программа только и заключала, какъ conditio sine qua non, одинъ пунктъ о томъ, чтобы источниками для словаря слу-

Библиотека "Руниверс"

жили исключительно книги, изданныя до 1870 г. Затѣмъ уже, впослѣдствіи, по моимъ предложеніямъ, программа эта была расширена до тѣхъ предѣловъ, какіе указаны въ моемъ предисловіи къ словарю (см. стр. 194-ю „Отчета“ въ „Кіев. Старинѣ“ [1]). Но программа эта имѣла характеръ чисто ограничительный: она указывала мнѣ предѣлы, за которые я не имѣлъ права выходить, но совсѣмъ не требовала, чтобы я использовалъ этотъ матеріалъ въ указанныхъ границахъ весь.

Такого требованія невозможно было прядъявить мнѣ уже по одному тому обстоятельству, что при данныхъ условіяхъ мнѣ невозможно было его выполнить. Какъ отмѣчено и академической рецензіей, я имѣлъ въ своемъ распоряженіи слишкомъ мало времени для того, чтобы можно было охватить весь матеріалъ въ указанныхъ границахъ. Лично произвести выборку словъ изъ книгъ я не могъ, такъ какъ все мое время уходило на обработку матеріала, и это прекрасно понимала редакція „Кіевской Старины“ и въ силу уже одного этого не ставила и не могла мнѣ поставить требованія объ использованіи того или иного количества источниковъ. Для выписки новыхъ матеріаловъ необходимо было приглашеніе иныхъ лицъ, что, какъ связанное съ извѣстными затратами, зависѣло, конечно, не отъ редактора. Такъ какъ такія лица приглашены не были, то редактору просто предоставлено было право сдѣлать, не выходя изъ установленныхъ границъ, дополненія изъ тѣхъ матеріаловъ, которые уже имѣлись готовыми въ моментъ согласія на это редакціи „Кіевской Старины“. Эти матеріалы были таковы: а) слова, мною выписанныя на карточки или записанныя изъ устъ народа, б) записи отъ народа, присланныя къ этому времени нѣсколькими лицами. Послѣ того г-жею М. Н. Гринченко и отчасти иными лицами, по собственному ихъ желанію, сдѣлана была выборка на карточки еще новыхъ матеріаловъ изъ книгъ, указанныхъ мною. Правда, впослѣдствіи и самъ я нашелъ нѣкоторую возможность урвать часть своего времени на выборку матеріала изъ книгъ, но это не входило въ первоначальные разсчеты редакціи „Кіевской Старины“ и мои, и безъ помянутыхъ выше условій дополненіе словаря новыми словами не было-бы сдѣлано вовсе.

---

[1]) Невозможностью для меня выйти изъ этихъ предѣловъ объясняется то обстоятельство, что въ числѣ источниковъ словаря отсутствуютъ произведенія Драгоманова, Франка, Старицкаго, Пчілки, Кропивницкаго, Крымскаго и др., на что указываетъ „Отчетъ“. Произведенія Баштового (И. Левицкаго), Мирнаго, Млаки, Свидницкаго не составляютъ (какъ полагаетъ „Отчетъ“, стр. 213) исключенія изъ общаго правила, такъ какъ всѣ эти писатели начали свою дѣятельность до 1870 г. Указанные „Отчетомъ“ (стр. 207), какъ неиспользованные, I и III томы „Етнольогічних материялів“, въ дѣйствительности использованы, и слова и цитаты изъ нихъ обозначены въ словарѣ сокращеніемъ: *МУЕ*.

Библиотека "Руниверс"

Изъ переданныхъ мнѣ редакціей „Кіевской Старины“ матеріаловъ видно было, что нѣкоторыя книги, изданныя до 1870 года, были или совсѣмъ не использованы, или использованы не вполнѣ. Въ виду краткости времени приходилось дѣлать выборъ: важнѣйшія изъ книгъ, не использованныхъ совсѣмъ или использованныхъ недостаточно, были прочитаны вновь; на остальное у редактора и его главнаго сотрудника по собиранію метеріаловъ уже не хватило времени...

То-же самое повторилось и съ этнографическими сборниками. „Отчетъ“ совершенно справедливо указываетъ на то, что въ спискѣ источниковъ отсутствуютъ сборники г.г. Булгаковскаго, Бобровскаго, Янчука, Бессарабы и др. Но редактору представлялась дилемма: что́ признать болѣе необходимымъ для полноты словаря: помянутыя работы, или-же „Малорусскіе народные преданія и разсказы“ Драгоманова, „Историческія пѣсни малорусскаго народа“ Антоновича и Драгоманова, „Записки Юго-западнаго Отдѣла Р. Географическаго Общества“, „Народные обряды и пѣсни Лубенск. у.“ Милорадовича, „Гуцульщину“ Шухевича, „Сказки“ Манжуры, „Етнографічний збірник“, „Материяли до укр.-р. етнольогії“ и пр.? Высокая цѣнность этихъ работъ, безъ пользованія которыми прямо таки немыслимъ сколько-нибудь порядочный украинскій словарь, безусловно ставила прочтеніе ихъ на первый планъ, отодвигая всѣ иныя на второй въ разсчетѣ на то время, которое, быть можетъ, останется въ запасѣ послѣ использованія главныхъ сборниковъ. А между тѣмъ времени и рабочихъ силъ было такъ мало, что осталось неиспользованнымъ многое даже изъ поставленнаго на первомъ планѣ,—напр., нѣкоторые томы „Етнографічного збірника“...[1])

Вотъ истинная причина того, что напр., сѣверно-малорусское нарѣчіе оказалось такъ слабо представленнымъ въ Словарѣ. „Мы имѣемъ основаніе утверждать“,—говорится въ рецензіи,—„что Б. Д. Гринченко, или предшествующіе редакторы словаря умышленно оставляли въ сторонѣ сѣверно малорусскій матеріалъ“. Но вслѣдъ за этимъ та-же рецензія указываетъ, „что самъ Б. Д. Гринченко въ своемъ библіографическомъ трудѣ: „Литература украинскаго фольклора“ (Черн., 1901) тщательно отмѣчаетъ всѣ работы, касающіяся сѣверно-малорусскихъ областей“. Это послѣднее обстоятельство ясно показываетъ, какъ смотритъ редакторъ Словаря на сѣверо-малорусское нарѣчіе; поэтому можно сказать, что если игнорированіе сѣверно-малорусскаго матеріала имѣло

---

[1]) Конечно, въ спискѣ источниковъ находится нѣсколько книгъ, пользованіе которыми можно было-бы отнести даже и на третій планъ; но выписки изъ нихъ уже имѣлись готовыми, оставалось только примѣнить ихъ къ дѣлу безъ затраты труда на добываніе ихъ.

Библиотека "Руниверс"

мѣсто, то ни въ какомъ случаѣ не могло это быть сдѣлано редакторомъ Словаря.

„Отчетъ“ приводитъ изъ моего предисловія ту программу пользованія раньше составленными словарями, которой я слѣдовалъ и гдѣ, между прочимъ, говорится: „Изъ словарей Желеховскаго и Шейковскаго, по причинамъ, которыя понятны послѣ сдѣланныхъ нами выше замѣчаній объ этихъ словаряхъ, мы брали только тѣ слова, въ существованіи и правильномъ объясненіи которыхъ были болѣе или менѣе увѣрены, а въ то-же время не находили ихъ въ карточкахъ“. Редакторъ не можетъ, конечно, не согласиться съ рецензіей въ томъ, что выставленный здѣсь критерій слишкомъ субъективенъ, чтобы быть вполнѣ научнымъ. Конечно, слѣдовало-бы поступить иначе. Принимая во вниманіе, что нѣкоторые составители словарей (Партицкій, Пискуновъ, Верхратскій, К. Левицкій) сами составляли слова для перевода тѣхъ или иныхъ словъ объясняемаго языка, и слова эти въ литературу не вошли, но за то ихъ включили въ свои словари авторы нѣкоторыхъ другихъ словарей (напр. Желеховскій); что нѣкоторые авторы (напр. авторъ „Ужинка“) также занимались составленіемъ подобныхъ словъ, никѣмъ изъ писателей не принятыхъ и даже ими самими впослѣдствіи оставленныхъ, и слова эти попадали въ нѣкоторые словари (Закревскій, Желиховскій); что составители словарей вносили въ нихъ иногда явные великоруссизмы или полонизмы, употребленные украинскими писателями по ошибкѣ или по недостаточному знанію языка, — принимая все это во вниманіе, составитель словаря долженъ былъ-бы поступить такимъ образомъ: обслѣдовать *каждое* слово *каждаго* словаря безъ исключенія, опредѣлить его источникъ и затѣмъ распорядиться словами въ зависимости отъ полученныхъ результатовъ. Слова явно чужія и не пріобрѣвшія правъ гражданства въ украинскомъ языкѣ лучше всего былобы оставить въ сторонѣ; слова народнаго или литературнаго украинскаго языка подлежали-бы внесенію въ словарь; что-же касается словъ выдуманныхъ и не пошедшихъ далѣе одного автора или какого либо словаря, то, если даже и прійти къ выводу о необходимости внесенія ихъ въ словарь, необходимо было каждое такое слово сопроводить соотвѣтствующимъ замѣчаніемъ о его происхожденіи, чтобы оно не могло быть принято за слово, явившееся результатомъ органическаго роста языка. Такой путь предстоялъ составителю словаря, и путь этотъ былъ-бы имъ пройденъ, если-бы составитель имѣлъ въ своемъ распоряженіи для работы не два съ половиною года, а хотя-бы пять лѣтъ. При отсутствіи же этого послѣдняго условія ему оставалось одно: принять ту программу, какую онъ принялъ,—тѣмъ болѣе, что даже для выполненія только ея у него не хватило въ концѣ концовъ времени...

Библиотека "Руниверс"

Таковы причины того, что обработанный мною словарь не заключаетъ въ себѣ многаго, на что совершено справедливо указываетъ рецензія высокоуважаемаго академика А. А. Шахматова. Вполнѣ соглашаясь съ нимъ въ этомъ отношеніи, редакторъ въ то-же время можетъ сказать со спокойной совѣстью, что онъ, въ предѣлахъ его силъ и знаній, сдѣлалъ все отъ него зависѣвшее для того, чтобы словарь былъ по возможности полнѣе и представлялъ какъ можно болѣе словъ, датированныхъ точной ссылкой на источникъ.

Еще два слова по поводу замѣчанія относительно „нѣкоторой неточности въ выпискахъ изъ авторовъ и этнографическихъ матеріаловъ“ (стр. 220). За исключеніемъ замѣны правописанія авторовъ правописаніемъ, принятымъ для словаря, редакторъ тамъ, гдѣ выписки изъ источниковъ производились имъ самимъ или подъ его наблюденіемъ, придерживался текста съ полной точностью; что-же касается матеріала, переданнаго ему редакціей „Кіевской Старины“, то тамъ дѣйствительно попадались выписки съ отступленіемъ отъ этого правила. Въ огромномъ большинствѣ случаевъ все это было редакторомъ исправлено путемъ сличенія выписокъ съ источниками; но, конечно, кое что и ускользнуло отъ его вниманія, благодаря крайней спѣшности работы. Предполагалось, что такія упущенія будутъ еще исправляться при печатаніи, во время корректированія Словаря.

Кіевъ, 1906. VII. 20. **Б. Гринченко**

Къ біографіи И. П. Котляревскаго. I. Въ 1839 г. въ Полтавѣ и другихъ городахъ въ губерніи, гдѣ были расположены воинскія части, была введена „постойная повинность“. Дома обывателей оцѣнивались и съ оцѣнки взимался 1%, что и вносилось въ „комитетъ о постойной повинности“. Суммы эти расходовались на нужды расположенныхъ войскъ: наемъ квартиръ, отопленіе и т. п. Окраины были освобождены отъ обложенія, но за то здѣсь эта повинность выполнялась натурою. Въ засѣданіи городской думы, 21 февраля 1839 г., былъ возбужденъ вопросъ объ оцѣнкѣ дома, принадлежавшаго И. П. Котляревскому. Выяснилось, что по духовному завѣщанію, этотъ домъ поэтомъ былъ назначенъ вдовѣ унтеръ-офицера Матренѣ Веклечевой. Оцѣненъ онъ былъ въ 6000 руб. Помимо дома, поэтъ имѣлъ большую леваду, на Подолѣ, оцѣненную также въ 6 тыс. и отписанную имъ супругѣ надворнаго совѣтника Стеблинъ-Каминской. Это была супруга Павла Стеблина-Каминскаго, друга поэта, въ семьѣ котораго онъ часто бывалъ. Павелъ Стеблинъ-Каминскій служилъ въ приказѣ общественнаго призрѣнія

Библиотека "Руниверс"

(1856 г.), былъ правой рукой князя Репнина и др. Замѣтка эта о поэтѣ интересна, она указываетъ на имущество, оставленное имъ. (Протоколы засѣд. гор. думы, 21 февраля 1839 г. л. 45—46).

II. Изъ біографій поэта извѣстно, что онъ имѣлъ крестьянъ, отпущеннымъ имъ, незадолго до смерти, на волю. Сохранился документъ, подтверждающій этотъ фактъ—журналъ засѣданія полтавской городской думы отъ 23 ноября 1840 года. Приводимъ его цѣликомъ: Сообщеніе полтавскаго городского магистрата, отъ 22 ноября за № 1677, коимъ вслѣдствіе указа полтавской казенной палаты отъ 30 октября за № 11080 въ оный магистратъ послѣдовавшаго, увѣдомляетъ, что отпущенный на волю изъ крестьянства помѣщика маіора Ивана Котляревскаго Акимъ Догадайло, въ одной мужско и одной женско пола душахъ, причисленъ въ полтавскіе мѣщане съ начала будущаго 1841 года со льготою отъ платежа податей равно личныхъ и денежныхъ городскихъ повинностей и службъ на два года". (Ж. Г. Думы 1840, 23 Ноября).

Сообщ. **И. Фр. Павловскій.**

Вызовъ полтавскихъ помѣщиковъ для управленія конфискованными имѣніями въ волынской губерніи. Министерство государственныхъ имущество предложило въ 1840 году полтавскому губернатору вызвать помѣщиковъ, какъ администраторовъ по имѣніямъ, конфискованнымъ въ волынской губерніи въ пользу казны. При этомъ требовалось „чтобы они были одного вѣроисповѣданія съ крестьянами, которые поручаются имъ въ администрацію и чтобы отъ оной устранены были лица, которыя могли бы притѣснять крестьянъ за принадлежность къ православной церкви или ослаблять союзъ съ нею тѣхъ, которые съ нею возсоединились.". Всѣхъ имѣній было 32. Вотъ списокъ ихъ по уѣздамъ, съ указаніемъ числа душъ и количества земли:

	Число имѣній.	Крест.	Вольн.	Дес. земли.
Въ кременецкомъ	3.	327.	2.	1919.
„ владимірск.-волынск.	3.	925.	2.	12219.
„ старо-константинов.	2.	302.	82.	1007.
„ ровенскомъ	4.	3365.	„	10648.
„ дубенскомъ	4.	1648.	266.	7406.
„ овручскомъ	3.	1053.	37.	20514.
„ житомірскомъ	1.	46.	„	218.

Библиотека "Руниверс"

	Число имѣній.	Крест.	Вольн.	Дес. земли.
Въ новгородъ-волынскомъ . . .	2.	461.	337.	3803.
„ заславскомъ	1.	50.	8.	478.
„ луцкомъ	8.	452.	223.	11315.
„ острожскомъ	1.	907.	„	1322.

На какихъ основаніяхъ былй приглашены администраторы, изъ дѣла не видно. Желающихъ въ полтавской губерніи не оказалось, какъ объ этомъ увѣдомили губернатора уѣздные предводители. (Двор. арх. 1840. № 70).

Сообщ. **И. Ф. Павловскій.**

Изъ прошлаго Полтавщины. I. *Донесеніе Петра Полторацкаго кн. Репнину о грабежѣ имѣній Муравьева-Апостола.* Въ Миргородскомъ уѣздѣ, съ конца XVIII ст. владѣли большими помѣстьями Муравьевы-Апостолы, потомки, по женской линіи, гетмана Даніила Апостола. Въ имѣніяхъ этихъ (Хомутецъ, Поповка и хуторъ Столбинъ) было болѣе 6 тыс. душъ. Въ 1817 году Муравьевъ-Апостолъ просилъ кн. Репнина о „скорѣйшемъ исполненіи указа и законнаго введенія его во владѣніе наслѣдства". Это былъ Иванъ Матвѣевичъ Муравьевъ-Апостолъ (1765 † 1851), очень образованный человѣкъ, хорошо знакомый съ древними и новыми языками. Онъ много писалъ противъ подражанія всему французскому, о чемъ написалъ въ „Сынъ Отечества" цѣлый рядъ писемъ, гдѣ разбиралъ увлеченіе того времени всѣмъ французскимъ. Переводилъ „Горація", „Облака" Аристофана, комедію „Ошибки" и т. д. Служилъ по министерству иностранныхъ дѣлъ (его біографія см. „Русская Старина" 1903 г.). До полученія этихъ имѣній, ими управлялъ Петръ Полторацкій, помѣщикъ лубенскаго уѣзда. Вотъ что онъ писалъ кн. Репнину о положеніи этихъ имѣній, рисующее порядки стараго времени." За присланные два письма черезъ Г. Новикова (это былъ правитель канцеляріи генералъ-губернатора) и, получивъ поставляю непремѣнною обязанностью принесть мою всенижайшую благодарность и вмѣсто оной о дѣлѣ, которое, думаю, вашему сіятельству, небезъизвѣстно, какой оборотъ взяло. Иванъ Матвѣевичъ Муравьевъ-Апостолъ извѣщаетъ меня о успѣхѣ своего процесса и какъ прежде сего все имѣніе препоручено было мнѣ принять въ свое вѣдѣніе, такъ и нынче просить не упустить изъ виду то, что можетъ послужить къ его пользѣ или къ отвращенію разныхъ грабежей, производимыхъ въ имѣніи. Хотя коммисаръ (т. е. исправникъ) миргородскій и полу-

Библиотека "Руниверс"

чилъ отъ вашего сіятельства предложеніе имѣть надзоръ подъ рукой, но ни малѣйски сіе не послужило къ охраненію, ибо денно и нощно вывозятся вещи: хлѣбъ и все, что только возможно вывесть и вынесть. Самъ я лично повстрѣчалъ значительный обозъ съ хлѣбомъ, который везенъ былъ въ имѣніе Г. Галецкаго въ хорольскóмъ повѣтѣ состоящее, по самой распутицѣ, тому назадъ двѣ недѣли. Перевозчиками сими изнурили крестьянъ до крайности; время посѣва хлѣба черезъ сіи грабежи пропустили, и Муравьевъ-Апостолъ и невинные его крестьяне останутся безъ хлѣба; не обинуясь донесу вашему сіятельству, что съ полученія извѣстія о оборотѣ дѣла не стало въ имѣніи ни единой лошади и никакой скотины—все согнано въ имѣніе Г. Галецкаго и Ломиковского. Простите, сіятельный князь, если обременяю васъ чтеніемъ сихъ подробностей; предполагая, что въ моей есть обязанности довесть до свѣдѣнія вашего сіятельства дѣйствія коммисара, вопреки имъ полученнаго предписанія. Съ искреннимъ высокопочитаніемъ и непоколебимою преданностью и проч. Петръ Полторацкій. (Арх. П. Губ. Правленія по описи № 73, л. 346—347).

Прим. Петръ Марковичъ Полторацкій былъ первый, со времени учрежденія полтавской губерніи, предводитель дворянства лубенскаго уѣзда (съ іюля 1802—янв. 1809). Началъ службу въ л.-г. Семеновскомъ полку въ 1775 г. но въ 1797 г. оставилъ службу съ чиномъ подпоручика.

II. *Жалоба титул. совѣтника Бровка объ отказѣ наградить его орденомъ Владиміра 4 ст.* Въ 1828 году на хуторѣ Помазанъ, въ миргородскомъ уѣздѣ случился пожаръ. Титулярный совѣтникъ Бровко принималъ участіе въ тушеніи этого пожара, причемъ спасъ 12 человѣкъ и въ награду за это просилъ кн. Репнина представить его къ Владимірскому кресту. Кн. Репнинъ этого не сдѣлалъ, такъ какъ не находилъ, чтобы Бровко, съ опасностью для своей жизни, спасалъ этихъ 12 человѣкъ. Бровко, недовольный отказомъ, жаловался на князя Репнина и въ 1837 г. былъ запросъ по этому дѣлу къ генералъ-губернатору графу Строганову о подвигѣ этого титулярнаго совѣтника. Гр. Строгановъ и представилъ мнѣніе кн. Репнина, что Бровко не жертвовалъ собой при спасеніи этихъ лицъ и такимъ образомъ, Бровку не удалось себя наградить. (Арх. П. Губ. Правл. 1837, по описи № 343, л. 3).

Сообщ. **И. Ф. Павловскій.**

Библиотека "Руниверс"

Отказъ губернатора принять въ подарокъ кубокъ отъ харьковскаго дворянства. Въ 1837 г., въ августѣ мѣсяцѣ Харьковъ посѣтила императрица Александра Федоровна. По этому случаю, дворянство устроило балъ, и „преисполненное будучи въ семъ случаѣ чувствами безпредѣльной преданности къ виновницѣ своего благополучія", постановило „упрочить навсегда память столь незабвеннаго для нихъ событія, обнеся каменною стѣною пристроенную лишь на сей случай деревянную залу, и для того собрана была мгновенно довольно значительная сумма". Собраніе въ этомъ же засѣданіи „заключило тутъ же на мѣстѣ протоколъ за подписью уѣздныхъ предводителей и дворянъ объ испрошеніи Высочайшаго соизволенія на поднесеніе харьковскому губернатору кн. Трубецкому серебряннаго кубка „съ вырѣзаньемъ на ономъ именъ всѣхъ особъ подписавшихся". Губернаторъ отказался и на имя губернскаго предводителя послалъ объ этомъ оффиціальную бумагу. Харьковскій (онъ же полтавскій и черниговскій) генералъ-губернаторъ счелъ долгомъ объ этомъ увѣдомить министра внутреннихъ дѣлъ гр. Блудова, одобрившаго отказъ губернатора. Въ то время существовалъ законъ (отъ 2 Августа 1831 г.), запрещавшій начальникамъ принимать подарки, и этотъ законъ соблюдался строго. Полтавское дворянство рѣшило чествовать и поднести серебряныя вазы предводителю дворянства Горленку и кобелякскому уѣздному судьѣ П. Потоцкому, но администрація воспрепятствовала этому, въ силу этого закона. (Арх. Губ. Правл. 1837. по описи № 388).

Сообщ. **И. Ф. Павловскій.**

Библиотека "Руниверс"